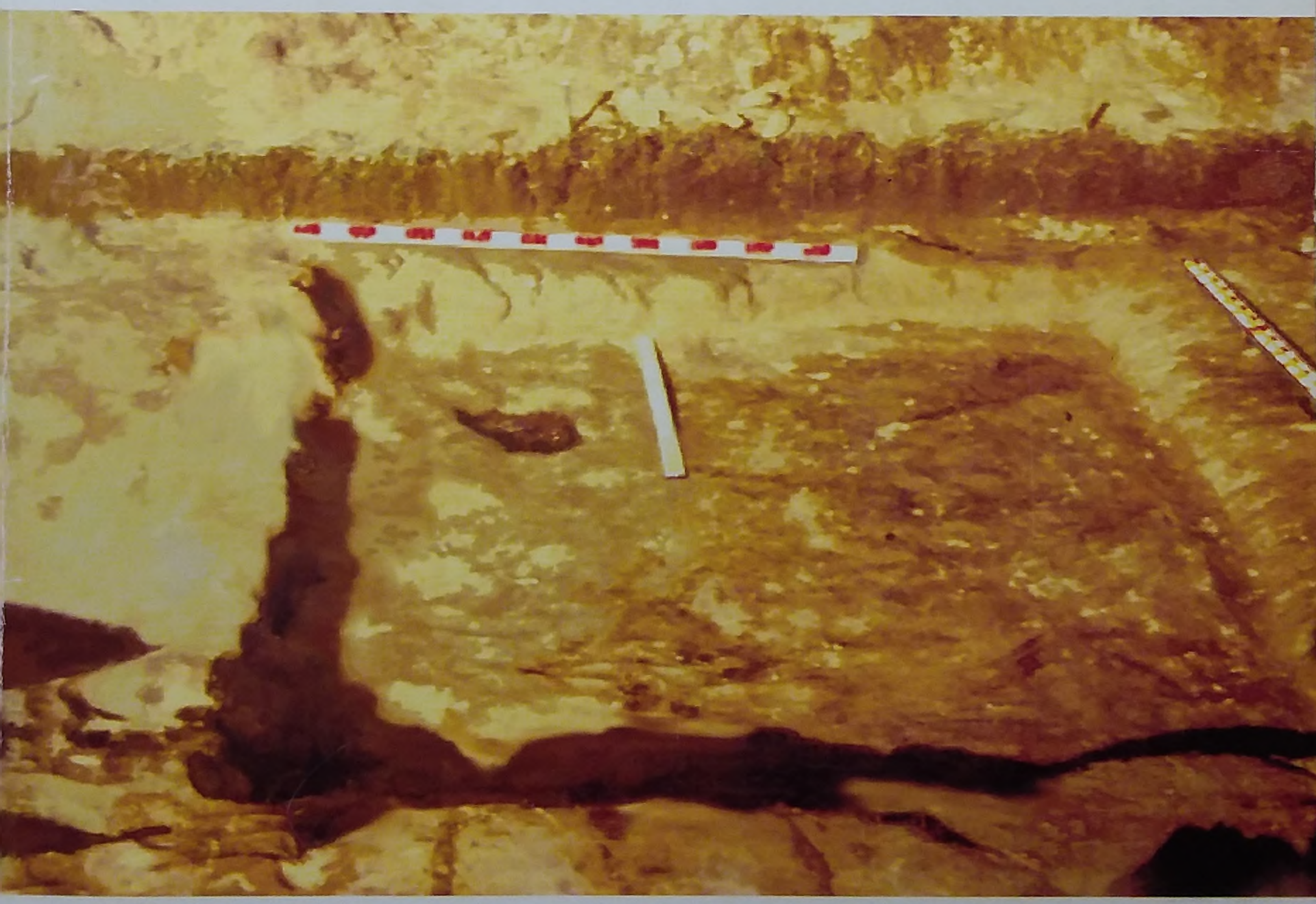
Труды VI Международного Конгресса славянской археологии

Том 3

Л 295—
328

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯН



VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

VIth INTERNATIONAL CONGRESS of SLAVIC ARCHAEOLOGY

Новгород. 26 – 31 августа 1996 г.

Novgorod. August 26 – 31, 1996

RUSSIAN ACADEMY of SCIENCES
INSTITUTE of ARCHAEOLOGY

Works of the VIth International Congress of Slavic Archaeology

Volume 3

ETHNOGENESIS and ETHNOCULTURAL CONTACTS of the SLAVS

Moscow 1997

1295
328

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Труды VI Международного Конгресса славянской археологии

Том 3

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯН

Москва 1997

ББК 63.4
Т 78

ГПИБ России
644678

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант 96-01-14021) и Новгородского государственного объединенного музея-заповедника

Ответственный редактор
Доктор исторических наук, профессор В.В.Седов

Редакционная коллегия
«Трудов VI Международного конгресса славянской археологии»
Н.Н.Гринёв, Н.В.Лопатин, С.В.Меснянкина, Е.Н.Носов, А.М.Обломский, В.В.Седов, Т.В.Сергина, А.С.Хорошев, А.В.Чернецов, П.П.Толочко, В.Л.Янин (председатель)

Издательство НПБО «Фонд археологии»

ISBN 5-87059-025-6

© Институт археологии РАН, 1997 г.

Предисловие

В настоящий том вошли в основном доклады, в которых исследуются различные стороны этногенеза и ранней этнической истории славян. Тема «Этногенез славян» принадлежит к числу весьма актуальных, но наиболее трудноразрешимых, наиболее дискуссионных. Эта проблематика может быть разрешена при широком сотрудничестве различных наук — археологии, лингвистики, антропологии, ономастики, этнологии, фольклористики и естественных дисциплин. При этом участие археологии в реконструкциях древней и раннесредневековой истории славянства постоянно возрастает.

Тема «Этногенез славян» была среди основных направлений I и IV Международных Конгрессов славянской археологии, на II Конгрессе вопросы славянского этногенеза рассматривались в связи с разработкой этнических взаимоотношений древних и средневековых славян с соседними племенами, на III Конгрессе — в связи с одной из главных тем этого форума «Славяне в римскую и византийскую эпоху». В результате археологических раскопок и разведок последних десятилетий источниковый фонд для решения коренных и частных вопросов этногенеза ранних славян заметно увеличился и продолжает активно пополняться. Вполне понятно, что VI Конгресс не мог пройти мимо этой проблематики и она стала одной из главных на нем. Тема «Этногенез славян» обсуждалась на пленарных заседаниях, в двух этногенетических секциях («Славяне в начале средневековья» и «Славяне и их соседи в латенское и римское время»), в секциях «Этнокультурные и торговые контакты в эпоху средневековья» и «Племя, народность, земля, историко-культурный регион», а также на двух круглых столах — «Становление славянских народностей» и «Методика этногенетических исследований».

Часть докладов, заслушанных в Новгороде по теме «Этногенез славян», составила раздел первого тома «Трудов Конгресса». Остальные выступления публикуются в настоящем томе. Они затронули весь обширный славянский мир от Голштейна на западе до Среднего Поволжья на востоке. Большой интерес представляют статьи, посвященные позднеримским и раннесредневековым древностям Дунайского региона, Балканского полуострова и Пелопоннеса. Они затрагивают ряд дискуссионных моментов, в частности о возможности инфильтрации славянского населения в земли Среднего Подунавья еще в римское время, о времени и путях славянского освоения западнобалканского пространства и т.п. Т.Штефановичова вводит в научный оборот и исследует археологические материалы по истории славянского расселения в Греции; до сих пор эта тема освещалась преимущественно по историческим и топонимическим данным. В целом ряде докладов много вни-

ГПИБ России
644678

ББК 63.4
Т 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 96-01-14021) и Новгородского государственного объединенного музея-заповедника

Ответственный редактор
Доктор исторических наук, профессор В.В.Седов

Редакционная коллегия
«Трудов VI Международного конгресса славянской археологии»
Н.Н.Гринёв, Н.В.Лопатин, С.В.Меснянкина, Е.Н.Носов, А.М.Обломский, В.В.Седов, Т.В.Сергина, А.С.Хорошев, А.В.Чернецов, П.П.Толочко, В.Л.Янин (председатель)

Издательство НПБО «Фонд археологии»

ISBN 5-87059-025-6

© Институт археологии РАН, 1997 г.

Предисловие

В настоящий том вошли в основном доклады, в которых исследуются различные стороны этногенеза и ранней этнической истории славян. Тема «Этногенез славян» принадлежит к числу весьма актуальных, но наиболее трудноразрешимых, наиболее дискуссионных. Эта проблематика может быть разрешена при широком сотрудничестве различных наук — археологии, лингвистики, антропологии, ономастики, этнологии, фольклористики и естественных дисциплин. При этом участие археологии в реконструкциях древней и раннесредневековой истории славянства постоянно возрастает.

Тема «Этногенез славян» была среди основных направлений I и IV Международных Конгрессов славянской археологии, на II Конгрессе вопросы славянского этногенеза рассматривались в связи с разработкой этнических взаимоотношений древних и средневековых славян с соседними племенами, на III Конгрессе — в связи с одной из главных тем этого форума «Славяне в римскую и византийскую эпоху». В результате археологических раскопок и разведок последних десятилетий источниковый фонд для решения коренных и частных вопросов этногенеза ранних славян заметно увеличился и продолжает активно пополняться. Вполне понятно, что VI Конгресс не мог пройти мимо этой проблематики и она стала одной из главных на нем. Тема «Этногенез славян» обсуждалась на пленарных заседаниях, в двух этногенетических секциях («Славяне в начале средневековья» и «Славяне и их соседи в латенское и римское время»), в секциях «Этнокультурные и торговые контакты в эпоху средневековья» и «Племя, народность, земля, историко-культурный регион», а также на двух круглых столах — «Становление славянских народностей» и «Методика этногенетических исследований».

Часть докладов, заслушанных в Новгороде по теме «Этногенез славян», составила раздел первого тома «Трудов Конгресса». Остальные выступления публикуются в настоящем томе. Они затронули весь обширный славянский мир от Голштейна на западе до Среднего Поволжья на востоке. Большой интерес представляют статьи, посвященные позднеримским и раннесредневековым древностям Дунайского региона, Балканского полуострова и Пелопоннеса. Они затрагивают ряд дискуссионных моментов, в частности о возможности инфильтрации славянского населения в земли Среднего Подунавья еще в римское время, о времени и путях славянского освоения западнобалканского пространства и т.п. Т.Штефановичова вводит в научный оборот и исследует археологические материалы по истории славянского расселения в Греции; до сих пор эта тема освещалась преимущественно по историческим и топонимическим данным. В целом ряде докладов много вни-

мания уделено древностям северных пространств Русской равнины, освоенние которых славянами началось в эпоху переселения народов и особенно интенсивно осуществлялось в начале средневековой поры. Докладчиками в научный оборот введены новые материалы, сделаны интересные наблюдения. Исследовались и взаимоотношения славян с аборигенным населением — балтами и финно-уграми.

Не осталась в стороне и проблема контактов раннесредневековых славян с кочевническим миром Юго-Восточной Европы. Для познания средневекового общества славян несомненный интерес представляет доклад Х.Любке. Вместе с археологическими работами в томе публикуются и доклады лингвистов (В.Маньчак, Л.Я.Костючук) и антропологов (Н.Н.Гончарова, И.И.Саливон). Завершают том материалы двух круглых столов. Дискуссии круглых столов, особенно второго, в значительной мере касались докладов, прослушанных на секционных заседаниях, но вместе с тем, были обсуждены и важные для познания этногенеза теоретические темы.

В.В.Седов

Boško Babić

SLOVENI SEVERNO I ZAPADNO OD DUNAVA — njihova penetracija i naseobinska stabilizacija na Balkanskim prostorima u svetlosti arheoloških i pisanih istorijskih izvora u periodu VI—IX veka

Tokom V i VI veka prodirale su slovenske mase, u manjim ili većim talasima, iz tadašnjih postojbina, današnjih teritorija Belorusije, Rusije, Ukrajine i Poljske, prema zapadu i jugu sve do Istočnih Alpe. U većini slučajeva bili su to samostalni pokreti, a u nekim slučajev ma pod pritiskom, u sklopu vojinstvenih istočnih stepskih naroda. Tokom ovih i nešto kasnijih vremena Sloveni su naselili ogromne prostore Evrope od Furlandije do Hamburga.

Sloveni nisu imali, nažalost, svoga Tacita, Iordanesa i Pavla Djakona ba bi ih se podrobnije opisalo u svim sferama života i dogadjaja vezanih za pojedince i njihove zajednice u kontinuaciji odredjenih vremena. Nasuprot tome, mi raspolažemo pojedinačnim vestima o njihovom načinu života, organizaciji društva, naseljima, ishrani, izgledu, higijeni, njihovom karakteru, načinu ratovanja, naoružanju i drugom. Te info macije su istrgnute u pojedinim vremenima iz prostorno i istorijsko ograničenih poznavanja pisaca, ili, što je verovatnije iz starijih izgubljenih zapisa ili saopštenja neposrednih učesnika dogadjaja. Na osnovu tih vesti stvorena je jednolična generalizirana priča o Slovenima, koji su u odnosu na druge narode prikazuju na nižem stupnju kulture i u vezi sa tim na primitivnijem nivou društvenog razvoja. Ako bi krenuli od Pseudo Cezarija, početkom V veka, da su Sloveni «divlji, slobodni i bez poglavara» [1], Prokopija iz Cezareje: «da njima ne vlada jedan čovek, nego od davnina žive u demokratiji» [2] i Pseudo Mavrikija: «Neverni su i potpuno nesložni u pogledu ugovora popuštajući više strahu nego podmičivanju» [3], onda bi trebalo da postavimo jedno obično logično pitanje: kako su Sloveni uopšte uspeli da opstanu medju jakim neprijateljima, kao što su bili Huni, Goti, Vizantinci, Langobardi, Bavarci, Bugari, Franci i drugi, a što je još značajnije, kako su uspeli da zauzmu ogromne terirorije Vizantijskog carstva u njegovom evropskom delu. Nasuprot zaključka, na osnovu vesti kod pomenutih pisaca, da su one delimično validne u uslovima života slovenskih zajednica neugroženih neposrednih opasnostima. Suprotno ovome nameće se drugi zaključak, da su slovenske zajednice i te kako umele da se organizuju u složene saveze i realizuju osmišljene ciljeve od zajedničkog interesa. I sam Pseudo Mavrikije navodi: «... da ne bi neprijateljstvo (Vizantije) protiv sviju stvorilo kod njih jedinstvo ili vlast jednog» [4].

Ne treba zaboraviti da su o životu Germana i njihovim društveno političkim običajima bili slično okarakterizirani, kao Sloveni, u daleko ranijim Vremenima od strane Julija Cezara i Tacita. Da citiramo Tacita da: «Germanix ne dozvoljavaju da im se naredjuje i njima upravlja, već u svim stvarima

postupaju prema sopstvenom nahodjenju [5]. Niko, nikada, nije rekao da su nedržatvoran elemenat, a za Slovene takve teorije u nauci su postojale de skorih vremena. Kad smo već kod Germana i Slovena, onda nije neumesno da napravimo još jednu usporedbu. Već od kraja I v. n.e. Germani vrše upade na rimsku teritoriju, što je nateralo Rimljane da u početku II veka predju u defanzivu u da upotpune svoj odbrambeni sistem na Rajni i gornjem Dunavu. To isto se dešava i sa Vizantijom, koja na donjem Dunavu obnavlja i izgradjuje niz novih utvrdjenja za vreme Justinijana, da bi sprečila slovenske upade [6]. U vezi predhodnih napomena da zaokružimo i sledećim, Sloveni vremena Velike seobe naroda ne mogu biti gori od drugih naroda sa kojima su susedovali ili dolazili u kontakt, od kojih su primali i davali iskustva u organizaciji zajednica, u ekonomici, obezbedjenju odbrane, strategiji i taktici ratovanja, u naoružanju, u tehničkim sredstvima komunikacije i drugom.

Preduzimanje samostalnih pohoda Slovena prema zapadu iz prapostojhine tražilo je odgovarajući dogovor plemenskih zajednica i koordinaciju organizacije poduhvata. Predhodno rečeno podrazumeva hijerarhiju nadležnosti, a sa tim, sasvim normalno, i društvenu diferecijaciju, kao važan preduslov stvaranja većih zajednica. Da se Sloveni Podnjeprovja u trenutku odluke preseljenja nisu složili u vezi izbora teritorija govori pojava istovetnih prstastih fibula u Istočnoj Pruskoj, Podunavja i Podnjeprovju. O neslaganju pisanih istorijskih izvora i realnog stanja najbolje nam prestavljaju kontraverzni podaci u samim istorijskim izvorima. Prokopije kaže: «Pri stupanju u borbu kao pešadija navaljuju na neprijatelja grupno, noseći u rukama male štitove i koplja, a oklop nikad ne oblače. A neki nemaju ni košulje ni ogrtača, nego navukavši samo bečve do ispod prepona, tako stupaju u borbu sa neprijateljima» [7]. O naoružanju Slovena slično kaže i Pseudo Mavrikije: «Oružaju se malim kopljima, svaki čovek sa po dva, a neki od njih sa dobrim, ali tešk nosivim štitovima. Služe se i drvenim lukovima i malim strelicama...» [8]. Dalje kaže: «...oni (Sloveni) ne poznaju ni bojno reda, niti nastoje da dobro složeni biju boj, niti se pojavljuju na golim i ravnim mestima» [9]. Što se odnosi na Strategikon Pseudo Mavrikija treba posebno skrenuti pažnju, da on najvećim delom upravljen savetima kako postupati u ofanzivama vizantijske vojske na slovensku teritoriju na severne strane Dunava, a ne o načinu borbe sa slovenskom vojskom koje se nalazi u ofanzivi na romejskom tlu.

Pojednostavljenu sliku o slovenskom ratniku Prokopije, u svom Bellum Gothicum III, povodom pojedinih prodora Slovena na vizantijsku teritoriju sam demantuje. Godine 548. prema Prokopiju, nastupa vojska Slovene (Σκλαβηνων στρατειμα) prodire sve do Drača i osvoji mnogo tamošnjih tvrdjava [10]. Znači na radi se o pljačkaškim grupama već o organizovanoj regularnoj vojsci, kojoj se nisu uspeli, ne samo, suprostaviti, već nisu smeli ni da se približe vizantijski komadanti sa petnaest hiljada vojnika [11]. U jesen 550. do početka 551, po Prokopiju ponovo podvučena, slovenska vojska (Σκλαβην ν στρατοζ) prelazi prek Dunava i stiže do Niša sa namerom da krenu dalje i osvoje Solun [12]. Te zime su i prezimljavali na vizantijskoj teritoriji «kao u sopstvenoj zemlji» [13]. Sredočanstva tog prezimlja-

vanja našli smo u Skupija, kod Skopja, u obliku fragmenata praških keramičkih lonaca, izmedju dva ranovizantijska sloja, kako i tragove adaptacije pojedinih delova terme za življenje [14]. O veštini ratovanja Slovena najbolje govori, iz tog vremena, velika bitka koju im je nametnula znatna vizantijska vojska kod Jedrena, sastavljena iz pet formacija predvodjenih komandantima Konstanijanom, Aretijem, Nazarom, Justinom i Jovanom. Za glavnokomandujućeg car Justinijan postavi Sholastika. Sloveni iako su bili opterećeni mnoštvom zarobljenika, opijačkanim blagom i stokom, nanesu potpuni poraz vizantikskoj vojsci. O superiornosti i samosvesti slovenske vojske, što je običaj i svih regularnih vojski sveta, najbolje govori zarobljavanje zastave komandanta Konstantinijana kao svedočanstvo njihove pobede i slave [15]. U proleće 550., Prokopije označava, da slovenska vojska, u broju do 3000 ljudi, prelazi Dunav i reku Maricu, gde se razdvaja na dva odreda, jedan od 1.800, a drugi od 1.200 boraca. Veći odred krene u Ilirik a manji se zadrži u Trakiji. Oba odreda, citiramo Prokopija: «... iako kudikamo brojno slabija, porazili su sve vojvode» [16] «... i oba odreda opsadom zauzeše mnogo tvrdjava, ...» dalje kaže Prokopije [17]. Tada je bio zauzet i primorski grad Topir. Očigledno da opsade i zauaimanja tvrdjava nije se moglo obaviti bez ratnih sprava. Kada se govori o upotrebi ratnih sprava od strane Slovena prilikom kasnijih opsada Soluna, neki naučnici navode, da su Sloveni naučili izradu tih aprava od Avara [18], a zaboravlja se da su Sloveni opsedali, osvajali gradove vizantijske, pre dolaska Avara u Panoniju. I po Jovanu Biklarskom, oko 575—576., Sloveni su osvojili mnogo gradova u Trakiji [19].

Što se odnosi na naoružanje Slovena, Prokopije i Pseudo Mavrikije navode da Sloveni se bore sa kopljima i štitovima, a ovaj drugi i sa drvenim lukovima i strelicama [20]. Suprotno od ovog, isti Prokopije kaže: da posle zauzeća Topira, u proleće 550. «One na koje bi nailazili nisu ubijali ni mačem ni kopljem» [21]. Znači mačeve su imali. I Menander za 578/579 piše: da je slovenski vodja Daurentije u svom govoru avarskom poslanstvu koje je tražilo pokorenje Slovena, u ime kagana, kasno izmedju ostalog: «Navikli smo, naime, da vladamo tudjim, a ne drugi našim. U to smo sigurni dok bude ratova i mačeva» [22]. U avaro-slovenskoj opsadi Soluna 586. navodi se da su u podrivanju temelja bedema korišćene bojne sekire i poluge [23]. Iz ostave bronzanih reljefa iz sela Velestino u Tesaliji iz VII veka, imamo i dve likovne predstave slovenskih ratnika, od kojih jedna predstavlja onjanika sa jednoseklim mačem i kružnim štitom, a druga pešadinca sa kružnim štitom i bojnom sekirom [24]. Ne treba zaboraviti da je slovenska vojska, kao i sve vojske sveta u raznim vremenima, svoj arsenal naoružanja popunjavala oduzimanjem ga od neprijatelja. Na nizu lokaloteta Južnih Slovena, od Alpa do Jadranskog i Crnog mora imamo nalaze oružja u obliku mačeva, bojnih sekira i čekića, kopalja i strelica.

Kad se govori o vojnim formacijama Slovena, nigde se ne spominje njihova konjica, iako su je oni imali. O tome govori i bronzana reljefna predstava iz sela Velestino. Podatke o postojanju i kvalifikaciji slovenskih konjanika daje sam Prokopije. U vreme Velizarijevog ratovanja sa Gotima u Ita-

liji, aprila, 537. u pomoć mu stignu Martin i Valerijan sa 1600 konjanika. Najvećim delom to su bili Bugari, Sloveni i Anti. Po rečima samog Velizarija oni su bili «odlični konjanici i strelci» za razliku od gotskih konjanika, koji se bore «samo kopljem i mačem» [25]. Teofilakt Simokata navodi dva podatka o slovenskim konjanicima. Jedan je vezan za Priskov pohod protiv Slovena sa one strane Dunava, 594 godine, koje je noću iznenadio slovenskog vodju Ardagasta. Probudjen iz sna Ardagast je uspeo da uzjaši neosedlanog konja i pobegne [26]. Drugi podatak je vezan za Petrov pohod, 595. godine, protiv Slovena u Vlaškoj. Kad su Petrovi izvidnici prešli Dunav i pospali u jednom šipražju..., «Sjahavši sa konja Sloveni podju u hlad da se osveže i konje odmore. Prolazeći otkriju Romeje...» [27]. Jovan Efeski za oko 581. godini kaže da su se Sloveni obogatili i da, pored drugog, imaju ergele konja i mnogo oružja [28]. Za Slovene kao konjanike govori i Mihajlo Sirijski [29]. Jedno od važnih pitanja naseljavanja širih evropskih prostora od strane Slovena je: sa kojih teritorija su došli, pravac seobe i u koje vreme Sudeći prema vestima kod Priska, iz 448 godine, na prostorima Panonije žive Sloveni [30], što bi značilo, da su oni tu došli sa istočnih prostore zajedno sa Hunima oko 380 godine. Neka malo kasnija naseljavanja možem samo da predpostavimo. Vesti o prisustvu Slovena i Anta u donjem Podunavlju imamo od prvih decenija VI veka. O upadu Anta na vizantijsku teritoriju za vreme cara Justina I (518—527) govori Prokopije [31]. Tokom VI vek imamo nove talase slovenskog naseljavanja na prostorima Vlaške, Transilvanije i Banata sve do Tise. Paralelno sa ovim, iz istočnog pravca, imamo naseljavanje i u Slovačkoj i severoistočnoj Madžarskoj. U isto vreme imamo naseljavanje istočnih i Poljskih Slovena i istočnoj Nemačkoj. Gornje i srednje Podunavlje naseljavaju Sloveni sa teritorije Poljske. Ovu podelu pravaca preseljenja Slovena u podunavske krajeve napravio sam prema jednom značajnom reprezentu materijalne kulture Slovena sa istoka, a to je crepulja, koja nam jasno govori o poreklu Slovena iz istočnih ishodišta na gore spomenutim prostorima [32]; u krajnjem naseljavanju prostora južno od Dunava jasno se ocrtvaju delovi Slovena sa istoka i prema rasprostranjenosti crepulje do današnjih danae. Etnografska karta crepulje pokazuje nam njenu rasprostranjenost na teritoriji dela Rumunije i Albanije, Bugarske, Trakije, Vardarske i Jegejske Makedonije, Srbije i Crne Gore [33]. U etnografskom materijalu Peloponeza, Helade, Beotije, Tesalije i Epira je ne nalazimo, ali to ne znači da je nije bilo u ranom srednjem veku.

U brojnim uspešnih ratnih pohodima u VI veku protiv Vizantuje, na njihovim teritorijama, sa prodorima prema obalama donjeg dela Jadranskog mora, gde je smešten južni deo Prevalisa i Novi Epir, sve do obala Jegejskog mora u Makedoniji i Trakiji do Dugog zid Sloveni su se zdobili sa ogromnim bogastvom od zlata i srebra, cenjenih upotrebnih predmeta, brojnim naoružanjem, konjima, govedima, pernatom životinjama i drugim. Poseban njihov interes su bili zarobljenici, koji su im bili potrebni radi otkupa, prodaje, a delom kao robovi njih samih, koji su im uglavnom vršili najteže poslove u poljoprivredi i stočarstvu. Nekim gospodarima su služili i kao pratnja

u ratovima. O ropstvu kod Slovena takodje postoji značajno terazumevanje. Ima mišljenja da Sloveni nisu bili robovlasničko društvo [34]. Ako se uzme primer robovlasničkog društva u Antici gde su pored stranaca robovi bili i saplemenici, onda Sloveni nisu imali takav robovlasnički sistem. Kod Slovena i Anta saplemenici nisu mogli biti robovi, ali su zato Sloveni imali robove Ante i obratno. Kao argumenat za to navodi se da Sloveni nisu bili zainteresirani za zarobljenike koje su u borbama i posle borbe ubijali [35], a u isto vreme gubi se iz vida Sloveni sa sobom donose kućama ogroman broj zarobljenika. Ratna strategija Slovena u odnosu na zarobljenike bil je ista kao i kod drugih naroda. U vreme operacija, izbegavajući opterećivanje svoje vojne operative, zarobljenike ubijaju, a u završnim operacijama, prikupljuju zarobljenike i odvode ih kućama. Za ubijanje zarobljenika u toku operacija daje savet vizantijskim vojnicima Pseudo Mavrikije u svom Strategikonu [36].

U osmoj deceniji VI veka Sloveni donjeg Podunavlja dostigli su visok stepen razvoja i znatno avanzovanu društvenu diferencijaciju. Odlično organizovane vojne formacije, što posebno podvlači pisac Čuda sv. Dimitri ja l za 584 godinu, kada se pod Solunom pojavio slovenski odred od 5000 boraca rasporedjen po odeljenjima [37], nisu mogle postojati, bez složene, što je sasvim prirodno, političke organizacije. Podvlačenje nesložnog, demokratskog društva, kod Slovena ovog vremena, kod vizantijskih pisaca [38] je preterano i dobrim delom anahrono. Većanje kod Slovena i istoka i zapada nisu svojstvena samo za njih. Nalazimo ga i kod drugih naroda raznih vremena. Svedočanstva za večanja kod Južnih Slovena i u pisanim izvorima i materijalnim ostacima imamo u nizu primera [39]. Da spomenemo i dva primera centralnog objekta prostora večanja, vojvodski prestol na Gosposvetskom polju u Karantaniji i tron Berzita ispod Markovih Kula u Prilepu [40].

Pojava Avara u Panoniji 568. godine imale je negativne i pozitivne posldice za Slovene. Avari su došli na teritoriju gde su već nalazili Sloveni i drugi narodi. Jedni Sloveni na njihovoj užoj centralnoj teritoriji bili su neposredni podanici kaganata. U neposrednom istočnom, severnom i zapadnom susedstvu u gornjem Podunavlju i istočno od Tise Sloveni su priznavali primat avarskog kagana u raznom stepenu zavisnosti. U zajedničkim kritičnim trenutcima i za Avare i zavisne i nezavisne Slovene oni su se našli na zajedničkom frontu protiv Vizantije. Takodje i u ofanzivnim akcijama na tlu Vizantije i u prodorima prema Istri i u sudarima sa Langobardima i Bavarcima dejstvuju kao saveznici. I tada u tim zajedničkim akcijama Sloveni su daleko brojniji od Avara. U prilog tome govori podatak kod Teofilakta Simokate za 600. godinu, kad su vizantijski vojnici pod komandom Priska u zadnjoj petoj bitci na Tisi naneli potpun poraz Avarima i njihovim saveznicima. Tada, posebno navodi Teofilakt Simokata, ubijen je veliki broj Slovena [41]. Interesantan je etnički suodnos zarobljenika koje su pohvatali vizantijski vojnici: 46,6% Slovena, 23,4% varvara, 12,5% drugih varvara, možda Gepidi i samo 17,5% Avara [42].

Vrlo značajan dogadjaj iz vizantijsko-avarskih odnosa za Slovene, gornjeg, srednjeg i donjeg Podunavlja, bio je osvajanje Sirmijuma od strane

Avara 582. godine. U tim vremenima znatan zapadni deo budućih Južnih Slovena prodire u Istočne Alpe i krajeve prema granicama Italije [43]. Sloveni donjeg Podunavlja vrše pripreme za realizaciju starih namera zauzeća Soluna i širih vizantijskih teritorija sve do donjeg dela Jadranske obale i obala Jonskog i Jegejskog mora. Setimo se, da su, u jesen 550. godine, krenuli preko Dunava i Niša da osvoje Solun, koji je imao posebno mesto u njihovim aspiracijama [44]. Pripreme velikih osvajačkih pohoda, detačjno su sprovedene 583. godine. Dolazi do objedinjavanja manjih plemena u veća, formira se šti je posebno važno, savez saveza plemena, sa očigledno odredjenim zajedničkim koordinacionim telom koji proučava plan nastupa i vrše se podele teritorija sa ciljem da sva novoprestruktuirana odcedjena plemena dobiju izlaz na more.

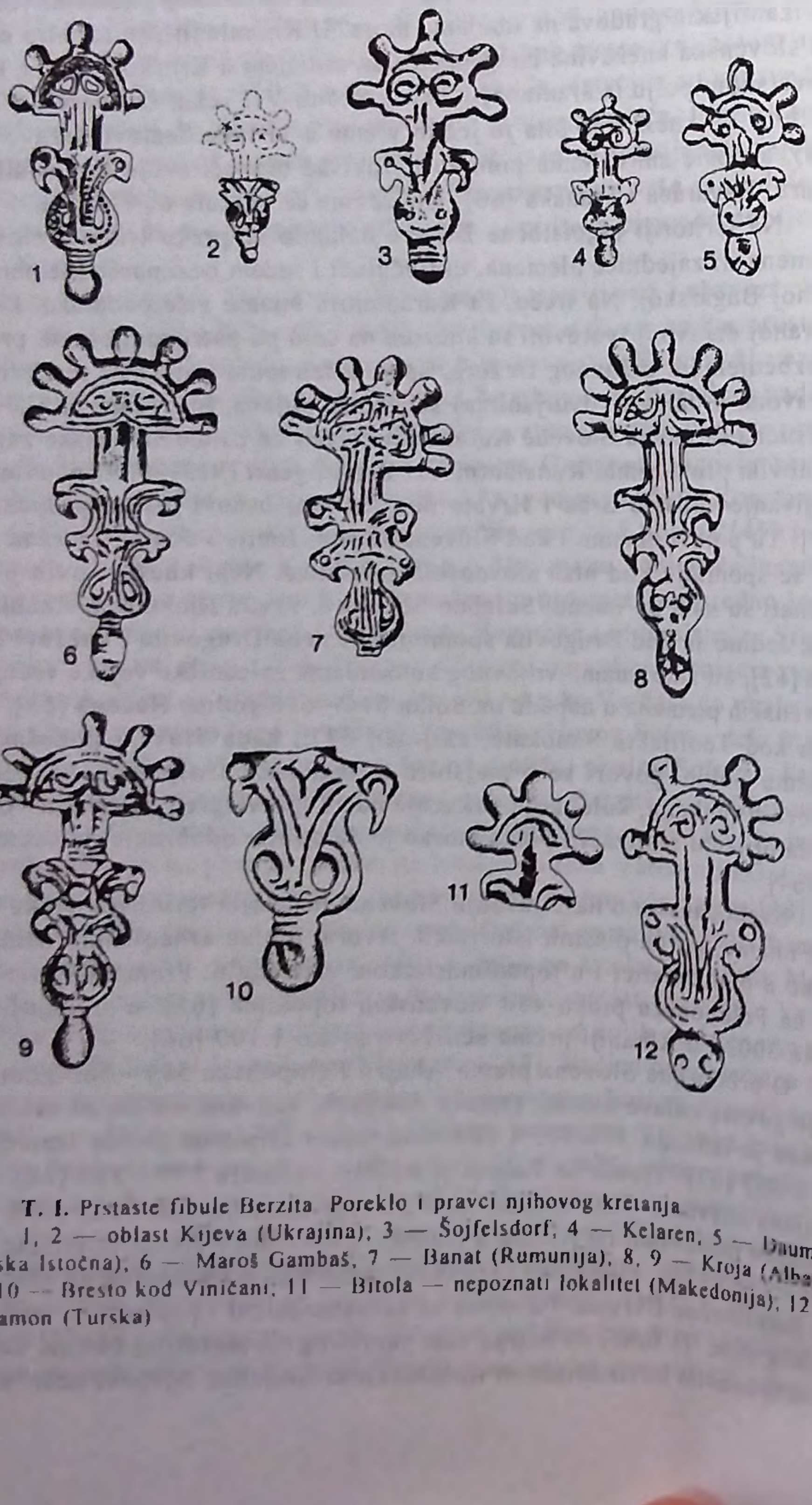
Tu je napravljen i digivir ne samo i podeli terena, već i obavezi organiziranja zajedničkih ofanzivnih i defanzivnih operacija na novim prostorima. Jedan od važnijih tačaka dogovora je bilo osvajanje Soluna. U vezi sa Solunom verovatno je postojao i dogovor sa Avarima, o teritorjalnoj nadležnosti i uzajanoj pomoći u slučaju potrebe. Verovatno tim dogovorm je precizirano da Slovenima pripadne Solun a Avarima Garigrad Dogovor saveza slovenskih plemena bio je na snazi sve do 658. godine, kada je Konstans II (641—668) 658. godine porazio ujedinjene Slovene kod Soluna [45] i deo njih preselio u Malu Aziju. Kad govorimo o Slovenima donjeg Podunavlja, treba podvući, da je jedan deo Slovena zahvatio prostore neposredno južno od Dunava, na terirorjama današnje severne Bugarske i severoistočne Srbije, pored reka Timoka, Peka i Veli Morave. Sloveni upravljeni obalama pomenutih mora naseljeni su sledeći redom: Berziti od reke Vardara do obala Jadranskog i Jonskog mora pred lu južnog Prevalisa, Novog Epira i dela Starog Epira sa ostrvom Krf; Vajuniti u prvo vreme u bližoj okolini Soluna a kasnije prelaze u Stari Epir, gde im deo terena ustupaju Berziti [46]; Drugovit u donjem toku reke Bistrice i na zapadnoj obali Jegejskog mora [47]; Sagudati su severno od njih do planine Nidže, na istoku do reka Vardara ili Galika, a na Jegeiskom moru zauzimaju deo zapadne obale Solunskog zaliva [48]; istočno od njih su Rinhini na Halkidiku i delu Orfanskog zaliva [49]; Strimonsci su u donjem toku reke Strume [50]; a dalje na istoku, oko reke Meste Smoljani [51]; Južno od Drugovita su Velegeziti u oblasti Tesalije i Voloskog zaliva [52]; a južno od njih nekoliko plemena od kojih po imenu su nam poznata samo Milinzi i Jezeriti na Peloponezu [53]. Većina ovih plemena zadržala su svoja stara imena osim Rinhina i Strimonaca, koji su nazvati po rekama Rihios i Strimonas [54]. Alpski Sloveni početkom VII veka prodiru u Istru [55]. Posle smrti bavarskog vodje Tasila (626—629) odnose pobedu nad Bavarcima kod Auguntuma na reci Dravi [56]. U tim vremenima i niz slovenskih plemena prodire prema dalmatinskim obalama [57]. Niz gradova ostaje u vizantijskim rukama, kao što je to slučaj i na donjo jadranskom, jonskom i jegeiskom moru, gde se posebno ističu Solun i Drač. U vreme cara Iraklija (610—641) dolaze novi talasi Slovena pod imenom Srba i Hrvata [58]. Značajna naseobinska stabilizacija Slovena na novim prostorima vezana je

za period cara Foke (602—610) u čije vreme nema sukoba izmedju Slovena i Vizantije [59]. Očigledno da je to bila osmišljena politika samog cara, koji je gro svojih snaga bacio u rat protiv Persije. U to vreme je postignuta i maksimalna koegzistencija od obostranog interesa slovenskog stranovništva i žitelja vizantijskih gradova na obalama mora. U Karantaniji, se formira nezavinska slovenska kneževina istog imena, sa sedištem u Krnskom gradu, na Gosposvetskom polju (Carantana) u prvoj trećini VII veka, sa knezom Valukom na čelu. Ta kneževina bila je jedno vreme u sastavu Samove države (623—658), a posle smrti Sama ponovo nezavisna braneći svoju samostalnost od Avara, Bavaraca i Franaka [60]. Kneževina se održala do IX veka.

Na teritoriji jugoistočne Evrope nalazilo se preko trideset slovenskih plemena ili zajednica plemena, uključujući i sedam bezimenih plemena u severnoj Bugarskoj. Na sreću, za Karantaniju imamo više podataka, kao svojevrsnoj državnoj tvorevini sa knezom na čelu po patrimonijalnom pravu, sa obezbedjenjem državnog trezora, specijaliziranom vojskom, teritorijalnom upravom, družinom (dvorjanima) kneza. Ta pojava, tih vremena, nije karakteristična sa mo za Slovene Karantanije, već i za ostale slovenske zajednice na novim prostorima. Konstantin VII Porfirogenit (913—959) podvlači nasledjivanje vodstva Srba i Hrvata po gentilnoj osnovi još od prapostojbine [61]. Tu pojavu imamo i kod Slovena Jegeje, Jonije i donjeg Jadrana. Kneževi se spominju kod niza slovenskih zajednica. Neki knezevi ovih plemena poznati su nam po imenu: Sklabun Severaca, Prvud Rinhinaca, Akamir Berzita. Jedino se kod Drugovita spominju plemena Drugovita i kneževi Drugovita [62], ali zato imamo vrhovnog komandanta zaledničke vojske veceg broja slovenskih plemena u napadu na Solun 614—616 godine Hacona [63]. U vestima kod Teofilakta Simokate, za jesen 677., kada Sloveni pokušavaju da zauzmu Solun, govori se o majstoru pronalazaču trospratne, univerzalnih borbenih funkcija, kule, koje pokazuje nacrt sprave pred narodnim vodjama, ali da pristupi realizaciji plana morao je da dobije odobrenje od samog kneza [64].

Svedočanstva o naseljavanju Slovena današnjih teritorija Grčke i Albanije imamo, pored pisanih istorijskih izvora, u nizu arheoloških nalaza, posebno u numizmatici i u toponimastičkom materijalu. Prama Vasmer-u imamo na Peloponezu preko 450 slovenskih toponima [65], u srednjoj Grčkoj preko 300, a u Albaniji prema seuščevn preko 1.100 [66].

O prodorima Slovena prema Ahaji i Peloponezu 584—585 godine najbolje govore ostave monta. Ostava Atinjana, nazvana «Mlin za brašno» zakopana je izmedju 574/575 i 582, dok trezor Dipilona potiće izmedju 577/578 i 582 [67]. Trezor iz Tolosa je kasniji, izmedju 579 i 584 [68]. Ostava Atinjana nazvana «Mali trezor» zakopana je izmedju 582 i 585 [69]. Trezor osteoteke postavljen od Atinjana izmedju 582—584 i Trezor iz Isthme izmedju 583 i 585 [70]. Slovenski keramički materijal je pronadjen na nizu lokaliteta Jugoistočne Evrope. Posebno su karakteristični i najbrojniji lonci podunavskog tipa. Ti lonci su manje više jajolikog ili loptastog oblika, često ukrašeni urezanim horizontalnim ili talasastim linijama. Njihovi uzori su rims-



T. I. Prstaste fibule Berzita Poreklo i pravci njihovog kretanja

1, 2 — oblast Kijeva (Ukrajina), 3 — Šojfelsdorf, 4 — Kelaren, 5 — Baumen (Pruska Istočna), 6 — Maroš Gambaš, 7 — Banat (Rumunija), 8, 9 — Kroja (Albanija), 10 — Bresto kod Viničani, 11 — Bitola — nepoznati lokalitet (Makedonija), 12 — Pergamon (Turska)

ki lonci na sporo rotirajućem kolu iz rimskih utvrdjenja VI veka [71]. Nalazimo ih od gornjeg Podunavlja do Crnog mora. Prisutni su i utvrdjenjima ovog vremena u unutrašnjosti Balkana. Meni su poznati takvi lonci iz Skupija, Herakleje i Gradista kod sela Debrešta u R.Makedoniji [72]. Uzor ovih lonaca imamo u tehnički uzornom loncu sive boje i tankih zidova serijski produkovan u većim rimskim keramičkim radionicama. Za njega je karakterističan izvučem lako kosi obod koji pod oštrim uglom prelazi skoro direktno u rame. Slovenski lonci imaju blaži prelaz iz oboda preklučno uvučenog vrata ili blago prelomljenog. Očito da tu imamo prisutnu i rimsku i slovensku lončarsku tradiciju. Avatski lonci su slični slovenskim sa razlikom da im je dno nešto malo izvučenije u odnosu na slovenske. Posebno su interesantni nalazi u Grčkoj, u Atgosu na Peloponezu [73], kod Janjine u Epiru [74], Filipima [75], Olimpiji [76], u Demetrijadi u Tesaliji [77], u Albaniji [78], u okolini Ohrida u Makedoniji [79], u Dalmatinskoj Hrvatskoj [80], u Bosni na lokalitetu Jazbine u Batkovicima [81], i na crajnjem zapadu u Ptuju u Sloveniji [82].

Kad se radi o nakitu, mnogi neslovenski istraživači, polazeći od ustaljene slike i primitivnom slovenskom društvu ranog srednjeg veka, reprezentativniji nakit Slovena ili pripisuju drugim narodima ili ga negiraju kao slovenski. To se posebno odnosi na Madžare i Albance [83]. Ja ću ovde da se zadržim na jednom vrlo tipičnom obliku slovenskog nakita, a to su zvezdolike naušnice. Reprezenti tog nakita radjeni su prema uzorima pontskih zlatarskih radionica, o čemu se slažu skoro svi naučnici, ali sasvim je drukčiji stav kad se radi o odredjivanju njihove etničke pripadnosti. Taj nakit pratimo od Podnjeprovja i Galicije (nalaz iz Zalesja), preko Vlaške i Transilvanije sve do Tise i zapadno od srednjeg Podunavlja [84]. Od Ptuja u Sloveniji pratimo ga preko Zagreba, Podravine (Čadjavica) linijom Dunava u Hrvatskoj i Srbiji, u dalmatinskom zaledju, u Albaniji, Makedoniji i Bugarskoj [85].

Važan segment materijalne kiltire Slovena — kuća, praško penkovskog kulturnog kruga [86], pronadjena je u Bugarskoj, Srbiji i Makedoniji [87]. Slovencke kuće, ovog ranog vremena, u Sloveniji i Hrvatskoj nisu mi poznate. U tim krajevima treba očekivati kuće sa brvnima praško korčakovskog tipa.

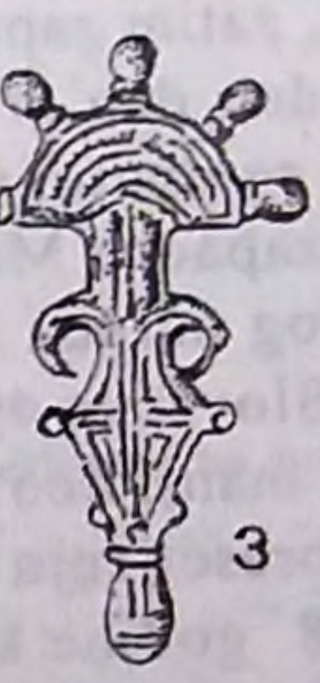
Završio bi samo sa jednim aspektom značajnog slovenskog obeležja, a to su prstaste fibule, utvrdjene kao sigurno slovenske. Veliki ih je broj pronadjen u Podnjeprovju. Lično smatram da odredjeni tipovi pripadaju odredjenim slovenskim zajednicama, odnosno plemenima. Ako se dobro pogleda, znatnim delom po svom tipu one se nalaze u Podnjeprovju i možemo da ih pratimo u pravcu severa i zapada sve do Madžarske i južno od donjeg Podunavlja, koje ovde obuhvata i Banat. Interesantno je praćenje, po nalazima, na odredjenim teritorijama, kretanje njihovih nosioca, uključujući i privremena stacioniranja, sve do krainjih destinacija. Prilazao bih, na osnovu mojih opservacija i zaključaka, fibule Berzita, jednog bezimenog plemena stacioniranog u Banatu, koje je tokom seobe uključeno u Berzitski savez, krajnje naseljen u južnom Prevalisu i Novom Epiru, i fibule verovatno plemena Sagudata. Berzitske fibule imamo u oblasti Kijeva, zatim u Istočnoj Pruskoj,

T. II. Prstaste fibule anonimnog Slovenskog plemena u Banatu. Kasnije u sustavu Berzitije

1 — Dubovac, 2 — Bela Crkva, 3 — Prahovo (Srbija), 4 — Kroja (Albanija), 5 — nepoznat lokalitet (Mala Azija)

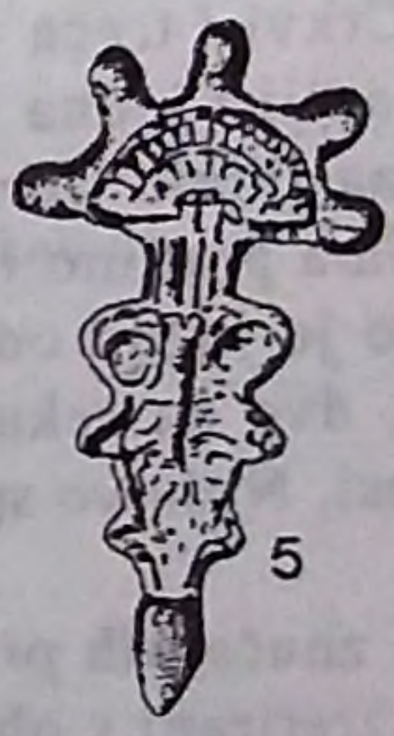
1

2



3

4



5

6

7

T. III. Prstaste fibule pretpostavljenih da pripadaju Sagudatima Poreklo i pravci njihovog kretanja

1 — Pastirsko gradište (Ukrajina); 2 — Šojfelsdorf; 3 — Daumen (Pruska Istočna); 4 — Earcasale, 5 — Mihaesti (Rumunija), 6, 7 — Edesa (slovenski voden) (Grčka)

u Transilvaniji, rumunskom delu Banata, u kroji u Albaniji i u Makedoniji u Bitoli i kod sela Viničani na Vardaru. Jedna od tog tipa fibula pronadjena je u Pergamonu [88] (T. I). Može se zaključiti da u trenutku kretanja na nove prostore iz oblasti Kijeva svi pripadanic ovog plemena nisu bili jedinstveni u izboru mesta preseljenja. Manji deo je krenuo u pravcu Istočne Pruske, a drugi, glavnina, prema zapadu u Transilvaniju, gde im je bilo privremeno boravište, zatim zapadno od Djerdpa, tokom Velike i Južne Morave do Niša, odakle jeden deo prodire dolinom Belog Drima u srednji deo Albannije, a drugi deo se uputio u Skopsku kotlinu odakle se raznim pravcima naselio na teritoriju zapadne Makedonije i južne Albanije [89]. Za suprotne pravce kretanja jednog naroda najbolje pokazuje primer sa Herulima, koji su napuštali teritoriju Slovačke 495. godine i veći deo se uputio u prapostojbinu u Skandinaviji, a manji deo spustio u Panoniju [90]. Fibula iz Pergamona svedoći o prisilnom preseljenju zarobjenih Berzita posle poraza ujedinjenih Slovena kod Soluna 658. godine koji im je nanec vizantijski car Konstans II (641—668) [91]. Fibule anonimnog plemena iz Banata, koji se priključio u toku seobe Berzitima, tri su pronadjene na relativno bliskom prostoru — jedna u Dubovcu, druga u Beloj Crkvi i treća u Prahovu. Na novom prostoru jedna je nadjena u Lješu u Albaniji i jedna u Maloj Aziji. Tumačenje za fibulu u Maloj Aziji je isto kao i za fibulu Berzita u Pergamonu (T. II).

Slično Berzitima pratimo i tip fibula predpostavljenih da pripadaju Sagudatima. Nalazimo je južno od Berzita u Podnjeprovju. Dve fibule imamo u Istočnoj Pruskoj, dve uz reku Olt, u Rumuniji, južno od Berzita i dve u Vodenu, grčkoj Edesi. Njihovo spuštanje u Grčku izvršeno je istočno od Djerdapa (T. III).

Ogroman broj značajnih problema vezani za moju temu ili izostavljeni ili u kraćem obliku tretirani s obzirom na ograničeno vreme koje mi je stavljeno na rspolaganje za ovo moje predavanje.

1 Византиски извори за историју народа Југославије Т I Београд, 1955 С 25.
2 Ibid
3 Ibid С 135
4 Ibid С 138
5 Łowmiański H Początki Polski IV Warszawa. 1970. S. 75
6 Византиски извори . С. 64—71; Maksimović Lj , Severni Ilirik u VI veku // Zbornik radova Vizantološkog instituta. XIX. Beograd, 1980 S. 37
7 Византиски извори Т I С 28, 29.
8 Ibid С 133, 134
9 Ibid С 134
10 Ibid 138
11 Ibid
12 Ibid С 45
13 Ibid С 47
14 Babić B Denešnite territorii na Republika Makedonije i Republika Albanija vo VII—VIII vek // Civilizacii na počvata na Makedonija Skopje, 1995 S 153—182
15 Византиски извори Т I С 47, 48
16 Ibid С 41
17 Ibid С 42

18 Ibid C 204, 205 Nap 42
19 Fontes Latini historiae Bulgaricae I Serdicae, MCMLVIII S 373
20 Византиски извори Т I С 28
21 Ibid C 43
22 Ibid C 92
23 Ibid C 182
24 Pribaković D Prilog hronologiji naoružanja Slovena u VI—VII veku // Vojni muzej — Beograd Vesnik broj 11—12 Beograd, 1966 Sl 1 i 2
25 Византиски извори.. Т I С 35.
26 Ibid C 113
27 Ibid C 119
28 Ibid C 34, 35 Nap 54.
29 Ibid
30 Ibid C 14, 15
31 Ibid C 45, 46.
32 Babić B. Materijalnata kultura na makedonskite Sloveni vo svetlinate na arheološkite istražuvanja vo Prilep 1986. S 298—306
33 Ibid Sl 81
34 Византиски извори..С. 43, 44 Nap. 85.
35 Ibid. C 24, 25.
36 Ibid C 141
37 Ibid C 175, 176
38 Ibid C 135
39 Babić B Materijalnata kultura.. S. 214—217.
40 Ilešić S., Sašel J Grafenauer B. Gosposvetsko Polje // Enciklopedija Jugoslavije 3 Zagreb, 1958 S 509—510, Babić B Materijalnata kultura .. S 214—217
41 Византиски извори Т I С 123, 124.
42 Ibid
43 Kos M Istorija Slovenaca Beograd, 1960 S. 42
44 Византиски извори . Т I С 45
45 Ibid C 221, 222
46 Ibid C 189 Nap 6
47 Ibid. C 186, 187, Nap. 3
48 Ibid C 188 Nap 4
49 Ibid C 200 Nap 33
50 Ibid C 208, 209 Nap 46
51 Ibid C 251 Nap 5
52 Ibid C 188, 189, Nap 5
53 Ibid C 290 Nap 12
54 Ibid. C 200, 208, 209 Nap 33, 46
55 Kos M Istorija Slovenaca S 45—46, Fontes Latini S. 414.
56 Fontes Latini S 415
57 Ćirković S Sloveni na Balkanskom poluostrvu // Istorija naroda Jugoslavije Beograd, 1973 S 18
58 Ibid C 22
59 Barišić F Car Foka (602—610) i podunavski Avaro-Sloveni // Zvornik radova XLIX Beograd, 1956 S 79
60 Kos M Istorija Slovenaca S. 77—83
61 Византиски извори. Т II Београд. 1959 С 42, 43, 47.
62 Византиски извори. Т I С. 204
63 Ibid C 192, 193
64 Ibid C 207
65 Ibid C 287
66 Селищев М А Славянское население в Албании София, 1931 С 337—351
67 Metcalf M D The Slavonic Threat to Greece circa 580 Some Evidence from Athens // Hesperia 31 1962 P 146

68 Ibid
69 Ibid
70 Ibid
71 Babić B Denešnite teritorii S 158
72 Babić B Denešnite teritorii S 158
73 Aupert P Céramique Slave d'Argos (585 AP J-C) // Bulletin de correspodance Hellénique Supplement VI 1980 S 377—387, 404, 427
74 Βοκοτοπουλου, Ηπειροσ. Αρχαιολογικον Δελτιον. Αθηναι 1969. 350.
75 Aupert P , Sève M , Philippes // Bulletin de Correspodance Hellénique CIV. 1980. II Notes critique chroniques et rapports P 711 Fig 22
76 Γιαλουρησ Ν. Αρχαιοτητεσ και Μνιμεια Ηλειασ // Αρχαιολογικον Δελτιον. Τ. 21. 1966. Μεροσ Β.Α. Χρονικα Αθηναι , 1968. 170—173 Π. 182.
77 Milojčić V Nova iskopavanja u makedonskom gradu Demetrijadi (Tesalija) ju 1967—1974 Zagreb, 1977 S 37
78 Spahiu H Komata D Shurdhah (Sarda) La cita Albanaise mediavale fortifiee (fouilles 1967—1970) // Iliria 3 Tirana, 1975 P 324 Pl 1 3
79 Malenko V Ranosrednovekovna materijalna kultura vo Ohrid i Ohridsko // Ohrid i Ohridskoto niz istorijata I Ohrid, 1985 S 329 Sl 2 i 3.
80 Belošević J Materijalna kultura Hrvata od VII—IX veka Zagreb, 1980 T 53, 54, 55.
81 Čremošnik I Die altesten Ansiedlungen und Kultur der Slaven in Bosnien und der Herzegowina im Lichte der Untersuchungen in Mišići und Batkovići // Balcanoslavica 1 1972 Prilep, Beograd 1974 S 59—64 T 11 i Sl 4 (, 10 i 11
82 Anamali S Des Illyriens aux Albanais // Iliria Nr 1 Tirana, 1985 P 227, Korošec J Uvod v materialno kulturo Slovanov zgodnjega srednjega veka Ljubljana, 1952 Sl 87:2 i 3
83 Vinski Z Naušnice zvjezdolikog tipa u Arheološkom muzeju u Zagrebu s posebnim osvrtom na nosioce srebrnog nakita Čadjavica // Starohrvatska prosvjeta Serija III Svezak 2. Zagreb, 1952 S 45, Anamali S Des Illyriens aux Albanais P 227
84 Vinski Z Naušnice zvjezdolikog C 29
85 Korošec I Uvod Sl 132 2
86 Babić B Denešnite teritorii S 153—182, Въжарова Ж Н Славянски и славяно-български селища и Българските земи VI—XI век София, 1965 С 86—87, Marjanović-Vujović G Najstarije slovensko naselje u Beogradu // Godišnjak muzeja grada Beograda XXV Beograd, 1978 S 12 Sl 2, Mano-Zisi Dj , Ljubinković M , Garašanin M , Kovačević J Veselinović R Zaštitna iskopavanja kod Pančeva (Muzeji I) Beograd, 1948 S 52 Janković Dj Dokumentacija Centra za arheološka istraživanja Filozofskog fakulteta u Beogradu (neobjavljena) Janković M Vinča — reka Bolečica (Dokumentacija muzeja grada Beograda, neobjavljeno), Janković M Ritopek — reka Bolečica (Dokumentacija muzeja grada Beograda, neobjavljeno), Babić B Materijalnata kultura S 223—233
87 Werner J Slawische Bügelfibeln des 7 Jahrhunderts // Reinecke Festschrift Mainz, 1950 S 150—172 Taf 27—43
88 Babić B Denešnite teritorii T IX 1—7, 9—14
89 Ibid
90 Византиски извори Т I С 22, 23
91 Ibid С 221, 222.
92 Zahvalnost za izradu crteža i formiranje tabli dugukem magistrantima arheologije Veselinki Boceskoj i Saši Aceskom iz Prilepa i Mihaelu Mitunoviću, akademskom slikaru iz Beograda

А.Н.Башенькин

СЛАВЯНЕ НА ВОСТОКЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ. V—IX вв.

Вопрос о времени и путях проникновения славянского населения на территорию Новгородской земли, дискутирующийся еще со времен зарождения отечественной истории, а позднее и археологии, по настоящий день остается открытым. Обширнейшая библиография вопроса наиболее полно освещена в работах В.В.Седова [1]. При рассмотрении этой проблемы исследователи в первую очередь обращаются к двум пластам древностей второй половины I тыс. н.э., известным на Северо-Западе — культурам сопок и длинных курганов. И если относительно недавно, в 1981 г., один из ведущих исследователей по этой проблеме Е.Н.Носов отмечал, что «до сих пор остается много неясного не только в отношении их (сопок и длинных курганов) общей этнической оценки, но и в отношении их хронологии, территории распространения, конструктивных особенностей, деталей погребального обряда» [2], то после публикации этой работы ситуация существенно изменилась. На Северо-Западе за последние 15 лет проведены широкие полевые работы как по выявлению, так и по исследованию памятников указанных культур. Следует отметить, что исследовались не только погребальные насыпи, но и поселения. Другой особенностью этого этапа изучения явилось то, что работы проводились не только в достаточно хорошо изученном регионе Поволховья, а по всей территории распространения этих культур. О масштабах говорит хотя бы тот факт, что за это время несколькими исследователями проведены раскопки более 30 сопок и высоких насыпей культуры длинных курганов. Значительное число выявленных и исследованных на современном уровне памятников существенным образом дополнили имевшуюся источниковую базу для изучения историко-культурных процессов, происходивших на Северо-Западе во второй половине I тыс. н.э. В ближайшее время следует ожидать появление обобщающих работ на качественно новой источниковой базе в целом по Северо-Западу.

В данной статье рассматривается лишь один из регионов Северо-Запада: бассейн средней Мологи, то есть восточная часть основной Новгородской территории. Здесь в период 1979—1975 гг., экспедицией под руководством автора проведено детальное обследование рек Чагодоща, Смердомля, Лидя, Ратца, Песь, Кобожа, Звана и участка Мологи от Пестова до впадения ее в Рыбинское водохранилище (рис. 1). Экспедицией были открыты ранее здесь неизвестные могильники и поселения культуры длинных курганов: более 20 могильников и 10 поселений. Выяснилось, что северо-восточная граница распространения длинных

Рис. 1. Карта памятников V—IX вв. н. э. *а* — курганы КДК; *б* — высокие насыпи КДК; *в* — сопки новгородские; *г* — поселения; *д* — раскопанные памятники; *е* — нераскопанные памятники.

1, 2 — Озерево; *3* — Варшавский Шлюз I; *4, 5* — Варшавский Шлюз III, II; *6* — Городенка; *7, 8* — Смердомский; *9* — Загорье; *10* — Карасенка (Максимово); *11* — Тургошь; *12, 13* — Сазоново; *16—18* — Старое Огарево; *19—20* — Любахин; *21* — Клеменино; *22—23* — Мегрино; *24* — Котынь (Пустынь); *25* — Наумовское; *26* — Бабушкино; *27—28* — Усть-Белая IV, III; *29—31* — Кобожа IV—VI; *32* — Клыпино; *33* — Избощи; *34—35* — Кобожа VIII, VII; *36* — Городок; *37* — Крестцы; *38* — Городок; *39—42* — Крутец-Избощи; *43* — Куреваниха II; *44—45* — Куреваниха III, XXI; *46* — Перя; *47* — Давыдовское; *48—49* — Славынево II, III; *50—51* — Старое I, II.

курганов проходит по верховьям рек Сясь — Чагода — Лидь — Чагодоща — Молога и в целом совпадает с границей распространения сопковидных насыпей. Высокие насыпи встречаются здесь также не спорадически, а представляют, наряду с могильниками культуры длинных курганов, основные типы погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. Обследовано около 40 групп с сопковидными насыпями. В ряде могильников встречаются различные типы насыпей: длинные, прямоугольные, круглые и сопковидные. Раскопками исследовано 6 сопковидных насыпей в 4 группах. Высота насыпей 2—6,5 м, диаметр 14—32 м. В пяти могильниках культуры длинных курганов раскопано 18 длинных, прямоугольных и круглых насыпей. На поселении Варшавский шлюз III, относящемся к этой культуре, вскрыто 344 кв. м, зафиксированы остатки трех наземных жилищ срубной конструкции.

Особенностью региона является то, что здесь выявлены и достаточно хорошо изучены поселения и погребальные памятники первой половины I тыс. н.э. — городища, селища, курганы, грунтовые могильники, «домики мертвых», принадлежащие местному финно-угорскому населению [3]. Это дало возможность сопоставить с ними материалы памятников культуры длинных курганов и сопок. Следует также отметить, что для памятников V—IX вв. получена значительная серия дат по ^{14}C в двух лабораториях, что дало дополнительные возможности для уточнения хронологии.

В первой половине I тыс. н.э. на рассматриваемой территории существуют городища и селища, близкие по керамическому набору и вещевому комплексу позднедьяковским. Погребальные памятники представлены грунтовыми могильниками, «домиками мертвых», курганами. Все погребения совершены по обряду трупосожжения. Синхронное существование разных типов погребальных памятников указывает на разные группы населения, принявших участие в заселении региона, но отнесение их всех к финно-угорскому миру особых сомнений не вызывает. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные находки зооморфных украшений в виде уточек, летящих птиц, медведей, лося, формы и орнаментация керамики и т.д. Возможно, сюда проникли отдельные группы степного кочевого населения [4]. В погребениях мечи, кинжалы, боевые и рабочие топоры, наконечники и втоки копий, стрелы, ножи, поясная гарнитура степных типов, многочисленные бронзовые украшения, стеклянные бусы. На последнем этапе существования этой культуры в IV — начале V вв. начинают сооружаться наряду с небольшими курганами и монументальные насыпи высотой до 5 м, диаметром более 30 м. В V в. поселения и могильники этого населения на рассматриваемой территории забрасываются совсем или на их месте появляются памятники совершенно другого типа — культуры длинных курганов. Специально предпринятые попытки найти на этой территории погребальные памятники VI—IX вв., где прослеживались бы традиции первой половины I тыс. н.э., не увенчались успехом. Развитие этих тради-

ций прослеживается, но только северо-восточнее, в бассейне Шексны, на Суде, куда не распространилось население культуры длинных курганов. Там финно-угорские памятники существуют до XI—XIII вв. Все это еще раз подтверждает положение, что население культуры длинных курганов было пришлым.

Могильники культуры длинных курганов бассейна Мологи не имеют каких-либо особенностей, отличающих их от «псковско-боровических» длинных курганов. Наоборот, поражает практически полная идентичность топографии могильников, погребального обряда, инвентаря. Причем памятники культуры длинных курганов рассматриваемой территории относятся не к среднему или позднему этапу культуры, а к ее наиболее раннему периоду. В могильнике Усть-Белая IV раскопано 6 насыпей из 10. Насыпи прямоугольной и круглой формы, остатки сожжений на стороне помещены в ямки в материке и в насыпи, одно погребение урновое, инвентарь немногочислен. В прямоугольном кургане 6 размерами 7x9x0,7 м было обнаружено погребение в грунтовой ямке, в котором среди большого количества кальцинированных костей находились В-образная рифленая пряжка, футляр для трута и оселок. По особенностям оформления пряжка может быть датирована V в. н.э. [5]. По углю из этого погребения получена дата 1460 ± 30 лет назад (ЛЕ-4562), что достаточно хорошо согласовывается с археологической датировкой. По углю из соседнего круглого кургана 3 получена также близкая дата: 1450 ± 60 лет назад (ЛЕ-3549).

В могильнике Любахин 1 на р.Песь из 6 насыпей раскопано 5 — длинная, три прямоугольных и круглая [6]. В курганах зафиксированы практически все известные в культуре виды помещения остатков сожжений: в грунтовой ямке, россыпью на основании, в перевернутой урне, в ямке в насыпи, россыпью под дерном — что свидетельствует о синхронности способов помещения. В инвентаре погребений представлены бляшки-обоймицы головного венчика, бляшки-скорлупки, браслеты с расширяющимися концами, спиральки, красные пастовые и синие 14-гранные бусы, ножи с прямой спинкой, пряжки, шилья. В целом, это характерный комплекс культуры псковских длинных курганов, который обычно датируют широко V—VIII вв. н.э. Однако, в погребении 1 кургана 6 обнаружены 2 подвески-лунницы стиля Сёсдал, которые по центрально- и североевропейским находкам датируются концом IV — первой половиной V в. н.э. [7]. Ближайшей аналогией является подвеска-лунница из могильника культуры длинных курганов Рысна-Сааре II в юго-восточной Эстонии [8]. Учитывая, что в могильнике Любахин 1 погребено не более 10 человек, из них всего 2 мужчин (определения антрополога Н.Н.Цветковой), можно полагать, что могильник существовал не более 100 лет, и, вероятно, дата могильника не выходит за рамки V в.

В третьем исследованном могильнике Варшавский шлюз I на р.Чагода в длинном кургане 1 найдены бронзовый пинцет и бляшки-обоймицы головного венчика. Близкие пинцеты в прибалтийских и камских

древностях датируются V — первой половиной VI вв. Обоймицам близки бляшки из длинного кургана 6 у д.Полибино, являющегося одним из наиболее ранних могильников культуры длинных курганов. Косвенно раннюю дату могильника Варшавский шлюз I подтверждает дата по углю из очага на расположенном рядом поселении Варшавский шлюз III — 1600 ± 80 лет назад (ГИН-6628).

Группа Варшавский шлюз I наряду с длинными, прямоугольными и круглыми курганами включает и 3 сопковидных насыпи высотой до 7 м, диаметром до 35 м, окруженных ровиками. Нахождение высоких сопковидных насыпей в могильниках культуры длинных курганов не исключение, а обычное явление. Исследования в бассейнах Мологи, как и в других регионах, показали, что они относятся к той же культуре [9]. Эти насыпи входят в группы с длинными, встречаются поодиночке, а иногда образуют отдельные могильники, состоящие исключительно из высоких насыпей. Две такие насыпи были исследованы в группе Крутец-Избищи на р.Молога (рис. 1). Она состояла из 15 насыпей высотой от 2 до 7 м, диаметрами 14—30 м, расположенных в сосновом бору вдоль дороги. Все насыпи окружены рвами. Насыпь 4 при высоте 2,25 м и диаметре 30 м имела плоскую вершину, диаметр которой почти равен основанию. Раскопки подтвердили предположение, что это «недосыпанная» высокая насыпь. Погребальная площадка диаметром 24 м была окружена кольцевым рвом. В центре площадки на погребенной почве находились 2 погребения в деревянных сосудах (кальцинированные кости залегали «столбиками»). Среди костей бронзовые браслеты (треугольные в сечении), пластинчатые перстни, спиральки, синие стеклянные бусы, 3 ножа с прямой спинкой, футляр для фитиля. На краю погребальной площадки найден обугленный деревянный ковш. По нему получена дата — 1170 ± 50 лет (ГИН-7210). Еще 2 погребения в «рассыпанном» виде найдены под дерном в центре насыпи. Среди костей орнаментированная подвеска-лунница, спиральный перстень, обоймочка, спиральки, синие бусы, обломки лепного горшка. Курган 3 высотой 2,15 м, диаметром 16 м содержал безынвентарное погребение в грунтовой ямке в материке и второе, разрушенное, в вершине насыпи. В нем найдены пряжка с вогнутыми боковыми сторонами, футляр для фитиля, бронзовое колечко, синие бусы, обломки лепной керамики. Исследованные курганы могут быть датированы VIII—IX вв. Они, вероятно, являются наиболее поздними в группе, так как курган 4 «недосыпан», а третий не входит в основную цепочку и расположен несколько в стороне. Курганы, входящие в основную цепочку, должны относиться к несколько более раннему времени.

В 5 км ниже по Мологе в группе Куреваниха III была исследована насыпь высотой 6 м, диаметром 32—34 м, окруженная рвом. Она находилась на месте более раннего поселения и могильника, и поэтому подробное рассмотрение ее материалов требует отдельной публикации. Однако отметим, что для погребений с вещами культуры длинных кур-

ганов (орнаментированная подвеска-лунница, бляшки-обоймицы от головного венчика с позолотой, пронизки) получены ранние даты по ^{14}C — 1460 ± 90 лет назад (ГИН-7207), 1260 ± 30 лет назад (ЛЕ-3456). по-видимому, высокие насыпи возводились на всем протяжении существования этой культуры с V по IX вв. В IX в. в бассейне Мологи культура длинных курганов прекращает свое существование. Погребальные традиции ее прослеживаются в древнерусских курганных могильниках X—XII вв., состоящих из невысоких круглых курганов без каменных обкладок (Левоча, Кобожа, Новинка, Володино и др.) [10]. В целом памятники культуры длинных курганов, включая высокие насыпи, в бассейне средней Мологи датируются V—IX вв. Погребальный обряд населения этой культуры существенно отличается от погребального обряда предшествующего времени; погребальный инвентарь и женские украшения, в частности, не имеют прототипов в местных древностях, его аналогии уводят на юго-запад в бассейн верхнего Днепра, Западной Двины и далее на запад. В целом женский убор населения культуры длинных курганов принципиально отличается по составу и количеству украшений от женского убора предшествующего времени. Все это еще раз свидетельствует, что это население являлось пришлым на этой территории и появляется здесь в V веке, как и в западной части ареала этой культуры. По-видимому, мы имеем дело с быстрой и достаточно обширной миграцией. Маленькие по размерам поселения с тонким культурным слоем, небольшие по количеству насыпей могильники свидетельствуют о небольших группах населения, основой хозяйства которых было подсечное земледелие. Весь имеющийся комплекс материалов позволяет полагать, что это население — летописные верхневолжские кривичи — сложное образование, славяно-балтское в своей основе.

Второй пласт древностей в рассматриваемом регионе составляют памятники культуры сопок. Уже сейчас достаточно четко определены признаки, по которым новгородские сопки выделяются из общей массы высоких насыпей. Это высокие насыпи без рва вокруг основания, с каменными конструкциями разных типов, погребениями по обряду трупосожжения. Сопки располагаются обычно рядом с селищами, на открытых местах в зонах, уже в древности освоенных в земледельческом отношении [11]. Ранее в регионе Н.В.Калачовым, А.В.Никитиным, Н.В.Тухтиной было исследовано 5 небольших сопок в группах у дд. Избоищи, Крестцы, Бабушкино. Нами в 1992 г. в охранных целях было произведено исследование сопки на р.Чагода у д.Озерево Ленинградской обл. Раскопанная насыпь полностью соответствовала всем признакам новгородских сопок. Она находилась на берегу реки, в поле, в цепочке из 6 сопок. Высота ее 6,4 м, диаметр 26 м, ров отсутствовал. Погребение 1 представляло несколько кальцинированных косточек в вершине насыпи и единичные фрагменты грубой лепной неорнаментированной керамики. Погребение 2 — на глубине 2,2 м от вершины на площади 0,5 х 0,5 м несколько кальцинированных костей, среди которых

медный брусок весом 91,2 г (полгривны?). Других погребений не обнаружено. В профилях бровок хорошо видно, что первоначально сопка сооружалась путем засыпки края площади песком, который образовывал своеобразный вал высотой до 1,4 м при ширине 10 м. Центр оставался свободным и засыпался позднее. Здесь сооружались каменные кладки на разных уровнях, которые отмечали центр насыпи. Раскопанная сопка может быть датирована широко IX—X вв. Исследование этой монументальной насыпи с двумя практически безинвентарными погребениями еще раз убеждает в правомерности положений В.Я.Конецкого, который рассматривает сопки как погребальные памятники социальной верхушки возводивших их коллективов. При этом сопки являлись одновременно своеобразными «языческими храмами», сакральными сооружениями [12].

До конца IX в. славянское население в Белозерье проживает только в бассейне р.Молога, не переходя болотистую Молого-Шекснинскую низменность. Севернее и восточнее, в бассейнах рек Суда, Шексна и Белого озера обитала летописная весь. Рассматриваемая территория в X в. стала одним из регионов, откуда пошел мощный колонизационный поток славяно-русского населения на северо-восток.

1. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; Он же. Славяне в древности. М., 1994.
2. Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. в Приильменье // СА. 1981. № 2. С. 42.
3. Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 3—29.
4. Там же.
5. Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. Хронология «В»-образных рифленых пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986. С. 129—138.
6. Башенькин А.Н. К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и современность. Новгород, 1990. С. 48—50.
7. Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.) // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб., 1993. С. 113—122. Рис. 6, 19, 20.
8. Аун М. Курганный могильник Рысна-Сааре II // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. 1981. № 4. С. 400. Табл. VII:4.
9. Кузьмин С.Л. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли второй половины I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1990. С. 53—56.
10. Башенькин А.Н. Юго-западное Белозерье во второй половине I — начале II тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
11. Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы ... Кузьмин С.Л. Высокие погребальные сооружения.
12. Конецкий В.Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII—X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 141—144.

В.С.Вергей

ПОСЕЛЕНИЯ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

На территории Белоруссии благодаря исследованиям нескольких поколений археологов (А.Коваленя, А.Лявданский, Ю.Кухаренко, И.Русанова, В.Исаенко, Л.Поболь, М.Гурин, Ю.Залашко, А.Егорейченко, В.Вергей) выявлено около 60 памятников пражской культуры. Они открыты на юге страны — от Бреста на западе до Мозыря на востоке. Среди них преобладают неукрепленные поселения. Керамика культуры типа Прага-Корчак найдена в культурном пласте трех городищ — Хотомель [1], Хоромск [2] и Хильчицы [3]. Одиночные трупосожжения в грунтовых ямах зафиксированы около дд. Хорск [4], Хотомель [5], Снядин [6] и в кургане около д.Семурадцы [7].

Прослеживается неравномерность славянского расселения в Белорусском Полесье в третьей четверти I тыс. н.э., что можно объяснить особенностями природных условий региона, с одной стороны, и состоянием археологических исследований — с другой. Большая плотность памятников наблюдается в окрестностях Бреста, что, видимо, связано с низким уровнем заболоченности этой территории и неширокими поймами рек Пульва и Лесная.

Далее на восток памятники пражской культуры обнаружены южнее и севернее Пинска, в низовьях Горыни, в междуречье Припяти и Ствиги, в окрестностях г.Петриков. Не известны материалы этого времени в Пино-Муховецком ландшафтном регионе, что можно объяснить его сильной заболоченностью. Все очерченные районы концентрации раннеславянских памятников были освоены значительно раньше, многие из них размещены на более ранних поселениях с материалами от эпохи мезолита до вельбарской культуры.

Население пражской культуры основывало селища на краях и склонах первых надпойменных террас, вдоль высоких коренных берегов водоемов, на песчаных дюнах либо останцах террас среди пойменных лугов. Площадь этих поселений небольшая, в пределах 1—2 га, размещаются они чаще всего гнездами по 2—3 селища. Культурный слой имеет толщину 0,3—0,7 м.

Укрепленные поселения располагались поодаль от речных берегов. Городища Хотомель и Хильчицы возведены на узких конечных участках песчаных гряд, окруженных болотистыми низинами. Оба имели круглую в плане площадку, диаметром около 40 м, окаймленную кольцевым валом. Помимо этого хотомельское городище с востока и запада было укреплено дополнительными дугообразными валами и рвами. В качестве каркаса песчаных валов в Хотомеле и Хиль-

чицах использованы деревянные конструкции, напоминающие клети [8].

Городище около д.Хоромск на левобережье Горыни расположено посреди болотистой низины на возвышенности подтреугольной формы, высота которой около 4 м. Его склоны, возможно, искусственно подрезаны. Размеры площадки 25 х 50 м, валы визуально не прослеживаются [9]. Жилые постройки на описанных городищах не зафиксированы. Утвердилось мнение, что они использовались как убежища и центры общественной жизни.

На неукрепленных поселениях Белорусского Полесья исследовано 13 жилищ с керамикой типа Прага-Корчак: 3 в Петрикове, 3 в Острове, 2 в Камне 6, 3 в Струге 1, 1 в Кожан-Городке, 1 в Липлянах 6. О петриковских жилищах имеется самая общая информация [10]. Материалы поселения, которое исследовалось в 1932 г., в обобщенном виде остались неопубликованными, полевая документация не сохранилась, остался только ящик с несколькими десятками фрагментов керамики с селища в Петрикове, который хранится в Институте истории АН Белоруссии. Отдельные фрагменты посуды из этой коллекции опубликовал Ю.В.Кухаренко [11], а наиболее полно она представлена в работе И.О.Гавритухина [12]. Известно, что полуземляночные жилища с поселения в Петрикове имели прямоугольную форму и обогревались печами или очагами, сложенными из камней и кусков болотной руды. Там же были найдены и металлургические шлаки. Эти постройки А.Н.Лявданский датировал временем «1500 лет тому назад» [13].

Близкую к квадрату форму имеют жилища, открытые около д. Остров [14]. Они слегка углублены в материк на 0,05—0,25 м, длина стен колеблется в границах 2,5—3,6 м. Конструкция стен, видимо, срубная, о чем свидетельствует отсутствие столбовых ям. Пол песчаный, ровный. На нем располагались очаги овальной формы размерами 0,8—0,9 х 0,7—0,5 м, сложенные из металлургических шлаков, к которым в жилище 1 добавлен кремневый желвак, а в жилище 3 — фрагменты посуды. Жилища ориентированы углами по сторонам света. Очаги помещались в северо-восточном и северо-западном углах построек и не соприкасались со стенками котлованов. В заполнении жилища 3, наряду с ранними формами пражской керамики, найдена 14-гранная темно-синяя стеклянная бусина и железный втульчатый с удлиненно-ромбической формой пера наконечник дротика. Сочетание подобных вещей по мнению А.А.Егорейченко дает дату рубежа IV—V вв. н.э.

Жилища с поселения Струга 1 имели подквадратные котлованы, углубленные в материк на 0,15—0,3 м. Их площадь колебалась в пределах 14—17 кв.м [15]. Ориентированы стенами по сторонам света, полы ровные, песчаные. Во всех трех постройках выявлены развалы прямоугольных в плане печей, сооруженных из глины и мелких камней на деревянном каркасе. В развале печи жилища 3 найдены куски глины с отчетливыми отпечатками дерева. В двух жилищах печи возведены прямо на полу, а в третьем — на песчаной подсыпке толщиной 7—8 см, под

которой прослежено углубление, заполненное черной землею с включениями угля и золы. Во всех случаях между печами и стенками котлована сохранилось небольшое пространство. Печи размещались в юго-западном, северо-западном углах и посередине у северной стены. В постройке 3 в юго-западном углу выявлена круглая в плане яма диаметром 0,8 м и глубиной 0,4 м. Следы столбовых ям не прослежены. В заполнении жилищ и развале печей встречено значительное количество обломков лепной посуды типа Прага-Корчак развитых форм, фрагменты глиняных хлебцев, целые и фрагментированные глиняные пряслица, синяя стеклянная бусина, бронзовый стержень. На основании анализа керамического материала жилые постройки с поселения Струга 1 могут быть датированы VII — началом VIII в. [16]

В.Ф.Исаенко на многослойном поселении Камень 6, которое расположено в бассейне р.Бобрик (северный приток Припяти), исследовал два полуземляночных жилища с керамикой типа Прага-Корчак [17]. Прямоугольные в плане котлованы углублены в материк на 0,3—0,6 м, имели площадь около 14 кв.м, ориентированы углами по сторонам света. В одном жилище от очага, расположенного в юго-западном углу, сохранилось небольшое количество камней и комков необожженной глины. В центре другой постройки прослежено угольно-зольное пятно диаметром 1,2 м, около которого находилось несколько небольших камней. Ямы от столбов не обнаружены.

Подквадратное в плане жилище размером 4 х 3,8 м и глубиной котлована до 0,5 м исследовано на поселении Кожан-Городок на северном берегу Припяти. Оно ориентировано стенами по сторонам света. Песчаный пол значительно понижается к центру. Постройка погибла в пожаре и по ее периметру сохранились остатки обугленных бревен, местами в 2—3 венца. В северо-восточном углу жилища находился развал обожженных камней и кусков болотной руды. Первоначально М.Ф.Гурин интерпретировал его как остатки очага, позднее реконструировал отопительное устройство жилища как печь-каменку [18]. Однако, на иллюстрации, где изображены план и профиль постройки, остатки отопительного сооружения не отмечены. Кажется, что в первом случае автор был ближе к истине.

На разрушенном мелиораторами поселении Липляны 6, которое расположено на левом берегу Уборти, исследована сохранившаяся часть полуземляночного жилища. Прямоугольный в плане котлован углублен в материк на 0,1—0,3 м и имел размеры 2,6 х 2,8 м. В северо-западном углу выявлен развал круглой в плане печи, сложенной из глины и мелких камней. Она возведена на ровном песчаном полу и не примыкала к стенкам котлована. В заполнении жилища найдены обломки горшков типа Прага-Корчак и фрагменты глиняных хлебцев.

Помимо жилищ на раннеславянских селищах Белорусского Полесья выявлены ямы-погреба, слегка углубленные в материк хозяйственные постройки, печи и очаги, размещавшиеся вне построек. Хозяйственные

постройки имели меньшую, чем жилища площадь и, видимо, более легкую конструкцию стен. Ямы имели круглую, овальную или прямоугольную в плане форму. Над некоторыми из них прослеживаются следы навеса. В иных случаях ямы-погреба, хозяйственные постройки и отдельно стоящие печи располагались вблизи жилищ, образуя единый комплекс, однако, чаще всего, разного рода хозяйственные сооружения размещались на территории между жилыми постройками.

В целом, говоря о конструкции жилищ, исследованных на поселениях пражской культуры на территории Белоруссии, можно отметить устоявшуюся строительную традицию. Они реконструируются как срубные подквадратной формы постройки с песчаным углубленным в материк полом. Обогревались очагами, сложенными из камней в сочетании с глиной, или с кусками болотной руды, или же с обломками керамики. Встречаются печи, сложенные из мелких камней и глины. По размерам и конструкции стен они аналогичны жилищам остального ареала пражской культуры. Однако, если в большинстве случаев раннеславянское жилище отапливалось печью-каменкой, то в Поприпятье в этих целях использовались очаги и глиняные печи.

Вещевой комплекс раннеславянских поселений представлен изделиями из глины, металла, стекла и камня. Массовым материалом на памятниках пражского типа является керамика. Существует ряд работ [19], в которых разработана подробная типология керамики пражского типа для различных регионов культуры. В ее основу положены материалы с закрытых комплексов. Типология основана на формах и пропорциях сосудов, профилировке шеек и способе оформления венчиков, орнаментации. Она позволяет соотнести керамический комплекс разных объектов и поселений. Исследователи, занимавшиеся классификацией пражской керамики, выявили определенные хронологические закономерности развития ее форм: со временем увеличивается профилировка сосудов, уменьшается их высота, удлиняется шейка и увеличивается угол ее наклона. На поздних вариантах керамики появляется орнамент в виде насечек или вдавлений по венчику, волнистых линий по тулову, подправка на гончарном круге. Однако не следует забывать, что некоторые типы и варианты керамики существуют долгое время и сами по себе не могут служить основанием для определения более узкой хронологии. необходимо руководствоваться их сочетанием в комплексе.

Глиняная посуда на раннеславянских селищах Белоруссии представлена в основном горшками, значительно реже встречаются сковородки, миски, маленькие сосудики. При ее анализе использованы материалы с исследованных раскопками поселений Струга 1, нижнего слоя городища Хотомель [20], Кожан-Городок [21], Блювиничи [22], Остров [23], Камень 6 [24], Липляны 6, Петриков [25], Снядин 1 и 2. На этих памятниках получены более или менее представительные коллекции керамики, в том числе и в закрытых комплексах. Использовано около 300 фрагментов посуды, сохранившихся в размерах, пригодных для классификации.

Вся керамика лепная, формовалась она, в основном, способом ленточного налепа. Формовочная масса состоит из глины с добавками песка, дресвы и шамота. Наиболее часто использовались отощающие добавки из дресвы. По фактуре поверхности сосуды распадаются на две группы: бугристые и шероховатые. Толщина стенок сосудов преимущественно колеблется в пределах 0,5—1 см. Заметно, что среди шероховатых сосудов тонкостенные встречаются чаще, чем среди бугристых. На некоторых сосудах видны следы заглаживания тканью, пучком травы или соломы. Они имеют вид слабой бессистемной вертикальной или диагональной штриховки (Остров, Снядин 2).

На основе морфологического и статистического анализов верхних частей сосудов выясняется, что чаще всего на полесских поселениях встречаются сосуды с прямой шейкой, горизонтально срезанным венчиком, и выделенным в разной степени плечом. Вторую позицию занимают горшки с отогнутой наружу шейкой и горизонтально срезанным венчиком и третью — с отогнутой наружу шейкой и косо срезанным венчиком. К числу характерных, но менее распространенных относятся сосуды с прямой или отогнутой наружу шейкой и закругленным венчиком, а также с невыделенной шейкой и загнутым внутрь венчиком. Дно в преобладающем большинстве сосудов плоское и подрезанное с боков, представляет собою невысокий цилиндр, переходящий под тупым углом в коническое тулово. В меньшей степени распространено дно сразу же переходящее под тупым углом в тулово и еще реже встречается дно с закраиной. Только на трех памятниках (Петриков, Снядин I и Струга 1) в единичных экземплярах выявлены фрагменты донных частей на невысокой круговой ножке.

Типичными формами на полесских памятниках являются высокие горшки с нешироким горлом, узким дном и с более или менее выделенными плечиками. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосуда. Выявлены на всех памятниках. К другому типу относятся более открытые горшки с таким же нешироким дном. Широко распространены в Поприпятье также высокие горшки с плавными, низко опущенными плечиками и наибольшим расширением немного выше их середины или же на середине (Остров, Камень 6, Снядин 2, Струга 1). В нижнем пласте городища Хотомель найден невысокий мисковидный горшок с выпуклыми плечами. В Камне 6, в жилище 1 встречен горшок с довольно широкими устьем и дном. Такой же найден и в Кожан-Городке. К низким мисковидным сосудам (а может частично и мискам) относится посуда с широким устьем, отогнутой наружу шейкой и слабо выраженными плечиками. Причем диаметр расширения тулова у них может быть меньше диаметра устья. Наиболее широко подобные сосуды представлены на селище Струга 1. Аналогичные формы посуды встречаются на поселениях Кодын 2, Гореча [26], Рипнев 1 [27], Рипнев 2 [28], Гульск, Корчак 1, Буки [29], на раннесредневековых памятниках Польши [30]. Низкие приземистые горшки известны в ранних длинных

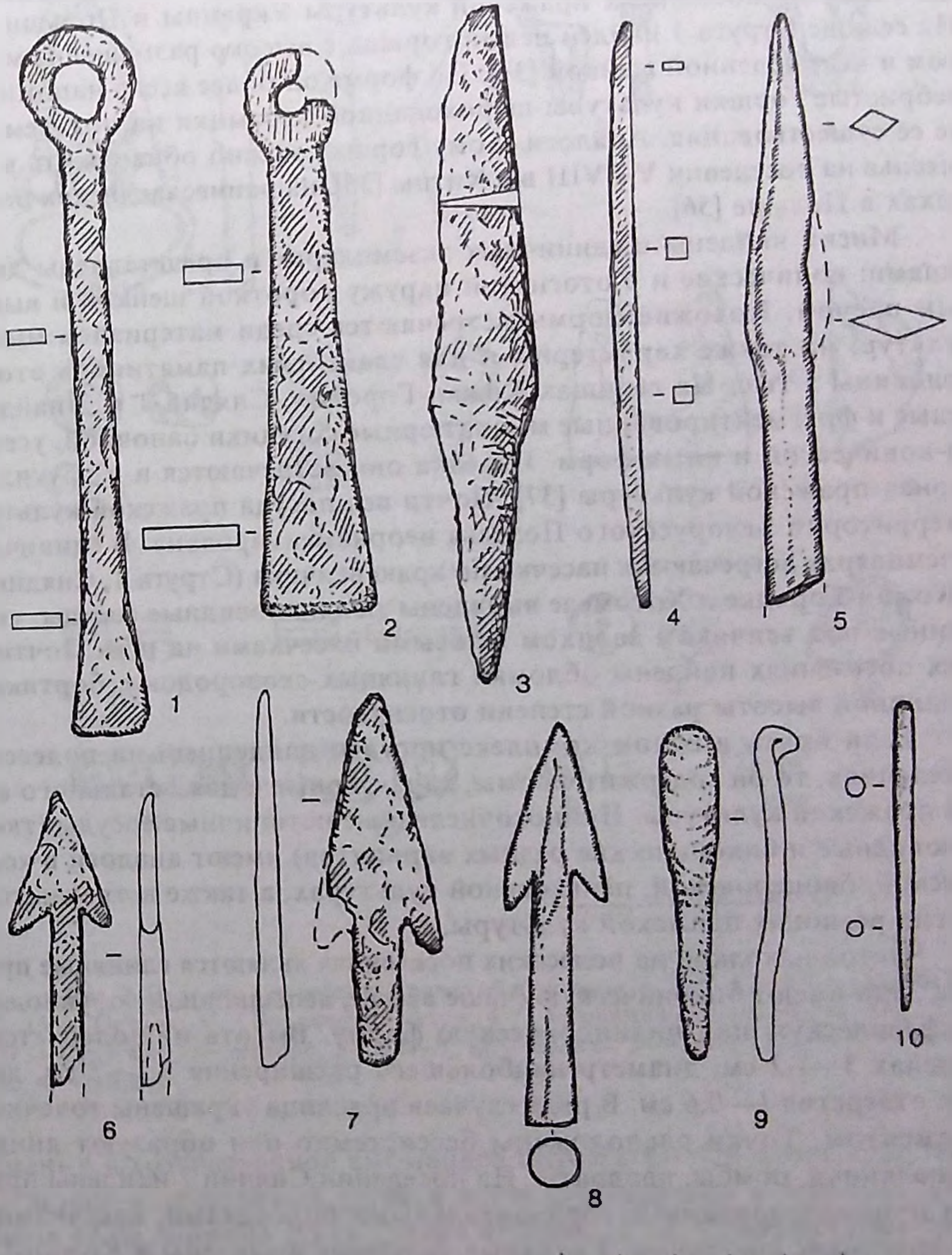


Рис. 1. Изделия из железа с поселений пражской культуры. 1 — Бухличский хутор, 2—4, 9—10 — Снядин 2, 5 — Остров, 6—7 — Струга 1, 8 — Камень 6.

курганах [31], на селище банцеровской культуры Городище [32]. В Хотомеле и Струге 1 выявлено незначительное количество тюльпановидных и биконических сосудов, близких посуде банцеровско-колочинского и пеньковского круга древностей. Однако подобные сосуды известны также на поселениях пражской культуры Украины и Польши [33]. На селище Струга 1 найден целый горшок с высоко размещенным ребром и невыделенной шейкой [34]. По форме он более всего напоминает ребристые горшки культуры штрихованной керамики на позднем этапе ее существования. Аналоги этому горшку можно обнаружить в Подесенье на поселении V—VIII вв. Хитцы [35], на раннеславянских памятниках в Польше [36].

Миски найдены в единичных экземплярах и представлены двумя типами: конические и с отогнутой наружу короткой шейкой и выпуклым плечом. Похожие формы встречаются среди материалов многих культур, но также характерны и для славянских памятников второй половины I тыс. На селищах Кожан-Городок, Снядин 1 и 2 найдены целые и фрагментированные миниатюрные сосудики баночной, усеченно-конической и иных форм. Изредка они встречаются и в других регионах пражской культуры [37]. Почти вся посуда пражской культуры с территории Белорусского Полесья неорнаментирована. В единичных экземплярах встречаются насечки по краю венчика (Струга 1, Снядин 2). В Кожан-Городке и Хотомеле выявлены тюльпановидные сосуды, украшенные под венчиком валиком с косыми насечками на нем. Почти на всех поселениях найдены обломки глиняных сковородок с бортиками различной высоты разной степени отогнутости.

Если брать в целом комплекс посуды, найденный на полесских поселениях, то он содержит формы, характерные и для остального ареала пражской культуры. Немногочисленные нетипичные сосуды (тюльпановидные и биконические разных вариантов) имеют аналоги в колочинской, банцеровской, пеньковской культурах, а также встречаются в других регионах пражской культуры.

Частой находкой на полесских поселениях являются глиняные пряслица. Они имеют биконическую (чаще всего), лепешковидную, уплощенно-сферическую или цилиндрическую форму. Высота их колеблется в пределах 3—1,2 см, диаметр наибольшего расширения 3,2—2 см, диаметр отверстия 1—0,6 см. В ряде случаев пряслица украшены точечным орнаментом. Точки расположены бессистемно или образуют линии, треугольники, ромбы, квадраты. На поселении Снядин 2 найдены пряслица орнаментированные горизонтальными бороздками, насечками и прочерченным крестиком. Глиняные «хлебцы» выявлены в Кожан-Городке, Струге 1, Липлянах и Снядине 2. Встречаются на поселениях Белорусского Полесья также различных форм грузила, сделанные из глины и камня, прямоугольные и овальные точильные бруски. Железные ножи найдены почти на всех поселениях. Встречаются обломки железных топоров, целые и фрагментированные шилья. На поселении

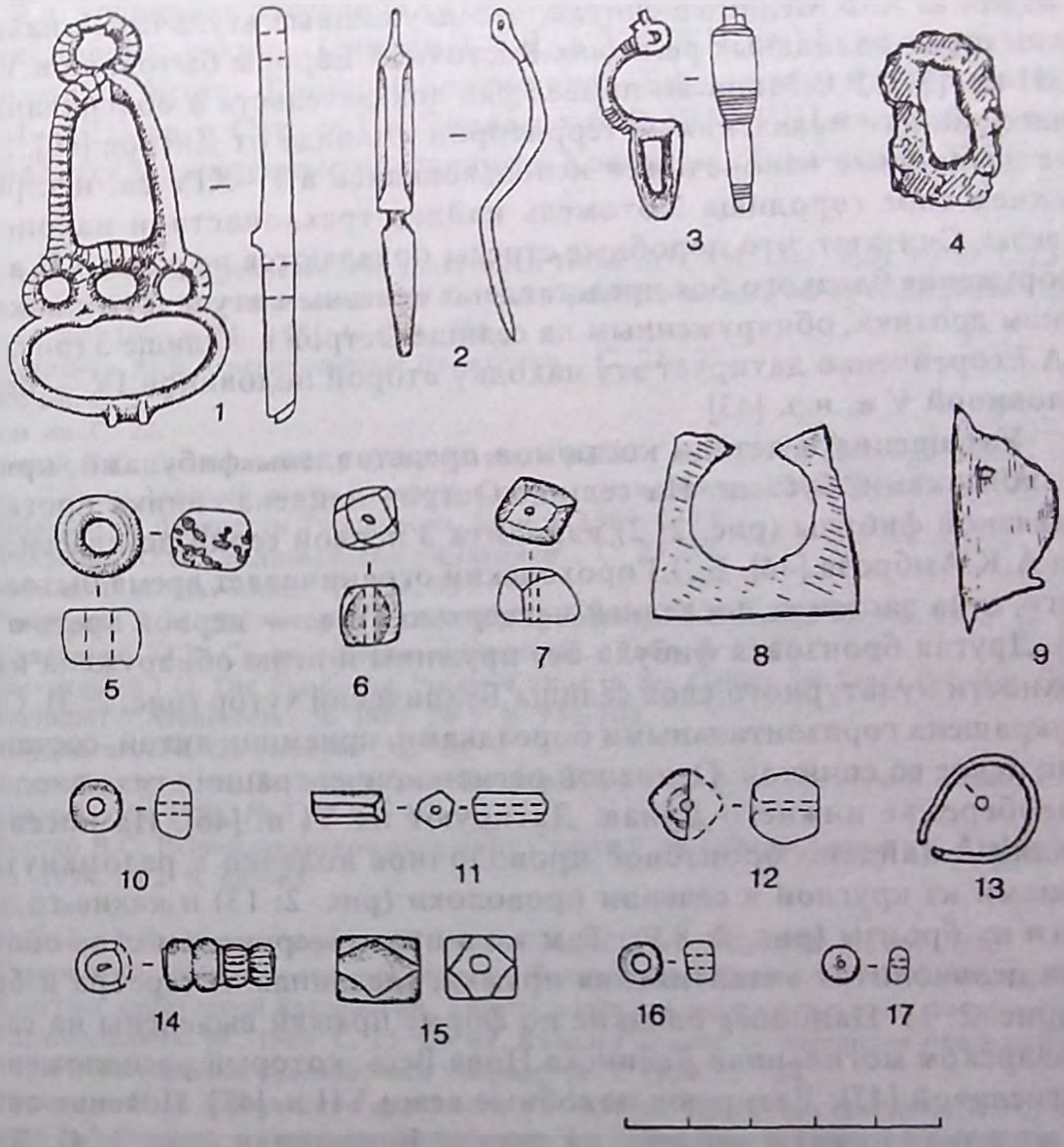


Рис. 2. Находки с поселений пражской культуры. 1, 7—9, 12—13 — Снядин 2; 2, 15 — Остров, 3 — Бухличский хутор; 4 — Блювинчи; 5—6, 10—11, 14, 16—17 — Струга 1. 1 — серебро, 2—3, 8—9, 13 — бронза, 5—7, 10—12, 14—17 — стекло, 4 — железо

Камень 6 в хозяйственной яме найден целый серп. Он имеет чуть загнутое лезвие и отчетливый изгиб в месте его перехода к черенок. Длина лезвия 32 см, ширина 2,5 см, длина черенка 12 см. Пластинчатые трапециевидные кресала с ушком найдены на селищах Снядин 2 и Бухличский Хутор (рис.1: 1,2). Подобные вещи известны в древностях позднедьяковской, киевской, пшеворской и иных культур. Бытуют они с начала и почти до конца I тыс. н.э. [38]. На памятниках пражской культуры пластинчатые кресала встречены впервые.

Вооружение представлено двушипными втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел. Они выявлены на селищах Камень 6, Струга 1, Снядин 2. А.Ф.Медведев считал, что двушипные втульчатые наконечники стрел в западных регионах Восточной Европы бытовали в VIII—XIII вв. [39]. Р.С.Минасян привел ряд доказательств в обоснование их более раннего появления на территории к западу от Днепра [40]. Плоские двушипные наконечники использовались в I—XIV вв. н.э. [41]. В нижнем слое городища Хотомель найден трехлопастной наконечник стрелы. Считают, что подобные стрелы появляются не ранее VII в. [42]. Вооружение близкого боя представлено железным втульчатым наконечником дротика, обнаруженным на селище Остров в жилище 3 (рис. 1: 5). А.А.Егорейченко датирует эту находку второй половиной IV — первой половиной V в. н.э. [43].

Украшения и детали костюмов представлены фибулами, пряжками, колечками, бусами. На селище Остров найдена спинка прогнутой подвязной фибулы (рис. 2: 2) варианта 3 первой серии по классификации А.К.Амброза [44]. Е.Л.Гороховский ограничивает время бытования этого типа застежек последней четвертью IV в. — первой третью V в. [45]. Другая бронзовая фибула без пружины и иглы обнаружена на поверхности культурного слоя селища Бухличский хутор (рис. 2: 3). Спинка украшена горизонтальными бороздками, приемник литой, составляет одно целое со спинкой. Основной регион концентрации этих находок — правобережье нижнего Дуная. Датируют их VI в. [46]. На поселении Снядин 2 найдено бронзовое проволочное колечко с разомкнутыми концами из круглой в сечении проволоки (рис. 2: 13) и какие-то заготовки из бронзы (рис. 2: 8,9). Там же в предматериковом слое обнаружена цельнолитая византийская пряжка, сделанная из серебра и бронзы (рис. 2: 1). Наиболее близкие по форме пряжки выявлены на славяно-аварском могильнике Девинска Нова Весь, который расположен под Братиславой [47]. Датируют подобные вещи VII в. [48]. Поясная овальная железная пряжка найдена на селище Блювиничи (рис. 2: 4). Довольно широко, второй половиной I тыс. н.э. датируются стеклянные бусы, обнаруженные в культурном слое и в объектах полесских поселений. Здесь встречены полупрозрачные бусины из синего кобальтового стекла (рис. 2: 7,12), черная пятнистая (рис. 2: 5), ярко-зеленая (рис. 2: 6) и темно-синяя (рис. 2: 7) зонные бусины, темно-зеленая цилиндрическая граненая (рис. 2: 11), черная (рис. 2: 10), четырехчастная цвета морской волны пронизка (рис. 2: 14). Они встречаются на памятниках V—IX вв. от Кавказа до Старой Ладоги [49]. В закрытом комплексе жилища 3 на селище Остров обнаружена 14-гранная темно-синяя бусина, известная также в пшеворских, вельбарских, черняховских памятниках III—IV вв. н.э. [50].

На основе сравнительного анализа материалов полесских поселений можно высказать некоторые суждения об их хронологии. Не исключено, что раннеславянское население, оставившее памятники типа Пра-

га-Корчак, появляется в Поприпятье на рубеже IV—V или в первой половине V в. Наиболее ранним является поселение у д. Остров, не позднее V в. возникает поселение в Петрикове, на рубеже V—VI вв., возможно, основаны селища Снядин 1 и 2, в VI—VII вв. функционировали поселения в Кожан-Городке, Блювиничах, Бухличском хуторе, Камне 6, в VII—VIII вв. в Струге 1 и Липлянах 6. В VII—VIII вв., скорее всего, возводятся укрепленные поселения в Хотомеле, Хильчицах, Хоромске.

1 Кухаренко Ю.В Средневековые памятники Полесья САИ. 1961. Вып. Е1-57. С 22—27.
2 Залашко Г.М Изучение памятников эпохи раннего железа на правобережье Припяти // АО 1980 г. М., 1981. С. 334, 335.
3. Кухаренко Ю.В Средневековые памятники... С. 22—27.
4. Там же. С. 7, 8.
5 Там же. С. 22.
6 Вяргей В.С. Даследаванні ў Петрыкаускім раёне Гомельскай вобласці ў 1992—1993 гг. // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуман. навук. 1994. № 4. С. 117, 118.
7. Поболь Л.Д. Древности Туровщины. Минск, 1969. С. 69
8. Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники... С. 23, 30.
9. Залашко Г.М. Изучение... С. 334, 335.
10. Ляўданскі А.М. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі. Менск, 1933. С. 24.
11 Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники... Табл. 6. 15,16
12 Gavrituchin I.O Die Funde der Prager Kultur in der Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland) // Archaeoslavica 1991. № 1. S. 95—103
13 Ляўданскі А.М. Да гісторыі ... С. 24.
14 Егорейченко А.А Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области // Archaeoslavica. 1991. № 1. S. 61—82.
15 Вергей В.С. Раннеславянское поселение Струга I на нижней Горыни // Archaeoslavica. 1994. № 2. S. 63—85.
16. Там же. С. 73.
17 Исаенко В.Ф Исследования в Полесье // АО 1986 г. М., 1988. С. 362, 363.
18. Гурин М.Ф Ранние поселения славян в Белорусском Полесье // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1980. С. 25; Он же Кажан-Гарадок — паселішча пражскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік № 5. 1994. С. 154
19 Русанова И.П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976; Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984; Parczewski M Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Lódź 1988; Fusek G. Slowensko vo včasnoslovanskom obdobi Nitra, 1994
20 Кухаренко Ю.В Средневековые памятники...
21 Гурын М.Ф Кажан-Гарадок... С. 152—162.
22 Вяргей В.С., Кудрашоў В.Я Раскопкі паселішча Блювінічы на р. Лясной // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуман. навук. 1994. № 4. С. 118—120.
23. Егорейченко А.А Поселение... С. 61—82.
24 Исаенко В.Ф Исследования... С. 362, 363.
25. Ляўданскі А.М. Да гісторыі..., Gavrituchin I.O Die Funde... S. 95—103.
26 Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын... С. 68. Табл. 4: 67.
27. Аулих В.В. Славянские поселения у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области // МИА. № 108. 1963. С. 376. Рис. 8: 3.
28. Баран В.Д. Раннеславянское поселение у с. Рипнев (Рипнев II) на Западном Буге // МИА. № 108. 1963. С. 362. Рис. 9: 2,3.
29. Русанова И.П. Славянские древности VI—XI вв. между Днепром и Западным Бугом. САИ. 1973. Вып. Е1-25. С. 72. Табл. 20: 406.

30 Parczewski M Początki S 58 Ryc 15
31 Седов В В Восточные славяне в VI—XIII вв М 1982 Табл XVII
32 Митрофанов А Г Железный век Средней Белоруссии Минск, 1978 Рис 49 13
33 Русанова И П Славянские древности VI—VII вв С 38,39. Баран В Д Пражская культура Поднестровья Киев 1988 С 12—15 Рис 6 3 Табл XXXVIII 2. Parczewski M Początki S 55 Ryc 12 S 56 Ryc 13
34 Вергей В С Раннеславянское поселение Табл VI 3
35 Горюнов Е А Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья Л 1981 С 127 Рис 52 2
36 Parczewski M Początki Ryc 10 10 2a
37 Там же Ryc 11 11 1—6
38 Розенфельдт И Г Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв М 1982 С 143—145
39 Медведев А Ф Ручное метательное оружие САИ 1966 Вып Е1-36. С 56.
40 Миасян Р С Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // СГЭ. Вып 43 1978 С 35—37
41 Медведев А Ф Ручное метательное оружие С 61
42 Там же С 59—61
43 Егорейченко А А Поселение С 66
44 Амброз А К Фибулы юга европейской части СССР САИ. 1975. Вып Г1-12 С 64 Табл 11 12
45 Гороховский Е Л Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов Т 4 Киев, 1988. С. 44, 45
46 Горюнов Е А Казанский М М К изучению раннесредневековых древностей нижнего Подунавья (VI—VII вв.) // Славяне на Днепре и Дунае Киев. 1983. С 195—197
47 Eisner J Devinska Nova Ves Bratislava, 1952 Obr I 4
48 Varsik V Byzantinische gürtelschallen in mittleren und unteren Donauraum in 6 und 7 Jahrhundert // Slovenska archeologia T 40 Bratislava, 1992 S 77—108
49 Школьникова Н А Стеклянные украшения конца I тыс н э на территории Поднепровья // СА 1978 № 1 С 97. 98
50 Stawiarska I Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski Północnej w okresie wpływów rzymskich Wrocław, 1987

И.О.Гавритухин

ХРОНОЛОГИЯ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Задача разработки единой хронологической системы пражской археологической культуры лежит в основе важнейших в настоящее время проблем изучения этих древностей:

– происхождения культуры как целостности и ее модификации;

– выделения локально-хронологических групп и их взаимосвязи;

– динамики палеоэкологических и общественно-экономических структур;

– синхронизации славянских древностей с иными археологическими культурами и данными других категорий исторических источников.

Опыт хронологических изысканий на материалах как восточноевропейских раннесредневековых памятников, так и других «варварских» культур убеждает, что для наиболее эффективного достижения поставленной цели следует учесть несколько условий. Отметим следующие.

1. Раздельное рассмотрение групп древностей, по возможности максимально культурно и локально компактных, должно предшествовать созданию единой системы, которая, таким образом, выступает как взаимосвязанные синхронизированные локальные колонки.

2. Создание единого «языка» описания хотя бы для категорий материалов, используемых как индикаторы синхронизации.

3. Непротиворечивость возможных «выходов» на абсолютную датировку. До сих пор единственная достаточно обоснованная система хронологии пражской культуры как целостности предложена И.П.Русановой два десятилетия назад [1]. За прошедшее время значительно возрос объем материала (особенно это касается находок, позволяющих провести сопоставление с хронологическими колонками иных культур) и появились опыты систематического исследования хронологии отдельных памятников или территорий [2]. В целом можно утверждать, что ряд положений, лежащих в основе работы И.П.Русановой, подтвердился. Прежде всего, это касается выбора детально типологизированных венчиков сосудов в качестве наиболее эффективного хронологического индикатора и выделения ведущей тенденции их эволюции — постепенного усиления профилированности. Кроме того, было продемонстрировано, что в ряде случаев особенности оформления края венчиков сосудов могут служить дополнительными хронологическими признаками.

Задача построения хронологической системы пражской культуры, таким образом, сводится в настоящее время к тому, чтобы с учетом новых наблюдений по типологии керамики рассмотреть накопленный материал по единой системе. Полученные локальные хронологические шкалы должны быть сопоставлены между собой и «завязаны» на пока-

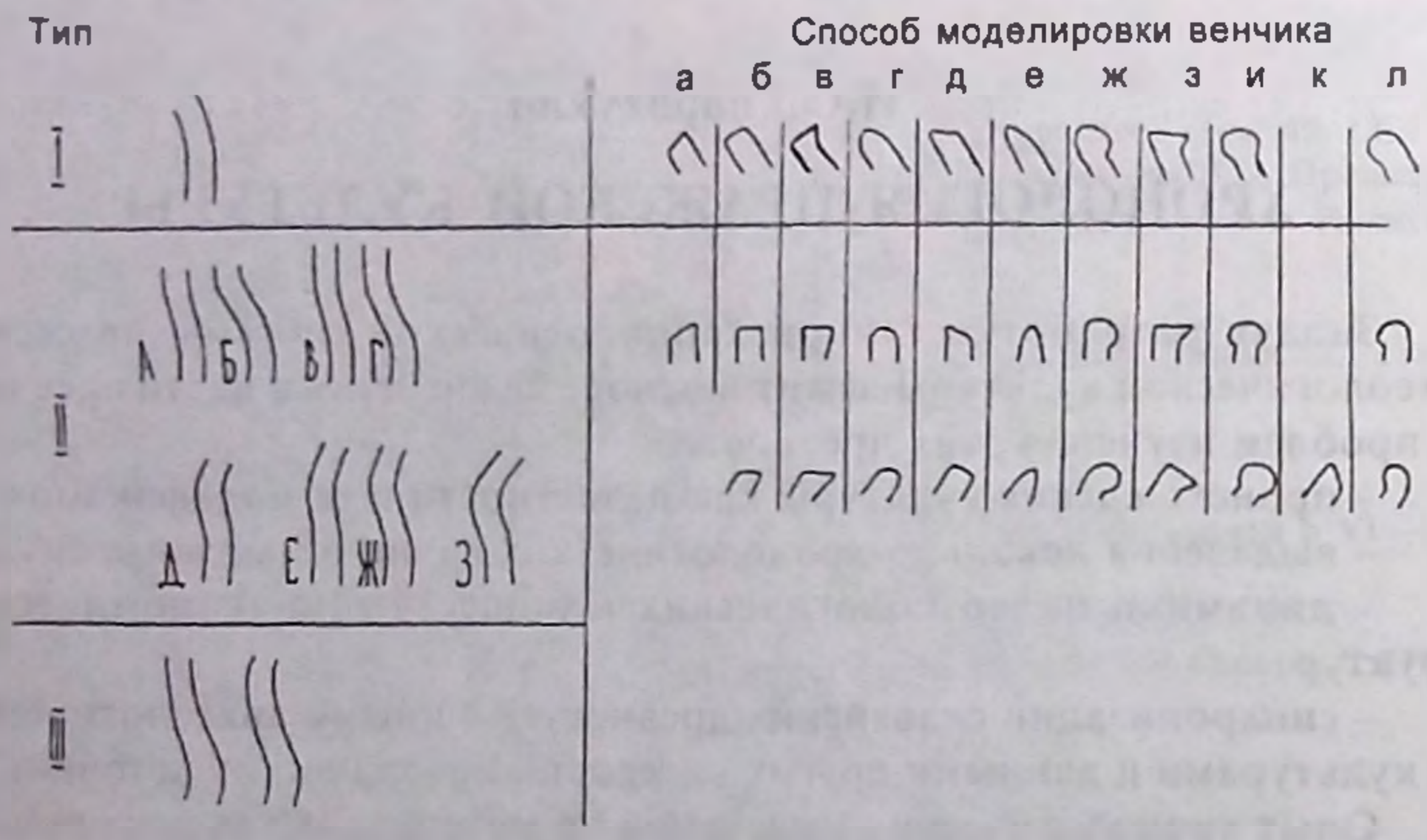


Рис. 1. Код хронологической классификации керамики пражского типа

затели абсолютной датировки. Такая работа была проделана мной в 1988—1993 гг. Ниже приводятся ее некоторые результаты [3].

Для описания керамики был использован код, включающий характеристики: типа профилированности сосудов (обозначаются латинскими цифрами); в отношении сосудов типа II учитывается характер профилировки их верхней части (эти разновидности обозначаются заглавными буквами кириллицы), в каждом типе и подтипе отмечаются особенности оформления венчика (строчные буквы кириллицы). Матрица описания представлена на рис. 1.

Анализу были подвергнуты древности, как полностью соответствующие «классическому» набору признаков пражской культуры, так и содержащие ее компоненты: памятники, в которых кроме пражских присутствуют материалы других культур, или содержащие элементы, специфичные для пражской культуры. Рассмотрение производилось по регионам (рис. 2), каждый из которых характеризуется единообразием физико-географических условий и определенным сочетанием культурных элементов.

Для каждого из регионов составлена хронологическая колонка, позволяющая оценить известные здесь древности пражской культуры. По возможности она составлялась по единому методу — через анализ сочетаний вариантов сосудов пражского типа в комплексах. На основании такой сериации комплексов был получен ряд региональных шкал, в каждой из которых выделенные периоды характеризуются определенным набором вариантов керамики [4]. Интеррегиональные узкодатируемые вещи и другие основания датировки позволили обозначить точки, опорные для оценки хронологического значения периодов в некоторых шкалах. В отдельных случаях результаты проверялись данными стратиграфии, анализом планиграфии памятников и другими методами.

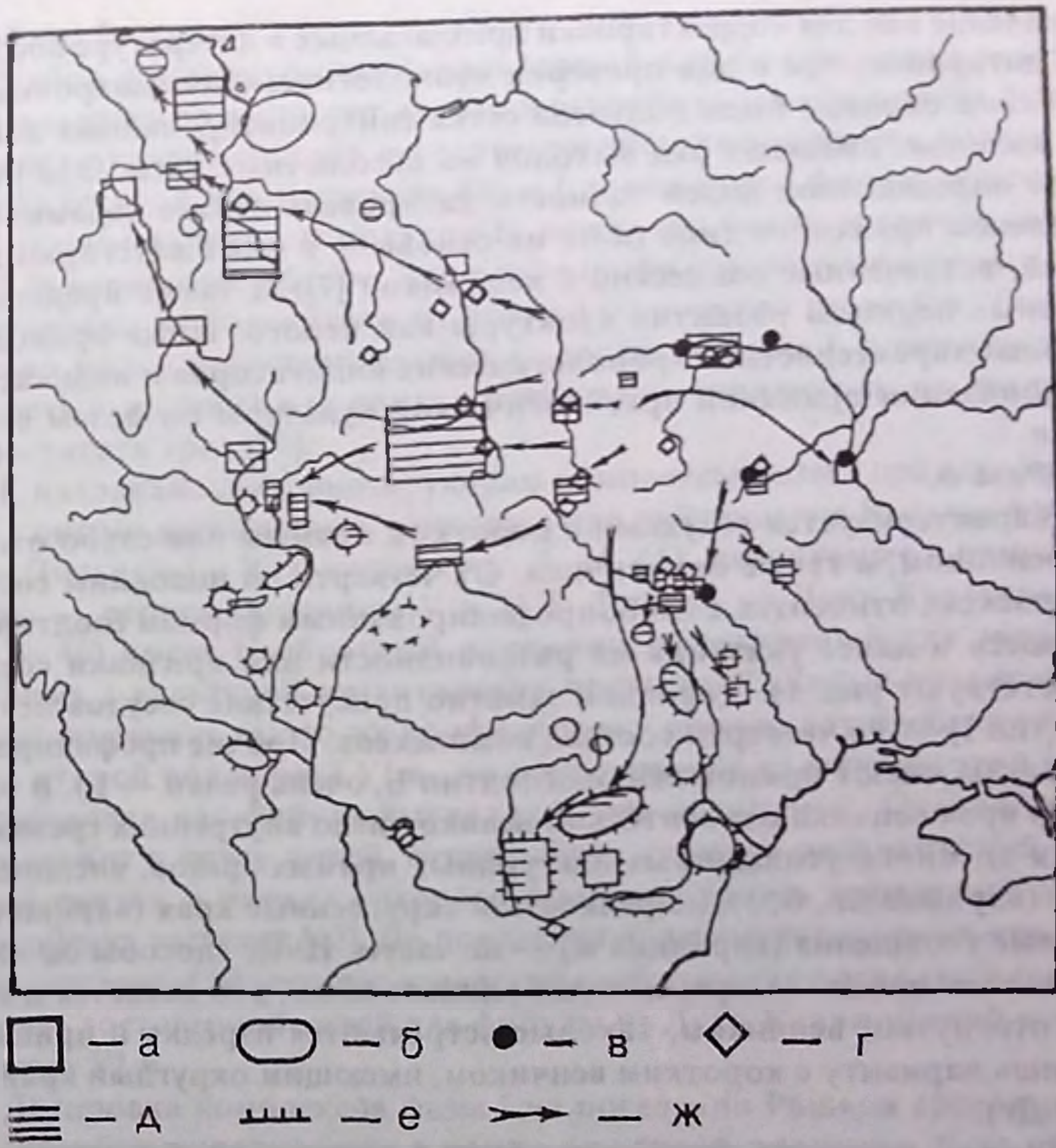


Рис. 2. Регионы пражской культуры.

а — с хронологической шкалой, полученной методом сериации вариантов керамики в комплексах; **б** — с хронологической шкалой, полученной иными способами; с памятниками: **в** — фазы 0; **г** — фазы I/0; **д** — фазы I; **е** — зоны изучавшихся древностей, содержащих компоненты пражской культуры; **ж** — реконструируемые направления миграций

Там, где возможностей для создания собственных шкал было недостаточно, приходилось ограничиться переведением доступного материала в форму, позволяющую провести сопоставление с результатами изучения более благоприятных выборок [5]. Уже на этом этапе работы стало очевидно, что основные закономерности и ряд особенностей эволюции керамики пражского типа на разных территориях близки. Это позволило использовать схожие изменения наборов вариантов сосудов для синхронизации локальных шкал.

Специальная работа была проделана по инвентаризации оснований синхронизации пражских памятников с древностями иных культур и оценке их возможностей для установления абсолютных дат. Это име-

ет значение как для корректировки предлагаемых в литературе абсолютных датировок, так и для проверки «типологической» синхронизации [6]. Таким образом была получена сетка синхронизированных локальных колонок, имеющая ряд выходов на абсолютные даты. Это позволяет с определенной долей точности датировать любые керамические комплексы пражского типа (а на их основе — и иные категории древностей, встреченные совместно с керамикой [7]), а также представить основные периоды развития культуры как целого. Ниже приводятся основные характеристики хронологических индикаторов и индикаторов синхронизации пражской археологической культуры по фазам ее эволюции.

Фаза 0.

Характеризуется сосудами с коротким прямым или слабо отогнутым венчиком, а также без венчика. От четверти до половины сосудов в комплексах относится к слабопрофилированным формам (подтипы А, В — здесь и далее указания на разновидности или признаки сосудов соответствуют рис. 1). Довольно заметно присутствие сосудов без венчика (тип I) — до четверти состава комплексов. Прочие профилированные сосуды имеют прямой венчик (подтип Б, очень редко — Г). В оформлении края венчика относительно велико число внутренних срезов (вариация а); много утолщенных или ровных прямых срезов, внешних закраин (вариации в, б, з); не редкость и скругленные края (вариация г); округлые утолщения (вариация ж) — не часты. Иные способы оформления венчика являются практически уникальными, это касается и сосудов с отогнутым венчиком, таковые встречаются изредка и принадлежат лишь варианту с коротким венчиком, имеющим округлый край (вариант Дг).

Дважды керамика такого типа была встречена с фибулами (рис. 2: 47, 48). Обе они относятся к варианту 3 двучленных прогнутых подвязных фибул (группа 16-2 серия 1) по классификации А.К.Амброза и характеризуют финал развития подобных застежек в черняховской культуре [8]. Такие вещи синхронизируются с находками периода финала С3 и начала D по центральноевропейской хронологической шкале, то есть датируются около 330 (350?) — 400 гг. Неясность момента возникновения интересующих нас фибул и их встречаемость с монетами начала IV в. не позволяет настаивать на значительном удревнении нижней границы даты [9].

Опорные памятники для характеристики фазы 0 — поселение Остров в Полесье и Бернашовка (комплексы 19, 22, 20, 1, 16, 24) в Среднем Поднестровье, датированные упомянутыми фибулами (в Бернашовке, кроме того, материалы данной фазы сосуществуют с черняховскими древностями). Тот же горизонт представлен многочисленной подборкой наиболее ранних жилищ в Корчаке и Тетеревке под Житомиром, в Оболони — жилище 10 на северной окраине Киева; по-видимому, такие материалы есть в Петрикове и Хильчицах в Полесье.

Фаза I.

Набор форм керамики, характерный для памятников пражской культуры этого времени, тот же, что и встреченный в комплексах фазы 0. Основное отличие состоит в количественном соотношении разных вариантов сосудов. В комплексах фазы I доминируют формы, относящиеся к разным вариантам подтипа Б; чаще, чем ранее, встречается подтип Д (в вариантах Дб, Дв, Дг); слабопрофилированные формы (А. В. I) составляют не более трети от общего количества венчиков. Там, где известно много представительных комплексов фазы I, появляется возможность выделения в ее рамках нескольких горизонтов, их число может достигать трех [10].

К находкам, синхронизирующим комплексы фазы I пражской культуры с иными древностями, относятся две найденные в Кодыне фибулы типов Пильвины и Вильканцы (рис. 3: 44, 45), датируемые в рамках середины — второй половины V в. [11]. Фибула из Луки-Каветчинской (рис. 3: 46) имеет U-образный приемник, характерный для застежек, связанных с культурой византийских провинций. Литые византийские фибулы, имеющие такую же профилировку ножки, датируются серединой — второй половиной VI в., но в сравнении с изделиями этой эпохи интересующая нас фибула выглядит более архаичной. Очевидно, она принадлежит к кругу вещей, отражающих германо-византийский культурный синтез, в рамках которого сформировались прототипы литых византийских застежек [12]. До появления надежно датируемых комплексов приведенные общетипологические соображения позволяют считать наиболее достоверной датой для фибулы из Луки Каветчинской первую половину VI в.

Датировка комплексов фазы I на поселении Рашков археомагнитным способом укладывается в рамки от второй половины V до начала VI в. На поселении Ботошана Сучава в жилищах 13 и 20 найдены византийские монеты 538 г. Судя по приведенным в публикации образцам, оба комплекса содержат керамику фазы I пражской культуры, но атрибуция может быть уточнена, поскольку материал опубликован лишь выборочно.

Памятники пражской культуры, относящиеся к фазе I, имеют значительно более широкий ареал, чем их предшественники (рис. 2). Там, где происходит смена культур, можно определить terminus post quem интересующих нас древностей. Для памятников в бассейне верхней Вислы (Нова Гута 1, комплексы 9а/51, 6/54, 6а/54, 187/57; Нова Гута 18 — 74/71; Подегродзье 9 — 26 и др.) — это первая половина V в., вероятно около 450 г. [13]. В бассейне Хафеля (Вальтерсдоф 14 — 1, 2; Берлин Хеллерсдорф 9 — 11, 383; Готц) наиболее поздние памятники предшественников славян — гераманцев — датируются в рамках 480—520/30 гг. или началом VI в., если следовать археологическим реалиям, не полагаясь слишком на неясные сведения письменных источников о «северных швабах». Такую же нижнюю границу следует принять и для ряда памят-

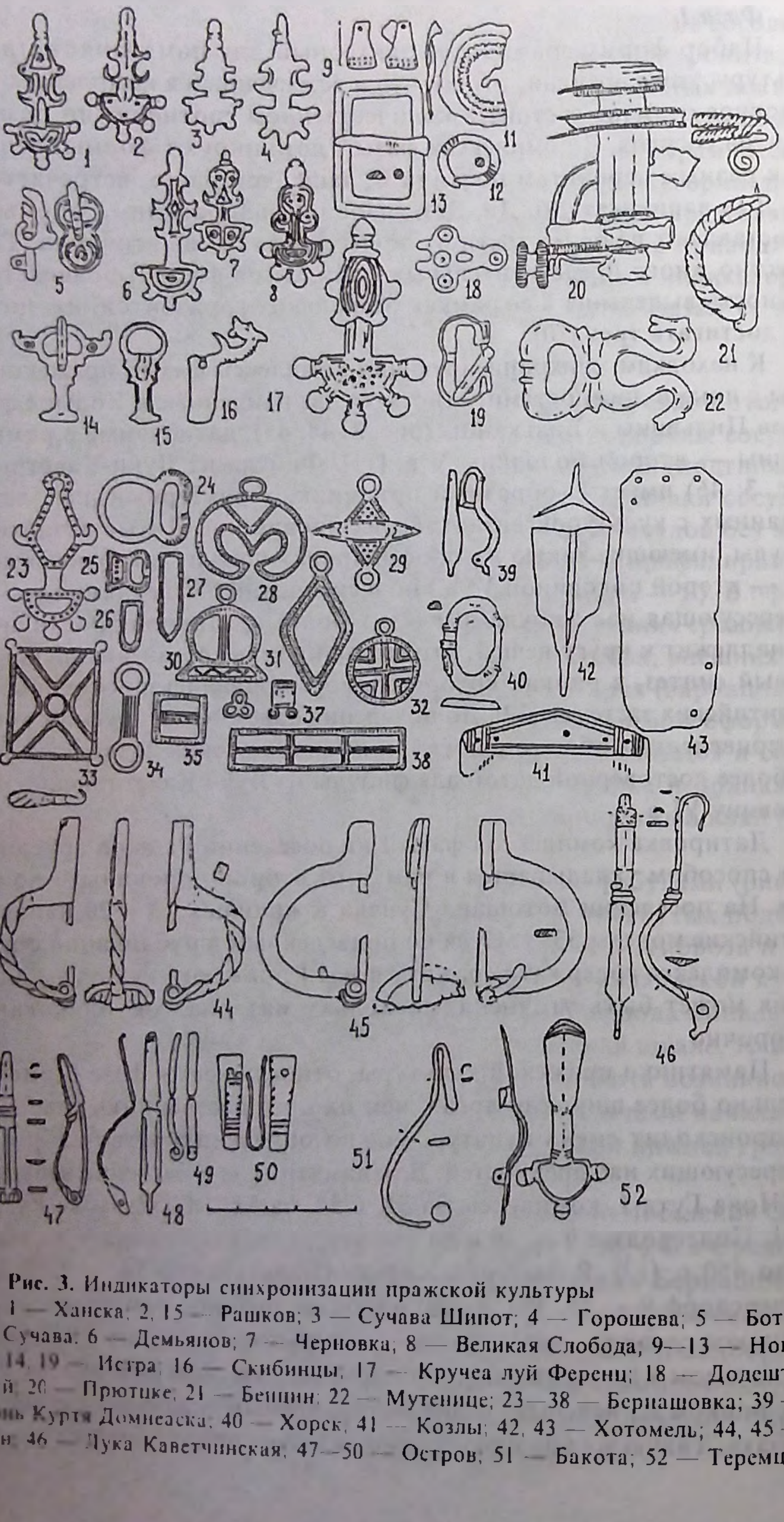


Рис. 3. Индикаторы синхронизации пражской культуры

1 — Ханска; 2, 15 — Рашков; 3 — Сучава Шипот; 4 — Горошева; 5 — Ботошана Сучава; 6 — Демьянов; 7 — Черновка; 8 — Великая Слобода, 9—13 — Нова Гута; 14, 19 — Истра; 16 — Скибинцы; 17 — Кручеа луй Ференц; 18 — Додешть Васлуй; 20 — Прютике; 21 — Бешцин; 22 — Мутенице; 23—38 — Бернашовка; 39 — Бакэуць Куртя Домнеаска; 40 — Хорск; 41 — Козлы; 42, 43 — Хотомель; 44, 45 — Кодын; 46 — Лука Каветчинская; 47—50 — Остров; 51 — Бакота; 52 — Теремцы

ников Мекленбурга (Фютшесхоф — 16, 64, 44; Хоппенвальде: Мюленгеец I — 1; Ребель 60 — 1, 3; Бад Шульце 3 — 1): германские комплексы, в отношении которых можно обсуждать дату «VI — начало VII в.», здесь очень редки [14]; очевидно, в VI в. аборигены не могли препятствовать проникновению в Мекленбург славянских групп. Следует отметить, что для упомянутых районов междуречья Одера и Эльбы пыльцевые анализы в ряде случаев продемонстрировали отсутствие длительного перерыва в хозяйственном использовании земель [15].

Памятники пражской культуры фазы I известны и в Карпатской котловине. Ряд компактных групп образован ими на территории Западной Словакии (Нитрянски градок — 132а; Луданице — 119, 120; Миков двор — 12, 263; Потворце; Силадице 1 — 10; Пещаны — 2/58; Победим), есть они и в верховьях Тисы (Дедово). Наиболее поздние дославянские памятники на этих землях относятся к периодам D2/D3 или D3 центральноевропейской шкалы. За исключением двух пунктов, примыкающих к моравскому массиву лангобардских памятников, и единичного погребения в Кална над Гроном дата этих древностей не выходит за рамки V века [16]. Таким образом, массив памятников пражской культуры фазы I на территории Словакии вполне может датироваться в рамках первой половины VI в.

В этой связи следует остановиться на вопросе о славянском компоненте в материальной культуре лангобардов. Серия атипичных для лангобардской керамической традиции сосудов была подобрана И.Бона, предположившим, что такие горшки следует рассматривать как специфическую форму в рамках развития германской посуды [17]. Я полагаю, что для подобного скептицизма нет достаточных оснований. О контактах лангобардов и славян есть данные и письменных источников (Прокопий, VII.35). По крайней мере, часть указанных материалов может рассматриваться как дериваты керамики пражского типа. Все известные сосуды таких форм на лангобардских памятниках соответствуют характеристикам керамики фазы I пражской культуры [18].

К фазе I пражской культуры относятся и некоторые материалы из отдельных комплексов типа Ипотешть-Кындешть-Чурел (Дульчанка I — 1; Ипотешть — B1, B2). Появление славян на данной территории относится по данным письменных источников к 520-м гг. (финалу царствования Юстина или началу — Юстиниана).

Все указанные опоры для абсолютной датировки фазы I пражской культуры укладываются в рамки от середины V до середины VI в. Получается как бы хиатус между фазами I и 0. В этой связи важны памятники, относящиеся к фазе I/0.

Фаза I/0.

Из описания керамического комплекса фаз I и 0 достаточно очевидно, что различие между ними довольно условное, фиксируемое лишь комплексами с представительным набором посуды. Ряд комплексов следует рассматривать как переходные между указанными фазами, многие

материалы отнесены к этой же группе условно, из-за недостатка выразительных форм.

Дважды керамика фазы I/0 была встречена с фибулами. Находка из Теремцев (рис. 3: 52), при всем ее своеобразии, скорее всего, должна относится к фазе D2 центральноевропейской шкалы [19]. Застежку из Бакоты (рис. 3: 51) трудно датировать более узко, чем в рамках второй половины IV или V в., учитывая как ее сходство с поздними черняховскими фибулами, так и бытование таких вещей в течение всего периода D. По-видимому, окончательно они выходят из употребления, сменяясь фибулами круга Луки Каветчинской.

Ареал рассматриваемых памятников заметно шире, чем относящихся к фазе 0 (рис. 2). Они появляются в Малопольше (Злота 3 — 657, 567; Мачкувка 2 — 1/65) и в низовьях Варты (Пщев 13 — 1, 2). Возможно, к ним относятся находки в Симония колония, Минджеборув, Нипоренце. Указанные пункты образуют как бы клин между концентрациями памятников, продолжающих в начале — первой половине V в. позднеримские традиции в Силезии и верховьях Вислы на юге современной Польши или в Поморье и на Нижней Висле — на севере [20]. Материалы фазы I/0 пражской культуры известны и в верховьях Западного Буга. Terminus post quem для этих земель определяется довольно представительным рядом памятников с материалами периода центральноевропейского D1 (ряд пунктов Масломенчской группы, Неслухов, Рипнев и др.), финал которых, вероятно, приходится уже на период D2, если учитывать клад в Замостье, некоторые материалы из Неслухова и Рипнева [21], а также трудности дифференциации указанных периодов по массовому материалу.

В Поднестровье памятники пражской культуры фазы 0 встречены лишь однажды на левом берегу Днестра. Комплексы фазы I/0 в Среднем Поднестровье на левом берегу достаточно многочисленны, появляются они и на правом берегу (Бакота — 35, 39; Устье — 1; Великая Слобода — 47, 64; Теремцы — огн. 2, жил. 21, 22, 27). Материалы фазы I распространены в различных точках бассейна Верхнего и Среднего Днестра, а также и в верховьях Прута. Очевидно, эта картина отражает медленное, постепенное освоение славянами Восточного Прикарпатья, сопровождающееся ассимиляцией довольно значительного массива предшествующего населения.

Таким образом, комплексы, выделяемые в фазу I/0, вполне отчетливо заполняют «лакуну» в хронологических индикаторах между фазами 0 и I пражской культуры. В тоже время, неоднозначность керамического набора, «переходный» характер рассматриваемых материалов с типологической точки зрения не позволяют говорить о них как особом периоде развития культуры, что и отражено в названии фазы.

Фаза II.

Керамика пражской культуры этой фазы характеризуется увеличением удельного веса отогнутых венчиков (подтип Д составляет до по-

ловины от общего числа форм в комплексах, где статистика показательна). Оформление края этих сосудов становится более разнообразным (появляются и становятся типичными варианты Дд, Дж). Среди горшков с прямым венчиком господствует подтип Б. При общей схожести тенденции эволюции керамики можно говорить и о появлении некоторых локальных особенностей, проявляющихся в большей или меньшей характерности отдельных вариантов венчиков для некоторых территорий. В комплексах Восточного Прикарпатья и Мунтении известны сосуды варианта Жг, хотя подтип Ж в целом скорее типичен для более поздних памятников.

Один из наиболее ярких комплексов этого времени — жилище ювелира на поселении Бернашовка. Детали ременных гарнитур и некоторые подвески, представленные на литейных формочках, характерны для древностей круга Шипово (группа II степных древностей по А.К.Амброзу или ХГЗ-3 по И.П.Засецкой). чему не противоречит облик и иных изделий, аналоги которым не столь отчетливы (рис. 3: 24—38). Датировка этих древностей спорна; они, безусловно, существовали в VI в. (или на каком-то его отрезке), встречаются и в сочетании с вещами, типичными для VII в., их нижняя хронологическая граница не ясна, хотя на современном уровне изученности вопроса может быть опущена до второй половины V в. [22]. Полного соответствия фибуле (рис. 3: 23) мне не известно. Формой она напоминает застежку из 5-го горизонта склепа 10 в Лучистом (который синхронизируется с орлиноголовыми пряжками варианта 2, то есть датируется в рамках конца VI — начала VII в.) и некоторые разновидности типа Пергамон — Тай-зее, а стиль орнаментации более всего близок особому подтипу типа Марош-Гымбаш — Пергамон и некоторым другим экземплярам поствосточногерманских пальчатых фибул [23]. С упомянутыми застежками VII в. сближают рассматриваемый образец размеры, характер «пальцев» и общий облик. Сказанное позволяет датировать набор форм в Бернашовке в рамках второй половины VI — первой половины VII в., скорее, ближе к рубежу этих столетий.

Еще одну опорную дату можно получить по материалам городища в Хотомеле [24]. Нижний слой этого памятника, перекрытый зольно-углистой прослойкой, содержит керамику, обычную для фаз I и II пражской культуры, а в слое пожара встречены вещи, характерные для древностей аварского круга (рис. 3: 42—43). Следовательно, керамика фазы II после 558 г. в Полесье была в ходу. Гребень в Козлах (рис. 3: 41) занимает типологически промежуточную позицию между экземплярами с высокой спинкой, обычными в комплексах IV—V вв., и более удлиненых пропорций, распространяющихся на памятниках VI—VII вв., бытующих и позднее. Й.Земан датировал эту вещь первой половиной VI в. [25], но учитывая, что смена вариантов происходила не резко и они довольно долго сосуществовали, для комплекса в Козлах вполне вероятна и более широкая дата. Фибула из Бакуэнь Куртя Домнеаска

(рис. 3: 39) относится к стандартным, относительно поздним, разновидностям византийских литых застежек, что и определяет ее дату — около последней трети VI в. [26]. Наконец, керамика, типичная для фазы II пражской культуры, встречена в помещении VII сектора А Диногеции с монетой 552 г., перекрытом слоем пожара 558 или 572 г. и в Берое, в слое под пожаром 580 г. [27]

Распространение пражской культуры, происходившее в течение фазы II, позволяет получить terminus post quem для этих древностей. В Польском Поморье это 520—530-е гг.; в Чехии, Центральной и Южной Моравии — 568 г. (учитывая время массового переселения лангобардов в Панонию, нельзя исключить, что в ряде случаев его можно снизить и до 542 г.); в междуречье Эльбы и Заале — рубеж VI и VII вв. [28]. Таким образом, сумма изложенных фактов позволяет датировать материалы фазы II пражской культуры в рамках середины VI — начала VII вв.

Фаза III.

Наряду с общими закономерностями, в керамических комплексах пражской культуры, относящихся к данной группе, значительно больше, чем ранее, отражается локальная специфика. Везде сосуды с отогнутым венчиком господствуют. Распространяются новые способы оформления их края (вариации «з», «к»). Но если на северо-западе ареала культуры развитие идет за счет увеличения разнообразия модификаций подтипа Д, а формы Ж и З относительно немногочисленны, то на юго-востоке культуры различные варианты длинных отогнутых венчиков занимают в комплексах заметное место.

Известно довольно много комплексов пражской культуры фазы III, содержащих украшения. Особенно часты миниатюрные пальчатые фибулы и пряжки с коробчатой петлей (рис. 3: 1—4, 6—8, 14—16), датировка которых VII веком обоснована в специальных работах [29]. Сопоставление датировок по украшениям и на основе естественно-научных методов поздних пражских памятников и ранних культуры Луки Райковецкой показывает, что на территории нынешней Украины и Молдавии фаза III пражской культуры приходится на VII в. и сменяется эпохой Луки Райковецкой в конце этого столетия [30]. Такую картину подтверждает и пряжка из жил. 28 Ботошана Сучава (рис. 3: 5), и фибула из Кручеа луй Ференц (рис. 3: 17).

В Нижнем Подунавье и Южном Прикарпатье есть ряд памятников с компонентами поздней фазы пражской культуры, датирующихся VII в. В Истрии позднепражские сосуды, пряжка с коробчатой петлей и пряжка, типичная для геральдических наборов (рис. 3: 14,19), наряду с византийской керамикой, найдены в слое, отложившемся после пожара 590-х гг. (597 г.?) и содержавшем монеты, среди которых есть и 613 г. Обойма от пряжки того же круга, что найдена в Истрии (рис. 3: 18), встречена в жил. 1 Додешть Васлуй с керамикой, имеющей ряд соответствий в позднепражской. Материалы таких памятников, как Солдат Хиван и Сарата Монтеору, при неясности ряда деталей, похоже, не про-

гиворечат сказанному. Распространение на этой территории древностей типа Хлинча или Гарвен, близких материалам типа Луки Райковецкой, происходит не ранее последней трети VII в., пока ничто не противоречит сопоставлению их с эпохой Первого болгарского царства.

На севере Карпатской котловины материалы III фазы пражской культуры в Мутеницах найдены с пряжкой VII в. (рис. 3: 22), а появление «дунайской» керамики, знаменующей начало следующего, «градищенского», этапа славянской материальной культуры на этих землях, синхронизируется с продвижением авар на территорию нынешней Словакии и относится ко второй половине VII в. [31]. В Малопольше начало этой трансформации датируется кладом из Новой Гуты (рис. 3: 9—13), подунайские аналоги которому указывают на среднеаварскую эпоху (около 630—700 гг.) [32].

Эльбско-одерские памятники пражской культуры и ее локальных вариаций (типа Суков и т.п.) при наличии ряда особенностей имеют единую подоснову и, в целом, близкие тенденции эволюции [33]. Распространение разных форм орнаментированной керамики, изготовленной на гончарном круге, сопоставимо с возникновением многочисленных городищ и иными явлениями, знаменующими новую эпоху, что дает terminus ante quem начала процесса смены древностей, характерных для пражской культуры и ее дериватов. Ряд городищ в Восточной Германии имеет радиоуглеродные датировки. Учитывая статистический характер этих дат, следует обратить внимание на самые ранние показания, образующие серию (Берлин Кепеник, возникновение — 653±100; Бранденбург, бург III, конструкция вала — 660±100; Торнов, бург А — 675±175 и т.д.). Эти значения должны корректироваться более надежной дендрохронологией, хотя и эта методика имеет свои трудности. Недавняя инвентаризация и критическая проверка свидетельствует, что надежную раннюю дату (от последней трети VII до начала VIII в.) имеют только 4 городища, прочие — более чем 40 — позднее [34]. Здесь следует учитывать, что, например, на городище Мекленбург дендродату около 680 г. имеет второй горизонт строительства валов, а орнаментированная керамика присутствует и в слоях предшествующего городища (слой А). Наиболее поздние памятники со славянской неорнаментированной керамикой датируются фибулой «bandformigen» поздневендельско-ранневикингского круга (около 650—750 гг.) в Бенцене (рис. 3: 21) и западнобалтской «арбалетовидной» подтипа 4 по В.И.Кулакову: конец VII — первая половина VIII вв. (около 700 г.?) в Прютцке (рис. 3: 20) [35].

В заключение кажутся уместными некоторые общие наблюдения над пражской культрой, сложившиеся в ходе работы над ее хронологией.

Наиболее ранние памятники пражской культуры сконцентрированы в Припятском Полесье или зонах, связанных с ним (рис. 2). Именно здесь следует, по-моему, искать истоки пражской культуры. Относительная редкость славянских памятников в Полесье — следствие слабой ис-

следованности этой территории, плохой фиксируемости пражских памятников подъемным материалом, иных факторов, затемняющих действительную картину. Левобережье Среднего Днестра, поречье Западного Буга, Средней Вислы и Варты — зоны первых миграций, в дальнейшем распространяющихся на бассейн Одера и Эльбы, в Карпатскую котловину, в Восточное Прикарпатье и на нижний Дунай.

В ходе расселения носители пражской культуры вступают в длительные взаимоотношения с различными группами автохтонного населения и ассимилируют многие из них. Особенно яркую картину дают для понимания этой стороны раннеславянской истории памятники Поднестровья и Прикарпатья, в той или иной форме это фиксируется и на других территориях. Указанные процессы, наряду с феноменами демографического характера, объясняют нарастание потенциала миграций и кажущееся противоречие между известной по письменным источникам многочисленностью славянских отрядов и относительно небольшим числом ранних памятников пражской культуры. Специфика древностей VI в. на территории Валахии, где чисто пражский компонент относительно невелик, отражает не только особенности продвижения славян к Дунаю, но и включение в состав славянских группировок какой-то части из тысяч пленных, захватывавшихся во время балканских походов. Сказанное объясняет и поразительно малое число древностей пражского типа на Балканах, где славяне широко расселяются в VII в.

Встречающиеся утверждения о том, что в VI в. известны «славянские племена» «склавинов», «антов» и т.п. исторически, как минимум, не точны. Речь в данном случае должна идти о разных народах, близость которых не может затемнять разность происхождения, этнографических черт, самоидентификации носителей, наконец, судеб этих общностей. Пражская археологическая культура отражает материальные остатки истории и быта вполне конкретного народа «славяне», для называния которого нет нужды использовать греческую или латинскую транскрипцию. Потомки этого народа сыграли важнейшую роль в формировании семьи славянских народов, этногенез каждого из которых — особая проблема. Сведения об антах указывают, что в VI в. на языках славянской группы говорили не только славяне (так же как на тюркских языках говорят не только представители народа «тюрки» и т.д.).

1 Русанова И.П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976; Она же. О ранней дате памятников пражского типа // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 138—143.

2 Тимощук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976; Parczewski M. Die Anfange der fruhslawischen Kultur in Polen. Wien, 1993 (там ссылки и на более ранние работы этого автора); Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984; Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Славянские поселения I тыс. н.э. у с.Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984; Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с.Рашков). Киев, 1988; Szymański W. Proba werifikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczes-

nego srednowiecza w Szeligach woj płockie // Archeologia Polski XXXII 1987, S 349—376, Jelinkova D K chronologii sidlištnich nalezů s keramikou pražskecho typu na Moravě // Praveke a slovanske osidleni Moravy Brno, 1990, S 251—281, Fusek G Včasnoslovanske osidlenie Slovenska (kandidatska dizertacia) Nitra, 1992 — благодарю автора за предоставленную возможность ознакомиться с работой в рукописи, частично она опубликована Slovensko vo včasnoslovanskom obdobi Nitra, 1994 Вергей В С Раннеславянское поселение Струга I на нижней Горыни // Archaeoslavica 2 1993 S 76—86

3. Некоторые части работы опубликованы, см Шовкопляс А.М., Гавритухин И О Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИА. Вып. 208. М.,1993, с.52—62. Гавритухин И О. Раннеславянские памятники в районе Зимновского городища // Archaeoslavica 2, 1993. S. 99—112, Gavrituchin I O. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland) // Archaeoslavica. 1, 1991. S. 95—103; Томашевский А П., Гавритухин И О Славянское поселение Тетеревка I Киев, 1992; Гавритухин И О Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья М.,1991 С. 127—141, Он же Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakarų baltų archeologija ir istorija (Археология и история западных балтов) Klaipeda, 1989 С 78—85; Он же. Некоторые проблемы изучения пражской культуры Польши. В печати
4. Русанова И П. Славянские древности ... С. 8—10, 16—20, 196—197.
5. Некоторые региональные шкалы и иные результаты такой работы опубликованы, см примечание 3
6. Некоторые наблюдения в этой области опубликованы: Гавритухин И.О. К изучению изменений в материальной культуре Карпатской котловины в конце VI — начале VIII вв н.э // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.,1990 С 127—145, Он же Кодынские фибулы ..., Он же. Пальчатые фибулы ..., Он же. Причерноморская серия фибул типа Левице-Токари // Боспорский сборник Вып 4. М., 1994 С 31—42; Он же Пряжки с коробчатой петлей // МАИЭТ. IV 1996. Он же. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI—VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н э. Самара, 1996 С. 115—133; Гавритухин И О., Ковалевская В.Б и др Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996 С 219—231; Гавритухин И О., Обломский А М Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
7. Например Гавритухин И.О. Раннеславянские памятники ...
8. Амброз А К. Фибулы юга европейской части СССР САИ. Вып Д1-30. М.,1966 С 60, 64—66
9. Гороховский Е Л Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев, 1988. С. 44; Шаров О.В Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры // Проблема хронологии эпохи латена и римского времени СПб., 1992 С. 181, 183, Tejral J Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenzeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992 S. 227—248
10. Например Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О. Комплексы ... С 58—61.
11. Гавритухин И.О Кодынские фибулы ...; Schulze-Dorrlamm M Romanisch oder Germanisch ? Untersuchungen zu den Armbrust und Bugelknopffibeln des 5 und 6 Jahrhunderts n Chr aus den Gebieten westlich des Rheins und sudlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 33 Mainz, 1986.
12. Гавритухин И.О Фибулы византийского круга в Восточной Европе Византийские литые // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (в печати), Гавритухин И О., Обломский А.М. Гапоновский клад
13. Godłowski K Ziemie polskie w okresie wędrówek ludów Problem pierwotnych siedzib Slowian // Barbaricum 1989. S 26—30
14. Voss H J Untersuchungen zur Geschichte der germanischen Besiedlung zwischen Elbe/

Saale und Oder/Neise im 3 bis 7 Jahrhundert // EAZ. 29. 1988. S. 147—159; Leube A. Germanische Völkerwanderung und ihr archäologischer Fundniederschlag // EAZ. 36. 1995. S. 31—61.

15 Herrmann J. Herausbildung und Dynamik der germanisch-slawischen Siedlungengrenze in Mitteleuropa // Die Bayern und ihre Nahbarn. I. Wien, 1985. S. 271—273.

16 Pieta K. Die Volkerwanderungzeit in der Slovakei // Germanen, Hunnen und Awaren. Nurnberg, 1987. S. 383—417.

17 Bona I. Über einen archäologische Beweis des langobardischen-slawisch-awarischen Zusammenlebens // Studijne zvesti Archeologickeho ustavu Slovenskej Akademie vied. 16. Nitra, 1968.

18 Благодарю Г. Фусека за предоставленные им рисунки и информацию о некоторых сосудах. Отмеченные им отличия этой керамики от типичной для Словакии по характеру теста и некоторым другим деталям вполне объяснимы, если рассматривать эти горшки не как импорт, а в рамках славянского компонента в составе лангобардов.

19 Баран В.Д. Пражская культура... С. 74.

20 Godłowski K. Ziemie... S. 26 и далее.

21 Godłowski K. Ziemie...; неопубликованные раскопки В.В.Кропоткина; Dąbrowska T. Zagadkowe narzedzia z okresu wędrówek ludów // Wiadomości archeologiczne. XXXIII. 1968.

22 Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С. 66 и далее. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.

23 Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. 1990. Рис. 20: 1; Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы... С. 130, 131, 134.

24 Работа проводилась по полевым материалам, любезно предоставленным И.П.Русановой.

25 Zeman J. Nejstarši slovenske osidleni Čech // Památky archeologické. LXVII. S. 204–206.

26 Гавритухин И.О. Фибулы византийского круга...

27 Бонев Ч. Анти и славини в Добруджа през VI в. // Руско-български връзки през вековите. София, 1986.

28 Godłowski K. Ziemie... S. 34—37; Leube A. Germanische Völkerwanderung... S. 60—63; Brachmann H.-J. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978. S. 110—113.

29 Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы... Он же. Пряжки...

30 Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад...

31 Vida T. Chronologie und Verbreitung einiger awarenzeitlicher Keramiktypen // Antaeus. 19-20. Budapest, 1991; Zabojnik J. On the problems of settlements of the Avar khaganat period in Slovakia // AR. XL. 1988.

32 Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю (в печати).

33 Parczewski M. Żukowice pod Głogowem w zaraniu średniowiecza. Głogów, 1989. S. 47—49; Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев, 1988. С. 50—55 — ряд наблюдений о смене «неорнаментированной» керамики «менкендорфской»; Гавритухин И.О. Некоторые проблемы...: см. также выше, о материалах фаз I и II на этих землях.

34 Henning J., Heussner K.-U. Dendrochronologie, Archäologie und Frühgeschichte vom 6 bis 12 Jh. in den Gebieten zwischen Saale, Elbe und Oder // AF. 36. 1991.

35 Gralow K.-D., Parschau J. Eine Fibel der frühen Wikingerzeit aus Benzin // AF. 29-3. 1986; Кулаков В.И. Древности пруссов VI—XIII вв. М., 1990. С. 22, 23, 40; Voss H.-U. Das Fragment einer baltischen Armbrustprossenfibel von Seetz Kr. Perleberg // AF. 36-6. 1991.

Н.Н.Гончарова

НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Трудноразрешимые вопросы славянского этногенеза, касающиеся ранней истори славянства, истории расселения и формирования славянских племен средневековья требуют комплексного подхода к их изучению. Как нельзя более это касается Новгородской земли, сложность этнической истории которой обусловлена выраженной разноэтничностью племен, составивших население Великого Новгорода. Антропологические материалы, относящиеся к рубежу нашей эры и первым ее векам отсутствуют. Однако консервативность антропологического типа, хранящего в себе типологическую память о предках, позволяет использовать данные по антропологии при решении вопросов происхождения той или иной славянской группы. Целью настоящей работы является изучение антропологического разнообразия средневекового населения Новгородской земли, выявление антропологических компонентов, их соотношения и динамики этнических процессов на территории Новгородской земли в эпоху средневековья с привлечением возможно большего сравнительного материала для того, чтобы оценить своеобразие краниологического типа средневековых новгородцев в масштабе восточноевропейской и циркумбалтийской изменчивости.

В исследование включены черепа из 20 краниологических выборок, сгруппированных в 13 серий, 8 из которых являются локальными популяциями (рис. 1). Охвачена практически вся территория Новгородской земли за исключением районов к югу и западу от Ильменя. Для сравнения были привлечены 29 серий циркумбалтийского региона по литературным данным.

Изучение характеристик популяций внутри Новгородской земли включало в себя как демографические и палеопатологическе исследования, так и анализ краниологических особенностей.

Анализ демографической структуры населения Новгородской земли и сравнение с данными других авторов [1] показывает, что новгородцы отличались низким возрастом смерти, очень низкими значениями E15 (табл. 1, 2).

Длина поколения у новгородцев в целом увеличена, т.е. начало репродуктивного периода сдвинуто в более поздний возраст. Репродуктивный уровень (GRR) и размер семьи (TCFS) также выше, что означает, что женщины Новгородской земли в среднем больше рожали детей, чем население соседних регионов. Этот показатель, однако не означает большего благополучия новгородцев, так как используемая в работе модель Менсфорта [3] исходит из условия стационарности попу-

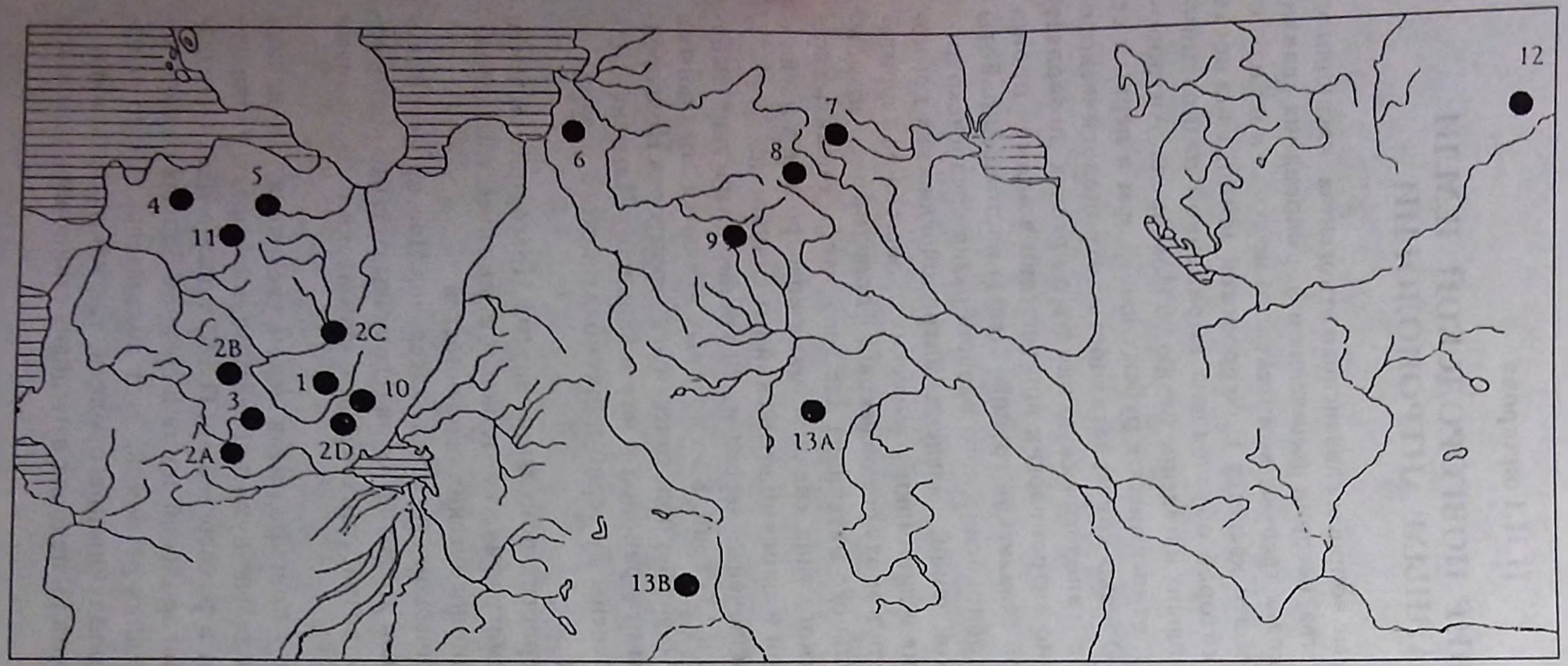


Рис. 1. Изученные материалы. 1 — Хрепле (XI–XII вв.), 2 — курганы верхней Луги. 2А — Логовещи Лудонской вол. (X–XIII вв.), 2В — Сергиевский полигон (XII–XIII вв.), 2С — р. Тесовая (XIII–XIV вв.), 2D — Косицкое (XII вв.), 3 — жальники Шелонской пятины (XII–XIII вв.), 4 — Войносолово (XII–XV вв.), 5 — курганы Петербургской губернии (XI–XIV вв.), 6 — могильники юго-восточного Приладожья (XI–XIII вв.), 7 — Новинки (XI–XIII вв.), 8 — Володино (XI–XIII вв.), 9 — курганы у д. Плоское и Стёпаново (X–XII вв.), 10 — Раглицы (XIV–XV вв.), 11 — Б. Сабск (XV–XVI вв.), 12 — Старая Тотьма, кладбище (XV–XVI вв.), 13 — могильники юго-восточных районов Новгородской земли. 13А — курганы Вышневолоцкого и Весьегонского уездов (словенско-кривичское пограничье, XII–XIII вв.), 13В — Торжок, XII в.

Табл. 1 Сравнительные демографические показатели для некоторых палеопопуляций новгородских словен

Группа (N)	Ср.возр. смерти	Число муж\жен	E15	T	GRR	TCFS
Б Сабск (38)	33.3	21\17	18 3	26 4	1.6	3.1
Хрепле (38)	31 6	20\18	16 6	26 0	1.7	3.4
Раглицы (38)	30 1	20\18	15.1	25.8	1 9	3 8
Войносолово (35)	36 9	24\11	16.9	31.0	1.7	3.3
Косицкое (15)	35.8	8\7	15.8	31.4	1 9	—
Новинки (30)	33 8	20\10	18.8	26.6	1.6	3.1
Ст.Тотьма (15)	34 8	8\7	—	31.0	1.9	3.9
Володино (25)	31.1	15\10	16.3	25.9	1.7	3.45

Условные обозначения

E15 — ожидаемая продолжительность жизни по достижении возраста 15 лет; **T** — длина поколения, исчисляется как средний возраст начала воспроизводства в стационарной популяции; **GRR** — (gross reproductive rate) — общий репродуктивный уровень, или среднее число дочерей, рожденных женщинами к возрасту 50 лет; **TCFS** — тотальный полный размер семьи, при равном соотношении полов равен удвоенному GRR, поскольку исчисляется как (1+O)GRR, где O — среднее количество сыновей

Табл. 2. Сравнительные демографические показатели у различных групп восточноевропейского населения (данные А.П Бужиловой [2])

Население (N)	Средний возраст смерти	E15	T	GRR	TSFS
Витичев (27)	37.3	21.9	26 9	1.3	2.7
Любеч (33)	38.1	24.0	27.4	1.3	2.6
Новгород (25)	32.9	18.7	26.2	1.5	3.0
Смоленск (15)	39.1	22.7	27.0	1.3	2.6
Рязань	36 9	22 1	27.0	1 4	2.7
Хрепле (38)	32.3	22.2	26.7	1.8	3.6
Кирьяново (25) (крив.яросл.)	33.1	19.0	26.1	1.5	3.0
Углич.уезд (14) (крив.яросл)	39.2	23.4	27.1	1.2	2.5
Ржев (17) (крив.тверск.)	29.1	14 5	25.5	2.0	4 0
Мячково (13) (вятичи моск.)	33.3	18 7	26.4	1.6	3 2
Волково (12) (вятичи моск.)	28 8	14 9	25.6	2.0	4.0
Крымское (15) (вятичи моск.)	37.2	22.5	26.9	1.3	2 6
Лепешки (26) (вятичи моск.)	33.0	17.8	26.5	1.7	3 4
Дмитриевское (142)	35.6	23.6	27.7	1 9	3 7
Маяцкое (121)	36.3	23.3	27.5	1.6	3 2

ляции, т.е. неизменности ее численности. При таком условии повышенные значения GRR и TCFS означают, что для поддержания *только стабильного* объема популяции женщинам Новгородской земли приходилось больше рожать детей, т.е. косвенно это указывет и на высокую детскую смертность, хотя данные об этом у нас отсутствуют.

Картирование среднего возраста смерти выявляет любопытную закономерность: самый ранний возраст смерти характерен для населения исторического центра Новгородской земли — Северо-Западного Приильменья, причем независимо от времени его бытования. Окраинные же группы Новгородской земли жили дольше. При сравнении с результатом картирования среднего возраста смерти на более обширной территории [4], в котором зафиксировано снижение среднего возраста смерти вблизи двух исторических центров — Новгорода и Киева, — можно предположить, что этот феномен связан с неблагоприятным влиянием фактора высокой плотности населения.

Сопоставление частот маркеров стресса на костях черепа и демографических показателей позволяет сделать некоторые заключения. Становится очевидным, во-первых, что средневековые популяции Новгородской земли различны по своему социальному уровню, социальному назначению (земледельцы, военизированные поселки), что хорошо выявляется как при анализе демографических показателей, соотношения мужского и женского населения, так и при сопоставлении уровня и характера травматических повреждений черпных костей [5]. Любопытен, например, тот факт, что популяции, расположенные в центральных районах Новгородской земли, характеризуются примерно равным соотношением мужчин и женщин, в то время как в группах, живших на окраинах земли, численность мужчин существенно, иногда в два раза превышает численность женщин (табл. 1).

Во-вторых, все изученное население Новгородской земли в целом характеризуется более высокими частотами большинства маркеров стресса, более низким возрастом смерти, относительно худшими показателями демографической структуры как по сравнению со средневековым населением Западной Европы, так и по сравнению с населением других районов Восточноевропейской равнины. Этот факт может говорить о том, что население Новгородской земли, особенно Северо-Западного Приильменья, испытывало большие негативные воздействия окружающей среды как в силу высокой плотности населения, так и в связи со «стрессом переселенцев», попавших в непривычные для них географические и климатические условия.

Таким образом, демографический анализ и изучение маркеров стресса выявляют реальные различия между популяциями Новгородской земли, различия связанные прежде всего с социальной структурой изученных популяций.

Внутригрупповой анализ краниологических особенностей выявляет значительную однородность палеопопуляций Новгородской земли, т.к.

по ведущим этноопределяющим признакам средние квадратические отклонения близки к стандартным или даже занижены в сравнении с ними. Графики эмпирических распределений основных признаков черепа не отличаются от нормальных. Все это позволяет сделать заключение об относительной однородности изученных палеопопуляций.

Вместе с тем существует большое количество работ, посвященных выделению локальных типов среди населения Новгородской земли [6]. Кроме того, неоспорим факт наличия среди новгородского населения морфологических вариантов, связанных с различными пропорциями черепной коробки [7]. Поэтому были предприняты попытки выделить в изучаемом материале те морфологические варианты, которые позволили бы говорить о составляющих компонентах антропологического типа новгородцев. Анализ географической изменчивости признаков и сопоставление с окружающим населением позволил выделить комплекс специфических краниологических особенностей новгородцев (короткий, широкий, относительно низкий череп, лицо довольно низкое, ортогнатное, с узким носом). Этот анализ не позволил обнаружить какие-либо локальные типы внутри изученного новгородского населения и выявил лишь наличие компактной группы популяций, локализованных к северо-западу от Новгорода, в которых специфические краниологические особенности новгородцев проявлены особенно отчетливо. Попытка выявить антропологическую неоднородность с помощью многомерных статистических методов также была безуспешной. Был проведен канонический анализ с использованием 19 важнейших расоводиагностических признаков краниологии, как для мужских черепов, так и для женских с использованием индивидуальных измерений (рис. 2, 3). Очевидно, что при наличии крайних индивидуальных вариаций изученный материал следует назвать однородным. Таким образом, можно говорить о том, что изученное население Новгородской земли в антропологическом отношении едино и обладает специфической краниологической характеристикой, отличающей это население от окружающих восточнославянских, финских и балтских племен, причем население Северо-Западного Приильменья выражает эти особенности как бы в концентрированном виде.

Для поиска аналогов антропологического типа новгородцев был проведен канонический анализ по двум наборам признаков. В первом варианте участвовали только группы Восточной Европы балтского, финского (могильник Мураново) и восточнославянского происхождения. Анализировалась изменчивость по 19 признакам (рис. 4). В результате канонического анализа по набору из 19 признаков выделены 8 таксономически ценных признаков, причем 6 из них характеризуют широтные размеры черепа и лица. Первая и вторая канонические переменные описывают 41% общей изменчивости. Первая каноническая переменная разделяет группы по следующим набором признаков: на одном полюсе черепа с большим поперечным и малым продольным диаметрами, т.е.

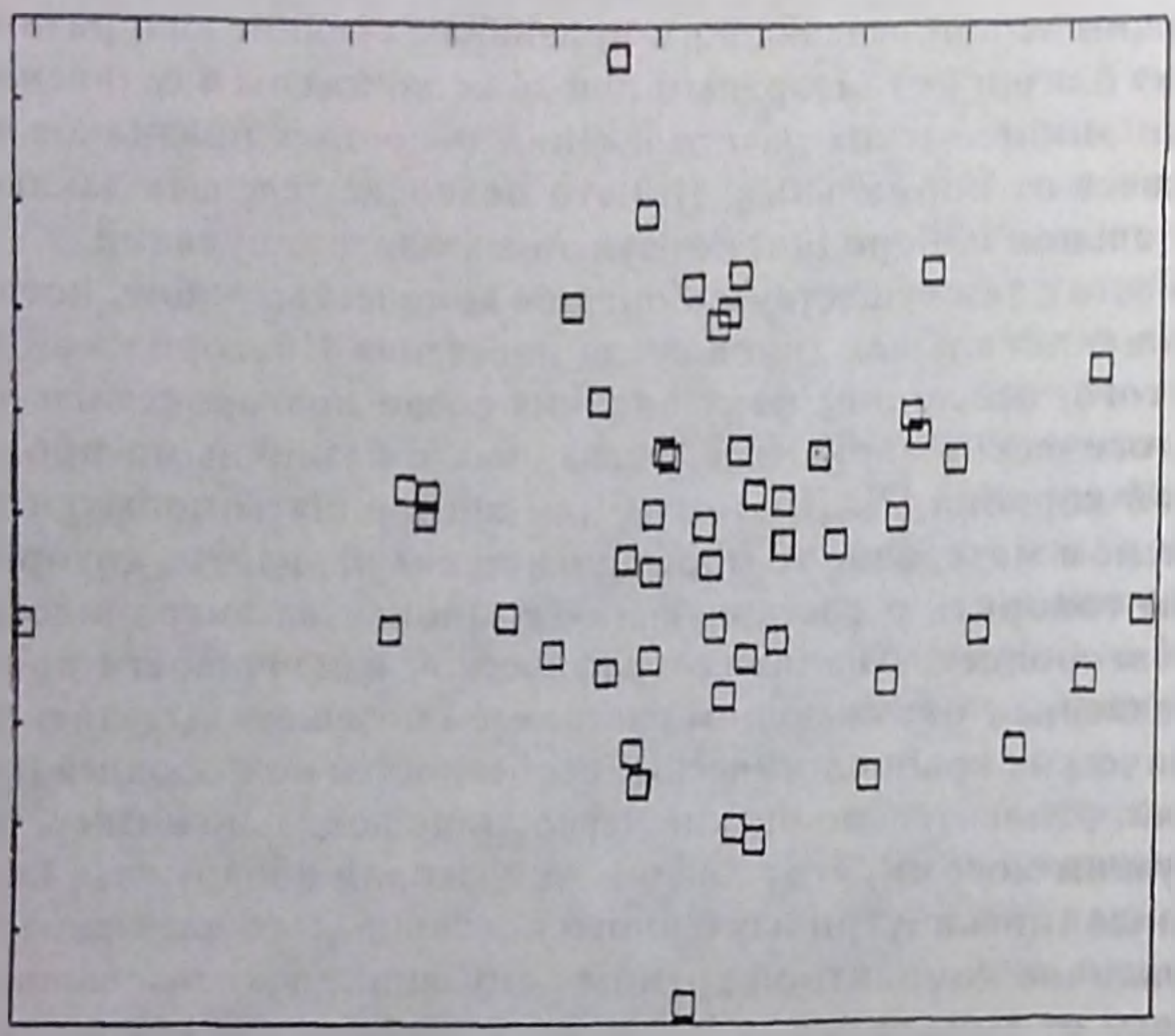


Рис. 2. Результаты канонического анализа по 19 краниологическим признакам. Мужские черепа (N=55), индивидуальные данные (XI—XVI вв., население Новгородской земли).

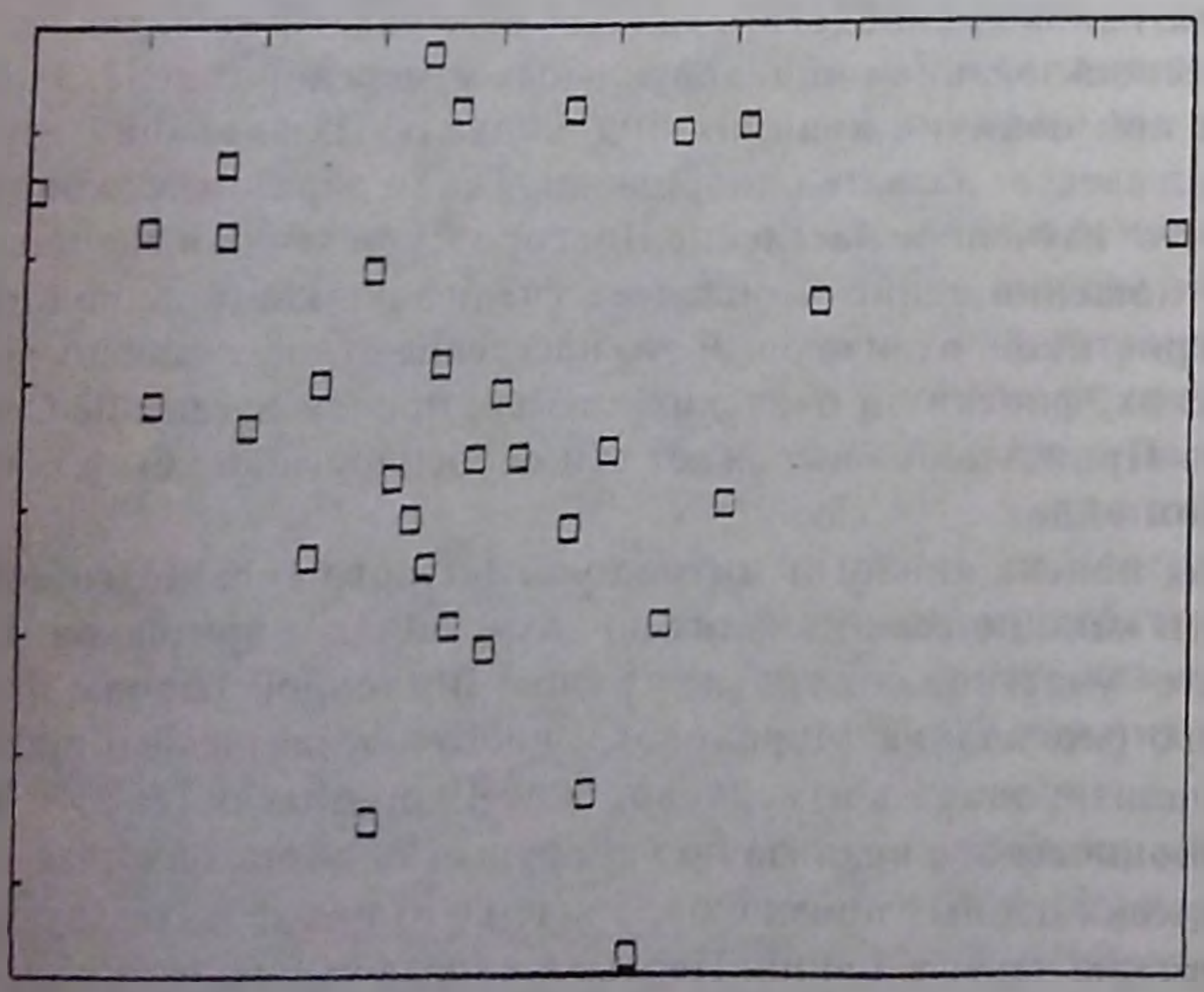


Рис. 3. Результаты канонического анализа по 19 краниологическим признакам. Женские черепа (N=34), индивидуальные данные (XI—XVI вв., население Новгородской земли).

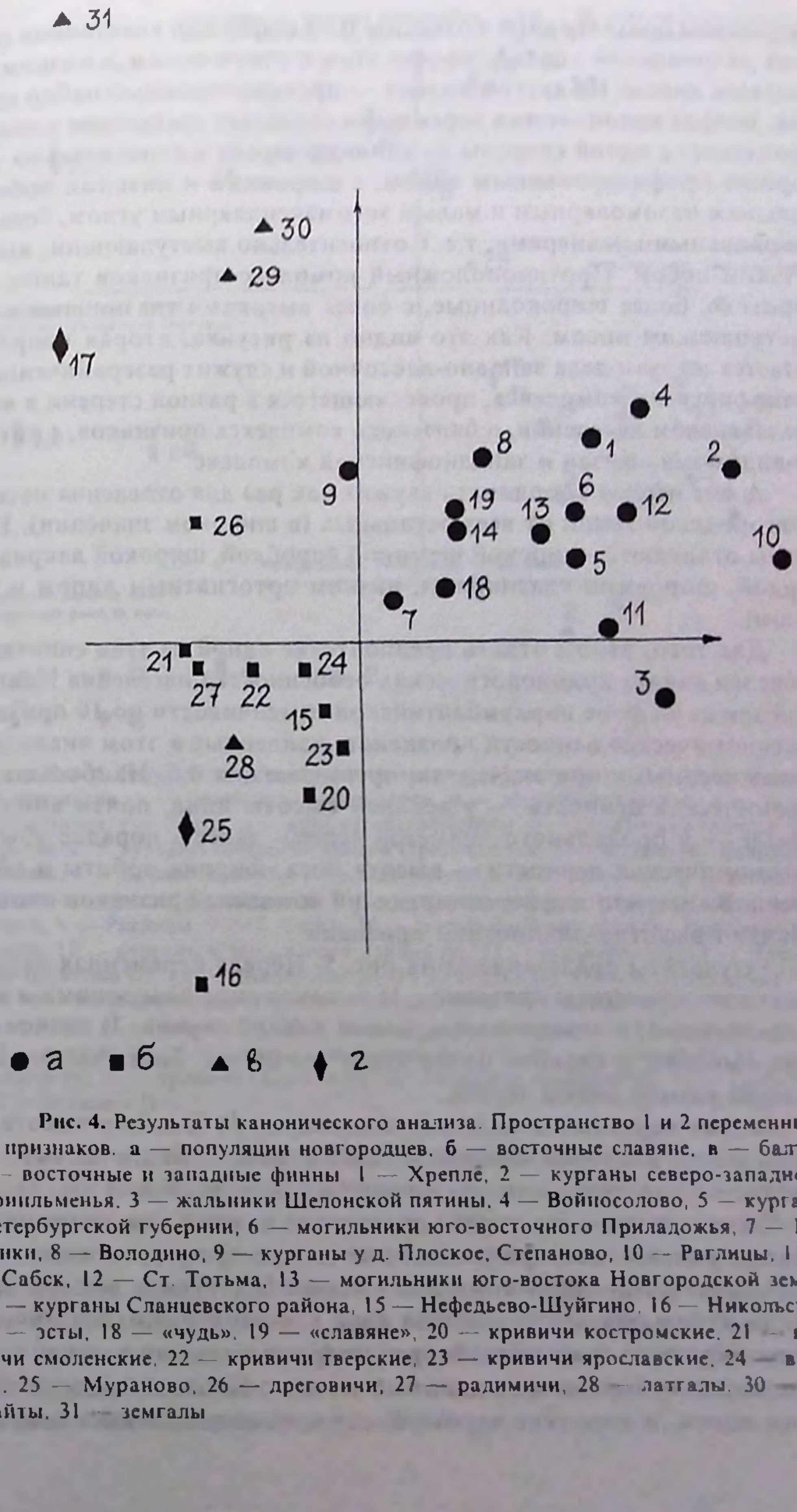


Рис. 4. Результаты канонического анализа. Пространство 1 и 2 переменных 19 признаков. а — популяции новгородцев, б — восточные славяне, в — балты, г — восточные и западные финны. 1 — Хрепле, 2 — курганы северо-западного Прильменья, 3 — жальники Шелонской пятины, 4 — Войносолово, 5 — курганы Петербургской губернии, 6 — могильники юго-восточного Приладожья, 7 — Новинки, 8 — Володино, 9 — курганы у д. Плоское, Степаново, 10 — Раглицы, 11 — Б. Сабск, 12 — Ст. Тотьма, 13 — могильники юго-востока Новгородской земли, 14 — курганы Сланцевского района, 15 — Нефедьево-Шуйгино, 16 — Никольское, 17 — эсты, 18 — «чудь», 19 — «славяне», 20 — кривичи костромские, 21 — кривичи смоленские, 22 — кривичи тверские, 23 — кривичи ярославские, 24 — вятичи, 25 — Мураново, 26 — дреговичи, 27 — радимичи, 28 — латгалы, 30 — жемайты, 31 — земгалы

выраженно брахикранные с относительно широкими глазницами и большой дакриальной хордой, но при этом с узким носом и низким ортогнатным лицом. На другом полюсе — противоположный набор признаков. Вторая каноническая переменная разделяет следующие комплексы признаков: с одной стороны — длинные черепа с относительно узким, хорошо профилированным лицом, с широкими и низкими орбитами, большим назомолярным и малым зигомаксиллярным углом, большими дакриальными размерами, т.е. с относительно выступающим, высоким и узким носом. Противоположный комплекс признаков таков: более короткие, более широколицые, с более высокими глазницами и менее выступающим носом. Как это видно из рисунка, вторая координата является по сути дела западно-восточной и служит разграничению восточнофинского комплекса, проявляющегося в разной степени в восточнославянском населении, и балтского комплекса признаков, с которым, по-видимому, связан и западнофинский комплекс.

А вот первая координата служит как раз для отделения населения Новгородской земли от всех остальных (в широком значении). Новгородцы отличаются широкой черепной коробкой, широкой дакриальной хордой, широкими глазницами, низким ортогнатным лицом и узким носом.

Для того, чтобы отдать предпочтение одной из этих гипотез, был проведен анализ краниологических особенностей населения Новгородской земли на фоне циркумбалтийской изменчивости по 10 признакам. Таксономические ценности признаков, найденные в этом анализе, считались весомыми при значениях, превышающих 0,5. Наибольшая таксономическая ценность — у верхней высоты лица, почти вполовину меньше — у продольного диаметра черепа, далее в порядке убывания таксономической ценности — высота носа, ширина орбиты и ширина черепа. Видно, что дифференцирующий комплекс признаков иной: преобладают высотно-длинноотные признаки.

Результаты представлены на рис. 5. Первая переменная разделяет следующие комплексы признаков: 1) высокое лицо с широкими и низкими глазницами, с низким носом, малой длиной черепа; 2) низкое лицо, более высокие, а главное более узкие глазницы, более высокий нос, больший размер длины черепа.

Вторая переменная выделяет комплексы: 1) большая высота лица в сочетании с длинным черепом, низким носом; 2) более низкое лицо в сочетании с коротким черепом, большей высотой носа.

Хорошо видно, что первая переменная служит для разграничения западноевропейского мира вообще и восточноевропейского мира вообще. Дифференцирующий комплекс — соотносительная высота лица и носа: на одном полюсе — высокое лицо с низким носом, на другом — противоположное сочетание. Вторая координата делит каждый из этих миров на два субкомплекса: длинные черепа с большей высотой лица и низким носом и короткие черепа, более низколицые и высоконосые.

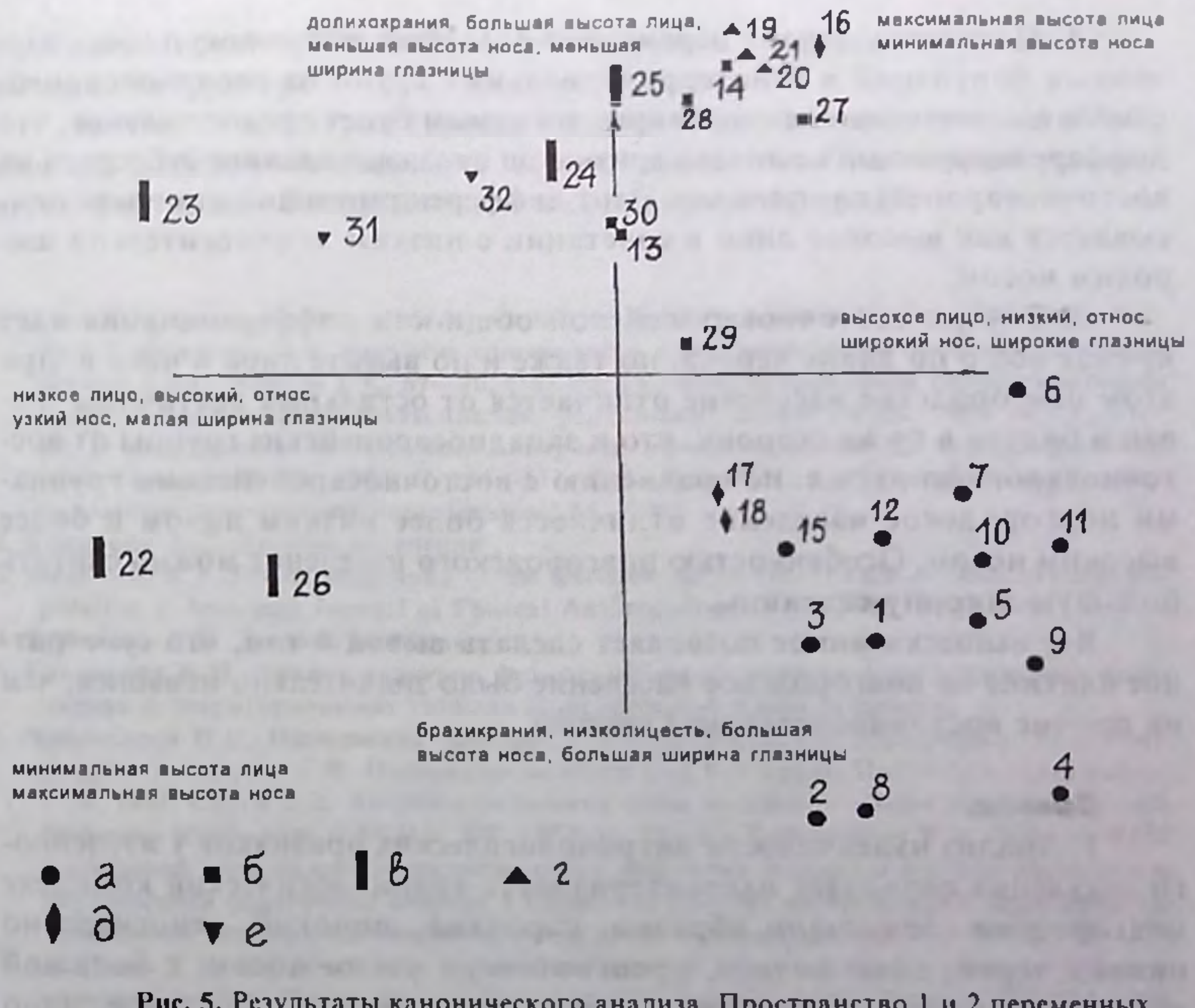


Рис. 5. Результаты канонического анализа. Пространство 1 и 2 переменных, 10 признаков. а — популяции новгородцев, б — восточные славяне, в — западные славяне, г — балты, д — прибалтийские финны, е — германские группы. 1 — Хрепле, 2 — курганы северо-западного Приильменья, 3 — жальники Шелонской пятины, 4 — Войносолово, 5 — курганы Петербургской губернии, 6 — могильники юго-восточного Приладожья, 7 — курганы восточных районов Новгородской земли, 8 — Раглицы, 9 — Б. Сабск, 10 — могильники юго-востока Новгородской земли, 11 — курганы Сланцевского района [8], 12 — «славяне» [9], 13 — Нефедьево-Шуйгино [8], 14 — Никольское [8], 15 — «чудь» [9], 16 — эсты западные [10], 17, 18 — эсты восточные [10], 19 — земгалы [10], 20 — жемайты [10], 21 — латгалы [10], 22 — ободриты [8], 23 — меклебургские славяне [11], 24 — поморяне [8], 25 — висляне [8], 26 — поляне (о-в Ледницкий) [11], 27 — радимичи [8], 28 — дреговичи [8], 29 — кривичи тверские [8], 30 — кривичи полоцкие [8], 31 — саксы [11], 32 — тюринги [11].

Таким образом, новгородцы характеризуются здесь как мезобрахикранный вариант с низким лицом и высоким носом. Надо отметить, что в антропологической литературе широко обсуждается дифференциация племен циркумбалтийского региона на основании *высоты глазницы и ширины носа* [12]. В нашем случае речь идет о *ширине глазницы и высоте носа*, причем высота носа связана отрицательной связью с высотой лица, в то время как физиологическая связь этих признаков положительная и довольно высокая. Анализируя полученные результаты, можно сделать следующие заключения:

1. Поскольку первая переменная разделяет всю совокупность изученных популяций и этнотерриториальных групп на западноевропейский и восточноевропейский миры, логичным будет предположение, что дифференцирующий комплекс признаков отражает влияние субстрата на восточноевропейские племена. Этот дифференцирующий комплекс описывается как высокое лицо в сочетании с низким и относительно широким носом;

2. Внутри восточноевропейской общности дифференциация идет прежде всего по длине черепа, но также и по высоте лица и носа и при этом новгородское население отличается от остальных восточных славян и балтов в ту же сторону, что и западноевропейские группы от восточноевропейских, т.е. по сравнению с восточноевропейскими группами новгородское население отличается более низким лицом и более высоким носом. Особенностью новгородского населения можно считать большую ширину глазницы.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что субстратное влияние на новгородское население было значительно меньшим, чем на прочие восточнославянские группы.

Выводы.

1. Анализ изменчивости антропологических признаков у изученного населения позволяет охарактеризовать краниологический комплекс новгородцев следующим образом: короткий, широкий, относительно низкий череп, лицо низкое, ортогнатное, с узким носом, с большой шириной и малой высотой глазницы. Выступание носа сильное, лицо слегка уплощено на верхнем уровне, сильно профилировано на нижнем. Этот комплекс признаков хорошо отделяет новгородцев как от восточнославянских, так и от балтских и западнофинских групп.

2. При анализе локальной изменчивости хорошо выделяется население Северо-Западного Приильменья, в антропологической характеристике которого отличительные особенности новгородцев выражены особенно отчетливо.

3. Краниологический тип новгородского населения при сохранении некоторых архаических неолитических особенностей, сближающих новгородцев с балтами и финнами, выступает как самотоятельная антропологическая вариация, особенно хорошо фиксируемая при многомерном анализе антропологической изменчивости как в «восточноевропейском», так и в «циркумбалтийском» масштабе.

4. Субстратное влияние на новгородское население было значительно меньшим, чем на другие восточнославянские группы. Краниологическая характеристика новгородского населения отражает генетические связи словен новгородских с балтийскими славянами и их относительную обособленность от восточнославянского мира.

5. Анализ демографической структуры популяций Великого Новгорода показывает неоднородность социальных условий бытования

различных групп населения, выделяя группы с нарушениями демографической структуры.

6. Анализ маркеров стресса позволяет сделать заключение об общем неблагополучии населения Новгородской земли, вызванном различными факторами биологической и социальной природы.

1 Weiss K M Demographic models for Anthropology // American antiquity. 1973. V 38 № 2. Part 2: Федосова В Н Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) // РА 1994. № 1 С. 67—76. Она же Развитие современной палеодемографии (палео-экологические аспекты анализа фактических данных) // РА. 1994. № 3. С 71—82. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // РА 1995. С 104—111; Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования) М., 1995.

2. Бужилова А П Древнее население

3. Mensforth R P. Paleodemography of the Carlston Annis (Bt-5) Late Archaic skeletal population // American Journal of Phisical Anthropology V.82. 1990. P. 81—99.

4 Бужилова А П Древнее население ...

5. Гончарова Н Н Анализ маркеров физиологического стресса в средневековых популяциях и территориальных группах Новгородской земли (в печати).

6. Чебоксаров Н.Н Ильменские поозеры // Труды Института этнографии Т 1 1947 С. 235—267; Дебец Г Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии Т 4 1948, Седов В В Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ, XV, 1952. С. 72—85; Хартанович В И , Чистов Ю К Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато (применение двух моделей факторного анализа к краниологическим материалам) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984, С. 74—105

7 Алексеева Т.И Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны Этногенетические процессы Рига, 1990, 124—144 С 134—136.

8. Данные Т.И Алексеевой, см.: Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973, Она же Антропология ...; Алексеева Т.И., Макаров Н А., Балуева Т С , Сегеда С П , Федосова В Н , Козловская М.В Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993

9 Данные В.В.Седова, см.: Седов В В. Антропологические типы ...

10. Данные Р Я Денисовой, см.: Денисова Р Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига,1977.

11 Данные из Rosing F W , Schwidetzky I Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Antropologie des Frühmittelalters (500—1000 n d.Z.). Homo, 1977 Bd 28 Heft 2, Rosing F.W., Schwidetzky I. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Antropologie des Hochmittellters (1000—1500 n d.Z). Homo, 1981 Bd 32 Heft 3-4

12 Алексеева Т И Этногенез ...; Она же Антропология ...

Аница Ѓоргиевска

АВАРО-СЛОВЕНСКИ МОМЕНТИ ВО HERACLEA LYNCESTIS

Познато е веќе дека Хераклеја Линкестис кај Битола бил еден од најзначајните градови во овој дел од античка Македонија. Самото име го открива нејзиното македонско потекло и го врзува за македонската кралска кука [1]. Во нејзиното долговековно постоење е посведочен еден континуиран развој во повеќе епохи. Како што често се случува географската положба е таа што најмногу влијаела на нејзиниот развоен пат.

Сместена во плодната рамница, на границата на Македонија и илирските земји, низ неа од намтивек водел пат кој од Кандавија преку Лихнид се спуштал во Македонија и кој во римско време го заменил via Egnatia [2].

Превирањата на античкиот свет (V—VII век), изменетата општествена и културна структура не ја заобиколија ни Хераклеја. Тоа што таа ќе преживува еден сопствен бурен живот, има повеќе причини. Споменатиот пат via Egnatia, после IV век колку и да го губи занчењето затоа што Рим не е веќе престолнина, туку Милано, а тој е поврзан со Цариград преку Птуј, по долината на Сава, Дунав, Морава-Вардар [3]. Навистина губејќи доста од својата важност, најпознатиот балкански пат во класичната епоха и во ова време останува една од најзначајните насоки: Dyrrachim-Thessalonica-Amphipolis-Philippi-Neapolis-Akontisma-Traianopolis-Константинопол [4]. Сообраќајот е и понатаму жив но помалку од военб а повеќе од верски, културен и уметнички карактер. Така Хераклеја ќе се најде на мегата, меѓу две големи метрополи на стариот свет, во самото средиште на влијанијата на тие две културни, уметнички и верски жаришта. Се чини дека ниту една епоха до далечната историја не може да биде до таа мера релевантна за современите интереси како што е тоа токму периодот што ги поврзува стариот со средновековниот свет, кога визуелно изумира еден препознатлив ред на нештата и е заменет со друг. Навистина од тој период постојат многу малку пишани податоци, но затоа пак во недостиг на истите се прави одил таа празнина да се пополни со материјални извори. Посебно нумизматичкиот материјал е секогаш конкретен кога е во прашање крајот на античкиот свет. Истиот настаните може не само да ги потврди, туку и хронолошки прецизно да ги лоцира.

Сето ова се однесува и на нумизматичкиот материјал пронајден на локалитетот Хераклеја. Од седумдесеттина монети, колку што се досега објавени од периодот што нас не интересира (Јустинијан-Маврикие), на царот Маврикие му припаѓаат шеснаесет примероци. Сите потекнуваат од солунската монетарница и се ковани иста година, 583—584 [5].

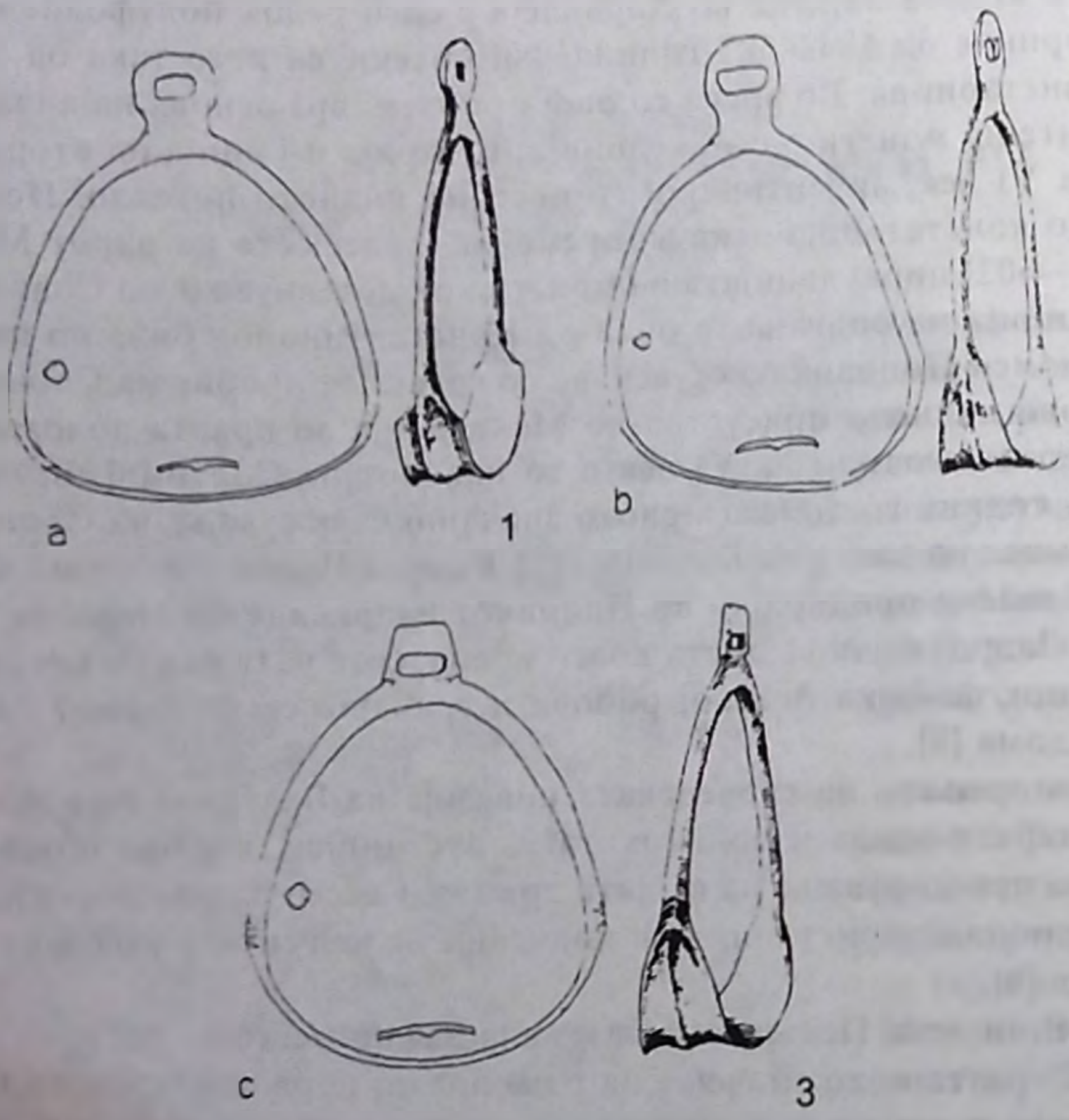
Најдоцна монета најдена во Хераклеја е еден редок полуфолис од царот Маврикие од 584—585 година, кој потекнува исто така од солунската монетарница. Во врска со овој проблем, врз основа на анализата на наодите на монети од Македонија, Бугарија и Грција од втора половина на VI век, акцентирајќи го посебно нивното потекло, Поповиќ дошол до констатација дека за време на владеењето на царот Маврикие (582—602) циркулацијата на монети кои потекнувале од Солун имала тенденција на опаѓање, а онаа од Константинопол била во пораст. Овој феномен Поповиќ го објаснува со големиот пробив на Словените, односно со нивното присуство во Македонија во првата половина на осумдесеттите години на VI век и со нападот на Солун [6]. Всушност 550—551 година го донела првото значајно задржување на Словените преку зимата на тлото на Балканот [7]. Според Прокопие големо мноштво на Словени продирајќи во Илирикот направиле неопишливи злосторства. Задрдувајли се доста долго време, сите патишта ги покривале со мртовци, фаќајќи безброј робови и грабајли се, со целиот плен се враќале дома [8].

На ширењето на словенската инвазија на Балканот во прилог во голема мера и одела и политиката на Јустинијан, кој бил обземен со идејата за проширување на својата држава. Свесен од опасноста на словенските напади пристапил кон подигање на цел систем утврдувања на Балканот [9].

Се чини дека Пелагонија заземала важно место во тој грандиозен систем. Стратешкото значење на рамнината, поради близината на Солун, а уште повеќе via Egnatia, како и другите комуникации — Вардарско-Моравската магистрала, барале соодветни мерки за заштита од овие напади. Јустинијан во Македонија Прва и Втора подигнал и обновил 46 утврдувања, чија идентификација со мали исклучоци е речиси непозната [10].

На јустинијановиот одбранбен систем најверојатно му припаѓа и тврдината «Кале» — Стрежево-битолско, на западниот раб на Пелагониската рамница, на десниот брег на реката Шемница. Таа ја контролира комуникацијата која ги поврзувала Демир Хисар и кичевската област со Пелагонија, односно најкраткиот пат кој водел од Кичево и северо-западна Македонија кон Битола. Врз основа на истражените партии на бедемите констатирано е дека тие се градени во еден зафат, без преградби. Ова пак укажува и не води на размисла дека истиот е еден од ново изградените кастели на Јустинијан, а најверојатно истиот е граден како последица на напад кој требаше да претходи, а тоа е големата Словенска инвазија во осумдесеттите години на VI век. Сето ова е потврдено и со богатото депо на железни орудија и опрема, што секако се од посебно значење за проучувањето на материјалната култура од периодот на Словенските напади [11].

Вкупниот број од 18 узенгии (ветири пара и десет поединечни примероци) може да се смести во три типа (сл. 1).



Слика 1.

– узенгија со кружна форма и високо подигнато правоаголно уше;
– узенгија со кружна форма и нешто издолжена на горниот дел;
– узенгија со крушковидна форма.

Всушност глемата словенска инвазија во осумдесеттите години на VI век до темел ја разниша византиската власт на Балканот, посебно неговите јужни делови. Повеќе од три години Словените ги ограбувале и пустошеле Македонија и Тракија, а во 584 година го организирале и првиот напад на Солун. Опсадата од 5000 Словени претрпела потполн неуспех [12]. На 22.10.586 година презеле нов напад, но овој пат во заедница со Аварите. Преку сто илијади Словени и Авари цели седум дена шо држеле Солун на работ на пропаст, а зад себе оставиле тешки последици за животот на градот.

Најверојатно во продолжение на истото движење овој поход прераснал посебно на Пелопонез [13] и низ цела Македонија [14].

Имено, овај напад на Словените и Аварите иако завршил неуспешно, имал далекусежни последици за историјата на балканските провинции на Византиското царство. Огромната маса на Словени и Авари се распрснале по Македонија, ограбувајки и освојувајки градови и тврди-

Слика 2.

ни. Кај некои групи Словени се појавил и интерес за земја и стален престој на нашиве територии, со што дошло и до создавањето на првите склавинии.

Голема е вероjатноста дека овие напади предизвикале постепено поместување, а и разредување на автохтоното население, што беше предуслов за населување на нов елемент. Пелагониската рамнина и околните предели ги населило, изгледа словенското племе Верзити (Берзити). Името на ова племе, како што се претпоставува, е зачувано во денешниот назив Брсјаци за жителите кои ги населувале територите мегу Охрид, Велес, Битола, Кичево [15].

За сето ова нема доволно изворни податоци, но може да се претпостави сите овие настани какви се не пореметувања им носеле на животните услови на староседелците. Многу антички типови на градби исчезнуваат, или воопшто добиваат нова намена, а некои се зачуваат во првобитната функција.

Сите овие превирања не ја заобиколија ни Хераклеја. Аварите и Словените по големите уништувања најверојатно стигнале и до Хераклеја, но во неа не се населиле затоа што биле номади, туку се раштркале

околу нејзините рушевини и засекогаш го прекинале урбаниот живот. На сето ова укажува археолошката евиденција при ископувањата [16]. Хераклеја со бројот и дебелината на своите слоеви е навистина исклучителна. Десет слоеви и седум нивои со остатоци од населби се редат еден преку друг [17]. Она што е тема на нашето интересирање е третиот темнок испрекинат слој во кој меѓу другите се и наодите на груба керамика украсена со брановидни линии (сл. 2: 1,2). Тоа што е очигледно на оваа едноставна работена керамика е нејзината груба и различна фактура, непрочистена земја која е слабо печена, но воедно и недостаток за смисла на пластичност во формата и украсот. Едно е сигурно, по тоа што се разликува словенската од било која друга керамика е едноставноста и функционалноста, но воедно и големото чувство за асимилирање на одделни елементи од други поразвиени култури, што од друга страна пак укажува на нивното брзо прилагодување на повисоко културно ниво. Како и да е видливи се нивните отпечатоци на прстите, нивната искрена желба во мекото тело на глината да втиснат дел од својата душа.

Од посебно значење е и поединечниот наод од непознат локалитет од околината на Битола — таканаречената лачна фибула или фибула со маска (сл. 2: 3). Зачуван е само горниот дел т.е. полукружна глава со пет копчиња. Овој тип на фибули обично му припаѓаат на Словените и нивната датација е VI—VII век [18].

Како што веќе погоре напоменавме, Словените брзо се прилагодувале и ги асимилирале елементите од други поразвиени култури, така да на одделен накит тешко може да му се одреди потеклото. Во конкретен случај тоа се однесува на наушниците со ѕвездолик приврзок, кои се прифатени од словенското население и се присутни се до почетоците на XI век, со тоав што најчесто се работени од бронза-техника на лиење [19] (сл. 3: 1).

Кога се во прошање пак Аварите се смета дека не постои друг народ кој е толку силно врзан за своето потекло. Тие биле добро организиран војнички народ. Всушност војникот и војната биле спојката со нивната постојбина, со првобитните кланови и верувања кои секогаш ги поврзувале. Оружјето го сочинувале: кожен оклоп, стрела и копје, а во рацете држеле лак, па по потреба го користеле едното или другото [20]. Едно е сигурно, главно оружје на аварските војници во напад бил лакот таканаречен номадски рефлексен лак. Поголем дел од него бил изработен од органска материја и тоа претежно од дрво, па со тек на времето овие делови потполно иструлиле, односно исчезнале. Тоа што останало од некогашните рефлексни лакови се т.н. коскени оплати-танки коскени плочки кои се наоѓале на краевите од лакот, поточно на средината од лачното тело.

Токму вакви коскени плочки од рефлексни лакови, воедно и троребрести врвови од стрели се ископани и во Хераклеја [21].

Дел од коскена плочка од оплатата на кракот на рефлексен, номадски лак, на којшто едниот крај и е откршен (сл. 3: 2). Внатрешната стра-

1

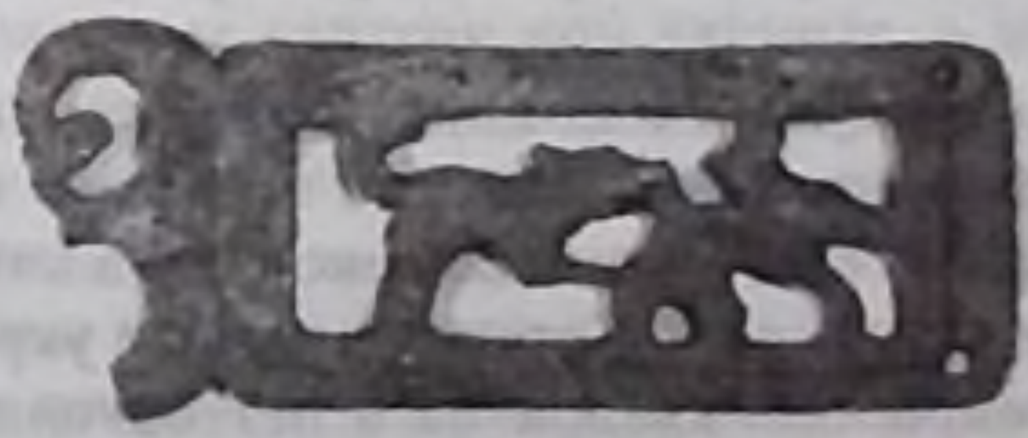
2

3

4

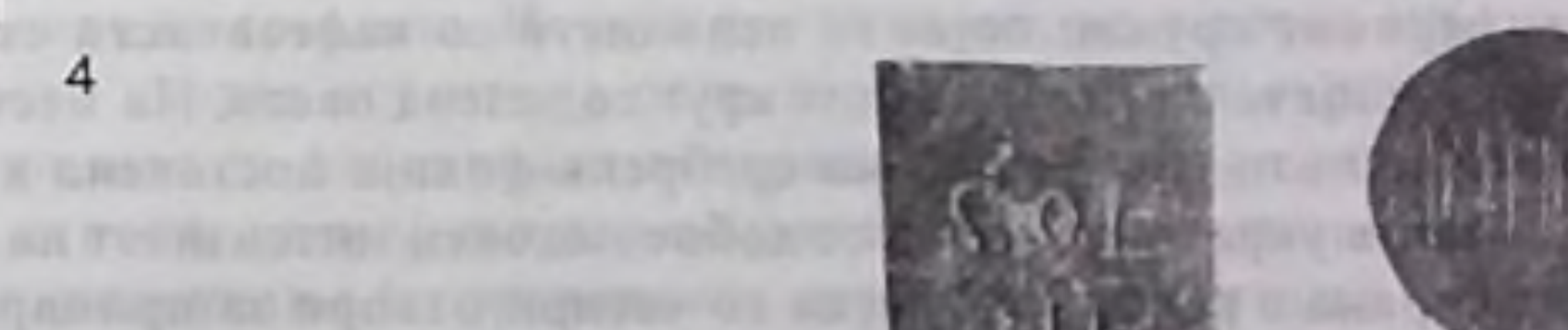
5

6



7

8



9

Слика 3.

на на плочката е равна, а надворешната лачна. Покрај ивицата која што стоела на надворешната страна на лакот сочувана е полукружна вдлабнатина за тетивата после која следи лента за шрафиран орнамент.

Дел од коскена плочка од оплатата на кракот на рефлексен, номадски лак, чии завршетоци се откршени (сл. 3: 3). Внатрешната страна на плочката е рамна, а надворешната профилирана. Сочуван е дел од вдлабнатината за тетива, како и поле со прецизно изведен орнамент со шрафури.

Три фрагменти од железни врвови од стрели со три подолжни ребра и трн за набивање (сл. 3: 4).

Најверојатно овие коскени плочки од ребрести лакови и троребрести врвови од стрели се од аварско потекло, всушност станува збор за рани форми на аварски примероци. Сигурно истите ги користеле и Словените.

Од своите седишта од Понт, Аварите ги носеле и своите накити. Поради тоа и не случајно е и ископувањето на полихромен накит во Хераклеја, што од друга страна пак уште еднаш го потврдува аварското присуство во неа. Пронајдени се кружна и петтоаголна апликација [22].

Кружната апликација која е пронајдена на просторот јужно од Епископската резиденција, е изработена од бронза со траги на позлата, а украсувањето со техника на клоазонирање, специфична за полихромниот стил (сл. 3: 5). Во центарот е прикажан четворолист од истоветно моделирана бела школка. Келиите покрај централниот мотив и во периферниот кружен појас се исполнети со кафеавкасти стаклениа, а на периферијата на централниот круг со зелена паста. На местата каде што се испаднати се гледа тенка сребрена фолија поставена во основа на стаклените украси со цел да се добие поголем интензитет на сјајност. Задната страна е рамна, пробиена со четири отвори за прицврстување, видливи на горната површина.

Петтоаголната апликација е пронајдена над подот со мозаик во апсидалната одаја на Епископската резиденција односно во слојот на рушење на градот (сл. 3: 6). Изработена е од бронза со декорација како и претходниот примерок «verroterie cloisonnee». Горната страна е украсена така што е поделена на две површини: квадратна и петтоаголна. Во центарот на квадратното поле има кружно лежиште пополнето со коскена влошка, на кого се надоврзуваат четири келии, исполнети со модросина стаклена паста.Останатите келии се исполнети со лавчиња бел седеф. Задната страна е рамна, со видливи отвори за клинчиња, со кои се прицврстувале. Зачувани се и три клинчиња со испакнати глави.

Во Хераклеја се застапени и омилените сцени на мегусебните борби на животните, типични за аварското творење. На една тока од бронза со правоаголна форма, во средишниот дел е претставена зооморфна хематика и тоа од левата страна едно животно во скок, угризува друго животно (сл. 3: 7).

Многу византиски и западни писатели во своите дела голем про-

стор му отстапувале на описите за големата алчност на Аварите кон златото. Во прилог на ова зборува и фактот што тие каде и да се движеле вршеле големи грабежи на злато и други скапоцености, а воедно со себе си ги носеле и популарните патувачки златари, кои имале за цел да ги задоволат потребите на богатите слоеви на општеството.

Нивното присуство е очигледно и во Хераклеја и тоа преку ретко срекаваните предмети-ехагии кои се застапени од вообичаениот материјал: бронза и стаклена паста [23] (сл. 3: 8). Заедно со нив се пронајдени и длето и вага. Длетото иако се користи за груби работи, тоа е сепак неопходен алат на секоја златарска работилница. Другиот предмет е бронзен лост од прецизна златарска рамнокрака вага (сл. 3: 9).

Како што кажавме погоре, во литературата ексагиите се поврзуваат со присуството на Аварите, но не е исклучена можноста дека истите носат и словенски моменти на живот [24].

Продолжувањето на животот на градот од месното население пак е одбележан со скромните и сиромашни преградувања врз разурнатиот театар [25]. Имено врз ерозивниот нанос на напуштениот и оштетен театар откриени се остатоци од градби од речни мазнети камења поврзани со кал, кои што организираат една микроурбанистичка целина во која што се јасни меѓусебните односи помеѓу градбите со можност за претпоставка дека централната градба е постара, повредна и функционално посложена. Горенаведената констатација за оваа градба навестува и можност за социјална издиференцираност на нејзиниот сопственик во однос на соседите. Истата претставува, во извесна смисла и гравитационен центар кој што ја организира населбата околу себе. Двете улици кон што ја фланкираат централната градба од источната и западната страна, покрај својата основна намена-комуницирање, слежеле и за одводнување на ерозивните наноси. Влезовите во овие градби главно се свртени кон улиците, а микростанбената целина кон сонцето. Иако овие ѕидови се градени од камења поврзани со кал, што зборува за време на слабеењето на градот, сепак тие делуваат смирено, со тенденција за крајна рационализација на средствата и просторот. Секако дека ова е резултат на богатото градежно искуство од претходните векови. Најверојатно оваа градба настанала за време на владеењето на Јустинијан, а престанала да живее во првите години на владеењето на Маврикие-Тиберие. На ова секако одат по прилог откриените монети [26].

На крајот заклучувајќи прелно е да се каже дека сите овие скромни материјални остатоци даваат да се насети еден момент кој свеска од темнината на настаните, но воедно е и сведок за едно живеење што за секогаш отишло во неврат, но истовремено најавува ново време што се раѓало на оној простор.

Искрено се надевам дека ова скромно излагање, како еден камен од мозаик ќе помогне во одгатнувањето на настаните, начинот на животот, историјата на народите во рановизантискиот век, поточно во аваро-словенскиот период.

Факт е дека овој простор од 584 година па се до почетокот на следната деценија претставува метеж од инвазори кои оставале траги од својата материјална култура, но затоа пак исчезнувале од територијата. Единствено Словените успеале трајно да се колонизираат и да им се наметнат на староседелците кои не исчезнале, туку напротив продолжиле да живеат во нови услови, за да во IX век малку по на север од Хераклеја во долината на реката Драгор го основаат градот Битола.

1. Папазоглу Ф. Македонски градови у римско доба. Скопје, 1957. С. 188.
2. Папазоглу Ф. Македонски градови... С. 189.
3. Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. I. Београд, 1922. С. 21—21.
4. Мирковић Љ. Северни Илирик у VI веку // Зборник радова византолошког института. 19. Београд, 1980. С. 18.
5. Јанакиевски Т. Наоди на византиски монети во градбите 5А и 5В од доцно античката микростамбена целина врз римскиот театар во Heraclea Lyncestis // МАА. 4. 1978. С. 198.
6. Popović V. Aux origines de la slavisation des Balkans, la konstitutions des premiéres Sklavinies macédoniennes vers la fin du VI siècle // Comptes rendus de l'Akadémie des Inskriptions et Belles-Lettres. Paris, 1980. S. 231—257.
7. Максимовић Љ. Цит. дело. С. 35.
8. Византиски извори за историју народа Југославије. I. Београд, 1955. С. 49.
9. Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1959. С. 90.
10. Апчевски К. Пелагонија во средниот век (од доаѓањето на Словените до паѓањето под турска власт) Скопје, 1994. С. 15.
11. Јанакиевски Т. Кале, с. Стрежево-Битолско // МАА. 6. 1980. С. 108.
12. Ковачевић Ј. Аварски каганат. Београд, 1977. С. 54.
13. Barišić F. Monemvasijska hronika o doseljavanju Avaro-Slovena na Peloponez 587 g. // Godišnjak. Knj. 3. Centar za Balkanološka ispitivanja. Saraevo, 1965.
14. Мирковић Љ. Северни Илирик... С. 46.
15. Апчевски К. Пелагонија... С. 23.
16. Томашевић Г. Упоредно испитивање вишеслојних археолошких налазишта у Хераклеји Линкестис. Улпијани и Сингидунуму // Саопштења. XIX. Београд, 1987. С. 10—13.
17. Направени се три пресеци: кај триклиниумот на Манастирот, еден во средината и еден на источниот крај, на местото на римскиот портик со почесни вотивни споменици.
18. Бабиќ Б. Средновековниот период во СР Македонија // Од археолошкото богатство на СР Македонија. Скопје, 1980. С. 104.
19. Манева Е. Неколку видови на накит од крајот на антиката во Хераклеја // Културно наследство. XII—XIII. Скопје, 1988. С. 46.
20. Ric P. Glavno oruzje nomadskih ratnika // Rad vojvodskih muzeja. Novi Sad, 1982—1983. С. 81—89.
21. Манева Е. Коскени плочки од рефлексни лакови и троребрести врвови од стрели со номадско потекло од Хераклеја // Зборник на трудови. 6, 7, 8. Битола, 1985. С. 86, 87. 49—55.
22. Манева Е. Неколку видови... С. 48.
23. Горгиевска А. Ексагии од Хераклеја Линкестидска // Зборник на трудови. 10—11. Битола, 1990—1991. С. 12—15.
24. Горгиевска А. Ексагии... С. 14.
25. Јанакиевски Т. Доцноантички градби од речни мали камења врзани со кал, Лихнид // Зборник на трудови. 7. Охрид, 1989. С. 65—67.
26. Јанакиевски Т. Наоди на византиски монети... С. 189—199.

А.А.Егорейченко

ПОЗДНИЙ ЭТАП КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Железный век лесной полосы Восточной Европы характеризуется большим разнообразием археологических культур, носители которых традиционно рассматриваются как представители преимущественно балтского и финно-угорского этносов. Вместе с тем среди исследователей в последнее время наметилась устойчивая тенденция поиска прародины славян именно в лесной зоне восточноевропейского региона. При этом основное внимание они концентрируют на культуре штрихованной керамики, чья активность на рубеже — в начале н.э. не возникает сомнений. Однако направленность миграционных устремлений ее носителей и выявление преимущественных зон культурного влияния имеют немало разночтений среди различных исследователей. Так, например, М.Б.Щукин усматривает проникновение носителей культуры штрихованной керамики, с одной стороны, на Смоленщину, в ареал восточного обитания днепро-двинских племен (городище Церковище), а с другой — не исключает возможного влияния «штриховиков» на формирование носителей горизонта Рахны-Почеп и группы Грини-Вовки [1]. Еще более смелое предположение сделано ранее Д.А.Мачинским, который усматривал уход носителей культуры штрихованной керамики в первых веках н.э. в Прикарпатье [2]. Наконец, трудно согласиться и с более скромным утверждением М.И.Лошенкова, отстаивающего в последнее время идею активного присутствия «штриховиков» в низовьях Березины [3]. На мой взгляд, все эти гипотезы являются следствием недостаточного знания материалов этой культуры и наличием большого числа пробелов в ее изучении. Так, например, до сих пор остаются проблематичными происхождение, ареал, хронология; не ясен, несмотря на некоторые сдвиги, погребальный отряд и т.д.

Формирование культуры штрихованной керамики так же, как и ряда других этнокультурных общностей этого региона, относится еще к эпохе бронзы. На территории Литвы наиболее ранние ее памятники относятся к последней четверти II — началу I тыс. н.э. (Большое Наркунайское городище, Мошкенай, Неверишке, Сокишкяй и др.). На территории Белоруссии подобные укрепленные поселения долгое время были неизвестны. Достаточно вспомнить, что А.Г.Митрофанов первоначально отнес появление памятников этой культуры к концу III в. до н.э. И только, очевидно, под влиянием критики П.Н.Третьякова, обратившего внимание на значительный хронологический разрыв между ранними городищами Литвы и Белоруссии [4], он перенес нижнюю хронологическую границу культуры штрихованной керамики на VII в. до н.э. [5], причем критерий для новой датировки, на мой взгляд, был вы-

бран достаточно спорный — сходство ранних штрихованных горшков с раннемилоградской посудой. Другие, более убедительные, датирующие находки в то время А.Г.Митрофанову были неизвестны.

Диспропорция в хронологии ранних памятников начала исчезать только в конце 70-х гг., когда в северо-западной части Белоруссии были обнаружены городища, сопоставимые по материалу с раннелитовскими (Горани, Зазоны, Ратюнки). Все это позволяет утверждать, что ядром формирования культуры штрихованной керамики являлись, по-видимому, Северо-Восточная Литва и прилегающие в ней районы Северо-Западной Белоруссии, откуда происходит постепенное расселение ее носителей прежде всего в южном и юго-восточном направлениях. Ранний этап этой общности, охватывающий почти все I тыс. н.э., характеризуется наличием слабоукрепленных поселений, полным господством костяной и каменной индустрии, а также слабопрофилированных и баночных сосудов, имеющих штриховку от венчика до днища.

Разительные изменения в культуре штрихованной керамики наблюдаются в конце I тыс. н.э., когда она вступает в заключительный этап своего развития. С этого времени практически во всем ареале культуры интенсивно развиваются черная металлургия и металлообработка, которые способствовали повсеместному распространению железных изделий и вытеснению из обращения каменного и костяного инвентаря. Важно подчеркнуть, что процесс коренных изменений в ведущих формах домашнего ремесла совпал по времени со сменой форм посуды. Вместо слабопрофилированных и баночных сосудов на территории Восточной Литвы, Юго-Восточной Латвии, Северо-Западной и Центральной Белоруссии широкое распространение получают ребристые горшки, покрытые штриховкой, как правило, от ребра до днища и имеющие специфическую орнаментацию преимущественно на месте ребра. Доминирующим видом декора являются горизонтальные либо вертикальные пальцевые защипы, нанесенные в линию через определенные интервалы. Среди других видов орнаментации отметим ямочные углубления, ногтевые вдавления, насечки, также располагающиеся по ребру горшка, реже — нарезные линии зигзагообразной или волнистой формы, украшавшие заглаженный венчик.

Городища конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э. нередко имеют мощную систему укреплений в виде нескольких линий земляных валов и рвов. Наконец, начиная с конца I тыс. до н.э., в ареале культуры штрихованной керамики появляется новый тип городищ, не столь жестко связанный с естественными факторами защиты, как это было характерно для предшествующего этапа. В данном случае имеются в виду поселения, расположенные на высоких берегах рек, у которых основную защитную функцию выполняли земляной вал и ров, отсекавшие площадку городища от коренного плато (Ивань, Малышки, Мысли). Что же касается стороны, обращенной к реке, то она, по-видимому, прикрывалась только деревянной стеной, как это было прослежено М.Ф.Гуриным

на городище Мысли. Сравнительно большое количество импортных изделий и предметов вооружения на этих памятниках таких, как, например, стеклянные античные бусины, фибулы, детали поясного набора, наконечники копий и дротиков, шпоры, дает основание предполагать неординарный статус этих поселков. Не исключено, что они являлись центрами определенных племенных территорий.

С началом позднего этапа культуры штрихованной керамики связана активизация экспансионистских устремлений ее носителей в различных направлениях. К настоящему времени наиболее четко фиксируется движение «штриховиков» на юг и юго-восток, в ареал, занимавшийся ранее носителями милоградской культуры. Так, во второй половине I в. до н.э. племена культуры штрихованной керамики проникают в Предполесье и на неманско-днепровский водораздел. Именно эту дату дают нижние отложения культурного слоя на городище Ивань, в которых были обнаружены стеклянные золоченные бусины II в. до н.э. — I в. н.э., а также кельт, датируемый по зарубинецким аналогам временем не ранее середины I в. до н.э. Примерно такая же дата допустима и в отношении городища Мысли, на котором в ряде углубленных жилых построек вместе с классической ребристой посудой культуры штрихованной керамики найдены фрагменты зарубинецких лощеных мисок, стеклянные золоченные и глухого серо-голубого стекла бусины.

Особого рассмотрения заслуживает группа укрепленных поселений, расположенных в среднем течении Березины (Кимия, Новоселки, Оздятичи). А.Г.Митрофанов относил их к числу ранних памятников культуры. Однако наличие в нижних слоях этих городищ керамики, сопоставимой в большей степени с милоградской, нежели с восточнолитовской или происходящей из памятников северо-запада Белоруссии, практически полное отсутствие каменного и костяного инвентаря, характерного для раннего этапа, а также некоторые другие признаки позволяют поставить под сомнение их связь на раннем этапе с культурой штрихованной керамики. Только в поздних напластованиях этих памятников обнаружена ребристая штрихованная посуда и инвентарь, ничем не отличающиеся от вещевого комплекса восточнолитовских и среднебелорусских городищ. Время проникновения «штриховиков» в среднее течение Березины устанавливается по прогнутой подвязной фибуле из Новоселок, которая датируется I в. н.э. Видимо, к этому же времени относится и какое-то слабое проникновение носителей культуры штрихованной керамики в низовья Березины, где на городище Петровичи Бобруйского р-на Могилевской обл. М.И.Лошенковым обнаружено небольшое количество ребристой штрихованной посуды. Утверждать же об еще более далеком проникновении на юг носителей культуры, либо об их активной роли в Посожье, как это делают некоторые исследователи, не представляется возможным, поскольку только штриховка поверхности сосудов, на которую они ссылаются, вне учета остальных факторов, не может являться этнокультурным признаком.

Сложнее решается ситуация в области Белорусского Подвинья, где фиксируется широкая полоса городищ, культурные напластования которых содержат как гладкостенную, так и штрихованную посуду. Более того, при раскопках ряда укрепленных поселений днепро-двинской культуры (Замошье, Заговалино, Кубличи, Кострица и др.) были обнаружены серпы и пряслица, типичные для культуры штрихованной керамики. Исходя из вышесказанного, правомерно поставить вопрос о продвижении носителей культуры штрихованной керамики в Центральное Подвинье или еще дальше на восток, в Смоленское Поднепровье, как это делает М.Б.Щукин. Однако, несмотря на внешнюю привлекательность такого подхода, ответ будет отрицательным, ибо на всех перечисленных городищах классическая ребристая посуда культуры штрихованной керамики отсутствует, а штрихованные обломки, составляющие от 3 до 16%, относятся к баночным и слабопрофилированным горшкам днепро-двинской культуры. И только в районе Браславских озер некоторые днепро-двинские городища либо уже в I тыс. до н.э. (Ратюнки), либо на рубеже эр (Укля) были захвачены носителями культуры штрихованной керамики. Далее на восток, вверх по Западной Двине, они не продвинулись.

С конца I в. н.э. в культуре штрихованной керамики проявляются кризисные явления. На ряде памятников нижней Березины, Предполесья, днепро-неманского водораздела и Средней Белоруссии жизнь угасает (Петровичи, Новоселки, Кимия, Оздятичи, Ивань, Мысли, Банцеровщина). Серединой III в. н.э. можно датировать конец функционирования городища в Лабенщине. Более позднюю дату, конец IV — середину V вв. н.э., дают только некоторые поселения Северо-Западной Белоруссии (Малышки, Кащеличи, Городище Мядельского р-на, Ревячка) и верховьев южных притоков Немана (Аношки, Воронча, Городище Барановичского р-на).

Примерно такие же процессы наблюдаются и в Литве. Здесь большая часть укрепленных поселений прекращает свое существование во II—IV вв. н.э. (Аукштадварис, Б.Наркунай, Неверишке, Сокишкяй и др.), что было вызвано притоком нового населения из более западных районов, принесших курганный обряд погребения. Причины же кризиса культуры штрихованной керамики на территории Белоруссии в первых веках н.э. пока не поддаются однозначной трактовке.

1. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 238.
2. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52.
3. Лашанкоў М.І. Аб часе з'яўлення ранніх «штрыхавікоў» у паўднёваўсходняй Беларусі // Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Ноўгарад, 1996. С. 50—52; Лошенков М.И. Этнокультурные процессы в междуречье Днепра и Припяти в последних веках до н.э. — первом веке н.э. // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тыс. н.э. Мінск, 1996. С. 51—53.
4. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л., 1966. С. 176.
5. Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978. С. 9.

И.В.Исланова

ДРЕВНОСТИ V—VIII вв. БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ МСТЫ

Существующие концепции, объясняющие этнокультурные процессы, происходившие во второй половине I тыс. н.э. на Северо-Западе Восточной Европы, опираются на материалы двух групп древностей: культуры псковских длинных курганов и культуры сопок [1]. Если культура сопок распространена только в последней четверти I тыс. н.э., то начальный этап рассматриваемого периода представляют только памятники культуры псковских длинных курганов. Основная масса древностей последней датируется широко — второй половиной I тыс. н.э. — из-за малой информативности памятников. Однако для серии объектов можно определенно говорить об их существовании с V в. н.э. [2]. В настоящее время из культуры длинных курганов некоторыми исследователями выделяется группа Линдора-Полибино [3].

Исследования в Удомельском Поозерье позволили выдвинуть предположение о существовании на Северо-Западе в третьей четверти I тыс. н.э. иного, не связанного с культурой длинных курганов, типа древностей [4]. Удомельский тип памятников находился на территории, занятой впоследствии культурой сопок. Выделяемые древности (большую долю в которых составлял раннеславянский элемент) существовали параллельно с культурой псковских длинных курганов и в какой-то степени послужили основой при формировании культуры сопок. Стало очевидным, что господствовавшие ранее представления о процессах, протекавших в третьей четверти I тыс. н.э. на Северо-Западе, требуют корректировки. Важнейшим звеном в этом является анализ древностей конкретных отдельных регионов и сопоставление имеющихся материалов (в основном керамических) с находящихся здесь разных в культурном отношении памятников.

Средневековые памятники бассейна верхней Мсты в целом типичны для всей территории Северо-Запада Восточной Европы. Ко второй половине I тыс. н.э. здесь относятся памятники культуры псковских длинных курганов (далее — культуры длинных курганов) — поселения, курганные и грунтовые могильники — а также сопки и соответствующие им поселения. На рубеже I и II тыс. н.э. эта территория входит в состав Новгородской земли. Для первой половины II тыс. н.э. здесь зафиксированы курганные и грунтовые могильники с ингумацией, курганы-жальники, жальничные могильники и соответствующие им поселения. В верхнем Помостье находится и выделяемый удомельский тип памятников. Особенностью региона является относительно полное первичное обследование памятников второй половины I тыс. н.э.: сплош-

ное разведочное исследование, стационарные раскопки на отдельных памятниках, представляющих разные культурные массивы.

Территория занимает водораздельный участок, насыщенный озерами ледникового происхождения и переплетенной речной сетью, относящейся как к Балтийскому (реки Мста, Березайка, Шлина, Ина, Съежа и др.), так и к Волжскому бассейнам (верхнее течение Тверцы и Волчины, реки Шегра и Сална).

Основная группа древностей региона — это поселения и погребальные насыпи культуры длинных курганов, два грунтовых могильника с сожжением (Подол и Шитовичи) [5] и высокие насыпи культуры длинных курганов, называемые еще сопками и борах, сопковидными курганами. Все насыпи расположены в характерных для культуры длинных курганов ландшафтах: на участках западровых низин и равнин с плоским или слабо холмистым рельефом, на песчаных почвах. Территория покрыта сосновыми лесами, водоемы имеют слабо выраженную пойму.

Известно не менее 58 селищ и 180 курганных могильников. Памятники размещены в пяти скоплениях-микрорайонах: Березайском, Верхнеместинском, Шлинском, Шегринском и Волчинском (рис. 1) [6]. Естественными границами микрорайонов служат бассейны основных рек. Одновременно фиксируется несколько микрорайонов, где нет памятников культуры длинных курганов: Удомельское Поозерье (озера Песьво, Удомля, Наволок, Кезадро), оз. Мстино, течение Мсты от с.Млево до д.Косино, оз. Бологое, оз. Маги, оз. Ольшево, озера Судомля и Городно, оз. Молдино. Здесь преобладает холмистый рельеф и распространены супесчаные, суглинистые, лессовидные и пойменные аллювиальные почвы. Вблизи оз. Удомля находятся уже упоминавшиеся поселение и могильник удомельского типа — Юрьевская Горка. В последней четверти I тыс. н.э. большинство этих микрорайонов занято древностями культуры сопок.

В древнерусский период территория, ранее занятая населением культуры длинных курганов, освоена слабо. Исключением являются участки р.Шегра в месте «соприкосновения» сопок и длинных курганов. Здесь древнерусские курганные могильники составляют с длинными насыпями как бы единое целое (Шитовичи, Черенцово).

Специально следует остановиться на топографии памятников культуры длинных курганов. Вопреки распространенному мнению, что большинство могильников возведено в стороне от водоемов, иногда на расстоянии до нескольких километров [7], анализ древностей Верхнего Помостья дает иную картину. Известные здесь курганные могильники в основном приурочены к водоему или находятся непосредственно у воды. Из 179 могильников непосредственно на берегу (на расстоянии от водоема не более 100 м) сооружено 62,2% памятников; приурочены к древним или современным водоемам (расстояние свыше 100, но не более 500 м) — 26,9% памятников и только 7,8% находилось фактически на водоразделах (расстояние до водоема более 500 м).

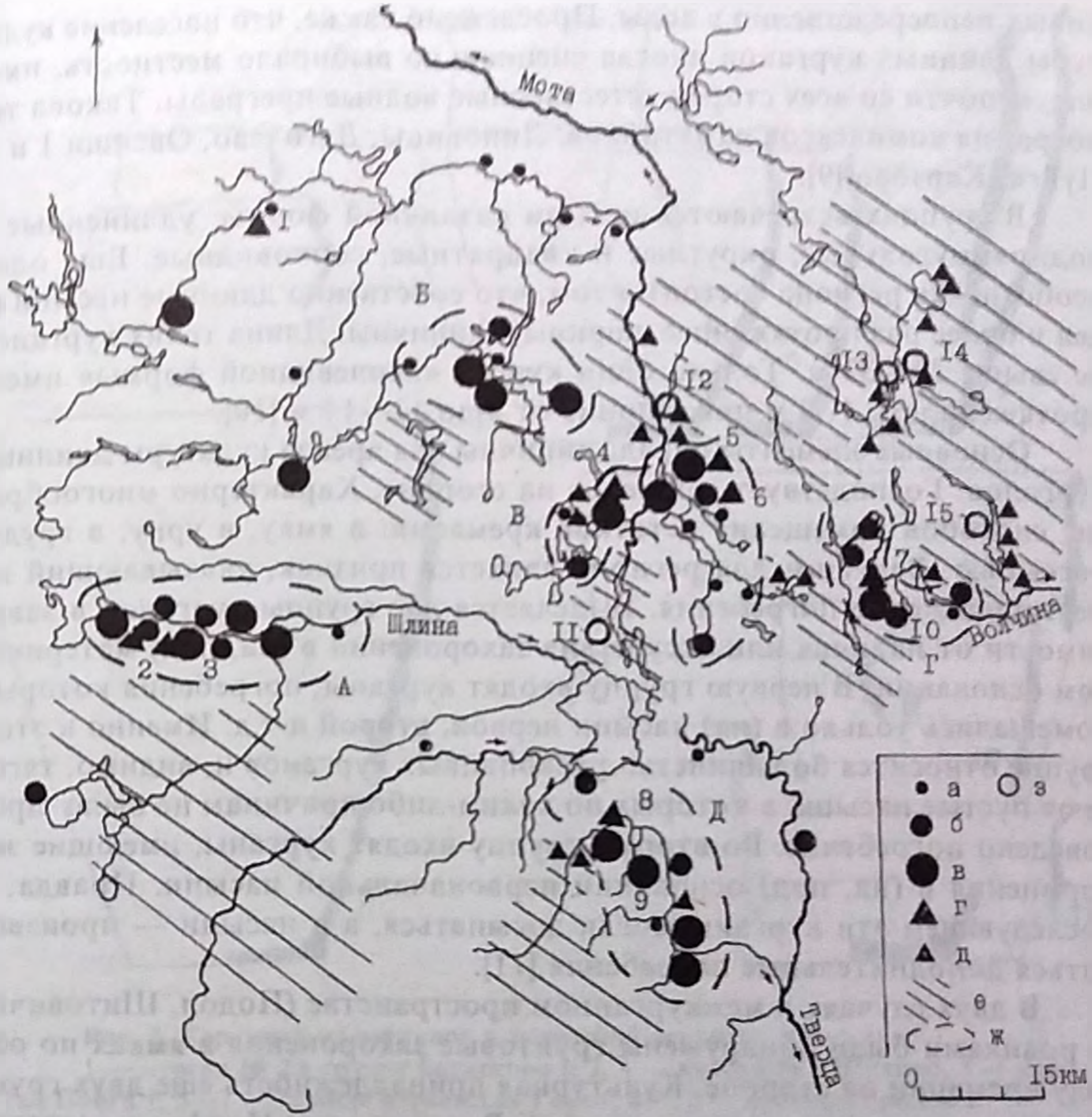


Рис. 1. Верхнее Помостье во второй половине I тыс. н.э.

а — один курганный могильник культуры длинных курганов, б — два-три могильника культуры длинных курганов, в — скопление могильников культуры длинных курганов (более трех), г — высокие курганы культуры длинных курганов, д — сопочные могильники, е — благоприятные для земледелия почвы, ж — микрорайоны культуры длинных курганов, з — поселения третьей четверти I тыс. н.э., не связанные с культурой длинных курганов

Микрорайоны культуры длинных курганов: **А** — Шлинский, **Б** — Кафтинский, **В** — Верхнемстинский, **Г** — Волчинский, **Д** — Шегринский;

1 — Лыкошино, 2 — Паршуково, 3 — Городок, 4 — Липовицы, 5 — Дягилево, 6 — Пуйга, 7 — Овсищи, 8 — Кузнечиха, 9 — Чамка, 10 — Богатково, 11 — Леонтьево, 12 — Казикино, 13 — Юрьевская Горка, 14 — Ряд 3, 15 — Ильино.

Таким образом, для рассматриваемого региона неприемлем тезис о том, что «переселенцы, создавшие позднее культуру длинных курганов, выбирали участки наиболее возвышенные, сухие, недоступные для наводнений» [8]. Сухие сосновые боры, где находятся могильники, стоят у водоемов, а население, оставившее эти кладбища, обитало на се-

лищах непосредственно у воды. Прослежено также, что население культуры длинных курганов иногда специально выбирало местность, имеющую почти со всех сторон естественные водные преграды. Такова топография комплексов памятников: Липовицы, Дягилево, Овсищи 1 и 3, Пуйга, Карзово [9].

В группах встречаются насыпи различной формы: удлиненные и подпрямоугольные, округлые и квадратные, сопковидные. Еще одна особенность региона состоит в том, что собственно длинные насыпи (в два и более раз протяженнее ширины) единичны. Длина таких курганов не свыше 20—33 м. Только один курган «каплевидной формы» имеет протяженность 41,8 м при ширине от 4 до 12—14 м [10].

Основные элементы обряда типичны для ареала культуры длинных курганов. Господствует сожжение на стороне. Характерно многообразие способов помещения остатков кремации: в ямку, в урну, в груду, россыпью. Ведущим для региона является признак, указывающий на местоположение погребения. Выделяется две группы курганов в зависимости от наличия или отсутствия захоронений в (на, под) материковом основании. В первую группу входят курганы, погребения которых помещались только в (на) насыпи первой, второй и т.д. Именно к этой группе относится большинство раскопанных курганов и, видимо, тяготеют пустые насыпи, в которых по каким-либо причинам не было произведено погребение. Во вторую группу входят курганы, имеющие захоронения в (на, под) основании первоначальной насыпи. Правда, в последующем эти курганы могли досыпаться, а в насыпи — производиться дополнительные погребения [11].

В двух случаях в межкурганном пространстве (Подол, Шитовичи) за рвиками были обнаружены грунтовые захоронения в ямках по обряду кремации на стороне. Культурная принадлежность еще двух грунтовых могильников остается неясной. В могильнике Норфино исследовано два безынвентарных погребения (работы автора и А.Д.Максимова). На оз. Бологое на территории стоянки П.А.Путятиным найдено одно погребение в урне, стоявшей, видимо, в материковой ямке [12]. Еще один известный в регионе грунтовый могильник (Юрьевская Горка) относится к древностям удомельского типа.

Особого внимания заслуживают керамические находки из погребальных памятников культуры длинных курганов. Среди них несколько основных форм керамики: баночные сосуды (рис. 2: 2), имеющие аналогии в древностях второй половины I — начала II тыс. н.э. лесной зоны Восточной Европы; слабопрофилированные сосуды с конусовидно сужающимся туловом (рис. 2: 3), аналогии которым встречены в верхнем слое Банцеровщины [13]; округлобокие сосуды (рис. 2: 1), сходные с керамикой верхнего слоя Тушемли [14]. Трудно указать конкретные прототипы для высоких сосудов стройных пропорций (рис. 2: 4).

Наибольший интерес представляет керамика с уступом при переходе от шейки к тулову (рис. 3: 12, 15, 16) и с высокой прямой или сла-

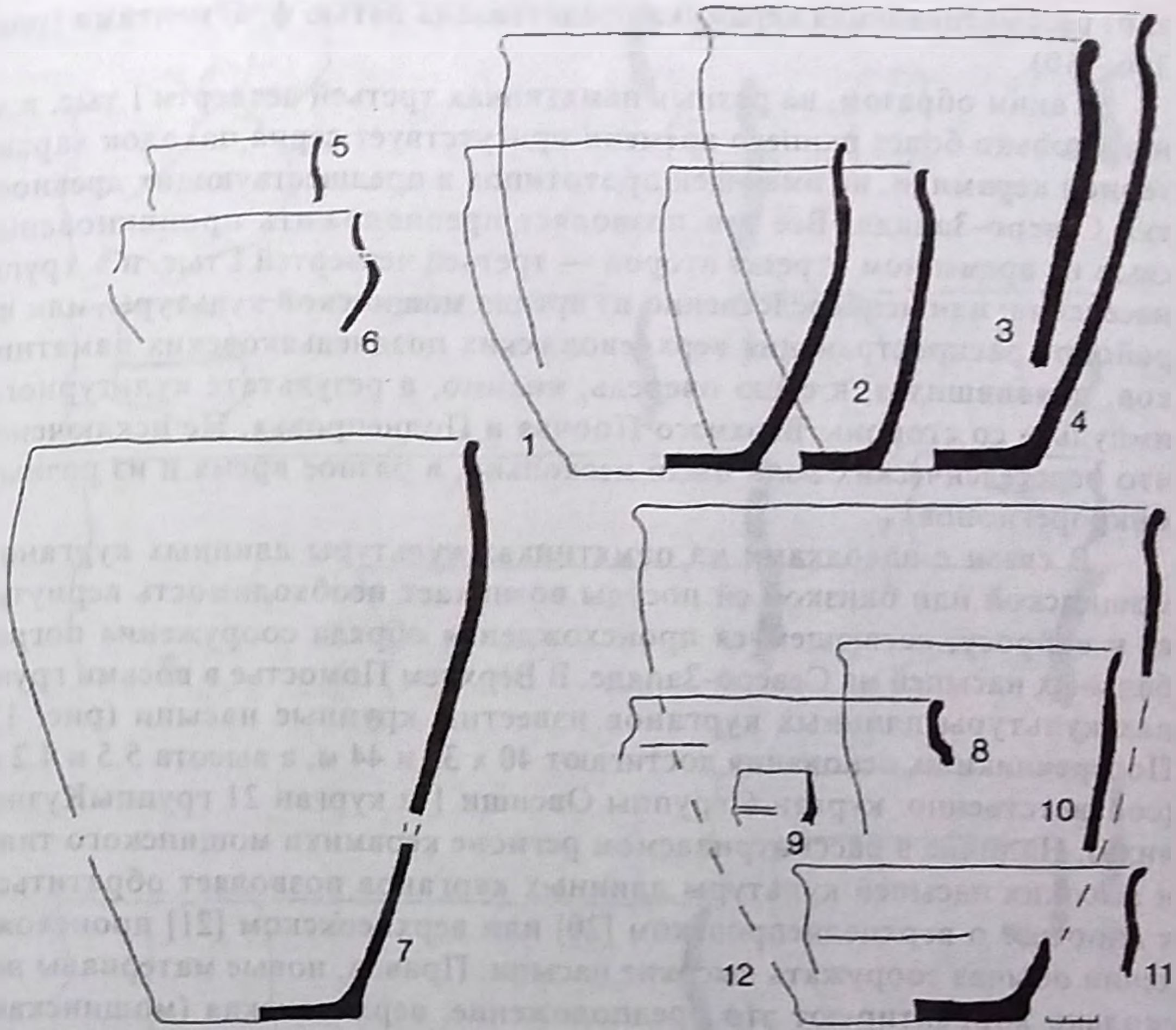


Рис. 2. Керамика из курганов и поселений верхнего Помостья.
1 — курган № 2 в группе Богатково I; 2, 4 — курган № 1 Шихино; 3 — курган Пуйга I; 5—7 — селище Юрьевская Горка; 8—12 — селище Городок I.

бо отогнутой шейкой, иногда заканчивающейся бороздкой (рис. 3: 11, 13, 14). Такая керамика имеет в основном хорошо заглаженную или лощеную поверхность, а тесто с мелкими примесями. Аналогичная посуда широко распространена на памятниках мощинской культуры, датируемых в пределах II—V вв. н.э. [15], а также на позднедьяковских городищах Верхневолжья [16]. По мнению исследователей, прототипом подобной мощинской посуды могла быть керамика позднезарубинецких памятников типа Почепа [17].

Следует отметить, что такой керамики нет на исследованных памятниках раннего железного века бассейна верхней Мсты (городище Юрьевская Горка, селище Курово 2, городище Варварина Гора [18]). В то же время посуда, близкая мощинской, доминирует на селище Троица 1, датируемом второй четвертью — серединой I тыс. н.э. и, видимо, имеющем иную культурную ориентацию, нежели перечисленные выше памятники (рис. 3: 1—5) [19]. На селище Юрьевская Горка (удомельский

тип) рассматриваемая керамика представлена пятью фрагментами (рис. 3: 6—10).

Таким образом, на ранних памятниках третьей четверти I тыс. н.э. и несколько более раннего времени присутствует серия находок характерной керамики, не имеющей прототипов в предшествующих древностях Северо-Запада. Все это позволяет предположить проникновение сюда на временном отрезке второй — третьей четвертей I тыс. н.э. групп населения или непосредственно из ареала мощинской культуры, или из районов распространения верхнеполжских позднедьяковских памятников, появившихся, в свою очередь, видимо, в результате культурного импульса со стороны Верхнего Почья и Подесенья. Не исключено, что переселенческих волн было несколько, и разное время и из разных микрорегионов.

В связи с находками на памятниках культуры длинных курганов мощинской или близкой ей посуды возникает необходимость вернуться к вопросу, касающемуся происхождения обряда сооружения погребальных насыпей на Северо-Западе. В Верхнем Помостье в восьми группах культуры длинных курганов известны крупные насыпи (рис. 1). Поперечники их основания достигают 40 х 33 и 44 м, а высота 5,5 и 4,2 м (соответственно: курган 6 группы Овсищи 1 и курган 21 группыКузнечиха). Наличие в рассматриваемом регионе керамики мощинского типа и высоких насыпей культуры длинных курганов позволяет обратиться к гипотезе о верхнеднепровском [20] или верхнеокском [21] происхождении обычая сооружать высокие насыпи. Правда, новые материалы несколько корректируют это предположение: верхнеокская (мощинская) курганная традиция, похоже, явилась исходной не для появления собственно сопок, как думали ранее, а для крупных насыпей культуры длинных курганов. Почти такое же направление было намечено Г.С.Лебедевым, обратившим внимание на «сопкообразные» насыпи в группах с длинными и круглыми курганами: «Возможно, эти памятники составляют непосредственное продолжение обширного массива "больших курганов", известных на верхней Оке, Смоленщине, Полотчине...» [22].

Общие и особенные черты удомельского типа памятников и культуры длинных курганов фиксируются прежде всего по керамике — массовому и культурно определимому материалу — двух хронологически и территориально близких поселений — селища Юрьевская Горка (эталон удомельского типа) — и селища культуры длинных курганов Городок I (раскопки В.А.Бурова и автора) . Определимых профилированных обломков на первом поселении — 100, на втором — 120. Сопоставление проведено по 6 обобщенным формам, представленным на памятниках, без учета мелких деталей (рис. 4): банковидным сосудам (рис. 4: 1, 8), округлобоким, ребристым и слабопрофилированным горшкам (рис. 4: 4—7, 11—13), мисковидным и мискам (рис. 4: 3, 10), чашевидным сосудам (рис. 4: 2, 9).

Выделяются определенные тенденции в соотношении наборов по-

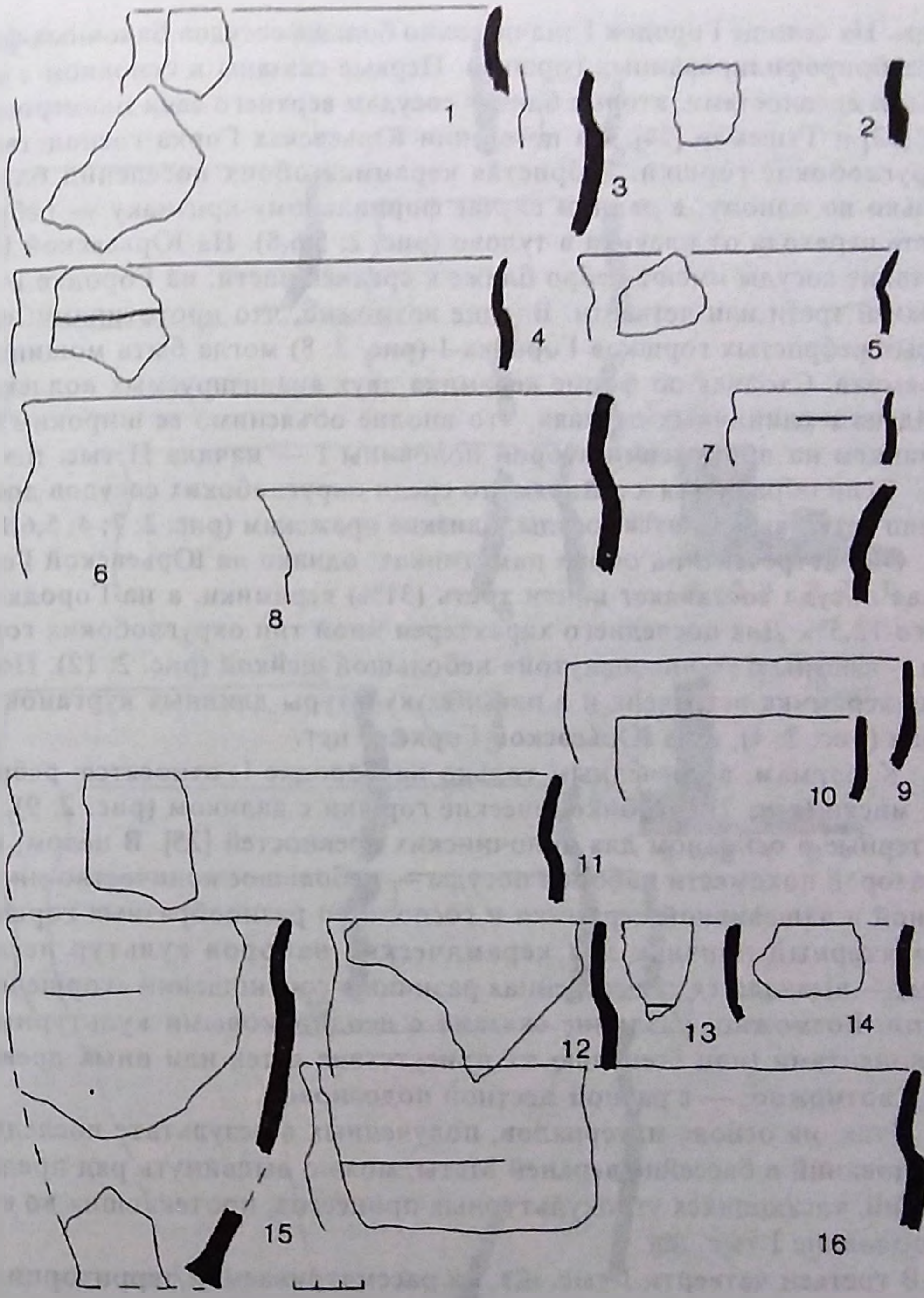


Рис. 3. Керамика, близкая мощинским древностям, на памятниках верхнего Помостья.

1—5 — селище Троица 1; 6—10 — селище Юрьевская Горка; 11, 13, 14 — курган № 11 в группе Овсищи 1; 12 — курган № 1 группы Городок 8; 15, 16 — курган № 17 в группе Чамка (Иваньково).

суды. На селище Городок I значительно больше сосудов баночных форм и слабопрофилированных горшков. Первые связаны в основном с местными древностями, вторые близки сосудам верхнего слоя Банцеровщины [23] и Тушемли [24]. На поселении Юрьевская Горка господствуют округлобокие горшки. Ребристая керамика обоих поселений близка только по одному, в данном случае формальному признаку — ребру в месте перехода от плечика в тулово (рис. 2: 5,6,8). На Юрьевской Горке такие сосуды имеют ребро ближе к средней части, на Городке I — в верхней трети или четверти. Вполне возможно, что прототипами некоторых ребристых горшков Городка I (рис. 2: 8) могла быть мощинская керамика. Сходная по форме керамика двух анализируемых коллекций найдена в единичных случаях, что вполне объяснимо ее широким бытованием на протяжении второй половины I — начала II тыс. н.э.

Если обратиться к деталям, то среди округлобоких сосудов достаточно четко выделяются сосуды, близкие пражским (рис. 2: 7; 4: 5,6,11—13). Они встречены на обоих памятниках, однако на Юрьевской Горке такая посуда составляет почти треть (31%) керамики, а на Городке — всего 12,5%. Для последнего характерен иной тип округлобоких горшков — сосуды с «приплюснутой» небольшой шейкой (рис. 2: 12). Подобная керамика встречена и в насыпях культуры длинных курганов региона (рис. 2: 4), а на Юрьевской Горке ее нет.

К формам, встреченным только на Городке I, относятся: ребристые миски (рис. 2: 11), биконические горшки с валиком (рис. 2: 9), характерные в основном для колочинских древностей [25]. В целом, при некоторой похожести наборов посуды — небольшое количество мисковидной и чашевидной керамики и господство разнообразных горшков (характерный признак для керамических наборов культур лесной зоны) — выявляется существенная разница в соотношении «горшечных форм». Возможно, различие связано с неодинаковыми культурными компонентами (или степенью их присутствия в тех или иных древностях), возможно, — с разной местной подосновой.

Итак, на основе материалов, полученных в результате последних исследований в бассейне верхней Мсты, можно выдвинуть ряд предположений, касающихся этнокультурных процессов, протекавших во второй половине I тыс. н.э.

В третьей четверти I тыс. н.э. на рассматриваемой территории существовало не менее двух разных групп древностей: культура длинных курганов и удомельский тип. Древности культуры длинных курганов региона имеют характерные топографические особенности, возможно, отличающие их от остального ареала этой культуры [26].

Явственно выделяются культурные элементы, повлиявшие на формирование разных групп древностей. Прежде всего — раннеславянский элемент, появление которого можно связывать с пражской культурой. В середине I тыс. н.э., а возможно, и в более ранний период, фиксируется мощинский или позднедьяковский культурный импульс со сторо-

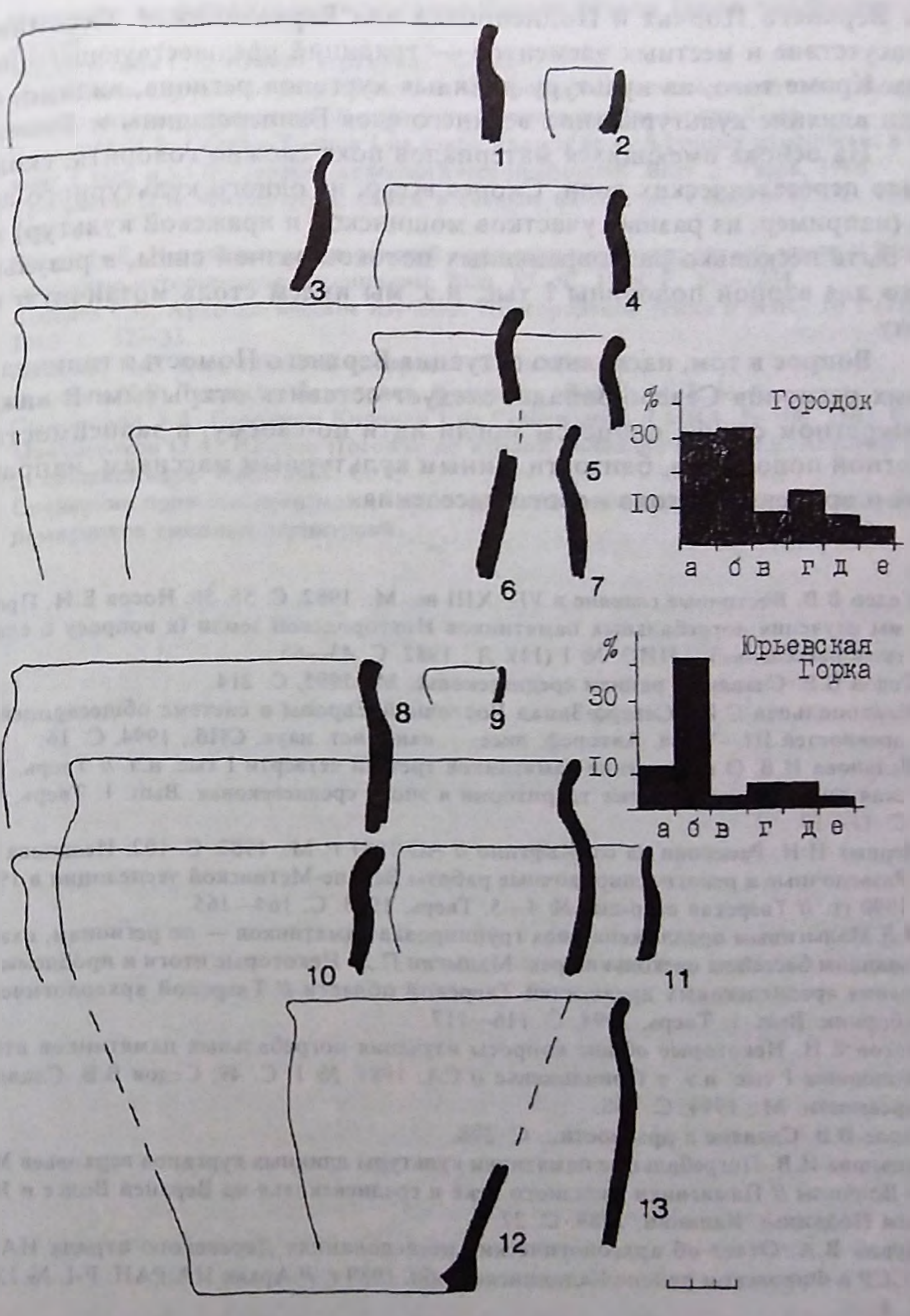


Рис. 4. Керамика поселений Городок I и Юрьевская Горка. Сопоставление керамических наборов.

а — баночные сосуды, б — округлобокие горшки, в — ребристые горшки, г — слабопрофилированные горшки, д — миски и мисковидные сосуды, е — чашевидные сосуды.

1—7 — селище Городок I; 8—13 — селище Юрьевская Горка.

ны Верхнего Поочья и Поднепровья или Верхневолжья. Несомненно присутствие и местных элементов — традиций предшествующего периода. Кроме того, на культуру длинных курганов региона, видимо, оказали влияние культуры типа верхнего слоя Банцеровщины и Тушемли.

На основе имеющихся материалов пока сложно говорить, сколько было переселенческих волн. Скорее всего, из одного культурного ареала (например, из разных участков мощинской и пражской культур) могло быть несколько разновременных потоков разной силы, в результате чего для второй половины I тыс. н.э. мы имеем столь мозаичную картину.

Вопрос в том, насколько ситуация Верхнего Помостья типична для иных регионов Северо-Запада, следует оставить открытым. В каждом конкретном случае процессы могли идти по-своему, в зависимости от местной подосновы, близости к иным культурным массивам, направлений и времени притока нового населения.

1. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 55, 56; Носов Е.Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. № 1 (11). Л., 1982. С. 43—65.
2. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 214.
3. Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 16.
4. Исланова И.В. О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н.э. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 11—17.
5. Черных И.Н. Раскопки на оз. Кафтино // АО 1981 г. М., 1983. С. 102; Исланова И.В. Разведочные и рекогносцировочные работы Верхне-Мстинской экспедиции в 1987—1990 гг. // Тверская старина. № 4—5. Тверь, 1993. С. 164—165.
6. П.Д. Малыгиным предложена иная группировка памятников — по регионам, охватывающим бассейны нескольких рек: Малыгин П.Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 116—117.
7. Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. в Приильменье // СА. 1981. № 1. С. 49; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 298.
8. Седов В.В. Славяне в древности... С. 298.
9. Исланова И.В. Погребальные памятники культуры длинных курганов верховьев Мсты и Волчины // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 27.
10. Буров В.А. Отчет об археологических исследованиях Деревского отряда ИА АН СССР в Фировском районе Калининской обл. 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13484. С. 4—5.
11. Исланова И.В. Погребальные памятники... С. 28—29.
12. Спицын А.А. Сводка сведений о древностях Новгородской губернии // Архив ИИМК. Ф. 2. № 171. С. 10.
13. Лопатин Н.В. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // Archaeoslavica 2. Kraków. 1993. Табл. 1: 2.
14. Лопатин Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА. Вып. 195. 1989. Рис. 3: 16.
15. Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып. 208. 1993. С. 48, 50—52. Рис. 1: 32; 3. 3—9; 4: 1, 21.

16. Например, комплекс керамики городища Отмичи (Фонды Тверского Объединенного музея).
17. Массалитина Г.А. Лепная керамика... С. 50.
18. Пользуюсь случаем поблагодарить В.А.Бурова за предоставленную возможность ознакомиться с керамической коллекцией городища Варварина Гора.
19. Исланова И.В. Селище Троица I на озере Удомля (о культурных изменениях в середине I тыс. н.э.) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
20. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л., 1966. С. 284—285.
21. Носов Н.Е. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. Л., 1974. С. 231—234.
22. Лебедев Г.С. Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. № 1 (11). Л., 1982. С. 32—33.
23. Лопатин Н.В. Керамический комплекс... Табл. III: 12.
24. Лопатин Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин... Рис. 2: 24; 3: 4—6.
25. Сымонович Э.А. Городище Колочин I на Гомельщине // МИА. № 108. 1963. С. 126. Макушников О.А. Нижнее Посожье во второй половине I тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Киев, 1987. С. 7.
26. Сравнение провести невозможно из-за отсутствия детального анализа топографии памятников смежных территорий.

С.Ю.Каргопольцев

СЕВЕРО-ЗАПАД ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ III—VI вв. В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

(некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи)

Анализ хронологических индикаторов ступеней C_{1b}/C_2 — Е (III—VI вв.) показывает близость вещевого комплекса археологических культур Европейского Барбарикума, испытавших существенное влияние со стороны южно- и центральноевропейских центров, в той или иной степени затронувшее гето-дакийские, сармато-аланские, германские, финно-угорские, балтские и, возможно, праславянские племена от Германии Либера на западе до Прикамья на востоке и от Скандинавии на севере до Причерноморья и Крыма на юге (рис. 1). Для Северо-Запада и Прибалтики, являвшейся, по определению В.Новаковского, буферной зоной между «цивилизованными» и «дикими» варварами к северо-востоку от лимеса [1], это проявилось прежде всего в распространении провинциальноримских импортов, технологий и традиций, существенно изменивших облик культуры древнего населения и способствовавших формированию полиэтничных социумов «общеварварского типа». Решающее значение в этом процессе сыграл «янтарный путь» и связи между Балтикой и Причерноморьем [2].

Судя по исследованиям последних лет, процесс «пассивной провинциализации» оказывается связан не столько с постепенным распространением римского влияния на соседние территории посредством военных и торговых контактов, сколько с активными передвижениями населения восточной и юго-восточной периферии варварского мира, достигшими апогея в эпоху Великого переселения. В сложную орбиту межкультурных взаимоотношений оказалась втянутой и территория лесной зоны Восточной Европы (рис. 1) [3]. Основным передатчиком этих импульсов в III—VI вв. становится территория от Скандинавии до Причерноморья, отличающаяся сложным по составу населением, среди которого решающий этнический компонент и социально-активное начало принадлежало германским объединениям-протогосударствам. Их культурный облик определялся среднеевропейскими традициями, политической структурой многоплеменных союзов, тесными связями с римским миром. Четких границ такие образования не имели, племенные конфедерации были недолговечны, что в конечном итоге отразилось и на археологическом материале: выделенные культуры (пшеворская, вельбаркская, черняховская и др.), как правило, многокомпонентны и имеют широкие взаимоналожения [4]. Тем не менее именно их влиянию можно приписать смещение к северу и востоку балтского населения, распростране-

ние новых форм оружия, вещей стиля Сёсдал, некоторых деталей погребальной традиции и пр. Для территорий Среднего Подунавья и Балтики определенную роль могли играть и торговые посредники, а для обширных пространств Юго-Восточной Европы этот процесс усилила также позднеримская варваризованная армия, в составе которой присутствовали германские федераты [5]. Этно-культурная дифференциация импульсов не всегда возможна, так как военно-политическая и социальная ориентация варварских конфедераций на Империю в известной степени нивелировала существовавшие традиции [6].

Конечно, Северо-Запад был периферийным районом, удаленным от главных направлений культурных импульсов, но все же отголоски общеевропейских процессов видны и здесь достаточно отчетливо. Так, при изучении различных категорий инвентаря, его хронологии и стилей, погребальных традиций и других атрибутов археологических культур этого региона, обращает на себя внимание то, что поиск ближайших аналогий интересующим нас древностям непременно выводит на два уже упомянутых основных центра. С одной стороны — это Балтика (Скандинавия, Ютландия, Северная Германия вплоть до Галлии, Польское Поморье, Прибалтика и Финляндия), с другой — Северное Причерноморье и прилегающие в нему территории (Подунавье, Поднестровье, Среднее и Нижнее Поднепровье, Крым, Кавказ). Специалисты уже давно отметили устойчивую взаимосвязь между этими центрами по целому ряду конкретных типов вещей, ставших надежными индикаторами синхронизации: фибулы типа Монструозо, стеклянные кубки типа Ковалк, железные и роговые трехслойные гребни, различные типы подвесок (янтарные грибовидные, костяные пирамидальные, «топорики Тора», лунницы), отдельные типы керамики, вещи с руническими надписями. Основное время существования этих взаимосвязей — с середины III до конца IV вв. [7]. Наши исследования ведерковидных подвесок, трехрогих пельтовидных лунниц, различных форм орудия, пряжек, фибул, украшений и других категорий инвентаря показывают, что установившийся «мост» между Балтикой и Причерноморьем не утратил своего значения и после гуннского нашествия, по крайне мере до середины V в. [8]. Маркирует это и определенная часть хронологических индикаторов Северо-Запада (рис. 2).

Так, например, находки на Северо-Западе костяных пирамидальных подвесок, украшенных резными гранулами (т.н. «палицы Геракла»), не только указывают на контакты Западного Причудья (Комбья) и Юго-Восточного Приильменья (Кафтино), но и являются дополнительным индикатором синхронизации памятников балто-днепровско-верхневолжского круга для ступеней D — E (IV—V вв.) с выходом на центрально-европейский и придунайский регионы [9]. В.В.Кропоткин, вслед за И.Вернером, связывал происхождение этих подвесок в Восточной Европе с готской экспансией, с той лишь разницей, что датировал их не IV—V вв., как И.Вернер для германских комплексов (горизонт «С» могильника Притцир в Мекленбурге, в сочетании с трехпальчатыми двуплас-

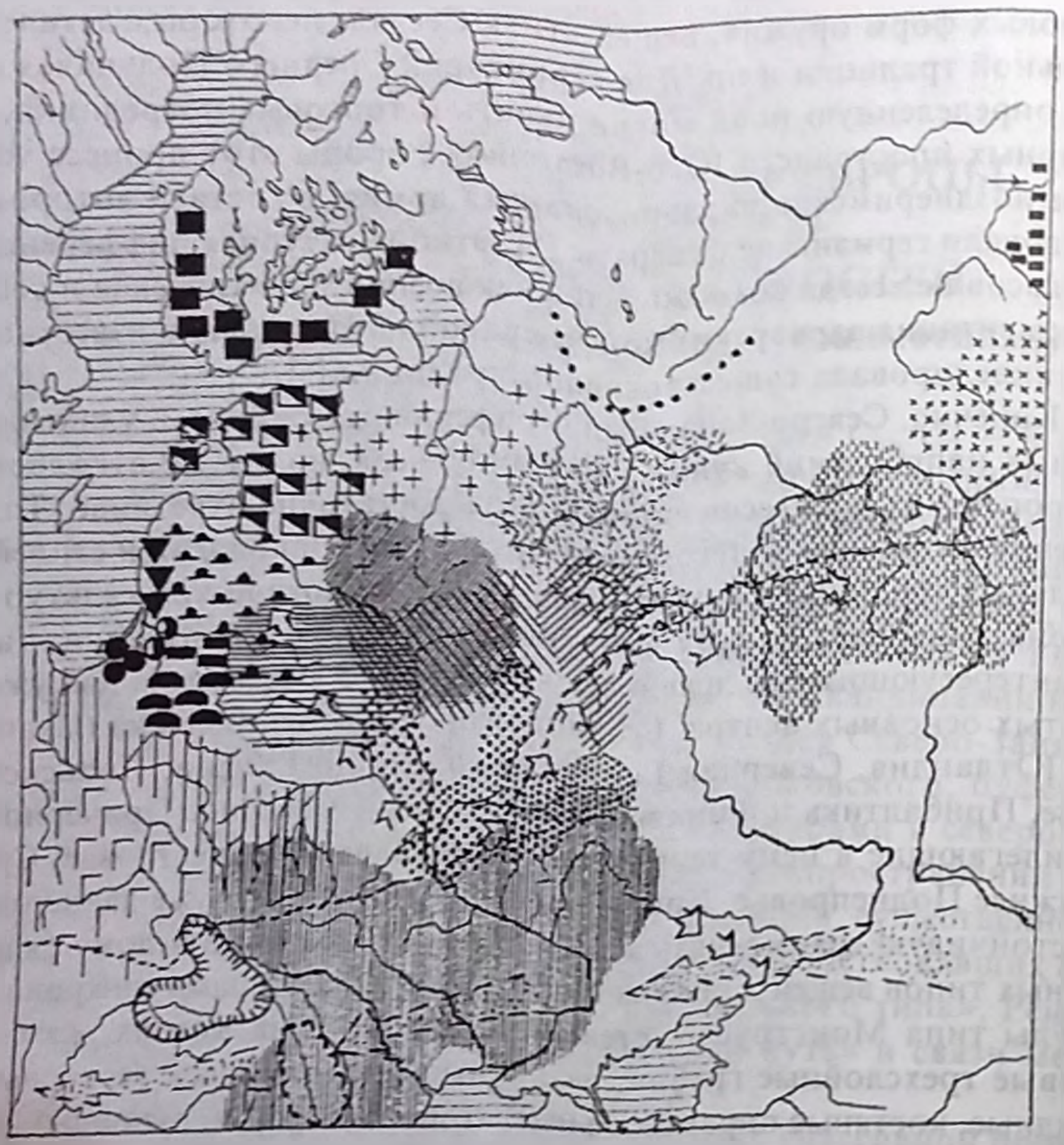


Рис. 1. Археологическая ситуация в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы позднеримского времени (по М.М.Казанскому, С.Ю.Каргопольцеву):

1 — южная граница лесной зоны; 2 — черняховская культура; 3 — вельбарская культура; 4 — эсто-ливские каменные могильники (тараиды); 5 — могильники Среднего Понеманья (древности жемайтов); 6 — культура штрихованной керамики; 7 — поздний вариант днепро-двинской культуры; 8 — дьяковская культура; 9 — летто-литовские курганы с каменными кругами; 10 — предполагаемые направления походов Германариха; 11 — поздний вариант культуры городецких городищ и рязанско-окские могильники; 12 — киевская культура; 13 — мощинская культура; 14 — курземские могильники (древности куршей); 15 — гуннское нашествие 375 г.; 16 — памятники типа среднего слоя Тушемли; 17 — азелинская культура; 18 — культура Поянешти-Выртешкой (древности карпов); 19 — самбий-

тинчатыми фибулами), а III—IV вв. (C_2 — D_1), указывая на находки в Среднем Поднепровье и Крыму [10]. Их более раннюю дату для черняховских находок поддерживали М.Б.Щукин и Т.А.Щербакова [11]. Видимо, аналогичное происхождение имеют и ведерковидные подвески, получившие широкое распространение в европейских древностях III—IV вв. в результате сармато-германских контактов [12].

Находки позднеримского оружия и вещей с эмалями хорошо маркируют Балтийско-Верхневолжский путь с выходом в Причудье и Юго-Западное Белозерье. Так, подвески с эмалями типа Фролов I—III (рис. 2: 5, 6) ступеней B_2/C_1 — D_2 (180—375/420 гг.) указывают на существование связей не только по линии запад-восток (Литва — бассейны рек Песь, Молога, Чагода), но и в южном направлении — с древностями мощинской и киевской культур [13]. Это подтверждают и синхронные с подвесками ажурные и подковообразные фибулы с эмалями типов Корзухина III/1—2, -V/2, -V/4, -V/5, -VI/3 — Гороховский IV—VIII (рис. 2: 1—4) [14].

На связи между культурами лесной, лесостепной и степной зон в римское время обращали внимание уже многие исследователи: например, Е.Л.Гороховский, В.В.Кропоткин и М.Б.Щукин отмечали типологическую близость красных выемчатых эмалей Прибалтики, Волго-Окского междуречья и Среднего Поднепровья [15]. Генератором «южных» импульсов в лесную зону в период C_3/D_1 (конец III — IV в.) является главным образом черняховская культура, отождествляемая, несмотря на все существующие сложности ее этнической интерпретации, в конечном итоге, с готами, точнее с созданным ими полиэтничным политическим объединением [16]. Связанная с этим целая серия вещей (в т.ч. из кладов) и традиций определяет облик не только днепро-двинско-среднетушемлинской, киевской, мощинской и дьяковской культур, но и древностей Прикамья периода C_3 — E (рис. 1). Отметим здесь прежде всего фибулы Амброз-16/2, серия 1, варианты 1 и 2 (III—IV вв.), A-16/2, серия 1, вариант 3; A-17/1—2 (IV в.), A-16/2, серия 1, вариант 4; A-16/4, серия 3 (IV—V вв.), A-17/3 (третья четверть IV — V в.), наконечники поясов Раддатц J-III и J-IV—I, а также эмали, оружие, гребни и некоторые формы керамики [17]. Здесь же упомянем и многочисленные находки bügelknopffibeln в рязанско-окских могильниках [18]. М.М.Казанский, определяя основное время этих импульсов между 335 и 375 гг., тем не менее не связывает их впрямую с военными акциями Германариха (Iordan, 117—120). По мнению исследователя, распространение «южных» вещей происходило обычным способом по торговым путям, лишь по-

---

ская группа западных балтов (древности пруссов); 20 — культура карпатских курганов (гето-дакийские древности); 21 — пшеворская культура; 22 — южная граница памятников типа Усть-Царево-Белозерье; 23 — могильники Нижнего Понеманья (древности скальвов); 24 — памятники типа Линдора-Полибино-Горско-Доложское-Усть-Белая; 25 — памятники харинского типа; 26 — культура южнофинских курганов; 27 — западнобалтские курганы группы Мрагово-Сувалки (древности галиндов и судаво-ятвягов).

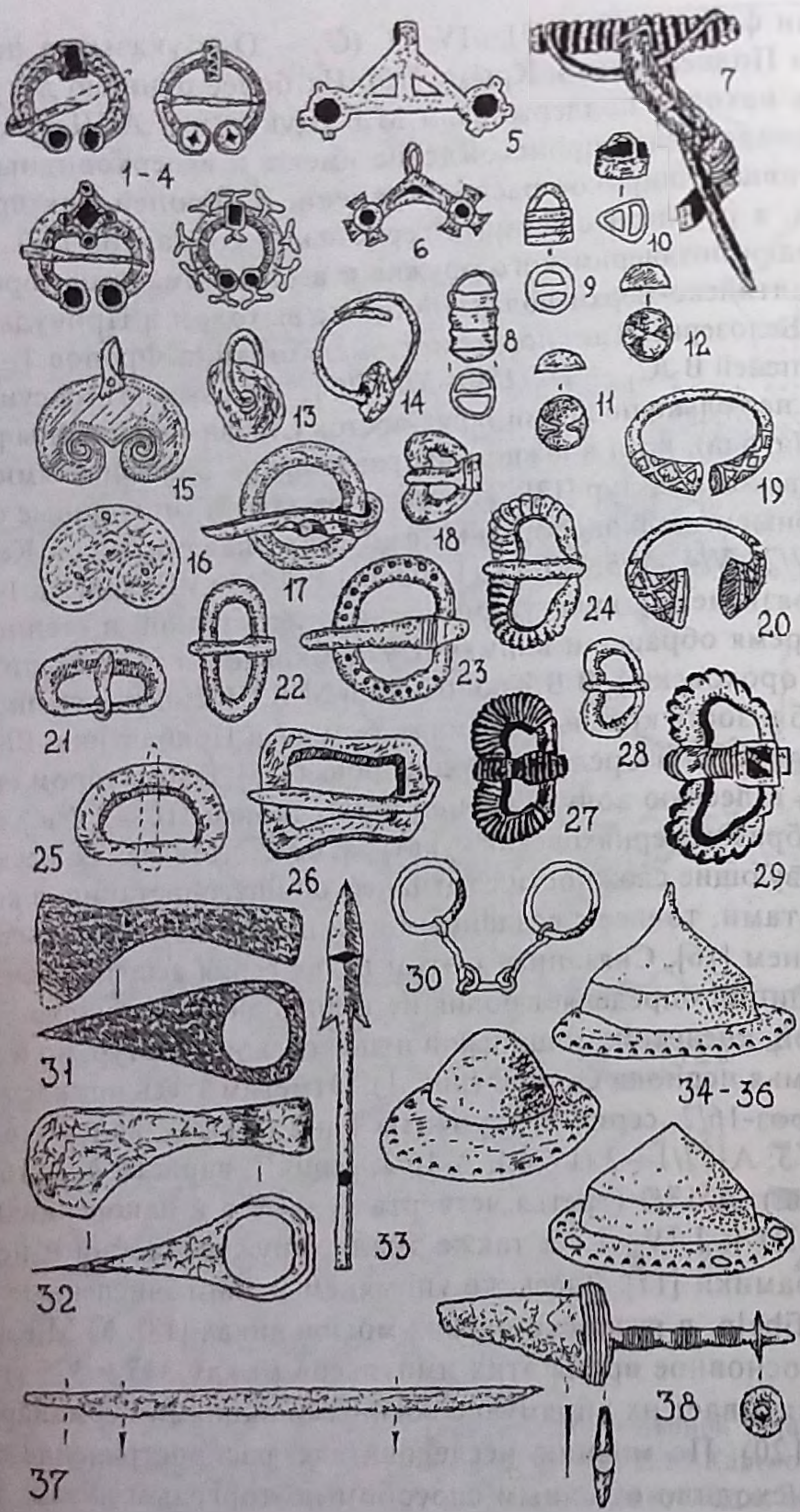


Рис. 2. Некоторые категории хронологических индикаторов северо-западных и прибалтийских древностей III—VI вв.

1—4 — подковообразные фибулы с выемчатыми эмалями; 5, 6 — подвески-лунницы с выемчатыми эмалями; 7 — арбалетовидные фибулы; 8—10 — ведерковидные подвески; 11, 12 — бляшки-скорлупки; 13, 14 — проволочные (височные?) кольца и серьги с синими стеклянными бусинами; 15, 16 — пельтовидные лунницы; 17, 23 — круглые и калачиковидные пряжки; 18, 28 — гладкорамчатые В-

казывая возможные направления экспедиций готов, которые могли воспользоваться уже существовавшими трассами (рис. 1) [19]. Вопрос о характеристике непосредственной контактной зоны между носителями северо-западного круга древностей и черняховской культурой в виде днепро-двинско-среднетушемлинской, штрихованной керамики, мощинской и киевской культур, отождествляемых в современной историографии со смешанным балто-праславянским населением, заслуживает самого пристального внимания [20]. Киевская культура, находясь в период C_2 — D_2 (вторая половина II — начало V вв.) на северном пограничье полиэтнической «державы Германариха», сыграла, по-видимому, решающую роль в образовании раннеславянских пеньковской и колочинской культур рубежа V/VI—VII вв., явившись, по определению М.Б.Щукина, «эмбрионом будущего славянства» [21].

Для первой половины I тыс. н.э. в качестве «южного» рядом исследователей предполагается и определенное влияние, вплоть до прямой миграции через территории Нижнего и Среднего Поволжья, степного населения [22]. В качестве «промежуточных» можно привести памятники типа Андреевский курган в Мордовии [23]. Последний, по находкам римских фибул типа Ауцисса, восьмерковидной железной пряжки Радатц U и бронзового таза типа Дебельт, относится к ступеням B_2 — C_1 (I—III вв.) [24].

Имеющиеся на Северо-Западе находки предметов вооружения позднеримского времени, археологически представленного в материальной культуре европейских варваров вплоть до начала VI в., т.е. ступени E [25], указывают скорее на западный уровень связей. Примечателен, например, боевой топор из кургана 2 могильника Чагода I (рис. 2: 32), датирующийся, по мнению А.Н.Башенькина, гораздо ранее экземпляра с Демидовки (рис. 2: 31), несмотря на их типологическую близость [26].

Балтское, или скорее западнобалтское, оружие (втульчатый ромбовидный наконечник копья и умбон щита типа Либеная совместно с трехчастными удилами с кольцевыми псалиями оформленными в стиле Сёсдал) в сочетании с южнофинским обрядом представлено в кургане 45 могильника Доложское на Ижорском плато (рис. 2: 30, 34) [27]. Умбоны типа Либенау, характерные после III в. для позднеримской варваризованной армии, за редким исключением (Цебельда, Глувчице), к середине V в. исчезают, что дает основание датировать комплекс второй половиной IV — первой половиной V вв., т.е. периодом D_1 — D_2 [28].

Из наступательного оружия отметим также двушипный наконечник дротика IV—V/VI вв. [29] из длинного кургана 9 могильника Суу-

---

образные пряжки; 19, 20 — цельнолитые браслеты с расширенными концами; 21, 22 — овальные пряжки; 24, 27, 29 — B-образные рифленые пряжки; 25 — D-образные пряжки; 26 — пряжки с четырехугольной рамкой; 30 — трехчастные составные удила с кольцевыми псалиями; 31, 32 — боевые топоры-франциски; 33 — двушипные дротики-ангоны; 34—36 — умбоны щитов; 37, 38 — однолезвийные мечи.

ре-Рысна в Юго-Восточной Эстонии (рис. 2: 33) [30] и однолезвийные мечи из Турово (случ. находка, Лужский р-н Ленинградской обл., рис. 2: 38) и сопковидного кургана группы Куреваниха III на Мологе (рис. 2: 37), не имеющие прямых аналогов в материалах местных древностей [31]. По мнению М.Б.Щукина, обломок меча, или скорее боевого ножа-тесака с ассиметричным лезвием, из Турово относится к периоду C_3/D_1, что подтверждают, в частности, находки аналогичных экземпляров на римско-иберийских памятниках конца IV в. [32]. Основанием для датировки палаша из Куреванихи (середина V—VI вв.) служит главным образом результат анализа углей из погребения по ^{14}C (1460 ± 90 лет назад) [33], хотя близкие по типу находки в Юго-Западной Финляндии не исключают и более ранней даты меча — II—IV вв. [34]. Однотипны по форме, хотя и значительно короче — до 40 см (меч из Куреванихи — 67 см), боевые ножи приуральских финно-угров [35].

Наплыв импортов и местных подражаний, достигший пика в период 430-х — 490-х гг., диагностирует, таким образом, сильный импульс с запада от каких-то романизированных варваров через территорию Пруссии. Лишь этим можно объяснить появление в лесной зоне Восточной Европы и эмалей кельтского типа, и вещей стиля Сёсдал (лунницы из Рысна-Сааре, Горско, Любахина), и В-образных рифленых пряжек (Памусис, Таурапилис, Вижяй, Лихула, Линдора, Полибино, Усть-Белая IV, Млевский Бор и др.), и меровингских фибул в Мазурии, норик-паннонских в Литве, типа Смолин в Плинкайгалисе, Демидовке, Борках, Безводном, дунайских пряжек в Клайпеде, Тайрапилисе, Демидовке, Хотыще, Борках, Картамышеве и пальчатых фибул в Спас-Перекше, Латвии и Эстонии [36]. Как считает М.М.Казанский, процесс едва ли проходил мирно, по времени эта волна совпадает с распространением городищ-убежищ, исчезновением мощинской культуры, следами разгромов на Демидовке, Колочине, ряде литовских городищ с одной стороны и возникновением некоторых новых культур (памятники типа Линдора-Полибино, Тушемля-Банцеровщина, Окские могильники и др.) с другой [37]. А.Лухтан, правда, связывает рост укреплений на городищах-убежищах и появление групп профессиональных воинов (памятники типа Таурапилис-Вижяй) во второй четверти — середине V в. с ответной реакцией местного населения на угрозу со стороны гуннских отрядов, объясняя это тем, что на ряде городищ со следами пожаров обнаружено большое количество железных трехлопастных наконечников стрел так называемого «гуннского типа» [38]. Опять же по мнению М.М.Казанского, с этим трудно согласиться, т.к. подобные наконечники встречены в обилии и на неграбленных памятниках, например, колочинской культуры (Тайманово, Песчаное и др.), что свидетельствует об их местном производстве и возможном использовании в той же Литве. Кроме того, представляется весьма маловероятным прорыв гуннов так далеко на север (Смоленщина, Литва), куда кочевники не добрались даже в XIII в.

Так или иначе, но именно в V в. окончательно оформляется тен-

денция к распаду зоны археологической непрерывности, связывавшей некогда в единой целое прибалтийские и северо-западные древности. Наступившее время культурной и, вероятно, этнической консолидации, затронуло финно-угорские, балтские и праславянские общности, что привело, в конечном итоге, к формированию новых локальных групп местного населения и «дунайско-балканскому этапу» славянского этногенеза [39]. Сложившуюся ситуацию можно рассматривать как следствие образования в 375 г. «южного вакуума» после разгрома гуннами готской конфедерации племен и связанных с этим последующих миграций. В области соответствующей диалектной непрерывности балто-славянской языковой общности и территории обитания и передвижения венетов Тацита (северо-восточный ареал) в период D_2 — E, т.е. в конце IV—V вв., отмечается значительная трансформация облика древностей, проявившаяся в дискретном изменении занимаемой территории и «перемешивании» населения соседних культур [40]. Внутренняя взаимосвязь их очевидна, хотя и не ясны до конца все ее детали и направления. Наибольший интерес представляет быстрый, взрывоподобный переход к погребальному обряду, представленному в курганных памятниках типа Линдора-Полибино-Горско-Доложское, сосуществовавших какое-то время с грунтовыми могильниками и так называемыми погребальными площадками (Узмень-Мартиново-Концы-Съезжее) [41]. Так, по наблюдению А.Н.Башенькина, насыпи, относящиеся к безусловно ранним (V в.), находятся в том числе и на восточной окраине ареала этих памятников (могильники Усть-Белая IV на Мологе, Любахин I на Песи, Варшавский Шлюз I на Чагоде и др.). Исследователь также не видит принципиальной разницы между этими «длиннокурганными» комплексами и высокими сопковидными насыпями типа Горско-Крутец-Избищи I-Куреваниха III, объединяя их в рамки одной культуры [42].

Ограниченный объем статьи не позволяет говорить подробнее о взаимосвязи древностей позднеримского и раннесредневекового времени восточной периферии европейского Барбарикума. В заключении отметим лишь, что спорадическое проникновение праславян из лесной зоны в пшеворско-черняховскую среду сменяется в VI—VII вв. широкой экспансией, охватившей территорию от Эльбы и Балтики на севере, до Причерноморья и Балкан на юге (Iordan, 119). Выход славян на историческую арену археологически выразился в образовании пражско-корчакской и других родственных ей культур (поздний этап колочинской, пеньковской) представлявших, в известном смысле, принципиально новый горизонт восточноевропейских древностей [43]. Что касается славянского расселения на Северо-Западе, то автор, вслед за рядом исследователей, полагают, что анализ письменных и археологических источников не позволяет говорить о какой-либо миграции славян-реколонистов «постдунайского периода» в этот регион ранее рубежа VII/VIII вв. [44].

Представленная реконструкция основана на принципе синхронности смены ритмов бытования однотипных вещей и традиций в разных

культурах. Это позволяет с определенным «коэффициентом погрешности» моделировать хронологическую (трассовую) секвенцию малоизученных памятников, используя систему внешних связей с более репрезентативными культурами [45]. Подтвердить или опровергнуть данные выводы могут лишь дальнейшие исследования рассматриваемых древностей.

1. Nowakowski W. "Hic Svebie finis" — Concept of the Border of the Barbarous World at the East Baltic Coast in the Roman Period // Barbaricum'92. Warszawa, 1992. T. 2. P. 218—230.
2. Hedeager L.A. Quantitative Analysis of Roman Omports in Europe North of the Limes (0—400 A.D.), and the Question of Roman-Germanic Exchange // New Directions in Scandinavian Archaeology. Copenhagen, 1978. P. 191—216; Wołągiewicz R. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od Srodkowego Dunaju // Archeologia Polski. T. XV. 1970. Z. 1. S. 207—252; Wyszomirska-Werbart B. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Inteeractions // Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th — 12th centuries). Lund, 1992. P. 59—72; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 225—226.
3. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.). (САИ. Вып. Д1—27. 1970. С. 277; Он же. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии М., 1978. С. 147—163; Лебедев Г.С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Пермь. 1982. С. 41—55; Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. Сумы, 1991. С. 86—89; Kazanski M. Quelques objets baltes trouves en Gaule, datés entre la fin du IV-e siecle et le VIII-e siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le fivage oriental de la mer Baltique // Archeologie Medievale. T. XXI. 1991. P. 1—20; Idem. Les Goths. Paris, 1991. P. 148; Idem. Contribution à l'etude des migrations des Goths à la fin du IV-e siecle et au V-e siècle: le témoignage de l'archeologie // Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne. Rouen, 1991. P. 11—25; Idem. Les arctoi gentes et l'"empire" d'Hermanaric. // Germania. № 70/1. 1992. P. 75—122; Michelbertas M. Die Kontakte zwischen den Donaugebieten und Litauen in der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderngszeit // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 279—284.
4. Щукин М.Б. На рубеже... С. 26—30; Славяне и их соседи. М., 1993. С. 326.
5. Кропоткин В.В. Черняховская культура...; Михельбертас М.М. Литовское Понеманье в I—IV вв. н.э. Автор. дис. ... докт. ист. наук. М., 1987. С. 40; Kazanski M. Les relations entre les Slaves et les Goths du III-e au V-e siècle // Revue des Etudes slaves. T. LXV/1. Paris, 1993. P. 7—20.
6. Kazanski M. Les arctoi ...; Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 18.
7. Кропоткин В.В.Черняховская культура ...; Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб., 1992. С. 171—204; Щукин М.Б., Щербакова Т.А. К хронологии могильника Данчены // И.А.Рафалович. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986. С. 178—207.
8. Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад ... С. 7—14, 17, 18.
9. Kazanski M. Les arctoi... P. 110. Fig. 12:17. Nr. 72, 210.
10. Кропоткин В.В. Черняховская культура ... С. 153—155; Werner J. Herkuleskeule und Donar-Amulett // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 11. Mainz, 1964. S. 176—198.

11. Щукин М.Б., Щербакова Т.А. К хронологии ... С. 199.
12. Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. 1989. № 3. С. 163—170.
13. Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. По данным археологии и антропологии. Рига, 1980. С. 111—124; Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славянорусские древности. Вып. 3. СПб. Рис. 6:2; 7:2; Щукин М.Б. На рубеже ... С. 280—288; Kazanski M. Les arctoi... P. 110. Fig. 12:11—13.
14. Гороховський Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з вимчастою емаллю // Археологія. Вып. 38. 1983. С. 16—36; Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI вв. н.э. в Среднем Поднепровье (САИ. Вып. Е1—43. 1978). С. 123; Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы ... Рис. 7:1; Kazanski M. Les arctoi... P. 109—111. Fig. 11—13.
15. Гороховський Е.Л. Підковоподібні фібули ...; Кропоткин В.В. Черняховская культура ...; Щукин М.Б. На рубеже... С. 282, 283.
16. Кропоткин В.В. Черняховская культура ... С. 162, 163; Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. Вып 18. 1977. С. 79—92; Щукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. 13 секвенций // АСГЭ. Вып. 20. 1979. С. 66—89; Kazanski M. Les Goths ... P. 35—40.
17. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 3—56; Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 98, 99; Щукин М.Б., Щербакова Т.А. К хронологии ... С. 186—187; Kazanski M. Les arctoi... P. 92—98.
18. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 116—183; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 93—97, 288. Табл. XL.
19. Kazanski M. Les Goths ... P. 35—39; Idem. Les arstoi ... P. 87. Fig. 17; Idem. Les relations ... P. 8—13.
20. Фурасьев А.Г. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 78—80; Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Rapports di III-e Congrès International d'Archèologie slave. Bratislava, 1980. 2. P. 399—413; Kazanski M. Les arctoi... Ð 87—98.
21. Shchukin M.B. The Balto-Slavic Forest Direction in the Archaeological Study of the Ethnogenesis of the Slavs // Wiadomości Archeologiczne. T. LI. 1986—1990. Z. 1. P. 3—30; Щукин М.Б. На рубеже ... С. 280—288.
22. Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы ... С. 12.
23. Степанов П.Д. Андреевский курган. Из истории мордовских племен на рубеже н.э. Саранск, 1980. С. 105.
24. Щукин М.Б., Щербакова Т.А. К хронологии ... С. 188.
25. Godiowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archeologica Varia. T. CCXXXI. 1988. S. 43—44.
26. Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы ... С. 12—14. Рис. 5: 18.
27. Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского // Материалы по археологии России. Е. 20. СПб., 1896. С. 5, 109. Табл. 18: 16.
28. Kazanski M. Quelques objets ... P. 8. Fig. 6: 10—12.
29. Ilkjaer J. Illerup Ádal. Die lunzen und speere // Jutland Archaeological Society Publication. XXV. Bd. 1, 2. Árhus, 1990. S. 404.
30. Аун М. Курганный могильник Сууре-Рысна // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. 1983. № 4. С. 297—299. Рис. 1.
31. Вещи ранее не изданы. Пользуюсь случаем выразить признательность авторам находок — И.В.Половникину и А.Н.Башенькину — за предоставленное разрешение на публикацию рисунков.
32. P.de Palol. Cuchillo Hispanorromano del siglo IV de J.C. // Boletin del Seminario de

Estudios de Arte y Arqueologia. T. XXX. Valladolid, 1964. P. 67—102.
33. Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы ... С. 28.
34. Salo U. Die frührömische Zeit in Finnland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja Bd 67. Helsinki, 1968. S. 177.
35. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Прикамья в эпоху раннего железа. М., 1984. С. 18—19. Рис. 6.
36. Kazanski M. Quelques objets ... P. 1—12. Fig. 1—6; Idem. Les arctoi gentes ... P. 87—97; Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.—6. Jahrhunderts // München Beiträge zur Vorund und Frühgeschichte. Bd. 16/1. 1981. S. 695—701; Michelbertas M. Die Kontakte ... S. 280—283; Куликов В.И. Пруссы (V—XIII вв.) // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 3. М., 1994. С. 214; Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад ... С. 8, 13, 14; Шмидехелис В. Северо-Восточная Литва во второй половине I тыс. н.э. // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 82, 83.
37. Kazanski M. Les relations ... P. 7—15. Fig. 1.
38. Лухтан А. Войны V века в Литве // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 53, 54.
39. Мачинский Д.А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы фольклора и этнографии. Л., 1981. С. 110—171. Он же. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 7—12.
40. Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии ... С. 399—413; Он же. На рубеже эр ... С. 283—286.
41. Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад ... С. 9—10, 16.
42. Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы ... С. 24—25.
43. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 104—123; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 10—34; Shchukin M.B. The Baltic Slavs // Fingal ... P. 24—30; Щукин М.Б. На рубеже эр ... С. 284.
44. Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах ... С. 14, 17; Минасян Г.С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24—29; Небольсин Г.С. О времени появления славян на Северо-Западе // Там же. С. 29—35. Рис. 1; Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад ... С. 14—17.
45. Щукин М.Б. К проблеме периодизации черняховской культуры ... С. 66—80; Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 305; Каргопольцев С.Ю. Северо-Запад ... С. 12. Подробности дискуссии по проблеме периодизации относительной хронологии вариантов древностей римского времени см.: Щукин М.Б., Шаров О.В. К проблеме определения первой хронологической границы черняховской культуры // Материалы симпозиума в Каце. Сааб, 1996 (в печати).

Дискуссии

О.А. Щеглова

Положения изложенной концепции основываются на анализе, по-видимому, не обоснованной источниковой базе. В течение уже многих лет мы с нетерпением ждем если не каталога, то хотя бы перечня или карты памятников Северо-Запада Европейской части России, на которых обнаружены вещи, позволяющие отнести их к середине I тыс. н.э. До тех пор пока не будет представлено осмысления картина древностей середины I тыс., четко привязанная по времени и пространстве, построение этно-исторических реконструкций для данной территории недопустимо.

В.И.Козлов

СЛАВЯНО-БОЛГАРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ДУНАЯ И ДНЕСТРА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Предлагаемая в настоящем докладе тема освоения древними болгарами и славянами территории степного Днестро-Дунайского междуречья — это только часть общего, гораздо обширного исследования по этнокультурным и историкополитическим процессам, имевшим здесь место в раннем средневековье.

Затишье, наступившее после эпохи великого переселения народов, относительная стабилизация социально-политической обстановки, обусловленные возникновением и развитием Дунайской Болгарии, впервые после исчезновения провинциальноримской (черняховской) культуры в истории региона ознаменовались распространением поселений оседлых земледельцев, археологически представленных памятниками культуры I Болгарского царства (балкано-дунайской, Дриду и др.) и отчасти культуры Луки-Райковецкая-Хлинча I. История края тесно связана с историей политических, экономических и культурных взаимодействий I Болгарского царства, Византии, Киевской Руси, Хазарского каганата и различных кочевнических этносов — печенегов, торков и др.

Проблема синтеза этносов и характеризующих их культур, который происходил в последней трети I — начале II тыс. н.э. в Карпато-Дунайских землях, на стыке южнорусской степи, Добруджи и Юго-Восточного Прикарпатья, на протяжении последних 50 лет привлекает к себе самое пристальное внимание историков и археологов России, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии и других стран. Несмотря на проделанную большую работу и достигнутые успехи в деле изучения раннесредневековых культур рассматриваемой территории, остается все еще много спорных, нерешенных вопросов, имеются разнообразные, нередко диаметрально противоположные, а порой политически акцентированные, точки зрения.

Предыстория славяно-болгарской оседло-земледельческой колонизации края непосредственным образом соотносится с переселением прабългарского союза племен — утигундуров, или болгар Аспаруха, в среду восточнобалканского славянского населения так называемых «Славиний», с образованием в 680—681 гг. славяно-болгарского государства в результате соглашения между Аспарухом и вождями восьми славянских племен в Мизии и победного окончания войны с Византийской империей. Историко-источниковедческая экспозиция этого процесса нашла свое отражение в сообщениях византийских хронистов — Феофана Исповедника и патриарха Никифора. Согласно этим сообщени-

ям. орда хана Аспаруха, откочевав в конце третьей четверти VII в. из Приазовья, расположилась в так называемой местности «Онгл» («Огл»). Только через несколько лет Аспарух перешел Дунай и занял степи современной Северо-Восточной Болгарии, потеснив часть славянского населения, выступающего под названиями союза «Семи родов» и северов [1].

Данные археологии позволяют внести некоторые коррективы в сведения византийских хронистов. В этой связи значительный интерес представляют открытия Г.Ф.Чеботаренко и Л.В.Субботина, сделанные при раскопках Нижнего Траянова вала на участке длиной 200 м, расположенном на восточном берегу р.Карасулак в 4 км южнее с.Червоноармейское [2]. Под южной кромкой вала были обнаружены 5 полуземлянок — жилищ строителей вала. Они оказались синхронными времени возведения насыпи этого сооружения, так как были сожжены и засыпаны к моменту окончания работ на данном участке. Найденная в постройках керамика — славянская лепная типа Чурел-Прага-Корчак и ранневизантийская гончарная — позволяет датировать их второй половиной VII в.

Необходимо подчеркнуть, что поселения с подобной керамикой в изучаемом регионе не документированы. Правда, имеется информация И.А.Рафаловича о находках раннеславянской лепной керамики VII в. на посселении возле с.Виноградовка Болградского р-на Одесской обл., которую, к сожалению, последующими разведками подтвердить не удалось, так как территория памятника уничтожена карьером [3]. Ближайшие памятники такого же типа локализуются на востоке Румынии в бассейне рек Сирета и Яломицы и в лесной зоне Пруто-Днестровского бассейна [4].

Таким образом, благодаря этому открытию становится очевидным факт возведения Нижнего Траянова вала уже при хане Аспарухе, т.е. в первые годы становления Дунайской Болгарии. Материалы раскопок этого грандиозного по размерам сооружения протяженностью в 126 км свидетельствуют также и о вовлечении праболгарами аборигенного славянского населения в крупномасштабное фортификационное строительство и совместные военные мероприятия. Следовательно, разделяя точку зрения ряда ученых на локализацию местности «Онгл» в Буджакской степи, на территории к северу от дельты Дуная, можно утверждать, что помимо естественных преград, о которых сообщают нам Феофан и Никифор, данная местность защищалась и искусственным укреплением в виде земляного вала и рва, обеспечивавшим безопасность северного (хазарского) тыла. В западном направлении система обороны была продолжена в виде т.н. Галацкого окопа — вала длиной 27 км, дугообразно соединившего низовья рек Сирета и Прута.

Важно отметить, что пограничко-оборонительные валы и земляные укрепления являются результатом широкой фортификационной практики на всем протяжении истории I Болгарского царства. Они — индикаторы его действительных, часто менявшихся границ и символы закреп-

ления вновь обретенных земель [5]. Красноречивое свидетельство в связи с рассматриваемым сюжетом содержится в анонимном арабском сочинении «Известия времени», относящееся к дохристианскому периоду болгарской истории: «... само царство ал-Бурджан имеет размеры 20 дней пути на 30 дней пути и вся область Бурджан огорожена валом: в котором есть проемы, подобные окнам, и этот вал имеет ров, а селения находятся за валом» [6].

Вскоре, сразу после того как в 681 г. союз Аспаруха с вождями «Славиний» увенчался образованием государства на правобережных от Дуная территориях, местность «Онгл» географически оказалась на северо-восточнной периферии Дунайской Болгарии. Сведения нарративных источников относительно последующей истории региона крайне скудны и отрывочны. О событиях VIII—IX вв. практически ничего не сообщается. Некоторые данные, в основном общего характера для периода конца IX—X вв. все же попадаются в сочинении императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», в Повести временных лет древнерусского летописца Нестора. Безусловно, в деле изучения истории края археологическим источникам суждено играть решающую роль.

На этнополитическую ситуацию в регионе проливает свет соотношение и группирование памятников восточнославянской культуры Лука-Райковецкая с памятниками собственно дунайских болгар (рис. 1, 2). Стационарные поселения болгар для VIII в. здесь не известны. С другой стороны, памятники восточных славян в виде цепочки редко отстоящих друг от друга селищ зафиксированы на правобережье нижнего Днестра и на побережье Черного моря.

Как известно, культура Лука-Райковецкая, возникшая в VIII в. в результате эволюции пражско-пеньковской культуры, получила широчайшее распространение в VIII—IX вв. в междуречье нижнего Днепра и Днестра, в бассейнах Днестра и Прута, а также в Прикарпатье [7]. Аналогичная культура, известная в румынской научной литературе под названием Хлинча I, занимает значительную территорию Восточной Румынии, преимущественно в Северной и Центральной Молдавии и в левобережных от Дуная районах [8]. Примечательно, что география древностей этой культуры совпадает с сообщением Повести временных лет о расселении племен тиверцев по Днестру до моря и на юг от Дуная (без упоминания моря!) — «седяху бо по Днестру оли до моря» и «приседяху к Дунаеви» [9].

Приведенным данным не противоречат и результаты стратиграфического и хронологического изучения памятников I Болгарского царства. Так, отличительной особенностью поселений Приднестровья является наличие непосредственно подстилающего или сосуществующего культурного слоя, содержащего материалы культуры Лука-Райковецкая, что абсолютно не свойственно для поселений Придунавья. Такая ситуация отмечается на 19 из 35 пунктов в Приднестровье, включая горо-

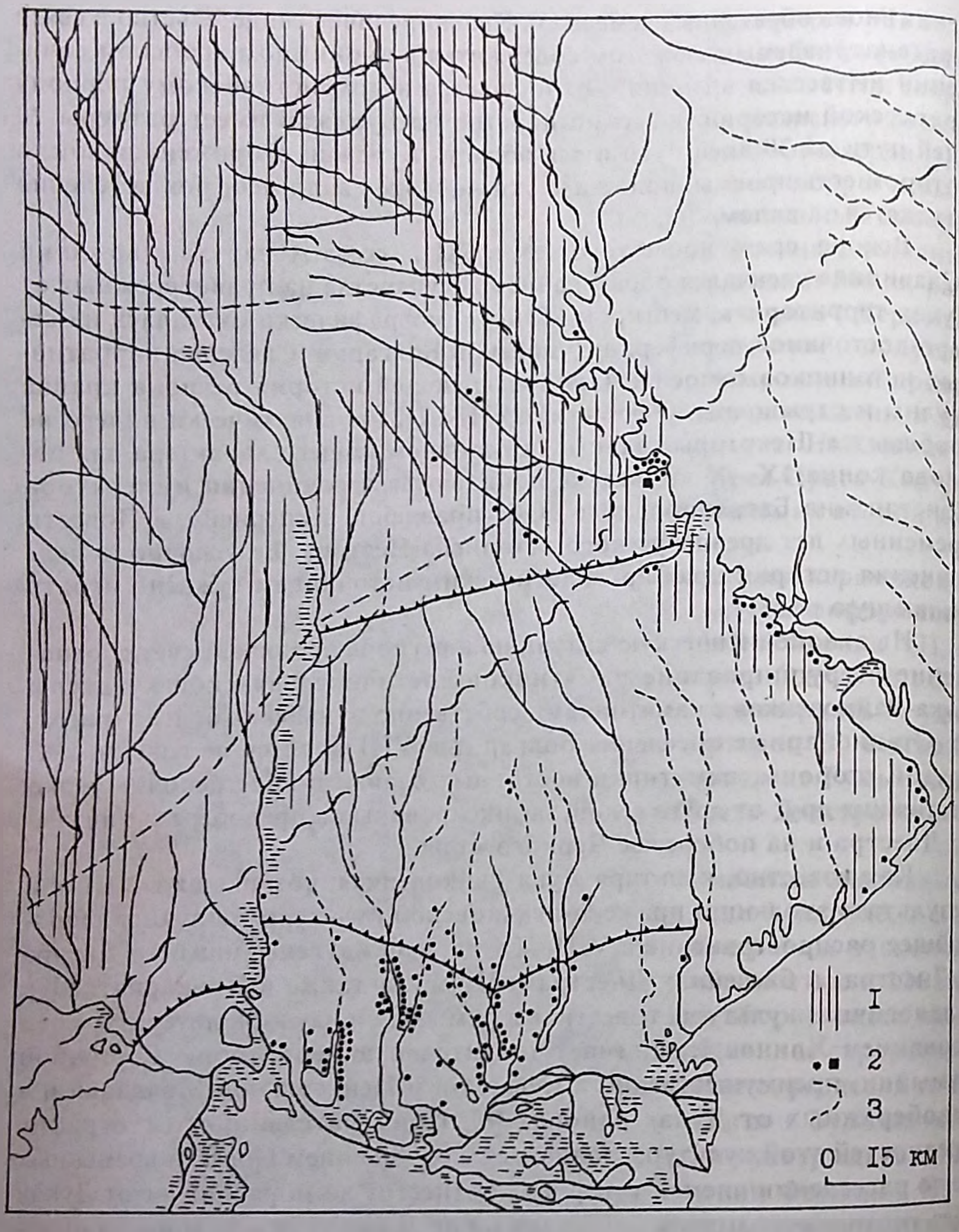


Рис. 1. Раннесредневековые памятники степной и лесостепной зон Днестро-Дунайского междуречья. 1 — распространение культуры типа Лука-Райковецкая, 2 — поселения балкано-дунайской культуры, 3 — восточная граница ареала культуры Рэдукэнень-Хлинча II.

дище Калфа [10]. Указанное обстоятельство играет немаловажную роль в решении вопросов относительной и абсолютной хронологии древностей южных и восточных славян.

В свете изложенного представляется возможным заключить, что географическое (рис. 1—3) и стратиграфическое соотношение памятников сравниваемых культур, по-видимому, отражает реальные направления и успехи их носителей в деле земледельческого освоения степного междуречья Дуная и Днестра. Отсутствие поселений восточных славян к северу от дельты Дуная и на ближайшем взморье разрешает предположить, что эта территория, будучи частью Болгарской земли, в VIII в. контролировалась болгарами, ведшими кочевое скотоводческое хозяйство. Кочевание праболгар длительное время после образования у них государства, объясняется общими закономерностями процесса седентаризации кочевников [11]. Поэтому не удивительно, что первые стационарные поселения жителей северо-восточной провинции Болгарии, перешедших к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству, возникают только в конце VIII в. Таких памятников с самыми древними объектами и материалами исследовано немного. Уверенно можно говорить пока лишь о трех — Богатое I, Сафьяны, Этулия VI (рис. 2). Первоначально осваивался Придунайский район. Затем, одновременно с бурным увеличением количества поселений и ростом численности их обитателей, отмечаемых для периода первой половины IX в. в связи с экономическими и внешнеполитическими успехами государства, культура распространяется и в районе Приднестровья, к тому времени уже отчасти колонизованном восточными славянами.

Стратиграфическая однородность памятников Придунавья выгодно отличает их также от Карпато-Дунайских памятников Олтении, Валахии и Северо-Восточной Болгарии, на которых встречается горизонт с материалами VI—VII вв. культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, предшествующий горизонту культуры I Болгарского царства или культуры Дриду по номинации румынских исследователей [12]. Кроме того, на поселениях Придунавья, также как и на поселениях основных территорий культуры — в Северо-Восточной Болгарии и в Карпато-Дунайских землях — отсутствует горизонт XI—XII вв. культуры Рэдукэнень-Хлинча II, который отмечается только на некоторых памятниках Добруджи (Капидава, Диногетия, Пэкуюл луй Соаре и др.) и широко представлен на таких памятниках, как Рэдукэнень, Лукашевка, Петруха, Ханска и др. в Карпато-Днестровском регионе [13].

Система древнеболгарских (южнославянских) поселений степного междуречья Дуная и Днестра, объединяющая 137 пунктов, обладает четкой, определенным образом упорядоченной структурой. Самые крупные ее подразделения — массивы — локализуются в двух районах — на правобережье Нижнего Днестра и на левобережье дельты Дуная (рис. 1—3). Приднестровский массив включает 35 (20%), а Придунайский — 102 (80%) поселения приозерного и приречного типов. Оба массива состо-

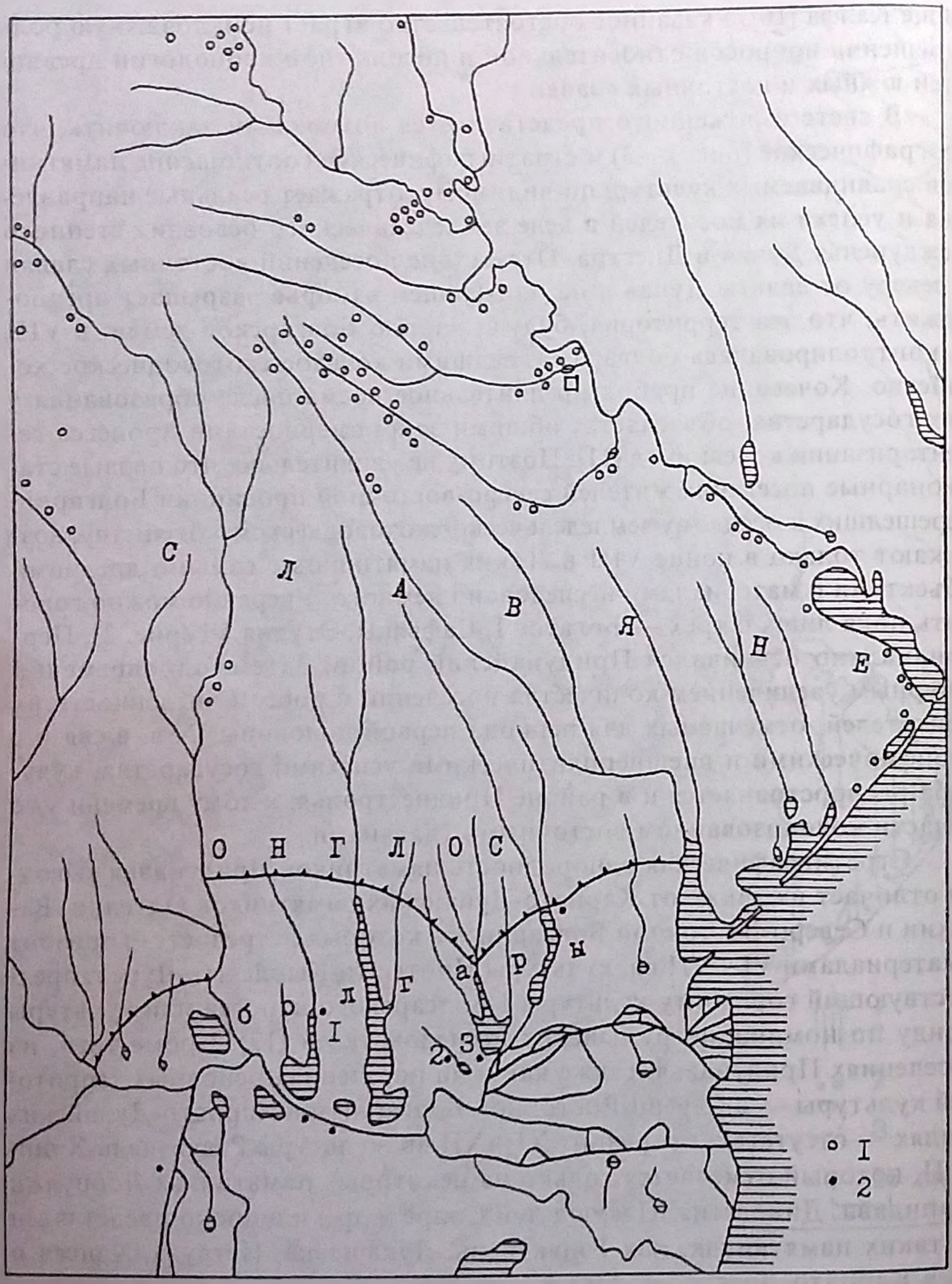


Рис. 2. Этнополитическая ситуация к концу VIII в.: I — восточнославянские поселения, 2 — поселения дунайских болгар: I — Этулия VI, 2 — Сафьяны, 3 — Богатое I.

ят из трех групп каждый. В группах различаются еще три вида демофоры: агломерации и гнезда поселений, отдельные поселения. Агломерации характерны для наиболее развитого, базового Придунайского массива. В зависимости от размеров площадей селища дифференцируются на пять видов [14].

За исключением городища-форпоста Калфа на Днестре, все селища неукрепленные. Однако Придунайский массив располагал коллективной линией обороны — Нижним Траяновым валом. Что касается Верхнего Траянова вала, то по данным археологии его сооружение можно отнести ко времени не позднее X — начала XI вв. [15] и рассматривать как результат государственных мероприятий, направленных на укрепление северной границы после отражения венгерского нашествия в конце IX в. Возможно, к системе коллективной обороны северного пограничья Болгарии относился и так называемый Змиев вал, протянувшийся вдоль Днестровского лимана и Днестра до с.Раскаець [16].

Общей внутренней чертой всей системы поселений выступает тенденция к контролю за обширной территорией и, одновременно, к централизации и тесным хозяйственным связям с постоянным демографическим центром в Придунайском массиве. Анализ памятников по пространственному расположению, величине и составу гнезд и планировке селищ позволяет определить низовую социальную ячейку обитателей селищ как территориальную общину, состоящую из малых семей-хозяйств, что, как отмечают исследователи, совпадает с упрочением государственности [17]. Распределение поселений на ландшафте характеризуется концентрической упорядоченностью, иерархичностью и сегментарностью. Выделяемые в каждом массиве три большие группы селищ, по-видимому, отражают принцип (архетип) организации обитаемого пространства в регионе, представлявшего собой, вероятно, один из комитатов I Болгарского царства, как стали называться новые административные области страны с середины IX в. вследствие реформ хана Омуртага [18].

Несмотря на мирное сосуществование с восточными славянами Приднестровья, население I Болгарского царства осуществляло во всем регионе этнокультурную и политическую гегемонию. Пределом Болгарской земли, ее северо-восточнной границей в пору наибольшего расцвета в правление царя Симеона к концу IX в. были Нижний Днестр и его приток р.Бык. На левом берегу Днестра и к северо-востоку от него памятники изучаемой культуры не обнаружены. Очевидно, именно течение Днестра являлось тем естественным рубежом, от которого начиналась территория Дунайской Болгарии согласно сведениям Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении империей» о «пустых крепостях», что «по сю сторону реки Днестра, в краю обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку» [19]. Через поселения, расположенные цепочками вдоль береговых линий рек и озер, трасс земляных валов проходили основные пути сообщения, имевшие не только провин-

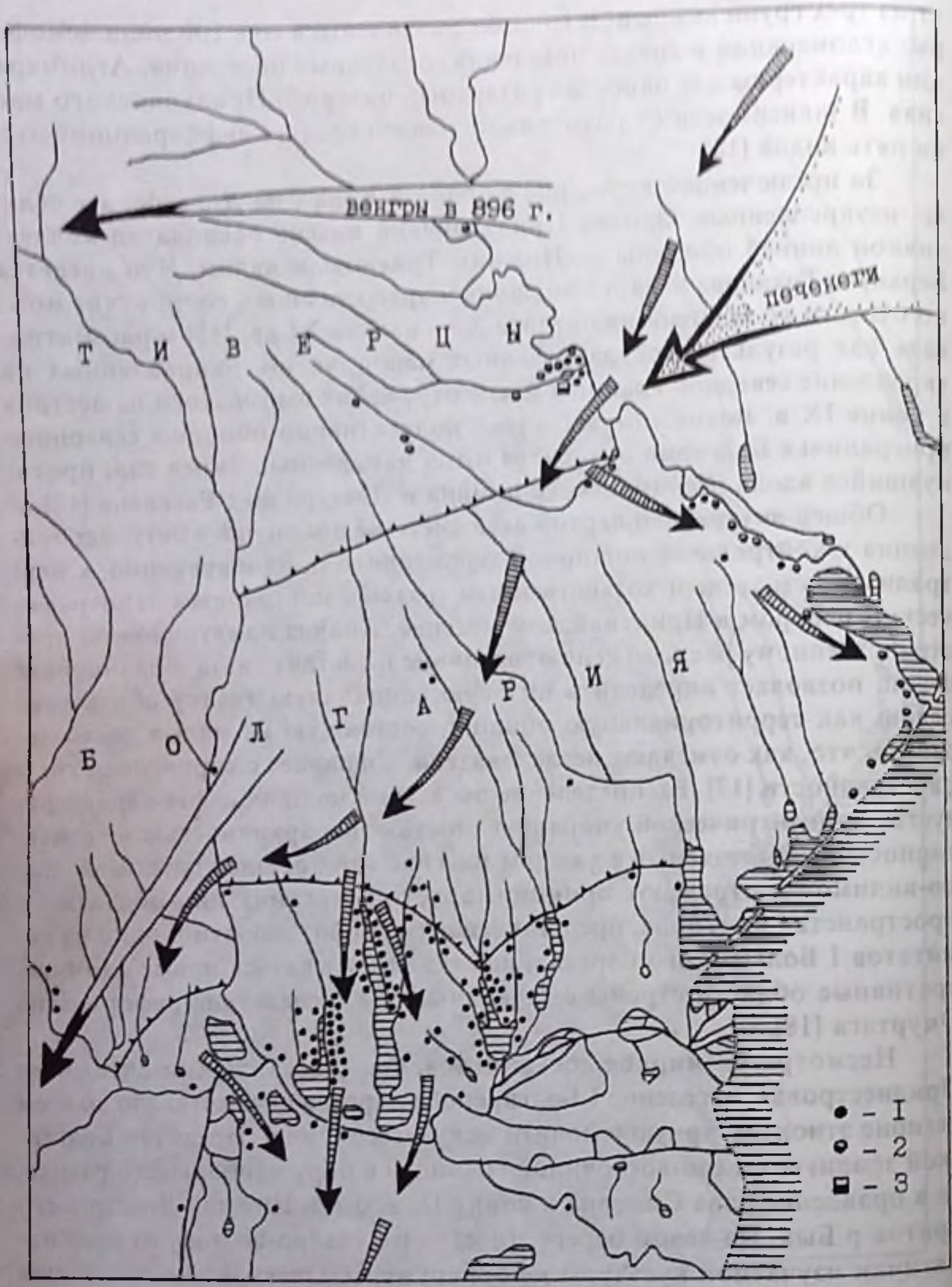


Рис. 3. Изменение этнополитической ситуации на рубеже IX—X вв.: вторжения венгров в Болгарию в 894 и 895 годах. 1 — поселения дунайских болгар, 2 — двухслойные поселения, 3 — городище.

пального, но, безусловно, и стратегическое, государственное значение. Крепости осуществляли контроль за переправами.

По данным археологии основу хозяйства и экономики носителей изучаемой культуры составляли земледелие и скотоводство, дополнявшиеся рыболовством и охотой. Важно отметить, что на начальных этапах колонизации края при велении экстенсивного богарного землепользования природный фактор оказывал прямое и сильное влияние на развитие поселенческой структуры с тенденцией равномерного расположения селищ, чтобы обеспечить эффективное использование природных ресурсов [20]. В последующее время стиль системы расселения деформируется как вследствие неравномерного развития отдельных микрорайонов, тяготения селищ к административно-демографическим и, вероятно, сакральным, центрам, так и в результате военно-политических событий.

Важным фактором жизни населения северо-восточной провинции I Болгарского царства, как отмечалось выше, являлось сосуществование и взаимодействие в Приднестровье с середины IX по начало XI вв. с восточнославянским этнокультурным комплексом — летописными тиверцами и, возможно, уличами. Чтобы проиллюстрировать характер взаимодействия сравниваемых культур, необходимо хотя бы кратко рассмотреть типологию их жилищ и керамических комплексов.

Домостроительство являлось важнейшим видом хозяйственной и ремесленной деятельности. Господствующей категорией южнославянских жилищ выступают каркасные постройки углубленные в землю — землянки и полуземлянки прямоугольной формы с подбойными, глинобитными или каменными печами и очагами. Исходя из корреляции «конструкция стен — отопительное сооружение», все изученные жилища (71 экз.) можно разделить на шесть типов [21] (рис. 4), определяющих их эволюцию. Самыми древними — конца VIII — середины IX вв. — представляются 4 постройки VI типа (юртообразные). Они документированы только на поселениях Придунавья в Этулии VI, Сафьянах и Богатом I. На протяжении IX в. с заходом в X в. широко были распространены жилища III (13 построек Придунавья), IV (4 в Приднестровье, 10 в Придунавье) и, отчасти, V (5 жилищ поселений Этулия VI, VII в Придунавье) типов. Второй половиной IX — началом X в. можно датировать постройки II типа (2 в Приднестровье, 4 в Придунавье). Для X в. характерны жилища I типа (10 в Приднестровье, 19 в Придунавье).

Господствующим типом жилищ культуры Лука-Райковецкая для всего Пруто-Днестровского междуречья являются углубленные постройки, как правило, столбовой конструкции с печами-каменками (I тип).

В Приднестровье преобладают жилища I типа (60%) с печами-каменками и с массивными каркасными стенами из столбов, бревен и плах, что, вероятно, обуславливалось непосредственным влиянием восточнославянской культуры. Славянизация облика жилищ I Болгарского цар-

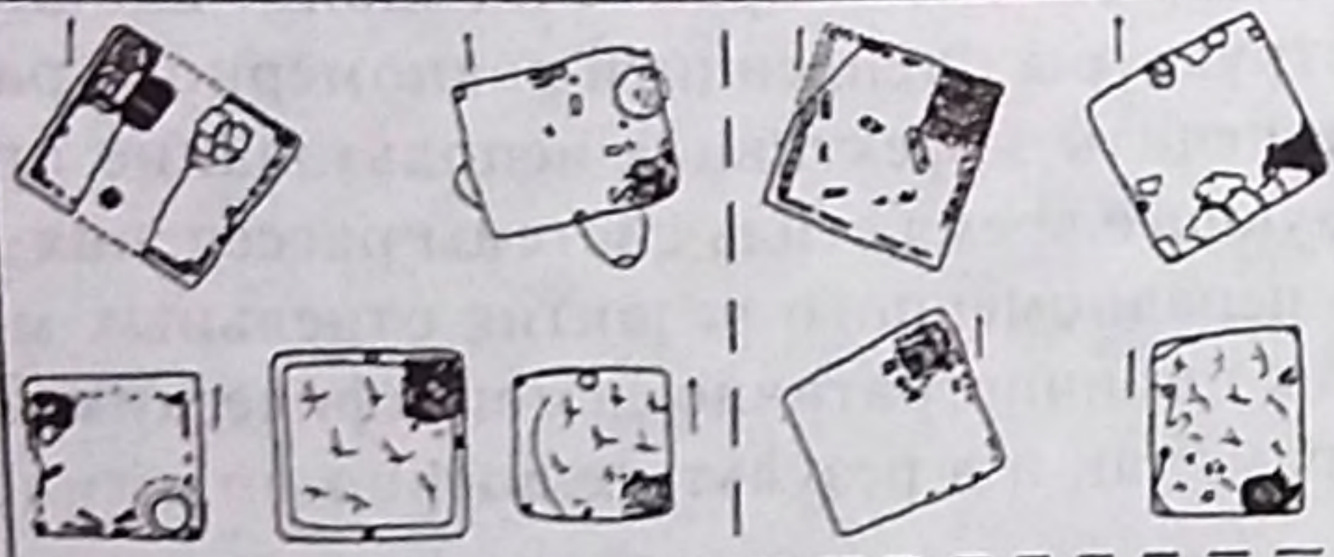
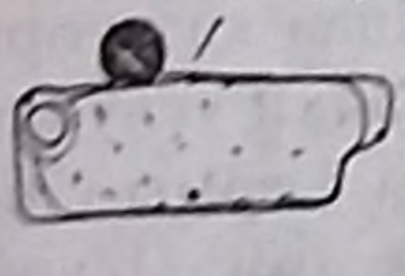
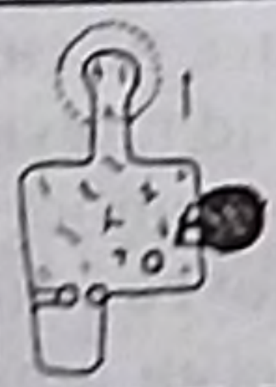
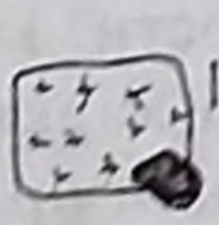
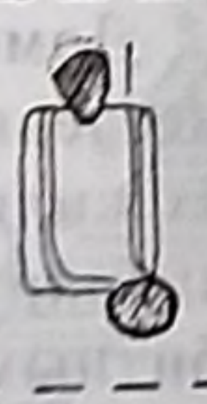
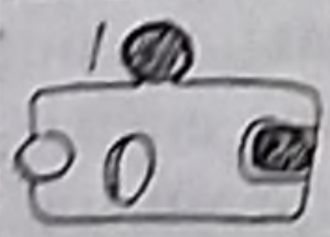
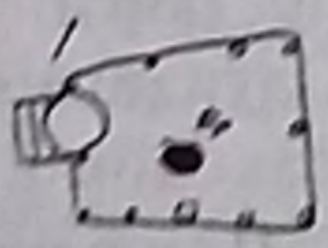
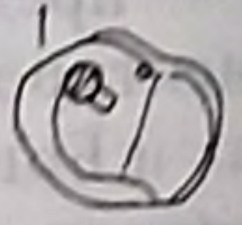
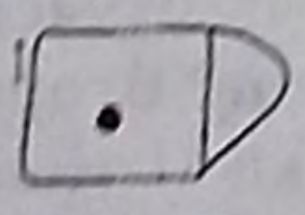
ПЕЧИ И ОЧАГИ	КОНСТРУКЦИЯ СТЕН					
	каркасно–столбовая		фахверковая			наземный каркас
	бревна, плахи	прутья, камыш	бревна, плахи	прутья, камыш	камень и др.	плахи, камыш, прутья
каменная печь						
+очаг	ТИП I					
глинобитная печь	ТИП II				ТИП У	ТИП УI
подбойная печь						
+очаг	ТИП III					
очаг над полом						
очаг на полу	ТИП IУ					0 I м

Рис. 4. Типологическая схема жилищ

ства Придунайского массива сказалась, например, в утрате таких их элементов, как подбойные печи, каменная облицовка фахверковых стен, легкие турлучные стены. С другой стороны, на восточнославянское домостроительство в контактной зоне Приднестровья заметное воздействие оказали южнославянские традиции — в жилищах с керамикой типа Луки-Райковецкой появились тамбурные входы, очаги и легкие турлучные каркасы стен.

Важно отметить, что, несмотря на динамичную смену и сосуществование различных типов жилищ Придунавья, их плановая структура обнаруживает поразительную устойчивость, когда печи располагаются преимущественно в юго-восточном углу, а очаги по правую руку от входа. В постройках Приднестровья наблюдается больше вариаций и преобладает расположение печей в северных углах. Возможно, в этом проявилось влияние плановой структуры, распространенной в домостроительстве тиверцев и хорватов.

Одним из ярких индикаторов, определяющих облик сравниваемых культур, является керамика. Керамический комплекс культуры I Болгарского царства довольно разнообразен. Он состоит из трех групп гончарной посуды, различающихся по технологическим особенностям, назначению, ассортименту форм и способам орнаментации (рис. 5). I группа — посуда, сделанная на быстром (1 подгруппа) или медленном (2 подгруппа) кругах из формовочных масс с добавлением разнообразных отощителей и украшенная врезным линейно-волнистым орнаментом. II группа представлена изделиями из хорошо отмученной глины, орнаментированными лощеными и изредка углубленными полосами. III группа — керамика, сочетающая в себе технологические признаки первых двух групп — глиняное тесто и обжиг такие же, как у посуды II группы, а орнамент и профилировка венчиков — как у первой (сосуды-гибриды). Хронологическое изучение керамики позволяет отметить ее некоторые эволюционные черты. Так, для IX в. особенно показательны горшки яйцевидной формы с простой профилировкой венчиков, сформованные на медленном круге из глины с такими ведущими отощителями, как ракушка и шамот (2 подгруппа I группы), ведеркообразные сосуды II группы, сосуды-гибриды III группы. В период с середины IX в. по середину X в. происходит процесс постепенного вытеснения в посуде I группы таких отощителей, как ракушка и шамот с дресвой из гнейсово-грейзеновых пород камня и обломочного известняка, что сопровождалось одновременно распространением сложной (фигурной) профилировки венчиков горшков, сформованных на быстром круге. В X в. исчезают котлы, сосуды-гибриды, ведеркообразные емкости, появляется импортная каолиновая посуда.

Восточнославянская керамика на раскапывавшихся памятниках Калфа и Шабо представлена в основном горшками трех типов и реже — мисками и сковородами [22]. Она изготовлена из глины с добавлениями шамота, известняка, песка и сформована без гончарного круга, либо

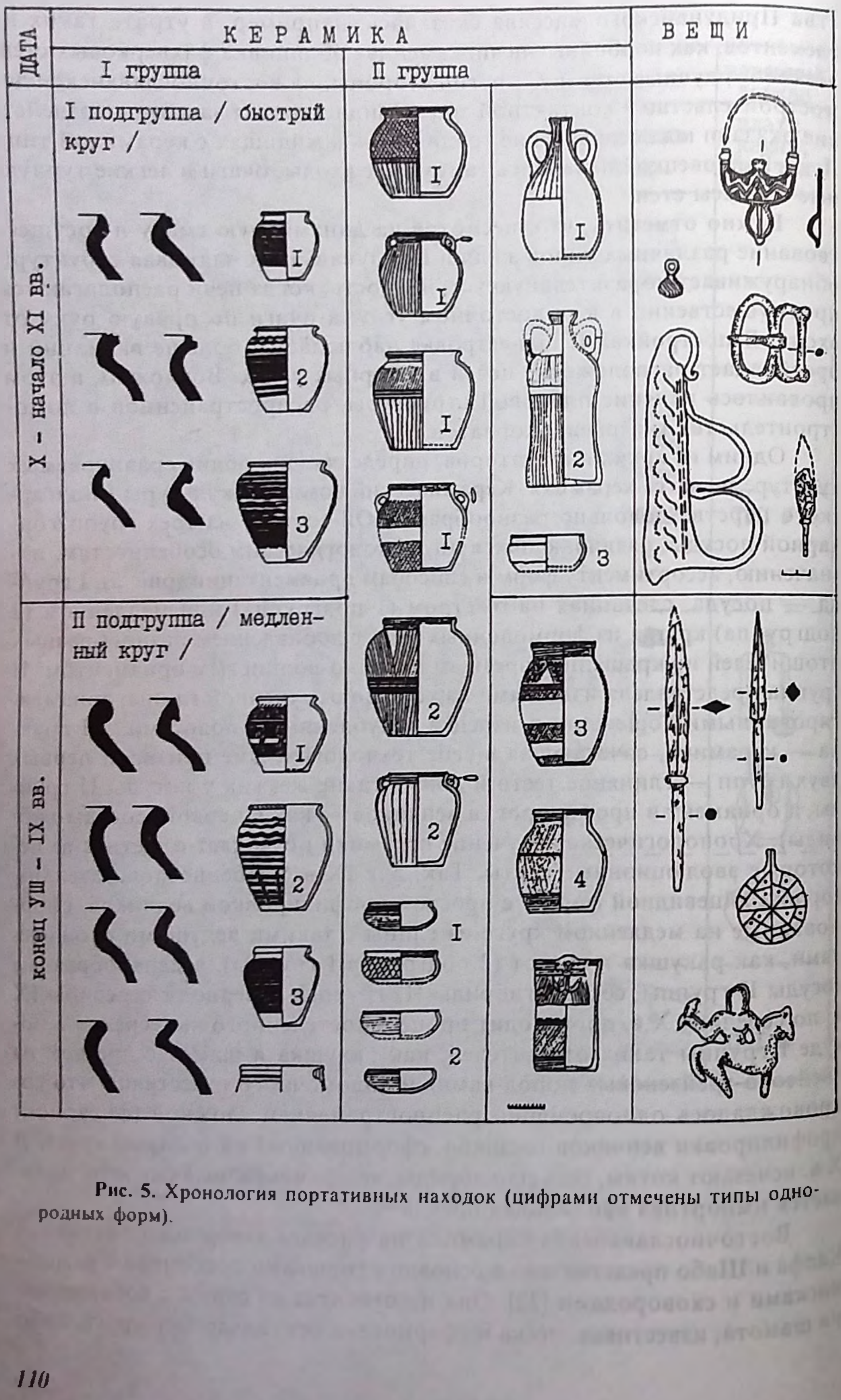


Рис. 5. Хронология портативных находок (цифрами отмечены типы однородных форм).

подправлена на нем. Господствует простая профилировка венчиков. Орнамент — врезные неглубокие одинарные линии, реже — многорядные волнистые или прямые полосы, нанесенные размашисто и неровно; иногда — накольчатый штамп по плечикам и защипы пальцами по венчику. Особый интерес в качестве инноваций представляют элементы подражания керамике I Болгарского царства, среди которых можно отметить следующие — увеличение площади орнаментированной поверхности, плотность и ровность самих орнаментальных линий, частые случаи усложнения профилировки венчиков до манжетовидной, постепенный отказ от отощителей в виде песка и известняка. Более того, судя по материалам Шабо и Калфы, восточнославянские гончары уже к концу IX в. освоили гончарный круг — посуда становилась более совершенной. Отсюда следует закономерный вывод: на эволюцию керамики типа Лука-Райковецкая в контактных районах существенное влияние оказывало стоявшее на более высоком уровне технического и технологического развития гончарство I Болгарского царства, ориентированное на производство массовой стандартизированной ремесленной продукции.

Бытовой уклад обитателей южнославянских селищ был рядовой, типичный для сельских раннесредневековых поселений Юго-Восточной и Восточной Европы. Вещевой комплекс представлен немногочисленными, но разнообразными находками: орудиями труда — железными серпами, ножами, кресалами, каменными жерновами, глиняными пряслицами, рыболовными грузилами, костяными проколками, рукоятями плетей; украшениями и бытовыми предметами (рис. 5) — бронзовыми серьгами, пряжками, пуговицами, стеклянными бусинами, бронзовым амулетом в виде всадника, литейной сланцевой формочки для отливки медальона (на рис. 5 изображен его позитив); оружием — железными наконечниками стрел.

Необходимо подчеркнуть, что материальная культура северо-восточной провинции Дунайской Болгарии в своем развитии испытывала сильное влияние праболгарского этнокультурного импульса, особенно заметно проявившегося в материалах IX в., при неизменном присутствии славянского субстратного компонента, что вело в условиях устойчивого общественно-экономического объединения, сплачивавшего два этноса, к выработке самобытной, государственной в своей основе культуры и к сложению славяноболгарской народности. Присутствие восточнороманского этнокомпонента на памятниках региона не прослеживается [23].

Самые ранние древности изучаемой болгарской провинции, относящиеся к концу VIII—IX вв., имеют прямые аналогии среди археологических материалов Северо-Восточной Болгарии и Добруджи, а в целом, для всего периода существования I Болгарского царства, сопоставимы, при наличии местных особенностей, с древностями на его основных территориях. Не приходится сомневаться, что в культурном, эко-

номическом и, надо полагать, политическом отношениях население края было ориентировано на центральные области государства [24].

Важнейшими аспектами исторического бытия населения северо-восточной провинции Болгарии, безусловно, были взаимоотношения с кочевыми этносами. Значительным событием, повлекшим существенные изменения в общественно-политической жизни края, была война Болгарии против византийско-мадьярской коалиции в конце IX в. Вторжение венгров-мадьяр в 894 и 895 гг. заметным образом нарушило социально-экономическую стабилизацию и ослабило культурно-политическую гегемонию I Болгарского царства в регионе. Так, все поселения Приднестровья, за исключением городища Калфа и его округи, погибли и жизнь на них больше не возобновлялась (рис. 6). Следы пожаров, которые можно увязать с событиями этой войны, отмечаются и на поселениях Придунавья.

Вытеснив в союзе с болгарами в 896 г. мадьяр из местности Ателькуза в Причерноморье [25], в междуречье Днестра и Дуная проникают печенежские племена. По сведениям Константина Багрянородного, вблизи Болгарии, всего «на пол дня» пути, кочевали печенеги «фемы Гиазихопон» [26]. На основе картографирования печенежских подкурганных захоронений можно предположить, что в первые десятилетия X в. к западу от Днестра печенеги осуществляли лишь сезонные кочевки мелкими скотоводческими группами, вежи которых располагались восточнее Днестра, и только во второй половине X в. их отдельные группы обосновались в Днестровско-Прутском междуречье. Однако, несмотря на некоторое сокращение контролируемой территории со стороны Болгарии и, вероятно, значительный отток земледельческого населения из Приднестровья в район Придунавья, проникновение печенегов «Гиазихопона» на правобережье Нижнего Приднестровья, очевидно, не представляло угрозы для развития Нижнедунайского массива поселений, поскольку жизнь на последних продолжалась до 20-х гг. XI в. включительно. Более того, в X в. в Придунайском массиве возникают агломерации селищ, что указывает на взрывной характер увеличения здесь численности населения, обусловленного, вероятно, большим притоком сюда мигрантов. Это предполагает мирные отношения славяноболгар и печенегов, чему могли способствовать не только политические соглашения печенежских ханов с болгарскими царями, но и этническая близость печенегов и тех тюрко-болгар среди аборигенов, которые сохранили свою этническую индивидуальность.

Пока мы не располагаем данными, в какой мере события периода войн киевского князя Святослава на Дунае затронули северо-восточную провинцию Болгарии, находившуюся на значительном удалении от театра основных военных действий. Как бы там ни было, весьма вероятно, что после завоевания Византией в 972 г. Восточной Болгарии, где с границей по Дунаю была образована новая фема империи — Паристрион, население предполагаемого комитата «Онгл» сохраняло свой сувс-

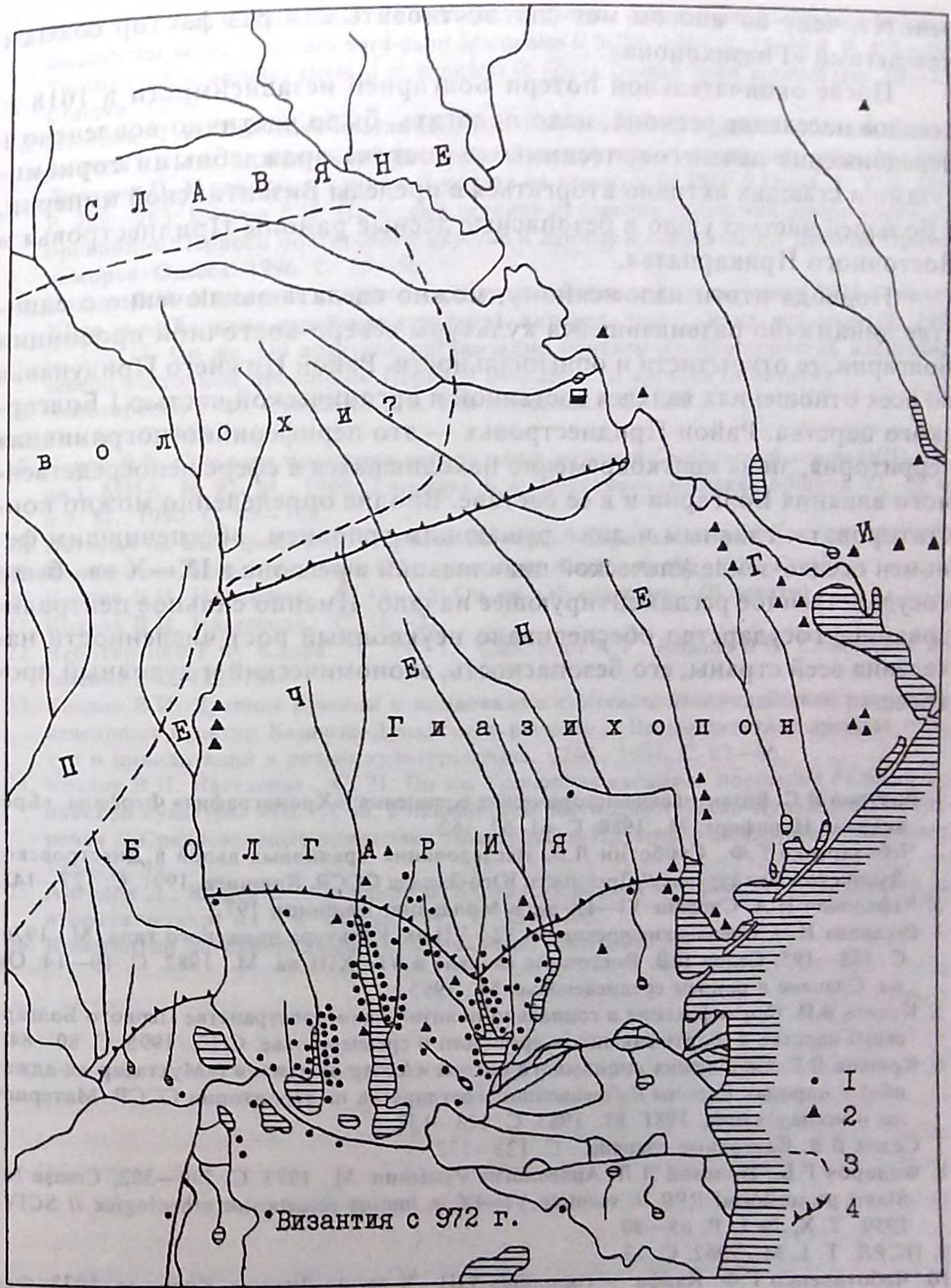


Рис. 6. Этнополитическая ситуация в X — начале XI вв. 1 — поселения дунайских болгар, 2 — погребения кочевников X—XI вв (по А О.Добролюбскому, 1986), 3 — граница культуры Рэдукэнень, 4 — Траяновы валы

ренитет, чему во многом мог способствовать как раз фактор союза с печенегами «Гиазихопона».

После окончательной потери Болгарией независимости в 1018 г. оседлое население региона, надо полагать, было частично вовлечено в передвижения печенегов, теснимых с востока враждебными торками-гузами и ставших активно вторгаться в пределы Византийской империи, а большей частью ушло в безопасные лесные районы Приднестровья и Восточного Прикарпатья.

Подводя итоги изложенному, можно сделать заключение о единстве динамично развивавшейся культуры северо-восточной провинции Болгарии, ее открытости и оригинальности. Район Нижнего Придунавья во всех отношениях являлся составной и органической частью I Болгарского царства. Район Приднестровья — это периферийно-пограничная территория, лишь кратковременно находившаяся в сфере непосредственного влияния Болгарии и в ее составе. Вполне определенно можно констатировать: главным и даже решающим условием, обеспечившим феномен оседло-земледельческой цивилизации в регионе в IX—X вв., было государственное регламентирующее начало. Именно сильное централизованное государство обеспечивало неуклонный рост численности населения всей страны, его безопасность, экономический и духовный прогресс.

1 Чичуров И С Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора М , 1980 С 61, 62, 162.
2. Чеботаренко Г Ф , Субботин Л В Исследования Траяновых валов в Днестровско-Дунайском междуречье // Древности Юго-Запада СССР Кишинев, 1991. С. 127—142.
3 Рафалович И.А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972
4 Русанова И П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С 188—195; Седов В В Восточные славяне в VI—XIII вв. М , 1982. С. 10—14; Он же Славяне в раннем средневековье. М , 1995.
5 Козлов В И Фортификация в социально-политическом пространстве Первого Болгарского царства // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 80—84.
6 Крюков В.Г Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-аджаиб») о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР Материалы и исследования 1981. М , 1983 С. 123—132
7 Седов В В Восточные славяне С. 123—132.
8 Федоров Г.Б , Полевой Л.Л. Археология Румынии. М , 1973. С. 300—302; Comşa M Slavii pe teritoriul RPR în secolele VI—IX în lumina cercetarilor arheologice // SCIV. 1959. T X, № 1. P. 65—80.
9. ПСРЛ Т. I. М., 1962 С. 13.
10. Чеботаренко Г.Ф Калфа — городище VIII—X вв на Днестре Кишинев, 1973; Федоров Г.Б , Чеботаренко Г Ф Памятники древних славян VI—XIII вв. // Археологическая карта Молдавии Вып 6 Кишинев, 1974. С. 40—52; Смиленко А.Т., Козлов В.И Славянское поселение конца I тысячелетия н э. у с.Шабо на Днестровском лимане // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 119—136.
11 Плетнева С А Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 51—149.
12. Вьжарова Ж Н Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края

на VI—XI век. София. 1965; Teodorescu V. Despre cultura Ipoteşti-Cindeşti în lumina cercetărilor arheologice din nord-ostul Munteniei // SCIV. 1964. T. 15, № 4. P. 455—503; Toropu O. Romanitatea tîrsie şi străromânii în Dacia Traiană Sud-Carpatică (sec. III—XI). Craiova, 1976.
13. Постикэ Г.И. Глиняная посуда Центральной Молдавии конца I — начала II тысячелетия н.э. как исторический источник. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988; Диакону П. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР // Dacia. T. VIII. 1964. P. 249—263; Козлов В.И. Проблема верхней датировки поселений северо-восточной провинции Первого Болгарского царства и данные нумизматики // Древнее Причерноморье. Одесса, 1996. С. 55—56.
14. Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI вв. н.э. (Балкано-дунайская культура). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 12—17; Он же. Об архетипе организации обитаемого пространства населением северо-восточной провинции Первого Болгарского царства (в печати).
15. Чеботаренко Г.Ф., Субботин Л.В. Исследования... С. 127.
16. Там же. С. 125.
17. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА. № 92. М., 1960; Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI—X вв. н.э. М., 1990. С. 95—108.
18. История на България. Т. 2: Първата българска държава. София. 1981. С. 153.
19. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 157.
20. Козлов В.И. Население... С. 14—15; Он же Об архетипе... (В печати).
21. Козлов В.И. Население... С. 18—21.
22. Чеботаренко Г.Ф. Калфа... С. 14—17; Смиленко А.Т., Козлов В.И. Славянское поселение... С. 123, 131.
23. Козлов В.И. Древние румыны и молдоване в контексте взаимодействий раннесредневековых культур Карпато-Дунайского региона // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб., 1994. С. 82—86.
24. Козлов В.И. Население... С. 21; Он же. Гончарная керамика поселений балкано-дунайской культуры VIII—X вв. в приморской части Днестровско-Дунайского междуречья // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988. С. 49.
25. Ангелов Д., Кашев С., Чолпанов Б. Българска военна история. От античността до втората четвърт на X в. София. 1993. С. 255—262.
26. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 157.

Л.Я.Костючук

АРХАИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОШЛОГО
(на материале псковских говоров)

Об уникальных особенностях псковских говоров, прежде всего в области фонетики, говорили многие исследователи (Н.М.Каринский, А.А.Шахматов, А.И.Соболевский, В.И.Чернышев, А.М.Селищев, Р.И.Аванесов, В.Г.Орлова и др.). Нельзя не заметить сохранение заднеязычных на месте общерусских свистящих (например, *кеп* на месте второй палатализации заднеязычных, ср. общерусское *цеп*; *польга* на месте третьей палатализации заднеязычных, ср. общерусское *польза*); наличие сочетания согласных [гл], [кл] вместо общеславянских *dl, *tl (например, *привегли* вместо общерусского *привели*; деревня *Еглино* — ср. общерусское *ель*; *учкли* вместо общерусского *учли*, ср. *учитывать*). Отмечают типичное перемещение ударения к началу слова (например, *пере́ходы* 'мостки' вместо общерусского *перехо́ды*; *ру́чей* вместо общерусского *ручей́*; характерные псковские топонимы *За́псковье*, *За́величье*, ср. общерусские *Замоскворе́чье*, *Завóлжье*). Необычны псковские слова *мяхо* (ср. *мясо*), *подпояхываться* (ср. *подпоясываться*). В этих случаях звук [х] на месте звука [с]. В следующих случаях звук [х] на месте звука [ш]: *мехать* (ср. *мешать*), *вехать* (ср. *вешать*). На первый взгляд загадочными выглядят случаи звучания в однокоренных словах: *тепе́ц* вместо *кепе́ц* или *цепе́ц*; *примекать* наряду с *приметить*, *наметить*, *намётка*.

Уникальными представлялись псковские говоры и в лексическом плане такому филологу, как Б.А.Ларин. В предисловии к первому выпуску «Псковского областного словаря» он писал: «Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также белорусами» [1].

По инициативе Б.А.Ларина, по его методике создается Псковский областной словарь с историческими данными [2]. Это региональный словарь нового типа: во-первых, словарь содержит исторический материал из памятников псковской письменности по источникам XIII—XVIII вв.; во-вторых, это словарь полного типа, включающий по возможности всю отмеченную в говорах лексику (и общерусскую, и местную). Это дает возможность не только увидеть синхронное состояние псковских говоров, сопоставить с литературным языком, но и обнару-

жить историческую перспективу в жизни слова, выяснить, что и как сохраняется или меняется в его структуре или семантике. При этом путем сопоставления с данными общерусских исторических словарей можно выяснить и местные, псковские особенности в прошлом. Богатейшая картотека Псковского областного словаря, хранящаяся в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б.А.Ларина при Санкт-Петербургском университете и в словарном кабинете на кафедре русского языка Псковского пединститута, позволяет представить в словаре и вариантный материал, в частности отражающий существенные отличия псковских говоров и от других народных говоров, и от литературного языка. Сбор лексики для Псковского областного словаря, создание картотеки Псковского областного словаря, особенно систематично с 50-х годов XX в., создали условия для интенсивного изучения псковских говоров. Картотека словаря полного типа фиксирует, сохраняет редкие факты, которые буквально «на вес золота», так как на основе их интерпретации приходится делать важнейшие теоретические выводы, иногда весьма решительные и определяющие представления о судьбах языка и его носителей.

Все это создало базу для систематического и углубленного изучения псковских говоров. Исследования затрагивают все уровни языковой системы — от фонетики до синтаксиса [3]. Особое внимание уделяется взаимоотношениям псковских говоров с их соседями — другими народными говорами (не только новгородскими, но и северными, островными в Прибалтике, переселенческими вплоть до Сибири) и с другими языками (эстонским, литовским, латышским, белорусским, западнославянскими). При этом учитываются достижения исследователей других наук — историков, археологов, без чего невозможно углубиться в далекое прошлое и выяснить динамику языкового явления, найти причинное объяснение языкового факта. Лексические особенности (значение слова, система его значений, связь слова с реалией, история вхождения слова в диалект и жизнь слова в диалекте, свободное или несвободное проявление слова к речи и т.д.) легче связать с внешними условиями, в которых функционирует слово (традиции, условия жизни населения, влияние литературного языка и т.д.). Очень многое для выяснения специфики псковских говоров дает изучение Разговорника Т.Фене, составленного в 1607 г. немецким купцом в Пскове [4]: можно представить историю псковского диалекта в XVII в. Сейчас стал известен Разговорник, хранящийся в Кракове, который создан, как предполагается, на Северо-Западе Руси, отражая, возможно, особенности новгородских говоров [5].

Интересен и важен учет ареальных связей лексических фактов в исследованиях А.С.Герда [6], например, в связи с работой над Лексическим атласом русских народных говоров. Труднее выяснить специфику фонетических или грамматических особенностей народной речи, в частности псковской, имеющей тысячелетние связи с другими говорами и языками

Изучая фонетические явления современных псковских говоров, отраженные, как оказалось, и в псковских памятниках письменности, С.М.Глускина сделала серьезное научное открытие (причем задолго до работ А.А.Зализняка). Так, фонетически незакономерный звук [ch] на месте звука [s] (*хвет* вместо *свет*; *мяхо* вместо *мясо*; *подпояхываться* вместо *подпоясываться*) С.М.Глускина объясняет одним из древнейших явлений псковского диалекта, когда звуки [s] и [š] смешивались в каком-то общем звуке (в современных говорах в подобных случаях не различаются свистящие и шипящие). Сложность и своеобразие явления заключается в том, что исторически звук [ch] мог появиться или из *s, или через *š. Неразличение могло быть уже до первой палатализации, когда заднеязычные согласные переходили в шипящие во всех славянских языках. Неразличение свистящих и шипящих было у окраинной части славян (у кривичей — предков псковичей) «в результате более тесных локальных контактов с балтийцами [7] и с финно-угорскими языками (в эстонском языке имеются только свистящие звуки). Все это «следы древнего балтийского (западнофинского) субстрата» [8]. Влиянием субстрата можно объяснить и случаи типа *узжнали* (вместо *узнали*), *шосны* (вместо *сосны*). Такая шепелявость поддерживается связью с соседними языками.

Сохранение заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения, т.е. отсутствие второй палатализации заднеязычных, С.М.Глускина объясняет возможностью контактов с балтийскими языками. Это проявляется прежде всего в корнях *kěp- (например, слова *кеп, кепок, кепина* — ср. общерусское слово *цеп*), *kěd- (например, в словах *кеж, кедить* — ср. общерусское слово *цедить*), *kěv- (например, в словах *кевка, кевь* — ср. общерусское слово *цевка*). Слова с указанными корнями включаются в круг древней сельскохозяйственной и ремесленной терминологии. Привлекая данные других наук (археологии, истории), учитывая мнения археологов, изучающих и сопоставляющих славянские, финно-угорские, балтийские памятники, С.М.Глускина высказывает предположение, что предки псковичей (кривичи) появились у р.Великая и у Псковского озера до того, как у всех славян в языке произошел «один из последних процессов, носящий общеславянский характер», — вторая палатализация заднеязычных согласных [9]. Положением этих славян (предков псковичей) среди западнофинских (прибалтийско-финских) племен, «в звуковой системе которых возможны сочетания заднеязычных согласных с передними гласными» [10], не создавало условий для контактов с другими славянами, поэтому в важных для наименования сельскохозяйственных явлений словах (*кеп, кеж, кевка* и под.) продолжал сохраняться заднеязычный согласный (ср. о судьбе кривичского населения в одной из последних работ В.В.Седова [11]). В дальнейшем контакты с неславянскими языками поддержали эту исконную особенность в псковских говорах.

Такое решение при объяснении явлений типа *кеп* (вместо *цеп*) ак-

тивно было поддержано А.А.Зализняком, который независимо от С.М.Глускиной пришел к подобному заключению, изучая новгородские берестяные грамоты [12]. О праславянском диалектном членении с самыми яркими проявлениями в речи кривичей (и отсутствие второй и третьей палатализации заднеязычных согласных) посвящены и работы С.Л.Николаева [13].

Восточнобалтийские языки повлияли и на историю сочетаний согласных [гл], [кл] в псковских говорах в соответствии с общеславянскими сочеганиями *dl, *tl [14]. Судьба праславянских сочетаний *dl, *tl одинакова в кривичском (древнепсковском) диалекте и в западнославянских языках: они своеобразно сохранились. В псковских письменных памятниках встречаются случаи *привегли* (т.е. *привели*); *усѣгли* (т.е. *въсѣдли*, *воссели*), *суспѣкли* (т.е. *встретили*). В Разговорнике Т.Фенне встречаются подобные слова: *поблюгл* (т.е. *поблюл*; с корнем *блюд-*); *розвегл* (т.е. *развел*; с корнем *вед-*); *учкле* (т.е. *учел*; с корнем *чт-/чит*, ср. *учтет*, *учитывать*). В современных псковских говорах отмечены слова *жагло* с вариантом *жигло* (вместо *жало*; ср. диалектное слово *жигать* в значении '*жалить*'); *жерегло* в значении '*пойма*' (исторически родственно слову *жерло*; слово *жерегло* происходит из общеславянского **zertlo*).

Общеславянские сочетания *dl, *tl в истории языка упрощались в восточнославянских языках (с потерей *d или *t, отсюда современные слова привел, жерло, сел и под.; современное седло явилось более поздним образованием в письменное время). В западнославянских же языках сочетания *dl, *tl сохранялись (ср. польское *usiadł* в значении '*сел; уселся*'; *mydło* в значении '*мыло*'). В балтийских языках были сочетания gl, kl, которые повлияли на древнепсковский диалект: сохранившееся общеславянское сочетание согласных под влиянием балтийских языков стало произноситься как [гл], [кл] (отсюда псковское *егла* вместо общерусского *ель* с древним корнем **jedl-*).

В последнее время появились работы норвежского исследователя Я.И.Бьёрнфлатена [15]. Автор такое явление, как сохранение заднеязычных согласных в корне *кеп-* (в слове *кепец*), пытается объяснить более поздними фонетическими изменениями [т'] в [к'], обнаруживая три зоны произношения корня — *кепец* на севере и частично в средней части Псковской обл.; *цепец* южнее; *тепец* между этими зонами. Нам более убедительными представляются рассуждения и доказательства С.М.Глускиной, собравшей в свое время полный материал о своеобразии слов с корнями типа *кеп-*. У С.М.Глускиной отмечены ареалы каждого из рассматриваемых ею явлений; не учитывать это невозможно. Современные экспедиции подтверждают выводы С.М.Глускиной о рассматриваемых явлениях (подробнее о критике утверждений Я.И.Бьёрнфлатена см. в нашей статье, сданной в печать в сборник университета в Осло).

Остановимся только на соотношении [т'] и [к'] в корне *кеп-*. Я.И.Бьёрнфлатен объясняет это распадением [ц] на взрывной зубной

[?! — Л К], т.е. появлением [т'], переходящим затем в [к']. Более удачным и убедительным представляется другое объяснение указанного явления. В свое время С.М.Глускина, вслед за В.Н.Чекманом, признала, что в древнепсковском диалекте наблюдалось различие согласных не только по твердости/мягкости (с одной стороны, переднеязычные, заднеязычные твердые, а с другой —шипящие мягкие), но и по месту образования (переднеязычные/заднеязычные: переднеязычные [д], [т], с одной стороны, и заднеязычные [г], [к] — с другой). Такая оппозиция сохранилась, по наблюдениям С.М.Глускиной, и в современных псковских говорах [16]. Такая оппозиция поддерживалась несколькими линиями оппозиции и чередований: шипящие из переднеязычных в одном корне (*рожу — родить*); шипящие из заднеязычных в одном корне (*дружить — друг*). Раз результат исторических изменений общий (шипящие), в оппозицию начинают вступать и источники шипящих (переднеязычные/заднеязычные согласные, например [д] и [г]). Это системное, фонологическое явление на фоне морфонологии, словообразования (ср. в современных псковских говорах: *рогать* и *рожать*, ср. *родить*; *богать* и *бодать*).

Справедливым представляется мнение А.А.Зализняка, что «невосточнославянские» черты в древненовгородском «койне» появились из древнепсковских говоров, «распространенных на обширной территории кривичских племенных говоров» [17]. Яркие специфические черты позволяли выявить изоглоссы. Обнаружить древние изоглоссы стало возможным при изучении современных говоров с учетом архаизмов древнейшего периода. Подобное можно проследить и на материале лексики [18].

Содружество лингвистов и археологов показало совпадение ареала кривичей. При этом важно учитывать данные берестяных грамот (новгородских и псковских).

Уникальные свойства псковских говоров продолжают быть предметом осмысления в связи с объяснением причин их появления. Используются разные доказательства, новые факты. Но нельзя предавать забвению сделанное другими. Приходится выбирать более убедительное и доказательное в наблюдениях и обобщениях, выводах.

1 Псковский областной словарь с историческими данными Вып 1 Л , 1967 С. 3.
2 Псковский областной словарь с историческими данными Вып 1—11. Л.(СПб.), 1967—1995.
3 Псковские говоры. I Псков, 1962, Псковские говоры II Псков, 1968, Псковские говоры III Псков, 1973; Псковские говоры Л , 1979; Псковские говоры в их прошлом и настоящем Л , 1988; Псковские говоры и их окружение Псков, 1991; Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект) Псков, 1995
4 T.Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol II Copenhagen, 1970.
5 «Einn Russisch Buch» by Thomas Schroue: the 16 th-century Russian-German dictionary and phrase-book P I. Kraków, 1992.
6 Герд А С Некоторые диалектные границы и зоны по данным исследований лексики русского языка // Лексический атлас русских народных говоров (проект). СПб., 1994.

7. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 41.
8. Там же. С. 40.
9. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 33.
10. Там же. С. 35.
11. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
12. Зализняк А.А. Отсутствие второй палатализации // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986; Он же. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города. М., 1989; Он же. Древненовгородский диалект. М., 1995.
13. Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. М., 1994. № 3.
14. Глускина С.М. Разговорник Т.Фенне как источник изучения языка и истории средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1984; Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты...
15. Бьёрнфлатен Я.И. Псковские говоры в общеславянском контексте // Бьёрнфлатен Я.И., Нессет Т., Эгеберг Э. Норвежские доклады на XI-ом съезде славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Oslo, 1993.
16. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над псковскими говорами (смягченные и несмягченные согласные в исторических чередованиях) // Псковские говоры. Л., 1979.
17. Николаев С.Л. Раннее диалектное членение... С. 25.
18. Денисенко Ю.Ф. Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья (на материале местной лексики Псковских летописей — наименований понятий времени и рельефа). СПб., 1994.

Павел Коуржил

СЛАВЯНСКОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЧЕШСКОЙ СИЛЕЗИИ И СЕВЕРНОЙ МОРАВИИ

1. Территориальное определение

Исследование касается территории Чешской Силезии, то есть части Верхней Силезии (в то время разделенной между чешским и польским государствами). С исторической точки зрения она представляет собой остатки четырех территориальных единиц — Опавского и Тешинского княжеств и небольшие остатки княжеств Ниса и Ратиборж. Заселение этой области концентрировалось в плодородных зонах лессовых покровов, которые простирались вдоль р.Опава от г.Крнов через г.Опава и далее в направлении к р.Одра.

Что касается Северной Моравии, то наше внимание сосредоточено прежде всего на области верховьев р.Морава и пространства Моравских ворот — основного соединения Европейского Юга и Севера. В рассматриваемую область не включены значительные агломерации городов Оломоуц и Пржеров, развитие которых протекало по-иному. С территориальной точки зрения представляется очевидным их связь с южными долинами р.Морава. Нельзя тоже обойти факт, что большая часть археологического материала из этих регионов до сих пор ждет своей оценки.

2. Хронологическое ограничение

С хронологической точки зрения работа касается памятников славянского происхождения, которые определяются с одной стороны VI—VII вв., а с другой ограничены поздним периодом городищенской эпохи (первой половиной XIII в.). Следовательно, исследуется период от начала славянского заселения до этапа основных структурных изменений наступающей предельной фазы средневековья.

3. Славянское заселение Чешской Силезии

3.1. Городища

Как и в других областях, важную часть поселений составляют прежде всего городища, среди которых можно выделить пять, в том числе три несколько проблематичны. Самым старшим является городище Вино, спрятанное на лесистой, гористой площади в невыразительном положении. Его возникновение, по всей вероятности, можно связать со второй половиной VII в., в течение VIII в. оно уже несомненно существовало. Предполагаем, что городище служило преимущественно убежищем. В течение VIII в., вероятно, функционировало и городище Ланлек, а также мысовая часть в Градеце над Моравицей, где имеются сле-

ды присутствия славян начиная с первой половины этого столетия. Однако были ли эти поселения укреплены в это время, еще совсем неясно. Эти три поселения по всем до сих пор существующим свидетельствам представляют собой самый ранний горизонт славянского заселения данной территории.

Одной из характернейших черт этих центров является возвышенное положение и сравнительно небольшие размеры. За исключением городища Вино, жизнь на котором завершается в течение IX в., остальные поселения функционировали до X и XI вв. Что касается внутреннего строения городищ, отсутствие археологических материалов лишает нас возможности определенного обсуждения. На городище Вино валы представляли собой конструкции в решетку с передней ширмой из камня у третьей насыпи. Система валов здесь неоднократно повторялась, но валы были сравнительно небольшими (за исключением громадного, но однократного вала на городище Ландек, который был сооружен за рвом). Городища Градец и Ландек находились в ответственных и оживленных местах и использовались населением для своей защиты. Первое из них располагалось на известной, так называемой «польской дороге», с которой начинался путь в силезские равнины, второе было устроено недалеко от въезда в Моравские ворота, при слиянии рек Одра и Остравица; здесь проходила одна из ветвей коммуникации через Моравию в северном направлении. Об исключительно важном положении этого городища свидетельствуют не только сравнительно длительное его заселение, но и возникновение здесь позднее средневекового града.

Городище Хотебуз-Подобора у г. Чески Тешин, состоящее из трех частей, возникло приблизительно в середине VIII в. Оно находится на правом берегу Одры, в северном направлении от Моравских ворот. Его валы, лишенные внутренних конструкций, защищали единую площадь в 0,8 га. Это городище — единственное археологическое местонахождение, исследование которого осуществляется систематически и в течение длительного времени. Проживание здесь славянского населения фиксируется от середины VIII до XI в. Выделяется два этапа. Старший, по всей вероятности, завершается в конце IX или на рубеже IX и X вв. Это, скорее всего связано с крушением государства Великой Моравии, которое простиралось на этой территории начиная с рубежа 70—80-х гг. IX в. Младший этап, менее значительный, продолжался от второй половины X до середины XI в., когда жизнь на городище постепенно затухает в связи с основанием и развитием поблизости града в Польском Чешине — центра градского района (кастелянии) Пястов.

Второй период городищенской жизни в исследуемом регионе характеризуют поселения, основание которых связано с X, в основном с XI в. К ним принадлежат единственное низменное укрепление Опава-Килешовице и, по всей вероятности, так называемый Костелный холм в Опаве Яктарж; а также град Цвилин у д.Увално. Только в отношении городища Килешовице можно описать конструкцию стен укрепления:

они очень мощные, что (как и конструкция) свидетельствует о позднем времени возникновения городища и о влиянии со стороны северных регионов. Все эти городища занимают небольшую площадь (менее 0,5 га), одночастны, все локализуются на правом берегу р.Опава. Интересно, что находятся они на небольшом расстоянии друг от друга. В это же время возникли новые укрепления в городе Градец над Моравицей, несколько позднее строятся укрепления в д.Голасовице; как предполагается, это центр кастелянии Пястов.

Полагаем, что возникновение этой системы городищ, сосредоточенных на сравнительно небольшой площади, связано с беспокойным пограничьем между чешским и польским государствами. Граница проходила, по всей вероятности, где-то между поселениями Градец и Голасовице.

Сложнейшим является вопрос, когда и в чьих интересах она возникла. В литературе имеются и другие объяснения, но мы полагаем, что эта линия возникла в 40—50-х гг. XI в. как следствие известного похода чешского князя Бржетислава в Польшу в 1039 г. После мирного договора, подписанного в 1054 г. в г.Кведлинбург, в чешских руках остался, вероятно, только Градец. Остальная территория, скорее всего, попала под польское управление, которое позаботилось о построении вышеописанных городищ как противовеса Градцу и стремлению чешской стороны в приобретении так называемой голенжицкой провинции. Эти стремления осуществились только в течение 1155—1195-х гг.

Что касается городища Голасовице, то представляется весьма правдоподобным связывать его с грамотой папы Гадриана IV 1155 г.; но все-таки надо сказать, что археологические свидетельства эту гипотезу не подтверждают. Материалы кастелянских градов, возникших большей частью в конце X или в начале XI в., показывают их выразительную военную, экономическую, обменную и торговую роль. Эти показатели на городище Голасовице отсутствуют. Более естественным центром кастелянии можно считать городище Килешовице. Позднее, после его уничтожения или перехода под контроль Чешского государства, новым центром становится городище Голасовице.

3.2. Деревенское заселение

Основным видом поселений были открытые поселки. Но количество их было небольшое (всего 25 местонахождений). Селища концентрировались прежде всего в урожайных лессовых областях, находясь всегда в непосредственной близости от рек, на небольшом расстоянии от их берегов. Поселки были основаны на высоте от 250 до 300 м над уровнем моря.

Является показательным, что объем заселения во время позднего периода городищенской эпохи в большинстве случаев совпадает с заселением в предыдущем, среднем периоде — он тоже не является слишком обширным. Сравнительно низкий уровень заселения отвечает редкой

плотности населения более широкого региона (прежде всего примыкающей польской территории). Это подтверждает тезис о сравнительном регрессе заселения этой области соприкосновений между возникающими чешским и польским государствами.

Почти из всех местонахождений удалось получить только керамические остатки. Нет никаких находок, при помощи которых можно точнее определить дату селищ. При современном уровне знаний невозможно сказать что-то конкретное о славянском поселке рассматриваемого времени.

3.3. Кладбища

Описание заселения необходимо дополнить характеристикой кладбищ. До сих пор мы знаем четыре могильника. Два из них — Градец и Голасовице — являются, по всей вероятности, грунтовыми с обрядом трупоположения. В Гневошицах и Стеборжицах найдены могильники с курганами. Датировка кладбища Градец остается неопределенной. Функция кладбища в Голасовицах, вероятно, связана с XII (точнее его второй половиной) и XIII вв.

Могильник в д.Стеборжице представляет собой уникум. Он обнаруживает выразительное сходство с материальной культурой собственной территории Моравии. На основе этого можно высказать предположение, что здесь от второй половины IX до начала X в. хоронили умерших представители дворянства, испытавшего влияние Моравии, или непосредственно члены моравского гарнизона со своими семьями.

Могильник в Гневошицах первоначально функционировал в конце среднего периода эпохи бронзы. Славяне им пользовались вторично. До сих пор обнаружено только одно трупоположение. Но в покрове курганных насыпей удалось в отдельных горизонтах заметить мелкие чечевицеобразные ямочки, заполненные пеплом. В некоторых случаях в них находились славянские черепки. Эти ямочки, по всей вероятности, можно считать следами славянских заупокойных обрядов (зажигание огней на могилах) — они не являются самими погребениями.

4. Оценка

Материалы, которые удалось собрать и приобрести во время раскопок, представляют значительную источниковую базу; его оценка открывает возможности сравнения с центральными областями Моравии и тоже с более северными регионами. Удалось установить, что в рассматриваемой области нельзя предполагать присутствие славянского населения в начальной фазе освоения им чешских земель. В большей мере здесь славяне появляются только в течение VIII в. Анализ находок показывает, что развитие этой территории протекало своеобразно; оно связано преимущественно с северной средой, откуда, вероятно, и исходили первые и последующие потоки населения. Влияние Великой Моравии выразительнее проявляется только в материальной культуре в материалах кладбища в д.Стеборжице и городища Хотебуз-Подобора.

Река Одра разделяет исследуемую территорию на две области с несколько несходным развитием. Западная часть, видимо, подчинилась влиянию Великой Моравии (в конце третьей четверти IX в.). Восточную часть приобрел Святополк на рубеже 70—80-х гг. IX в.

Несомненную значимость имеет открытие сравнительной стагнации (или даже регресса) заселения рассматриваемой области во время позднего горизонта городищенской эпохи (X—XII вв.). В то же время подобное явление наблюдается также в Южной Моравии или на территории поблизости от возникающей польско-русской границы. В нашем случае причины надо искать в постоянных пограничных чешско-польских конфликтах. Остается неизвестным племенное происхождение населения этой области. По нашему мнению, в бассейне Опавы (и на всей территории, располагавшейся на левом берегу Одры) жили голеншици (или, может быть, племя, названное Баварским Географом лупиглаа). Более проблематичным считается заселение территории в восточном направлении от р.Одра. Там нельзя исключить присутствие племен вислан, ополан или уже упомянутого племени лупиглаа. Племя голеншицей, по всей вероятности, на правом берегу Одры не проживало.

5. Славянское заселение Северной Моравии

В бассейне верхнего течения Моравы с точки зрения поселенно-географических условий выделяются две области — в окрестностях городов Могелнице и Уничков. Они развивались в определенной связи с агломерацией г.Оломоуц. Систематическое исследование древностей славянского населения здесь развернулось только в послевоенный период (И.Неквасил, В.Гош). В округе г.Могелнице систематические раскопки осуществлены в Могелнице, Моравичаны и Палонин.

5.1. Округа г.Могелнице

Северная часть долины верховьев Моравы образует закрытую котловину. Исследование селища в г.Моравичаны свидетельствует о том, что она была заселена уже в древнем славянском периоде. Находки керамики пражского типа датируют это местонахождение второй половиной VI — первой половиной VII в. Неправильные скопления камней интерпретированы как остатки бревенчатых построек. До сих пор невозможно окончательно решить вопрос о направлениях славянской колонизации области. Не исключено, что славяне пришли с севера через Моравские ворота или перевалами Грубого Есеника. Другая возможность — приход населения с юга по р.Морава вверх, что является более естественным. Но исключить нельзя и одновременную колонизацию с обеих сторон.

В г.Могелнице небольшое поселение IX в. вскоре переросло в большой ремесленно-торговый поселок, специализировавшийся на производстве гончарных изделий. Максимальный объем знаний мы получили на основе исследования поселения Палонин. Оно существовало от второй половины IX до середины XIII в. и в его напластованиях вычленяются

три горизонта. В самом старшем из них (от второй половины IX до X в.) основу застройки составляли бревенчатые постройки, вблизи которых находились хлебные ямы и другие хозяйственные объекты. Правильно повторяющиеся скопления объектов, которые отделены друг от друга незанятыми площадками различного размера, считаются остатками усадеб. Выразительное развитие региона Могелнице можно наблюдать в позднем периоде городищенской эпохи, а именно в XI в. К этому времени принадлежит 14 поселений, большинство которых было основано около р.Морава и ее притоков; они находятся на высоте до 260 м над уровнем моря.

Городищ в рассматриваемой округе известно только два. Возвышенное, одночленное городище находится в д.Ставенице. Его внутренняя площадь составляет 1,6 га. Сохранились валы и рвы, но отсутствует культурный слой, не обнаружено никаких объектов. Датировку при помощи небольшой коллекции керамических артефактов можно определять с X до середины XIII в.

На слиянии рек Морава и Гржебувка в г.Моравичаны можно допустить существование низменного городища. Во время исследований здесь удалось заметить только ничтожные остатки распаханных валов. Открытым вопросом остается возможность наличия укрепления в д. Новы Малин.

Что касается могильников, то один из них выявлен в г.Моравичаны. Здесь открыто две могилы среднего периода городищенской эпохи, датированные до IX в. Материалы погребения с серьгами и мечом, обнаруженные в 1888 г., пропали. Пространный могильник, содержавший 31 погребение, открыт вблизи костела в г.Моравичаны. Находка серег большого диаметра датирует его временем до XII в. Поврежденное кладбище позднего периода городищенской эпохи известно в д.Лоштице (6 погребений). Найденные серьги небольшого диаметра определяют этот памятник рубежом I и II тыс. н.э.

5.2. Округа Уничова

Этот регион локализуется на отрогах Низкого Есеника — холмистой местностью в окрестностях г.Усов, преимущественно на юг от него. Осью его является р.Оскава. Археологически этот регион обследован значительно хуже, чем округа Могелнице. Известен только комплекс железоделательных печей второй половины IX — начала X в. (местонахождение Желеховице). К этому времени относятся еще ординарные печи, открытые в д. Долни Суколом. Деревенское заселение является невыразительным. Его характеризуют только единичные находки (Медлов, Желеховице, Кралова). В д. Нова Градчена, возможно, имеется городище.

5.3. Моравские ворота

В течение веков их использовали многие этносы для различных целей, а также торговые караваны и военные экспедиции. Обе стороны их были обеспечены системой укрепленных опорных пунктов. Мы уже

говорили о городищах Ландек и Хотебуз-Подобора, которые осуществляли контроль северного выступа. С противоположной стороны такую же роль играли городища Железные врата и Радичко (называемое также Шлосберг) и прежде всего городище Усти над Бечвоу. О двух первоначально упомянутых городищах и о возможности их использования славянским населением невозможно до сих пор сказать ничего конкретного. Городище Усти над Бечвоу представляет собой одночастное укрепление, размеры которого не достигают 2 га. Местами оно защищено тройным валом. По всей вероятности, его заселение должно быть определено IX—X вв.

Прямо на территории Моравских ворот господствующее положение занимал холм в д. Стары Йичин, на котором был основан один из самых старших градов Моравии. Учитывая находку серьги, напоминающей своей формой букву «S», нельзя исключить, что основанию града предшествовало славянское городище, роль которого заключалась в контроле коммуникаций, направлявшихся на север, к городам Тешин, Краков и в Малопольшу. В Северо-Восточной Моравии нам до сих пор не известны никакие следы славянского заселения.

Литература

Červinka I L. Slované na Moravě a říše velkomoravská Brno, 1928.

Goš V Slovanské sídliště v Moravičanech // AR. XVIII. 1966. S. 588—591.

Goš V Die Entwicklung der Jungburgwallzeitlichen Besiedlung in der Gegend von Mohelnice (Müglitz) // Časopis Moravského muzea LV 1970 S 37—46

Goš V Slovanské hradiště u Stavenic na severní Moravě // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university E 16 1971 S 225—228

Goš V Slovanska osada v Mohelnici // AR XXV. 1973. S. 371—380.

Goš V Osada hrnčířů v Mohelnici // AR XXVII. 1978. S. 338—341.

Goš V Sídliště objekty slovanské osady v Mohelnici // Časopis Slezského muzea. Série B. № 33 1984 S 221—252.

Goš V Slovanské osídlení severní Moravy // Sborník Rodná země. Brno, 1988 S 181—190

Goš V Kapl V Slovanska osada u Palonina, okr. Šumperk // AR. XXXVIII 1986. S. 176—204

Kouřil P Slovanské osídlení českého Slezska Brno, Český Těšin, 1994.

Nekvasil J K otázkám kolem hradiska u Nové Hradečné, okr. Olomouc // AR. XXX 1978 S. 487—495

Novotný B Staroslovanské výšinné hradisko Mařín u Křenova // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university. E 16. 1971 S 217—223

А.К.Краўцэвіч

БАЛТА-СЛАВЯНСКІЯ КАНТАКТЫ НА ПАНЯМОННІ І ЎТВАРЭННЕ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА*

Балта-славянскае міжэтнічнае ўзаемадзеянне — то буйны, разлеглы ў часе і прасторы гістарычны працэс. Ён працягваўся каля паўтары тысячы гадоў і ахапіў тэрыторыю сучаснай Беларусі, а таксама прылеглыя раёны Расіі, Латвіі, Літвы і Польшчы. Актыўным чыннікам у гэтым узаемадзеянні былі славяне. Яны пранікалі на землі, занятыя балтамі, асімілёўвалі іх і пры гэтым самыя падвяргаліся моцным балцкім уплывам. Важнейшым вынікам названага ўзаемадзеяння сучасная навука лічыць утварэнне беларускага этнаса шляхам узаеманакладання балцкага і славянскага субстратаў.

Басейн Нёмана стаў адным з участкаў працэсу, дзе ўзаемадзеянне праходзіла з пэўнымі асаблівасцямі: 1) храналагічная адметнасць. На Панямонні адбываўся апошні і самы працяглы этап працэсу — канец X — пачатк XX ст.; 2) несумненная, на нашу думку, сувязь паміж працэсам балцка-славянскіх кантактаў і ўзнікненнем на Панямонні ў другой палове XIII ст. поліэтнічнай дзяржавы — Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (афіцыйная назва з XV ст.).

У навуковай літаратуры не заўважана спробы супаставіць гэтыя два працэсы і прасачыць іх узаемасувязь. Гістарыяграфія кожнага з іх фармавалася паасобку. Праблему кантактаў даследавалі галоўным чынам археолагі і лінгвісты, генезіс Вялікага Княства Літоўскага вывучалі гісторыкі. Апошнія часам спрабавалі аналізаваць культурна-этнічную сітуацыю ў рагіёне на час утварэння дзяржавы [1], але ніколі не разглядалі працэс міжэтнічнага ўзаемадзеяння ў яго цэласнасці.

Адпаведна распаўсюджанай у гістарыяграфіі версіі, утварэнне Вялікага Княства Літоўскага адбылося праз эвалюцыю племяннога ладу старажытных літоўцаў. Напачатку ўтварылася раннефеадальная літоўская дзяржава на тэрыторыі, адпавядаючай у агульных абрысах басейну ракі Віліі па яе сярэдняму цячэнню, дзе з IV да XIII ст. існавала культура ўсходнелітоўскіх курганаў [2]. Гэтая тэрыторыя атаясамляецца са старажытнай Літвой. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага праходзіла ў цеснай сувязі з захопам літоўцамі суседніх усходнеславянскіх земляў. У выніку гэтых захопаў літоўская дзяржава пераўтварылася ў канцы XIV ст. у літоўска-беларуска-украінскую (балта-усходнеславянскую), дзе палітычна дамінавалі балты, а культурна — усходнія славяне, якія складалі пераважную (да 80—85%) большасць насельніцтва дзяржавы [3].

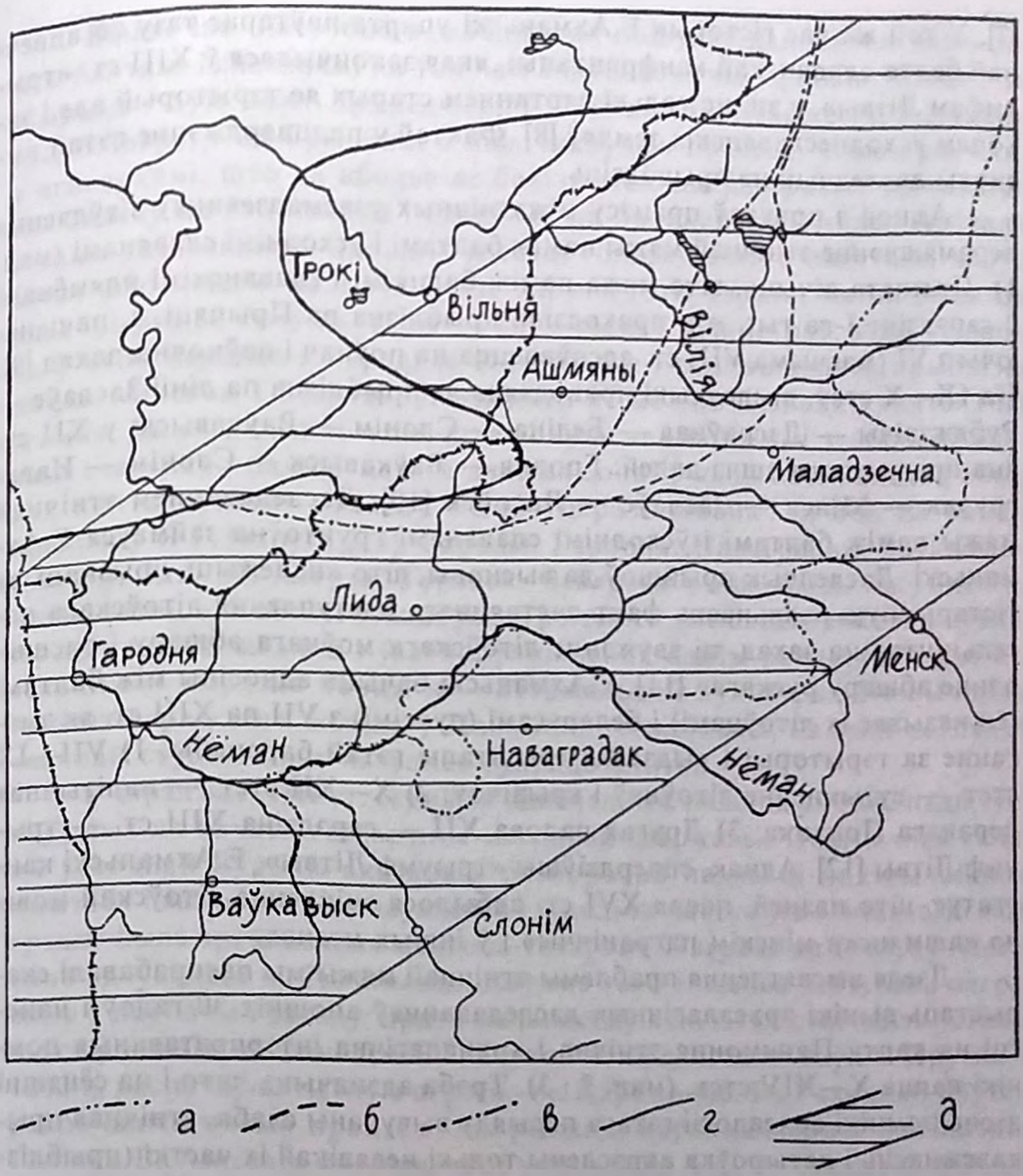
---

* Артыкул падрыхтаваны пры дапамозе фонда Яна і Енджэя Снядэцкіх у Кракаве

Альтэрнатыўную версію генезісу Вялікага Княства Літоўскага прапанаваў беларускі даследчык М.Ермаловіч. Паводле М.Ермаловіча беларус горад Навагрудак запрасіў на свой стол літоўскага князя перабежчыка — Міндоўга. Той, атрымаўшы ад навагрудчан грошы і войска, заваяваў Літву (вастраў балцкага насельніцтва ў беларускім абшары), падпарадкаваўшы яе сабе, гэта значыць, Навагрудку. Вялікае Княства Літоўскае з самых пачаткаў было беларускай дзяржавай [4].

Зыходным пунктам нашага даследавання з'яўляецца тэза аб узаемасувязі генезіса Вялікана Княства Літоўскага з працэсам балта-славянскіх кантактаў на Панямонні. Супадзенне, хоць і няпоўнае, ў часе і прасторы двух працэсаў, звязаных з арганізацыяй жыццядзейнасці буйных чалавечых супольнасцяў, пераканаўча сведчыць аб іх узаемасувязі. Сярод даследчыкаў відаць выразны падзел на два лагеры ў ацэнцы характару балта-славянскіх кантактаў. Адныя (галоўным чынам археолагі і лінгвісты) звяртаюць увагу на іх пераважна мірны характер, другія (большасцю гісторыкі) разглядае адносіны між двумя этнасамі як пастаянную канфрантацыю. Ад пункту гледжання на характар (мірны або варожы) балта-славянскіх кантактаў залежыць прынцыповая ацэнка генезісу Вялікага Княства Літоўскага ці гэта дзяржава — вынік мірнага супрацоўніцтва, ці ваеннай перамогі аднаго этнаса над другім).

Бліжэйшы аналіз паказвае, што погляд аб канфрантацыйным характары балта-славянскіх адносінаў сфармаваўся пад моцным уплывам традыцыйнай схемы генезісу Вялікага Княства Літоўскага, аб якой мы казалі вышэй. Тэза аб пабудове гэтага Княства праз узброены захоп літоўцамі суседніх беларускіх земляў аўтаматычна пераносілася на ацэнку агульнага характеру балта-славянскіх кантактаў у рэгіёне. Між тым меркаванне аб варожасці ў балта-славянскіх узаемаадносінах на Панямонні ў XII—XX стст. не знаходзіць падцвярджэння ні ў пісьмовых крыніцах, ні ў археалагічных і лінгвістычных матэрыялах. У аснове «канфрантацыйнага» погляду на балта-славянскія адносіны ляжыць факт актывізацыі ваенна-рабаўнічай дзейнасці летапісных літоўцаў, пачынаючы з другой паловы XII ст. Атрады рабаўнікоў-літоўцаў нападаюць на далёкіх і блізкіх суседзяў, у тым ліку і на ўсходнеславянскія землі. З гэтай рэальнай гістарычнай з'явы робіцца выснова, што мілітарна-рабаўнічая дзейнасць літоўцаў пераходзіць з XIII ст. у тэрытарыяльна-захопніцкую. У першую чаргу літоўцы захопліваюць і уключаюць у сваю дзяржаву землі Чорнай і Белай Русі [5]. Між тым ні ў адной пісьмовай крыніцы мы не знойдзем сведчання аб нападзе летапісных літоўцаў на Навагрудак, Гродна, Ваўкавыск, Слонім, Пінск, Полацк і другія суседнія з Літвой усходнеславянскія землі. Тыя ж самыя крыніцы зафіксавалі дзесяткі нападаў на землі галіцка-валынскія, ноўгародскія, пскоўскія, землі ліваў, семігалаў, эстаў і інш. Красамоўнае маўчанне летапісаў і хронік дапаўняецца археалагічнымі і лінгвістычнымі данымі аб мірным супрацоўніцтве усходніх славянаў і балтаў не толькі ў Панямонні, але і Падзвінні і Падняпроўі [6]. Цікава, што гісторыкі — адэп-



Мал. 1.

а — літоўска-крывіцкая мяжа на VII—VIII стст. (паводле Е.Ахманьскага); б — археалагічная мяжа паміж балтамі і славянамі на IX—X стст. (паводле У.Галубовіча); в — гістарычная мяжа паміж Літвой і Руссю ў XIII—XIV стст. (паводле Г.Лаўмяньскага); г — распаўсюджанне беларускай мовы на 1903 г. (паводле Я.Карскага); д — кантактная зона (паводле аўтара)

ты канфрантацыйнай версіі упарта ігнаруюць высновы археолагаў і лінгвістаў. Напрыклад, археолаг Я.Г.Звяруга, які некалькі дзесяткаў гадоў даследуе Панямонне, прыйшоў да высновы, што міралюбівы характар міжэтнічных кантактаў быў «найбольш істотнай рысай гэтых узаемаадносінаў». Даследчык бачыць доказ гэтаму ў захаванні балцкага гідранімічнага слою і паўсюдным распаўсюджванні славяна-балцкіх шлюбаў

[7]. У той жа час гісторык Е.Ахманьскі упарта паўтарае тэзу аб адвечнай балта-славянскай канфрантацыі, якая закончылася ў XIII ст. «трыумфам Літвы», г.зн. не толькі вяртаннем старых яе тэрыторый але і захопам усходнеславянскіх земляў [8]. Фактаў у падцвярджэнне гэтай высновы даследчык не прыводзіць.

Адной з праяваў працэсу міжэтнічных узаемадзеянняў з'яўляецца перамяшчэнне этнічнай мяжы паміж балтамі і усходнімі славянамі (мал. 1). Прынята лічыць, што мяжа паміж балцкімі і славянскімі плямёнамі ў сярэдзіне I-га тыс. н.э. праходзіла прыблізна па Прыпяці, а, пачынаючы з VI (магчыма VII) ст. адсоўваецца на поўнач і паўночны захад [9]. На IX—X стст. даследчыкі праводзяць яе прыблізна па лініі Заслаўе — Рубяжэвічы — Дзераўная — Беліца — Слонім — Ваўкавыск; у XII ст. яна прасунулася яшчэ далей: Гродна — Ваўкавыск — Слонім — Навагрудак — Мінск — Заслаўе — Лагойск [10]. Даследаваннем этнічнай мяжы паміж балтамі і ўсходнімі славянамі грунтоўна займаўся Е.Ахманьскі. Даследчык прыйшоў да высновы, што «належыць прызнаць за гістарычную рэальнасць факт пастаяннага адступлення літоўскага насельніцтва на захад, ці звужэнне літоўскага моўнага абшару і расшырэнне абшару рускага» [11]. Е.Ахманьскі бачыць адносіны між балтамі (ён называе іх літоўцамі) і беларусамі (рускімі) з VII па XIII ст. як змаганне за тэрыторыі і выдзяляе тры этапы гэтай барацьбы: 1) VII—IX стст. — сутыкненне літоўцаў і крывічоў; 2) X—XII стст. — палітычная перавага Полацка; 3) Другая палова XII — сярэдзіна XIII ст. — трыумф Літвы [12]. Аднак, сцвердзіўшы «трыумф Літвы», Е.Ахманьскі канстатуе, што пазней, пасля XVI ст. адбылося знікненне літоўскай мовы на «ашмянска-мінскім паграніччы» і ў іншых месцах.

Дзеля высвятлення праблемы этнічнай мяжы мы паспрабавалі скарыстаць вынікі археалагічных даследаванняў апошніх 30 гадоў і нанесці на карту Панямоння этнічна і храналагічна інтэрпрэтаваныя помнікі канца X—XIV стст. (мал. 2 і 3). Трэба адзначыць, што і на сёняшні дзень помнікі археалогіі гэтага перыяду вывучаны слаба, этнічная прыналежнасць і датыроўка акрэслены толькі невялікай іх часткі (прыблізна 2—30%). Аднак для абагульненняў гэтага дастаткова. На картце — мал. 2 — добра ілюструецца выснова аб актыўным пранікненні на Панямонне усходніх славянаў, пачынаючы з канца X ст. На карце відаць, што славянскія і балцкія паселішчы і пахаванні размешчаны больш-менш кампактнымі «плямамі» і ўперамешку. На поўначы бліжэй да балцкага масіву больш балцкіх «плямаў», на поўдні — славянскіх. Усе панямонскія гарады усходнеславянскія. Асобны від археалагічных помнікаў — каменныя магілы. Адныя даследчыкі лічаць іх чыста балцкімі — яцвяжскімі [13], другія — «помнікамі старажытна-рускага насельніцтва Чорнай Русі, насельніцтва, якое склалася ў выніку цеснага ўзаемадзеяння яцвягаў са славянамі» [14]. Такім чынам можна вывесці, што ў XIII ст. міжэтнічныя працэсы на Панямонні былі ў самым разгары. Сутнасць іх не змянілася пасля стварэння Вялікага Княства Літоўскага, вынік вядомы.

Відавочна, патрэбна адмовіцца ад пошукаў дакладнай мяжы паміж балтамі і славянамі на той час. Інакш кажучы, прапанаўваецца пашырыць гэтую мяжу. Даследчыкі Г.Лаўмянскі, Г.Пашкевіч, Е.Ахманьскі, Я.Звяруга, М.Грынблат і інш. імкнуліся правесці выразную мяжу з агаворкамі, што на абодва яе бакі застаюцца «астравы» насельніцтва: балтаў на славянскай і славянаў на балцкай тэрыторыі. Археалагічныя даследаванні апошніх дзесяцігоддзяў даюць падставы дапускаць, што мяжой, калі тут будзе дарэчы гэты тэрмін, магла быць паласа шырынёй каля паўтары — двух сотняў кіламетраў, якая ўключала ў сябе Верхняе і Сярэдняе Панямонне і размяшчалася прыблізна паміж Мінскам і Вільняй. Дакладней яе можна назваць «кантактнай зонай». Да высновы аб тым, што «паміж кампактнымі этнічнымі масівамі славянаў і балтаў мелася вялікая зона, у якой насельніцтва абодвух кантактуючых этнасаў жыло "цераспалосна" ці бок да бока», прыйшоў Я.Г.Звяруга [15]. Гарады: Гародня, Наваградак, Ваўкавыск, Слонім, Здзітаў, Астрэя, Турэйск, Вевярэск і інш. былі, несумненна, славянскімі, але абслугоўвалі увесь рэгіён са змешаным насельніцтвам. Працэс перамешвання і ўзаемапранікнення паміж рознаэтнічнымі насельнікамі выразна бачны на матэрыяльнай культуры. Незвычайны росквіт гарадскога жыцця ў Панямонні выкліканы, на наш погляд, у значнай ступені праз названае супрацоўніцтва.

У сярэдзіне XIII ст. склаліся адпаведныя знешнія ўмовы, падштурхнуўшыя да пачатку стварэння мясцовай дзяржавы. Палітычная сістэма усходняй Еўропы аказалася разбуранай падзеямі надзвычайнага маштабу і важнасці. Уся паўднёвая і усходняя частка усходнеславянскага арэалу была зруйнаваная манголо-татарамі. Пагроза ад татараў пастаянна адчувалася на Панямонні. Акрамя таго знешняя небяспека пагражала з поўначы і захаду: ордэн мечаносцаў з пачатку стагоддзя усталяваўся ў ніжнім цячэнні Дзвіны, Тэўтонскі орден, заваяваўшы Прусію, з 1283 г. распачаў актыўную агрэсію на Панямонне. Ва Усходняй Еўропе распачаліся новыя працэсы, напрыклад, кароткачасовае ўзвышэнне Галіцка-Валынскага княства, якое у сярэдзіне XIII ст. стала мацнейшай дзяржавай у рэгіёне і заняпала зноў жа пад націскам манголо-татараў.

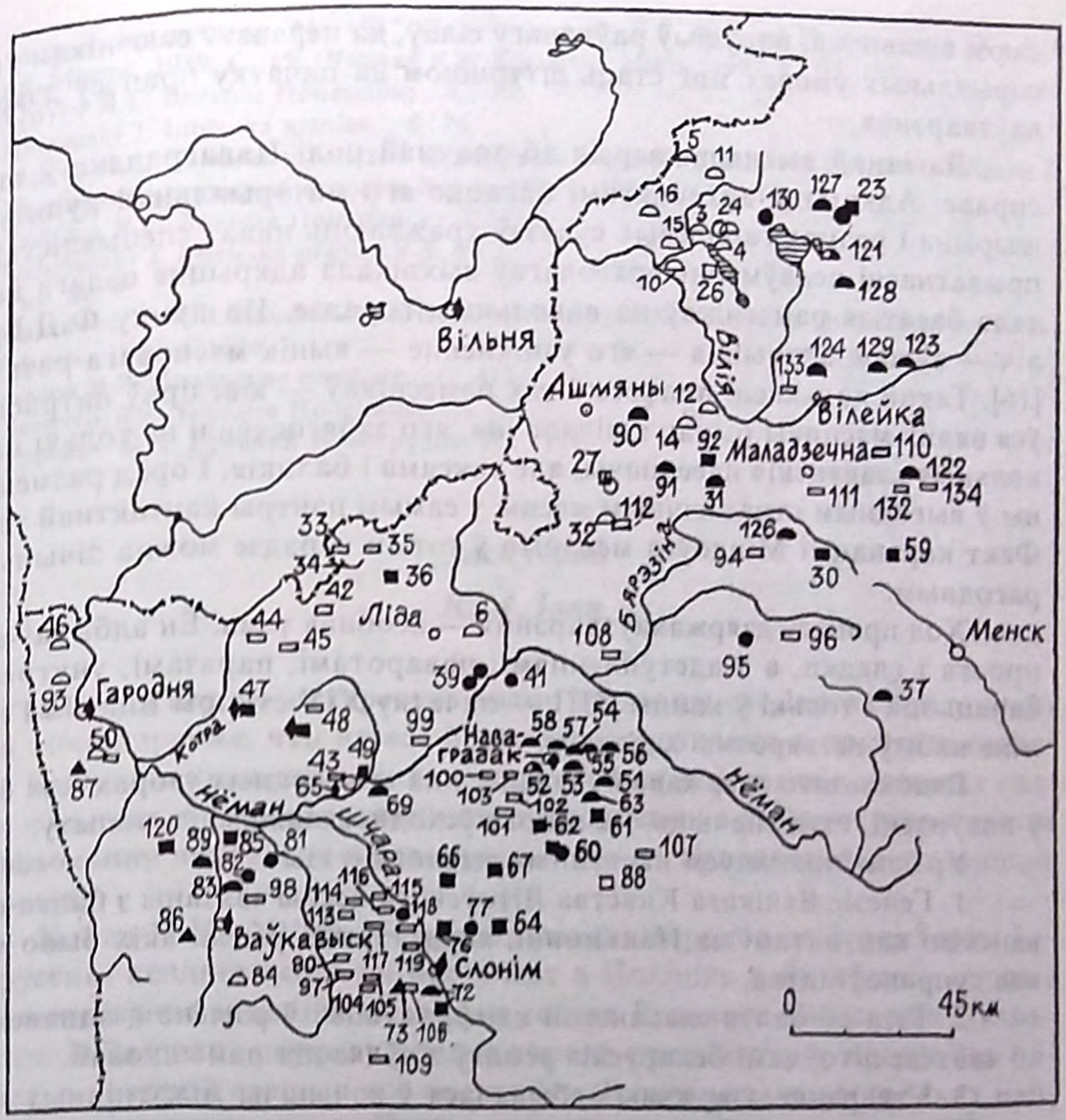
Адпаведна другому пачатку тэрмадынамікі (закон энтрапіі) сістэма атрымоўвае першасны штуршок — імпульс і потым растрачвае атрыманую энергію на пераадоленне супраціву знешняга асяроддзя, пакуль зноў не прыйдзе да раўнавагі. Можна паставіць пытанне: што было першасным штуршком да пачатку працэсу дзяржаваўтварэння тут на Панямонні? Якім чынам была прыведзена ў рух мясцовая этна-сацыяльна-палітычная сістэма? Магчыма, такім штуршком-імпульсам, парушыўшым дынамічную раўнавагу палітычных сілаў, мог стаць саюз багатых панямонскіх гарадоў з ваяўнічымі правадырамі балцкіх плямёнаў. У гэтым рэчышчы плённай уяўляецца ідэя М.Ермаловіча аб запрашэнні Міндоўга на наваградскі стол. Выбар асобы Міндоўга невыпадковы, ён быў самым моцным, ці адным з мацнейшых балцкіх правадыроў. Такі

Мал. 2. Помнікі Панямоння канца X — XII ст.

а — балцкія курганныя магільнікі; б — усходнеславянскія курганныя магільнікі; в — балцкія селішчы; г — усходнеславянскія селішчы; д — балцкія гарадзішчы; е — усходнеславянскія гарадзішчы; ж — балцкія замкі; з — усходнеславянскія замкі; і — балцкі грунтавы магільнік; к — усходнеславянскія гарады; л — каменныя магілы; м — сучасныя гарады.

Спіс археалагічных помнікаў да картаў — мал. 2, 3 (не браліся пад увагу помнікі банцарабскай культуры, этнічная інтэрпрэтацыя якіх дыскутуецца між спецыялістамі).

1 – Андрэёўцы; 2 – Лоша; 3 – Чорная Лужа; 4 – Засвір; 5 – Лынтупы; 6 – Касцюшчына; 7 – Гускі; 8 – Пільвіны; 9 – Рымшаны; 10 – Панізэе; 11 – Вайшкуны; 12 – Смаргонь; 13 – Жэлядзь; 14 – Гуркавіцы; 15 – Сідарышкі; 16 – Будраны; 17 – Гуры; 18 – Курчына; 19 – Равячка; 20 – Сосенка; 21 – Гарадзішча; 22 – Мікольцы; 23 – Некасенік; 24 – Засвір; 25 – Хведзевічы; 26 – Свір; 27 – Гальшаны; 28 – Занарач; 29 – Гарадзілава; 30 – Гаралок; 31 – Высокае; 32 – Маркеняты; 33 – Пузелі; 34 – Нача; 35 – Саланяцішкі; 36 – Гарадзішча; 37 – Чэрнікаўшчына; 38 – Ольжава; 39 – Даку-



Мал. 3. Помнікі Панямоння XIII — XIV ст.

лина; 40 – Мыта; 41 – Альхоўка; 42 – Дварчаны; 43 – Дварчаны; 44 – Вензаўшчына; 45 – Апонаўцы; 46 – Ясулава; 47 – Кульбачына; 48 – Каспяпева; 49 – Галынка; 50 – Каўпакі; 51 – Марулівы; 52 – Багаробка; 53 – Сялец; 54 – Гарадзілаўка; 55 – Мольчычы; 56 – Сулянічы; 57 – Брацянка; 58 – Ладзенікі; 59 – Радашковічы; 60 – Пурніччы; 61 – Сегда; 62 – Радагошча; 63 – Платаны; 64 – Высацк; 65 – Турэйск; 66 – Саннікі; 67 – Агароднікі; 68 – Дзям'янавцы; 69 – Дзям'янаўцы; 70 – Асабнякі; 71 – Жыровцы; 72 – Арловічы; 73 – Збочна; 74 – Шыланічы; 75 – Талькаўшчына; 76 – Дзераўная; 77 – Кавали; 78 – Нп; 79 – Ягначы; 80 – Наваселкі; 81 – Пескі; 82 – Краснасельскі; 83 – Падрось; 84 – Мітрані; 85 – Рыбакі; 86 – Мешбава; 87 – Індура; 88 – Гаралянічча; 89 – Лазы; 90 – Высокае; 91 – Казароўшчына; 92 – Лоск; 93 – Сапоцкін; 94 – Лужаны; 95 – Сіпна; 96 – Гілікі; 97 – Клепачы; 98 – Мінеўшчына; 99 – Збляны; 100 – Зарой; 101 – Карыца II; 102 – Кузьмічы; 103 – Каменка; 104 – Лапухова; 105 – Малая Кракотка; 106 – Збочна; 107 – Альшаны; 108 – Куправічы; 109 – Косава; 110 – Латыгаль; 111 – Ілья; 112 – Маркіняты; 113 – Галынка; 114 – Клімавічы; 115 – Старае Сяло; 116 – Пустаборы; 117 – Снежная; 118 – Купэйкі; 119 – Шулякі; 120 – Верхаўляны; 121 – Мядзел; 122 – Забар'е; 123 – Камена; 124 – Любоўшы; 125 – Насілава; 126 – Пекары; 127 – Нагаўкі; 128 – Науры; 129 – Кастыкі; 130 – Скары; 131 – Галінова; 132 – Малявічы; 133 – Ручыца; 134 – Хапенчыны; 135 – Гуркі.

саюз, відавочна, парушыў раўнавагу сілаў, да перавагу саюзнікам і пры спрыяльных умовах мог стаць штуршком да пачатку працэсу дзяржаваўтварэння.

Лагічнай выглядае версія аб значнай ролі Наваградака ў гэтай справе. Адкрытае археолагамі багацце яго матэрыяльнай культуры, шырыня і размах гандлёвых сувязяў уражваюць нават спецыялістаў. У прыватнасці недаўменне археолагаў выклікала адкрыццё цэлага квартала багатых рамеснікаў на вакольным горадзе. На думку Ф.Д.Гурэвіч — аўтора адкрыцця — яго узнікненне — вынік мясцовага развіцця [16]. Такой колькасці прафесыйных рамеснікаў — ювеліраў патрабаваўся вялікі мясцовы рынак і, відавочна, яго забяспечвалі не толькі навакольныя славянскія паселішчы, але таксама і балцкія. Горад размешчаны ў выгодным стратэгічным месцы ў самым цэнтры кантактнай зоны. Факт каранацыі Міндоўга менавіта ў гэтым горадзе можна лічыць верагодным.

Ход працэсу дзяржаваўтварэння — асобная тэма. Ён адбываўся не проста і гладка, а з адступленнямі, паваротамі, паразамі, унутранай барацьбой і толькі ў канцы XIII — пачатку XIV ст. пры Віцені і Гедыміне набыў незваротны характер.

Вядома, што дзяржава будавалася па праверaных узорах якія былі ў наяўнасці, гэта значыць, на аснове ўсходнеславянскага вопыту.

Урэшце прапануем наступныя высновы-тэзы:

1. Генезіс Вялікага Княства Літоўскага цесны звязаны з балта-славянскімі кантактамі на Панямонні, характэрнай рысай якіх было мірнае супрацоўніцтва.

2. Тэза аб балта-славянскай канфрантацыі ў рэгіёне і, адпаведна, аб заваёве літоўцамі беларускіх земляў з'яўляецца памылковай.

3. Утварэнне дзяржавы адбывалася ў рэчышчы міжэтнічных кантактаў, таму генезіс Вялікага Княства Літоўскага можа лічыцца эпізодам балта-славянскага узаемадзеяння на Панямонні.

4. Вялікае Княство Літоўскае з самага пачатку было біэтнічным дзяржаўным утварэннем з дамінаваннем усходнеславянскага элементу.

1 Lowmianski H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno, 1931. T. I. S. 35—59. Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. T. I. Warszawa, 1933. S. 3—14. Ochmanski J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznan, 1981.

2 Волкайте-Куликаускиене Р.К. Образование литовской народности (по данным археологии) // СЭ. 1979. № 3. С. 31—46.

3 Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1990. S. 58.

4 Ермалович М.І. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1991. С. 58; Ён жа: Старажытная Беларусь. Полацкі і новагародскі перыяды. Мінск, 1990. С. 315—318.

5 Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 332—340; Ochmański J. Historia Litwy. S. 45—46.

6 Катонова Е.М. Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Белоруссии // Материалы. Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978. С. 85; Седов В.В. Литовские племена // Финно-угры и балты в

эпоху средневековья. М., 1987. С. 417; Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX—XII вв. Минск, 1989. С. 15; Штыхау Г.В. Крывічы. Мінск, 1992. С. 95, 106.
7. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье... С. 15.
8. Ochmański J. Litewska granica... S. 24.
9. Зверуго Я.Г. Славяне и балты в междуречье верхнего Днепра и Среднего Немана // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 67—69.
10. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье... С. 15.
11. Ochmański J. Litewska granica... S. 16.
12. Там же. С. 24.
13. Квятковская А.В. Каменные могильники Беларуси XI—XVII вв. Дис. канд. ист. наук. Минск, 1994. С. 194.
14. Седов В.В. Литовские племена... С. 417.
15. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье... С. 15.
16. Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.

Дискуссия

Ю.А.Заяц

Доклад весьма интересен. Автор пытается отойти от традиционной точки зрения, что не все было так однозначно в процессе создания Великого княжества Литовского. Тезису о мирных контактах славян и балтов, о ненасильственном объединении в этом государственном образовании литовских и белорусских земель противоречат следующие данные.

Конец XIII—XV вв. — преиод упадка городов на территории Белоруссии, позднее всего он наступает в Полоцке и Витебске, которые соответственно и вошли позднее в состав Великого Княжества Литовского. В Заславле периоду упадка города предшествует прослойка пожара, в которой сгорели все постройки. В слое угля и постройках найдены наконечники стрел. Неясно, куда исчезли при вхождении Полоцкой земли в состав Литовского государства князья из рода Всеслава Полоцкого и Ярославичи, и почему на их месте оказались литовские князья?

Отсутствие данных о конфронтации между литовскими и белорусскими феодалами в письменных источниках объясняется полным отсутствием письменных источников с территории Белоруссии и фальсифицированностью летописей Великого княжества Литовского, рисующих пустынные места в областях, где с X века были наши города, и заменяющими реальных полоцких Всеславов, Борисов и т.д. на мифических Гинвилов.

Но в целом доклад интересен и можно пожелать автору дальнейших успехов в работе в этом направлении.

С.Л.Кузьмин, Е.Р.Михайлова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ СЛАВЯНСКОГО РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУСИ

С проблемой расселения славян на Северо-Западе Руси традиционно связывают проблему происхождения двух культур, изученных преимущественно по погребальным памятникам, — культур псковских длинных курганов и новгородских сопок [1]. Этнокультурная атрибуция, определение хронологических и территориальных рамок этих культур до сих пор остаются остро дискуссионными. Не будем останавливаться на методических посылках доказательств той или иной точки зрения. Отметим лишь один существенный момент: в рамках культуры псковских длинных курганов невозможно выделить поселенческие памятники, которые бы безусловно перерастали в древнерусские локальные центры.

Для нас важна не этнокультурная преемственность, которая в условиях варварского общества и многочисленных пертурбаций бурной исторической эпохи порой не может иметь адекватного отражения в разного рода источниках. На основании археологических материалов легче и корректнее проследить не этногенез в «чистом» виде, а процесс *демогенеза*, т.е. взаимодействия неких социально организованных групп населения, обладающих специфическими культурно-хозяйственными навыками, археологически проявляющимися на определенной территории в определенных хронологических рамках.

Многочисленные накопленные к настоящему времени факты позволяют нам для рассматриваемой эпохи и территории перейти к более детальному, конкретному, локальному описанию феноменов, отражающих реалии древней жизни, не прибегая к столь широким обобщениям, как «археологическая культура».

Попытки тотальных обобщений, в том числе и так называемый комплексный подход — когда накладываются друг на друга факты археологии, лингвистики, этнографии и т.д. и т.п. — приводят, как правило, к бесконечному пасьянсу и явно заводят в методологический тупик. В настоящее время, на наш взгляд, на первый план выходит создание микрорегиональных культурно-хронологических колонок. Микрорегионами мы называем определенные локусы освоения, имеющие естественные границы, от эпохи раннего металла до наших дней. Конечно, эти границы меняются, но в целом природная среда — леса, болота, речная сеть — в некоторой степени продолжает формировать их, объективизируя наши представления о годологическом пространстве в древности.

На территории Северо-Запада Руси наиболее изученным был и остается его северо-западный сектор, непосредственно примыкающий к Новгороду, расположенный к западу от линии Ладога — Ильмень и к северу от линии Новгород — Псков, приблизительно соответствующий Водской и Шелонской пятинам Новгородской земли.

Усилиями нескольких поколений исследователей создана прочная источниковая база, позволяющая осветить ключевые моменты средневековой истории этого пространства. Достаточно отметить, что за последние 25 лет здесь работали Г.С.Лебедев, З.В.Прусакова, Ю.М.Лесман, Н.И.Платонова, Т.А.Жеглова, В.Я.Конецкий, О.В.Клубова, М.В.Шорин, Т.Л.Верхорубова, Н.В.Хвощинская, С.Г.Попов, авторы настоящего доклада.

Нигде на территории средневековой Новгородской земли не исследовано такого количества погребальных и поселенческих памятников второй половины I — первой половины II тыс. н.э. Только нашей экспедицией исследовано более 50 насыпей культуры длинных курганов. 6 сопок, 7 высоких насыпей с кремациями второй половины I тыс. н.э., поселения в составе комплексов у деревень Надбелье, Засобье, Которск, открыты могильники с поверхностными захоронениями по обряду трупосожжения.

В результате исследований последних лет выяснено, что наиболее ранние вещевые комплексы псковских длинных курганов восходят к позднеримским культурным традициям, и их появление относится ко времени не позднее V—VI вв [2]. Материальная культура длинных курганов в фактически неизменном виде существует до конца I тыс., но в отдельных регионах наблюдаются определенные новации, связанные с культурными импульсами VIII и X вв. В настоящее время нет данных для определенной атрибуции всего круга древностей, связанных с псковскими длинными курганами, как славянских или неславянских [3]. Для нас в данном случае важно лишь то, что данная общность не породила поселений или их агломераций, непосредственно перерастающих в древнерусские локальные центры, отождествляемые с погостами, и, очевидно, не составила непосредственой демографической основы населения Новгородской земли.

В последние годы формирование древнерусской культуры здесь напрямую связывают с эволюцией культуры сопок. Сам термин «культура сопок» возник как оппозиционный и дополнительный к термину «культура длинных курганов» в рамках этнологической парадигмы, развивавшейся исследователями 1960—1980-х гг.

Однако до сих пор существует ряд нерешенных вопросов, связанных как с самими эпонимными для этой культуры памятниками (специфическими курганами-сопками), так и с синхронными им поселениями.

Одним из основных противоречий при рассмотрении феномена сопок является проблема массового обряда захоронения, так как в теле сопочных насыпей обнаружены только единичные захоронения, трак-

туемые некоторыми исследователями как захоронения знати, что само по себе спорно [4]. Но не вызывает сомнения тот факт, что основная масса носителей традиции сооружения сопок придерживалась обряда захоронения кремированных останков, археологически слабо уловимым.

Отчасти острота проблемы массового обряда захоронения снимается выявлением в последние годы так называемых поверхностных захоронений, приуроченных к вершинам сопок. Сопка 2 в группе сопок Сковородка II представляла собой сложное сооружение из возведенной на песчаной подсыпке четырехгранной усеченной дерновой пирамиды, на вершине которой был установлен дубовый ящик размерами 1 х 1,2 м, вмещавший остатки захоронений по обряду трупосожжения на стороне. Срели пережженных костей (их общий вес составил около 15 кг) в ящике были обнаружены: втульчатый двушипный наконечник стрелы, трапециевидные привески, лимоновидные желтые бусы, 14-гранная сердоликовая бусина и глиняное подражание ей, черепок кругового сосуда, оплавленные фрагменты бронзовых предметов [5]. Радиоуглеродная дата ящика — конец X — первая треть XI в. [6]

Сопка Пристань I представляла собой сооруженную в два этапа коническую насыпь с уплощенной вершиной, диаметром 17—18 м и высотой около 3,5 м. При раздерновке насыпи было собрано около 6 кг кальцинированных человеческих костей, а также шесть железных ножей, побывавшие в огне стеклянные бусы и обломок сердоликовой призматической бусины, фрагменты крупных бронзовых спиралей, черепки лепной и круговой керамики и пр. Здесь также нужно говорить о многочисленных захоронениях по обряду трупосожжения на стороне, остатки которых были помещены на вершину сопки и со временем оползли вниз.

Следы поверхностных захоронений были выявлены также при раздерновке сопки 2 в группе Пристань III — конической насыпи диаметром 11 м и высотой 2,5 м, под которой было исследовано трупосожжение на месте. В дерне на вершине сопки и непосредственно под ним были собраны пережженные человеческие кости, железный нож, черепки круговой керамики, сердоликовые призматические бусы (целая и обожженный фрагмент), другие предметы [7].

Аналогичные поверхностные захоронения были выявлены Н.И.Платоновой при раскопках сопки 4 в группе Заполье I, где под дерном в центре насыпи были собраны россыпи пережженных костей и отдельные предметы со следами воздействия огня. Примеры можно и продолжить.

Обнаружение поверхностных захоронений в сопках вновь подводит к мысли, неоднократно высказывавшейся многими исследователями, погребальный обряд славян эпохи расселения был слабо уловим археологически. То есть погребения славян не представляли собой ни подкурганных захоронений, ни групповых могильников с отчетливо выраженными индивидуальными захоронениями типа полей погребений. Варианты захоронений могли быть различны, но скорее всего, суля

по древнерусским и арабским письменным источникам, были связаны с наземным или надземным помещением кремированных останков.

Подобный могильник был открыт в 1991 г. в комплексе памятников у д.Которск (Которск-IX). Могильник располагался на берегу р.Городонька, на вершине низкой моренной гряды, окруженной заболоченными низменностями. Общая площадь могильника составляла около 450—500 кв.м. По всей площади могильника под дерном залегал слой аморфного слабо гумусированного песка, под которым была выявлена система столбовых ямок, впущенных в материк. Бо́льшая часть ямок (часто сдвоенных) располагалась по периметру вытянутого поперек общего направления гряды неправильного четырехугольника размерами 4—6 х 10 или более метров. Вероятно, здесь стояло какое-то сооружение (ограда, навес или иная легкая постройка), в котором размещались кости и вещи, собранные с погребального костра и, возможно, совершались какие-то ритуальные действия. Более половины всех находок с могильника было сделано в пределах реконструируемого сооружения.

Следует особенно подчеркнуть, что могильник не являлся грунтовым в точном смысле этого термина: ни в одной из материковых ямок не содержалось компактного скопления костей. Кремированные останки размещались на уровне земли или были приподняты над ним (настилы, помосты?).

Вещевой материал представлен в первую очередь фрагментами бронзовых украшений и бусами, детали поясного набора и предметы обихода единичны, оружия не встречено вовсе. Из бронзовых украшений найдены крупные спирали, часто орнаментированные (так называемые «накосники»), разнообразные дротовые и массивные браслеты, подковообразные фибулы с различным оформлением концов, проволочные височные кольца, трапециевидные привески, литые пуговицы, разнообразные обоймицы и спиральки. Стеклянные бусы: крупные и мелкие из прозрачного темно-синего стекла, мелкий бисер из ярко-желтого стекла, шарообразные прозрачные бесцветные, печеночно-красные и оранжевые бочонкообразные, желтые и бело-коричневые продольнополосатые лимоновидные, фиолетовая бусина с выпуклыми мозаичными глазками и белой волной и т.п. Бусы из сердолика — шаровидные, призматическая, 14-гранная и округло-граненые; из хрусталя — шарообразные и несколько овально-граненых. Все материалы могильника (в том числе керамика) находят себе прямое соответствие в древностях, связанных с сопками, в том числе и на Которском поселении, одним из кладбищ которого, очевидно, и был описываемый могильник [8].

Остатки разрушенного аналогичного могильника были выявлены в непосредственной близости от упомянутого при раскопках древнерусских курганов (Которск-III). Здесь под курганными насыпями были найдены фрагменты побывавших в огне предметов, в том числе бронзовых спиралей-«накосников», трапециевидные привески, обоймицы, двучастная пронизка из желтого стекла, призматическая сердоликовая бусина и т.п.

Анализ инвентаря могильников позволяет уверенно отнести начало их функционирования к IX веку. Возникновение Которского поселения может быть датировано последними десятилетиями IX в.

Достижением новейших исследований является установление прямой связи между сопками и стратифицированными поселениями, где наблюдается непрерывное развитие культуры от слоев с исключительно лепной керамикой до напластований древнерусских локальных центров (Передольский погост, Косицкий погост, Которский погост, Сковородка, Городец под Лугой).

Однако на северо-западе Новгородской земли не обнаружено сопок, которые могли бы быть датированы временем ранее второй четверти — середины X в. В частности, все исследованные современными раскопками сопки содержали в своих материалах круговую керамику.

Возникает два вопроса. Каков был погребальный обряд населения, возводившего сопки на Луге и в верховьях Плюссы в X — начале XI в., до установления этой традиции? И каковы истоки культуры поселений, лежащей в основе протопогостов Луги и Плюссы?

Если на первый вопрос можно достаточно уверенно ответить, что такими памятниками нужно считать могильники с поверхностными сожжениями, то для ответа на второй принципиально важны наши раскопки (1995—1996 гг.) на городище у д.Надбелье и О.В.Клубовой на городище и селище в уроч. Курская Гора.

Городище у д.Надбелье расположено на высоком коренном берегу р.Оредеж, при впадении в Оредеж р.Моровинка. Площадка городища с напольной стороны окружена дугообразным валом, остальные склоны эскарпированы. Со стороны Оредежа прослеживается всход на городище, возможно, прикрывавшийся в древности башней. Основу городищенского вала составляли два параллельных ряда огромных валунов, пространство между которыми было забито тяжелой оранжевой глиной. Для укрепления тела вала внутрь него были помещены крупные валуны и набросанные в виде решетки в 5-6 ярусов бревна. Ближайшей аналогией такому способу возведения валов является вал Городца под Лугой, до сих пор стоявший особняком среди раннесредневековых укреплений Северо-Запада [9]. Следует подчеркнуть, что каких-либо культурных напластований под валом не обнаружено, он насыпан непосредственно на погребенной почве в момент основания городища. Во время существования здесь укрепленного поселения вал подвергался досыпке и реконструкции. Непосредственно за валом, в «мертвой зоне» стояло большое срубное наземное жилище с печью-каменкой в углу. На городище зафиксированы следы железоделательного и кузнечного производств, а также обработки цветных металлов. Керамика поселения почти исключительно лепная (близка к так называемому ладожскому типу), круговые фрагменты единичны, что позволяет датировать поселение в основном IX — первой половиной X в. Вещевой материал из раскопок городища очень богат: 10 серебряных восточных монет и их

фрагментов, височное кольцо с завитком наружу, ключи и накладка-скобка от ларчика, наконечники стрел (в т.ч. костяное подражание ланцетовидным), дротик, обломок боевого топора, спиральный бронзовый перстень, крупная бронзовая спираль-«накосник», железная подковообразная фибула, фрагмент аналогичной железной фибулы с бронзовой иглой, бронзовая поясная пряжка, детали костяного гребня, формочка для отливки украшения из оловянистого сплава, пряслица из различных материалов (известняк, кость, керамика), керамические бусы, подражающие по форме стеклянным, разнообразные железные изделия и прочее.

Поселение в уроч. Курская Гора расположено в истоке р.Луга, на высоком моренном холме (городище) и на пологом склоне моренной гряды у подножия городищенского холма (селище). Керамический комплекс поселения характеризуется исключительно лепной керамикой, что ограничивает его верхнюю дату началом X в. На селище было расчищено подквадратное в плане наземное жилище с печью-каменкой в углу. В вещевой коллекции представлены ножи типа IV по Р.С.Минасяну, листовидный наконечник стрелы, обломок узколезвийного топора, ледоходный шип, бронзовые узкомассивные браслеты различных типов, серебряные проволочные височные кольца (одно с завитком), биэсовидная петля, трапециевидные привески (в т.ч. со штампованным орнаментом), стеклянные бусы, половинка дирхема, пряслица тех же типов, что в Надбелье, различные железные изделия и т.д. [10]

Между обоими описанными поселениями немало общего как в вещевом и керамическом комплексе, так и в топографическом положении. Оба они расположены в районах исключительного распространения сопок, однако на некотором удалении от топографически ближайших к ним насыпей.

Культура памятников Надбелье и Курская Гора, нижних слоев древнерусских локальных центров (Передольский погост, Городец, Которск, Сковородка), лужско-оредежских сопок и могильников типа Которск-IX составляет единый круг древностей (рис. 1, 2), эволюционирующий в древнерусскую культуру Новгородской земли XI—XII вв. Перечисленные выше памятники могут рассматриваться как протодревнерусские, и их появление на Луге и Плюссе невозможно объяснить вне контекста расселения исторического славянства на Северо-Западе.

В северо-западную часть Новгородской земли население, очевидно, тождественное части группировки летописных словен (ильменских), продвигалось достаточно сплоченными и социально организованными группами, а само движение носило военно-колонизационный характер. Цепочка городищ, протянувшаяся по Луге и в верховья Плюссы, намечает определенные этапы этого движения. Определяется некая модель действий: закрепление в изначальном пункте, захват стратегически выгодного района и установление контроля над более широкой территорией. По всей вероятности, за сто лет, от середины IX до середины X в.,

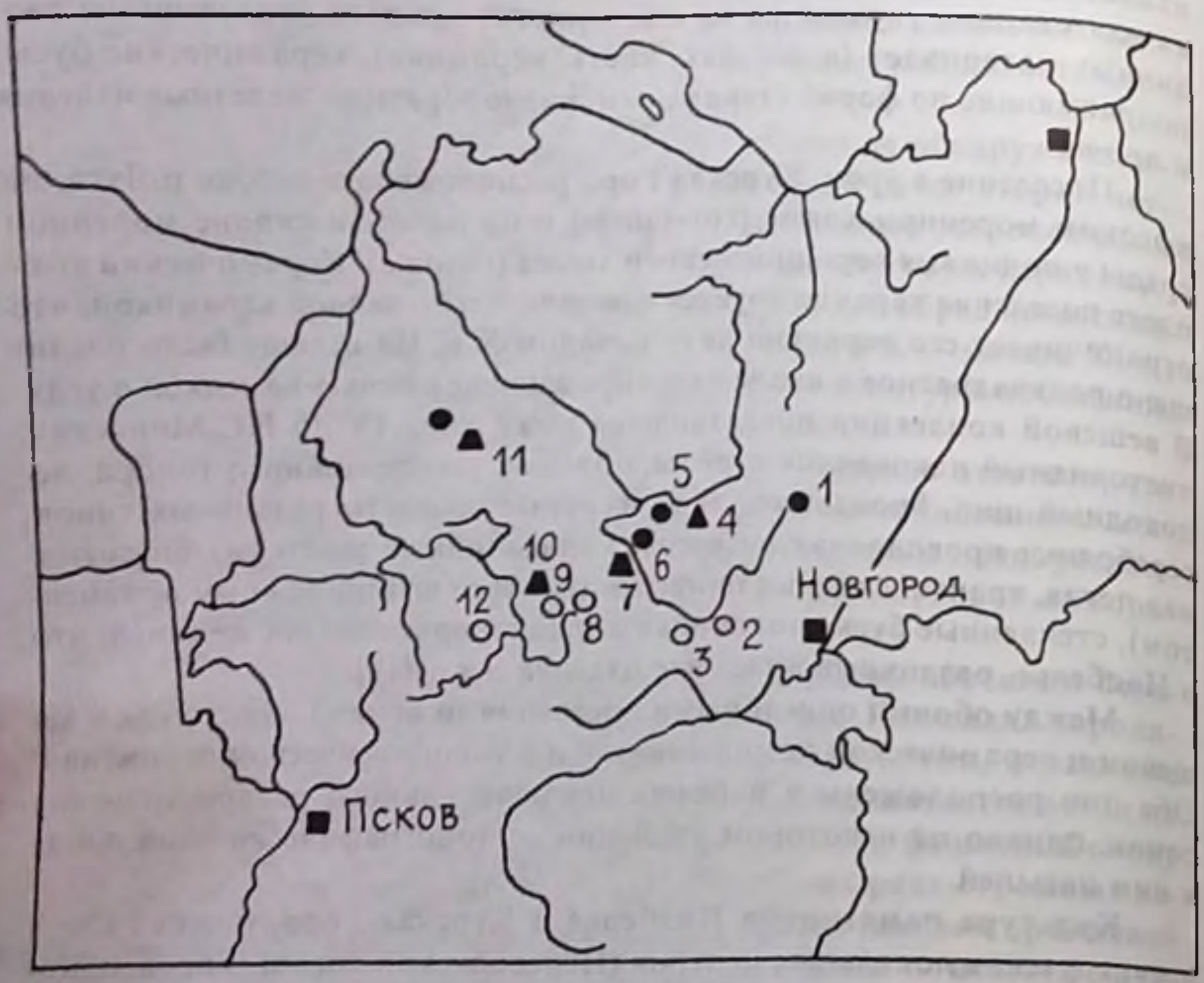


Рис. 1. Ранние древнерусские памятники северо-запада Новгородской земли: а — древнерусские города, б — комплексы средневековых памятников, в — поселения с лепной керамикой, г — сопки, д — могильники IX—X вв., восходящие к традициям культуры длинных курганов.

1 — Курская Гора, 2 — Косицкое, 3 — Передольский погост, 4 — Пристань, 5 — Надбелье, 6 — Подгородье, 7 — Рапти-Наволок, 8 — Городец под Лугой, 9 — Которск, 10 — Березицы, 11 — Славенка, 12 — Сковородка

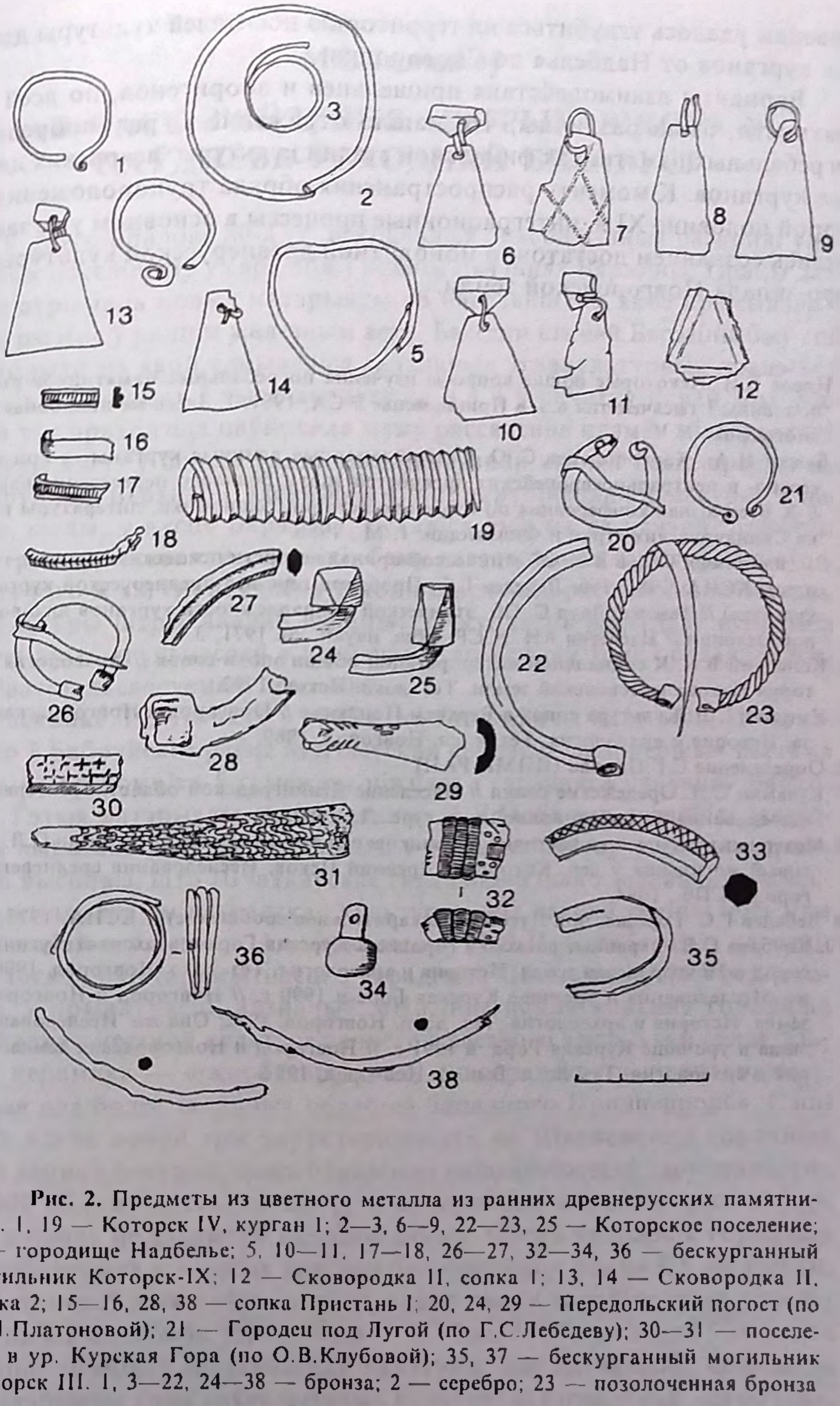


Рис. 2. Предметы из цветного металла из ранних древнерусских памятников. 1, 19 — Которск IV, курган 1; 2—3, 6—9, 22—23, 25 — Которское поселение; 4 — городище Надбелье; 5, 10—11, 17—18, 26—27, 32—34, 36 — бескурганный могильник Которск-IX; 12 — Сковородка II, сопка 1; 13, 14 — Сковородка II, сопка 2; 15—16, 28, 38 — сопка Пристань I; 20, 24, 29 — Передольский погост (по Н.И.Платоновой); 21 — Городец под Лугой (по Г.С.Лебедеву); 30—31 — поселение в ур. Курская Гора (по О.В.Клубовой); 35, 37 — бескурганный могильник Которск III. 1, 3—22, 24—38 — бронза; 2 — серебро; 23 — позолоченная бронза

словенам удалось углубиться на территорию носителей культуры длинных курганов от Надбелья до Сковородки.

Варианты взаимодействия пришельцев и аборигенов, по всей вероятности, были различны, что нашло отражение в разнообразных погребальных памятниках финальной стадии культуры псковских длинных курганов. К моменту распространения обряда трупоположения во второй половине XI в. интеграционные процессы в основном уже завершились созданием достаточно монолитной древнерусской культуры северо-запада Новгородской земли.

1. Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА, 1981, 1. Здесь же подробная библиография.
2. Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. Северо-западные длинные курганы в контексте северо- и центральноевропейских древностей эпохи Великого переселения народов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, 1. М., 1986.
3. См. например: Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА, 1981, 166; Лебедев Г.С. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // Там же; Лаул С. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии // Известия АН ЭССР, Общ. науки, 20, 1971, 3.
4. Конецкий В.Я. К социальной интерпретации общин эпохи сопок // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков, 1992.
5. Кузьмин С.Л. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. докл. Новгород, 1989.
6. Определение С.Г.Попова (ИИМК РАН).
7. Кузьмин С.Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по традиционной культуре. Л., 1992.
8. Материалы могильника частично опубликованы: Михайлова Е.Р., Кузьмин С.Л. Грунтовый могильник у дер. Которск // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994.
9. Лебедев Г.С. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА, 1973, 135.
10. Клубова О.В. Охранные раскопки городища Курская Гора в верховьях Луги // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. докл. Новгород, 1990; Она же. Исследования в урочище Курская Гора в 1990 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. докл. Новгород, 1992; Она же. Исследования селища в урочище Курская Гора в 1991 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. докл. Вып. 6. Новгород, 1992.

М.І.Лашанкоў

АБ ЧАСЕ З'ЯЎЛЕННЯ «ШТРЫХАВІКОЎ» У ПАЎДНЁВА-ЎСХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

У другой палове 80-х гг. распачаліся археолагічныя раскопкі ўмацаваных паселішчаў у сярэднім і ніжнім цячэннях Бярэзіны. Працы дазволілі атрымаць новыя матэрыялы аб насельніцтве, якое пражывала ў гэтым рэгіёне ў раннім жалезным веку. Бассейн ніжняй Бярэзіны быў той тэрыторыяй на якой адбываліся складаныя этнакультурныя працэсы ў апошніх стагоддзях I тысячагоддзя да н.э. і ў пачатку новай эры. Менавіта тут праходзіла паўночная мяжа рассялення плямён мілаградскай культуры яшчэ ў больш ранні час. Наступнай хваляй было пранікненне з поўдня ў Верхняе Падняпроўе пляме зарубінецкай культуры. І, нарэшце, сюды, у вусце Бярэзіны, рухаліся ўніз на яе цячэнні плямёны культуры штрыхаванай керамікі. Таму разглядаемая тэрыторыя з'яўлялася да таго ж яшчэ і паўднёва-ўсходнім арэалам рассялення насельніцтва культуры штрыхаванай керамікі. Сукупнасць носьбітаў некалькіх старажытных агульнасцей у адзначанац памежнай зоне і складае своеасаблівасць даследуемых помнікаў.

Раскопкі Л.Д.Побаля ў 1963 г. на гарадзішчы каля вёскі Шчаткава, што ў Бабруйскім раёне Магілёўскай вобласці, далі першыя значныя матэрыялы з помніка ў сумежжы ніжняга і сярэдняга цячэнняў Бярэзіны [1]. Гэтыя матэрыялы, надрукаваныя Л.Д.Побалем, дазволілі даследчыкам выказаць розныя меркаванні і погляды. Аўтар раскопак прыйшоў да высновы, што Шчаткаўскае гарадзішча было заснавана насельніцтвам плямёнаў мілаградскай культуры, якіх пазней змянілі носьбіты зарубінецкай агульнасці. Ад меркаванняў Л.Д.Побаля істотна адрозніваўся погляд на старажытнасці з гарадішча Шчаткава П.М.Траццякова. Ён, у прыватнасці, адзначыў: «Нижние напластования городища принадлежат местной культуре раннего железного века, о чем свидетельствует керамика — южнобеларусская, милоградская и штрихованная, обычная для более западных областей Западного Приднепровья. Слои первых веков новой эры характеризуются на Щатковском городище грубой лепной посудой, лишь отдаленно напоминающей зарубинецкую. Из 13000 обломков только 130 (1%) от лощеных сосудов, причем формы их отнюдь не являются зарубинецкими. Среди находок с городища нет зарубинецких глиняных пряслиц биконических форм» [2]. Як бачым, П.М.Траццякоў выказаўся супраць прысутнасці зарубінецкага насельніцтва на Шчаткаўскім гарадзішчы. А.В.Мельнікоўская хаця і ўключыла яго ў спіс помнікаў мілаградскай культуры, але адзначыла, што на ім ёсць матэрыялы трох археалагічных культур: мілаградскай, штрыхаванай керамікі і зарубінецкай [3]. А.А.Егарэйчанка ўгледжвае ў матэрыя-

лах паселішча «мілаградцаў» і «зарубінцаў» і ў той жа час прапаноўвае свой погляд на інтэрпрэтацыю такіх старажытнасцей. Ён бачыць у іх значнае падабенства з матэрыяламі мілаградскай культуры і таму ключае вылучаны ім сярэднебеларускі варыянт мілаградскай культуры [4]. У выніку знаёмства з матэрыяламі ніжняга гарызонта гарадзішча Лабеншчына С.Я.Расадзін прыйшоў чамусьці да думкі, што іх трэба разглядаць як самастойную групу помніка [5]. А.М.Абломскі і Р.У.Цярпілоўскі Шчаткаўскі комплекс старажытнасцей уключаюць у асобую культурную групу «помнікаў тыпу Кісцяні-Чачэрск», якая па часе адпавядае класічнаму зарубінецкаму перыяду [6]. А.І.Драбушэўскі, М.Б.Шчукін, як і папярэднікі, далучаюць Шчаткаўскае гарадзішча да верхнедняпроўскага варыянта зарубінецкай культуры, вылучанага А.М.Абломскім у пачатку 80-х гг. [7].

Мае меркаванні, у адрозненні ад папярэднікаў, грунтуюцца, з аднаго боку, на такіх жа матэрыялах з уласных раскопак гарадзішчаў Пятровічы ў Бабруйскім і Палацкае ў Асіповіцкім раёнах, а з другога — на вывучэнні адпаведных старажытнасцей з іншых умацаваных паселішчаў: Халопенічы (Глускі р-н), Івань, Леніна, ніжні гарызонт на гарадзішчы Слуцк (Слуцкі р-н), Смык (Жуждянка) і ніжні гарызонт Свіслацкага гарадзішча (Асіповіцкі р-н), Мыслі (Капыльскі р-н), Турэц (Чэрвеньскі рн), Багушэвічы, Дзмітравічы, Лысуха, Чыжаха (Бярэзінскі р-н), Кісцяні (Рагачоўскі р-н), ніжні гарызонт на гарадзішчы Янава (Быхаўскі р-н), Праскурні (Жлобінскі р-н).

Наяўнасць на пералічаных помніках керамікі (як асноўнага матэрыялу), тоеснай шчаткаскай, сведчыць аб тым, што басейн не толькі сярэдняй, але і ніжняй Бярэзіны, бясспрэчна, належы, на маю думку, носьбітам агульнасці штрыхаванай керамікі. Такая ж кераміка фіксуецца не толькі на помніках у ніжнім і сярэднім цячэннях Бярэзіны, але і на верхнебярэзінскіх гарадзішчах у цэнтральнай (Аздзяцічы, Банцараўшчына, Кімія, Лабеншчына, Навасёлкі) і ў паўночна-заходняй частках Беларусі (Гарані, Рацюнкі). Асэнсаванне знаходак прывяло да высноў, што гарызонты аднаслойных ніжне- і сярэднебярэзінскіх гарадзішчаў тоесны ніжнім (раннім) гарызонтам на ўмацаваных паселішчах у цэнтральнай і, магчыма, паўночна-заходняй частках рэспублікі. На вялікае падабенства адпаведных матэрыялаў мне ўжо даводзілася звяртаць увагу даследчыкаў [8].

Варта адзначыць, што менавіта на падставе матэрыялаў з ніжніх гарызонтаў цэнтральнабеларускіх помнікаў А.Р.Мітрафанавым быў вылучаны усходнебеларускі варыянт культуры штрыхаванай керамікі. Адкладанні культурнага слою на гарадзішчах цэнтральнай Беларусі сведчаць: «штрыхавікі» пражывалі тут не толькі на рубяжы эр, але і ў першай палове I тыс. н.э., тады як на помніках паўднёва-ўсходняга арэала культуры такой з'явы не назіраецца. У разглядаемым намі рэгіёне функцыянаванне ўмацаваных паселішчаў прыпыняецца ў I ст. н.э. Дзякуючы пералічаным абставінам матэрыялы сярэдне- і ніжнебярэзінскіх

гарадзішчаў з'яўляюцца добрай крыніцай для грунтоўнага вывучэння ранніх «штрыхавікоў».

У сувязі з гэтым мы спынімся на больш падрабязнай характарыстыцы старажытнасцей з адналойных гарадзішчаў паўднёва-ўсходняга рэгіёну культуры штрыхаванай керамікі.

Найбольш яскрава характарызуе насельнікаў гарадзішчаў ляпная кераміка. Абломкі посуду ў большасці сваёй маюць грубую фактуру. Таўшчыня сценак — ад 0,3 да 0,8 см. Паверхні ў асноўнай масы фрагментаў дрэнна загладжаны, і на іх выступаюць вуглаватыя кавалачкі жарствы. Уключэнні жарствы памерамі 0,2—0,4 см. Большая частка сценак пасудзін мае шурпатую, бугрыстую паверхню, якую мы будзем называць грубаляпной. Афарбоўка посуду была цёмна-бурая, цёмна-шэрая і светлых адценняў. Нельга не адзначыць, што добрая частка посуду з грубаляпной паверхняй пакрывалася да таго ж яшчэ і штрыхоўкай. Вельмі рэдка траплялiся абломкі з добра загладжанай і «храпаватай» паверхнямі. Карысталіся жыхары гарадзішчаў і глянцаваным посудам. Фрагменты глянцаваных пасудзін, карычневага і чорнага колераў, больш трывалыя: таўшчыня сценак — 0,4—0,65 см.

Суадносіны керамікі па спосабах апрацоўкі паверхняў на помніках ніжняй Бярэзіны мы разгледзім на матэрыялах гарадзішча Пятровічы. З даследаванай на паселішчы 1200 кв. м плошчы атрымана калекцыя керамікі ў 40112 фрагментаў. З агульнай колькасці грубаляпныя складаюць 65,8%, са штрыхоўкай — 30,6% і глянцаваныя — 2%. На сярэдневбярэзінскіх помніках працэнтныя суадносіны, па даследаваннях А.У.Ільюцік, прыкладна роўныя паміж посудам са штрыхаванай паверхняй і гладкасценным (грубалепным — *М.Л.*) [9].

Вельмі паказальныя таксама і формы посуду. Глянцаваныя вырабы прадстаўлены рабрыстымі міскамі і гаршчкамі з прафіляваным тулавам. Нельга не звярнуць увагі на тое, што адпаведныя ім формы ёсць у посудзе насельніцтва зарубінецкай культуры. Гаршчок з «храпаватай» паверхняй на Пятровіцкім гарадзішчы мае рабрыстую правілёўку. Адзначаны посуд рэдка выкарыстоўваўся насельніцтвам ніжнебярэзінскіх паселішчаў. Шматлікія рэканструкцыі верхніх, сярэдніх і ніжніх частак пасудзін сведчаць, што жыхары гарадзішчаў карысталіся гаршкамі, уласцівымі насельніцтву культуры штрыхаванай керамікі: з плоскім дном і канічнымі сценкамі, якія пашыраліся да верху. Верхнія часткі ў іх былі розныя. У адных пераход тулава ў венчык, які быў нахілены ўнутр, пазначаўся біканічным рабром. Рабрысты посуд на ніжнебярэзінскіх помніках — з'ява выключна рэдкая. У другіх — пераход тулава ў плечукі быў рэльефны. Рэльефныя плечукі паволі пераходзяць у шыйку, а край венца адгінаецца вонкі. Зрэдку гаршкі такіх форм мелі ўціскані пальцаў па краях венцаў. Ёсць на паселішчах абломкі посуду, якія нагадваюць абрысы гаршкоў у насельніцтва плямёнаў мілаградскай культуры, так званыя мілагроідныя, або прафіляваныя S-падобнай формы. Дно ў іх закруглена-сплашчонае. Тулава акруглабокае ці яйкапа-

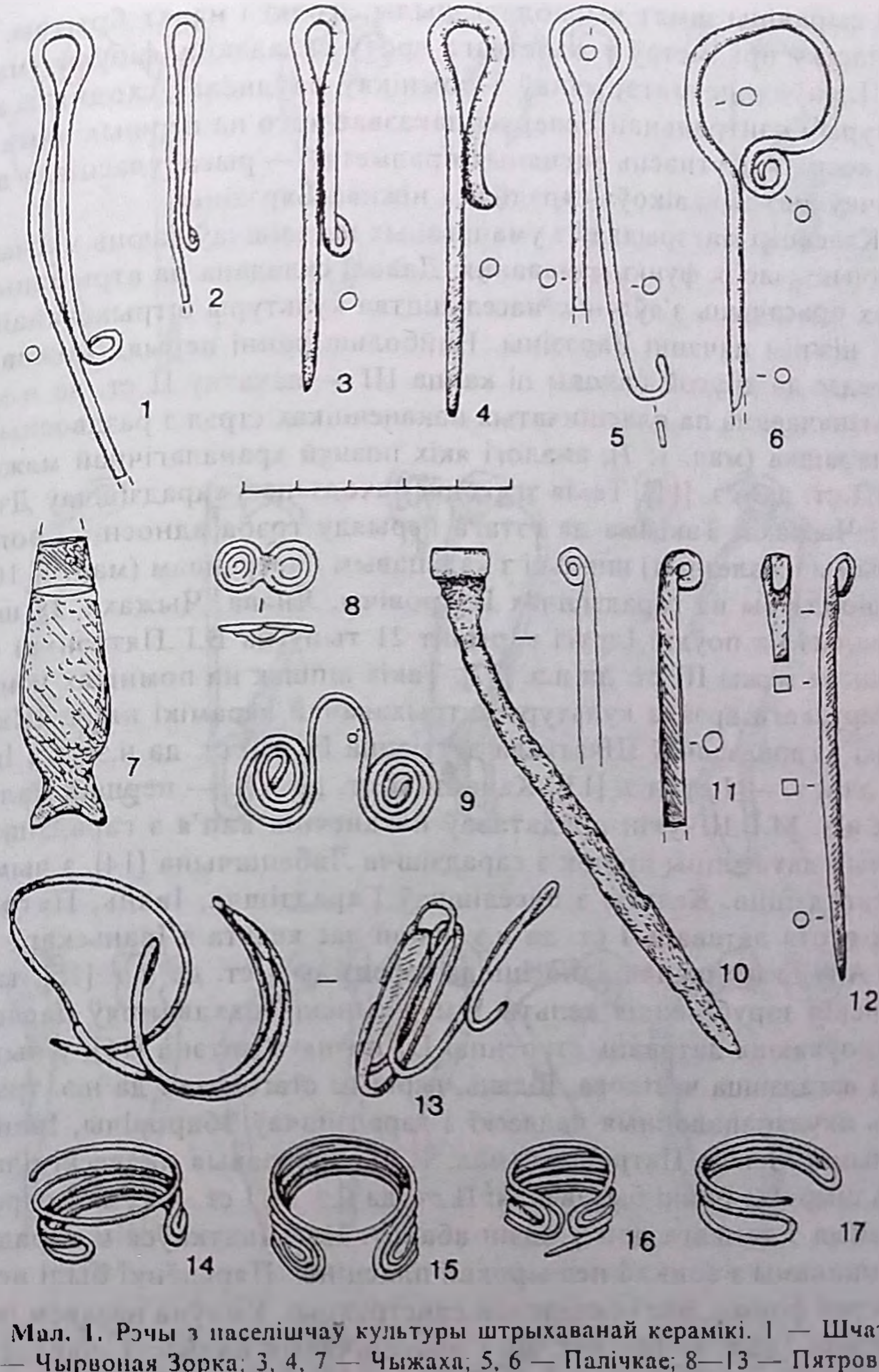
добнае і крыху звужаецца ў прыдоннай частцы. Найбольшае пашырэнне яго прыходзіцца на верхнюю трэць вышыні ці на яе сярэдзіну. У верхняй жа частцы яно паступова пераходзіць у пакатае плечыка. Шыйка ў такіх пасудзін звужаная, а край венчыка адагнуты вонкі. Іншы раз шыйка аздоблена ямачнымі ўцісканнямі, зробленымі круглай у сячэнні палачкай, якая ставілася як перпендыкулярна да яе паверхні, так і нахільна знізу ўверх, ці наадварот. Прафіляваны посуд, як і астатніх форм, за выключэннем глянцаванага, пакрываўся штрыхоўкай зверху ўніз ці ўскосна злева направал або наадварот. Такая выразнасць керамічнага комплексу на паселішчах разглядаемага рэгіёну не дае ніякіх падстаў звязваць яго з плямёнамі мілаградскай і зарубінецкай культур. Наадварот, яна пераканаўча сведчыць аб прыналежнасці яго балтамоўнаму насельніцтву культуры штрыхаванай керамікі і, у праватнасці, яе ўсходнебеларускага варыянта.

Сярод атрыманых на паселішчах прадметаў — вырабы з каменю, гліны, бронзы і жалеза.

У культурным слоі паселішчаў шмат каменных прылад працы: зерняцёркі (ніжнія камяні і верхнія — расціральнікі), сякеры, ступкі, таўкачы. Ёсць камяні для заточвання металічных прадметаў. Амаль усе знаходкі выраблены з гранітных валуноў. Прысутнічае і дробны крамянёвы інвентар: наканечнікі стрэл, разцы, скрабкі, рэтушоры, скобкі. нуклеусы, пласцінны і адшчэпы з рэтушшу, згодна вызначэнню У.П.Ксяндзова. Акрамя таго, ёсць сыравіна (жаўлакі, галькі і канкрэцыі крэменю) і адыходы апрацоўкі крэменю (адшчэпы, пласціны і сколы без рэтушы). Калі вырабы з гранітных валуноў і іншых парод каменю мелі шырокае ўжыванне ў насельнікаў гарадзішчаў, то гэтага нельга сказаць пра крамянёвы інвентар. Да таго ж, па меркаванню даследчыка каменнага веку У.П.Ксяндзова, калекцыя крамянёвых знаходак з гарадзішча Пятровічы, напрыклад, мае выразныя мезалітычныя рысы [10].

Гліняныя вырабы прадстаўлены праселкамі і мініяцюрнымі пасудзінамі. Формы апошніх паўтараюць формы звычайнага посуду. Праселкі падзяляюцца на ляпныя і атрыманыя шляхам выточвання. Яны ў пераважнай большасці плоскія, з прамымі бакамі і тарцамі. Даволі рэдка сярод іх трапляюцца біканічныя, эліпсападобныя і крыжападобныя. Адметнай рысай жыхароў гарадзішчаў была вытворчасць праселак з абломкаў сценак посуду. На гарадзішчы Пятровічы такія вырабы складаюць трэцюю частку ад вынайдзеных.

Усе прадметы з бронзы адносяцца да ўпрыгожанняў. Нельга сказаць, каб іх было вельмі шмат. Яны, за выключэннем пласцінчатых падвесак прамавугольнай і трапецападобнай форм, зробены з круглага ў сячэнні дрота рознай таўшчыні. Сярод іх шпількі-заціскачкі (мал. 1: 1—3, 5), посахападобныя шпількі (мал.1: 6) і з кальцавым навершшам (мал. 1: 12), пярсцёнкі, скроневае кольца (мал. 1: 13), бляшка (мал. 1: 8), акулярападобныя падвескі (мал. 1: 9) і бранзалет. Адзначым, што частка



Мал. 1. Рэчы з паселішчаў культуры штрыхаванай керамікі. 1 — Шчаткава; 2 — Чырвоная Зорка; 3, 4, 7 — Чыжаха; 5, 6 — Палічкае; 8—13 — Пятровічы; 14 — Багушэвічы; 15 — Мысліі; 16 — Лабеншчына; 17 — Банцараўшчына (1—3, 5, 6, 8, 9, 12—17 — бронза; 4, 7, 10, 11 — жалеза)

ўпрыгожанняў выраблялася з жалезнага дроту. Гэта шпількі і пярсцёнкі (мал. 1: 4, 10, 11).

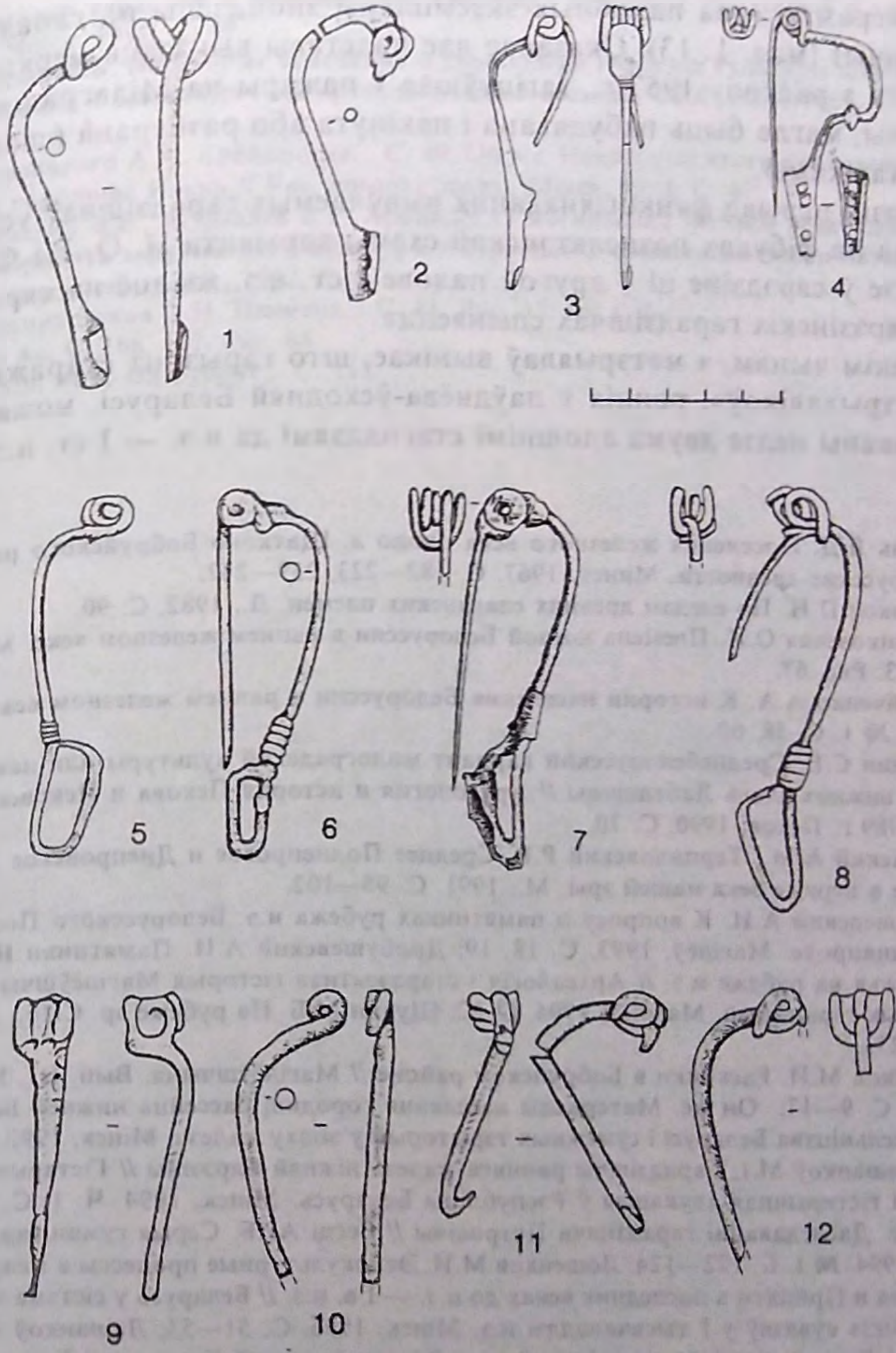
Пераважную большасць жалезных вырабаў складаюць прылады працы: нажы, сярпы і нажы для жніва, сякеры-кельты. Зусім мала знойдзена прадметаў узбраення: толькі два наканечнікі стрэл (мал. 1: 7). З

гэтай сыравіны шмат выраблялі шылы, іголкі і нават брытвы. Значную частку прадметаў з жалезнага дроту складаюць фібулы (мал. 2).

Параўнанне матэрыялаў з помнікаў паўднёва-ўсходняга арэала культуры і цэнтральнай Беларусі паказвае, што на першых пяма выраба ў з косці. Адсутнасць касцяных прадметаў — рыса, уласцівая для паселішчаў «штрыхавікоў» сярэдняй і ніжняй Бярэзіны.

Калекцыі матэрыялаў з умацаваных паселішчаў даюць магчымасць вызначыць час іх функцыянавання. Даволі складана па атрыманых знаходках прасачыць з'яўленне насельніцтва культуры штрыхаванай керамікі ў ніжнім цячэнні Бярэзіны. Найбольш ранні перыяд можна адносіць недзе да другой паловы ці канца III — пачатку II ст. да н.э. Гэты час вызначаецца па пласцінчатых наканечніках стрэл з раздвоеным канцом чарашка (мал. 1: 7), аналогі якіх позняй храналагічнай мяжой маюць III ст. да н.э. [11]. Такія згаходкі паходзяць з гарадзішчаў Дзмітравічы і Чыжаха. Таксама да гэтага перыяду трэба адносіць бронзавыя (магчыма. і жалезныя) шпількі з кальцавым навершшам (мал. 1: 10—12), якія знойдзены на гарадзішчах Пятровічы, Янава, Чыжаха. Іх шматлікія аналагі на поўдні (другі варыянт 21 тыпу па В.Г.Пятрэнка) не выходзяць за межы III ст. да н.э. [12]. Такіх шпілек на помніках цэнтральнабеларускага арэала культуры штрыхаванай керамікі няма. Шкляныя пацеркі з гарадзішчаў Шчаткава датуюцца II — I ст. да н.э., а з Івані — II ст. да н.э. — I ст. н.э. [13]. Канцом II ст. да н.э. — першай паловай I ст. да н.э. М.Б.Шчукін прадатаваў наканечнік капʼя з гарадзішча Аздзяцічы і двушыпны дроцік з гарадзішча Лабеншчына [14], з чым можна і пагадзіцца. Кельты з паселішчаў Гарадзішча, Івань, Пятровічы, Слуцк варта датаваць I ст. да н.э. Ранні час кельта з Іваньскага гарадзішча А.А.Егарэйчанка адносіць да сярэдзіны I ст. да н.э. [15], тады як чаплінскія зарубінецкія кельты з мужчынскіх пахаванняў даследчыкі прапаноўваюць датаваць ступенню D_1 позняга латэна [16], у чым з імі можна пагадзіцца часткова. Відаць, першым стагоддзем да н.э. трэба датаваць акулярападобныя падвескі з гарадзішчаў Збаровічы, Івань, Лабеншчына, Мыслі, Пятровічы (мал. 1: 9). Бронзавыя падвескі-пласціны маюць шырокія рамкі бытавання: II ст. да н.э. — I ст. н.э., як і пярсцёнкі, зробленыя з тонкага дроту адзін абарот. На Шчаткаўскім гарадзішчы яны выкананы з тонкай нешырокай пласціны. Пярсцёнкі былі не толькі простай формы, але і складанай канструкцыі. Умоўна назавём іх складанавітымі (мал. 1: 14—17). Як і пласцінчатыя падвескі, пярсцёнкі не маюць вузкіх храналагічных межаў.

Цікавай знаходкай з'яўляецца скроневае кольца з Пятровіцкага гарадзішча (мал. 1: 13). Аналагі яму — шэсць аднатыпных кольца у жытле на гарадзішчы Мілаград [17]. Дзякуючы таму, што ў жытле былі яшчэ і познелатэнскія фібулы, В.М.Мельнікоўская прадатавала комплекс пабудовы I ст. да н.э. — I ст. н.э. [18]. Знаёмства даследчыкаў з матэрыяламі загінуўшай хаты прывяло да перагляду меркавання, выказанага аўтарам раскопак. А.М.Абломскі і У.Я.Яроменка прыйшлі да высновы,



Мал. 2. Фібулы з гарадзішчаў культуры штрыхаванай керамікі 1 — Шчаткава; 2, 6, 9, 11, 12 — Пятровічы; 3 — Малышкі; 4, 7 — Мысліцы; 5 — Баніцараўшчына; 8 — Наваселкі; 10 — Лысуха (4 — бронза, астатнія — жалеза)

што жытло ўтрымлівала розначасовыя матэрыялы, змешаныя механічна [19]. Бясспрэчна адно: гэта пабудова позняга часу — недзе рубяжа эр. Даследчыкі не звярнулі асаблівай увагі на тое, што частка керамікі з жытла мела штрыхаваную паверхню. Кераміка са штрыхоўкай ёсць і ў слоі гарадзішча Мілаград. Скроневыя кольцы, знойдзеныя ў разглядаемай пабудове, мелі распаўсюджанне ў плямёнаў культуры штрыха-

ванай керамікі (два падобныя экземпляры знойдзены на гарадзішчы Пятровічы) (мал. 1: 13). Сказанае дае падставы выказаць меркаванне, што хата з раскопу 1957 г., загінуўшая ў пажары на Мілаградскім гарадзішчы, магла быць пабудавана і пакінута або разбурана (спалена) і «штрыхавікамі».

Позні перыяд функцыянавання вывучаемых гарадзішчаў устанаўліваецца па фібулах познелатэнскай схемы варыянта Н, О, Р і Ф (мал. 2). Недзе ў сярэдзіне ці ў другой палове I ст. н.э. жыццё на сярэдне- і ніжнебярэзінскіх гарадзішчах спыняецца.

Такім чынам, з матэрыялаў вынікае, што гарызонт старажытнасцей «штрыхавікоў», ранніх у паўднёва-ўсходняй Беларусі, можа быць абмежаваны недзе двума апошнімі стагоддзямі да н.э. — I ст. н.э.

1. Поболь Л Д. Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 182—223, 239—242.
2. Третьяков П Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 90.
3. Мельниковская О Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967. С. 193. Рис. 67.
4. Егорейченко А А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // СА. 1982. № 1. С. 58, 60.
5. Рассадин С Е. Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоев Лабенщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989 г. Псков, 1990. С. 70.
6. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991. С. 95—102.
7. Дробушевский А И. К вопросу о памятниках рубежа н.э. Белорусского Посожья // Прыдняпроўе. Магілеў, 1993. С. 18, 19. Дробушевский А И. Памятники Нижнего Посожья на рубеже н.э. // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілеў, 1994. С. 82; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 112, 233.
8. Лошенков М И. Раскопки в Бобруйском районе // Магілёўшчына. Вып. III. Магілеў, 1992. С. 9—17. Он же. Материалы населения городищ бассейна нижней Березины // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Мінск, 1992. С. 70—73; Лашанкоў М.І. Гарадзішчы ранняга жалеза ніжняй Бярэзіны // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Мінск, 1994. Ч. 1. С. 29—34. Он же. Даследаванні гарадзішча Пятровічы // Весці АНБ. Серыя гуманітарных навук. 1994. № 1. С. 122—124, Лошенков М.И. Этнокультурные процессы в междуречье Днепра и Припяти в последних веках до н.э. — I в. н.э. // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 51—53; Лашанкоў М.І. Аб часе з'яўлення ранніх «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі // Тэзісы дакладаў і паведамленняў Беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1996. С. 50—52.
9. Ильютик А.В. Керамика городищ раннего железного века бассейна Березины // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996. С. 40.
10. Ксензов В П., Лошенков М.И. Мезолитические находки из городища Петровичи // Дняпроўскі край. Магілеў, 1993. С. 24—26.
11. Лашанкоў М І., Сычоў В І. Раскопкі гарадзішча Любны // Гістарычна-археалагічны зборнік (Памяці Міхася Ткачова). Ч. 2. Мінск, 1993. С. 33. Мал. 1, 9.
12. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. (САИ. Вып. Д4-5). М., 1978. С. 18. Табл. 12: 8—28. Она же. Украшения и булаки // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 107. Табл. 41: 55; 42: 38, 39.
13. Лошенков М И. Материалы... С. 73; Егорейченко А.А. Хронология культуры штри-

хованной керамики // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза. Мінск, 1992. С. 49.
14 Щукин М.Б. Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // Петербургский археологический вестник. СПб., № 9. 1995. С. 111, 112. Рис. 2. 1, 2.
15 Егорейченко А.А. Хронология... С. 49; Он же. Некоторые итоги семилетнего изучения городища Ивань // Час, помнікі, людзі. Мінск, 1993. С. 42.
16 Еременко В.Е., Журавлев В.Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 67.
17. Мельниковская О.Н. Племена... С. 81. Рис. 35, 36: 1, 2.
18. Там же. С. 166, 167. Рис. 64.
19. Щукин М.Б. На рубеже... С. 112.

О.Н.Левко

НАСЕЛЕНИЕ ДНЕПРО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В VI—XI вв. (этнический состав, социальная и территориальная структура)

Летописное племя кривичей на протяжении длительного времени вызывает неослабевающий интерес ученых. Кривичи — важная веха в исследовании проблемы славянского этногенеза. В этой связи особый интерес представляют вопросы формирования кривичей, путей и времени их расселения, характера связей с предшествующими и последующими группами населения занимаемого ареала.

Для белорусских исследователей актуальность темы несомненна в связи с необходимостью решения ключевых вопросов: 1) перехода от эпохи железа к эпохе средневековья; 2) этнической интерпретации групп населения территории Северной и частично Центральной Белоруссии этого времени; 3) выяснения истоков первого раннегосударственного образования — «Полоцкого княжения»; 4) участия кривичей в формировании основы белорусской народности.

Активное изучение памятников середины — второй половины I тыс. н.э. на территории Псковщины, Новгородчины, Смоленщины и новые материалы белорусских исследователей позволяют по-новому взглянуть на данную проблему и, в частности, определить в ней место и роль кривичей с территории Северной Белоруссии.

Археологи установили преемственность раннегородской славянской материальной культуры X—XI вв. с культурой IX — начала X в. на поселениях в Полоцке, Витебске, Лукомле (в пределах Белоруссии), Городке на Ловати (Великие Луки), Пскове, Изборске, Новгороде, смоленском Гнездове. Центры (грады) летописных кривичей из племенных переросли в раннегосударственные либо территориально-административные в рамках сложившихся земель-государств Восточной Европы X—XI вв.

Более сложным является вопрос о взаимодействии археологических культур псковских, полоцких, смоленских длинных курганов, отождествляемых с кривичами, и синхронных либо предшествующих им во времени древностей типа Банцеровщины-Тушемли. Разбежки в хронологии поселенческих структур типа Банцеровщины, Тушемли, культуры длинных курганов Псковщины, видимо, объясняются не только разной степенью их изученности, но и характером взаимодействия групп населения, формирующих эти культурные общности.

Сформировавшаяся в лесостепи в результате распада зарубинецкой

культуры позднезарубинецкая общность была принесена на север в ходе расселения потомков зарубинецких племен, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют материалы археологических исследований на памятниках первой половины I тыс. н.э. в указанном выше регионе. Наиболее концентрированную направленность движение постзарубинцев в северную зону имело в Смоленском Посожье, где впоследствии формируются памятники типа Тушемли, а также по Днепру и Западной Двине к верховьям Двины и Волги и по системе озер из Витебского Подвинья в Себежское поозерье, к верховьям рек Великая и Ловать. Несколько меньшим, видимо, был приток нового населения в зону, приближенную к ядру балтских культур раннего железного века: штрихованной керамики и днепро-двинской, занимавшему северо-западную часть Белоруссии. В этом направлении постзарубинцы продвигались по р. Березине, Друти, системам озер Днепро-Двинского междуречья [1].

Вступая во взаимодействие, разные социокультурные модели балтского и славянского этносов вырабатывали те хозяйственные, социальные и идеологические структуры, которые легли в основу культурных массивов типа Банцеровщины, Тушемли, длинных курганов.

На Смоленщине пласт древностей второй половины I — III в. н.э. получил название «среднего слоя Тушемли». В белорусском регионе изучение западной периферии вновь формирующейся культурно-этнической общности (в том числе исследование Банцеровщины, Ревячки, Малышек и др.) создало иллюзию эволюционного развития культур штрихованной керамики и днепро-двинской в течение I—IV вв. н.э. [2] Доведение верхней границы данных культур до IV и даже V в. представляется возможным лишь в отношении памятников северо-запада Белоруссии, где их подпитка шла за счет новых притоков родственного населения из Прибалтики. В зоне же формирования древностей типа Банцеровщины шли необратимые процессы, приведшие к сложению раннесредневековой славянской культуры.

Что же приобрела банцеровская культура в наследие от балтов? Слабопрофилированную модель посуды, часть гидронимов региона и элементов домостроительства (срубные постройки наземного типа). А от носителей славянского этноса? Развитые формы земледелия и металлургии, усовершенствованные железные орудия труда, новый тип поселения — селища, элементы домостроительства — полуземлянки, глинобитные печи, архаичную славянскую гидронимию, более высокого уровня социальную организацию. Претерпевает изменение керамический комплекс. На поселениях появляются и постепенно количественно увеличиваются профилированные сосуды. Иногда они орнаментированы пальцевыми вдавлениями или насечками по краю венчика — наследие зарубинцев, либо расчесами — киевская культура. Для славянской керамики также были характерны и слабопрофилированные сосуды баночных форм и в подавляющем большинстве она была неорнаментированной. Это хорошо видно по керамике раннеславянских культур типа

Прага-Корчак и пеньковской, чья этническая принадлежность не вызывает сомнений. В лесном массиве эти элементы керамического комплекса на раннем этапе формирования славянских культур получили дополнительное усиление со стороны формообразующих признаков предшествующих им на этой территории балтских культур. Поэтому профилированная посуда с выраженными плечиками или ребром в области тулова окончательно утверждается лишь в VIII в., пройдя путь вызревания и выдерживая конкуренцию баночных форм в течение IV—VII вв. Как пример ранних профилированных сосудов можно привести керамические формы Михайловского (оз. Жижицкое). Дорохов (оз. Сенница). А ранняя посуда биконических форм с ребром или валиком в месте перегиба достаточно высокий процент составляет на поселениях конца IV—VII вв. Узмень (Подвинье) и Демидовка (Верхнее Поднепровье) [3].

Памятники культуры длинных курганов являются внешним ориентиром расселения кривичей. Ранняя их группа, датируемая V—VI вв., определяет, видимо, границы основной территории кривичей, охватывающей бассейны Великой, Псковского озера, Ловати, Мсты, Мологи и частично Чагодощи. Датируются ранние длинные курганы по рифленым В-образным среднеевропейским пряжкам первой половиной V в. и их время бытования на этом этапе доводится до VI—VII вв., что подтверждается находками бляшек-скорлупок, блоковидных кресал и др. предметов [4].

Внутри означенной территории, где кривичские памятники — длинные курганы — сосуществуют и приходят на смену грунтовым могильникам и погребениям на площадках [5], должно локализоваться ядро кривичей.

К зоне распространения ранних кривичских курганов на территории Псковщины примыкает и правобережье Западной Двины в северной Белоруссии, где выявлены памятники рубежа V—VI вв. (д.Янковичи Россонского р-на) и VI в. (д.Дорохи Городокского р-на) [6]. В одном из курганов Янковичского могильника (урочище Повалишино) выявлена керамика с расчесами киевского типа, верхний рубеж бытования которой определяется V в.

С рубежа V—VI вв. н.э. начинается продвижение кривичей с территории Псковщины в область Белорусского, а затем Смоленского Подвинья и Верхнего Поднепровья. Хронология исследованных Г.В.Штыховым и Е.А.Шмидтом памятников позволяет наметить пути и этапы освоения кривичами рассматриваемого региона. Г.В.Штыхов выделил три этапа в развитии кривичских древностей в Белорусском Подвинье: I-й относится к середине I тыс. н.э. — VI—VII вв., II-й охватывает VIII—IX вв., III-й датируется X—XI вв. В Смоленском Поднепровье Е.А.Шмидт вычленяет два этапа в развитии древностей культуры длинных курганов: I-й датируется рубежом VII—VIII или VIII вв., II-й этап относится к IX—X вв. [7]

Для VI—VII вв. характерно рассеянное очаговое расселение кри-

вичей в бассейне Западной Двины и Оршанском Поднепровье. Одно направление (полоцкое) фиксируется движением групп кривичей по рекам Нище, Дриссе (Янковичи, Рудня Россонского р-на) и южнее к участку Западной Двины между ее левыми притоками Ушачей и Уллой (Горовые Полоцкого р-на). Другое направление (витебское) обозначено двумя потоками: а) из бассейна Великой по р.Уща, системе озер к р.Оболь; б) из Ловатско-Двинского междуречья (комплекс Дорохи, Городок Городокского р-на, Лятохи, Старое Село Витебского р-на). По р.Лучёса кривичи спускаются южнее в Оршанское Поднепровье к оз. Ореховское (Ореховск Оршанского р-на), на р.Верхита (Озеры Дубровенского р-на), на Днепр (Пруды, Церковище, Н.Стайки Шкловского р-на). По р.Оболянка (приток Лучёсы) осваивается левобережье Западной Двины в зоне ее притоков Свечанки, Кривенки (Капланы, Ладиково Сенненского р-на) [8].

К VI—VII вв. общественное развитие лесной зоны Восточной Европы достигло качественно нового уровня. В погребальных памятниках иногда улавливаются следы начинающейся имущественной дифференциации, что влечет за собой выделение более богатых и могущественных родов, занимающих главенствующее положение в племенных структурах. К этому времени относится и возведение укрепленных городищ, а также возобновление жизни на заброшенных городищах раннего железного века и усовершенствование системы их обороны. Как показывают исследования, они могли быть родовыми либо племенными центрами в зависимости от того, какие типы поселенческих структур объединяли вокруг себя. Отдельные городища выполняли также сакральные функции. Кусты археологических памятников (скопления селищ, городищ и могильников) прослеживаются на территории распространения банцеровской культуры в междуречье Ушачи и Уллы (с центром на городище в Полоцке), Городокском поозерье, округе витебского городища (Замковой Горы в Витебске), районе волоков с Лучёсы на Днепр в Оршанском Поднепровье. Аналогичные кусты памятников характерны для бассейнов рек Нища, Уща, Усвяча, Ловать, верховьев Двины.

К VIII—IX вв. относятся новые зоны, присоединенные к основной территории кривичей. Наличие нескольких крупных, видимо племенных, кривичских центров в регионе, охватывающем витебское течение Западной Двины и Ловатско-Двинское междуречье (Городок на Ловати, Усвяты, Витебск, Торопец) дает основание считать, что именно отсюда на рубеже VII—VIII или в VIII в. осуществлялось проникновение кривичей на Смоленщину. Высокая концентрация кривичских могильников, а также присутствие их материалов на тушемлинских поселениях в бассейнах рек Межа и Каспля являются подтверждением этому. В IX в. кривичи распространяются и на левобережье Днепра в Смоленское Посожье [9].

Видимо, с момента проникновения кривичей в междуречье Двины и Днепра на Смоленщине можно говорить о выраженном членении,

казалось бы, целостного днепро-двинского культурно-исторического массива на западную и восточную части.

Смешиваясь с населением банцеровской и тушемлинской культурных общностей на вновь освоенных территориях, кривичи к концу третьей четверти I тыс. н.э. образуют устойчивые социально-территориальные структуры, хорошо прослеживающиеся в местах их первоначального расселения (рис. 1).

В западной части Днепро-Двинского междуречья (Полоцкое Подвинье) и в Витебском Подвинье кривичи смешиваются с родственным населением. Раскопки поселений третьей четверти I тыс. н.э. в зонах, где выявлены кривичские могильники этого времени, показывают мирный характер их дальнейшего развития. Видимо, кривичи проживали совместно с населением банцеровской культурной общности. Более того, малое количество ранних кривичских курганов вблизи Полоцка может объясняться не только наличием к северу и северо-востоку от Полоцка обширной заболоченной и практически незаселенной территории. На раннем этапе освоения Полоцкого Подвинья кривичи в какой-то мере восприняли и местный обряд погребения в грунтовых могильниках. Здесь, на западном участке Днепро-Двинского междуречья, этот обряд был устойчив длительное время. Свидетельством тому является не только обнаружение кривичских захоронений в грунтовых могилах IX в. на городище Свило-I, но и грунтовые могильники древнерусского времени в Миорском (Козловцы) и Браславском (Пашевичи) р-нах [10].

Формирующееся на основе поселенческих структур междуречье Ушачи и Уллы «княжение» с центром в Полоцке, в VIII—IX вв. расширяется в западном (между Ушачей и Дисной) и южном (верховья Березины и Друти) направлениях. В восточной части Днепро-Двинского междуречья в IX в. возникает ряд локальных центров у дд. Рокот, Кислая, Новоселки, объединяющих смоленский куст кривичских памятников. Хотя в отдельных случаях на восточном участке (Смоленщина) прослежено сосуществование кривичей с населением тушемлинской культурной общности на одних поселениях, генетическая связь между ними, по мнению Е.А.Шмидта, отсутствует. Он также отмечает, что на территорию Смоленщины кривичи пришли в уже сложившемся виде со своим погребальным обрядом и инвентарем [11]. На ранней стадии расселения кривичей в смоленской зоне ими были восприняты некоторые элементы погребального обряда тушемлинского населения.

Расширение территории, подвластной кривичам в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье (VIII—IX вв.), сопровождается разрушением родовых центров населения колочинской культуры в южной части ареала (Лукомль, Кисели, Никодимово, Демидовка), основанием новых центров (Свило-I, Гнёздово).

Наличие в погребальных памятниках кривичей VIII—IX вв. как отдельных предметов, так и наборов балтских украшений, дало повод одним исследователям увидеть в этом переселение ряда балтских пле-

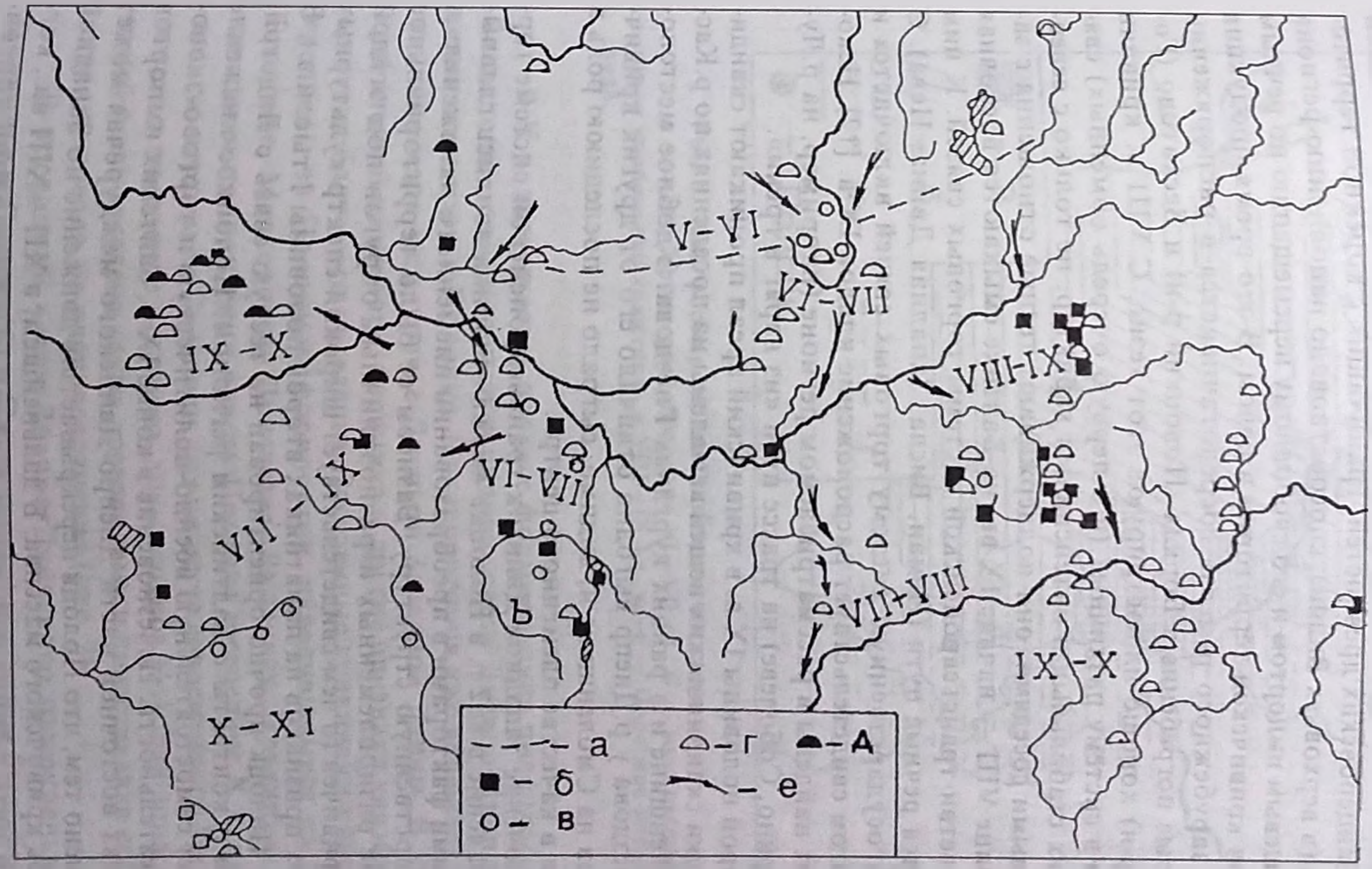


Рис. 1. Направления расселения кривичей в Днепро-Двинском междуречье (VI—X вв.).

а — южная граница псковских кривичей в V—VI вв.; б, в — поселения (селища, городища) банцеровской, тушемлинской культур и последней четверти I тыс. н.э.; г — могильники культуры длинных курганов; д — курганы с трупоположениями XI в. с ленной керамикой; е — направления движения кривичей.

мен в зону культуры длинных курганов, другим — балто-славянский симбиоз, либо балтское население края, находящееся под некоторым влиянием проникающих в регион славян.

Очевидно, что включение в VIII в. в кривичский ареал западной периферии банцеровских древностей, граничащих с коренной территорией балтов (в верховьях Вилии), способствовало наполнению региона балтским вещевым импортом и его свободному перемещению по речным путям внутри кривичской территории в целом. В это время продукция местного и зарубежного ремесла сосредотачивается в распоряжении знати. Богатые погребения в Борках (Полоцкий р-н) и Бескатово (Городокский р-н) хорошо иллюстрируют этот тезис. С VIII в. кривичи включаются в систему различных (и в первую очередь обменных) связей, имеющих стабильный и интенсивный характер, не только с северными и южными соседями, они поддерживают тесные отношения с западом. В конце VIII — начале IX вв. на Балтике смыкаются восточная и западная ветви трансъевропейской системы торговых связей. К ним подключаются речные пути (Неман, Висла, Западная Двина, Нева). С IX в. в межгосударственную систему торговых связей включается и Днепр. Об этом свидетельствует расположение кладов IX в. [12]. Некоторые из них найдены в рассматриваемом регионе (например, на р.Лучёса, в Добрино, Соболеве) на трассе пути «из варяг в греки».

Со второй половины IX в. в кривичский ареал проникают скандинавы. Находки скандинавских вещей выявлены на поселениях по р.Касплю на Смоленщине и в ранних курганах Гнёздова. Удобное местоположение Гнёздова у р.Днепр выгодно отличало его от других кривичских центров на Смоленщине и, видимо, сыграло не последнюю роль в выдвижении в качестве племенного центра.

Подключение Западной Двины к трансъевропейской системе торговли и появление в 862 г. в Полоцке «мужа» Рюрика явились главными движущими факторами в преобразовании племенного «княжения» в раннегосударственную структуру. Базисом ее было территориальное объединение разноплеменных и разноэтничных округов под эгидой полоцких кривичей (о чем свидетельствует широкий спектр культурных и этнических признаков на памятниках второй половины I тыс. н.э.). В конце IX в. Полоцк прочно ориентирован на тесную связь с Ладогой, Новгородом и контакты с Балтийским регионом. Полоцкое княжение осуществляет самостоятельную военно-политическую и торгово-экономическую деятельность. Исчезновение в конце IX в. балтских импортов в погребениях восточной части Днепро-Двинского междуречья может быть объяснено тем, что Полоцк перекрывает их движение по Западной Двине вглубь кривичского массива. В дальнейшем, в XII—XIII вв., когда Двинский путь официально вошел в сферу международной торговли, Полоцк неоднократно поступал таким образом в отношении Витебска и Смоленска, стремясь закрепить за собой монополию внешних торговых контактов.

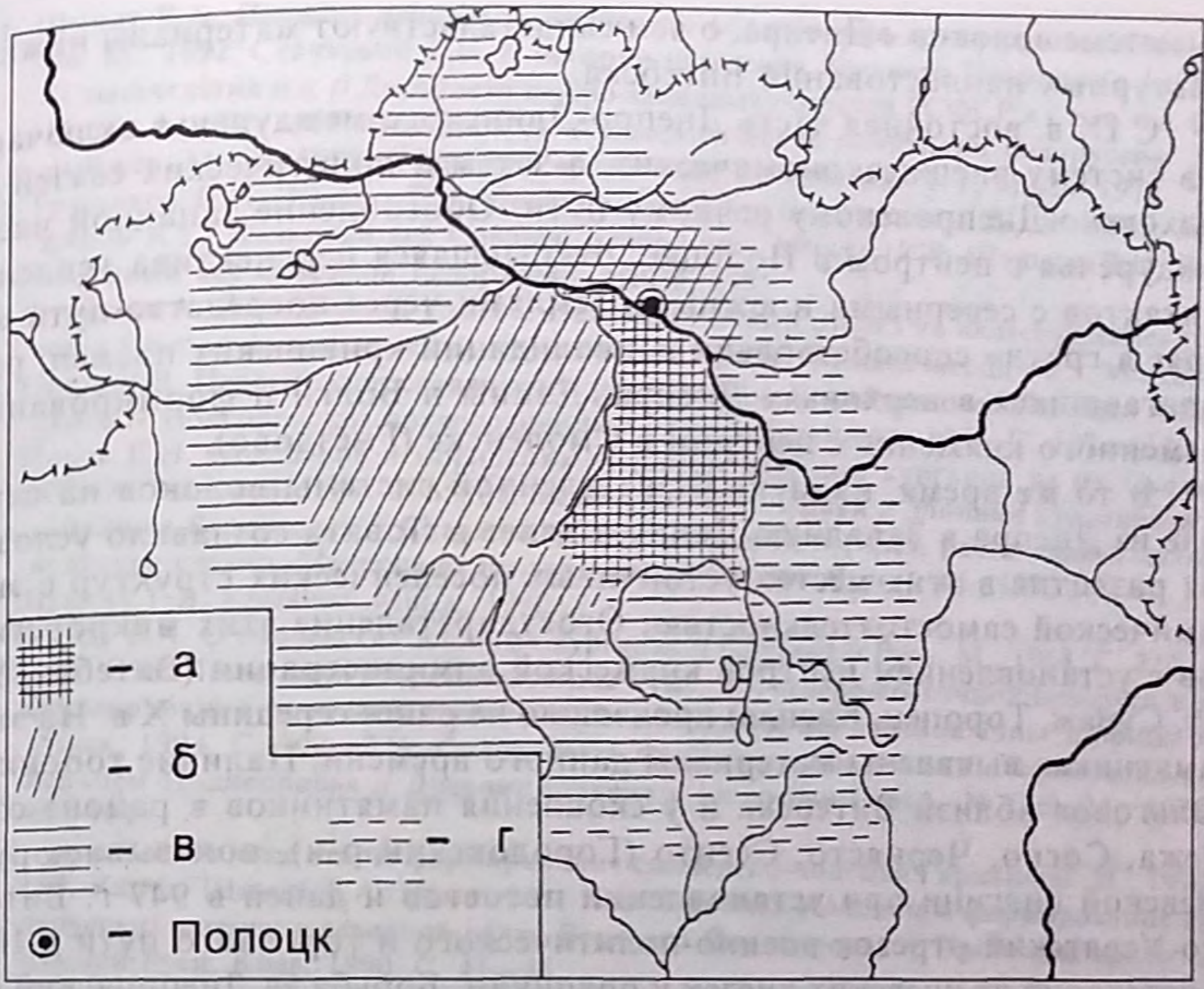


Рис. 2. Зона формирования Полоцкого княжества.

а — ядро территории «полочан» VI—VII вв.; **б** — зона расширения территории «полоцкого княжения» в VIII—IX вв.; **в—г** — Полоцкое княжество Рогволода.

В X в. завершается процесс формирования полоцкого «княжества Рогволода», занимавшего западную часть Днепро-Двинского междуречья с центром в Полоцке. Его территория уже включает помимо племенного ядра междуречье Дисны и Западной Двины. В этой зоне погребальный инвентарь, керамика и другие признаки указывают на присутствие балтского населения. Заселенные кривичами районы были закреплены за Полоцком форпостами, находившимися на городищах в Браславе, Масковичах, Дрисвятах, Ратюнках, Прудниках [13]. В юго-западном направлении власть Полоцка в середине X в. распространялась до верховьев Свислочи, где на месте современного Заславля существовало поселение полоцких дружинников [14]. Эта зона помимо кривичей была заселена также дреговичами и представляла собой северную окраину ареала их распространения (рис. 2).

В восточной части Днепро-Двинского междуречья (Витебском Подвинье и Смоленском Поднепровье) население было более однородным, преимущественно кривичским. В последней четверти I тыс. н.э. в Смоленское Поднепровье наблюдается значительный приток населения роменско-боршевской культуры. Оно проникает и в Витебское Подвинье

по системе волоков с Днепра, о чем свидетельствуют материалы нижних культурных напластований Витебска.

С IX в. восточная часть Днепро-Двинского междуречья включается в систему внешнеэкономических, а затем и политических связей по Волховско-Днепровскому речному пути. Обособление западной части междуречья с центром в Полоцке, открывшаяся перспектива усиления контактов с северными и южными землями через посредство пути «из варяг в греки» способствовали консолидации кривичских племен, располагавшихся в верховьях Днепра, Двины и Волги и формированию племенного княжения с центром в Смоленске (Гнёздово).

В то же время, наличие разветвленной системы волоков на переходе из Днепра в Западную Двину и далее в Ловать создавало условия для развития в этих местах устойчивых поселенческих структур с экономической самостоятельностью. Огосударствление этих микрорегионов с установлением центров княжеской администрации (Витебск, Усвят, Сураж, Торопец, Каспля) произошло не ранее середины X в. На этих памятниках выявлены материалы данного времени. Наличие топонима «Ольгово» вблизи Витебска и у скопления памятников в районе озер Межа, Сосно, Чернясто, Сесито (Городокский р-н), показывает путь киевской княгини при установлении погостов и даней в 947 г. Витебско-Усвятский отрезок военно-политического и торгового пути в 1021 г. переходит от киевских князей к полоцким. Борьба за Днепровский отрезок этого пути между Полоцким княжеством и формирующимся Смоленским княжеством продолжалась до XII в.

Развитие государственности в X—XI вв. (дальнейшее подчинение племенных территорий, перемены в структуре административного управления) внешне проявлялось в переносе центров территориальных единиц.

В Днепро-Двинском междуречье эти явления также имели место. С утверждением в Полоцком княжестве самостоятельной династии Изяславичей, на рубеже X—XI вв. его центр перемещен с древнего городища на территорию будущего Верхнего замка в Полоцке, где в XI в. возводится Софийский собор.

В конце XI в. внутри Полоцкого княжества уже вычленяются самостоятельные уделы (территориальные, административно-экономические и военные единицы), в которых старые центры уступают место новым. В Изяславском уделе в конце XI в. детинец переносится с городища Замэчек на территорию бастионного замка. Центр Менской волости с переходом ее из-под власти киевских князей в состав Полоцкого княжества, смещается с р.Мена (городище в верховьях р.Птичь) южнее на р.Свислочь (территория современного Минска). Видимо, и перенос центра Смоленского княжества из Гнёздова на территорию современного Смоленска связан с формированием государственных структур управления.

1. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. М., 1992; Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тыс. н.э. (МИА. № 76). М., Л., 1960; Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мінск, 1983; Очерки по археологии Белоруссии. Ч. I. Мінск, 1970.
2. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.;Л., 1963; Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии. Мінск, 1978; Шадыро В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Мінск, 1985.
3. Фурасьев А. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязяў ў I тысячагоддзі н.э. Мінск, 1996.
4. Седов В.В. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 127—137.
5. Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 65, 66; Башенькин А.Н. Сопки и длинные курганны в юго-западном Белоозерье // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. I. М., 1992.
6. Штыхаў Г.В. Крывічы. Мінск, 1992.
7. Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 224—229.
8. Левко О.Н. Памятники второй половины I тыс. н.э. северо-восточной Беларуси в свете формирования племенных «княжений» // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мінск, 1994. С. 207—226; Соловьева Г.Ф. Памятники конца I тысячелетия н.э. в Верхнем Поднепровье // Древние славяне и их соседи (МИА. № 176). М., 1970. С. 98—101.
9. Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 188. Карта; Шмидт Е.А. Памятники типа Тушемля-Колочин и формирование древнерусских племен в северной части Верхнего Поднепровья // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 41—46.
10. Семянчук Г.М. Новая катэгорыя археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (грунтовыя могільнікі X—XIII стст.) // Гістарычна-археалагічнны зборнік. Ч. 2. Мінск, 1993. С. 124—133.
11. Шмидт Е.А. К вопросу об этническом составе населения Смоленского Поднепровья и Подвинья в IX—X вв. // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988. С. 323—327.
12. Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. Вып. 183. 1984. С. 3—9.
13. Дучыц Л.У. Браслаўскае паазер'е у IX—XIV стст. Мінск, 1991.
14. Заяц Ю.А. Менская зямля // Беларускі гістарычны часопіс. Мінск, 1993. № 4. С. 8—15.

Н.В.Лопатин

ДНЕПРО-ДВИНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ*

Проблема происхождения культуры псковских длинных курганов (далее: культура длинных курганов) может рассматриваться по крайней мере (если не выходить за рамки чисто археологического источниковедения) с двух разных позиций, в рамках двух направлений. Первое направление, «универсальное», заключается в рассмотрении культуры в целом, обобщении сходных черт (в первую очередь в погребальном обряде и инвентаре), проявляющихся на всей занятой ею территории, и в поиске истоков этого комплекса, включении его в общеевропейский контекст [1].

Второе направление, которое стало планомерно разрабатываться в течение последних десятилетий, — «региональное» [2]. Оно опирается на комплексное изучение регионов, и в том числе (что особенно важно для темы данного доклада) поселенческой сферы культуры (комплекс керамики и других бытовых предметов, характер самих поселений, система хозяйства населения). Такая исследовательская позиция позволяет в большей мере обратить внимание на локальные различия в культуре длинных курганов и поставить вопрос о ее многокомпонентности.

Преобладание первого направления долгое время усиливало впечатление непохожести рассматриваемой культуры на другие восточноевропейские культуры раннесредневекового славянства, которые в основном из-за малочисленности курганов и вообще погребальных памятников изучались главным образом в рамках направления второго.

В настоящее время становится все более очевидным, что два исследовательских направления не представляют собой альтернативу решения проблемы происхождения культуры длинных курганов, но дополняют друг друга. Первое соответствует тому компоненту, той объединяющей «вуали», которая проявляется в первую очередь в погребальной сфере этой культуры. Данный компонент, по всей видимости, является пришлым на Северо-Западе Русской равнины. Второе направление позволяет более углубленно изучать как автохтонные, так и опять же пришлые компоненты, послужившие в конце римского времени субстратом при формировании культуры.

Второе направление базируется на углубленном изучении регионов. Одним из таких регионов является современное порубежье Псков-

---

* Доклад подготовлен в рамках работы над темой «Культурные трансформации в лесной зоне Восточной Европы в III—X вв. н.э.», финансировавшейся Международным научным фондом (фонд Сороса), грант № ZZ5000/424.

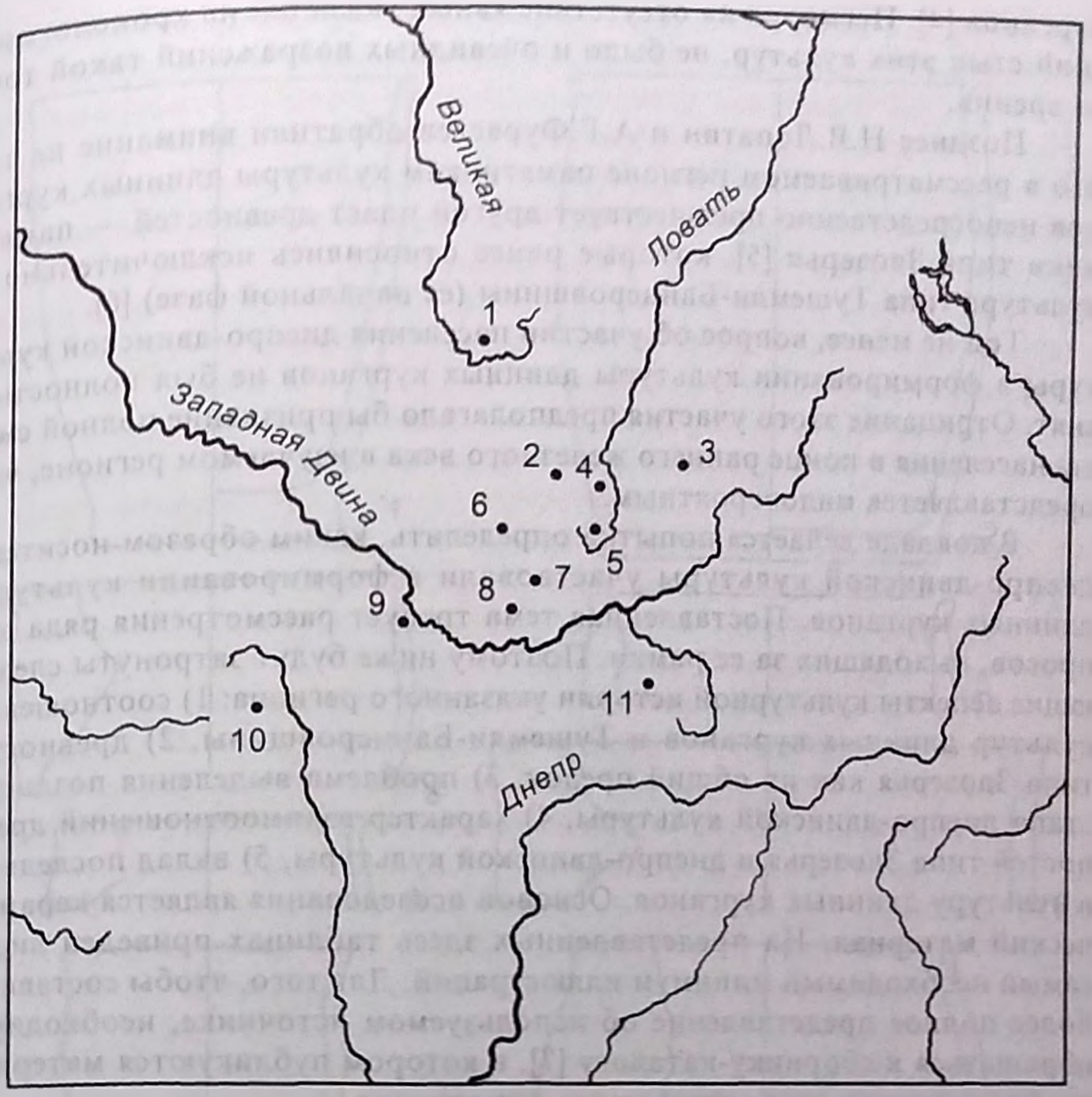


Рис. 1. Памятники Подвинья и прилегающих регионов, упоминаемые в статье. 1 — Турушино, 2 — Городок на оз. Каратай, 3 — Анашкино, 4 — Борисоглеб, 5 — Дорохи, 6 — Ермошино, 7 — Бураково, 8 — Казиново, 9 — Заговалино, 10 — Дедиловичи, 11 — Заозерье

ской, Смоленской областей и Белоруссии (рис.1). Исследования здесь в послевоенное время проводили Я.В.Станкевич, А.М.Микляев, Р.С.Минасян и другие сотрудники Северо-Западной экспедиции Эрмитажа, основанной А.М.Микляевым, а на территории Белоруссии — К.П.Шут, Г.В.Штыхов. В.И.Шадыро, О.Н.Левко и Ю.В.Колосовский.

А.М.Микляев в соавторстве с Б.С.Короткевичем и А.Н.Мазуркевичем разработал гипотезу о формировании местного варианта культуры длинных курганов на основе днепро-двинской культуры раннего железного века [3]. В качестве аргументации привлекались данные о размещении памятников в одних и тех же ландшафтных условиях (боровые пески озерно-ледниковых равнин), что свидетельствует о сходстве системы хозяйства населения. Упоминались находки керамики последнего этапа днепро-двинской культуры на селищах культуры длинных

курганов [4]. Несмотря на отсутствие явных указаний на хронологический стык этих культур, не было и очевидных возражений такой точке зрения.

Позднее Н.В.Лопатин и А.Г.Фурасьев обратили внимание на то, что в рассматриваемом регионе памятникам культуры длинных курганов непосредственно предшествует другой пласт древностей — памятники типа Заозерья [5], которые ранее относились исключительно к культуре типа Тушемли-Банцеровщины (ее начальной фазе) [6].

Тем не менее, вопрос об участии населения днепро-двинской культуры в формировании культуры длинных курганов не был полностью снят. Отрицание этого участия предполагало бы признание полной смены населения в конце раннего железного века в изучаемом регионе, что представляется маловероятным.

В докладе делается попытка определить, каким образом носители днепро-двинской культуры участвовали в формировании культуры длинных курганов. Поставленная тема требует рассмотрения ряда вопросов, выходящих за ее рамки. Поэтому ниже будут затронуты следующие аспекты культурной истории указанного региона: 1) соотношение культур длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины, 2) древности типа Заозерья как их общий предок, 3) проблема выделения позднего этапа днепро-двинской культуры, 4) характер взаимоотношений древностей типа Заозерья и днепро-двинской культуры, 5) вклад последней в культуру длинных курганов. Основой исследования является керамический материал. На представленных здесь таблицах приведен лишь самый необходимый минимум иллюстраций. Для того, чтобы составить более полное представление об используемом источнике, необходимо обращаться к сборнику-каталогу [7], в котором публикуются материалы большинства рассматриваемых памятников.

I. Соотношение культур длинных курганов и типа Тушемли-Банцеровщины

Многие исследователи указывали на некоторую перемешанность традиций этих культур в рассматриваемом регионе, приходя к разным выводам [8]. В длинных курганах здесь находят грубую слабопрофилированную керамику довольно стабильных форм, варьирующих от более раскрытых к более закрытым (рис. 2: 1,2). Еще одним вариантом является форма, имеющая более сильную профилированность верхней части в виде латинской буквы «S». Вся эта керамика в разных контекстах может считаться и «типичной длиннокурганной», и «тушемлинско-банцеровской». При рассмотрении ситуации «со стороны» культуры длинных курганов делался вывод о присутствии банцеровской керамики в некоторых длиннокурганных погребениях, а «со стороны» тушемлинско-банцеровской культуры — о характерности длинных курганов для данного локального варианта банцеровской культуры. На наш взгляд, корректнее говорить о нерасчлененности или неполной обособленности двух культур в правобережном Верхнем Подвинье и верховь-

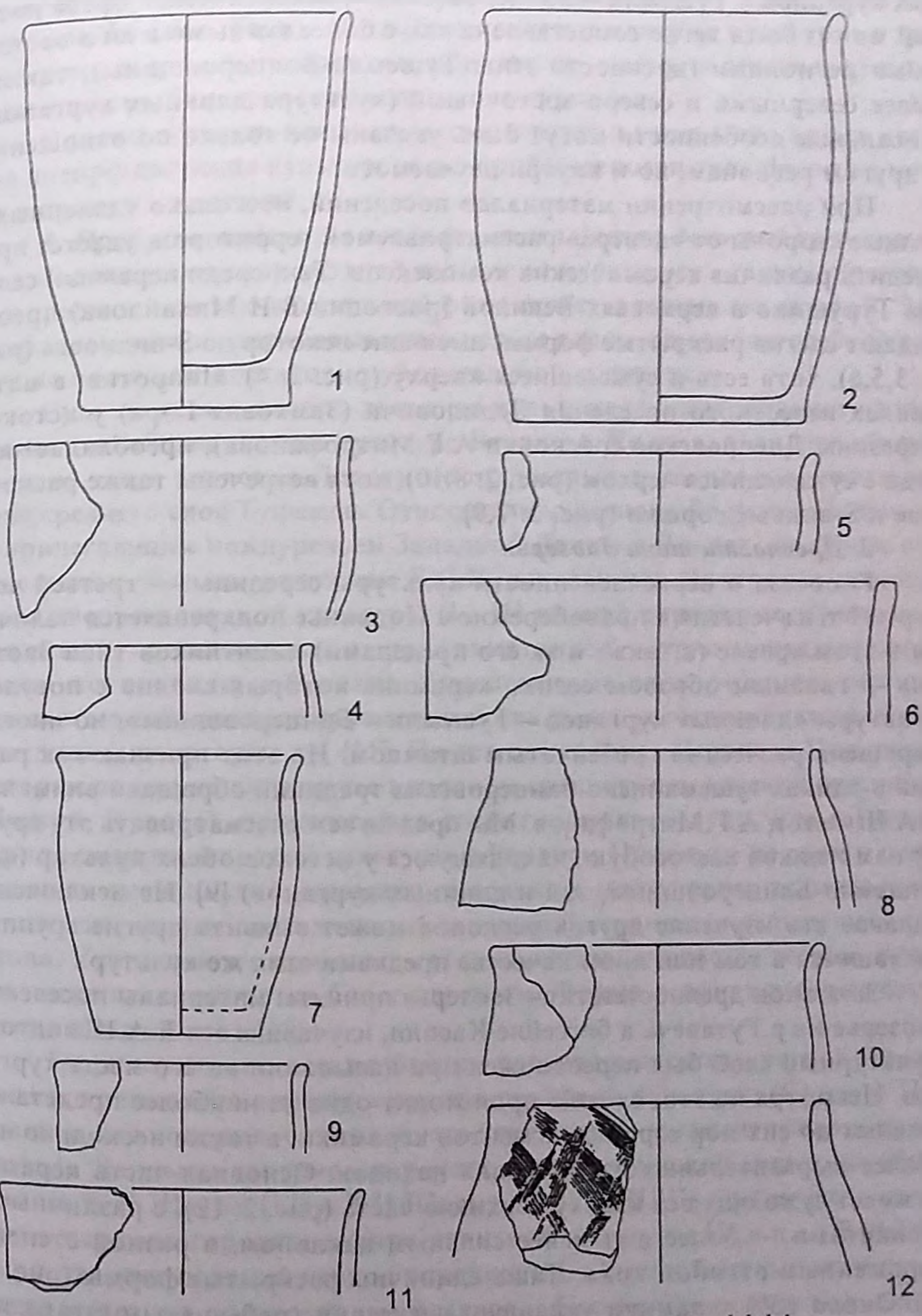


Рис. 2. Образцы керамики. 1 — Дорохи, 2 — Борисоглеб, 3—6 — Туруши-но, 7—10 — Дедиловичи, 11, 12 — Заозерье

ях Ловати. По сути дела, здесь мы имеем дело с единой культурой «длинных курганов – Тушемли – Банцеровщины», поселенческая сфера которой может быть легко сопоставлена как с более южными и юго-восточными регионами (древности типа Тушемли-Банцеровщины), так и с более северными и северо-восточными (культура длинных курганов). Локальные особенности могут быть указаны не только по отношению к другим регионам, но и внутри изучаемого.

При рассмотрении материалов поселений, несколько удаленных в разные стороны от «центра» рассматриваемой территории, удается проследить различия керамических комплексов. Так, среди керамики селища Турушино в верховьях Великой (раскопки В.Н.Михайлова) преобладают слегка раскрытые формы, имеющие некоторую S-видность (рис. 2: 3,5,6), хотя есть и сужающиеся кверху (рис. 2: 4). Напротив, в материалах известного поселения Дединовичи (Замковая Гора) у истоков Березины Днепровской (раскопки А.Г.Митрофанова), преобладает посуда с сужающимся верхом (рис. 2: 8,10), хотя встречены также раскрытые и S-видные горшки (рис. 2: 7,9).

2. Древности типа Заозерья

Гипотеза о нерасчлененности культуры середины — третьей четверти I тысячелетия в правобережном Подвинье подкрепляется наличием в этом ареале (а также и за его пределами) памятников типа Заозерья — главным образом селищ, керамика которых сходна с посудой культуры «длинных курганов – Тушемли – Банцеровщины», но иногда украшена расчесами гребенчатым штампом. На этот признак как ранний в рамках тушемлинско-банцеровских традиций обращали внимание Е.А.Шмидт и А.Г.Митрофанов. Мы предлагаем рассматривать эту группу памятников как особую, находящуюся у истоков обеих культур (как Тушемли-Банцеровщины, так и длинных курганов) [9]. Не исключено, однако, что изучение других регионов может выявить другие группы, являвшиеся в том или ином качестве предками этих же культур.

За эталон древностей типа Заозерья приняты материалы поселения Заозерье на р.Рутавечь в бассейне Каспли, изучавшегося Е.А.Шмидтом. Культурный слой был переотложен при насыпании на его месте курганов. Несмотря на это, отсюда происходит одна из наиболее представительных до сих пор серий фрагментов керамики, а также несколько наиболее выразительных датирующих находок. Основная часть керамики имеет сужающуюся кверху верхнюю часть (рис. 2: 12), с различными вариантами — более или менее сильным наклоном, в разной степени выраженным отгибом края. Лишь единичны раскрытые формы (рис. 2: 11). Около 15% керамики украшено расчесами гребенчатым штампом. Изредка попадаются фрагменты ребристой и лощеной посуды. Дату дают три предмета — обломок браслета с массивным выступом и две прогнутые подвязные фибулы разных типов [10]. Поселение существовало в пределах III—IV вв.

Такая керамика и хронология соответствует киевской культуре,

распространенной в более южных регионах. Можно предположительно конкретизировать исходный регион этой традиции — ареал памятников типа Абидни. Таким образом, выявляются южные культурные традиции позднеримского времени, принявшие участие в генезисе культур тушемлинско-банцеровской и длинных курганов.

Однако остается неясным — существует ли еще в это время местная днепро-двинская культура, с которой древности типа Заозерья могли вступить в контакт?

3. Проблема выделения позднего этапа днепро-двинской культуры

Задача уточнения верхней даты этой культуры, а также определения признаков ее заключительной фазы является весьма актуальной. Эти проблемы, хотя и разрабатывались целым рядом исследователей, до сих пор не получили достаточно убедительной трактовки.

Судя по всему, днепро-двинская культура рассматриваемого здесь региона наиболее близка культуре Верхнего Подвинья, за тем исключением, что в верховья Ловати не проникают в начале н.э. традиции типа среднего слоя Тушемли. Относительно региона Верхнего Подвинья (с прилегающим междуречьем Западной Двины и Ловати) наиболее определенные выводы изложены Б.С.Короткевичем. Датировка поздней фазы днепро-двинской культуры (I—III вв.н.э.) определяется комплексом вещей, прослеженным на ряде памятников — трапециевидные подвески, посоховидные булавки, определенные типы топоров, серпов, бритв и ножей, поздние грузики дьякова типа, усеченно-биконические пряслица и некоторые др. [11]. На тех памятниках Верхнего Подвинья, которые также не затронуты влиянием среднетушемлинских традиций (Подгай, Курово), продолжается развитие местной культуры: «Третий период днепро-двинской культуры в Верхнем Подвинье не связан с появлением песчанистой керамики, а только с некоторыми технологическими изменениями сглаженно-исчерченной керамики предыдущего периода. Утоньшаются примеси..., несколько увеличивается толщина стенок, черепок становится более плотным. Форма и орнаментация сосудов не изменились» [12].

Территориально весьма близки рассматриваемому региону и памятники западного варианта днепро-двинской культуры (Среднее Подвинье), для которых, однако, более характерна орнаментированная керамика. Данные о западном варианте днепро-двинской культуры обобщались К.П.Шутом [13] и В.И.Шадыро [14]. К.П.Шут датировал окончание периода городищ днепро-двинской культуры IV в.н.э., В.И.Шадыро относит поздний период городищ к I—V вв.н.э. на основании находок железных посоховидных булавок и биконических пряслиц, широкого распространения железных орудий труда и оружия. В IV—V вв. продолжает бытовать глиняная посуда прежних форм — баночных и слабопрофилированных (причем доля последних со временем увеличивается), гладкостенных, часто орнаментированных группами расходящихся прочерченных линий.

Итак, поздняя фаза днепро-двинской культуры в верховьях Западной Двины и ее белорусском течении в основном датируется I—III вв.н.э., иногда предположительно до V в., но хорошими датировками эти выводы не обеспечены. К сожалению, до сих пор отсутствуют представительные публикации специально выделенных керамических комплексов поздней фазы. Поэтому вышеизложенные соображения об их характере следует считать предварительными. Из-за этого затрудняется конкретизация тех концепций, которые увязывают дальнейшую судьбу днепро-двинской культуры (в классическом виде) с ее участием в формировании культур последующего периода — тушемлинско-банцеровской и длинных курганов [15].

Таким образом, современные представления о хронологии и характере позднего этапа днепро-двинской культуры недостаточны для обоснования ее участия в генезисе культур последующего времени. Однако в последнее время получены данные, позволяющие наметить иные подходы к обоснованию этого участия.

4. Взаимодействие древностей типа Заозерья и днепро-двинских

Пролить некоторый свет на проблему взаимодействия этих двух группировок позволяют материалы селища Ермошино I (к северу от истоков Полоты), изучавшегося автором. По сравнению с селищем Заозерье они характеризуются более частой встречаемостью керамических форм с вертикальной и раскрытой верхней частью (рис. 3: 1). Лишь изредка встречается здесь керамика с расчесами (1—2%). Единичны фрагменты лощеной и ребристой керамики.

Наибольший интерес для темы доклада представляет комплекс постройки 1. Это остатки небольшого и недолговечного полуземляночного квадратного жилища, слегка углубленного в материк. В заполнении было выделено четыре горизонта, трем из которых соответствуют открытые очаги одинаковой формы (в виде углубленного кострища с камнями). Культурно определимые материалы происходят из второго и третьего (пронумерованы снизу вверх) горизонтов. Ко второму относятся развалы грубой лепной толстостенной слабопрофилированной (со слегка отогнутым венчиком) керамики плохой сохранности (рис. 3: 3) и обломки чернолощеной ребристой миски (рис. 3: 2); к третьему — неполные развалы двух сосудов — баночного со слегка загнутым внутрь краем (рис. 3: 6) и раскрытого (рис. 3: 4). Эти последние два стилистически четко отличаются от керамики типа Заозерья, тушемлинско-банцеровской и длинных курганов: вместо почти обязательной плавной S-видности верхней части здесь — загнутость внутрь или прямизна (небольшой острый отгиб-козырек соседствует на том же сосуде с участком без какого-либо отгиба — рис. 3: 5). По фактуре керамика третьего горизонта более гладкая и плотная, она напоминает описание посуды днепро-двинской культуры позднего периода верхнедвинского варианта (по Б.С.Короткевичу, см. выше).

Поиск ближайших аналогий привел к материалам городища Горо-

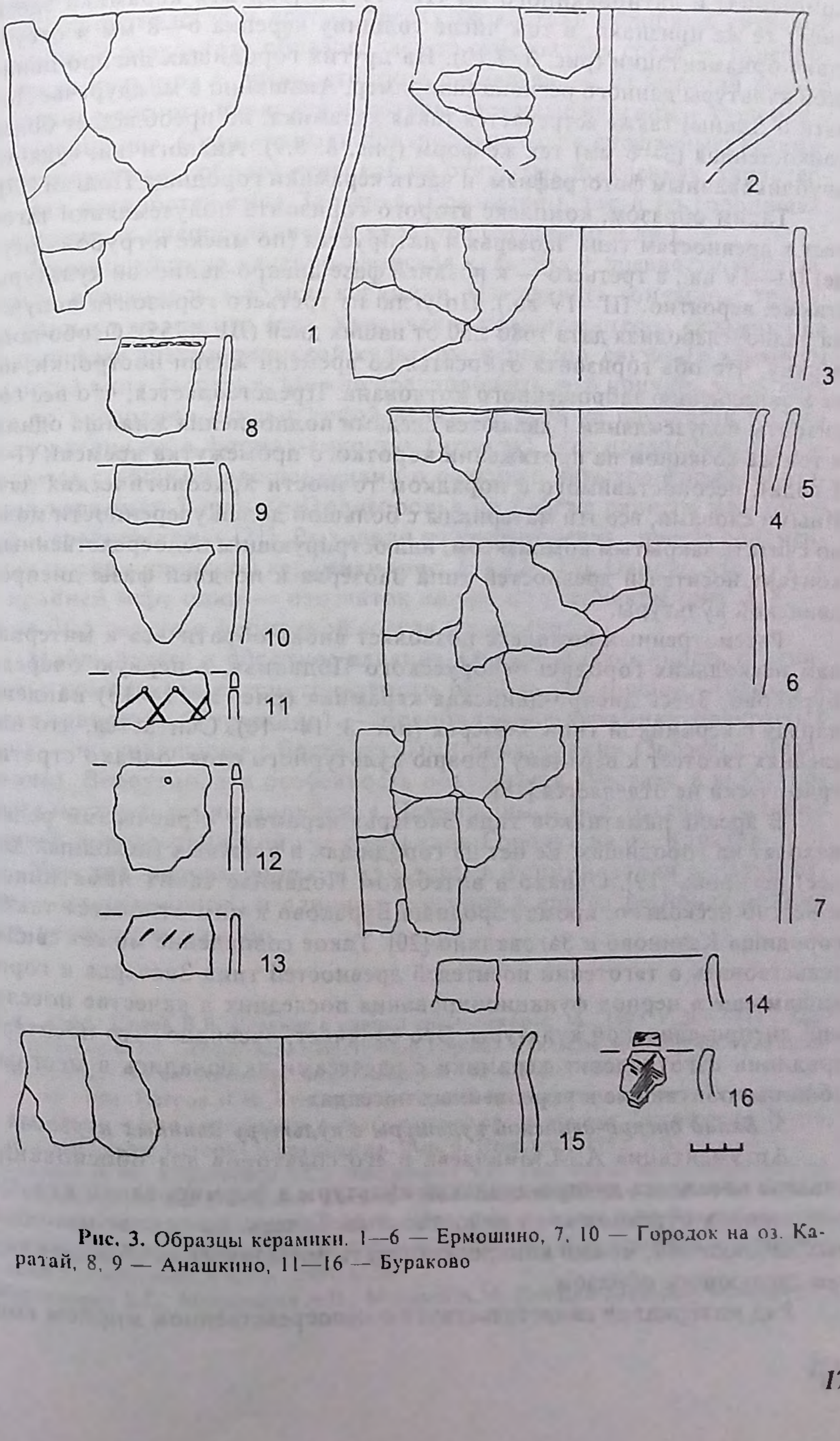


Рис. 3. Образцы керамики. 1—6 — Ермошино, 7, 10 — Городок на оз. Каратай, 8, 9 — Анашкино, 11—16 — Бураково

док на оз. Каратай, исследованного Р.С.Минасяном (около 50 км от Ермошина) и датированного им III—IV вв. [16]. Вся керамика здесь имеет те же признаки, в том числе толщину черепка 6—8 мм и отсутствие орнаментации (рис. 3: 7,10). На других городищах днепро-двинской культуры данного региона (например, Анашкино в междуречье Ловати и Двины) также встречается такая керамика, но преобладает более тонкостенная (3—6 мм) тех же форм (рис. 3: 8,9). Аналогична, судя по опубликованным фотографиям, и часть керамики городища Подгай [17].

Таким образом, комплекс второго горизонта полуземлянки тяготеет к древностям типа Заозерья и датируется (по миске и грубой посуде) III—IV вв., а третьего — к поздней фазе днепро-двинской культуры (также, вероятно, III—IV вв.). По углю из третьего горизонта получена радиоуглеродная дата 1680 ±50 от наших дней (ЛЕ-4955). Особо подчеркну, что оба горизонта относятся ко времени жизни постройки, но не к заполнению заброшенного котлована. Представляется, что все горизонты полуземлянки 1 являются следами подновления жилища одним и тем же хозяином на протяжении короткого промежутка времени (1—3 года), несопоставимого с порядком точности археологических дат. Иными словами, все эти материалы с большой долей уверенности можно считать закрытым комплексом, иллюстрирующим непосредственный контакт носителей древностей типа Заозерья и поздней фазы днепро-двинской культуры.

Рассмотренный комплекс позволяет вновь обратиться к материалам нескольких городищ белорусского Подвинья, в первую очередь Буракова. Здесь днепро-двинская керамика (рис. 3: 11—13) найдена наряду с керамикой типа Заозерья (рис. 3: 14—16). Считается, что последняя тяготеет к верхнему уровню культурного слоя, однако стратиграфически не отделяется [18].

В ареале памятников типа Заозерья керамику с расчесами редко находят на городищах. Ее нет на городищах и в южных (исходных для нее) регионах [19]. Однако в витебском Подвинье таких памятников известно несколько: кроме городища Буракова к ним относятся также городища Каминово и Заговалино [20]. Такое совпадение может свидетельствовать о тяготении носителей древностей типа Заозерья к городищам еще в период функционирования последних в качестве поселений днепро-двинской культуры. Это означает, очевидно, что носители традиции изготовления керамики с расчесами включались в местные общины, обитавшие в укрепленных поселках.

5. Вклад днепро-двинской культуры в культуру длинных курганов

Аргументация А.М.Микляева и его соавторов для обоснования участия населения днепро-двинской культуры в формировании культуры длинных курганов явно недостаточна. Теперь, на основе изложенных наблюдений, можно конкретизировать представления об этом участии следующим образом.

Ряд материалов свидетельствует о непосредственном мирном кон-

такте, в который вступили носители днепро-двинской культуры с постепенно проникавшими с юга носителями новых традиций (в керамическом производстве и других сферах хозяйства), подобных киевской культуре. В результате образовалась та субстратная среда — «днепро-двинская культура + древности типа Заозерья», — из которой вышло население местного варианта культуры «длинные курганы – Тушемля – Банцеровщина». Смешанные (и предположительно смешанные) керамические комплексы обнаружены как на открытых поселениях, характерных для древностей типа Заозерья (Ермошино), так и на городищах, свойственных днепро-двинской культуре (Бураково и др.).

Взаимодействие «днепро-двинская культура + древности типа Заозерья» отразилось в облике керамики. Изживались гончарные традиции раннего железного века. Увеличение толщины стенок керамики на поздней фазе днепро-двинской культуры, вероятно, связано с влиянием традиций типа Заозерья. Можно предположить, что причина здесь кроется во внедрении скульптурной лепки сосудов на плоскости вместо изготовления их в формах-емкостях (мешках). Это предположение согласуется с общими наблюдениями о развитии навыков формообразования керамики Верхнего Поднепровья на рубеже раннего железного века и средневековья [21]. Выходили из употребления приемы орнаментации днепро-двинской керамики (рис. 3: 8,11—13). Отмечу, что из них по крайней мере один — отпечаток шнура под венчиком (рис. 3: 8) — также был связан с формовкой сосуда в емкости.

Наблюдается и обратное влияние. Отмечена особенность керамических комплексов рассматриваемого региона (Ермошино, Дорохи) и более северных (Турушино) — преобладание керамики раскрытых форм — по сравнению с более южными памятниками (Заозерье, Дедиловичи). Вероятно, эта особенность объясняется участием в культурогенезе на территории порубежья Псковщины и Белоруссии традиций поздней днепро-двинской культуры типа Городка на оз. Каратай.

Участие днепро-двинской культуры в формировании культур Тушемли-Банцеровщины и длинных курганов в других регионах должно быть рассмотрено особо.

1 См., напр.: Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 209—217.; Карготополцев С.Ю. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб, 1994.

2 См. об этом: Петров И.Н. Культурно-исторические процессы в северной части Малого Метинского водораздела в эпоху раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 62.

3 Микляев А.М., Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. Результаты археологических исследований на юге Псковской и севере Смоленской областей в 1962—1987 годах // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989. С. 16; Микляев А.М. Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник, вып. 9. СПб., 1994. С. 30.

4 Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н., Микляев А.М. Двинско-ловатское междуречье в

каменном — железном веках // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С.33.
5. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III—V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб, 1994.
6. Шмидт Е.А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н.э. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1975. С.21; Митрофанов А.Г. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С.108.
7. Северо-Запад Русской равнины и Верхнее Поднепровье в III—VIII вв.н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 4). М. (в печати).
8. Обзор точек зрения см.: Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли... С.136.
9. Там же.
10. Шмидт Е.А. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёушчыны і сумежных тэрыторый. Матэрыялы канферэнцыі... Магілеу, 1994. С.113. Рис. 7.10,11.
11. Короткевич Б.С. Верхнее Подвинье в раннем железном веке // Памятники железного века на верхней Волге и верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С.11—13. Рис. 1.
12. Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. Вып. 2. СПб., 1992. С.70.
13. Шут К.П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966.
14. Шадыро В.И. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.
15. Шадыро В.И. Ранний железный век..., с.117—118; Микляев А.М. Новые данные о культуре длинных курганов на юге Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987. С.51; Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н., Микляев А.М. Двинско-ловатское междуречье... С.33.
16. Минасян Р.С. Городище Городок на берегу озера Каратай // СГЭ. Вып. XLV. Л., 1980. С.45—47.
17. Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э. МИА. № 76. М.,Л., 1960. С.56.57. Рис. 36,37.
18. Шут К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. // Архив Отделов археологии Института истории АНБ. Д.257. С.24.
19. Поболь Л.Д. Поселения железого века около д.Щатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск, 1967. С.236.
20. Шут К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. // Архив Отделов археологии Института истории АНБ. Д.237. С.15. Фото на рис. 30; Шут К.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 г. // Там же. Д.273. С.19. Рис. 44.10.
21. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С.160, 187, 188.

Christian Lübke

ZUR ROLLE VON FREMDEN IN DEN FRÜHMITTELALTERLICHEN SLAVISCHEN GESELLSCHAFTEN

Das bevorstehende Ende des zweiten Jahrtausends europäischer und damit christlicher Zeitrechnung wird in den kommenden Jahren vielfach Anlaß dazu geben, den Blick zurückzuwerfen auf die Geschichte des Kontinents. In dieser Rückschau darf, mit Blick auf die östliche Hälfte Europas, ein Ereignis einen hervorragenden Platz beanspruchen: das Millenium des Aktes von Gnesen [1]. Die damalige Pilgerreise Kaiser Ottos III. an das Grab des Märtyrers Adalbert von Prag, die nur wenige Jahre nach der Eheschließung des Kiever Fürsten Vladimir mit der byzantinischen purpurgeborenen Prinzessin Anna erfolgte, steht gewissermaßen für zwei Merkmale europäischer Geschichte: für die Einung des Kontinents durch das Band der christlichen Zivilisation, und zugleich für die Anerkennung der Eigenständigkeit neu hervorgetretener politischer Gemeinschaften und ihrer Staaten. Darin stimmt, trotz eines Jahrtausends der Wandlungen und Wechselfälle in politischer, sozialer, ökonomischer und territorialer Hinsicht, das damalige Erscheinungsbild des östlichen Europa mit dem heutigen in erstaunlichem Maße überein. Damals traten durch die Fürstenherrschaft vereinte und mit einer landeskirchlichen Organisation versehene Staaten hervor, die bis heute bestehen: Polen, Böhmen, Ungarn und die Kiever Rus'.

Nur zwei Jahrhunderte zuvor, zu Beginn des 9. Jahrhunderts, hatte das östliche Europa noch ein ganz anderes Erscheinungsbild, das sich an Hand der «Beschreibung» des sogenannten Bayerischen Geographen gut nachzeichnen läßt [2]. Diese aus der Mitte des 9. Jh. stammende Liste von Völkerschaften *ad septentrionalem plagam Danubii* (also «am nördlichen Ufer der Donau»), die um die Mitte des 9. Jahrhunderts am ostfränkischen Königshof oder in dessen Umgebung entstand, reicht bis tief ins östliche Europa hinein, bis zu den Vesen im oberen Wolgagebiet und zu den Chazaren im Kaukasusvorland. Folgen wir dem Bayerischen Geographen, dann prägten die in der Quellensprache als *civitates* bezeichneten Einheiten die damaligen Gesellschaften. In moderner Terminologie möchte ich sie als «Gesellschaften ohne Staat» bezeichnen und damit einen aus der Sozialanthropologie entlehnten Begriff benutzen, der zuerst auf politische und gesellschaftliche Strukturen im afrikanisch-britischen Kolonialgebiet angewandt wurde.

«Gesellschaften ohne Staat» sind vordergründig durch das Fehlen der zentralen Herrschaftsinstanz geprägt. Ihr wesentliches Strukturmerkmal aber ist das gleichrangige Nebeneinander von Verwandtschaftsgruppen, die, ähnlich wie die Segmente einer Zitrusfrucht, kompakte und homogen unterteilte gesellschaftliche Integrate bilden [3]. Vieles in der slavischen Frühgeschichte

spricht dafür, daß die Anwendung dieses Bildes auch für die Erhellung der vorstaatlichen Verhältnisse des östlichen Europa nützlich sein kann. Als «Segmente» können auch die *civitates* angesehen werden, die vor allem mit Hilfe der archäologischen Forschung als Siedelgebilde um eine Burg gedeutet werden [4]. Bausteine der zu der Burg gehörenden Siedelgemeinschaften waren die Sippen (*vadi*), deren Zusammenwirken die unterste Ebene politischen Handelns bildete. An der Spitze der Siedelgemeinschaften standen die Ältesten (*seniores*), wie der in der *Povest' vremennych let* beschriebene Kij, der legendäre Gründer Kievs, der als ihr Prototyp gelten kann.

Segmentäre Gesellschaften sind keineswegs "Urgesellschaften". Sie sind weder "einfach", noch kann man sie als Gesellschaften begreifen, die am Anfang ihrer Entwicklung stehen. Genausowenig befinden sie sich in der Sackgasse der gesellschaftlichen Entwicklung. Sowohl in ihrer strukturellen Reproduktion wie in ihrer geographischen Expansion erweisen sie sich vielmehr als dynamisch. Sie sind «Übergangsgesellschaften» in dem Sinn, daß sie Herrschaftsstrukturen hervorbringen und sich in zentralisierte Gesellschaften transformieren können. Ein solcher Transformationsprozeß, eine Phase des Wandels, hat sich auch im östlichen Europa im 9. und 10. Jahrhundert vollzogen. Aus Gesellschaften ohne Staat wurden verstaatlichte Gesellschaften, an deren Spitze mumifizierte Fürstendynastien standen.

In der Vergangenheit spielten in der Geschichtswissenschaft bei der Beurteilung des Prozesses der Staatsbildung außerwissenschaftliche Prämissen häufig eine wichtige und oft unheilvolle Rolle, angefangen mit dem mehr als zweihundert Jahre alten Streit um den Anteil der Waräger an der altrussischen Staatsbildung. Kern des Gegensatzes war dabei stets die Beurteilung des Stellenwertes äußerer Faktoren, die, wenn wir es am Verhältnis der Deutschen zu ihren slavischen Nachbarn deutlich machen, entweder als Ausdruck der kulturellen «Großtat des deutschen Volkes» oder des aggressiven «Dranges nach Osten» gedeutet wurden [5]. Mit einer kontrastiven Wertung des Fremdkontaktes steht die Historie durchaus nicht allein. In der modernen Wissenschaft, sei es in Ethnologie, Soziologie, Psychologie oder Ethologie, dominiert die Erforschung der negativen Seiten von Fremderfahrung: Xenophobie, Bildung von Stereotypen, Ethnozentrismus mit allen seinen Auswüchsen von der Diskriminierung von Minderheiten bis zum Rassenwahn. Der Begegnung und kriegerischen Auseinandersetzung mit den Anderen wird sogar eine kultur- und staatsfördernde Funktion zuerkannt, da sie die Solidarität nach Innen und die Kampfbereitschaft nach außen fördere [6].

Dabei stellt das Eindringen fremder Elemente genaugenommen nur eine Seite eines Prozesses dar, der vollständig nur zu verstehen ist, wenn man auch die andere Seite in Rechnung stellt — die Rezeption der fremden Elemente, die sich an solchen Erscheinungen wie Toleranz und Permeabilität der ansässigen Bevölkerung messen läßt, und ebenso an der Aufnahmebereitschaft, Faszination und Nachahmung fremdartiger Güter und Ideologien. Daher ist jegliche Form von Fremdkontakt als Interaktion, Kommunikation oder Austausch im weitesten Sinn zu deuten [7].

Allzu leicht wurde auch übersehen, daß den Menschen des frühen Mittelalters das Denken in nationalen Kategorien völlig fremd war. Ein geradezu programmatisches Zeugnis für die positive und pragmatische Einstellung gegenüber Fremden überliefern die «Ermahnungen» des ungarischen Königs Stephan an seinen Sohn Emmerich, dem er niederschrieb: «In Fremden (*hospites*) und ankommenden Männern liegt so viel Nützliches [...]. Für uns ist ein Reich mit einer Sprache und einer Sitte schwach und gebrechlich. Daher befehle ich Dir, mein Sohn, daß Du mit gutem Willen diese versorgst und ehrenvoll behandelst, damit sie vergnügt bei Dir leben [8].»

Man könnte geneigt sein, diese Direktive als wenig repräsentativen Ausdruck der Lebensform einer kleinen Elite zu betrachten, die bereits durch weitreichende «internationale» Verbindungen geprägt war. Doch gibt es genügend Hinweise dafür, daß das Reich der Ungarn, die den zeitgenössischen Chronisten noch ein halbes Jahrhundert zuvor als kaum zu bändigende Geißel des christlichen Europa galten, um die Jahrtausendwende zu einem Magnet nicht nur für die gesellschaftlichen Eliten, für Krieger und Geistliche (*bellatores* und *oratores*), geworden war, sondern auch für Händler, Handwerker und Bauern [9].

Darin hat sich das östliche Europa insgesamt von Ungarn nicht unterschieden, wenn auch mit der Einschränkung, daß der Austausch mit Fremden, sei es auf sozialer, materieller oder ideologischer Ebene, in erster Linie auf die peripheren Gebiete und auf die Umgebung der Fernhandelswege konzentriert war. Insbesondere die Archäologie hat in den letzten Jahrzehnten eine Vielzahl von Gegenständen zutage gefördert, die als Beleg für lebhafte Austauschbeziehungen gelten können. Zwar ermöglichen diese Fundstücke kaum eine Rekonstruktion der konkreten, mit ihrer Herstellung, Transport und Austausch verbundenen, sozialen Beziehungen zwischen Einheimischen und Fremden [10], doch spiegeln sie zweifellos eine weitgehende Offenheit gegenüber fremden Einflüssen wider. Dieser Befund ist bei der Interpretation anderer Quellengruppen, vor allem der schriftlichen und sprachlichen Zeugnisse, stets zu berücksichtigen, und er ist geeignet, den Nachrichten über Kriegszüge und Feindschaft einen geringeren Stellenwert zuzuweisen.

Ein Phänomen, das durch solch eine Re-Interpretation der Quellen einen viel höheren Stellenwert erhält, ist die Gastfreundschaft. Durch die historischen Quellen erfährt sie nur sporadische Erhellung, etwa durch die Verwendung der Termini altrussisch *gost'* oder lateinisch *hospes*, die durch die Hervorhebung der slavischen Gastfreundschaft durch Adam von Bremen und Helmold von Bosau ergänzt wird. Dabei ist sie das Ergebnis des Zusammenspiels jener elementaren menschlichen Verhaltensnormen, die der französische Ethnologe Arnold van Gennep so treffend als *rites de passage* «Übergangsriten» bezeichnete [11]. Da dieser Übergangsritus stets mit dem Austausch von Gabe und Gegengabe verbunden ist, ist die Gastfreundschaft zugleich wesentlicher Bestandteil des frühen Handelsverkehrs. Gewohnheitlich aus der Gastfreundschaft entwickeltes Gastrecht gab dem fremden Händler Sicherheit für seine Ware und sein eigenes Leben und garantierte für die

Dauer des Aufenthaltes in der fremden Umgebung Unterkunft und Verpflegung [12].

Nur einmal geben uns die Quellen ausführlicher Nachricht von der persönlichen Freundschaft zweier Handelspartner. Ich meine jene mit einer Inschrift versehene Kupferdose aus Sigtuna, die wohl aus der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts stammt und die für die Aufbewahrung von Waagschalen bestimmt war. Die Inschrift berichtet über die Beziehungen zwischen dem Schweden Djarf und einem Mann aus dem südbaltischen Semgallen (oder Samland) [13]. Wenn es um die Beziehungen zwischen den Handelsplätzen des östlichen Europa geht, scheinen in der Regel aber die bereits vor Ort ansässigen Landsleute die Rolle von Gastgebern übernommen zu haben, wodurch in den frühstädtischen Siedlungen schließlich ethnisch bestimmte Quartiere entstanden.

Adam von Bremen im 11. und Helmold von Bosau im 12. Jahrhundert rühmten die Gastfreundschaft der Slaven als unvergleichlich. In der *civitas Jumne*, also in Wollin in der Odermündung, lebten Slaven *cum aliis gentibus, Grecis ac Barbaris* sowie auch *advenae Saxones*. Die Gastfreundschaft der Wolliner war nur durch das Verbot eingeschränkt, sich während des Aufenthaltes öffentlich zum Christentum zu bekennen; ansonsten waren die Gäste gleichberechtigt und hatten volles Niederlasungsrecht (*parem cohabitandi legem acceperunt*). Toleranz in ethnischer und religiöser Hinsicht bedeutete für die Handelszentren jenseits der Grenzen der christlichen Reiche einen wichtigen Standortvorteil: Wenn Ibrahim ibn Ja'qub von Prag als dem wichtigsten Handelsplatz der östlichen Länder sprach, dann hob er besonders hervor, daß dorthin Rus, Slaven, Mohammedaner, Juden und Türken (das sind Ungarn) ihren Weg fanden, also Vertreter vieler verschiedener Religionen, zu denen dann noch «Deutsche» und Griechen kamen [14].

Wie die Entwicklung der Handelszentren im Ostseegebiet zeigt, waren intensive und profitable Austauschbeziehungen über alle Grenzen hinweg auch ohne die Förderung überregionaler politischer Gewalten möglich. Als *ports of trade*, als Freihandelszonen, haben sich diese Handelsplätze über einen ziemlich großen Zeitraum einen hohen Grad an Selbständigkeit bewahren können. Die Nachbarmächte verzichteten auf Annexion, solange der dort praktizierte freie Warenaustausch ihnen Nutzen brachte, oder sie demonstrierten lediglich ihren Anspruch durch bloße Repräsentanz in der Nähe, ohne in den Handelsverkehr einzugreifen. Auf lange Sicht aber war dieser Typ von Austauschplätzen nicht lebensfähig: Mit der Expansion der Herrschaftsgebiete schrumpften die Grenzmarken zu Grenzlinien, der Lebensraum der *ports of trade* schwand. Mit dem Anspruch der Fürsten auf unumschränkte Herrschaft in ihren *regna* war die Duldung solcher exterritorialer Gebiete nicht vereinbar. Die Rolle des Gastgebers der fremden Kaufleute, der *gosti*, ging allmählich auf die Fürsten über, die gleichermaßen schon zuvor fremde Spezialisten in ihr Heer aufgenommen hatten.

Hat die Anwesenheit der Fremden, wie sie hier am Beispiel der Händler skizziert wurde, auch in dem eingangs skizzierten Prozeß des Wandels von

«Gesellschaften ohne Staat» zu «verstaatlichten Gesellschaften» eine wesentliche Rolle gespielt? Diese Frage darf wohl uneingeschränkt mit ja beantwortet werden. Auf drei Ebenen hat der Fremdkontakt den Wandel angestoßen und beschleunigt:

In der ersten Ebene ist die Wirkung nur indirekt. Sie entstand aus der individualpsychologischen Beobachtung, daß der Fremde dem Ich zur Erkenntnis des Selbst verhilft [15]. Auf größere Gruppen und Gemeinschaften bezogen, die sich durch bestimmte Werte und Lebensweisen definieren, trägt das Bewußtwerden der Existenz anderer Lebenswelten zur Entwicklung und Stärkung des Wir-Gefühls bei. Seine schärfste Ausformung kann dieses Bewußtsein unter dem Druck von Fremdherrschaft gewinnen. Wir können dieses Phänomen bei den Slaven östlich von Elbe und Saale beobachten, wo sich das Widerstandspotential trotz ständiger militärischer Bedrohung durch das Reich zu dem — fürstenlosen — lutizischen Stämmebund bündelte, der für mehr als 150 Jahre ein archaisch wirkendes Relikt im Herzen Europas bildete [16].

Die zweite Ebene betrifft die Austauschbeziehungen im weitesten Sinn, die von den (negativen) Gefühlen gegenüber den Fremden überlagert und beeinflußt werden können, aber nicht müssen. Es geht dabei im wesentlichen um die mehr oder weniger zielbewußte Gewinnung der Werte und Fähigkeiten der Anderen, zu deren Methoden — unbestritten — auch Raub und Plünderung sowie Versklavung und Tötung gehörten. Die damit verbundenen Ereignisse und leidvollen Erfahrungen, die in den Erzählungen der Beteiligten und Opfer fortlebten, bestimmten häufig die Haltung der mittelalterlichen Chronisten gegenüber den Fremden. Doch sprechen die materielle Hinterlassenschaft und die sprachlichen Zeugnisse der Vergangenheit eine ganz andere Sprache. Sie belegen, daß Gruppen von Menschen, die sich einander fremd waren, und die je über verschiedene Güter verfügten, im beiderseitigen Interesse regelmäßige Austauschbeziehungen miteinander pflegten, die dauerhafter waren als Krieg und Feindschaft. Sogar die von den christlichen Chronisten als so blutrünstige Heiden beschriebenen Lutizen gingen Bündnisse mit sächsischen Adligen und mit Kaiser Heinrich II. ein, und zu dem großen Heringsmarkt bei der Tempelfestung Arkona auf Rügen hatten die sächsischen Händler selbstverständlich Zugang.

Im Licht dieser Erkenntnis erhalten jene weniger spektakulären schriftlichen Nachrichten über den Umgang mit Fremden, die gewöhnlich durch die stereotypen Schreckensmeldungen in den Hintergrund gedrängt werden, einen anderen Stellenwert. In der Kombination aller verfügbaren Zeugnisse — Importwaren und Grabbeigaben, fremde Kultobjekte und ungewöhnliche Gebrauchsgegenstände, Waffen und Bauelemente, fremde Ethnonyme in der Toponymie, fremde Personennamen und entlehnte Fachbegriffe, Rechtsbestimmungen und sprachliche Bedeutungsträger — wird so ein zunächst gewohnheitlich ausgeformtes System von Verhaltensnormen zur Sicherung des friedlichen Rahmens der Begegnungen erkennbar. Sein Kern war die Anknüpfung persönlicher Beziehungen auf der Basis des Gastrechts. Austausch-

beziehungen bestanden also keineswegs nur in dem bloßen Akt des Warentausches an der Grenze. Sie vermittelten vielmehr geistige Werte und neue Lebensweisen, sie regten zur Nachahmung an, sie schufen die Bedingungen für die Akzeptanz Fremder auch im Binnenland, und sie halfen, lokale Beschränktheit zu überwinden, die Bereitschaft zur eigenen Mobilität zu wecken. Sie bewirkten parallel zur «Verdichtung» materieller Kultur als Folge des Zuflusses von Handelswaren eine «Verdichtung» von Wissen und Fähigkeiten, die im Westen Europas (und in Byzanz) schon eine längere Tradition hatten [17].

Allerdings betrafen solche Formen des Austauschs und der Verdichtung nicht alle Schichten der Bevölkerung im gleichen Maße. Mit der wachsenden sozialen Differenzierung der Gesellschaft und mit der allmählichen Stärkung der Fürstenmacht in der hier behandelten Epoche verengte sich der direkte Kontakt mit den Fremden und der daraus gezogene Nutzen stetig mehr auf die Eliten, das heißt in erster Linie auf die Fürsten und die weltlichen und geistlichen Großen aus ihrem Gefolge. Die Fürsten kontrollierten schließlich die Grenzen ihrer Reiche, vergaben Pässe und privilegierten fremde Händler, ihre «Gäste»; sie zogen von ihnen Zölle ein (bevorzugt durch fremde Zolleinnehmer) und beauftragten sie mit der Beschaffung seltener Luxuswaren. Ebenso nahmen die Fürsten fremde Waffenträger in ihren Dienst, und schließlich waren sie es, die über Mittel und Macht verfügten, ganze Gruppen von ethnisch Fremden als Sklaven oder «Gäste» anzusiedeln oder als Handwerker anzuwerben.

Die See- und Grenzhandelsplätze, die sich bei den «Gesellschaften ohne Staat» etabliert hatten, und die ein erfolgreiches und attraktives Modell des kulturellen Austauschs verkörperten, verloren dagegen ihre Funktion und Bedeutung. Weder als selbständige Gebilde noch als integrale Bestandteile der neuen Territorialstaaten haben sie überlebt. Doch hat die in ihnen praktizierte Toleranz gegenüber den Angehörigen anderer Ethnien und Religionen gewiß eine Vorbildfunktion für die Integration fremder Spezialisten im Dienst der Fürsten gehabt. Die Fremden an den fürstlichen und bischöflichen Residenzen trugen ihrerseits zur Intensivierung der Kontakte nach außen bei und damit zur Förderung des kulturellen Lebens in den Zentren der neu entstandenen Staaten. Für diejenigen, die nicht vollständig integriert wurden, weil sie — wie die Juden — ihrem anderen Glauben treu blieben, blieb das Gastrecht die Basis ihres Aufenthaltes.

Vieles spricht dafür, daß es vor allem der Fürstendienst des ethnisch heterogenen Personals war, der den Aufstieg zu einer bevorrechtigten sozialen Schicht begründete. Vielleicht schon als *Maravi*, sicher aber als *Poloni* und *Bohemi* und ebenso als *Hungari* und *Rusi* verstanden sich, im Sinn der Zugehörigkeit zu einer politischen Nation, daher im 10. und 11. Jahrhundert eben auch jene Angehörigen der Oberschicht, die ihrer Herkunft nach zu urteilen Fremde waren. Gleichzeitig propagierte das Personal der Kirche, das zunächst praktisch geschlossen aus dem Ausland kam, die ideologische Basis für den dauerhaften Bestand der neuen Staaten: die Vorstellung einer un-

auflöslichen Einheit von Gott, Fürstendynastie und Land (mit seinen Bewohnern). Zu höchsten Repräsentanten dieser Einheit erhob man «politische Heilige», die aus der Reihe der Fürstendynastien stammten, allen voran den schon im 10. Jahrhundert in Böhmen als Landespatron verehrten Wenzel. Fremde dominierten schließlich auch im lukrativen Fernhandel und in der Erschließung von neuen Einkünften, wie zum Beispiel im Münzwesen und in der Zollerhebung.

Ausgehend von ursprünglichen peripheren Fremdkontakten über die Intensivierung der Austauschbeziehungen und die Verdichtung der kulturellen und gesellschaftlichen Erscheinungen waren Fremde also schließlich auch an der Ausbildung einer neuen politischen Elite und eines gemeinsamen Bewußtseins aller Angehörigen des Landes, aller Untertanen des Monarchen, beteiligt. Benedykt Zientara hat darauf hingewiesen, daß ähnliche Nationsbildungsprozesse heute in den nachkolonialen Staaten Afrikas ablaufen, wo eine häufig von fremder Kultur geprägte Oberschicht vor der Aufgabe steht, ihren aus verschiedenen Stämmen zusammengesetzten Staaten ein gemeinsames Bewußtsein zu vermitteln [18]. Ein wesentlicher Unterschied bleibt allerdings festzuhalten: Das mittelalterliche Osteuropa war von ethnisch bestimmten («ethnozentristischen») Vorurteilen so frei und unbelastet, daß einerseits die vollständige Integration der zugewanderten Fremden in die Oberschicht gelang, und daß andererseits die Konservierung ethnisch gebundener Fähgkeiten und Sonderrechte zum Nutzen des Fürsten keine ernsthaften Probleme für den Bestand des Staates aufwarf.

1. Ludat H. An Elbe und Oder um das Jahr 1000. Köln; Wien, 1971. S. 69 ff.; Lübke Chr., Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Teil III (Regesten 983—1013). Berlin 1986, Nr. 337; Fried J., Otto III. und Boleslaw Chrobry. Das Widmungsbild des Aachener Evangeliars, der «Akt von Gnesen» und das frühe polnische und ungarische Königtum. Stuttgart, 1989.
2. Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii sive Geographus Bavarus: letzte kritische Edition: Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 7—51.
3. Gesellschaften ohne Staat. Gleichheit und Gegenseitigkeit. Frankfurt am Main, 1978, darin besonders: Sigrist Chr., Gesellschaften ohne Staat und die Entdeckungen der *social anthropology*. S. 28—46.
4. Man vergleiche zuletzt: Brachmann H. Westslawische Burgherrschaft im Übergang von der Stammes- zur Staatsgesellschaft // Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht. Festschrift für K. Zernack zum 65. Geburtstag. Berlin, 1996 (= Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte 1996/1). S. 55—74, hier S. 55 f.
5. Nolte H.-H. «Drang nach Osten» — Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Köln; Frankfurt 1976; Wippermann W. Der «deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1981.
6. The Sociobiology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism. Ed. by V. Reynolds, V. Falgar, I. Vine. London, Sydney, 1987.
7. In dieser Hinsicht sind vor allem die Forschungen R. Numelins bemerkenswert, man vergleiche etwa: Numelin R., Intertribal Relations in Central and South Africa. Helsinki-Helsingfors, 1963 (Societas Scientiarum Fennica, Commentationes Humanarum Litterarum 32/3); Numelin R., Native Contacts and Diplomacy. The History of Intertribal Relations in

Australia and Oceania, Helsinki-Helsingfors, 1967 (Societas Scientiarum Fennica, Commentationes Humanarum Litterarum 41/1).

8 Libellus de institutione morum. Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn um die Jahrtausendwende, Wien, 1983 S 259 ff

9 So verzichtete beispielsweise der Freie Anselmus im Jahr 1003 gegen eine Entschädigung von 12 1/2 Mark auf sein von der Abtei Stablo bezogenes Lehen, um nach Ungarn zu gehen Die Nachricht zitiert Irsigler F Divites und pauperes in der Vita Meinwerci // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 57, 1970 S 449—499

10 Grundsätzliche Überlegungen zur Interpretation von Fremdgut bei Ellmers D Der archäologische Nachweis von Fremden in mittelalterlichen Hafenorten // Archäologie des Mittelalters und Bauforschung im Hanseraum Festschrift für Günther P Fehring (Schriften des Kulturhistorischen Museums Rostock 1), Rostock 1993 S 271—276, zu dieser Problematik auch Muller-Wille M Fremdgut und Import östlicher Provenienz in Schleswig-Holstein (9 —12 Jahrhundert) // Bericht der Römisch-Germanischen Komission 69 (= Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters) S 740—783

11 Gennep A van, Übergangsriten Frankfurt am Main, 1986 (urspr Les rites de passage Paris 1909)

12 Solche Aspekte werden behandelt bei Lübke Chr , Fremde im frühmittelalterlichen Ost- und Mitteleuropa // Mit Fremden leben Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart Munchen, 1995 S 108—121 und 257—263

13 Text der Inschrift bei A Ruprecht, Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften, Göttingen, 1958, S 159, Nr 173

14 Zur Gastfreundschaft in den Städten Lübke Chr Multiethnizität und Stadt als Faktoren gesellschaftlicher und staatlicher Entwicklung im östlichen Europa // Burg — Burgstadt — Stadt Zur Genese mittelalterlicher nichtagrarischer Zentren in Ostmitteleuropa, Berlin, 1995 S 36—50

15 Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej Warszawa, 1973; Kühnel H Das Fremde und das Eigene Mittelalter // Europäische Mentalitätsgeschichte Hauptthemen in Einzeldarstellungen Stuttgart, 1993 S 415—428

16 Zusammenfassende Wertung und weitere Literatur bei Fritze W H Lutizen // Lexikon des Mittelalters Bd 6 München, 1993, Sp 26 ff

17 Den Terminus «Verdichtung» benutzt Conze W , Ostmitteleuropa Von der Spätantike bis zum 18 Jahrhundert München, 1992, S 82, komplimentär zu dem Begriff «Ausweitung» zur Kennzeichnung der Wirkungen des hochmittelalterlichen Landesausbaus

18 Zientara B Nationale Strukturen des Mittelalters // Saeculum 32 1981 S 301—316 Hier S 302 f

Н.А.Макаров

ОКРУГА СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕЛООЗЕРА И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИЙ ГОРОДОВ НА СЕВЕРЕ РУСИ

Тезис о необходимости изучения сельской округи древнерусских городов и о невозможности решения проблемы происхождения и функций средневекового города без ясного представления об уровне и динамике развития окружающих их сельских территорий был сформулирован в отечественной археологии в начале 1970-х гг. и поддержан многими археологами-медиевистами [1]. Два прошедших десятилетия стали временем активного изучения разнообразных археологических объектов на территориях, окружающих важнейшие городские центры Северо-Западной и Северо-Восточной Руси: Новгород, Псков, Ладогу, Ростов Великий, Суздаль, Москву, Тверь и многие другие города. Благодаря этому впервые появилась возможность рассмотреть процесс становления некоторых городских центров в локальном и региональном археологическом контексте, с учетом конкретных данных о заселенности территории, размещении сельских поселений, времени их возникновения и динамике развития. Однако идею комплексного изучения города и прилегающих сельских территорий удалось пока реализовать лишь частично. Эта идея предполагает более-менее полную реконструкцию сети средневекового расселения вокруг городов, основанную на сплошном обследовании территории. Между тем подобные обследования, ограниченные даже сравнительно узким радиусом, оказались значительно более трудоемкой задачей, чем это можно было первоначально предположить. Округа многих городов известна нам по выборочным обследованиям и раскопкам на отдельных сельских поселениях. Даже в выделяющемся по своей изученности Ильменском Поозерье — ближайшей округе Новгорода, где подробно исследованы поселения конца I тыс. н.э. [2], не завершено выявление и картирование памятников следующего хронологического пласта — XI—XIII вв. Неполнота археологической информации об округе городов остается существенным препятствием для исследования процессов градообразования.

Белозерье — летописная область «Белоозеро», центром которой был одноименный город у истока Шексны из Белого озера, так же как и другие территории, не может претендовать на роль идеально исследованного региона. Относительно широкие раскопки здесь производились лишь на 10 средневековых поселениях (включая город Белоозеро) и на 8 могильниках [3]; многие категории памятников, элементы материальной культуры и направления хозяйственной деятельности изуче-

ны совершенно недостаточно. Однако район Белого озера и Верхней Шексны превосходит многие другие районы Северо-Западной и Северо-Восточной Руси по полноте обследованности территории. Систематические поиски средневековых памятников велись здесь с начала 1980-х гг. [4], а с 1992 г. они сменились сплошными разведками с картированием всех археологических объектов от мезолита до древнерусского времени (X—XIII вв.). Определенным стимулом для сплошных обследований явилось создание в восточной части Белозерья, на территориях, прилегающих к Кирилло-Белозерскому и Ферапонтову монастырям, Национального парка «Русский Север», предусматривающее особый режим охраны исторического ландшафта.

Наши первоначальные оценки возможности полноценной реконструкции древних и средневековых систем расселения в районе Белого озера и верхней Шексны были достаточно пессимистичны. Хорошо известно, что подъем уровня воды при сооружении Волго-Балтийской водной системы повлек за собой огромные разрушения археологических памятников всего Шекснинского региона. Однако в ходе разведок выяснилось, что основная масса памятников на Белом озере и верхней Шексне не полностью скрыта под водой, а лишь частично подтоплена и размыта. Поселения, находящиеся на небольшой высоте от современного уровня воды, недоступны для широких раскопок, но пригодны для шурфовки, почти все они имеют значительные обнажения культурного слоя с обильным подъемным материалом. Подобное состояние памятников отчасти облегчает их выявление, фиксацию и сбор датирующих материалов и в конечном счете вынуждает сосредоточиться на программе подробных разведочных обследований. Разумеется, вполне вероятно, что некоторое количество селищ полностью скрыто под водами Волго-Балта, и на составленной карте имеются отдельные лакуны.

В результате обследования побережья Белого озера и долины Шексны от истока до Сизьминского разлива, впадающих в них рек и прилегающих к ним средних и малых озер зафиксировано 144 поселения и 15 могильников X—XIII вв. (рис. 1). Диспропорция между количеством поселений и могильников объясняется тем, что большинство погребальных памятников не имеет внешних признаков и с трудом поддается выявлению, культурный слой селищ, напротив, хорошо заметен в обнажениях размываемых берегов и в распашке. Памятники сосредоточены на территории, протяженность которой с запада на восток составляет 110 км, с юга на север — 90 км, общая площадь ее, за вычетом площади Белого озера, около 7400 кв. км. На северо-западе, севере и востоке «освоенный» район имеет отчетливую границу — от других «освоенных» участков здесь его отделяет широкая (от 30 до 100 км) полоса незаселенных земель, значительную часть которой составляют болота и залесенные водоразделы. Менее четко обозначена юго-западная и южная граница этого массива памятников, проходящая по Сизьминскому разливу Шексны и пересекающая верховья Андоги — граница

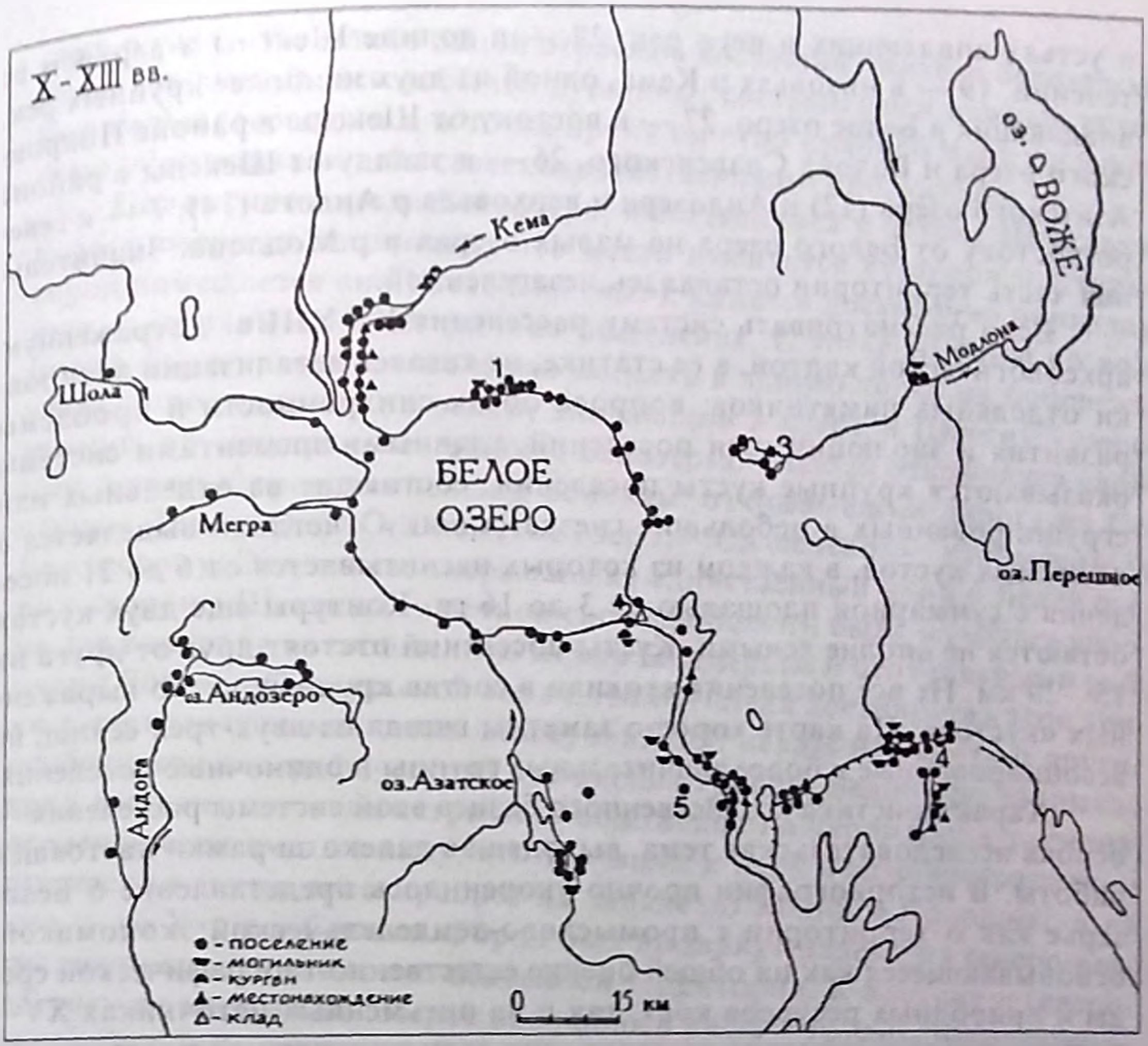


Рис. 1. Археологические памятники X—XIII вв. в районе Белого озера. 1 — Киснема; 2 — Старый город — Белоозеро; 3 — Волок Ухтомский; 4 — Волок Славенский; 5 — Крутик

разделяющая Белозерье на северо-восточную и юго-западную части.

Район Белого озера и верхней Шексны характеризуется, таким образом, высокой по северным стандартам концентрацией археологических памятников X—XIII вв. Эти памятники представляют собой наиболее крупный массив древнерусских поселений на Севере и в определенном смысле фиксируют «край» древнерусской территории, зоны сравнительно плотного распространения древнерусских памятников. В «освоенных» районах к северу и востоку от Белого озера концентрация памятников значительно ниже. Хотя уже в XI в. древнерусские колонисты начали расселяться на Онеге и Северной Двине и собирали дань на Приполярном Урале, граница зоны плотного древнерусского расселения, стабилизировавшись к востоку от Белого озера, практически не меняла своих очертаний вплоть до второй половины XIII — XIV в.

По территории Белозерья средневековые памятники распределяются неравномерно: 37 поселений находится на побережье Белого озера и

в устьях впадающих в него рек, 28 — в долине Шексны в верхнем ее течении, 19 — в низовьях р.Кема, одной из двух наиболее крупных рек, впадающих в Белое озеро, 27 — к востоку от Шексны в районе Покровского озера и Волока Славенского, 26 — к западу от Шексны в районе Азатского озера (12) и Андозера и верховьев р.Андога (14), 7 — к северо-востоку от Белого озера на малых озерах и р.Модлона. Значительная часть территории оставалась незаселенной.

Если рассматривать систему расселения X—XIII в. , отраженную археологической картой, в ее статике, не касаясь детализации датировки отдельных памятников, вопроса об их синхронности и проблемы развития и эволюции сети поселений, главными элементами системы оказываются крупные кусты поселений, состоящие из отдельных или сгруппированных в небольшие гнезда селищ. Отчетливо выделяется 6 подобных кустов, в каждом из которых насчитывается от 6 до 21 поселения с суммарной площадью от 3 до 16 га. Контуры еще двух кустов остаются не вполне ясными. Кусты поселений отстоят друг от друга на 15—29 км. Не все поселения входили в состав крупных четко выраженных «кустов». На карте хорошо заметны гнезда из двух-трех селищ, не ассоциированные в более значительные группы и одиночные поселения.

Характеристика хозяйственного базиса этой системы расселения — особая исследовательская тема, выходящая далеко за рамки настоящей работы. В историографии прочно укоренилось представление о Белозерье как о территории с промыслово-земледельческой экономикой, основывающееся как на общей оценке естественно-географической среды и природных ресурсов края, так и на письменных источниках XV—XVI вв. Археологические исследования дали конкретный материал для характеристики двух важнейших составляющих экономики этого региона — пушного промысла и земледелия. Широкие масштабы пушного промысла на Белозерье в X—XIII вв. документированы, во-первых, остеологическими коллекциями, прежде всего, остеологическими материалами, собранными на поселении Крутик [5], во-вторых, находками томаров — тупых костяных наконечников стрел, предназначенных для охоты на пушного зверя в Нефедьеве и в Белоозере [6]. В Нефедьеве подобные наконечники сопровождали примерно треть всех ненарушенных мужских погребений и являлись одним из наиболее постоянных элементов «мужского набора вещей». С другой стороны, в самое последнее время при флотации культурного слоя на белозерских поселениях получен довольно обширный зерновой материал — около 2000 зерен. Зерна представлены на 20 памятниках, среди которых как наиболее крупные поселения, находящиеся в центре региона (Белоозеро, Троицкое VI, Маэкса II, Крутик) так и небольшие селища на периферии, например на р.Модлона и Волоцком озере. В отмывках культурного слоя присутствуют зерна четырех основных земледельческих культур Древней Руси — ячменя, ржи, пшеницы и овса. Таким образом белозерские селища нельзя рассматривать как специализированные поселения,

связанные с какой-либо одной отраслью хозяйства. Жители белозерских поселков занимались добычей пушнины, составлявшей важный источник их благосостояния, в то же время они (по крайней мере частично) сами обеспечивали себя сельскохозяйственными продуктами.

Положение города Белоозера, находящегося у истока Шексны из Белого озера (в источниках это место именуется «устьем» и Старый город помещается «на Устье Шексны»), кажется достаточно оправданным и логичным в этой системе расселения. С устья Шексны по воде можно было сравнительно легко попасть в любую точку на побережье озера, а поднявшись по рекам, впадающим в озеро и Шексну — проникнуть во «внутренние» районы Белозерья. Отсюда открывался удобный доступ к трем важнейшим волокам, открывывшим дорогу на Северную Двину, Онегу и Онежское озеро — Славенскому, Ухтомскому и Бадожскому. Эта точка, закрывавшая единственный вход в Белое озеро с стороны Шексны (из речной системы Волги), была наиболее удобна для контроля за сообщением между Белозерьем и центральными районами Ростово-Суздальской земли. Но оценивая достоинства этой точки в системе средневековых коммуникаций, нельзя не видеть и другие особенности географического положения города. Белоозеро занимало ярко выраженное асимметричное положение на территории региона, особенно если иметь в виду, что тянувшие к нему в административном отношении земли простирались на западе до Колпи и Колошмы, а на юге — до Ухры и Согожи. Город был выдвинут далеко на северо-восток, на пограничье плотно освоенной территории. К востоку и северо-востоку от него на Белозерье находилось лишь 4 группы поселений — три небольших гнезда на Волоцком озере, р.Модлона и Покровском озере и более крупный куст на Волоке Славенском. При обращении к крупномасштабной карте хорошо заметно, что город существовал в определенном «вакууме» — вблизи него в радиусе около 10 км не было сельских поселений. К востоку от города на многие десятки километров тянулись леса и болота. Таким образом, если роль города Белоозеро как одного из крупнейших центров древнерусского расселения на северных окраинах и важнейшего узла средневековых коммуникаций на Севере хорошо документирована археологической картой, то функции его как регионального центра сельской округи не столь очевидны.

Попытаемся теперь рассмотреть динамику развития Белозерья-Белоозера как особого территориального образования, особой региональной системы расселения.

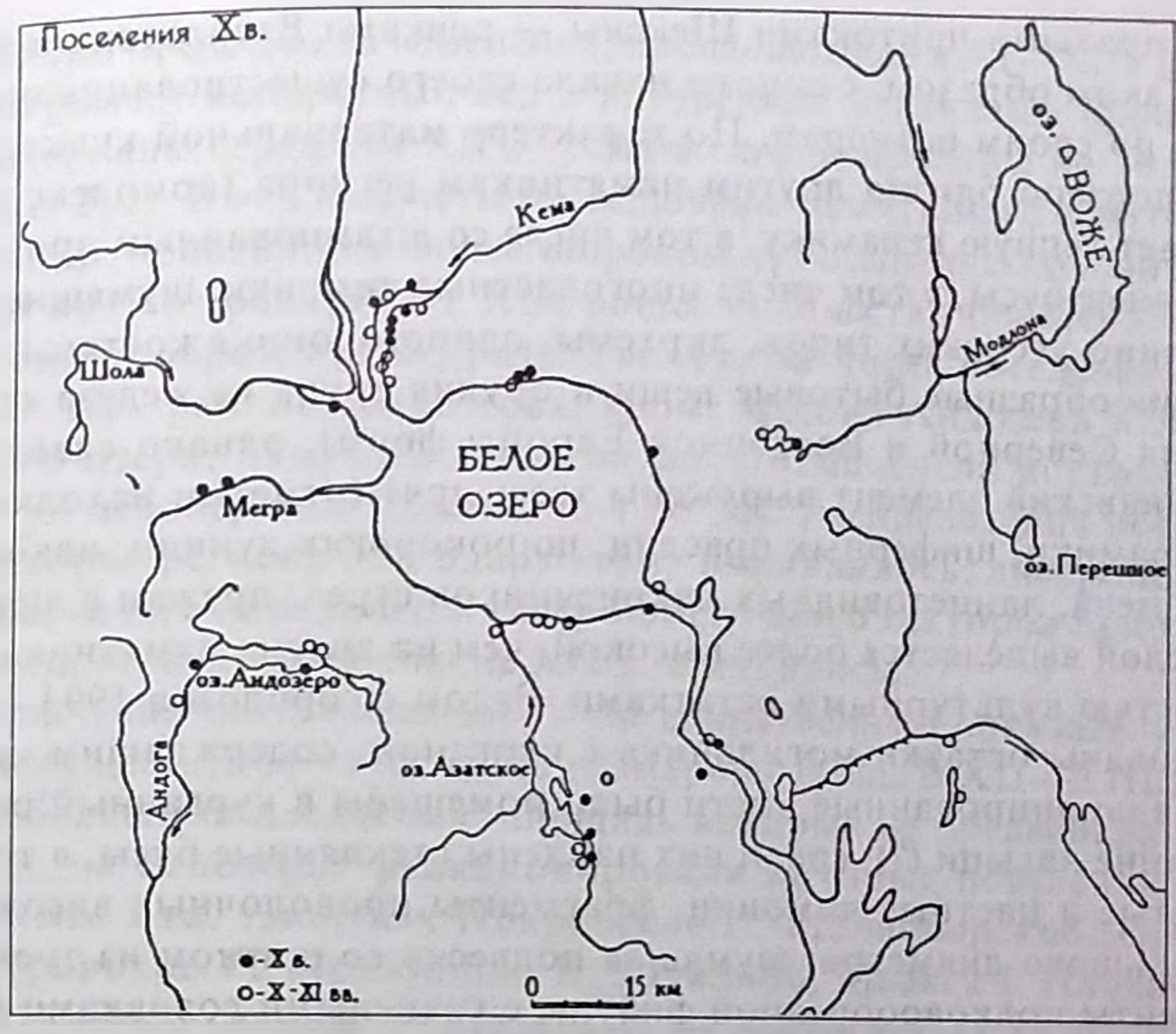
Обращение к этой проблеме предполагает, прежде всего, детализацию датировки белозерских поселений, расчленение общего массива белозерских древностей X—XIII вв. на несколько хронологических пластов. Эта задача выполнима не в полном объеме, поскольку часть белозерских поселений (в основном речь идет о сильно нарушенных объектах) может быть датирована лишь в широких хронологических границах X—XIII, X—XII или XI—XIII вв. Некоторые из этих поселений

действительно могли функционировать в течение сравнительно продолжительного времени, период жизни других был коротким, но мы не располагаем материалом для сужения хронологических рамок. Но у большей части памятников хронологические позиции могут быть уточнены. На поселениях можно выделить 3 хронологических комплекса вещей: второй половины IX — X в., XI — первой половиныXII в. и второй половины XII — XIII в. В силу самого характера материала первый и третий хронологические комплексы выделяются значительно четче, чем второй. Это связано с тем, что первый и третий периоды легко идентифицируются по керамическому материалу — «чистому» комлексу выразительной лепной керамики IX—X вв. или набору круговой посуды с характерной профилировкой XII—XIII вв., тогда как керамика XI — первой половины XII в. определяется не столь надежно, и при идентификации материалов этого периода исследователи вынуждены ориентироваться, главным образом, на более редкие вещевые находки. Поэтому наши выводы о развитии систем расселения во многом основываются на сопоставлении ситуаций X и середины XII — XIII в.

Материалы X и X—XI вв. представлены в регионе (включая район Андозера и Лозско-Азатской озерной системы) на 42 поселениях (рис. 2: 1). Сеть поселений этого времени охватывает всю территорию региона, многие поселения располагаются в точках, имеющих ключевое значение для контроля над территорией и ее эксплуатации (Киснема, низовье Кемы, истоки Шексны, Волок Славенский, Волок Ухтомский), но к востоку от Шексны и к северо-востоку от Белого озера поселения крайне редки. Местом более высокой концентрации поселений X в. выступает район Андозера и Азатского озера и низовья р.Кема. Почти все поселения этого времени имеют очень небольшие размеры. У многих из них площадь не превышает 1000 кв.м. и лишь единичные имеют площадь более 2000 кв.м. При шурфовке крупных поселений, существовавших на протяжении X—XIII вв., таких как, например, Троицкое VI в Киснеме, выясняется, что материалы X в. присутствуют здесь на очень небольших компактных участках. По своим размерам выделяются два городища на останцах: Крутик и Васютино с площадками около 6000 кв.м [7]. Симптоматично, что эти поселения находятся к западу и югу от Белого озера, что еще более подчеркивает неравномерности в заселенности юго-западного сектора приозерной территории, обращенного к р.Суда, и северо-восточного сектора.

Некоторые поселения X в. были объединены в гнезда. Но в целом для этого периода более характерны одиночные поселения, не образующие гнезд и кустов и отстоящие друг от друга на значительные расстояния, иногда на 10—20 км.

Что же представлял собой в X в. город Белоозеро? Основываясь на материалах раскопок Л.А.Голубевой и новых материалах, собранных С.Д.Захаровым [8], можно полагать, что поселение, возникшее не позднее середины X в., к концу этого столетия занимало площадь 1,5—2 га



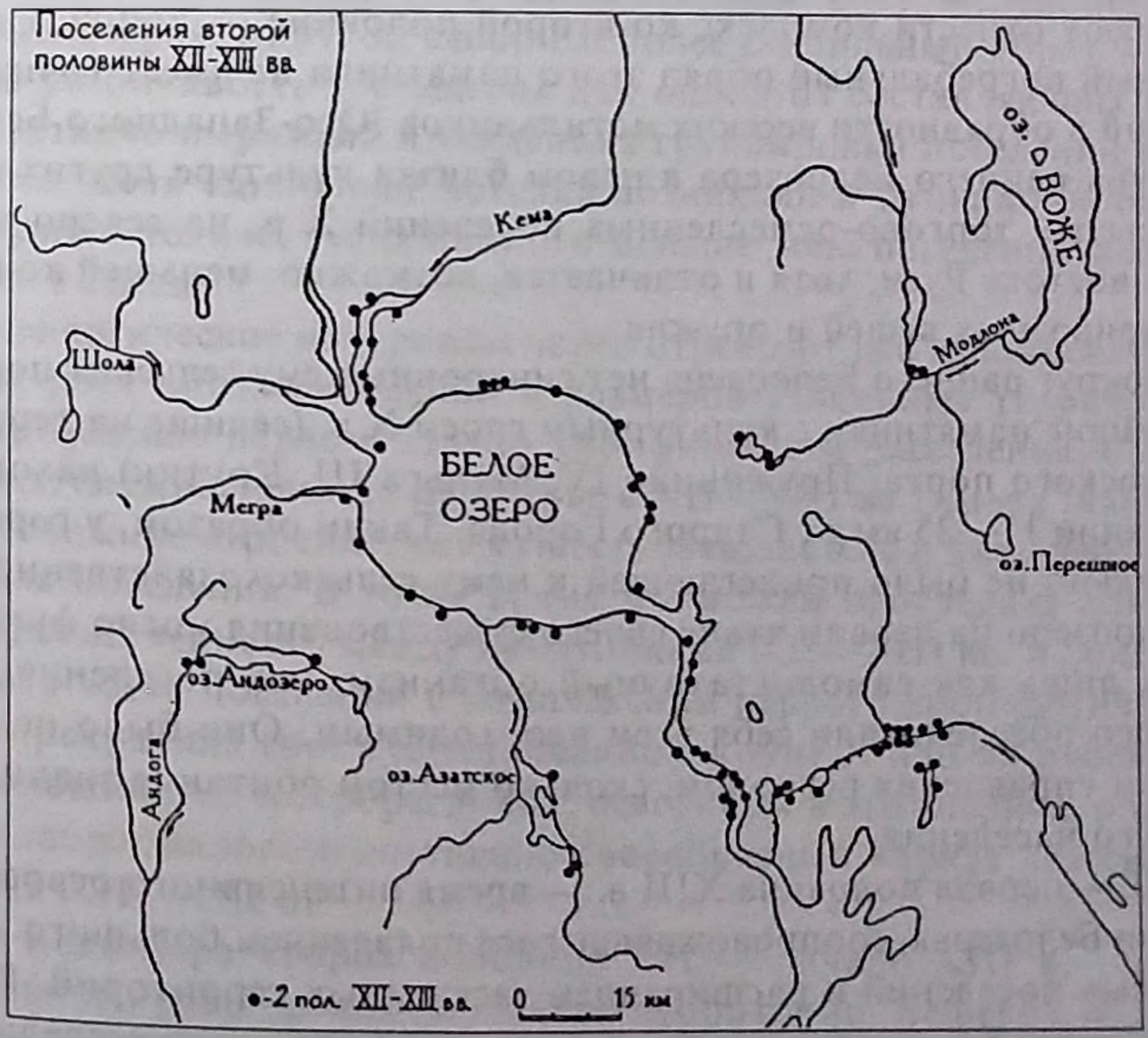


Рис. 2. Средневековые поселения различных хронологических периодов в районе Белого озера

между правыми притоками Шексны — речками Васильевкой и Никольской. Таким образом, с самого начала своего существования оно мыслилось по своим размерам. По характеру материальной культуры раннее Белоозеро близко другим памятникам региона (комплекс находок включает лепную керамику, в том числе со штампованным орнаментом, стеклянные бусы, в том числе многочастные лимонки, шумящие привески финно-угорских типов, дирхемы, односторонние костяные гребешки, разнообразные бытовые вещи и орудия труда из железа стандартных для Северной и Восточной Европы форм), однако славянский и скандинавский элемент выражены здесь ярче (отметим находки круговой керамики, шиферных пряслиц, широкорогих лунниц, наконечника ножен меча, ланцетовидных наконечников стрел, пряжки с личинами), а сам слой является более высокой, чем на других памятниках, насыщенностью культурными остатками. Рядом с городом в 1993—1994 гг. исследованы остатки могильника с курганом, содержавшим кремации X в. Кальцинированные кости были помещены в курганный ровик и в основание насыпи (?), среди них найдены стеклянные бусы, в том числе плавчатые и цветные лимонки, фрагменты проволочных височных колец большого диаметра, шумящая подвеска со щитком из трех волют, фрагменты подковообразной фибулы с граненными головками и овальной скорлупообразной фибулы. Набор вещей и радиоуглеродные даты позволяют отнести комплекс ко второй половине — концу X в. Своеобразный погребальный обряд этого памятника не имеет точных соответствий в обрядности весских могильников Юго-Западного Белозерья. Культура раннего Белоозера в целом близка культуре других городов и открытых торгово-ремесленных поселений X в. на северо-западе и северо-востоке Руси, хотя и отличается, возможно, меньшей концентрацией привозных вещей и оружия.

Вокруг раннего Белоозера нет синхронных ему сельских поселений. Ближайшие памятники с культурным слоем X в. (селище на территории Белозерского порта, Пружинино IV, Мунья III, Крутик) находятся на расстоянии 17—25 км от Старого Города. Таким образом, у города первоначально не было прилегающей к нему сельскохозяйственной округи. Белоозеро на первом этапе своего существования могло функционировать лишь как самодостаточный организм, как поселение, жители которого обеспечивали себя всем необходимым. Оно было не столько центром управления регионом, сколько местом обитания значительной части его населения.

XI — первая половина XIII в. — время интенсивного освоения территории Белозерья, сопровождавшегося появлением большого количества новых поселений и расширением заселенных территорий. Развитие этого процесса в течение почти трех столетий подробно исследовано на материалах одного локального региона на востоке Белозерья — Волока Славенского. Картирование памятников середины XII — XIII вв. на всей территории вокруг Белого озера и верхней Шексны позволяет бо-

лее рельефно представить изменения, происшедшие в XI—XIII вв., хотя и не раскрывает конкретный ход и внутренние механизмы процесса.

Материалы середины XII — XIII в. зафиксированы на 70 поселениях (рис. 2: 2). В эти подсчеты не включены памятники с круговой керамикой, датированной в более широком хронологическом интервале XI—XIII вв. По сравнению с X в. общее количество поселений увеличилось, таким образом, в 2-3 раза. Увеличение числа поселений фиксируется во всех районах Белозерья, кроме района Андозера и Лозско-Лавтского озера, наиболее высокий рост отмечен на востоке Белозерья — на левобережье Шексны (с 4 до 30). Распределение поселений по территории региона благодаря этому выравнилось, диспропорции в заселенности юго-западного и северо-восточного секторов приозерной территории во второй половине XII в. сгладились.

Увеличение числа поселений — не единственный показатель роста. Не менее существенно увеличение размеров селищ. В XII—XIII вв. наряду с небольшими поселками, площадь которых не превышала 2000—3000 кв.м, на Белозерье функционировали крупные поселения с площадью более 1 га, такие как Покровское II, Монастырское, Троицкое II—III, Троицкое VI, Пружинино II, Шуклино, Маэкса I. Площадь наиболее крупного селища — Маэкса II — достигает 11 га. Появление крупных поселений отражает, с одной стороны, рост численности обитателей Белозерья, с другой стороны, более стабильный образ жизни и большую устойчивость земледелия как одной из составляющих хозяйства. Отчетливо выражена и тенденция группировки поселений в гнезда и кусты. Хотя одиночные поселки возникали и функционировали и в этот период, доля их стала намного меньше доли поселений, ассоциированных в гнезда.

Археологические материалы четко отражают два взаимосвязанных процесса: рост числа поселений и размеров освоенных территорий и «структуризацию» первоначально аморфной сети расселения. Система расселения, сложившаяся на Белозерье в XII—XIII вв., имела значительно более сложное строение, чем существовавшая в X в. сеть небольших одиночных поселений. В то же время мы можем проследить довольно четкую преемственность между памятниками XII—XIII вв. и более ранними. Хотя часть поселений с комплексами первого хронологического периода прекратила свое существование в конце X или на рубеже X—XI вв., большинство микрорегионов, освоенных в этот период, впоследствии не забрасывлось и составило своеобразный каркас для системы расселения XII—XIII вв.

Для Белоозера вторая половина XII — начало XIII в. — время максимального расширения городской территории. Вещевой материал этого периода присутствует почти на всей площади памятника. В вещевой коллекции представлены едва ли не все категории и типы орудий труда, бытовых вещей, украшений и предметов христианского культа, характеризующих древнерусскую культуру этого времени. Значительная

часть вещей относится к типам, распространенным на рядовых поселениях и могильниках. В то же время на Белоозере представлены и некоторые находки, редкие или вовсе отсутствующие на других поселениях и выступающие в качестве своеобразных маркеров городской культуры: каменные иконки (рис. 3), энколпионы, книжные застежки, писала, амфорная керамика, золотые украшения с зернью и сканью, актовые печати и пломбы. Эти находки свидетельсвуют, что определенные группы населения, выделявшиеся по своему имущественному положению и социальному статусу (бояре, купцы, духовенство) были сосредоточены именно в этом пункте.

При отсутствии письменных источников трудно судить о том, в какой мере хозяйственное освоение региона в XII—XIII вв. регулировалось из Старого города и опиралось на его материальные и людские ресурсы. В этот период, безусловно, региональное единство усиливается, между городом и сельскими поселениями формируются более прочные связи. Значение Белоозера как административного центра отражает большая серия сфрагистических материалов, в составе которой 17 вислых печатей и более 70 пломб. В коллекции представлены хорошо известные типы печатей, принадлежащие князьям Владимиру Мономаху, Ярополку Владимировичу (4 экз.,1132—1139), Всеволоду Мстиславичу (3 экз., 1117—1136), Ярославу Изяславичу (1148—1154). Основная часть этих материалов относится к середине XII в. На роль города как ремесленного центра, обслуживавшего сельские поселения приозерной области, указывает не только открытие жилищ-мастерских в слоях XII—XIII вв. при раскопках Л.А.Голубевой [9], но и появление некоторых местных типов украшений, известных по находкам как в самом городе, так и на сельских поселениях и могильниках. В числе этих вещей, например, кресты-тельники с волютами около ушка или прорезные подвески в виде одноглавого конька. Весьма вероятно, что эти вещи производились городскими ремесленниками.

И все же противопоставление Белоозера остальным поселениям приозерной области как ремесленно-торгового центра — аграрно-промысловой округе было бы чересчур схематичным и поверхностным построением. Имеющиеся археологические материалы не позволяют пока предметно исследовать разделение труда между городом и остальными поселениями. При сравнении же материальной культуры Белоозера и сельских волостей мы обнаруживаем, что основной набор бытовых вещей, орудий труда и украшений в городе и деревне был общим. Находки на сельских поселениях и в могильниках крестов-тельников, образков, амулета-змеевика, стеклянных браслетов, боевого оружия, замков и ключей и некоторых предметов, связанных с ювелирным ремеслом, заставляют пересмотреть традиционные представления о бедности и замкнутости «сельских миров». Очевидно, хозяйственные занятия обитателей селищ были достаточно разнообразны, предполагали интенсивные контакты с внешним миром и могли приносить высокий доход.

Рис. 3. Каменные образки из Белоозера. Сборы на размытых участках поселения XII—XIII вв. 1 — св. Николай; 2 — св. Глеб

Складывается впечатление, что ремесло и торговля не были полностью монополизированы городом.

Акцентируя внимание на функциях Белоозера XII—XIII вв. как административного и торгово-ремесленного центра региона, мы не должны упускать из виду, что жизнь огромного поселения у истока Шексны из Белого озера не ограничивалась выполнением этих функций. Доля города в общем экономическом и демографическом потенциале Белозерского края оставалась исключительно высокой. Об ее относительной величине можно судить по соотношению площади города и площади остальных поселений. Суммарная площадь белозерских поселений X—XIII вв. (без самого города) оценивается нами в пределах 100 га. Учитывая широкие хронологические рамки многих памятников, трудно подсчитать площадь поселений с напластованиями второй половины XII — XIII в., однако мы должны иметь в виду, что на большинстве памятников преобладают материалы именно этого времени. Общая площадь Старого города — Белоозера — достигала, по оценкам С.Д.Захарова, 55 га. И в этом случае мы не можем пока подсчитать площадь распространения культурного слоя второй половины XII—XIII вв., но располагаем надежными данными, что именно с этим периодом связан максимальный рост городской территории. Поэтому вполне корректно предположение, что во второй половине XII — XIII в. площадь города

составляла примерно треть от общей площади белозерских поселений, а его население — треть всего населения Белозерской области. Такой город мог существовать лишь как достаточно самостоятельный организм с многопрофильным хозяйством, в том числе с собственной аграрной зоной и собственными промысловыми угодьями.

Оценивая общий ход развития Белозерского края в X—XIII вв., мы вправе говорить скорее об опережающем развитии города, сконцентрировавшего значительный экономический и людской потенциал и стимулировавшего колонизацию приозерных территорий, чем о кристаллизации его как центра местного управления и местной хозяйственной жизни. Белоозеро может рассматриваться как пример города, возникшего вне связи с аграрными поселениями. Будучи основанным на слабоосвоенных территориях, город в процессе своего развития как бы сам формировал вокруг себя сельскую округу. На протяжении всего периода X—XIII вв. Белоозеро оставалось не только центром властвования, но и местом концентрации значительной части населения региона. Плательщиками дани для данщиков великого князя, «старой чади», а впоследствии (с 1238 г.) для белозерских князей было прежде всего население самого города.

Таким образом, попытка проанализировать становление и развитие Белоозера на общем фоне археологической карты региона, взглянуть на генезис города со стороны «округи» приводит к достаточно неожиданным выводам, не вполне укладывающимся в традиционные представления о древнерусских городах и условиях их существования. Эти «аномалии» было бы проще всего объяснить окраинным положением Белоозера, нетипичными для древнерусских городов природными условиями Белозерского края. Но нельзя не заметить, что некоторые наблюдения о соотношении развития Белоозера и его округи находят параллели и в развитии других севернорусских городов.

Современное оживление интереса к проблеме происхождения древнерусских городов в немалой степени связано с тем, что обширный археологический материал, полученный в послевоенное время, далеко не во всем вписывается в концепцию городов — центров феодального властвования, ремесла и торговли, возникавших в наиболее густонаселенных сельскохозяйственных районах в связи с внутренними потребностями их хозяйства, восходящую к работам С.В.Юшкова и М.Н.Тихомирова. Историография этой проблемы подробно рассмотрена Е.Н.Носовым, показавшим, что процесс градообразования на северо-западе заметно отличался от аналогичных процессов на юге Руси [10]. По мнению Е.Н.Носова, городские центры на севере «рождались преимущественно не постепенно, как главные поселения сельских районов, а изначально росли в ключевых местах основных путей международной торговли, как центры такой торговли и ремесла, а также как административные и военные пункты». Наличие массы сельских поселений первоначально не являлось обязательным условием их возникновения [11].

Подобная ситуация прослеживается и на Северо-Востоке Руси. А.Е. Леонтьев полагает, что в Волго-Клязьменском междуречье местами возникновения городов оказываются обжитые мерянские территории, иллюстрируя этот вывод материалами хорошо изученной округи Ростова и Переяславля Залесского (Клещина) [12]. Однако если для Ростова и Переяславля эти суждения верны, то уже для Суздаля они проблематичны. Несмотря на наличие вблизи Суздаля нескольких мерянских селищ второй половины I тыс. н.э., Суздальское Ополье X в. едва ли может рассматриваться как густонаселенный регион, внутренние потребности которого обусловили становление здесь второго по значению города Северо-Восточной Руси.

«Особый путь» формирования расселенческих структур на Белом озере, выразившийся, в частности, в возникновении города в слабозаселенном районе и опережающем развитии города при запаздывающем развитии сельской округи, едва ли правомерно рассматривать как индивидуальные черты местной истории. Он соответсвует одному из общих путей становления древнерусского города на Севере.

1. Куза А.В. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962–1976 гг. // КСИА. Вып. 155. 1978. с.10—19. Леонтьев А.Е. Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА. Вып. 179. 1984. С. 26—32. Лапшин В.А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. Автореф. дисс.. канд. ист. наук. Л., 1985. Носов Е.Н. Новгород и Новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. вып. 2 (12). Л., 1984. Харлашов Б.Н. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. Вып. 183, 1986. С. 70—76.
2. Носов Е.Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991. С. 5—37.
3. Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990.
4. Макаров Н.А. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 57—93.
5. Андреева Е.Г. Фауна поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь по материалам поселения Крутик IX—X вв.) Петрозаводск, 1991.
6. Makarov N. The Colonization of Volok Slavensky in the XI—XIII Centuries — the Medieval Economy on the New Settled Areas // Fenno-Ugri et Slavi 1992. Helsinki, 1994. P. 35–42. Гайдуков П.Г., Макаров Н.А. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.7. Новгород, 1993. С. 179–188.
7. Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь.
8. Захаров С.Д. Левобережное Белоозеро по результатам обследований 1990–1992 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. вып.7. Новгород, 1993. С. 52–58. Он же. Новые данные о Белоозере XIV в. // Белозерье. Историко-литературный альманах. вып. I. Вологда, 1994. С. 16—23.
9. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 118—179.
10. Носов Е.Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 59—77.
11. Там же. С. 74.
12. Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 271—288.

Witold Mańczak

PRZEDHISTORYCZNE MIGRACJE SŁOWIAN

XVIII-wieczy orienalista niemiecki Ludolf sformułował pogląd, że o pokrewieństwie językowym decyduje nie słownictwo, ale gramatyka [1]. W ciągu minionych 300 lat pogląd ten został za aprobowany przez niezliczone autorytety i stał się jednym z dogmatów językoznawstwa. Ja jednak postanowiłem pogląd ten poddać weryfikacji i okazało się, że zasada sformułowana przez Ludolfa jest błędna. Slawiści są jednomyślni co do tego, że polszczyzna jest bliżej spokrewniona z językiem ukraińskim niż z rosyjskim. Ja jednak policzyłem najbardziej rzucające się podobieństwa fonetyczne między tymi językami i okazało się, że głosowych podobieństw polsko-rosyjskich jest znacznie więcej niż takichże podobieństw polsko-ukraięskich. Następnie dokonałem obliczenia podobieństw leksykalnych w paralelnych tekstach polskich, ukraięskich i rosyjskich, a wtedy się okazało, że słuszny pogląd, że polszczyzna nawiązuje bardziej do ukraińskiego niż do rosyjskiego, da się uzasadnić tylko podobieństwami słownikowymi [2].

Językoznawcy są jednomyślni co do tego, że łacina jest bliżej spokrewniona z francuskim niz z gockim, że gocki jest bliżej spokrewniony z angielskim niz ze staro-cerkiewno-słowiańskim, a polski jest bliżej spokrewniony z bułgarskim niz z litewskim. Jednak porównałem paralelne teksty w tych językach i uzyskałem następujące wyniki:

	Podobieństwa fleksyjne	Podobieństwa leksykalne
Łacina a gocki	103	47
Łacina a francuski	18	222
Gocki a staro-cerkiewno-słowiański	83	74
Gocki a angielski	31	93
Polski a litewski	62	51
Polski a bułgarski	52	291

Z tych danych wynika, że wbrew Ludolfowi pokrewieństwo językowe zależy nie od podobieństw fleksyjnych, ale od podobieństw słownikowych z tym ważnym zastrzeżeniem, że podobieństwa leksykalne muszą być liczone nie w słownikach, ale w tekstach [3].

Doszedłszy do wniosku, że podobieństwo językowe w rzeczywistości zależy od słownictwa, postanowiłem przedstawić nową klasyfikację języków romańskich opartą na podobieństwach leksykalnych zachodzących między językami romańskimi w paralelnych tekstach. Okazało się, że z grubsza zachodzi związek między ilością podobieństw słownikowych, jakie poszczególne języki wykazują w stosunku do pozostałych języków romańskich, a chronologią podbojów rzymskich:

Język		Początek podboju
Włoski	7498	Italia 396 r. przed Chr.
Portugalski	7159	
Hiszpański	7114	Hiszpania 226 r. przed Chr.
Katałoński	6985	
Francuski	6851	Galia (125) 58 r. przed Chr.
Prowansalski	6560	
Romanche	6318	Recja 15 r. przed Chr.
Sardyński	5333	Sardynia 237 r. przed Chr.
Rumuński	3564	Dacja 101 r. po Chr.

Im jakaś prowincja została wcześniej podbita, tym na ogół jej język lub języki doznały gruntowniejszej romanizacji [4]. To stwierdzenie ma kapitalne znaczenie dla zagadnienia przedhistorycznych migracji Słowian. Ale nim się do tej sprawy przejdzie, trzeba najpierw odpowiedzieć na pytanie, gdzie się znajdował punkt wyjścia migracji Słowian, innymi słowy gdzie leżała praojczyzna Słowian. Moim zdaniem praojczyzna Słowian znajdowała się w dorzeczu Odry i Wisły, za czym przemawiają następujące argumenty:

1) Języki pokrewne, które sąsiadują z sobą, są na ogół bardziej do siebie podobne niz języki nie sąsiadujące z sobą, np. polszczyzna jest bardziej podobna do czeskiego niż do słoweńskiego, bardziej podobna do białoruskiego niż do rosyjskiego, bardziej podobna do ukraińskiego niż do bułgarskiego.

2) Stosunki pokrewieństwa są zdumiewająco stabilne. Jest rzeczą oczywistą, że ze względów geograficznych łacina używana w Dacji około r. 270 (tzn. w momencie, gdy legiony rzymskie opuszczały Dację) nawiązywała bardziej do łaciny używanej w Italii niz do łaciny używanej w Galii czy Hiszpanii. Od ewakuacji wojsk rzymskich z Dacji minęło 1700 lat, w czasie których nie było kontaktów językowych między Dacją a Italią, a pomimo to dzisiejszy język rumuński jest do włoskiego bardziej podobny niż do pozostałych języków romańskich.

3) Języki germańskie są bardziej podobne do słowiańskich niż do bałtyckich, z czego wniosek, że w epoce przedhistorycznej Słowianie musieli siedzieć — podobnie jak w okresie historycznym — między Germanami a Bałtami.

4) Polski jest bardziej podobny do staropruskiego niż do litewskiego, z czego wniosek, że Słowianie pierwotnie mieszkali bliżej dawnych Prusów niż Litwy.

5) Polski jest bardziej podobny do niemieckiego niż do osetyńskiego, najbliżej Polski używanego języka irańskiego. Odległość między Hamburgiem a Kijowem jest niemak równa odległości między Kijowem a Władykaukazem, z czego wniosek, że praojczyzna Słowian nie mogła leżeć nad Dnieprem, bo gdyby tam była położona, to ilość leksykalnych zbieżności polsko-osetyńskich byłaby mniej więcej równa ilości słownikowych zgodności polsko-niemieckich.

6) Słownictwo łacińskie nawiązuje bardziej do polskiego niż do litewskiego, z czego wniosek, że w epoce przedhistorycznej — podobnie jak w okresie historycznym — Słowianie mieszkali bliżej Rzymian niż Bałtowie.

7) Języki germańskie są bardziej podobne do słowiańskich niż do romańskich. Jeśli zaś wziąć pod uwagę, że z Hamburga do Rzymu jest w linii powietrznej 1300 km, do Poznania 500, a do Kijowa bez mała 1500, to leksykalne zgodności germańsko-słowiańskie liczniejsze od germańsko-romańskich też przemawiają za zachodnią praojczyzną Słowian.

8) Irlandzki jest bardziej podobny do polskiego niż do litewskiego, z czego wniosek, że w epoce przedhistorycznej Słowianie musieli mieszkać — podobnie jak w okresie historycznym — bliżej Celtów niż Bałtowie.

9) Gdy się porównuje paralelne teksty, okazuje się, że wśród języków romańskich język włoski, powstały w kolebce ludów romańskich, jest tym, którego słownictwo ma najwięcej odpowiedników etymologicznych w pozostałych językach romańskich. Wśród języków słowiańskich polszczyzna ma tę samą właściwość co włoski wśród języków romańskich.

Uwzględniając te wszystkie dane, nie sposób zlokalizować praojczyzny Słowian gdzie indziej niż w dorzeczu Odry i Wisły [5].

Jak o tym już była mowa, przeprowadzone przeze mnie obliczenia wykazały, że im wcześniej jakaś prowincja została zdobyta przez Rzymian, tym więcej podobieństw leksykalnych do pozostałych języków romańskich wykazuje język lub języki używane w danej prowincji [6], co się tłumaczy całkiem po prostu tym, że im wcześniej jakaś prowincja została opanowana przez Rzymian, tym więcej czasu jej ludność miała na przyswojenie sobie łaciny. W tym stanie rzeczy, aby odpowiedzieć na pytanie, jak wyglądały przedhistoryczne migracje Słowian, postanowiłem ustalić, jak się przedstawiają podobieństwa słownikowa do pozostałych języków słowiańskich w poszczególnych językach. W tym celu przeanalizowałem trzy pierwsze rozdziały ewangelii według św. Jana w języku czeskim, słowackim, górnołużyckim, dolnołużyckim, białoruskim, rosyjskim, ukraińskim, serbochorwackim, słoweńskim i bułgarskim, przestrzegając przy tym następujących zasad:

1) Brałem pod uwagę tylko wyrazy pochodzenia słowiańskiego.

2) Uwzględniałem tylko te wyrazy, które miały odpowiedniki we wszystkich porównywanych tekstach.

3) W niżej zamieszczonym fragmencie listy wyrazów po każdym słowie figuruje litera (A, B, C itd.). Jeśli po dwu lub więcej wyrazach następuje ta sama litera, znaczy to, że te wyrazy są spokrewnione ze sobą w tym sensie, że mają identyczny szkielet spółgłoskowy pierwiastka.

4) Jako wyrazy spokrewnione traktowałem także słowa, które doznały redukcji na skutek tego, co nazywam nieregularnym rozwojem fonetycznym spowodowanym frekwencją [7], a więc np. takie wyrazy jak ros. *mne* i pol. *mi* czy czeskie *jeho* i pol *go*.

5) W złożeniach i zrostach brałem pod uwagę tylko jeden pierwiastek.

6) Przy każdym wyrazie notowałem, ile razy występował w przebadanym tekście.

7) Nie uwzględniałem wyrazów, które we wszystkich tekstach wykazywały ten sam pierwiastek.

A oto początek owej listy wyrazów (z pominięciem frekwencji):

Pol.	Cz.	Sła.	Gł.	Dł.	Br	Ros.	Ukr.	Sch.	Słe.	Bg.
a A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*in* B	*i* B
a A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*a* A	*i* B	*in* B	*i* B
a A	*a* A	*a* A	*pak* B	*pak* B	= C	*i* D	*a* A	*a* A	*pa* B	*i* D

Jak się przedstawiają podobieństwa leksykalne między językami słowiańskimi pod względem liczbowym, pokazuje niżej zamieszczona tabela (tab. I).

Jeśli chodzi o interpretację tych danych statystycznych, to najważniejsza jest suma podobieństw leksykalnych, jakie dany język wykazuje w stosunku do pozostałych języków słowiańskich. I tak pierwsza rzecz, jaka uderza, to to, że polski jest językiem najbardziej słowiańskim, a bułgarski najmniej słowiańskim, gdyż polszczyzna wykazuje najwięcej zgodności leksykalnych z pozostałymi językami słowiańskimi, a bułgarski najmniej.

Jeśli policzyć, ile nawiązań do pozostałych języków mają języki zachodnio-, wschodnio- i południowosłowiańskie, okaże się, że średnie arytmetyczne dla tych języków przedstawiają się następująco:

języki zachodniosłowiańskie	3500
języki wschodniosłowiańskie	3265
języki południowosłowiańskie	3154

Z tego wniosek, że pod względem leksykalnym najbardziej archaiczne są języki zachodniosłowiańskie, mniej archaiczne języki wschodniosłowiańskie, a najmniej archaiczne języki południowosłowiańskie. Wynika z tego także, że praojczyzna Słowian leżała na obszarze zachodniej Słowiańszczyzny, a ekspansja Słowian na wschód była wcześniejsza od ekspansji na południe.

Jeśli z kolei przyjrzeć się danym dotyczącym zachodniej Słowiańszczyzny, uderzyć musi pewna nieścisłość w nich. Dla każdego Polaka, nawet zupełnego laika, jest rzeczą oczywistą, że łatwiej się porozumieć ze Słowakiem niż z Czechem. Przeprowadzone przez mnie sondaże na świeckich tekstach słowackich, czeskich i polskich również wykazały, że polszczyzna ma więcej zgodności leksykalnych ze słowackim niż z czeskim. W tym stanie rzeczy należy uznać, że wśród języków zachodniosłowiańskich pod względem nawiązań leksykalnych do pozostałych języków słowiańskich na pierwszym miejscu jest język polski (3823), na drugim słowacki, na trzecim czeski, na czwartym górnołużycki (3369), a na ostatnim dolnołużycki (3013). Jeśli do języków zachodniosłowiańskich zastosujemy takie samo rozumowanie, jakie przed chwilą zastosowaliśmy do Słowiańszczyzny zachodniej, wschodniej i południowej, to dojdziemy do wniosku, że migracja Słowian poszła z obsza-

Tab. 1. Podobieństwo leksykalne między językami słowiańskimi

Pol		Cz		Sła		Gł		Dł		Br		Ros		Ukr		Sch		Słe		Bg	
Cz	497	Sła	541	Cz	541	Dł	482	Gł	482	Ukr	469	Br	425	Br	469	Bg	449	Sch	405	Sch	449
Sła	465	Pol	497	Pol	465	Cz	460	Cz	414	Ros	425	Sch	387	Ros	386	Słe	405	Pol	364	Ros	367
Br	397	Gł	460	Gł	448	Sła	448	Sła	407	Pol	397	Ukr	386	Pol	372	Ros	387	Bg	336	Słe	336
Gł	394	Dł	414	Dł	407	Pol	394	Pol	348	Sch	323	Bg	367	Sła	313	Pol	360	Ros	331	Br	315
Ukr	372	Słe	322	Br	318	Słe	321	Słe	274	Sła	318	Pol	338	Cz	309	Br	323	Cz	322	Pol	288
Słe	364	Ukr	309	Ukr	313	Br	269	Sch	232	Bg	315	Słe	331	Sch	296	Cz	301	Gł	321	Ukr	283
Sch	360	Br	302	Ros	301	Sch	267	Br	224	Cz	302	Sła	301	Bg	283	Ukr	296	Br	301	Cz	245
Dł	348	Sch	301	Słe	290	Ros	256	Ros	223	Słe	301	Cz	297	Słe	261	Sła	289	Sła	290	Sła	236
Ros	338	Ros	297	Sch	289	Ukr	247	Ukr	205	Gł	269	Gł	256	Gł	247	Gł	267	Dł	274	Gł	225
Bg	288	Bg	245	Bg	236	Bg	225	Bg	204	Dł	224	Dł	223	Dł	205	Dł	232	Ukr	261	Dł	204
	3823		3688		3608		3369		3013		3343		3311		3141		3309		3205		2945

ru polskiego najpierw na obszar słowacki, potem czeski, następnie górnołużycki, a wreszcie dolnołużycki. Pogląd ten nie powinien zaskakiwać, jeśli zważyć, że wielu badaczy uważa, że praojczyzna Słowian leżała w dorzeczu Odry i Wisły, zaś ekspansja w kierunku Łużyc wyszła z obszaru nie polskiego, ale czeskiego.

Jeśli chodzi o języki wschodniosłowiańskie, najwięcej nawiązań leksykalnych wykazuje białoruski (3343), mniej rosyjski (3311), a najmniej ukraiński (3141). Jeśli do języków wschodniosłowiańskich zastosuemy to samo rozumowanie, dojdziemy do wniosku, że ekspansja z dorzecza Odry i Wisły szła najpierw w kierunku obszaru białoruskiego, a tam z kolei doszło do jej rozwidlenia w kierunku południowym i północnym, tzn. na późniejsze terytorium ukraińskie oraz na późniejsze terytorium rosyjskie. Tylko przyjęcie takiej hipotezy odnoszącej się do migracji przedhistorycznych pozwala zrozumieć fakt, że białoruski pod względem leksykalnym nawiązuje do polszczyzny bardziej niż ukraiński, jakkolwiek w wyniku unii lubelskiej Ukraina weszła w skład Korony, a tym samym w orbitę silniejszego oddziaływania języka polskiego, podczas gdy Białoruś nadal pozostawała w Wielkim Księstwie Litewskim, w którego kancelarii jeszcze przez dłuższy czas obowiązywał język białoruski.

Jeśli chodzi o języki południowosłowiańskie, najwięcej nawiązań wykazuje serbochorwacki (3309), mniej słoweński (3205), a najmniej bułgarski (2948). Jeśli do języków południowosłowiańskich zastosujemy to samo rozumowanie, wysnujemy wniosek, że ekspansja wywodząca się z zachodniej Słowiańszczyzny szła najpierw w kierunku obszaru serbochorwackiego, a tam rozwidliła się w kierunku obszaru słoweńskiego oraz obszaru bułgarskiego. Zdaję sobie sprawę z tego, że ta teza może budzić najwięcej sprzeciwów. Slawiści dzielą się na dwie grupy: jedni utrzymują, że południowi Słowianie przywędrowali w całości ze wschodniej Słowiańszczyzny, a drudzy sądzą, że obszar południowosłowiański powstał w wyniku dwu ekspansji, jednej wychodzącej ze wschodniej Słowiańszczyzny, a drugiej idącej z zachodniej Słowiańszczyzny. O ile mi wiadomo, jedynym autorem będącym odmiennego zdania jest Nalepa, który uważa, że południowa Słowiańszczyzna jest dziełem przybyszów wyłącznie z zachodniej Słowiańszczyzny [8]. Uważam, że Nalepa ma rację, a na poparcie jego tezy przytoczę następujące fakty:

1) Twierdzi się, jakoby między bułgarskim a pozostałymi językami południowosłowiańskimi zachodziła wyraźna różnica. Tymczasem w rzeczywistości pod względem leksykalnym różnica między bułgarskim a serbochorwackim jest mniejsza od różnicy między serbochorwackim a słoweńskim. W przeanalizowanych tekstach znalazłem 449 nawiązań między serbochorwackim a bułgarskim oraz 405 zbieżności między serbochorwackim a słoweńskim.

2) Stosunki pokrewieństwa między językami są bardzo stabilne. Wspomniałem już o stosunkach między rumuńskim a innymi językami romańskimi, a teraz przytoczę inny przykład. Przeprowadzone przeze mnie porównanie paralelnych tekstów wykazało, że 1) gocki nawiązuje najbardziej do staro-cerkiewno-słowiańskiego, mniej do XVII-wiecznej litewszczyzny, a naj-

mniej do łaciny, oraz że 2) niemiecki jest najbardziej podobny do polskiego, mniej do litewskiego, a najmniej do włoskiego, z czego wniosek, że stosunki pokrewieństwa między językami germańskimi a językami słowiańskimi, bałtyckimi i romańskimi w ciągu półtora tysiąca lat nie uległy zmianie [9]. W tym stanie rzeczy, gdyby przodkowie dzisiejszych Bułgarów przybyli z obszaru wschodniej Słowiańszczyzny, należałoby oczekiwać licznych podobieństw leksykalnych między bułgarskim a ukraińskim. Tymczasem są one znikome. Z wyżej zamieszczonej tabeli wynika, że bułgarski wykazuje 449 nawiązań do serbochorwackiego, 367 do rosyjskiego, 336 do słoweńskiego, 315 do białoruskiego, 288 do polskiego i 283 do ukraińskiego. Innymi słowy wśród języków, które wykazują nawiązania do bułgarskiego, ukraiński plasuje się na szóstym miejscu.

3) Wśród językoznawców panuje jednomyślność co do tego, że wszystkie stare zapożyczenia słowiańskie w rumuńskim mają odpowiedniki tylko w bułgarskim i serbochorwackim. Gdyby dzisiejszy obszar macedońsko-bułgarski został zasiedlony przez przybyszów ze wschodniej Słowiańszczyzny, należałoby wśród starych zapożyczeń słowiańskich oczekiwać jakichś śladów wpływów wschodniosłowiańskich.

4) Rumuński slawista Pătruț zwrócił uwagę na to, że toponimy słowiańskie na terytorium Grecji mają charakter bardziej archaiczny aniżeli zapożyczenia słowiańskie w rumuńskim. Wystarczy wspomnieć choćby tylko o tym, że dla słowiańskich nazw miejscowych w Grecji charakterystyczny jest brak metatezy płynnych, podczas gdy w zapożyczeniach słowiańskich w rumuńszczyźnie metateza płynnych jest niemal reguła. W związku z tym Pătruț wysunął hipotezę, że w najdawniejszym okresie plemiona, które z obszaru wschodniej Słowiańszczyzny parły w kierunku Grecji, w Dacji się nie osiedlały. Zdaniem Pătruța osiedlanie się Słowian w Dacji zaczęło się dopiero w X wieku [10]. W moim przekonaniu hipoteza Pătruța jest nieprawdopodobna. Jest faktem, że np. ekspansja Germanów charakteryzowała się wielkim rozmachem i że Germanie nieraz zakładali państwa na obszarach znacznie oddalonych od terytorium zamieszkiwanego przez plemiona germańskie w zwartej masie. Np. Goci w III w. założyli państwo nad Morzem Czarnym, a gdy państwo to runęło na skutek inwazji Hunnów, Goci wycofali się na Bałkany, by stamtąd później wyruszyć na podbój Italii, a nawet Hiszpanii, nie mówięc juz o Wandalach, którzy zawędrowali aż do Afryki. Jednak taki rozmach nigdy nie był właściwy migracjom Słowian, którzy raczej posuwali się krok za krokiem, tak że nawet przy znacznym rozroście obszaru skolonizowanego przez Słowian obszar ten zawsze pozostawał zwarty. Nie przeczy temu fakt, że dziś południowa Słowiańszczyzna jest odizolowana od północnej Słowiańszczyzny, gdy wiadomo, że Węgrzy opanowali obszar uprzednio zeslawizowany. Tak więc zgadzałbym się z Pătruțem, że migracja Słowian z terytorium dzisiejszej Bułgarii na obszar dzisiejszej Rumunii mogła się zacząć dopiero w X wieku (lub raczej w okresie nieco wcześniejszym), natomiast nie mogę się zgodzić co do tego, jakoby migracja Słowian na obszar dzisiejszej Bułgarii i Grecji miała jakikolwiek związek ze wschodnią Słowiańszczyzną [11].

Zajmując się przedhistorycznymi migracjami Słowian, należałoby uwzględnić także obszar połabski, czego nie czynię ze względu na brak miejsca [12].

1. Schuchardt H., Schuchardt-Brevier Hugo. Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Halle (Saale), 1928. S. 198.
2. Mańczak W. W sprawie czasu i miejsca zapożyczeń germańskich w prasłowiańskim // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 29. 1984. S. 11—12.
3. Mańczak W. La classification des langues romanes. Kraków, 1991. S. 24—32.
4. Manczak W. La classification... S. 95.
5. Mańczak W. Rec. Spór o Słowian // Język Polski. 71. 1991. S. 58—61.
6. Jedyny wyjątek stanowi język sardyński, co się tłumaczy prawdopodobnie zarówno substratem nieindoeuropejskim jak i faktem, że ze względu na znikome znaczenie ekonomiczne Sardynii Rzymianie się na niej osiedlało w mniejszej mierze niż w innych prowincjach.
7. Mańczak W. Słowiańska fonetyka historyczna a frekwencja. Kraków, 1977.
8. Nalepa J. Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Lund, 1967.
9. Mańczak W. Germanic and other Indo-European languages // Linguistics across Historical and Geographical Boundaries. 1. Berlin, 1986. S. 491—500.
10. Pătruț I. Pierwsze kontakty językowe słowiańsko-romańsko-greckie a okres trwania języka prasłowiańskiego // Rocznik Slawisticzne. 33. 1972. S. 17—18.
11. Mańczak W. Pourquoi la Dacie, au contraire des autres provinces danubiennes, n'a-t-elle pas été slavisée? // Vox Romanica. 47. 1988. P. 21—27.
12. Mańczak W. Stanowisko połabskiego wśród języków zachodniosłowiańskich // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 35—36. 1987. S. 79—91.

Г.И.Матвеева

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Именьковская культура — одно из самых крупных этнокультурных образований середины I тыс. н.э. в Среднем Поволжье и Приуралье. На ее территории, простирающейся от р.Сура на западе до р.Белая на востоке, от правобережья р.Кама на севере до устья р.Самара на юге, в настоящее время выявлено более 600 памятников, чуть более десятка из которых составляют могильники, остальные — городища и селища.

Изучение культуры началось 50 лет назад. В конце 40-х гг. Н.Ф.Калинин обследовал более 80 памятников в Нижнем Прикамье и выделил их в особую культуру, названную им восточнобуртасской [1]. В 50-х гг. В.Ф.Генинг, исследовавший комплекс памятников у с.Рождествено, подтвердил правомерность выделения культуры и предложил назвать ее именьковской по наиболее исследованному городищу у с.Именьково Лаишевского р-на Татарстана [2]. В 1965 г. П.Н.Старостин издал свод «Памятников именьковской культуры», где подвел итоги двадцатилетних исследований [3].

За 30 лет после выхода свода изучены десятки памятников именьковской культуры. Казанскими археологами проведены широкие исследования ряда могильников и поселений в Нижнем Прикамье. Самарскими исследователями производились раскопки городищ и селищ на Самарской Луке, в Ульяновской обл. и в Башкортостане. Начаты исследования памятников предименьковского периода, относимых к славкинскому и лбищенскому типам.

Именьковская культура не имеет местных генетических корней и отличается от синхронных финно-угорских культур. Этим объясняется появление ряда взаимоисключающих гипотез о ее происхождении и этнической принадлежности. Одни исследователи видели в именьковцах потомков позднегородецких племен, переселившихся на Правобережье Волги [4], другие искали истоки культуры в Сибири, считая ее носителей тюрками [5] или угро-мадьярами [6]. А.П.Смирнов в одной из последних работ выдвинул гипотезу об участии в формировании именьковской культуры наряду с финно-угрским населением Поволжья славян, переселившихся из лесостепного левобережья Днепра [7]. Последующие исследования не подтвердили все эти гипотезы, но позволили связать именьковскую культуру с культурами «полей погребений» [8].

Для решения проблемы происхождения именьковской культуры очень важно изучение памятников предшествующего ей периода в Среднем Поволжье и Приуралье. В литературе прочно утвердилось мнение о том, что территория именьковской культуры в первой половине I тыс.

н.э. была заселена финно-угорскими племенами. На самом деле финно-угорские племена апаньинской культуры жили на этой территории лишь в первой половине I тыс. н.э., но в силу неизвестных пока причин покинули ее не позднее начала V в. до н.э. Более 500 лет Левобережье Среднего течения Волги оставалось незаселенным. На Самарской Луке с IV в. до н.э. обитали племена городецкой культуры, продвинувшиеся с запада. На средней Каме и в низовьях Ика и Белой со II в. до н.э. по II в. н.э. жили племена пьяноборской культуры, потомки которых в конце II в. н.э. продвинулись на запад и создали азелинскую культуру в Нижнем Прикамье и в бассейне Вятки.

С I в. н.э. в Среднее Поволжье начали проникать группы западного населения. Об этом свидетельствуют поселения славкинского типа, выявленные в бассейне р.Кондурча на северо-востоке Самарской обл. Они располагаются на низких надпойменных террасах или на возвышенных участках поймы среди стариц и заболоченных долин. Исследованы жилища прямоугольной формы размерами 12 х 5,6 и 10,2 х 5,4 м, с углубленным в материк основанием. Внутри жилищ находились скопления фрагментов сосудов, с примесью шамота и органики. По характеру обработки поверхности сосуды делятся на две группы: к первой относятся грубые, бугристые, ко второй — тщательно заглаженные, иногда подлощенные. Судя по сохранившимся верхним частям сосудов, все их типы находят ближайшие аналогии в материалах пшеворского поселения Подберезцы в Львовской обл., исследованного Д.Н.Козаком [9]. Обращает на себя внимание сходство топографии поселений, типов жилищ, дисков лепешечниц и пряслиц. Конические грузики от ткацких станков со Славкинского I поселения находят аналогии в зарубинецкой, пшеворской и черняховской культурах. Датирующих вещей на поселениях славкинского типа почти нет, но по аналогии с поселением Подберезцы памятники могут быть датированы первыми веками н.э.

Еще одна группа памятников предименьковского времени, включающая два городища и несколько селищ, выявлена на Самарской Луке. Эта группа получила название лбищенской по наиболее исследованному городищу у пос. Лбище Ставропольского р-на Самарской обл.

Городища имели кокошникообразные валы, оформленные с внешней стороны в виде полуовальных выступов — бастионов, возможно служивших основаниями деревянных башен.

На городище Лбище выявлено 35 котлованов округлой, овальной, подпрямоугольной или неправильной формы. Длина сторон котлованов от 1,5 до 4 м. На дне их обнаружены следы открытых очагов-кострищ, хозяйственные ямы и большое количество керамики, в том числе и целые сосуды.

Наземные части жилищ не сохранились. Судя по находке обугленного бревна, лежавшего параллельно котловану (объект 25) в 1,5 м от него, жилища были срубными. Исследованы хозяйственные ямы, глинобитная печь и жертвенник, в качестве которого использовалась площад-

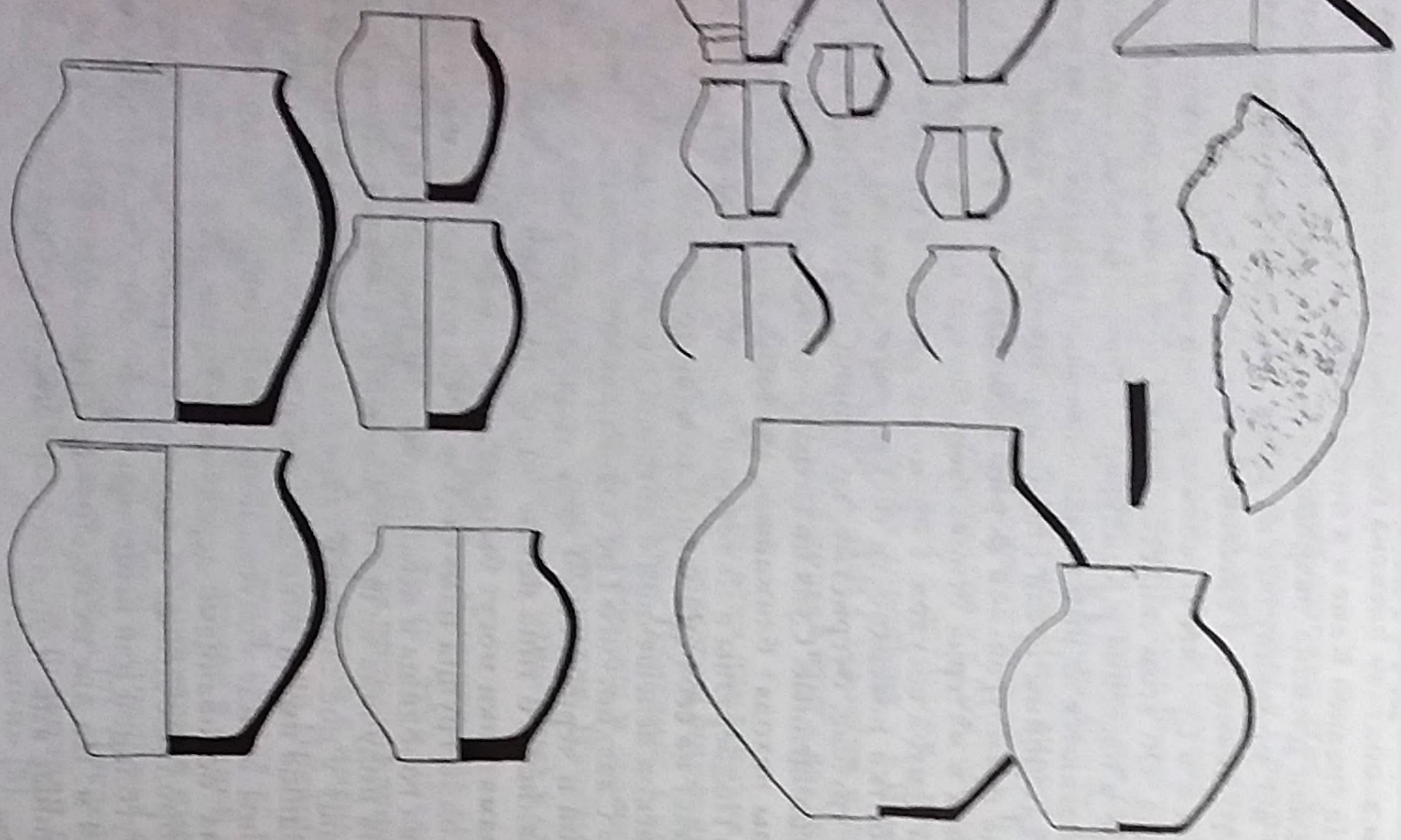


Рис. 1. Городище Лбище. Кухонная керамика верхнего слоя

ка естественных выходов песчаника. Рядом с площадкой находилась большое кострище, а на камнях — следы копоти.

Керамика, найденная на городище, делится на две группы. К первой относятся фрагменты сосудов городецкой культуры с рогожными отпечатками. Ко второй принадлежат фрагменты сосудов с примесью шамота и органики, делящиеся по характеру обработки поверхности на грубые бугристые кухонные и полированные столовые. Орнамент встречается редко, он состоит из насечек и вдавлений на венчиках. Формы горшков и мисок весьма разнообразные (рис. 1: 2). Большинство их находит аналогии в керамических комплексах зарубинецкой культуры. Некоторые типы мисок имеют сходство с пшеворскими. Кроме лепной посуды на городище обнаружены единичные фрагменты гончарных сосудов серого цвета с лощением, имеющих сходство с гончарной посудой черняховской культуры.

Планировка поселения, типы хозяйственных ям, очаги, глинобитных печей находят аналогии в поселениях черняховской культуры Верхнего Поднестровья и Побужья [10]. Очажные конструкции, близкие к лбищенским, были исследованы на поселении Подгорье на Волыни [11].

Городище Лбище заселялось дважды: городецкими племенами не позднее I в. н.э. и потомками зарубинецких племен, испытавших влияние пшеворцев, в IV в. н.э. Дата верхнего слоя городища определяется на основании находок бронзовых пряжек овальной формы с утолщением в передней части без щитков (рис. 3: 1,2), а также прогнутой подвязной фибулы большого размера (рис. 3: 3), относящейся к концу IV в. [12].

Памятники лбищенского типа, видимо, были распространены не только на Самарской Луке, но и в более северных районах Среднего Поволжья. Об этом свидетельствуют находки фрагментов черноглиняных мисок и ребристых горшков, близких к лбищенским, на селищах Поляки III в Татарстане и у пос. Карлы, а также в Старо-Майнском могильнике в Ульяновской обл. Малочисленность этих памятников объясняется тем, что по небольшим разведочным коллекциям их невозможно отличить от именьковских.

Несмотря на сравнительно позднюю датировку памятников лбищенского типа, их керамический материал весьма архаичен, он сохраняет черты классической зарубинецкой культуры, а также весьма высокий процент лощеных сосудов, что редко даже для позднезарубинецких памятников конца I—II вв. Последние характеризуются проникновением различных по происхождению элементов (пшеворских, сарматских, культуры штриховой керамики, юхновской и др.). Вследствие этих влияний облик позднезарубинецких древностей различных территорий сильно различается. К IV в. высококачественная посуда, представленная столовыми горшками и мисками, практически полностью исчезает повсеместно [13]. В Среднем Поволжье лощеная керамика существует не только в IV в., но и в памятниках именьковской культуры V—VII вв.

Это объясняется, видимо, тем, что зарубинецкое население пересе-

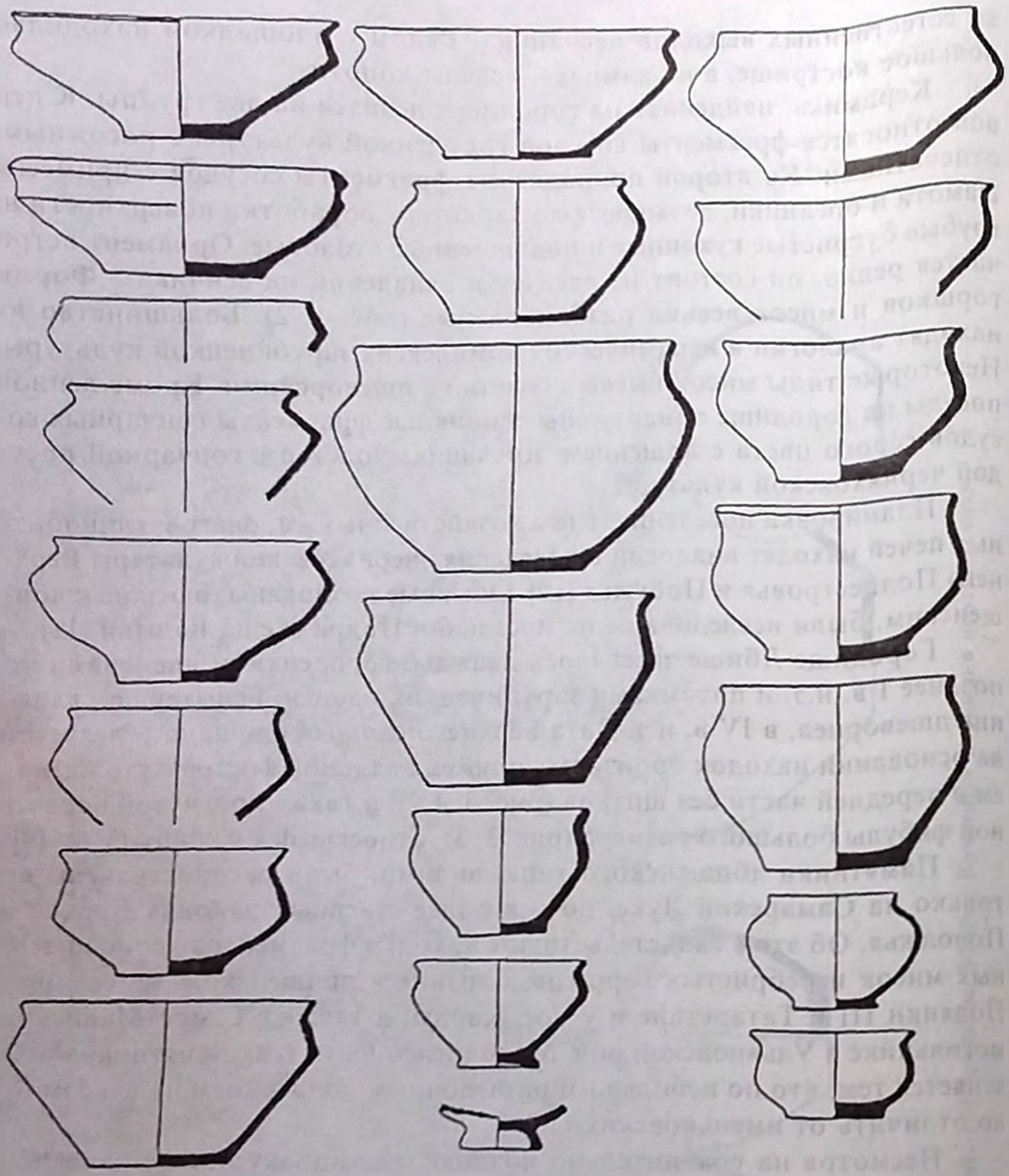


Рис. 2. Городище Лбище. Столовая керамика верхнего слоя

лилось в Среднее Поволжье довольно рано, скорее всего, в момент распада зарубинецкой культуры в середине или в третьей четверти I в., еще не успев испытать иноэтничных влияний, за исключением может быть пшеворского. Контакты с потомками пшеворского (славкинского) населения могли происходить и в Среднем Поволжье.

Вместе с тем нельзя исключить возможность проникновения в III в. черняховского населения из районов Верхнего Поднестровья и Волыни. Об этом свидетельствует отмеченное выше сходство планировки поселений, типов хозяйственных ям, глинобитных печей и жилищных кот-

лованов городища Лбище с такими черняховскими поселениями Верхнего Поднестровья как Ришнев, Бовшев, Черепин [14]. О притоке групп черняховского населения свидетельствует появление в Среднем Поволжье уже в III—IV вв. пашенного земледелия. На городище Лбище найдены каменные жернова, появление которых обычно связывают с возникновением пашенного земледелия. Железный сошник найден в погребении кузнеца в финно-угорском Азелинском могильнике III—IV вв. в Нижнем Прикамье.

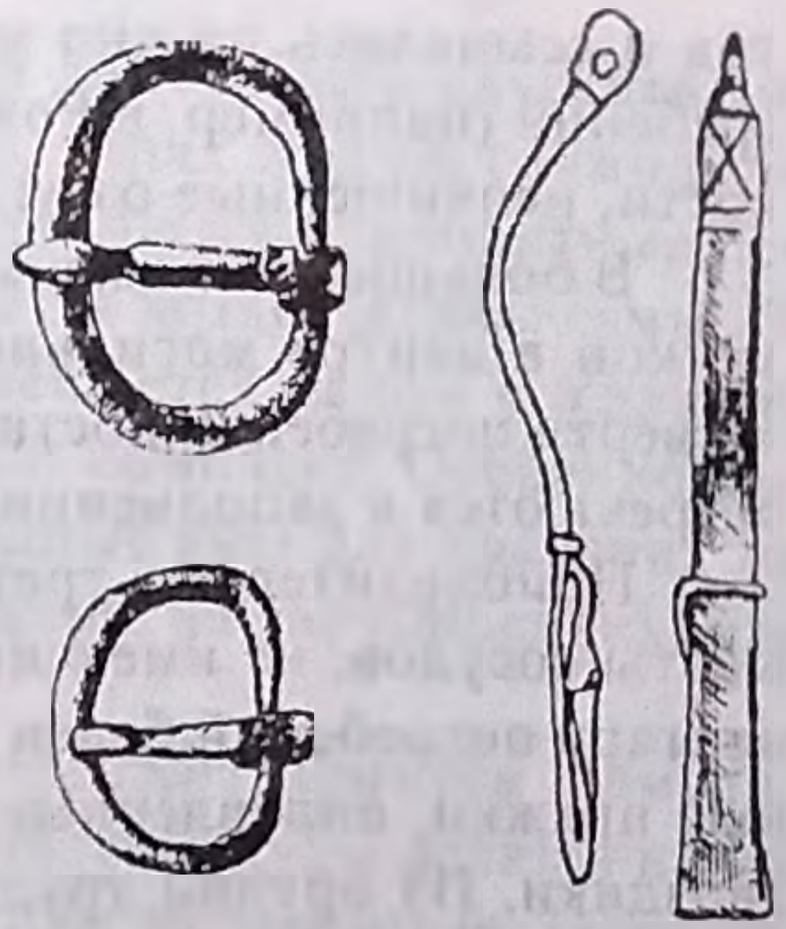


Рис. 3. Городище Лбище. Датирующие находки из верхнего слоя

Именьковская культура, судя по исследованным к настоящему времени могильникам и поселениям, сформировалась в V в. при участии лбищенских племен и групп западного населения, переселившихся в Среднее Поволжье в период гуннского нашествия в конце IV в. Точно определить исходный район этой миграции пока невозможно. Но скорее всего это Поднестровье. Волынь или южная часть ареала пшеворской культуры. Выбор конечного района миграции вполне объясним. Во-первых, Среднее Поволжье уже было освоено близкими в этническом отношении племенами, во-вторых, регион был весьма благоприятным для развития пашенного земледелия.

Усилиями казанских археологов открыто более десятка могильников именьковской культуры. Погребальный обряд отличается исключительным единообразием, что, вероятно, объясняется моноэтничностью культуры. Подавляющее большинство именьковских погребений — ямные трупосожжения. Только двум могильникам — Коминтерновскому в Татарстане и Кушнаренкоскому в Башкортостане — присущ биритуализм. Появление его связано с влиянием иноэтничных групп населения, например, турбаслинских племен, живших в среднем течении р.Белая на одних поселениях с именьковцами.

Все именьковские могильники располагаются в непосредственной близости от поселений на надпойменных террасах. Могилы не имеют внешних признаков, но безусловно имели их в древности, так как случаев нарушения ранних могил более поздними не отмечено. Могильные ямы имели овальную, округлую или прямоугольную форму, изредко встречаются могилы треугольной и неправильной формы. Длина могил от 60 до 120 см, ширина 60—80 см. Дно ям плоское, чашевидное или ступенчатое. Умерших сжигали на стороне в полном одеянии: поясные пряжки, бусы и немногочисленные металлические украшения всегда носят следы пребывания в огне.

Кальцинированные кости тщательно очищались от остатков кос-

тра и ссыпались на дно могильной ямы. Только небольшая часть погребений (например, в Рождественском могильнике — 10%) содержала кости, неочищенные от углей и золы.

В большинстве именьковских погребений кости лежат компактной кучкой в центре могильной ямы или у одной из стенок. Примерно в четверти погребений кости рассыпаны по всему дну могилы. Иногда они встречаются в заполнении могилы.

Приблизительно треть погребений содержит в заполнении фрагменты сосудов, не имеющих следов пребывания в огне. Остальной инвентарь погребений беден и невыразителен. Он включает сосуды, поясные пряжки, оплавленные бусы, подвески, обоймы, мелкие бронзовые гвоздики. Из орудий труда иногда встречаются ножи, шилья и глиняные пряслица. Как уже отмечалось, все вещи носят следы пребывания в огне, некоторые из них сломаны.

Ранее уже отмечалась близость именьковского погребального обряда к обряду полесского варианта зарубинецкой культуры [15]. Совпадают формы и размеры могильных ям, расположение кальцинированных костей и сосудов в могиле, а также основные категории погребального инвентаря. Вместе с тем есть черты, отличающие именьковские погребения от зарубинецких. Это, во-первых, наличие в заполнении могил фрагментов сосудов, во-вторых, следы огня на предметах погребального инвентаря и умышленная их порча. Эти черты сближают именьковские погребения с пшеворскими.

К кругу именьковских памятников территориально и хронологически примыкает Тураевский могильник. Многие детали его погребального инвентаря находят аналогии в княжеских курганах I—IV вв., известных в Западной Европе от Рейна до Волыни, в том числе и на территории пшеворской культуры. Совпадают усложненные конструкции могил, обкладка могил каменными плитами, наличие деревянных гробовищ, юго-западная ориентировка, обычай вбивать в дно могилы оружие, а также богатство погребального инвентаря. Тураевский могильник содержит погребения военных вождей.

Поселения именьковской культуры расположены «гнездами», состоящими из 1—2 городищ и нескольких селищ. Городища находятся на высоких прибрежных мысах, селища занимают края надпойменных террас. Жилища делятся на полуземлянки с наземными конструкциями в виде срубов и слабо углубленные в материк основанием дома каркасно-столбовой конструкции. Землянки имели квадратную или прямоугольную форму, длина стен от 3 до 8 м. Перекрытия были четырехскатные или двухскатные. В жилищах с четырехскатным перекрытием обычно имеются центральные столбы. На Новинковском селище на Самарской Луке исследована пока единственная полуземлянка круглой формы.

Дома каркасно-столбовой конструкции выявлены на Старо-Майнском городище в Ульяновской обл. Все они прямоугольные. Ширина их обычно близка к 5 м, а длина от 9 до 22 м. Иногда дома поделе-

ны перегородками на 2—3 камеры. Крыши домов были двускатными.

Отопительными устройствами во всех типах жилищ служили открытые очаги-кострища, гораздо реже встречаются глинобитные печи или каменки. Иногда внутри жилищ находятся хозяйственные ямы. Основная масса ям и погребов обычно размещается рядом с жилищем, образуя вместе с ним единый хозяйственный комплекс. Особенно многочисленны цилиндрические и колоколовидные ямы для хранения зерна. Аналогичные зернохранилища исследованы на зарубинецких, пшеворских, пражско-корчакских поселениях.

Керамика именьковской культуры содержит примесь шамота и органики. По характеру обработки поверхности сосуды делятся на грубые бугристые и тщательно заглаженные или залощенные. Основные категории сосудов — горшки и миски. Многие из них имеют прототипы в керамическом комплексе памятников лбищенского типа. Выделяются 7 основных типов горшков.

1. Горшки высокие с короткой слабо отогнутой наружу шейкой и округлобоким туловом, имеющие максимальное расширение в верхней трети высоты. Вариант «а» включает сосуды, диаметр дна которых больше половины диаметра горла, вариант «б» — сосуды с дном, диаметр которых меньше половины диаметра горла. Аналогии этому типу есть в пражско-корчакской культуре.

2. Высокие горшки с низкой, прямой или отогнутой шейкой и округлобоким туловом, максимальное расширение которого находится на середине высоты. Диаметр дна вдвое меньше диаметра горла.

3. Горшки с цилиндрической шейкой, округлобоким раздутым туловом и очень узким дном. Максимальное расширение тулова находится на середине высоты или выше. Диаметр дна вдвое меньше диаметра горла. Аналогичные сосуды находим в позднескифских [16] и зарубинецких памятниках [17].

4. Горшки с очень короткой отогнутой шейкой, плавно переходящей в очень высоко расположенное широкое плечо. Близкий тип сосудов имеется в полесском варианте зарубинецкой культуры [18] и в памятниках славкинского типа [19].

5. Приземистые горшки с отогнутой наружу шейкой, округлобоким туловом и дном, диаметр которого более половины диаметра горла. Максимальное расширение — выше середины высоты.

6. Высокие слабопрофилированные горшки с невыделенной шейкой и округлобоким туловом. Диаметры устья и дна почти равны. Максимальное расширение — на середине высоты. Аналогии встречены в пшеворской культуре.

7. Слабопрофилированные горшки яйцевидной формы без выраженной горловины, с вогнутым внутрь краем венчика. Аналогии этому типу есть в памятниках пшеворской, черняховской и вельбарской культур.

Миски относятся к трем типам.

1. Миски с короткой шейкой, округлобоким туловом и высокой

цилиндрической придонной частью. Диаметр дна больше половины диаметра горла.

2. Миски с прямой или отогнутой наружу короткой шейкой, округлобоким туловом, плавно без выраженной придонной части переходящим ко дну.

3. Открытые миски чашевидной формы.

Орнамент обычно встречается на грубых бугристых сосудах, он располагается на венчиках и состоит из насечек или вдавлений.

Многочисленны диски-лепешечницы с невысоким бортиком, реже без бортиков. Иногда они орнаментированы ямочными вдавлениями. Аналогичные диски представлены в зарубинецкой, пшеворской, пражско-корчакской и пеньковской культурах.

Глиняные пряслица имеют усеченно-биконическую форму. Часто встречаются глиняные зооморфные и антропоморфные фигурки.

На поселениях часто представлены железные изделия: сошники, ножи, серпы, косы-горбуши, топоры, шилья и др. Бронзовые изделия немногочисленны. Они представлены височными кольцами, пинцетами, цилиндрическими пронизками. Особый интерес представляют находки булавок со спиральными головками.

Племена именьковской культуры сыграли огромную роль в развитии экономики и культуры Среднего Поволжья. Они были знакомы с пашенным земледелием и способствовали его распространению в регионе. На многих именьковских поселениях найдены железные наральники, косы-горбуши, а также обугленные зерна злаков.

А.Г.Петренко, исследовавшая остеологические материалы именьковских поселений, отмечает важную роль скотоводства. С приходом именьковцев в Среднем Поволжье появилась ранее неизвестная здесь грубокостная порода крупного рогатого скота, разводившаяся в Среднем Поднепровье в зарубинецкое время и в период Киевской Руси. О южных связях именьковских племен свидетельствуют находки на поселениях костей домашней кошки и верблюда [20].

Весьма показателен высокий уровень металлургии. Остатки сыродутных горнов обнаружены на Шигонском и Кармалинском селищах, следы металлургического производства представлены на Торновском селище. Л.С.Хомутова, исследовавшая кузнечные изделия именьковцев, пришла к выводу, что уровень развития металлургии у них был значительно выше, чем у соседних мордовских племен [21]. То же самое можно отметить при сравнении именьковских и пражско-корчакских кузнечных изделий, т.к. кузнечная техника славянских племен была еще очень упрощенной [22]. Ю.А.Семыкин, исследовавший кузнечные изделия из Тураевского могильника, пришел к выводу о близости уровня развития металлообработки тураевских и именьковских кузнецов к уровню развития этой отрасли в черняховской культуре. Их сближает использование процементированных заготовок, термическая обработка стальных изделий и проковка изделий из засоренного шлаком железа [23]. Куз-

нечному ремеслу именьковской культуры, как и черняховской, наиболее соответствует тот уровень, которого достигли кузнецы позднепшеворских поселений Польши и Чехословакии [24].

Одной из самых сложных и не до конца решенных проблем является проблема происхождения именьковской культуры. Несмотря на то, что западные ее истоки ни у кого не вызывают сомнения, вопрос о конкретном исходном районе миграции остается спорным.

Анализ погребального обряда, керамического и вещевого комплексов именьковской культуры свидетельствует о сохранении в ней черт зарубинецкой культуры в большей степени, чем в любой из групп поздезарубинецких памятников I—II вв. Это можно объяснить только тем, что зарубинецкое население переместилось в Среднее Поволжье до того, как успело испытать инокультурное влияние, т.е. не позднее середины I в. н.э. Правда, зарубинецкие памятники этого времени в Среднем Поволжье пока неизвестны, но это объясняется сравнительно небольшими масштабами стационарных работ на поселениях, а по небольшим разведочным коллекциям отличить зарубинецкие памятники от именьковских невозможно. Косвенным доказательством столь раннего появления зарубинецких племен в Среднем Поволжье является преобладание обряда кремации в Худяковском могильнике азелинской культуры, исследованном в бассейне р.Вятка. Многие детали обряда этого могильника находят аналогии в погребальном обряде зарубинецкой культуры [25].

Во второй половине I тыс. н.э. в Среднее Поволжье переселились пшеворские племена из Верхнего Поднестровья. Им принадлежали памятники славкинского типа. Интеграция родственных зарубинецких и пшеворских племен привела к возникновению культуры поселений лбищенского типа. Близость их материалов к черняховским, видимо, объясняется участием в их формировании одних и тех же этнических компонентов.

Культура памятников лбищенского типа явилась той основой, на которой сформировалась именьковская культура. В создании ее наряду с лбищенцами участвовали многочисленные группы западного, скорее всего пшеворского населения и, возможно, черняховского, пришедшего в Поволжье в период гуннского нашествия в конце IV в.

Ими были привнесены некоторые детали погребального обряда: обычай помещать в могилы фрагменты разбитых во время тризны сосудов, бросать в погребальный костер и ломать вещи перед помещением их в могилы, а также длинные дома каркасно-столбовой конструкции, диски-лепешечницы, некоторые типы горшков и мисок. Обращает на себя внимание полное совпадение кузнечного инвентаря, земледельческих и деревообрабатывающих орудий именьковской и пшеворской культур.

Судя по тому, что во всех могильниках именьковской культуры господствуют безурновые трупосожжения, в Среднее Поволжье переселялись только те группы пшеворского населения, которым был присущ

именно этот обряд. В.В.Седов считает погребения с безурновыми трупосожжениями славянскими [26]. О славянской принадлежности племен именьковской культуры свидетельствует бедность погребального инвентаря могильников и отсутствие металлических украшений, широко распространенных у финно-угорских и балтских племен I тыс. н.э. Со славянами именьковцев роднят некоторые черты керамического материала: наличие высоких горшков с расширением в верхней части, дисковидные пряслица, бедность орнаментации сосудов и т.д.

Нельзя не отметить некоторого сходства жилищ и хозяйственных ям, совпадение уклада хозяйства. Исключительное единообразие именьковской культуры на всей ее территории свидетельствует о ее моноэтничности. Нельзя согласиться с теми исследователями, которые преувеличивают роль финно-угорского субстрата и тюркских влияний в формировании именьковской культуры [27]. Она сложилась на территории, которая была покинута финно-уграми в середине I тыс. до н.э. В основной части именьковского ареала субстратом явилось лбищенское население. Влияние финно-угорских племен ограничивается проникновением в именьковскую среду отдельных типов украшений. Гораздо более сильным было обратное влияние. Финно-угры заимствовали многие хозяйственные достижения именьковцев. Азелинские племена правобережья р.Кама были ассимилированы именьковским населением.

Еще менее ощутимо влияние тюркских элементов. Первые небольшие группы тюркоязычного населения начали проникать в Среднее Поволжье во второй половине VI в. (Новоселковское погребение). Массовое же переселение тюркоязычных болгар началось только в конце VII в. (памятники новиковского типа), что и вызвало распад именьковской культуры.

1. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1954. С. 44—63.
2. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья // Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1959. С. 208.
3. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. САИ. Вып. Д1—35. М., 1965.
4. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ...
5. Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
6. Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1964.
7. Смирнов А.П. Из этнической истории западного Приуралья в I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971.
8. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
9. Козак Д.Н. Поселение пшеворской культуры у с. Подберезцы Львовской обл. // СА. 1985. № 1.
10. Баран В.Д. Черняхівська культура за матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981. С. 20.
11. Воляник В.К. Поселение у с. Полрижье // АО 1971 г. М., 1972. С. 36.

12 Амброз А К Фибулы юго-восточной части СССР (II в до н э — IV в н э) САИ Вып Д1—30 М 1966 С 60—61
13 Обломский А М , Терпиловский О В , Петраускас О С Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические причины Киев, 1990.
14 Баран В Д Черняхівська культура С 20 Рис 4
15 Матвеева Г И О происхождении...
16 Погребова М Н Позднескифские городища на нижнем Днепре // МИА № 64 М., 1958. С 171 Рис 27, 30
17 Максимов Е В Зарубинецкая культура на территории УССР Киев, 1982 С 12 Табл II: 4
18 Там же
19. Агапов С А , Пестрикова В И , Салугина Н П Памятники славкинского типа в Куйбышевской обл // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1984 С 111 Рис. 3, 7
20 Петренко А Г Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья М , 1984 С 140.
21 Старостин П Н., Хомутова Л.С Железообработка у племен именьковской культуры // СА 1991 № 3 С 215, 216.
22. Вознесенская Г.А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс н э // Древняя Русь и славяне М., 1978 С 62, 63.
23 Семыкин Ю А Технологическая характеристика кузнечного инвентаря Тураевского могильника // Новое в средневековой археологии Евразии Самара, 1993 С 196
24 Баранова Т В , Вознесенская Г.А , Черных Е Н Металл черняховской культуры М., 1972 С 33.
25 Голдина Р Д Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья Йошкар-Ола, 1987 С 41—53.
26 Седов В В Происхождение и ранняя история славян М., 1979.
27 Баран В Д. Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янскої археології. Київ, 1996. С 7.

Michael Müller-Wille

UNTERSUCHUNGEN ZU SLAWISCHEN SIEDLUNGEN IN OSTHOLSTEIN UND WESTMECKLENBURG

Seit den von Frank Wietrzichowski geleiteten Ausgrabungen der Jahre 1989 bis 1992 sowie der von ihm veröffentlichten Dokumentation und Auswertung [1] ist der etwa 7 km nördlich von Wismar gelegene Siedlungskomplex von Groß Strömkendorf unmittelbar am Ostufer der Wismarer Bucht erneut in den Mittelpunkt der archäologischen und siedlungsgeschichtlichen Forschung gerückt (Abb. 1).

Das bei den Ausgrabungen geborgene Fremdgut umfaßt sowohl Handels- und Gebrauchsobjekte als auch qualitätvolle Schmuckgegenstände, die einerseits aus dem fränkisch-karolingischen und insularen Bereich, andererseits aus Skandinavien stammen. Im engeren benachbarten westlichen und östlichen Küstengebiet sind als — zumindest teilweise — zeitgleiche offene und befestigte Siedlungen mit nachweisbaren Handels- und Handwerksaktivitäten Starigard Oldenburg und Alt Lübeck, Rostock-Dierkow, Ralswiek und Menzlin, schließlich Wolin, vergleichend im nordwestlichen Teil des westslawischen Gebietes heranzuziehen (Abb. 1).

Seit Frühjahr 1995 werden die Geländeuntersuchungen in Groß Strömkendorf mit Unterstützung der Deutschen Forschungsgemeinschaft und des Landes Mecklenburg-Vorpommern fortgeführt, unter der örtlichen Grabungsleitung von Hauke Jöns und in Zusammenarbeit mit dem Landesamt für Denkmalpflege in Schwerin sowie dem Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Kiel. Dabei steht der Siedlungskomplex von Groß Strömkendorf im Vordergrund, doch soll in Zukunft auch das Umland mit Fundstellen (Siedlungen, Burgwälle, Gräber, Einzelfunde) altbis jungslawischer Zeit in die Untersuchungen einbezogen werden. Parallel hierzu sind Geländeforschungen im Umfeld des ostholsteinischen Burgwalles von Starigard/Oldenburg geplant. Etwa 13 km südlich von Groß Strömkendorf ist die altslawische Burganlage der Mecklenburg gelegen, Hauptburg der Obodriten (neben Alt Lübeck und Starigard/Oldenburg).

Die heutige topographische Position des Siedlungsplatzes von Groß Strömkendorf unmittelbar am Ostseestrand der Wismarer Bucht unterscheidet sich deutlich von der anderer frühmittelalterlicher Seehandelsplätze. So liegen die Siedlungen von Wolin, Rostock-Dierkow, Ralswiek und Menzlin mehr als 10 km von Meer entfernt, gut geschützt an Flußläufen oder Ostseeboden, jedoch mit gesichertem Zugang zur offenen See. Die gegenwärtig starke Erosion an der Küste und die sehr geringe Wassertiefe unmittelbar vor Groß Strömkendorf legen jedoch die Vermutung nahe, daß einige der heute überfluteten Areale in altslawischer Zeit noch zum Festland gehörten, so daß

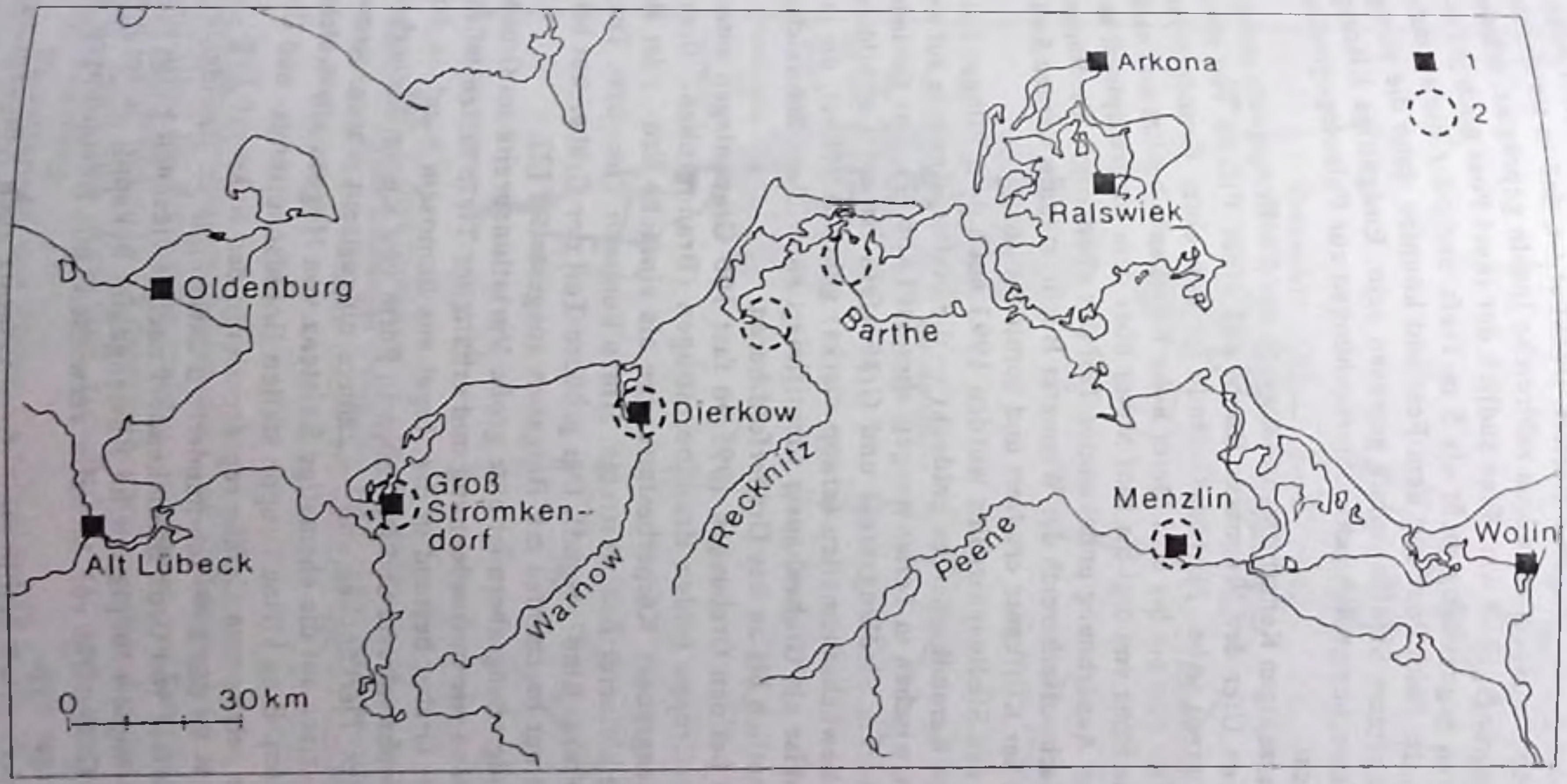


Abb. 1. Das südliche Ostseeküstengebiet zwischen Starigard/Oldenburg und Wolin. 1 — Handelsplätze und befestigte Siedlungen mit Fremdgut skandinavischer Provenienz. 2 — Konzentration von Fundplätzen altslawischer Zeitstellung in Mecklenburg-Vorpommern

der Küstenverlauf am Ende des ersten nachchristlichen Jahrtausends wahrscheinlich stark vom gegenwärtigen differiert. Denkbar ist, daß in slawischer Zeit Teile der Wismarer Bucht ein durch zahlreiche Inseln geprägtes, schwer zugängliches Niederungsgebiet war. Eine südlich der Insel Poel noch gut erkennbare Rinne von gegenwärtig mehr als 5 m Tiefe und/oder die schmale Passage zwischen der Insel Poel und dem Festland könnten dann die einzig schiffbaren Zugänge zum Siedlungsplatz gewesen sein. Endgültige Klärung dieser Fragen versprechen geologische Untersuchungen zur Paläotopographie der Wismarer Bucht.

Nach dem derzeitigen Kenntnisstand läßt sich der Siedlungsplatz unmittelbar am östlichen Ufer der Wismarer Bucht auf einer Fläche von etwa 700x200 m eingrenzen (Abb. 2). Das Gelände ist von einer Grundmoräne geprägt, die am Ufer eine ein bis drei Meter hohe Kliffkante besitzt und nach Nordosten auf eine Höhe von drei bis fünf Meter über dem Meeresspiegel ansteigt. Ein in seiner Ausdehnung unbekannter Teil des ehemaligen Siedlungsplatzes liegt im Flachwasserbereich der Wismarer Bucht; ständig werden Siedlungsüberreste an der Kliffkante erodiert und somit zerstört.

Nordöstlich des Siedlungsareales wurden 1993 nach dem Pflügen Leichenbrandreste und Keramikscherben entdeckt — die ersten Hinweise auf ein Gräberfeld, das inzwischen in Teilen ausgegraben ist (Abb. 2). Das Gelände zwischen erkennbarem Siedlungsareal und Gräberfeld ist auf Luftbildern durch zahlreiche Bewuchsanomalien (crop marks) gekennzeichnet, die inzwischen stellenweise als Grubenhäuser identifiziert sind. Demnach reichte die Siedlung vermutlich bis an das Gräberfeld heran.

Bislang sind bei den Grabungen 1995/96 fast 100 Grabanlagen untersucht. Die größte Gruppe bilden Brandbestattugen (Brandgruben-, Brandschüttungs-, Urnengräber). Körperbestattungen als einfache Erd-, oder als Sarggräber sind in kleinerer Zahl vertreten. Hinzu kommen Tier- bzw. Tierteilbestattungen (Pferd, Rind?, Hund). Der größere Teil der Gräber war beigabenlos, der Rest nur bescheiden mit Beigaben ausgestattet [2].

Bei den Brandgrubengräbern ist eine große Variationsbreite im Grundriß und Profil, ebenso wie in Ausdehnung und erhaltener Tiefe festzustellen. Die Füllerde dieser Gräber bestand in der Regel aus humosem Sand, in den gleichmäßig Leichenbrandreste und Beigaben in Form von Keramikscherben sowie unverbrannten Tierknochen und — zähnen eingestreut waren. Kreisgrabenabschnitte weisen auf die ehemalige Existenz von Hügeln hin, welche die Gräber bedeckten. Eine kleine Gruppe stellen Brandschüttungs- und Urnengräber dar. Die geborgenen Gefäße repräsentieren den Sukower Typ.

Altslawische — in das 8./9. Jahrhundert zu datierende — Brandgräber der auf dem Gräberfeld von Groß Strömkendorf nachgewiesenen Form sind bislang nur von wenigen Fundplätzen im Küstengebiet bekannt; es sei hier vor allem auf das Gräberfeld von Menzlin verwiesen, mit Bestattungen in Urnen vom Feldberger Typ.

Wie schon erwähnt, wurden in Groß Strömkendorf auch Körpergräber entdeckt. Gemeinsam mit zwei Gräbern aus unmittelbarer Nähe der Siedlung

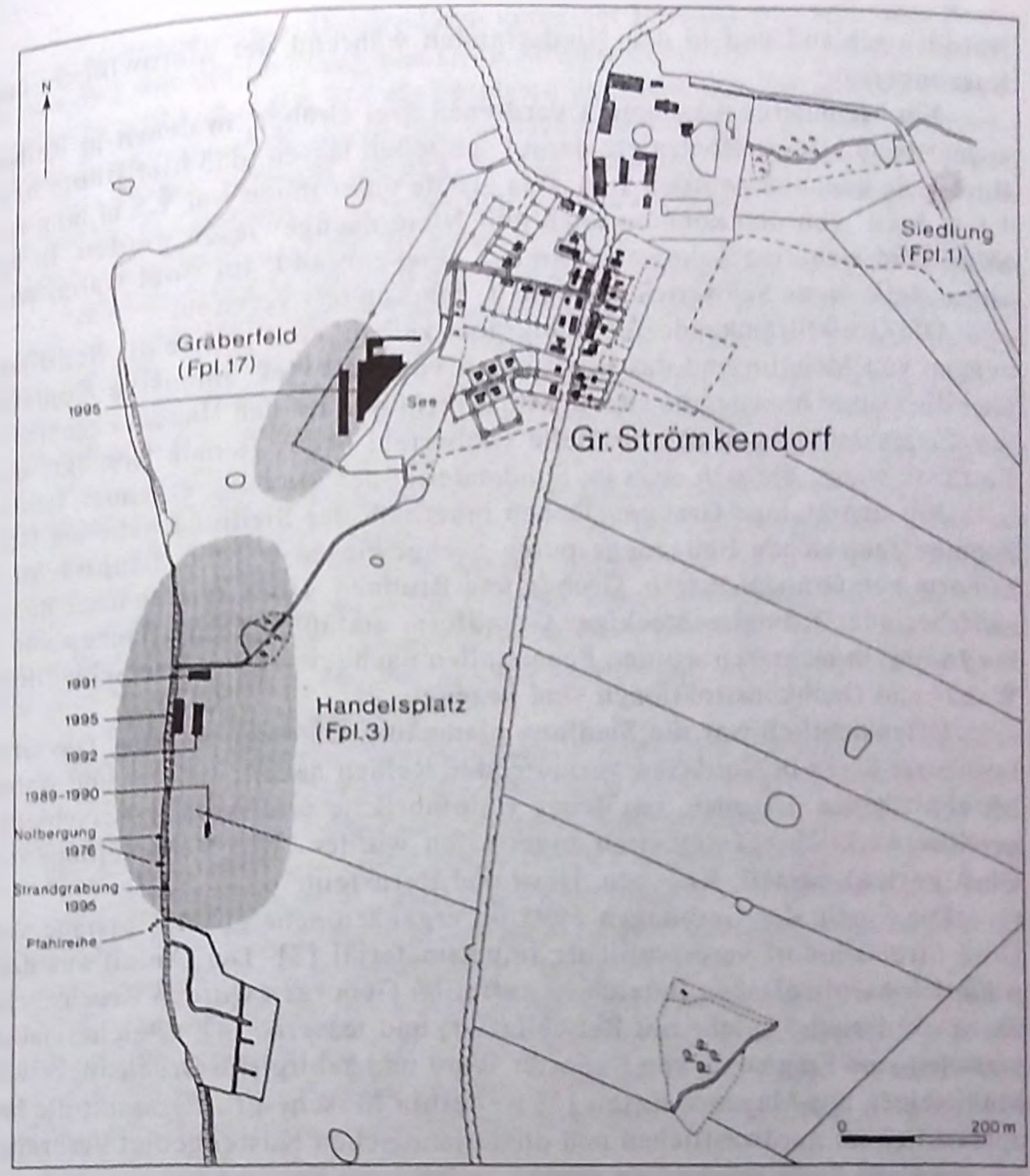


Abb. 2. Groß Strömkendorf, Kreis Nordwestmecklenburg, Mecklenburg-Vorpommern. Areale der Siedlungen (Fundplätze 1 und 3) und des Gräberfeldes (Fundplatz 17). Die Flächen der Grabungen 1989—1992 und 1995 sind mit schwarzer Farbe eingetragen. Nach H. Jöns.

von Rostock-Dierkow bilden die Groß Strömkendorfer Befunde die frühesten Belege für die Körpergrabsitte im slawischen Siedlungsgebiet der südlichen Ostseeküste. Die Körpergräber waren unterschiedlich ausgerichtet (vor allem Nord-Süd, West-Ost). Gewöhnlich war gestreckte Rückenlage, selten Hockerstellung.

Bestattungen von Tieren sind ungewöhnlich auf slawischen Gräberfeldern. Erinnert sei an die zahlreichen Tierbestattungen in Thüringen, in

Norddeutschland und in den Niederlanden während der Merowinger- und Karolingerzeit.

Ein besonderes Augenmerk verdienen drei Gräber, in denen in Reihen angeordnete eiserne Bootsniete darauf schließen lassen, daß hier Boote bzw. Bootsteile deponiert worden sind. Das größte unter ihnen war 9,5 m lang und 1,8 m breit; von ihm konnten noch 400 Niete nachgewiesen werden. In der Mitte fand sich eine Sukower Urne mit Leichenbrand. Im Boot waren weiterhin Teile eines Schwertes aus dem 8. Jahrhundert verstreut.

Die Groß Strömkendorfer Bootgräber zeigen, ähnlich wie die Schiffsetzungen von Menzlin und das Schiffsgrab von Ralswiek, intensive Kontakte über die Ostsee hinweg, die sich offenbar nicht nur auf den Handel beschränkten. Insgesamt spiegelt das birituelle Gräberfeld überregionale Kontakte und Einflusse wider, die sich auch im Fundmaterial der Siedlung erkennen lassen.

Auf den kleinen Grabungsflächen innerhalb der Siedlung nahe am Ufer konnten zahlreichen Bebauungsspuren nachgewiesen werden, hauptsächlich in Form von Grubenhäusern, Gruben und Brunnen. Die Grubenhäuser quadratischer oder schmalrechteckiger Grundform umfaßten Grundflächen von 7 bis 18 qm; in mehreren wurden Feuerstellen nachgewiesen. Unterschiedliche Wand- und Dachkonstruktionen sind bezeugt.

Offensichtlich war die Siedlung planmäßig angelegt worden. Die Grubenhäuser lagen in Nord-Süd-verlaufenden Reihen nebeneinander und waren oft von Gruben umgeben, bei denen Halbfabrikate und Abfälle verschiedener handwerklicher Tätigkeiten angetroffen wurden, wie Verarbeitung von Glas (Perlen), Metall, Knochen, Horn und Bernstein.

Die Funde der Grabungen 1995/96 ergänzen sehr gut das bislang von Groß Strömkendorf veröffentlichte Importmaterial [3]. Der Anteil aus dem fränkisch-karolingischen Bereich ist auffällig. Geborgen wurden Bruchstücke aus Glas, darunter solche mit Reticellazier, und tesserae [4]. Gleichermaßen vertreten sind Fragmente von Badorfer Ware und zahlreiche Bruchstücke von Mühlsteinen aus Mayener Basalt [5] weiterhin Muschelgruskeramik, die hauptsächlich im nordwestlichen und niederländischen Küstengebiet verbreitet ist, mit Groß Strömkendorf als derzeit östlichstem Fundort [6].

Aus dem skandinavischen Bereich stammen Wetzsteine aus gebändertem rötlich-schwarzen Hälleflint, weiterhin einzelne Schmuckgegenstände, darunter das Gußformfragment einer gleicharmigen Fibel, ähnlich dem in Verchen gefundenen Stück [7]. Funde dieser Art fügen sich in eine kleine Gruppe von Fibeln skandinavischer Herkunft aus dem (späteren) 7. und dem 8. Jahrhundert ein, die an mehreren Plätzen im südwestlichen Ostseeküstengebiet angetroffen wurden [8].

Die Keramik aus der Siedlung von Groß Strömkendorf — und auch aus dem Gräberfeld — besteht zum größten Teil aus der altslawischen Sukower Ware (80 %); ein kleiner Anteil von Feldberger Keramik (17 %) und Menkendorfer Ware (3 %) ist ebenfalls zu verzeichnen. Das keramische Fundensemble wie auch das Importgut sprechen für eine Datierung in das 8. und frühe 9. Jahrhundert.

Inzwischen liegen Dendrodaten von einer Pfahlsetzung und einer Brunnenfassung aus der Siedlung von Groß Strömkendorf vor, welche sich auf die Jahre 729 und kurz nach 734 als Fälldaten beziehen. Aus der südlich benachbarten Siedlung von Redentin ist das Dendrodatum um 710 einer Brunnenfassung bekannt gemacht worden. In das Ende des 7. Jahrhunderts weisen schließlich die ältesten Dendrodaten der Mecklenburg, deren stratigraphische Einordnung allerdings nicht gesichert sind [9].

Abschließend sei kurz auf die Studie von Johan Callmer über die Urbanisierung in Skandinavien und den angrenzenden Ostseeregionen während der Zeit von 700—1100 eingegangen, die er 1994 in den Birka Studies veröffentlicht hat [10]. Unter den mehr als 80 Fundplätzen, die der Autor als Handelsplätze, Zentralsiedlungen und frühurbane Niederlassungen bezeichnet, fügt sich Groß Strömkendorf in eine dichte von Lübeck bis Kolobrzeg/Kolberg reichende Kette von Siedlungen an der südlichen Ostseeküste ein.

In einer Folge von Karten hat Callmer die Siedlungsplätze einzelnen Zeitphasen von jeweils etwa 50 Jahren zugeordnet. Nach seiner Einteilung gehört Groß Strömkendorf in die früheste Phase der Urbanisierung während der ersten Hälfte des 8. Jahrhunderts (Abb. 3, Nr. 43). Als weitere Plätze nennt er Rostock-Dierkow, Wolin und Grobina (Nr. 44, 49, 55) an der südlichen und östlichen Ostseeküste.

Die intensive siedlungsarchäologische Forschung der Letzten Lahrzehnte in Dänemark und Südschweden hat neben den wohlbekannten Fundplätzen mit bezeugten Handelsaktivitäten des frühen 8. Jahrhunderts — so Ribe und Åhus, Schonen (Nr. 17, 38) — Reihe von weiteren Plätzen erschlossen, deren Struktur aufgrund beschränkter Geländeuntersuchungen sich derzeit noch schwer beurteilen läßt. Dazu gehören die Küstenplätze von Sebbernsund (Nr. 13), Dybsø Fjord (Nr. 25) und Ystad-Tankbåten (Nr. 36).

Zu den frühen Handelsplätzen im östlichen Mittelschweden und auf Gotland zählt Callmer Helgö, Birka, Herrebro und Paviken (Nr. 67, 75, 78). Auf die auf der Karte verzeichneten zentralen Plätze (Abb. 3), darunter die Mecklenburg (Nr. 42) als politisches Zentrum der Abodriten, sei nicht näher eingegangen.

Nach Auffassung von Callmer bezeugen die Siedlungen von Ribe, Åhus in Schonen und Staraja Ladoga am unteren Volchov (auf Abb. 3 nicht verzeichnet) mit ihrem Fundmaterial aus dem frühen und mittleren 8. Jahrhundert «die Weite des Netzwerkes und die Schnelligkeit der Entwicklung», die — von westlichen Vorbildern ausgehend — das Gebiet von der westlichen bis zur östlichen Ostsee umfaßt hat [11].

Durch Ausgrabungen der letzten Jahre ist die parzellierte Struktur der Siedlung am Ostufer des Ribe Å überzeugend dokumentiert [12]. Spuren dieser Struktur werden auch für das frühe Staraja Ladoga vermutet [13]. Gleichzeitig entstand nach den Ergebnissen der jüngsten Ausgrabungen die Siedlung von Birka am nordwestlichen Ufer der Mälarinsel [14].

Gewiß sind die Karten von Callmer nur als vorläufige Entwürfe zu betrachten und die funktionalen Zuweisungen als erste Hinweise für eine diffe-

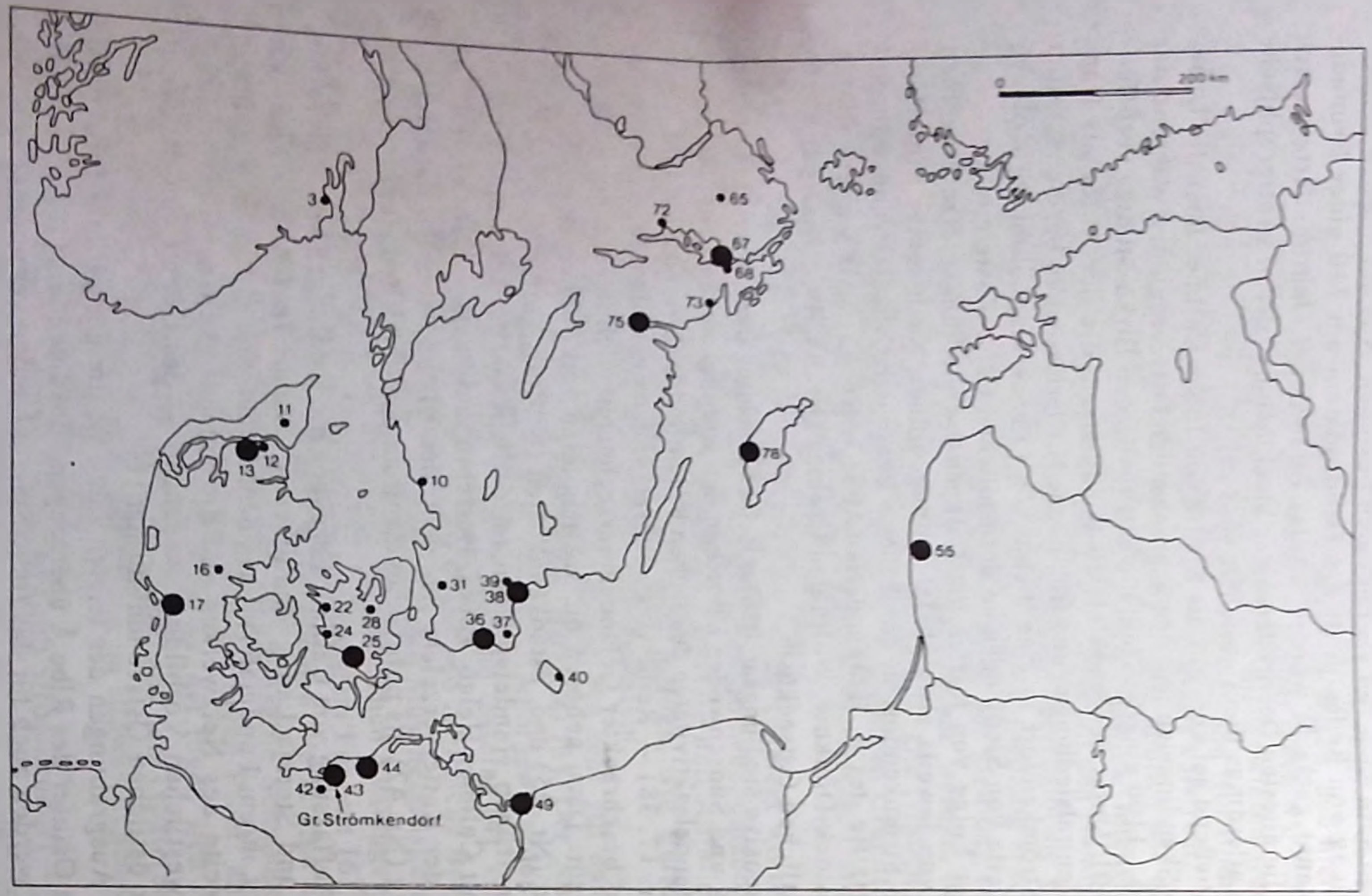


Abb. 3. Handelsplätze, Zentralsiedlungen und frühurbane Niederlassungen in den Ostseegebieten aus der Zeit von 700—750 Nach J Callmer

renzierte Gliederung zu nehmen; dies gilt in gleicher Weise für die chronologische Zuordnung. Doch ist wohl deutlich, daß der Siedlungskomplex von Groß Strömkendorf in einem größeren slawischen, skandinavischen und baltischen Kontext gesehen werden muß, der die frühe Phase der Entstehung von Siedlungen frühstädtischen (nichtagraren) Charakters im Norden Europas betrifft.

Im engeren benachbarten westlichen und östlichen Küstengebiet sind als — zumindest teilweise — zeitgleiche offene und befestigte Siedlungen mit nachweisbaren Handels — und Handwerksaktivitäten Starigard/Oldenburg und Alt Lübeck, Rostock-Dierkow, Ralswiek und Menzlin, schließlich Wolin vergleichend heranzuziehen; möglicherweise zeigen Konzentrationen von Fundplätzen altslawischer Zeitstellung im unteren Recknitz- und Barthetal weitere küstennahe Siedlungen an (Abb. 1). Die Kontakte über das Meer sind auf den Siedlungen durch skandinavisches Fundgut bezeugt. Diesen und weiteren Plätzen hat kürzlich W. Łosiński [15] unter dem Aspekt der Genese frühstädtischer Zentren eine Studie gewidmet, in welcher er auch auf Groß Strömkendorf hinwies.

Die Siedlung und das Gräberfeld von Groß Strömkendorf wurden im Laufe des 9. Jahrhunderts aufgegeben. Topographie, räumlicher Bezug zur zeitgleichen Mecklenburg, Fundmaterial und Zeitstellung legen es nahe, Groß Strömkendorf mit dem in den fränkischen Reichsannalen genannten Reric in Verbindung zu bringen. Zum Jahre 808 heißt es: Der dänischer König «Godofrid aber ließ ... einen an der Meeresküste gelegenen Handelsplatz, der in der Dänensprache Reric hieß und durch Entrichtung von Steuern seinem Reiche großen Vorteil brachte, zerstören. Er nahm die Kaufleute von hier mit sich fort und fuhr dann mit dem ganzen Heere zu Schiff nach dem Hafen Sliesthorp» (das ist Hedeby/Haithabu bei Schleswig an der Schlei). Und zum Jahre 809 berichten die Annalen: «Thrasko der Herzog der Abodriten (wurde) in dem Handelsplatz Reric von Godofrids Leuten hinterlistig umgebracht» [16].

Emporium, quod in oceani litore constitutum lingua Danorum Reric dicebatur — wiedergefunden?

1. Wietrzichowski F. Untersuchungen zu den Anfängen des frühmittelalterlichen Seehandels im südlichen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung der Grabungsergebnisse von Groß Strömkendorf // Wismarer Stud. Arch. u. Gesch. 3. Wismar, 1993.
2. Jöns H., Luth F., Müller-Wille M. Ausgrabungen auf dem frühgeschichtlichen Seehandelsplatz von Groß Strömkendorf, Kreis Nordwestmecklenburg. Erste Ergebnisse eines Forschungsprojektes // Germania. 75 (im Druck).
3. Wietrzichowski F. Untersuchungen.
4. Müller-Wille M. Westeuropäischer Import der Wikingerzeit in Nordeuropa // Acta Visbyensia. 7. Visby, 1985. S. 70. Abb. 10; Jørgensen L. Bækkegård and Glasergård. Two cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm // Arkæologiske Studier. 7. Copenhagen, 1990. S. 41. Abb. 33.
5. Stilke H. Die früh- bis spätmittelalterliche Keramik von Emden // Probleme Küstenforsch.

22. 1995. S. 84. Abb. 28; Schön V. Die Mühlsteine von Haithabu und Schleswig. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte des mittelalterlichen Mühlenwesens in Nordwesteuropa // Berichte Ausgrabungen Haithabu. 31. Neumünster, 1995. S. 96.
6. Stilke H. Die früh- bis spätmittelalterliche Keramik... S. 45. Abb. 11.
7. Brather S. Merowinger- und karolingerzeitliches "Fremdgut" bei den Nordwestslawen. Gebrauchsgut und Elitenkultur im südwestlichem Ostseeraum // Praehistorische Zeitschrift. 71. 1996. S. 51. Abb. 2: 5.
8. Ebenda. Abb. 2: 1—4, 7.
9. Herrmann J., Heußner K.U. Dendrochronologie, Archäologie und Frühgeschichte vom 6. bis 12. Jahrhundert in den Gebieten zwischen Saale, Elbe und Oder // AF. 36. 1992. S. 255—290. Leube A. Germanische Völkerwanderungen und ihr archäologischer Fundniederschlag. Slawisch-germanische Kontakte im nördlichen Elb-Oder-Gebiet. Ein Forschungsbericht (II) // EAZ. 36. 1996. S. 261, 269.
10. Callmer J. Urbanization in Scandinavia and the Baltic Region ca. AD 700—1100: Trading Places, Centres and Early Urban Sites // Developments Around the Baltic Sea in the Viking Age. Birka Studies. 3. Stockholm, 1994.
11. Ebenda. S. 58.
12. Feveile C. The Latest News from Viking Age Ribe: Archaeological Excavations 1993 // Developments Around the Baltic Sea in the Viking Age. Birka Studies. 3. Stockholm, 1994. S. 91. Abb. 10.
13. Kirpičnikov A., Nazarenko V. Parseller fra vikingtiden i Staraja Ladoga — ny arkeologisk oppdagelse // Spor — fortidsnytt fra Midt — Norge. 7. 1992. H. 13. S. 16—17.
14. Ambrosiani B., Erikson B.G. Birka Vikingastagen. 1. Helsingborg, 1992. S. 36; Ambrosiani B., Erikson B.G. Birka Vikingastagen. 4. Stockholm, 1994. S. 20.
15. Losinski W. Zur Genese der frühstädtischen Zentren bei den Ostseeslawen // Burg — Burgstadt — Stadt. Zur Genese mittelalterlicher nichtagrarischer Zentren in Ostmitteleuropa. Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa. Berlin, 1995. S. 68—91.
16. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters // Freiherr von Stein — Gedächtnisausgabe. 5. Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. T. 1. Darmstadt, 1968. S. 89, 93.

Л.Ф.Недашковский

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ УВЕКА И ЕГО ОКРУГИ

Ранее уже неоднократно публиковались и упоминались отдельные предметы древнерусского происхождения, найденные на Увекском городище: небольшая овальная каменная печать князя Михаила с изображением зверя в центре [1], кресты и энколпионы [2], каменные и бронзовые иконки [3], часть каменной литейной формы для отливки колтов [4] и фрагментированный бронзовый колт, перстень с изображением свастики [5], бусина и подвеска из янтаря [6], детали хоросов и керамика [7]. Есть указания на 5 русских монет XIV—XV вв., найденных на Увеке [8]. В последние десятилетия опубликованы и отдельные древнерусские материалы, происходящие из округи золотоордынского Укека [9].

В данной статье приведены лишь неопубликованные материалы древнерусского круга, описываемые по памятникам (все они расположены в Саратовской обл.), нумерация которых в тексте соответствует нумерации на схеме (рис. 1).

1. Увекское городище. Располагается на южной окраине Заводского района Саратова, у поселков Увек и Нефтяной и железнодорожных станций Увек, Правобережный и Нефтяная. С востока памятник ограничен Волгоградским водохранилищем, а с запада — горой Каланча (высота 135 м). Основная часть площади городища плотно застроена жилыми домами и производственными постройками, при возведении которых культурный слой оказался перекрытым мощным горизонтом балласта и строительного мусора. Прибрежная часть памятника не размывается: имеется бетонная набережная.

Границы памятника помогают установить планы и описания конца XIX — первых двух десятилетий XX в.: времени широких археологических работ на Увекском городище (1891 г. — С.С.Краснодубровский, 1895 г. — де Бай, 1908—1911 гг. — Б.В.Зайковский, А.А.Кротков, С.А.Щеглов, 1913 г. — П.Н.Шишкин, 1919 г. — Ф.В.Баллод и др.) [10]. Судя по ним, с учетом материалов наших исследований 1993—1995 гг., размеры Увекского городища составляют более 3310 м с севера на юг и 1390 м с запада на восток. Памятник вытянут широкой полосой вдоль Волги. Площадь городища без учета трех небольших прилегающих селищ — более 205 га. Основная часть материалов с городища датируется с третьей четверти XIII до конца XIV в.

В музейных собраниях имеется целый ряд неопубликованных предметов с Увекского городища, которые можно связать с древнерусским компонентом населения этого памятника. Преимущественно это подъем-

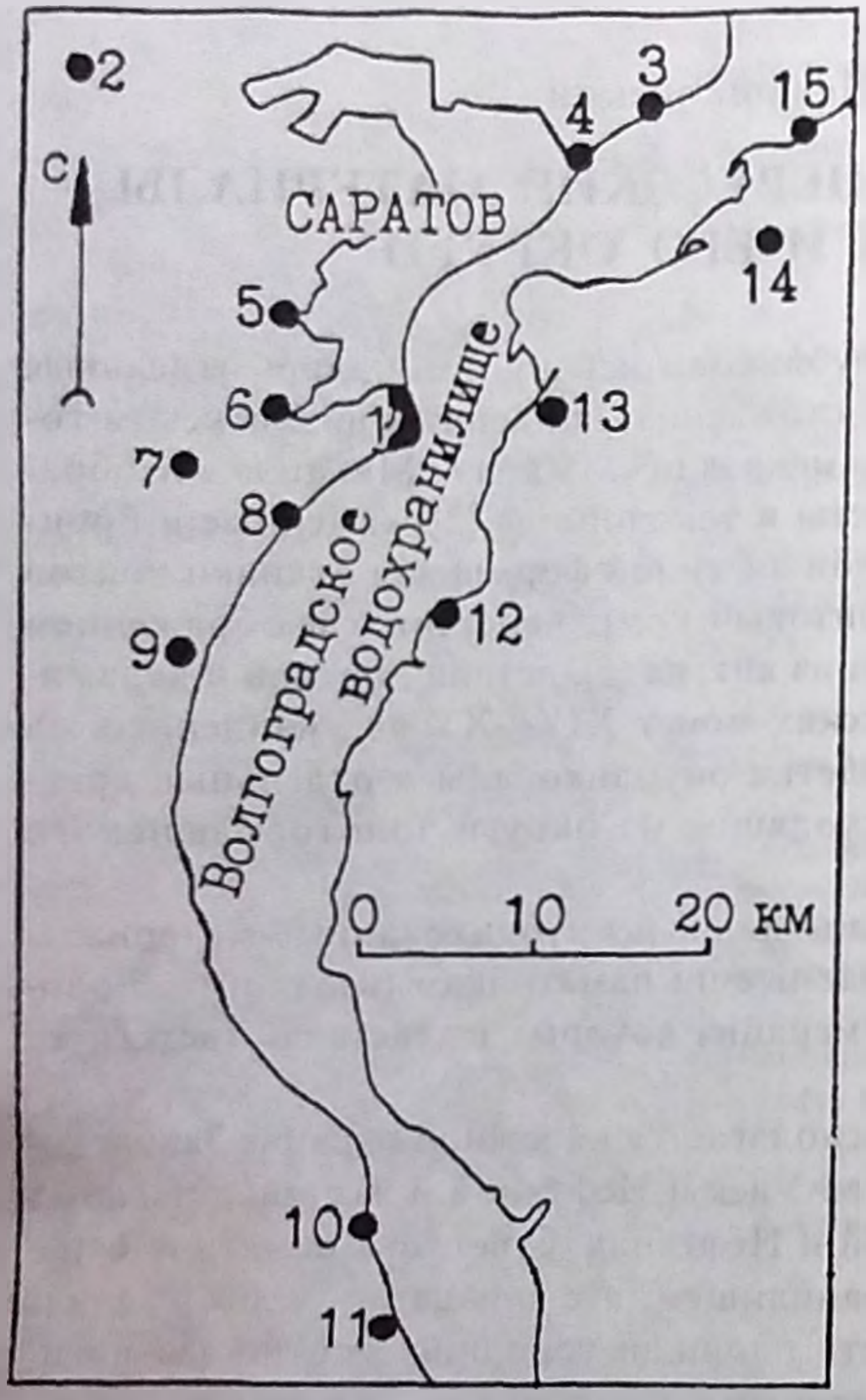


Рис. 1. Схема расположения Увекского городища и памятников его округи, на которых фиксировались древнерусские материалы.

1 — Увекское городище; 2 — селище у с.Курдюм; 3 — поселение у с.Пристанное; 4 — Алексеевское городище; 5 — Болдыревское селище; 6 — Александровское местонахождение; 7 — Багаевское селище; 8 — Хмелевское 1 селище; 9 — поселение у с.Широкий Буерак; 10 — Ахматское селище (в уроч. «Мартышкино»); 11 — поселения «Марко» и «Леви»; 12 — селище у с Подгорное; 13 — курган у г.Энгельса; 14 — поселение у хут. Шалово; 15 — селище в уроч «Подстепное»

ный материал; если известны точное место и датировка находок, это указывается.

Большой интерес представляют изделия из янтаря, поступавшего в Среднее и Нижнее Поволжье с территории Руси [11]: фрагменты двух перстней — один из них был круглым в сечении (рис. 2: 1), а другой имел прямоугольный щиток (рис. 2: 2), каплевидная плоско-выпуклая подвеска со сколотой верхней частью (рис. 2: 3) и полностью сохранившаяся подпрямоугольная плоско-выпуклая подвеска с двумя ушками (рис. 2: 4). Янтарные перстни с прямоугольным щитком известны в позднезолотоордынском слое Болгара, в материалах городов Руси XII—XIV вв. и Северной Польши; перстни с подпрямоугольным щитком из различных пород камня, а также каплевидные янтарные подвески (известные и с I Измерского селища) имеются в коллекциях с Селитренного и Болгарского городищ [12]. Плосковыпуклые каплевидные подвески из сердолика и змеевика известны с ряда городищ: Болгарского, Селитренного, Отрара и Шехр-Ислама [13]. Помимо вышеописанных изделий на Увек-

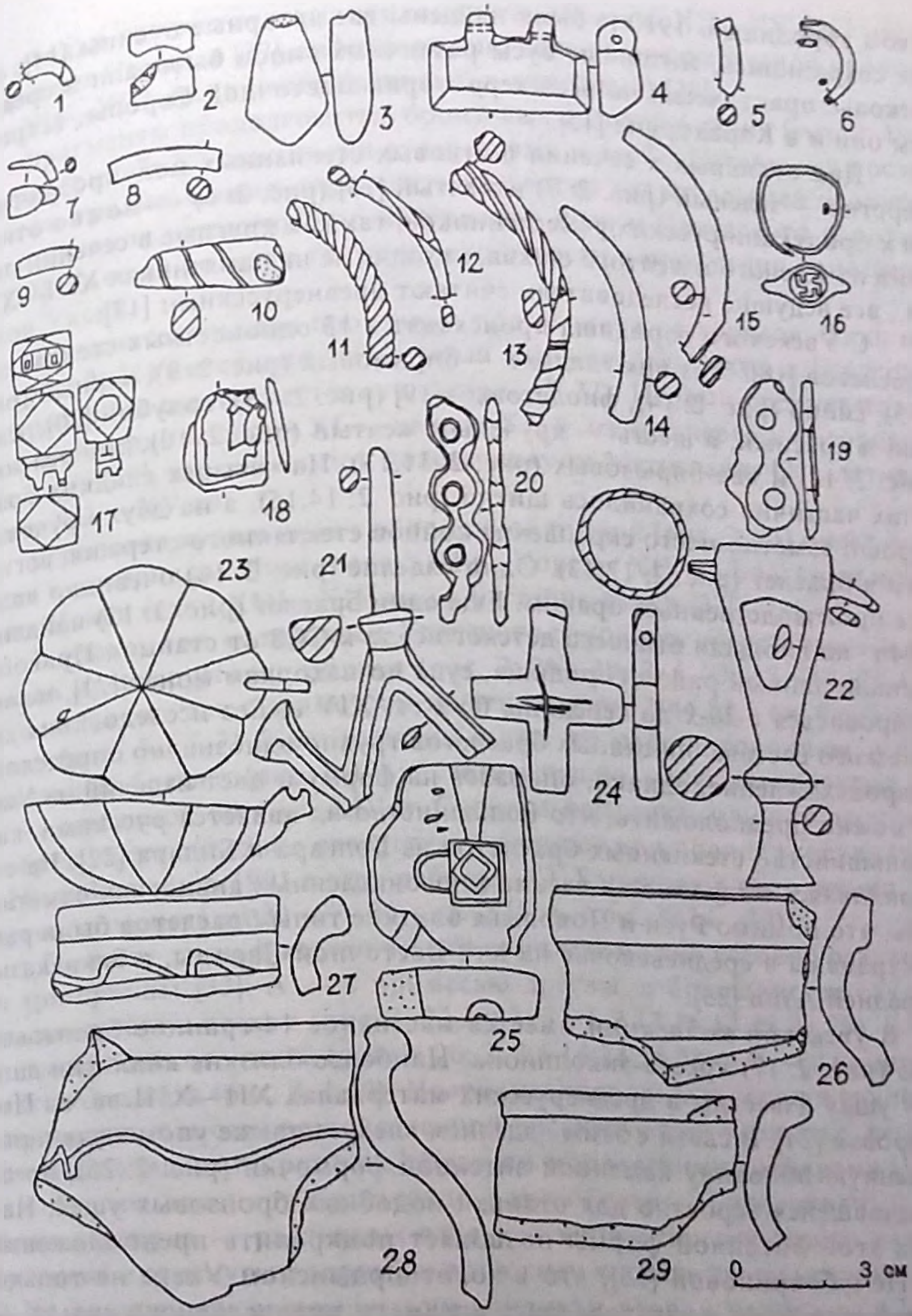


Рис. 2. Неопубликованные древнерусские материалы, собранные на Увекском городище (1—7, 9—15, 17—23, 25—28) и поселениях у сел Подгорное (8), Шумейка (16, 24), Курдюм (29).

Фрагменты янтарных (1—2) и стеклянных (6—7) перстней, стеклянных браслетов (5, 8—15), янтарные подвески (3—4), бронзовые перстень (16), ушко от энколпиона (17), фрагмент иконки (18), части литых цепочек (19—20), детали хоросов (21—22), кадильница (23), каменные крестик (24) и литейная форма (25), венчики керамических сосудов (26—29)

ском городище в 1910 г. были найдены две янтарные бусины [14]; они не сохранились. Янтарные бусы различных типов бытовали в средневековье практически на всей территории Восточной Европы, встречены они и в Каракоруме [15].

Два овальных в сечении щитковых стеклянных полупрозрачных перстня — зеленый (рис. 2: 7) и желтый [16] (рис. 2: 6) — можно отнести к продукции русских ремесленников, так как круглые в сечении перстни из зеленого и желтого стекла, находимые на памятниках XIII—XIV вв., все ведущие исследователи считают древнерусскими [17].

С Увекского городища происходят и 13 одноцветных стеклянных браслетов [18]: 7 из них гладкие — бирюзовый (рис. 2: 9), черный (рис. 2: 5), синий (рис. 2: 14), фиолетовый [19] (рис. 2: 15), голубой [20], зеленый и красный, а шесть — крученые: желтый (рис. 2: 10), три зеленых (рис. 2: 12) и два бирюзовых (рис. 2: 11,13). На четырех гладких браслетах частично сохранились щитки (рис. 2: 14,15), а на двух крученых хорошо заметно место скрепления концов стеклянного стержня, согнутого в браслет (рис. 2: 12,13). Одно изделие (рис. 2: 10) очевидно является производственным браком. Еще один браслет (рис. 2: 12) найден в 1994 г. на площади бывшего детского сада к ССЗ от станции Правобережный: данный район городища, судя по находкам монет [21], может датироваться с 20-х до середины 60-х гг. XIV в. Без исследования химического состава описанных браслетов трудно однозначно определить их происхождение, однако, опираясь на форму и цвет изделий из Укека, можно предположить, что большинство их является русскими, как и большинство стеклянных браслетов из Болгара и Биляра [22]. Не останавливаясь подробно на весьма многочисленных аналогиях отметим лишь, что помимо Руси и Поволжья близкие типы браслетов были распространены в средневековье на юге Восточной Европы, в Закавказье и Средней Азии [23].

В увекской коллекции имеется массивное 14-гранное бронзовое ушко (рис. 2: 17) креста-энколпиона. Наиболее близкие аналогии данному ушку известны в древнерусских материалах XII—XIII вв. из Поднепровья [24]. В связи с этим изделием следует также упомянуть незаконченную половину каменной литейной формочки (рис. 2: 25), предназначавшейся вероятно для отливки подобных бронзовых ушек. Находка этой литейной формы позволяет подкрепить предположение М.Д.Полубояриновой [25], что в золотоордынском Укеке не только употреблялись, но и изготовлялись предметы православного культа — бронзовые энколпионы и иконки. К отливавшимся на месте иконкам можно отнести фрагмент бракованного изделия с неудаленными заусенцами по краям (рис. 2: 18). Вероятно иконка имела закругленный верх; на ней различима благословляющая правая рука и крест на омофоре святого. Сходное взаиморасположение руки и креста на одеянии имеется на новгородских костяной и шиферной иконках первой половины XIV в. и конца XIII — начала XIV в. с изображением святого Власия

[26], а также на многочисленных каменных образках XII—XV вв. с изображением Николая [27], зафиксировано оно и в древнерусской иконописи XII—XIII вв. (в изображениях тех же святых) [28].

Фрагменты продолговатых бронзовых изделий с двумя (рис. 2: 19) и тремя (рис. 2: 20) сквозными отверстиями и необработанными после отливки краями можно определить как части литых деталей цепочек от паникадила, известных по материалам Руси и Царевского городища [29]. Данные поделки также можно отнести к продукции ремесленников Укека.

Примечательны два бронзовых подсвечника от хоросов. Один из них (рис. 2: 21) имеет шип, на который насаживалась света, а у другого для крепления свечи имеется втулка (рис. 2: 22). Первый предмет подобен целой серии изделий XI — начала XII в. из древнерусских городов и Болгара [30], второй близок подсвечнику из Мстиславля [31], датируемому XIV—XV вв.

Бронзовая кадильница с обломанной ручкой (рис. 2: 23) имеет аналогии в материалах Новгорода XIII в., Корелы XIV в., Болгара и поселения Искра (слой XIII—XIV вв.) в бассейне Вятки [32].

В подъемном материале с Увекского городища представлена и керамика древнерусского облика (рис. 2: 26—28; 3: 1—7, 13—14, 16,17): фрагменты сосудов с диаметром по венчику от 12 до 22,5 см. Семь венчиков (рис. 3: 1—7) были найдены в том же районе городища, что и стеклянный браслет (рис. 2: 12) и, следовательно, могут датироваться 20-ми — серединой 60-х гг. XIV в. Сходная керамика, один из венчиков которой имеет сквозное отверстие, сделанное при починке сосуда (рис. 3: 24), найдена и в 1991 г. при работах Д.Г.Баринова в сооружении, датируемом монетами 20-х — 30-х гг. XIV в. (рис. 3: 24—30).

По тесту данный керамический комплекс можно условно разделить на три группы [33]: А — с примесью дресвы, в большинстве случаев сочетающейся с песком (рис. 2: 27,28; 3: 3—5,7,13,16,17,26,27,29), Б — с примесью мелкого песка (рис. 2: 26; 3: 2,6,14,24,25,28) и В — с примесью мелкого шамота (рис. 3: 1,30). Неорнаментированные горшки группы В с примесью шамота, несвойственной древнерусской керамике, вероятно изготовлялись по русским образцам мордовскими гончарами [34]

Формы венчиков достаточно разнообразны. Белоглиняный (остальная посуда — различных оттенков коричневого и серого цветов) фрагмент с отогнутым наружу и прижатым к шейке краем венчика (рис. 2: 26) аналогичен древнерусским венчикам второй половины XIII — начала XIV в. из Болгара [35]. Типологически близкая керамика известна также с древнерусских памятников, с Водянского городища и с поселения Березовка [36].

Отогнутый наружу венчик с завернутым внутрь и приплюснутым краем (рис. 3: 13,24,26) зафиксирован на сосудах со средней и нижней Волги и из русских земель [37].

Редкой формой является венчик с широким бортиком, орнаменти-

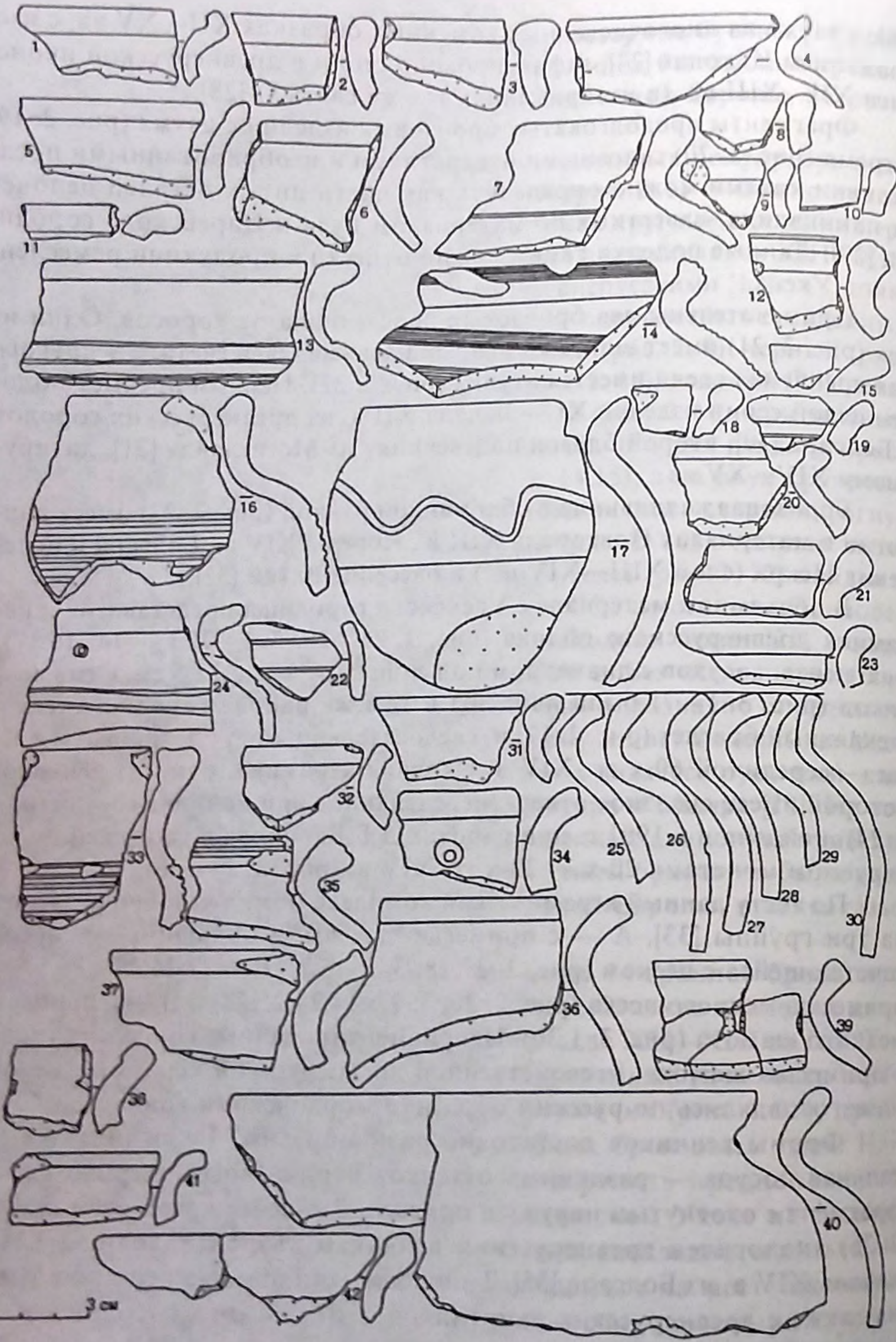


Рис. 3. Древнерусская керамика из Укека и его округи

Увекское (1—7, 13—14, 16—17, 24—30) и Алексеевское (8—9, 12, 20—21) городища, селища Пристанное (18), Болдыревское (23), Багаевское (31—37), Хмелевское I (11, 15, 19, 22, 38—40) и Широкий Буерак (41—42), Александровское местонахождение (10)

рованным горизонтальными линиями (рис. 3: 14); подобные изделия, но с волнистой орнаментацией по венчику, найдены на Водянском городище и на Смоленщине [38].

Остальные формы венчиков (рис. 2: 27,28; 3: 1—7,16,17,25,27—30), как и древнерусская посуда с памятников округи Укека (рис. 2: 29; 3: 8—12,15,18—23,31—42), также аналогичны керамике, очень хорошо известной по материалам Руси и Поволжья [39].

2. Поселение у с.Курдюм Татищевского р-на. Обследовалось А.А.Кротковым в 1915 г. Помимо фрагментов золотоордынской керамики и дирхема укекской чеканки [40] (такие монеты выпускались в промежутке между 1266 и 1312 гг.) на памятнике найден венчик древнерусского сосуда (рис. 2: 29).

3. Селище в 2,7 км к ЗЮЗ от с.Пристанное в устье р.Гуселка, на левом ее берегу. Известно с 1920-х гг., в 1966 г. обследовалось Д.С.Худяковым, в 1975 г. — Н.М.Маловым [41], в 1996 г. — автором. В настоящее время размеры памятника (полностью застроенного дачами) 60х90 м, а площадь около 0,4 га; однако большая часть этого золотоордынского поселения, очевидно, уже разрушена водохранилищем. На сохранившейся части селища у обрыва к реке обнаружены золотоордынские погребения и остатки горна. В 1996 г. в юго-восточной части памятника найден венчик коричневого древнерусского сосуда диаметром 12 см с примесью дресвы и песка в тесте (рис. 3: 18).

4. Алексеевское городище. Располагается на мысу на правом берегу Волги на северо-восточной окраине Саратова. Городище неоднократно исследовалось разведками и раскопками в 1921—1971 гг. [42], в 1992—1994 гг. раскапывалось О.В.Кочерженко. Максимальные размеры памятника, по данным 1971 г. — 90х162 см. Основные напластования, а также видимо и укрепления в виде вала и рва, относятся к городецкой культуре; они перекрывают частично переработанный слой эпохи бронзы. Культурный слой золотоордынского времени (частично выходящий за пределы укреплений городища), судя по материалам раскопок П.С.Рыкова и Т.А.Хлебниковой [43], имеет мощность до 35—40 см. На оконечности мыса городища, у обрыва берега Волги в 1925, 1944, 1947 и 1992 гг. вскрыт целый ряд грунтовых захоронений, преимущественно в гробах и с юго-западной ориентировкой; у ноги одного из костяков было обнаружено днище золотоордынского сосуда — единственная находка в этой группе погребений [44]. В 1971 г. на раскопе Т.А.Хлебниковой в золотоордынских напластованиях найдены 5 венчиков (диаметр от 12 до 18,5 см) серой и коричневой керамики древнерусского облика [45]. Два из них — с примесью в тесте дресвы и песка (рис. 3: 9,20), а три — только песка (рис. 3: 8,12,21), а также 4 фрагмента стенок (2 из них с линейным орнаментом) и 2 днища коричневых древнерусских сосудов с примесью песка [46]. На том же раскопе найдены два фрагмента чугунного котла золотоордынского времени и фрагмент керамики с фестончатым орнаментом [47], являющиеся важным датирую-

ным материалом, так как преобладание чугунных сосудов и появление скани датируется не ранее начала XIV в., а корчаги с фестончатой орнаментацией, по материалам Болгарского городища, появляются в середине — второй половине XIV в. [48]

5. Больше-Еланское селище обнаружено в 1978 г., исследовалось М.Н.Кураковым в 1978—1980 гг. [49] и автором в 1994 г. Располагается к северо-западу от пос. Тепличный (бывшее с.Больше-Еланка, ныне в черте г.Саратова), от окраины которого поселение отстоит не более чем на 20 м. Селище золотоордынской эпохи (на поселении найдены также позднеримская серая лощеная керамика и фрагменты сосудов эпохи бронзы) вытянуто с северо-запада на юго-восток, оно расположается на первой террасе р.Чекановка и имеет размеры 210 х 98 м. Шурфовка показала мощность культурного слоя времени Золотой Орды — до 35—40 см. Материал с памятника представлен преимущественно фрагментами коричневой и красной неполивной золотоордынской керамики, иногда орнаментированными прочерченными параллельными линиями, фестонами и оттисками гребенчатого штампа (в том числе перекрещивающимися). В 1994 г. в центральной части Больше-Еланского селища были найдены венчик (рис. 3: 23) и 2 неорнаментированных фрагмента стенок древнерусских сосудов коричневого цвета с примесью в тесте дресвы и песка; от общего количества керамики XIII—XIV вв., собранной тогда на поселении, древнерусская составляет 3,4%.

Датируют селище находки медных монет [50] (сборы 1982 г.) времени Тохтамыша (Сарай 787 г.х. — 1; Хорезм 790 г.х. — 2) и клад, найденный в 1983 г. у пруда «Пионерский», в непосредственной близости от поселения, который содержал 74 серебряных дирхема [51], младшие из которых (11 экз.) отчеканены в 761 г.х. (определены Ю.Е.Пырсовым). Данные нумизматики позволяют ограничить период существования селища второй половиной XIV в.

В 70 м к северо-востоку от поселения вдоль дороги в пионерский лагерь «Ударник» располагается могильник золотоордынского времени протяженностью 210 м, на котором ранее были вскрыты 50 захоронений [52] (лишь в трех из них был зафиксирован погребальный инвентарь: п.13 — бронзовый перстень, п.18 — парчовая ткань, п.40 — стеклянная бусина; в остальных прослеживались лишь остатки гробов, в ряде случаев — и гвозди от них).

6. Александровское местонахождение (в бассейне р.Черниха) открыто автором в 1993 г. и обследовалось в 1994 г. Располагается в 700 м к ЮВ от с. Александровки, в 400 м к югу от заводских складов-ангаров Саратова, в 1125 м от железнодорожной станции Александровка и в 90 м к СЗ от дачных участков. На проселочной дороге, окаймляющей лесопосадку, подобраны 4 фрагмента гончарной лощеной керамики с орнаментом в виде прочерченных горизонтальных линий и многорядной волны, а также венчик древнерусского сосуда (рис. 3: 10) диаметром около 16.5 см с примесью мелкого песка в тесте.

7. Багаевское селище на левом берегу р.Петровка открыто автором в 1995 г. (золотоордынского времени), располагающееся в 1,6 км к ЗЮЗ от с.Багаевка. Размеры поселения: 150 м с севера на юг и 420 м с запада на восток, примерная площадь памятника — 3,6 га. Средняя мощность культурного слоя — 30—40 см, местами она достигает 70 см. Материал с селища представлен неполивной золотоордынской керамикой, фрагментами древнерусских сосудов с диаметром по венчику от 11 до 21 см — беложгущихся (рис. 3: 33) и коричневых (рис. 3: 31,32,34—37) с примесью в тесте древесы с песком (рис. 3: 31—33,37) или только песка (рис. 3: 34—36), фрагментом кашинной чаши с подглазурной черной росписью и красноглиняного сосуда с бирюзовой поливой.

8. Хмелевское I селище. Располагается между речками Петровкой и Хмелевкой к ВСВ от с.Хмелевка, и частично застроено дачами, а также самим селом. Данное поселение золотоордынской эпохи известно с начала XX в.: в СОМК хранятся предметы, собранные на нем в 1908 г. В.А.Шахматовым [53] и в 1984—1985 гг. М.Н.Куракиным [54]. В 1995 г. селище обследовано автором. Площадь памятника около 68,6 га. Подъемный материал с селища представлен типичной золотоордынской неполивной гончарной керамикой, фрагментами коричневых древнерусских горшковидных сосудов с диаметром по венчику 15,5—17,5 см с примесью в тесте древесы и песка (рис. 3: 15,22,38), а также только песка (рис. 3: 11), фрагментами лепной и близкой к ней посуды — в том числе мордовского облика с примесью шамота, многочисленными фрагментами кашинных и красноглиняных поливных сосудов, обломком кашинного изразца, пряслами из стенок керамических сосудов и из известняка, керамическим лощилом, фрагментами железных изделий и стеклянными бусинами. В 1995 г. найдена и медная джучидская монета с изображением двуглавого орла (Сарай ал-Джедид, 1340-е гг.); ранее на поселении также найдены медные золотоордынские монеты XIV в., чеканенные при ханах от Узбека до Токтамыша [55].

Заложенный на поселении шурф показал наличие насыщенного культурного слоя мощностью до 70 см. Помимо более 200 черепков неполивной и 3 фрагментов поливной золотоордынской керамики, куска плинфы, расколотых костей животных, шлака и крицы, в шурфе в нижних горизонтах слоя обнаружены части трех светло-коричневых гончарных сосудов древнерусского облика с примесью в тесте песка и диаметром 14,5 см (рис. 3: 19), и древесы с песком — диаметры 18 и 23 см (рис. 3: 39,40). Древнерусские фрагменты составляют 1,3% всей керамики, встреченной в шурфе.

9. Поселение у с. Широкий Буерак. Расположено по берегам ручья в 375 м к югу от села; впервые обследовано в 1996 г. автором. Размеры селища 255x350 м, площадь превышает 5 га, мощность культурного слоя — до 50 см. В восточной части поселения имеется мусульманский могильник. Помимо неполивной и кашинной золотоордынской керамики, немногочисленных стенок сосудов эпохи бронзы, шлаков, фрагмен-

тов обмазки, бронзового навершия булавы XII—XIII вв. в виде куба со срезанными углами на памятнике найдены фрагменты различных древнерусских коричневых и серых сосудов диаметром от 15 до 18,5 см с примесью в тесте дресвы и песка (рис. 3: 41,42) и только песка. Фрагменты венчика (рис. 3: 41) и днище коричневых древнерусских горшков происходят из заложенного на селище шурфа; от общего числа керамики из шурфа эти фрагменты составляют 7,7%.

10. Ахматское селище (в уроч. «Мартышкино»). Располагается в 6 км к ЮЮВ от с.Ахмат Красноармейского р-на. Открыто и впервые подвергнуто раскопкам членами СУАК в 1912 г., затем неоднократно осматривалось; раскапывалось В.А.Лопатиным в 1992 г. [56] Размеры поселения составляют 200 м в длину (вдоль берега Волги) и не более 10—20 м в ширину. Основные напластования памятника четко делятся на два слоя: финальной бронзы и золотоордынский (найдены также немногочисленные фрагменты керамики различных культур от неолита до городецкого времени), к которому относились две раскопанные В.А.Лопатиным постройки. Из находок золотоордынского периода, помимо керамики (в том числе различной древнерусской), встречены каменные жернова, железные изделия и серебряная монета «вероятно, начала XIV в.» [57] Недалеко от поселения в 1912 г. зафиксированы золотоордынские погребения в гробах с северной ориентировкой и без инвентаря.

11. Поселения «Марко» и «Леви» в Красноармейском р-не, открытые и исследующиеся С.И.Четвериковым. На первом из них количество найденной древнерусской керамики чуть меньше количества золотоордынской, на втором же древнерусские материалы даже преобладают.

12. Селище у с.Подгорное Энгельсского р-на; располагается в 800 м к СВ от села. Исследовалось в 1981 и 1983 гг. разведками (И.И.Дремов, Н.М.Малов), а в 1987 и 1991—1993 гг. —раскопками (В.А.Лопатин, Г.И.Касанкин) [58]. Размеры сохранившейся части поселения составляют 145 м с севера на юг и 110 м с запада на восток; южная часть селища застроена дачами. Мощность культурного слоя вне сооружений — около 40 см. Рядом с данным памятником имеется синхронный могильник. Из подъемного материала с поселения происходят монеты 1290—1320-х гг.; в раскопах 1991—1992 гг. обнаружены пулы 1330—1360-х гг. [59] помимо очень разнообразных золотоордынских изделий при раскопках селища были найдены: сине-голубой каменный крестик [60], бронзовый овальнощитковый перстень с изображением ладони, гладкий зеленый прозрачный стеклянный браслет (рис. 2: 8), цилиндрическая янтарная бусина и большое количество древнерусской керамики [61].

13. Курган к югу от г.Энгельса, слева от дороги в с.Квасниковку. В 1959 г. в погребении кургана найден древнерусский железный шлем, украшенный сверху бронзовой позолоченной розеткой с изображением четырех птиц. Шлем датируется в пределах XII—XIII вв., а его розетка полностью аналогична навершию шлема с Царевского городища [62].

14. Поселение у хут. Шалово на дюне «Прапорский бугор». Рас-

положена в междуречье Грязнушки и Саратовки; известно с начала XX в. Наряду с кремневыми орудиями, фрагментами сосудов эпохи бронзы, золотоордынской керамикой и разнообразными изделиями на селище найден венчик древнерусского сосуда [63]. На памятнике (иногда называвшемся Саратовским городищем) найден ряд золотоордынских монет 1280—1360-х гг. [64]

15. Селище в уроч. «Подстенное» к СВ от с.Шумейка Энгельсского р-на. Известно с начала XX в.; в 1985—1992 гг. исследовалось Л.Г.Бариновым, И.И.Дремовым и В.Г.Мироновым [65]. Протяженность поселения вдоль берега Волги составляет почти 2 км. На этом золотоордынском селище зафиксированы остатки кирпичных и деревянных построек, безынвентарное погребение, собран разнообразный подъемный материал. С поселения известны находки серебряных и медных монет 20-х — первой половины 60-х гг. XIV в. [66] На памятнике найдены древнерусские изделия: бронзовый перстень с солярным знаком и остатками зеленоватой эмали на щитке (рис. 2: 16), крестик из темно-коричневого сланца (рис. 2: 24), крестик с зеленой поливой и птичка-свистулька с желтой и зеленой поливой [67].

Рассмотренные материалы убедительно свидетельствуют о присутствии заметной доли древнерусского населения не только в Укеке, но и на части окружавших его золотоордынских поселений.

1. Пономарев П.А. На развалинах города Укека близ Саратова (Из путевых заметок) // Древняя и Новая Россия. Т.I. 1879. С. 332; Развалины Укека, близ гор. Саратова // Казанские губернские ведомости. 1891. № 40; Кедров С. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Ф.Ф.Чекалина. Саратов, 1892 г. [Библиография] // Известия ОАИЭ. Т.XI. Вып.3. 1893. С. 306; Духовников Ф.В. О печати князя Михаила, найденной на Увеке // Саратовский листок. 1894. № 89; Медокс К.П. На выставке в Радищевском музее // Саратовский листок. 1894. № 89; Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме. М., [1914?]. С. 244—246; Полубояринова М.Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. 1972. № 3. С. 181; Она же. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 102. Слепки с печати упоминаются в документах СУАК: КЗВМ, т.II, л. 41 об., № 1814, л. 98 об., № 2182; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 234, л. 16, № 32, ед.х. 235, л. 75, № 14.
2. Медокс К.П. Каталог музея СУАК. Саратов, 1893. С. 47, №№ 50—52; Увекские древности // Археологические известия и заметки. — 1894. № 5. С. 158; Приобретения отдельных предметов древности и коллекций // ОАК за 1894 год. СПб., 1896. С. 40; Протокол заседания СУАК. 28-го ноября 1895 года // Труды СУАК. 1898. Вып. 21. С. 35; Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель... С. 244—246; Спицын А.А. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // Известия Археологической Комиссии. Вып. 53. 1914. С. 100, 103. Рис. 27, 29; Оппокова В.И. Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924. С. 32; Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Л., 1925. С. 448; Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 126; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 530; Он же. Русские датированные надписи (САИ. Вып. Е1—44). М., 1964. С. 39; Федоров-Давыдов Г.А. Укек // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. 1973. Стб. 718; Полубояринова М.Д. Русские вещи... С. 177—181. Рис. 5:2, 6; Она же. Русские люди... С. 95—102. Рис. 25:2, 26, 28; Пуцко В.Г., Рецанки, Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде // СА. 1982. № 3. С. 249. Указания на 6 бронзо-

вых (2 из них — эпиколионы) и 2 серебряных креста, найденные на Увекском городище в 1895—1912 гг., имеются в архивных материалах. КЗВМ. т I, с 115, № 174, с 255 № 644, с 268, № 691, с 289, № 766, т II, с 18, под № 1667, с 59, № 1920, ГАСО, ф 407, оп 2, ед х 44, л 56, ед х 234, л 69, ед х 983, л 138, ед х 985, лл 25—26, 81, 87 об., 96 об

3 Каталог выставки 1882 г ОАИЭ Казань, 1882. С 55—56, № 517; Медокс К П Каталог музея С 47, № 53; Увекские древности С 158; Спицын А А Некоторые новые приобретения С 100, 102—103 Рис 28, 30, 31; Оношкова В И Прошлое Саратовского края С 32, Поволжье С 448; Рыбаков Б А Ремесло С 528, 530; Максимов Е К Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья // СА 1964 № 4 С 226—227; Рыбаков Б А Русские датированные надписи С 40, Полубояринова М Д Русские вещи С 177—178, 180—181 Рис 5 1,3; Порфиридов Н Г История одного изображения в древнерусском искусстве // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М , 1975. С 119—120, Полубояринова М.Д Русские люди С 96—102 Рис 25:1, 27, 29—30; Николаева Т В Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. (САИ Вып Е1—60) М 1983 С 43, 146—147, №/№ 365—368 Табл 65:1—4. Две опубликованные каменные иконки зафиксированы в КЗВМ т I, с 135, № 222, т II, с 4 об., № 1598.

4 Перечень предметов, поступивших в музей СУАК в 1902 г // Труды СУАК. Вып 23. 1903 С 65, № 267 Спицын А А Некоторые новые приобретения С 101—102 Рис 24, Рыбаков Б А Ремесло С 530 Рис 128 Максимов Е К Вятическое С 227; Полубояринова М Д Русские вещи С 181; Она же Русские люди С 102; Федоров-Давыдов Г А Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С 184.

5 Недашковский Л Ф Некоторые виды бронзовых украшений с золотоордынского Увекского городища // Из истории татарского народного искусства Казань, 1995 С 101, 108 Рис 1, 8, 10

6 Полубояринова М Д Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. С 43—44, 64, 68 Рис. 3:9, 5:17.

7 Полубояринова М.Д. Русские вещи... С 180—181 Рис. 7:1—2; Она же. Русские люди. С 92, 100—102, 122. Рис 31—32.

8 Одна из них была отчеканена «русскими денежниками в подражание татарским» (Протокол III-го общего собрания гг членов ОАИЭ 4 сентября 1878 года // Известия ОАИЭ. Т I 1878 С 47) «Медная русская монгольского удельного периода», тверской пул XV в с изображением птицы, а также пул княжества Городенского времени Бориса Александровича (1425—1461 гг.) с изображением животного влево и монета с изображением «князя с руками у пояса — на обороте неясная надпись» (можно предположить, что за «князя» принята рязанская тамга в виде буквы «Ф», имевшаяся на серебряных монетах Рязани 1380—1456 гг.) упоминаются у документах из архива СОМК (КЗВМ, т II, №/№ 2439, 3059; фонд А А Кроткова, оп 1, д. 72, л. 14).

9 Максимов Е К Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. 1960 № 4 С 190—193; Полубояринова М.Д Русские вещи. С 184—185. Рис 9:1—2; Она же Русские люди С 121—122 Рис 43 1—2, Касаткин Г И Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия Саратов, 1994 С 95—96, 99, 101. Рис. 1:5,17, 3:2,5,6

10 Об истории изучения этого памятника см. Недашковский Л Ф Этапы исследования городища Увек // Тезисы докладов краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья История, культура» (20—21 мая 1993) (Секция археологии). Казань, 1993. С. 20—22; Он же Исследования Увекского городища в конце XIX — первой четверти XX вв. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность Тезисы докладов Глазов, 1995 С 10—12

11 Розенфельдт Р Л Янтарь на Руси (X—XIII вв) // Проблемы советской археологии М 1978 С 198, 208; Полубояринова М.Д Украшения... С 14—15.

12 Розенфельдт Р.Л Янтарь на Руси... С. 207 Рис. 2:10, 11; Полубояринова М.Д Украшения... С 64, 68, 71, 77. Рис 5:15; 6:3,12—19; Казаков Е.П О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) Казань, 1986 С 80 Рис 4,6; Он же Булгарское село X—XIII веков низовий Камы Казань, 1991 С 141 Рис 45:9.

13 Полубояринова М.Д. Украшения... С. 61, 62, 64, 66. Рис. 4:2; 5:7.
14 КЗВМ. Т. I. С. 436. № 1275; ГАСО: ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8 об.
15 Розенфельдт Р.Л. Янтарь на Руси... С. 200—203. Рис. 1:2—19; Казаков Е.П. О ранних контактах... С. 80. Рис. 4:7; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 101—102. Рис. 2:10—12; Валиуллина С.И., Руденко К.А. Археологические исследования Билярского городища экспедицией КГУ в 1989 г. // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 68—70. Рис. 1:11,14; Казаков Е.П. Булгарское село... С. 141. Рис. 45:6; Полубояринова М.Д. Украшения... С. 42—45. Рис. 3:1—11; Гайдуков П.Г. Славянский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 105, 167. Рис. 76:8; Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище. Сыктывкар, 1992. С. 25. Рис. 11:49; Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара. Казань, 1995. С. 115, 120, 192, 195. Рис. 24:20, 27, 28, 30, 39; 27:15.
16 Н.Н. Бусятская указывает на два подобных желтых перстня с Увекского городища. Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII—XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 72.
17 Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117. 1963. С. 106. Рис. 1:1—2; Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия... С. 48; Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 194.
18 Не приведенные на иллюстрациях браслеты описываются по публикации: Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия... С. 71—72.
19 Данный браслет, хранящийся в Государственном объединенном музее Республики Татарстан, не имеет инвентарных номеров, поэтому он отнесен к увекским материалам лишь предположительно.
20 Обломок голубого стеклянного браслета найден в 1905 г. к СВВ от станции Нефтяная (недалеко от нефтяных складов Нобеля) вместе с серебряной укекской монетой Токты 706 г.х. (1306—1307 гг.) и медной, чеканенной в 766 г.х. (1364—1365 гг.) в Гюлистане (Архив СОМК, фонд А.А.Кроткова, оп. 1, д. 135, л. 6).
21 Найдены следующие медные монеты: Узбек. Сарай 721(?) г.х. — 1, 731 г.х. — 1; Хызр. Сарай ал-Джедид 76? г.х. — 1; а также небольшой клад из двенадцати медных пулов 1330-х гг.: Узбек. Сарай? (со львом и солнцем) год? — 12. Примечательно, что почти все паспортизированные древнерусские изделия происходят именно из этого, центрального района городища: см. Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928. С. 80.
22 Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы... С. 105; Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия... С. 192—193.
23 Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117. 1963. С. 166—167; Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия... С. 45, 46; Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в. М., 1993. С. 143—145, 149—150, 232. Рис. 63:27, 32, 35, 64:1—6, 65:2, 5, 7—8, 10; Нешева В. Средновековен некропол във Вътрешния град на Преслав // Археология [Болгария]. 1979. № 2. С. 51—52. Рис. 8.
24 Древности русские. Кресты и образки. Собрание Б.И. и В.Н.Ханенко. Киев, 1899. С. 16, 22. Табл. VI:67—70; IX:114; Алексеев Л.В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 205—206, 210—211, 213—214. Рис. 1:7; 4:1,4.
25 Полубояринова М.Д. Русские вещи... С. 186.
26 Янин В.Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 269, 271; Он же. Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 122. Рис. 1; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика... С. 70—71. Табл. 19:4,9 (№№ 95—96).
27 Седова М.В. Каменные иконки древнего Новгорода // СА. 1965. № 3. С. 263, 265. Рис. 1:8; Она же. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 174. Рис.

74-6; Полубояринова М.Д. Русские люди... С. 178, 180. Рис. 8:3; Она же. Русские люди... С. 99—100. Рис. 30; Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика... Табл. 2:2, 4-6, 13:3, 14:2, 18:2,6, 19:3, 21:4—5, 7—8, 22:6, 23:1, 24:1,3, 29:1, 30:1,5—6, 31:3—4, 34:1—2, 35:3,5—6, 36:1—3, 39:5—6, 41:3, 42:3, 46:3,5, 48:4, 49:1—2, 50:7—8, 51:2—3, 52:4, 53:3,5, 56:1—3,5, 57:1, 63:1—2, 65:4. На трех из этих иконок Никону сопровождают Аверкий, Никий, Василий и Григорий, правые руки которых также прилегают к крестам на их плечах.

28. Анисимов А. Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. Вып. II. М., 1928. С. 130, 148.

29. Полубояринова М.Д. Русские люди... С. 60—61. Рис. 9.

30. Вагнер Г.К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 81. 1960. С. 25—27. Рис. 10:1—7; Гайдуков П.Г. Славенский конец... С. 99, 162. Рис. 71:8; Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X—XV вв. М., 1993. С. 31—32. Рис. 8:1.

31. Алексеев Л.В. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Беларусь) // РА. 1993. № 4. С. 221, 229—230. Рис. 4:2.

32. Кирпичников А.Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 62, 64. Рис. 4:7; Макаров Л.Д. Поселение Некра — новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. 1984. С. 104—106. Рис. 7:5; Полубояринова М.Д. Русь... С. 32—33. Рис. 8:5.

33. Указанные три группы керамики выделены в работе М.Д. Полубояриновой на материалах Болгарского городища. Полубояринова М.Д. Русь... С. 35.

34. Наличие мордовского компонента в населении Укека подтверждается десятью застежками-сюльгамами и лепными сосудами мордовского облика, найденными на Увекском городище: см. Рыков П.С. Очерки... С. 75, 126; Недашковский Л.Ф. Бронзовые сюльгамы с Увекского городища // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 63—65.

35. Полубояринова М.Д. Русь... С. 44. Рис. 16:2.

36. Полубояринова М.Д. Русские люди... С. 90, 105. Рис. 22:34.

37. Полубояринова М.Д. Русские люди... М. 90, 91, 105, 106. Рис. 22:34—35; Кочкина А.Ф. Находки древнерусской керамики на Билярском городище // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 119—121. Рис. 1:13; Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 34. Рис. 16:5; Полубояринова М.Д. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 137, 139—140. Рис. 2:4—5; Она же. Русь... С. 37, 39—41, 44—47, 79. Рис. 11:3—4; 13—15; 16:1—2; 17:1—2, 18:2—3; 30:6.

38. Полубояринова М.Д. Русские люди... С. 90, 91. Рис. 22.

39. Полубояринова М.Д. Русские люди... С. 90, 92, 94, 105, 106, 115, 116, 119. Рис. 22—24, 34—35, 39—40, 42; Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 170, 199, 200. Рис. 90:2—3, 113:1,3—4; 114:1—4; Она же. Неполивная керамика... С. 34, 36, 52. Рис. 16:4, 8—13, 19:1—4, 32:1—5; Полубояринова М.Д. Древнерусская керамика... С. 136—141. Рис. 1—6; Она же. Русь... С. 37—41, 44—46, 48, 79. Рис. 11:2, 12—18; 19:1,3; 30:3—5, 8—11, 14.

40. Кротков А.А. В поисках Мохши // Труды ОИАЭ. Вып. 34. Ч. 1. 1923. С. 29.

41. Рыков П.С. Культурно-исторические... С. 70; СОМК №№ 2678, 6058, НВСП 25452.

42. Миронов В.Г. Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1918—1977 годы (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. С. 107—109; Синицын И.В. Археологические работы в Нижнем Поволжье летом 1947 года // Архив СОМК. оп. 1, ед.х. 239. С. 8—10.

43. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском Крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. I. 1926. С. 134; Хлебникова Т.А. Отчет о работах на Алексеевском городище у г. Саратова отрядом Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в августе 1971 г. // Архив СОМК. С. 2—4.

44 Рыков П С Археологические раскопки С 95, 96, 134; Синицын И В Археологические работы С 10; Кочержснко О В Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища (Саратовская область) // Архив Саратовской Госдирекции ВООПИК

45 Автор приносит благодарность Т А Хлебниковой за предоставленную возможность опубликовать этот материал

46 СОМК №/№ НВСП 29092—29096

47 Хлебникова Т А Отчет С 3, 4; СОМК № НВСП 29106

48 Хлебникова Т А Неполивная керамика С 79

49 Материалы, собранные тогда, хранятся в СОМК № СМК 35342/А-9

50 СОМК № СМК 39933, аН-2

51 СОМК № СМК 38324, Л-876

52 Захарцов А П, Касаткин Г И, Четвериков С Н Охранные раскопки могильника золотоордынского времени на территории строительства пионерского лагеря «Ударник» Саратов, 1990 // Архив археологической лаборатории Саратовского государственного университета

53 СОМК №/№ СМК 52003 (АО 817), НВСП 31238, 31414, 31465/1—2

54 СОМК № НВСП 31557—31562

55 Федоров-Давыдов Г А Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика Т IV 1963 С 196, № 421

56 Онегорге В Археологические разведки и раскопки в урочище «Мартышкино» Камышинского уезда // Труды СУАК Вып 33 1916 С 34—38; Лопатин В А Охранные раскопки поселения в урочище Мартышкино // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия Саратов, 1994 С 82—84

57 Онегорге В Археологические разведки С 38

58 Дремов И Н Разведки в Саратовской области // АО 1981 года М, 1983 С 145; Кочержснко О В, Малов Н М Раскопки в Саратовском Заволжье // АО 1983 года М, 1985 С 156; Касаткин Г.И Золотоордынское поселение С 94—101

59. Дирхемы: Токта: Сарай б.г. — 1; Узбек Мохша 726 г.х. — 1; пулы Узбек: Сарай 721(?) г.х — 1, б.г (со львом и солнцем) — 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид б.г (с двуглавым орлом) — 2; Хорезм 749 г.х. — 1. Информация о находках с поселения любезно предоставлена Г И Касаткиным и С Н Четвериковым.

60. Энгельсский краеведческий музей. № 9810, в публикации он ошибочно назван керамическим Касаткин Г.И Золотоордынское поселение С 95, 99. Рис 1:5.

61 Касаткин Г И Золотоордынское поселение С 95, 96, 99, 101 Рис. 1:5,17; 3:2,5—6.

62. Максимов Е К Находка С 190—193 Рис 1; Федоров-Давыдов Г А Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов Археологические памятники М, 1966. С 33, 34 Рис. 5:2; Полубояринова М.Д. Русские вещи С 169, 170, 185 Рис 3:2. Она же. Русские люди С. 60, 61, 122 Рис. 8

63 Рыков П С Культурно-исторические С 59; Полубояринова М Д Русские вещи С 185; Она же Русские люди С 122; СОМК. № АО 865.

64 Федоров-Давыдов Г А. Находки С 193, 194, 196, №/№ 404, 409, 420 Несколько монет ранее опубликованы не были —серебряная: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г.х — 1, медные: Узбек Сарай? год? (со львом и солнцем) — 2; хан? Орда, год? — 1 — см КЗВМ №/№ 1847, 2366, 2927

65. Дремов И.Н. Охранные раскопки в окрестностях Саратова и Энгельса // АО 1985 года М., 1987. С. 177; Он же. Археологические богатства Саратовской земли // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия Саратов, 1994. С. 16, 17. СОМК №/№ НВСП 22224—22294, 30207

66 Федоров-Давыдов Г.А Находки С 197, № 440, КЗВМ: №/№ 2077 2080, 2238, 2270, 2649, 3113; Архив СОМК фонд А.А.Кроткова, оп.1, д 177, л 21, 49; СОМК № НВСП 26114 Индивидуально описаны лишь 6 монет — серебряные. Узбек: Сарай 734 г.х — 1, город? 724 г.х — 1, медные: Узбек: Сарай(?) б.г. (со львом и солнцем) — 1; Джанибек Сарай ал-Джедид 752 г.х — 1, 753 г.х. — 1, б.г. (с цветком) — 1

67 Полубояринова М Д Русские вещи С. 184, 185. Рис 9:1—2. Она же Русские люди С 121, 122 Рис. 43:1—2.

Stjepan Pantelić

DIE NEUE VERSION DER MIGRATION DER KROATEN, DULEBEN UND WOLINJANEN

In wissenschaftlichen Kreisen ist bekannt, daß im vorigen Jahrhundert eine große Auseinandersetzung darüber geführt wurde, ob die Migration der Slaven von Süden nach Norden oder von Norden nach Süden verlief. Einige Autoren vertraten die Ansicht, daß sich die Urheimat der Slaven entsprechend der Nestorchronik «Powest` wremennych let» [1] an der mittleren und unteren Donau befand, daß die illyrischen Veneter im pannonischen Becken und an der Adriaküste Slaven waren, und daß inre Migration von Süden nach Norden ging. Dazu gehörten: August Ludwig von Schlözer [2], Petar Katančić [3], Franjo Rački [4], Johann Graf Potocki [5], Lorenz Surowiecki [6], Paul Joseph Šafarik [7], Alexander Hilferding [8], Davorin Trstenjak [9], Ludwig Wilser [10], Franz Sasinek [11], Karl Siche [12], André Lefévre [13], Joseph Sergi [14], Konrad Mannert [15], Joseph Ladislav Pič [16], Leopold Contzen [17], Karl Gottlob Anton aus Leipzig [18], August Bielowski aus L'viv [19], Johann Gustav Cuno aus Berlin [20], Ivan Kukuljević Sakcinski aus Zagreb [21], Marin Drinov [22], Konstantin Jireček [23] und Roman Stanislaw Kaulfuss [24]. Laut August Bielowski [25] war die Küste des Adriatischen Meeres der erste Sitz der Slaven bevor sie an die Donau kamen, von wo sie sich nach Norden und Osten ausbreiteten. Dieser Auffassung haben sich E.Boguslawski, P.Katančić, J.Sergi, S.Zaborowski [26] und in den letzten Jahren auch der deutsche Linguist Heinrich Kunstmann, Professor an der Universität München und Schriftleiter der Halbjahresschrift «Die Welt der Slaven» angeschlossen. Kunstmann vertritt die These, daß «die Zentren, von denen der völkerwanderungszeitliche Zug der Slaven nach Mittel- und Osteuropa ausging, im wesentlichen die ehemaligen Provinzen Dalmatia, Illyricum, Praevalitana und Epirus Nova waren, überwiegend also Gebiete auf dem westlichen Balkan entlang der Adriaküste» [27].

Entgegen dieser Theorie und entgegen der Nestorchronik waren einige Autoren der Ansicht, daß sich die Urheimat der Slaven nicht an der mittleren und unteren Donau sondern hinter der Karpaten befand, daß die illyrischen Veneter im pannonischen Becken und an der dalmatinischen Adriaküste keine Slaven waren und daß ihre Migration nicht von Süden nach Norden, sondern von Norden nach Süden erst im 6. Jahrhundert aus den Karpaten nach Illyrikum, Dalmatien und Pannonien verlief. Die wichtigsten Vertreter dieser Theorie waren: Ernst Dümmler, Robert Roesler, Karl Müllenhof [28], Gregor Krek [29], Franz von Miklosich [30], Matvej Sokolow [31], Ivan Smirnow [32], Antonin Decker [33], Konstantin Grot [34], Franz Kos [35], Lubor Niederle [36] und Ferdo Šišić [37]. Trotz der großen Auseinandersetzung des vorigen Jahrhunderts über die Migration der Slaven wurde

keine endgültige Lösung gefunden, ob die Slaven von Süden nach Norden oder von Norden nach Süden wanderten. Daher wollen wir am Beispiel einiger slavischer Völker wie Duleben, Wolinjanen und Kroaten prüfen, ob ihre Migration sie von Süden nach Norden oder von Norden nach Süden führte.

Es ist nicht möglich, hier vor dem 6. Internationalen Kongress der slavischen Archäologen in Novgorod eine umfassende Untersuchung vorzunehmen. Deswegen wollen wir im wesentlichen auf die Toponymik als Geschichtsquelle eingehen, die uns vielleicht bei der Lösung des Problems helfen wird. In der wissenschaftlichen Welt ist bis heute nicht bekannt, daß die Toponymik, die auf die Duleben zurückzuführen ist, schon in West-Kroatien beginnt. Hier befinden sich die Ortschaften Dulebska in der Gemeinde Vrbovec, 30 km von Zagreb, und Dulibe in der Nähe von Otočac; letztere existiert heute allerdings nicht mehr [38]. Geht man davon aus, daß die Duleben auch Bužanen hießen, so finden wir in Kroatien die Toponyme Bužim bei Gospić, Bužinija bei Buje, Bužim bei Bosanksa Krupa in Bosnien und Herzegovina, sowie die Familiennamen Bužan in der Gegend um Varaždin, Zagreb und Sisak als Hinweise auf dieses Volk [39]. Noch heute existiert die Bužanova Straße in Zagreb. Die auf die Duleben zurückzuführende Toponymik läuft in einem Bogen über Kärnten, Tschechien und Slowakien, bis an die Quelle des West-Bugs in der Westukraine. Etwa 30 Kilometer von L'viv gibt es noch heute das Toponym Dulibi. Ohne die kroatischen Toponyme der Duleben zu kennen, betrachtete der polnische Historiker G.Labuda die Toponyme in der Ukraine, in Tschechien und in Österreich als Hinweis darauf, daß Slaven schon seit dem Ende des 5. Jahrhunderts durch die Mährische Pforte nach Süden gezogen seien [40]. Für ihn ist die Region am West-Bug der Ausgangspunkt der Dulebi-Wanderung. Der deutsche Linguist Heinrich Kunstmann widerspricht dieser Auffassung. Für ihn ist die Region am Westbug die Endstation der Dulebi-Wanderung. Er gibt an, daß die Duleben von thessalischen Dolopes herstammen [41].

Ähnlich ist die Sachlage bei den Wolinjanen. In der bisherigen Wissenschaft wurde auch bezüglich der Wolinjanen nie auf die Toponymik hingewiesen, die sich auf dem Balkan befindet. Beispielsweise gibt es in Makedonien das Toponym Volino, im Jahre 1866 wird ein Ort namens Volinja bei Kostajnica, westlich von Zagreb erwähnt [42] und noch heute existiert das Toponym Volinja in der Gemeinde Dvor [43]. In Tschechien finden wir die Toponyme Volyne bei Chomutov und Volyne bei Strakonice am Fluß Volinka [44]. Volynka als Gewässername begegnet uns mehrmals im Dnjepr-Gebiet in der Ukraine [45]. Dort befindet sich auch die von Dlugosz erwähnte Burg Wolhin, von der das Land der Wolinjanen seinen Namen hatte: «castrum Wolhin, a quo universa terra Wolinska appellabatur» [46]. Auch al-Masudi erwähnt die Wolinjanen «bei welchen vor alters in Anfange der Zeit die Herrschaft stand» [47]. In Polen gibt es die Ostseeinsel Wollin in deren Südosten die Stadt Wolin liegt, die im 9. ind 10. Jahrhundert von den Wolinjanen besiedelt war [48]. In Deutschland gibt es das Toponym Wollin einmal im Bezirk Potsdam, zweimal im Bezirk Penkun unweit der nördlichen

deutsch-polnischen Grenze und ein weiteres Wollin unterhalb von Brandenburg. J.Prinz sieht im heutigen Wolhynien-Gebiet an der Quelle des West-Bugs und in der Volinsko-Podolsko Uzvišenije den Ausgangspunkt der slavischen Expansion [49]. Der deutsche Linguist H.Kunstmann widerspricht einer solchen Lehre und geht davon aus, daß der slavische Name Volyn aus der neuepirotischen Hafenstadt Aulona-Valona (heute, auf albanisch, Vlone oder Vlore) entstand und die Wolinjanen von Süden nach Norden wanderten [50].

Die Sachlage bei den Kroaten ist ähnlich, wie bei den Duleben und Wolinjanen. Die kroatische Toponymik breitete sich von Kroatien in Richtung Slowenien, Österreich und Tschechien aus. In Tschechien gibt es noch heute Toponyme wie Charvatce bei Litomerice, Charvatce bei Louny und Charvatce bei Mlada Boleslav. Im Bistum Prag werden zwei kroatische Stämme erwähnt «Chrovati et altera Chrovati» [51]. Unweit der Oderquelle liegt der Ort Charvaty. Es scheint, daß die Weißkroaten schon in der ersten Hälfte des 6. Jahrhunderts in den Sudeten erwähnt werden. Im Jahre 805 wird in der Chronik Moisiacensis gesagt, daß Kaiser Karl seinen Sohn Karl in das Land der «Beu-Widines» geschickt habe [52]. In der Geschichte der Langobarden heißt es ebenfalls, daß Karl der Große ein Heer gegen die «Beowidines» schickte [53]. Kodex Gothanus kennt das Land der Beowinidi [54], durch welches die Langobarden 526 nach Pannonien zogen. In der Übersetzung bedeutet das Land der Beu-Widines oder Beowidines «Land der Weißen Slaven». Hier im Lande der Weißen Slaven werden später Weiße Kroaten erwähnt. E.Schwarz bemerkte richtig, daß die Tschechen nie als Wenden bezeichnet wurden [55]. Da man also weder für die Tschechen, noch für die Sorben die Bezeichnung Wenden finden kann, muß es sich beim Land der Beowinidi um das Land der Weißkroaten in den Sudeten handeln. In Slowakien sind in diesem Zusammenhang die Orte Charvatovci bei Terchova, Chorvaty bei Košice und Chorvatice bei Šahy. An der ungarisch-slowakischen Grenze ist der Ort Erdö-Horvati zu nennen. In der Ukraine erwähnt V.V.Sedov die Ortschaften Horvat am oberen Fluß Krasna, Horavjatinskaja bei Ostrog, Hrabotsch bei Unga und Horbatscha am oberen Dnjester [56]. Von hier aus breiten sich die Toponyme nach Mitteleuropa aus. Bei Merseburg an der Saale wird am 4. Oktober 1232 der kroatische Gau «in pago Chorvete» erwähnt [57]. Nach der Chronik der Merseburger Bischöfe bestätigt im Jahre 1012 Kaiser Heinrich II. dem Bistum Merseburg den Besitz jener Güter, die ihm schon Kaiser Otto I. gab, die kroatischen Orte «villam scilicet Chruazis et quae vocatur Nova, (heute Naundorf) Rotlici, Rossini (Rössen), Ribci (Raipisch), Boian villam (Bündorf), Schladewice, Contzi, Tornuwa, Moschaw, Bothfelt, Trawarde, Gostuo» [58]. Heute existieren die Ortschaften Groß Korbetha, Klein Korbetha und Korbetha im Umkreis von Merseburg und Halle, die in den lateinischen Urkunden Chruwati inferior, Chruwati superior und Chruwati genannt werden [59]. In der heutigen Provinz Mecklenburg-Schwerin gibt es den Ort Karft im Kreis Hagenow, der in den mittelalterlichen Urkunden Karwete genannt wird [60]. Nach Perwolf handelt es sich um das alte Charvaty [61], das mit dem bei Thietmar von Merseburg erwähnten Chruwati identisch ist [62].

Der jüdische Kaufmann Ibrahim ibn Jaqub nennt im Norden, neben den Kroaten, die Sachsen und Kaschuben: «Hairawas, Sasin und Hasubin (Kasubi)» [63]. Unter dem Namen «Hairawas», verstehen die deutschen Autoren die Kroaten [64]. Es handelt sich um Kroaten, die in der Nachbarschaft der Kaschuben und Sachsen lebten. Kaschuben sind noch heute auf der Halbinsel Danzig am Fluß Rheda in Polen seßhaft, wo sich zwei Toponyme Charwatynia [65] und Karwacya [66] befanden. Ohne auf die kroatische Toponymik einzugehen, vertraten Gelehrte mehrerer Generationen, laut O.M.Kortschinskij insbesondere N.M.Karamzin, J.F.Golowackyj, N.Barsow, L.Niederle, M.J.Smischko, V.V.Sedov, B.A.Timoschtschuck, O.A.Kuptschinskyj und andere, die Auffassung, daß sich die Urheimat der Kroaten in den ukrainischen Vorkarpaten befand [67]. Obwohl die kroatischen Historiker das Groß- oder Weißkroatien des Konstantin Porphyrogenitus nicht in Galizien und Lodomerien suchten, haben sie sich Ferdo Šišić [68], angeschlossen, der under vollen Einfluß von E. Dümmler stand, und sogar die Nestorchronik, die an drei Stellen von Kroaten spricht, als ein Märchen proklamierte [69]. Ohne entsprechende Belege dafür zu haben, vertrat er die These, daß die Kroaten zur Zeit Kaiser Heraklieos (610—641) nach Dalmatien einwanderten. Diese Auffassung wurde von späteren kroatischen Historikern wie N.Klaić [70], T.Macan [71], D.Pavličević [72] und F.Šanjek übernommen [73]. Der deutsche Linguist H. Kunstmann widerspricht einer solche Lehre und erwähnt am «limes Saxonicus» sächsische Kroaten, die aus dem dalmatisch-balkanischen Siedlungsgebiet gekommen seien: «Daß die kroatischen Teilstämme auf ihrer Wanderung vom Balkan nach Mitteldeutschland zum Teil in Böhmen seßhaft wurden, während andere nach Sachsen weiterzogen, scheint mir die einzige 'natürliche' Erklärung für die beiden kroatischen Siedelpunkte in Nordböhmen und Sachsen zu sein» [74]. H. Kunstmann hat sich der kroatische Historiker I.Mužić angeschlossen, der die These der Autochthonität vertritt [75]. Nach dieser These, die im wesentlichen von anthropologischen Untersuchungen ausgeht, spricht I. Mužić für die Kontinuität der Bevölkerung auf heutigem kroatischen Boden [76].

Aus den untersuchten Beispielen der Duleben, Wolinjanen und Kroaten muß man feststellen, daß sie uns für die Rekonstruktion der Slavenwanderung von Süden nach Norden oder von Norden nach Süden wenig geholfen haben. Deswegen müssen wir den Vater der Geschichte Herodot (ca. 490—425/29 vor Christi), zu Rate ziehen. Herodot sagt diesbezüglich, daß die Kelten und Skythen die ältesten Donauanwohner seien [77]. Die Kelten wohnten an der oberen Ister (Donau), die seiner Aussage nach im Lande der Kelten entsprang und dann durch Skythien floß [78]. Unter dem Namen der Skythen an der Donau nennt Nestor die Slaven. In der «Nestorchronik» wird nach der Beschreibung des Gebietes, in dem einzelne slavische Stämme saßen, gesagt, daß das slavische Gebiet von den Griechen «Groß-Skythia» genannt wurde [79]. Auch der Anonyme Kosmograph von Ravenna sagt, daß die Slaven aus Skythien hervorgingen [80]. Ich bin der Ansicht, daß die Lösung des Problems der Migration der Slaven genau in dieser Verbindung der Slaven

mit den Skythen liegt. Im westlichen Skythien nennt Herodot die Eneten. Plinius Secundus sagt, daß die Veneter von den Griechen Eneten genannt wurden und daß sie das Gebiet zwischen Pannonien und dem Adriatischen Meer bewohnten [81]. Jordanes nennt auch im westlichen Skythien die Veneter, die sich ab der Quelle der Weichsel über ein ungeheueres Gebiet hin ausbreiteten. Mögen die Benennungen der Veneter nach ihren verschiedenen Stämmen und Wohnsitzen wechseln, die hauptsächlichen Namen sind doch die Slaven und Anten [82]. In der vita s. Columbani wird ebenfalls bestätigt, daß die Veneter Slaven sind: «Venetiorum qui et Sclavi dicuntur» [83]. Bezüglich der Ausbreitung dieser Veneter sagt Ptolomäus, daß sie zwischen dem Golf von Venedig und dem Quellgebiet der Weichsel lebten [84]. Unter den Skythen und illyrischen Veneter sind also Slaven zu verstehen. Einen Hinweis auf die Slaven südlich der heutigen Stadt Senj an der Adriaküste finden wir in Strabos Aufzählung der japodischen Ortschaften Arupeinon, Monettion und Ouendon (Wendon). An anderer Stelle erwähnt Strabo Arupinos, Monettion und Ouendos (Wendos) [85]. Die Ortsnamen Wendos und Wendon weisen eindeutig auf die Veneter, und somit auf die Slaven hin.

Auch die polnischen Chronisten Kadlubek (um 1206) und Boguphal († 1235) [86] hielten das Gebiet um die Donau für die Urheimat der Slaven. Insbesondere deutlich wird dies bei Boguphal, wenn er sagt, daß Pannonien «Mater et origo omnium Slavinorum nationum» ist. Nur so ist die Frage Papst Johannes X. verständlich: «Quis enim ambigit Slauinorum regna im primitie apostolice et uniuersales ecclesie esse comme(mo)rata»? — «Wer zweifelt daran, daß die Königreiche der Slaven schon am Anfang des Christentums erwähnt wurden und das christliche Wort hörten?» [87]. Apostel Paulus kennt die Slaven noch unter dem Namen der Skythen (Kolosser 3,12) und schreibt im Brief an Timotheäus, daß Titus in Dalmatien sei (4,11), wo sich die Skythen, bzw. die Slaven befänden. Wenn er auf seiner Fahrt nach Rom im Adriatischen Meer Schiffbruch erlitt (Apostelgeschichte 27, 27—41) und auf der adriatischen Insel Mljet (nicht Malta) gerettet wurde, wie dies noch im 10. Jahrhundert Konstantin Porphyrogenitus bezeugt [88], so hat er sicherlich dem einheimischen Volk das Christentum gepredigt. Deswegen hat Papst Johannes X. (914—928) Recht, wenn er sagt, daß die Slaven schon am Anfang des Christentums erwähnt wurden und das christliche Wort hörten. Diese Angaben zeigen noch einmal, daß die Urheimat der Slaven an der Donau lag und daß ihre Migration von Süden nach Norden verlief.

Die erste Migration der Slaven sah schon P. J. Šafarik in der Zeit der Kelten, als sie die Slaven von der Donau verdrängten [89]. Die russischen Gelehrten Dmitrij Samokwasow [90] und Leopardow [91] vertraten die Auffassungen, daß die Slaven unter dem Druck der Römer, insbesondere während der Regierungszeit Kaiser Augustus (63 vor bis 14 nach Christus) und Trajan (98 bis 117) über die Karpaten zogen. Der dritte Zug über die Karpaten erfolgte sicherlich zur Zeit des pannonisch-dalmatinischen Aufstandes von 6 bis 9 nach Christus, als der römische Kaiser Tiberius Pannonien und Dalmatien unterwarf [92].

Den Vertretern der Theorie einer Nord-Süd-Migration kann nicht abgesprochen werden, daß im 6. Jahrhundert eine Migration aus jenseits der Donau und aus den Karpaten nach Illyrikum, Dalmatien und Pannonien aufbrach. Dies bestätigt nicht nur Konstantin Porphyrogenitus [93], sondern auch Prokopios von Kaisareia (ca. 500 bis 562), der in der Beschreibung der Gotenkriege von unzähligen Einfällen der Slaven aus den Gebieten jenseits der Donau nach Illyrikum, Pannonien, Thrazien und Dalmatien bis nach Griechenland spricht [94]. Diese Autoren verkennen aber, daß es sich bei dieser Migration im 6. Jahrhundert nicht um eine Einwanderung sondern um eine Rückkehr vertriebener Slaven handelte.

Duleben und Wolinjanen können wir in die Urzeit nicht verfolgen, die Kroaten werden jedoch noch als Skythen bezeichnet. Mehrere päpstliche Quellen und der byzantinische Kaiser Basilius I. (867—886) nennen die Kroaten eine skythische Nation: «Scytharum barbarae nationes Chrouate» [95]. Diese Angaben sprechen dafür, daß die Kroaten unter den Skythen Herodots in Pannonien und Dalmatien zu suchen sind. Darauf deuten die Arivaten bei Plinius in Pannonien hin. In seiner Aufzählung der pannonischen Völker nennt Plinius an der Drave: «Dravus per Serretes, Serrapillos, Iasos, Sandrizetes» und an der Save «Savus per Colapianos, Breucosque populorum haec capita. Praeterea Arivates, Azali, Amantes, Belgites, Catari, Cornacates, Eravisci, Hercuniates, Latovici, Oseriates, Vareiani... Scordisci... Taurisci» [96].

In einigen Gegenden Kroatiens werden die Kroaten noch heute als Rvati und Rvatska bezeichnet. Da die Römer das vokalische *r* mit der Kombination des Buchstabens r am Anfang nicht aussprechen konnten, kann davon ausgegangen werden, daß sie anstatt des kroatischen Namens Rvati einfach Arvati aussprachen. Bezüglich der Oseriates geht O.N. Trubatschev davon aus, daß dieser Name vom Russischen *ozero* (urslawisch *(j)ezero*) herstammt und somit slavisch ist [97]. Man kann auch beim Namen Latovici vom Polnischen und urslavischen Wort *lato* ('Sommer') ausgehen, so daß Latovici ebenfalls ein slavisches Volk seien. Dies entspricht noch heute den Toponymen Letovanci bei Petrinja und Letovanić bei Sisak an der Save in Pannonien, da diese Namen vom heutigen kroatischen Wort des slavonischen Dialektes *leto* ('Sommer') herkommen.

Thomas von Spalato erwähnt die Kroaten in Dalmatien, die früher Kureten oder Koribanten genannt wurden: «...populi, qui nunc dicuntur Chroate, dicebantur Curetes vel Coribantes» [98].

Die These des deutschen Linguisten Heinrich Kunstmann, nach der im wesentlichen die ehemaligen Provinzen Dalmatia, Illyricum, Praevalitana und Epirus nova Ausgangspunkt der Migration der Duleben, Wolinjanen und Kroaten waren, entspricht nicht nur den Angaben von Nestor und Jordanes, sondern auch den übrigen römischen Schriftstellern, Plinius und Tacitus und den Griechen Herodot, Ptolomäus und Strabo. Ihre Urheimat ist demnach an der Donau unter den Skythen und späteren Slaven zu suchen. Ihre Migration nach Osten und vom Osten nach Mitteleuropa und Norden dürfte schon um die Zeit Christi als Folge der Flucht vor den Römern erfolgt sein, als die Römer Dal-

matien und Pannonien eroberten. Als die Slaven in die Karpaten kamen, wurden sie von den Sarmaten aufgegriffen und mit den übrigen slavischen Stämmen noch im 1. Jahrhundert nach Christus bis nach Norden getrieben. Nur so kann man sich erklären, daß die Slaven unter dem Namen der Veneter schon im 1. Jahrhundert nach Christi am Baltikum erwähnt werden. Auch die Zerstreuung der Toponyme, die auf Ethnos der Wolinjanen und Kroaten bis in den Baltikum zurückzuführen sind, zeigt, daß sie im Sog der Sarmaten nach Norden und Mitteleuropa getriben wurden, um sich im 6. Jahrhundert wieder in die Karpaten und nach Süden zu begeben.

1 Повесть временных лет. М., Л., 1950. Deutsche Übersetzung. Trautmann R. Die altrussische Nestorchronik. 1931
2 Schlözer A.L.v. Allgemeine Welthistorie. XXXI. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771.
3 Katančić P. Specimen philoflogiae et geographiae Pannoniorum. Zagrabiae, 1975; Idem. De Istro ejusque adcolis. Budae, 1798; Idem. Orbis antiquus ex tabula itineraria Peutingeriana. Budae, 1824—1825; Idem. Istri adcolorum geographia vetus. Budae, 1826—1827.
4. Rački F. Nacrt jugoslovjendkich povjestij do IX stoletja // Arkiv za povijest naroda jugoslaven. Kn. IV. 1857.
5. Potocki J. Histoire primitive des peuples de la Russie. St. Petersbourg, 1802.
6 Surowiecki L. Sledzenie początku narodów słowiańskich. Warszawa, 1824.
7. Šafarik P.J. Über die Abkunft der Slaven nach Lorenz Suroviecki. Ofen, 1828.
8 Гильфердинг А. Древнейший период истории славян // Вестник Европы. Т. IV—V. 1868.
9 Trstenjak D. Slovanščini. Celovec, 1878.
10 Wilser L. Die Herkunft der Deutschen. Heidelberg, 1885.
11. Sasinek F. Záhady dejepisné. Praha, 1886—1888
12. Siche K. Namen und Schwinden der Slaven. Leibach, 1886.
13 Lefévre A. Les origines slaves (Bulletins de la societe d'anthropologie de Paris). 1896.
14. Sergi J. Arii e Italici. Torino, 1898.
15. Mannert K. Geographie der Griechen und Römer. T. III—IV. Leipzig, 1820.
16. Pič J.L. Die dacischen Slaven // Sitzungsberichte der königlich-böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historisch-philologische Klasse. 1888.
17. Contzen L. Die Wanderung der Kelten. Leipzig, 1861
18 Anton K.G. Geschichte der deutschen Nation. T. I. Leipzig, 1793.
19. Bielowski A. Wstep krytyczny do dziejów Polski. L'viv, 1850.
20 Cuno J.G. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. T. I. Die Skythen. Berlin, 1871.
21. Kukuljevic Sakcinski I. Panonija rimska // Radovi jugoslavenske Akademije 1873. Kn. XXIII.
22. Дринов М. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.
23. Jireček K. Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876.
24. Kaulfuss R.S. Die Slaven in den altesten Zeiten bis Samo. Berlin, 1842.
25. Bielowski A. Wstep krytyczny do dziejów Polski. L'viv, 1850.
26 Zaborowski S. Les Slaves de race et leurs origines (Bulletin et mémoires de la societé d'anthropologie de Paris, 1900).
27. Kunstmann H. Der völkerwanderungszeitliche Zug der Slaven vom Balkan nach Mittel- und Osteuropa. Synopsis des Forschungsstandes // Mužić I. Podrijetlo i pravjera Hrvata. Split. 1991. S. 306.
28. Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde Bd. II. Berlin. 1887.
29. Krek G. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz, 1874; 2. Ausgabe, 1887.
30. Miklosich F.v. Die slavischen Elemente im Rumänischen. Wien, 1862.
31. Соколов М. Из древней истории Болгар. СПб, 1879.

32 Смирнов Н. Очерки истории хорватского государства. Казань, 1879.
33 Decker A. Dejiny Avaru. Trebona, 1889.
34. Грот К. Моравия и Мадьяры. СПб, 1881.
35 Kos F. Črtice o naši domovini pred prihodom Slovencev // Letopis slovenske Matice, 1897; Idem. Iz zgodovine Jugoslovanov v šestem stoletju po Kr. // Izvestja muzejskega društva za Kranjsko. VIII. 1898.
36 Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902.
37 Šišić F. Povijest hrvatskoga naroda. Zagreb, 1916.
38. Sabljar V. Orts-Lexikon der Königreiche Dalmatien, Kroatien und Slavonien. Zagreb, 1806. S. 98; Republika Hrvatska. Republički zavod za statistiku. Popis stanovništva. 1991. Zagreb, 1992.
39 Laszowski E. Znameniti i zaslžni Hrvati 925—1025. Zagreb, 1925.
40 Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 246; Idem. Du(d)lebowie // Słownik Starożytności Słowiańskich. I. Wrocław; Warszara; Kraków; Łódź, 1961. 399ff; Kunstmann H. Die Welt der Slaven. 1984. S. 58.
41. Kunstmann H. Die Welt der Slaven... S. 58.
42. Sabljar V. Orts-Lexikon... S. 470.
43 Republika Hrvatska... S. 90, 91.
44. Profus A., Svoboda J. Místní jména v Čechach. Díl IV. Praha.
45. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 217.
46 Poppe A. Gród Wołyń. Z zagadnień osadnictwa wczesnośredniowiecznego na pograniczu polsko-ruskim // Studia wczesnośredniowieczne. 1958. 4. S. 227; Derselbe in Słownik Starożytności... VI. 587ff.
47 Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische ethnologische und historischtopographische Studien zur Geschichte des 9 und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 101.
48 Słownik Starożytności... VI. S. 564.
49 Prinz J. Versuch einer orientierenden Bestimmung von Namenräumen im frühostslavischen Bereich. Heidelberg, 1969. S. 63, 64.
50. Kunstmann H. Die Welt der Slaven... S. 252.
51. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische ethnologische... S. 129, 137.
52. «Karolus imperator misit filium suum Karolum regem cum exercitu magno ad Beu-Widines». Chronicon Moissiacense // MGH. SS II. S. 258.
53 «Post haec et Beowinidis cum exercitu suo perrexit». Historia Langobardorum. Codex Gothanus. Scriptores rerum Langobardorum. A. 805.
54. Schwartz E. Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. München, 1931. S. 250.
55. Schwartz E. Die Ortsnamen... S. 250.
56. Седов В.В. Восточные славяне в VII—XIII вв. М., 1982. С. 125.
57. Urkundenbuch des Hohstifts Merseburg. T. I. Halle, 1899. S. 168.
58 Chronica Episcoporum Merseburgensium // MGH. SS. X., Hirsch S. Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich II. Bd. I. Berlin, 1802. S. 293—294.
59 Chronica Episcoporum...
60 Das Ratzeburger Zehntregister // Die Kolonisation Mecklenburgs im 13. Jahrhundert. Bd. 1/2. Breslau, 1930. S. 159.
61. Perwolf. Archiv für slavische Philologie. Bd. 7. 1876ff, 626.
62. Thietmari Merseburgensis Episcopi Chronicon. Darmstadt, 1957. III.14.
63 Ibrahim ibn Jaqubs Bericht über die Slawenländer vom Jahre 973. // Hirsch. Widukind Sächsische Geschichten. 5. Leipzig, 1931. S. 192.
64 Ibrahim ibn Jaqubs... S. 192. Fn. 7.
65. Sulimierski F. Słownik geograficzny królestwa polskiego. T. I. Warszawa, 1880. S. 548.
66. Sulimierski F. Słownik... S. 888.
67. Корчинский О.М. Раннефеодальные центры летописных хорват IX—X вв. в Верхнем Поднепровье (по данным новых археологических исследований) // Материалы Школы молодых славистов и балканистов. Звенигород, 1988. С. 3.
68 Šišić F. Povijest hrvatskoga naroda. Zagreb, 1916.

69 Šišić F. Povijest ...
70 Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975.
71 Macan T. Povijest hrvatskog naroda. Zagreb, 1992.
72 Pavličević D. Povijest Hrvatske. Zagreb, 1994.
73 Sanjek F. Kršćanstvo na hrvatskom prostoru. Zagreb, 1991.
74 Kunstmann H. Wer waren die Weißkroaten des byzantinischen Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos // Die Welt der Slaven. 29/1. N.F. VIII/1. 1984. S. 117.
75 Mužić I. Podrijetlo i pravjera Hrvata. Split, 1991.
76 Mužić I. Podrijetlo ... S. 7.
77 Ausgaben von H. Stein, 5 Bde. (1870—1875) — Deutsche Übersetzung von F. Lange, 2 Bde. (1811—1812).
78 Herodot. Ausgaben von H. Stein, 5 Bde. (1870—1875); Ph. E. Legrand, 9 Bde. (Paris 1932—1954). Deutsche Übersetzung von F. Lange, 2 Bde. (1811—1812). H. W. Haussig. 1963.
79 «Мерет те наимаит ис грекиь «Великая Скуфия» // Летописец русский. Киев, 1989. С. 8.
80 Ravennas, ils anonymi cosmographia. I. Cap. 12. P. 28.
81 Adfertur a Germanis in Pannoniam maxime provinciam et inde Veneti primum, quos Enetos Graeci vocaverunt, famam rei fecere proximique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum // Plinius Secundus Naturalis historia. 37, 11. 1866—1882.
82 Wattenbach W. Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit. II. 1. Jordanes Gotengeschichte. Leipzig, 1884. S. 11.
83 Kastering H.W.A. — Haupt H. Quellen zur Geschichte des 7. und 8. Jahrhunderts. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1994. S. 188.
84 Ptolemaios Klaudios. Geographia. 3 Bde. (1843—1845). Nachdruck, 1968. Buch I.
85 Geographica. hg. Kramer G. Bd. 3 (1844—1852). Thomson J.O. History of ancient geography. Cambridge, 1984.
86 Ausgabe in Monumenta Poloniae Historica. II (Lemberg, 1872. Neudruck, Warschau, 1961). Zeissberg H. Vinzenz von Kadlubek und seine Chronik Polens. 1869.
87 «Ioannes episcopus, servus servorum dei, dilecto filio Ivanischo, regi Croatorum, et Michaeli, excellentissimo duci Chulmorum, nec non seu (reverendissimo) et sanctissimo confratri nostro Ioanni, sancte Salonitane ecclesie archiepiscopo, omnibusque episcopis nostris suffraganeis, verum etiam et omnibus zupanis cunctisque sacerdotibus et universo populo per Slauoniam et Dalmatiam commorantibus, dilectissimis filiis nostris. Quis enim ambigit Slauorum regna in primitie apostolice et universalis ecclesie esse commemorata, cum a cunabulis exeam predicationis apostolice ecclesie percepernt cum lacte carnis, sicut Saxones nouo tempore a nostro antecessore pie memorie Gregorio papa doctrinam pariter et litterarum studia in ea ardeliceat lingua, in qua illorum mater apostolica ecclesia nitulata manchado». Mužić I. Podrijetlo ... S. 245.
88 Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. § 36.
89 Šafárik P.J. Slovenské starožitnosti. Praha, 1837.
90 Самоквасов Д. История русского права. Варшава, 1888.
91 Неофитов. О начале Славяно-Руси со стороны историко-археологической. Киев, 1892.
92 Várady I. Das letzte Jahrhundert Pannoniens. Amsterdam, 1969.
93 Константин Багрянородный. Об управлении империей.
94 Prokop. Gotenkriege. München, 1966.
95 «Accepit a Deo et illud Basilius Imperator, ut Scytharum barbarae nationes Chrouatae dicti et Seruij, missis ad eum Legatis, sponte seipsos subiecerint, accedentesque ad Imperatorem datae sunt illis ad habitandum provinciae illae, quae ab ipsis nomen accepere ut Croatia et Seruia decerentur». Annales Ecclesiastici. T. X. S. 609.
96 Plinius Secundus. Naturalis historia. 3. S. 25.
97 Mužić I. Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // Tafra R. Hrvati i Goti. Split, 1996. S. 23.
98 IX. Thomae Historia pontificum Salonitanorum et Spalatinorum // MGH. SS. XXIX. Rački F. Documenta Historiae Chroaticae periodum Antiquam. Zagreb, 1877. S. 25.

Livija Pap

A CONTRIBUTION TO THE SOLUTION OF SOME SLAVIC MIGRATIONS IN THE EARLY MIDDLE AGES ACCORDING TO THE MIRACLES OF DEMETRIUS OF THESSALONICA

Collect problems of origin and spreading of Slavic tribes are complex and are the subject matter of penetrating of many observers since 12th century [1]. The authors, who deal with these problems, are facing with the fact of fewness of archaeological data. Historical resources have been silent for a long time, and when the first reliable traces begin to appear about them, they are already dealing with the multitude people which covers vast territory. Most of today's observers agree that the Slavs had lived in By-Carpathians, in the region of immense expanse of Eastern Europe on lowlands from the Elbe, Oder, the Vistule to the Dnieper, the Dniester, the Desna, the Oka and the Don and that majority of these tribes had never attracted attention of antique writers (counting since Herodotus).

The answers to these questions of forming and migrating of the Slavic tribes in By-Carpathians, are given to us by the multidisciplined research in the field of archaeology, history, linguistics and anthropology, as well as for the rest of Indo-European nations. The same sciences, with the greater or smaller success follow the Slavs in their migrations from different directions into western, central and southern Europe. As regarding experiences of former observers and on the grounds of some recent researches, the breakthroughs of the Slavs from By-Carpathians should be counted since the beginning of I millennium A.D. The migration of the Slavs from By-Carpathians during the period between the Ist and the VIth centuries is a specific matter for itself which this paper is not going to deal with. By the coming of the Avars to the European area, the migration of Slavs do not start but continue. A number of Slavic tribes, given example by the Avars show greater dynamism of moving and for the reason of their being directly oriented to numerous Byzantine centres — written resources do not avoid them any more.

Regardless the fact that the literature of the origin and migration of the Slavs in the light of archaeological, historical, linguistic and anthropological observations increased enormously, return to some basic historical resources as well as observing the archaeological material already known, gives us opportunity to form new conclusions.

Our intention is, on the basis of observing the allegation from The Miracles of Demetrius of Thessalonica I and II to point at those data which prove that the Slavs had already domesticated in the Balkan peninsula, by the end of the VIth and the beginning of the VIIth century which implies that

they must have been much earlier in the north from the Sava and the Danube.

Thessalonica had been the target of the Slavic attacks even since Justinian reign (527—565). After 551. the Slavs attack Illyric, and after a pause they organize a strong raid to Thrace, far to the wall of Constantinopole and to Thessalonica and to Greece [2].

When Justin II (565—578) refused to pay tax to the Avars, there was a large series of Avaric-Slovenian fights with the Empire, which culminated in the assault to Constantinopole in 626 [3]. About this «first continual occupation of the Balkans» [4] by the Slavs, The Miracles of Demetrius of Thessalonica open many questions.

The great number of attackers is mentioned in several parts of this source. In most of these cases exact data cannot be found out, but the author Mir. I [5] is quite certain that in devastation of surrounding of Thessalonica the multipeopled crowd like sand was involved. In another place [6] Thessalonica is besieged by 5.000 of selected and experienced fighters. In its last chapter Mir. I-13—15 (archbishop John) quotes: «it had been the biggest army ever seen in our times» [7] and hesitating assesses the army of about 100.000 of people. An anonymous author Mir. II seems not even caring to count besiegers and those who take part in ravaging of Greece. He is only certain that in 618. the mutual attack of the Slavs and the Avars is stronger than any of the former attacks of that period of time «for none of the citizens cannot remember that such an enormous barbarian army has ever attacked the City» [8].

As it is obvious, the authors of Mir. I and II, have in front of them quite well armed and skilful soldiers at the state of siege of Thessalonica. They are equipped with various devices, for conquering the town, from the very beginning of the document. In Mir. I-13—15 [9] the besiegers are equipped with battering rams, big stone thrower and other military devices. Although they do not possess any navy forces, they approach the same attack from the sea by building a certain kind of ferry boats. And by the beginning of the VIIth century in the description from Mir. II-1 [10] the Slavic attempts of approaching from the sea on monoxiles are described. In the joint siege by the Slavs and Avars 618. [11] siege devices: battering rams, stone flingers are mentioned again. There is a very interesting description of the siege in Mir. II-4 which quotes that Dragovits and Sagudats, as well as those from Rinhin attacked Thessalonica concentrically, the former from the land, the latter from the sea strongly armed and provided with: flamethrower, stone flings, ladders «high to the sky», arrows «only then invented», countless wooden devices «and simply said the things that has none of our kind ever known or ever seen, to the most of it we have not even been able to give names» [12]. In this description which is called the most important for Mir. II, more various list of siege devices and the use of new kind of weapon (an arrow) and appearance of such war requisites which are not even given names yet, is noticed. It is for certain, that in this period of time

(referring many authors mid eighties of the VIIth century) [13] something is happening to the Slavs. Can we recognize here the influence of new Avar's armaments (three edged arrows) or independent improving of Macedonian Slavs in military skills? Those are the questions that can be connected with wider archaeological and historical observations [14].

By the comparison of those descriptions of attacks onto the town, it is evident that each one is stronger then the former.

Statements from Miracles of Demetrius of Thessalonica [15] are confirmed by the whole group of writes who claim that the Slavs in 581. were ravaging in Greece. John Efeski speaks quite clearly of Macedonian Slavs who stay undisturbed on the territory which they had plundered before. John Efeski finishes his text in 584. when, according to him, the Slavs are still in the countries which they had already devastated. Mikhailo of Syria also suggests the fact that the Slavs, after the attack which he describes, stayed in devastated areas for a long time.

Describing the attack to Thessalonica from Mir. II-1 an unknown author notices that the Slavs take their families with them and carry their belongings because they intend to settle their families within the town [16]. The Slavs of Thessalonica already know the life of Romans. They were already in the town [17]. In the first half of the VIIth century they can already have a strong wish to settle in Thessalonica. One detail should be paid attention to, for the writer of this hagiographic paper does not mention any more only phalanxes that come from the safe, in the roadless regions hidden Slavic villages, but the whole nation, which plan the good for themselves in the town which they plan to conquer. Furthermore here comes the name of the Slavic leader Hacon [18], in the siege, who was prophesied by domestic diviner to enter the city. It can be said that this time, down by the walls of the city there is complete nation, which lives according to the material and spiritual culture of the region where they originate from and using the civilisation which it touches. Besides plundering (about which the Thessalonicas firstly speak, for they are in the panic-stricken fear of them), the Slavs live nearly with their wives, children, leaders, headmen, soothsayers, farming, breeding cattle, doing craftsmanship, trading etc. It certainly is not only just arrived group of tribes. It is only to be found out which generation of newcomer nation it is [19].

This supposition is confirmed in further text of Mir. II-3. Namely, after the earthquake (about 630.) the Slavs come under the walls of the city with mattocks and other tools to clear out the ruins and wishing to steal [20]. Because the walls of Thessalonica remained undamaged, the source informs that they returned to their homes. To their homes respectively cottages Slavs return after unsuccessful attack in two-year's blockade of Thessalonica 675--676 [21]. Having even left the siege devices (it is found out, later, that they built new devices for the next siege). In Mir. II-4 [22] there is a difference between the tribes who are persistent in their war assaults and the other ones that are relatively peaceful, putting away the weapons after plundering and

piracy, and return to their huts. In Mir. II-5 [23] Kuver's people from Kerames's field enter the Dragovit's houses to take wheat, and in Mir. II-6 the Slavs tied and dragged into their land «respectful and grey archbishop Kiprijan» [24]. Kiprian travels eight nights running away to Thessalonica and hiding from the Slavs.

And other sources can confirm this. Porphyrogenit does not speak about settling of Slavs in the beginning of the VIIth century as of current process but as of finished, completed act [25]. The process of coming and setthing began at least 100 years ago, viewed in limitation of historical resources.

According to description from Mir. I we still do not handle with the names of the Slavic tribes. For the Thessalonians only the calling signals of the Slavs are recognizable. But in the account of «immensely hard besiege of the barbarians» from Mir. II-1 [26] from the first half of the VIIth century the tribes distinguish: the Dragovits, Sagudats, Vaiunits, Velegesits and some more others are asserted.

In Mir. II-4 (about 678—679) the Slavs pirate around Dardaneli and Marble Sea and have the names after the rivers or the places by which they live: Strimons and Rinhins [27]. When the emperor involves in the conflicts about Thessalonica [28] it is explicitly spoken of the Slavs who settled around the city. Further on, it is said for Velegesits that they live in the surrounding of Thebes and Demetriad (middle Thessaly). In the same chapter of Mir. [29] the distinction is made between the tribes from Strimon and Rinhin, which continue to fight and the tribes put the weapons away etc.

In the history of Kuver, when his group stops at Keramesis field (Mir. II-5) it is reported that the field is in the neighbourhood of the Dragovits. The Dragovits were surely farming, because Kuver gets the food from them entering the houses of the peasants. The Velegesits also [30], from whom the Byzantine ships take «dried fruit» and other food.

In the same chapter [31] Moor's people [32] dug themselves in the west from the city to enable runaways from Keramesis field to cross into Thessalonica undisturbed by the Slavs. Further on, the archbishop Kiprian [33], as a prisoner at the Slavs, carries dung out of stables and does all sorts of hard works at a landlord's.

Besides farming and cattle raising the Slavs are engaged with handicrafts, too. They build siege devices, ferries and monoxiles, make weapons, they have tools to clear out the ruins, they capture the cattle and take away the agricultural tool from the Romans [34]. In Mir. II-4 even a case is described of one Slavs craftsman who offers his knight to make a tall siege tower on wheels and rollers [35].

Having made observation of Mir. I and II a conclusion can be drawn that there exist two kinds of descriptions. Those which concern the siege of Thessalonica by the tribes in the closer or further backs of the city and the activities of other tribes in the wider area of the Balkans, Aegean Sea and Asia Minor.

At Mir. I-12 Barišić connects the investment of 5.000 of experienced soldiers with Monemvasis chronicle as well as with Aretin Sholia [36], who inform that the Slavs raided to Peloponnesus in «the sixth year of Mavrikie's reign» that is 587. [37] supposing that the same group of tribes proceeded towards the south of Greece, which does not have to be true. It is quite possible that they are some other Slavic tribes.

In the first decades of the VIIth century [38] the Slavs plunder the whole Greece, Aegean islands and a part of the coast of Asia Minor and lay the siege to Thessalonica. The devastation of such a wide territory is dated in 614—615. and the siege of Thessalonica in 616. It is hard to believe that all the same group of the tribes is seriously arming themselves for the battle both from the land and from the sea, after looting calls of that proportion for such a short time.

We have already learned, from the source, that the writer knows the names of the tribes of Slavic nation that live around Thessalonica and in its closer and farther backs. He partially describes their attacks against the city and partially the movement of numerous other tribes whose names are not known to the Thessalonians.

Some other sources also state of the piracy and laying waste of the large area of the Balkans, Aegean islands and Asia Minor: Nikiphor, Teophan, Porphirogenit, Thomas Presbyter, Isidor from Seville, the second chapter of Pisidina's Irakliad, John from Nikiu etc. For our considerations is also interesting Teophan's short remark that Iraklie finds the country falling into pieces and that the country was devastated by the Avars and the Persians [39]. The Slavs are not mentioned. The Slavs are not political force. The Romans live with them on the Byzantine territory since earlier times. They are not serious enemies. By the end of the VIth and the beginning of the VIIth century there is no firm Byzantine power on the Balkans and nobody prevents the Slavs from living here according to their old habits, disturbing from time to time Roman population.

So, by the end of the VIth and the beginning of the VIIth century, it is neither just one group which roams at a time from one part of Greece to another nor a smaller number of tribes which are moving from Illyric to Asia Minor. It is the matter of the whole nation that stepped over the countries north of the Sava and the Danube by the end of the Vth century and in the VIth ct. occupied the regions to the south of these two rivers where the creating of their Sklavinias begins, which politically viewed is still not involved but the Empire feels it very much. Some authors [40] consider Macedonian and Peloponnese Slavs, and, of course, there are also the other (north from the Danube Valashian, Pannonian Slavs etc.). In Mir. II-1 just a summary and a vague review of all what was talking about the Slavs of that time is presented.

It is said about large proportions of ravaging all over Greece in Mir. II-2 [41]. It is quite clearly concluded from the source that it is the matter of actions of Avar-Slavic alliance from Pannonia. They devastate Illyric, both

Pannonias, both Dacias, Dardania, Moesia, Prevalis, Rhodopes and all the rest and even Thracia and the whole population takes away to By-Danubian area towards Pannonia. This time the Pannonian Slavs come in a new wave to Byzantine territory where they find their people. Some of these newcome tribes perhaps stay and some surprised, perhaps, are taken away to By-Danubian region. Kuver starts back to Thessalonica «with his people» [42]. After 60 years he gathers all the nation of Romans and the supporters from the other tribes [43]. When Kuver's group arrives to Keramesis field [44], document notes down that there was a multitude of people and points out «especially christians», by which he allows the presence of unchristian people, the Slavs, the Bulgarians etc.

Since the very beginning of this source it is clear that the Slavs live in an organized way. They attack in formations which deserve title phalanx [45]. They, admittedly, without great success prepare attacks both from the sea and from the land in organized way [46]. They have the bravest fighters and leading men such as Hacon [47] or Prvud [48]. They even organize alliances like the one from Mir. II-4 under the leadership of Rinhin and Strimon people. The Slavic nation is settled in smaller tribal communities with their knights. The Romans recognise their Sclavinias and from time to time their alliances, too. On the other hand, reviewed in the whole, the great territory of the Balkan peninsula is held by the Slavic nation which is not organized as a military force or political one by the end of the VIth and within the VIIth century, therefore the Empire cannot fight against them. The Slavs do not come as great empires like Persia or as militant forces like the Avars (except when allying with the Avars). The Empire cannot fight the Slavs for they come in multitude of their nation, that seek just space not the authority, just the living conditions not the state.

The hagiographic document which has been observed here and is of recognised historical value, gives data of relationship of separate ethnic formations of that time (especially between the Slavs and the Romans and the Slavs and the Avars). In Mir. I a considerable difference between the two worlds of civilized town dwellers and the wild barbarians is still felt. They are called *ωμοβοροι* [49], cannibals, «beasts in a human form», bloodthirsty etc. The Thessalonians are aware of them living in a decent distance. The Thessalonians are in panicking fear of the Slavic periodical raids. By the end of the VIth century the Slavs are a little bit expressionless mass of violent people which disturbs the city by the very rumour of their moving around Thessalonica. Still in Mir. I-13—15 we get information that gradually direct contact out of the battlefield begin, too, because the third day since besiege began [50] so many barbarians ran into the town that all the public baths were full of them. At the attempt to free Prvud from imprisonment [51] a deputation made of the Slavic and representatives of Thessalonica intervenes. After the execution of Prvud [52] the Slavs lay the two year's siege of Thessalonica. The famished Thessalonians ran over to the barbarians and the Thessalonian Slavs sell the Thessalonians to the Slavs from the dee-

per inland. Had the Thessalonian Slavs not done this, the source says, all the Thessalonians might have over and the city would have been theirs.

It is interesting to mention that at the time of his arrestment Prvud lives in Thessalonica [53] and that he speaks Greek. Another piece of information can be added to this, that Moor who comes from Pannonia speaks Greek, Latin, Slavic and Bulgarian language [54].

Furthermore, after unsuccessful raid into Thessalonica from Mir. II-1, Macedonian Slavs ask for help from Avaric hagan from Pannonia [55]. The Avaric hagan comes to the walls of Thessalonica in 618. (two years after he has been asked for help) as an ally of Macedonian Slavs, withdrawing the other allied or conquered tribes of the Slavs and the Bulgarians. Referring to that time we can talk of the Slavs as autochtons of the Balkans, who have occasionally been for at least 100 years attacking the Roman population and newcoming Slavs together with hagan. Interesting fact is that since hagan found himself under the walls of Thessalonica, the writer does not speak any more of the Slavs, but of the defeat of hagan, which means that Macedonian Slavs quickly accepted the command of hagan, regardless the fact that the Slavs are superior by their multitudness on the territory, which can be also seen from the text which we shell repeated as most important for our thesis: «Avaric hagan is also called so that this only (city) is not any more in their (Slavic) milieu, because while they devastated all the towns and provinces subordinated to (Thessalonica), it is only Thessalonica, as it is said, that stands surrounded by their (Slavic) settlements, and besides it (Thessalonica) accepts all refugees from the Danubian area, Pannonia as well as from the rest of provinces and towns and gives them a shelter» [56].

Additionally, in Mir. II-4 anonymous there is a kind of condescending attitude to Mir. I towards the Slavs. The enemies are simply called barbarians and the Thessalonians are addressed critically: he blames the Thessalonian prefect that he accused Prvud on no grounds [57], and so brought the city into a difficult position and besides, he attacks the city authorities for corruption, for selling off the town wheat and other misuses as well as merchants for callous rising of prices in the time of famine [58].

From Mir. I and II we do not get any piece of information of a raid of the Emperor himself against the Slavs [59]. At the moment when he cannot stand any more the persistence and impudence of the Rinhins and Strimons [60] the Emperor sends the squads against them from Thrace and gets easily rid of them by craftiness. Seemingly, he declares war on them as to serious opponent, and when the Slavic knights start to gather for the battle, christian army killed them from the ambush, after which the Slavic fighters scattered around. In the same account, the Emperor has allies, too, Velegesits from whom Byzantine ships take food, probably, by trade. So, the Slavs live with the Romans, plunder them or join them, capture them or become their victims.

Regardless their close touch with more developed civilisation they accept christianity «in their land» with difficulty. They live very long in the

tradition of the area where they came from, which is proved by speaking of soothsayers and very cruel attitude towards respected archbishop Kiprian.

At the end, many observers of this source [61] conclude that Mir. II gives a picture of the Byzantine Balkans at the beginning and in the second half of the VIIth century. Our speculation has a point to give (having taken in consideration in the way presented above, Mir. I and II) a presentation of the Balkans by the end of the VIth and through the VIIth century when the territory was surely, Byzantine — de jure — but Slavic — de facto. Most of these pieces of information refer to the Macedonian Slavs who widely spread about the territory around the Thessalonica, but throughout the other areas of the Balkans the situation was not different either [62]. Unfortunately, Byzantine sources about the Slavs in the VIIth ct. are relatively few. Perhaps we are not to be surprised at this, for the reason of the Empire being engaged with the fights against the Avaric alliance, with Persians and Arabians; and greater part of the Slavs on the Balkans lives rather peacefully undertaking plundering raids now and then. In this way observed Miracles of Demetrius of Thessalonica I and II lead to conclusion that the Slavs do not begin to settle to the Balkans by the end of the VIth and in the VIIth ct. but that they are already settled there.

During the VIIth ct. only periodical settling of the new waves of Slavic population is present. The very beginning of their migrations and colonisation should be searched for in the period before Justinian age.

1. Niederle L. Rukověť slovanských starožitností. Prague, 1956. P. 18.
2. Idem. P. 61.
3. Idem.
4. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog kao istoriski izvor // SAN — posebna izdanja Kn CCXIX. Vizantološki institut. Kn. 2. Beograd, 1953. S. 140.
5. Idem. Mir. I-8. P. 41.
6. Idem. Mir. I-12. P. 50.
7. Idem. P. 42. 56.
8. Idem. Mir. II-2. P. 97. F. 51.
9. Idem. P. 57.
10. Idem. P. 85.
11. Idem. Mir. II-2. P. 96.
12. Idem. P. 108.
13. Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius II-commentaire. Paris, 1981.
14. Great difficulty in studying Mir. I and II are unsolved problems of exact dates of certain events, so far. This attack from Mir. II-4 some authors, among whom is L.Niederle, connect with the first half of the VIIth century.
15. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... Mir. I-12. P. 54.
16. Idem. P. 85. F. 10; the middle of the second decade of the VIIth century: 614—615.
17. Idem. Mir. I-13—15, runaways who fill the public baths.
18. Idem. P. 85.
19. Idem. P. 86.
20. Idem. P. 81, 100.
21. Idem. P. 108.
22. Idem.

23. Idem. P. 127.
24. Idem. P. 82, 136. F. 179; referring to the year 685.
25. Porphyrogenit. De administando. 32; Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... P. 90. F. 24. «the Slavs settld in Macedonia at 620».
26. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... P. 85.
27. Idem. P. 82.
28. Idem. P. 106.
29. Idem. P. 108.
30. Idem. Mir II-4. P. 107.
31. Idem. P. 127.
32. When Moor domesticated in Thessalonica, skimming a plot with Kuver against the tzar, admiral Sisinius commanded his and Moor's people to entrench themselves in the west from the city.
33. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... Mir. II-6. P. 136.
34. Idem. Mir. II-2, when defeated together with the Avars.
35. Idem. P. 108.
36. Idem. P. 63.
37. Idem. F. 106.
38. Idem. Mir. II-1. P. 81.
39. Idem. P. 94, with reference to B.Grafenauer. F. 43.
40. B.Grafenauer, F.Barišić, P.Lemerle, Al.Burmov and many others.
41. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... Mir. II-5. P. 126.
42. Kagan allowed the imprisoned Romans certain autonomy and they were treated as a separate nation.
43. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... P. 126.
44. Idem. P. 127. F. 150.
45. Idem. Mir. I-12. P. 50.
46. Idem. Mir. 13—15.
47. Idem. P. 85.
48. Idem. Mir. II-4. P. 106.
49. Idem. Mir. I-4. 1300. Nr 126. P. 143.
50. Idem. P. 57.
51. Idem. Mir. II-4. P. 107, 123.
52. Idem. Mir. II-4. P. 107. F. 92.
53. Idem. Mir. II-4. P. 106.
54. Idem. Mir. II-5. P. 127.
55. Idem. Mir. II-2.
56. Idem. P. 96. F. 45.
57. Idem. P. 143. F. 195.
58. Idem. P. 143. F. 196.
59. Barišić F. Čuda Dimitrija Solunskog... P. 134. F. 172.
60. Idem. Mir. II-4. P. 108, 109.
61. Idem. P. 144; Lemerle P. Les plus anciens recueils...
62. About this a more thorough analysis of archaeological data and historical sources can prove Here we bring out only a part of titles: Korošec J. Neki elementi slovenske materijalne kulture VI i VII veka // Glasnik zemaliskog muzeja u Sarajevu. Sarajevo, 1952. S. 5—17. Dimitrijević D. O etničkim problemima Vojvodine u vreme doseljavanja Slovena // ANUBIN. Posebna izdanja. 1969. XII/4. S. 85—94; Barišić F. Proces slovenske kolonizacije istočnog Balkana // Kao predhodni. S. 11—27. Grafenauer B. Proces doseljavanja Slovena na zapadni Balkan i u istočne Alpe // Kao predhodni. S. 29—55; Kovačević J. Arheološki prilog preciziranju hronologije slovenskog naseljavanja Balkana // Kao predhodni. S. 57—83; Brozović D. Doseljavanje Slovena i njihovi dodiri sa starosjediocima u svjetlu lingvističkih istraživanja // Kao predhodni. S. 129—147; Nestor I. Najstariji elementi slovenske materijalne kulture na Balkanu // Kao predhodni. S. 147—148; Vinski Z. Autohtoni kulturni elementi u doba doseljavanja Slovena na Balkan // Kao predhodni. S. 193—199; Ljubinković M. Ka problemu kontinuiteta Ilirl-Sloveni // Kao predhodni. S. 201.

Korošec J. Uvod u materijalno kulturo Slovanov zgodnjega srednjeg veka. Ljubljana, 1952. Lemerle P. Les plus anciens recueils. I. Le texte. II. Commentaire. Paris, 1979, 1981. Vizantiski izvori za istoriju naroda Jugoslavije. I i III. Vizantološki institut SANU. Beograd, 1955. Grafenauer B. Nekoj vprašaj iz dobe naseljavanja Južnih Slovanov // Zgodovinski časopis. 4. Ljubljana, 1950. S. 23—126. Бурмов Ал. Славянските нападения срещу Солун в «Чудесата на св. Димитра» и тяхната хронология // Godišnik na Filozofsko-Istoričeskija Fakultet na Sofijskija Universitet. II. Sofija, 1952. S. 167—215. Ivanovski O. Borbite na Makedonskite Sloveni za zavladuvanje na Gradot Solun vo VI—VII v. // Glasnik na Institutot za nacionalna istorija. 3. Skoplje, 1959. S. 237—269. Popović V. Aux origines de la slavisation des Balkans: la constitution des sklavinies macedoniennes vers la fin du VIe siècle. Paris, 1980. Niederle L. Rukověť ... Idem. Původ a počátky jižních Slovanů. Slovanske starožitnosti. Dil II. Svezok 1. Prag, 1906. Poulik J. Staroslovenska Morava. Praha, 1948. Stanojević St. Vizantija i Srbi. II. Novi Sad, 1906. Stanojević St. Balkansko poluostrov do VII veka. Novi Sad, 1903. Korošec J. Istraživanja slovenske keramike ranog srednjeg veka u Jugoslaviji // Rad Vojvodjanskih muzeja. 7. Novi Sad, 1965. S. 5—12. Janković Dj. Stanovništvo Balkana u VI—VII veka — arheološka istraživanja. Doktorska disertacija. Beograd, 1986 (unpublished). Janković M. and Dj. Sloveni u jugoslovenskom Podunavlju. Beograd, 1990. Babić B. Dnešnite teritorii na Republika Makedonija i Republika Albanija vo VII i VIII vek // Civilizacii na počvata na Makedonija. Skopje, 1995. Ferjančić B. Vizatija i Južni Sloveni. Saznanja. Beograd, 1966. Garašanin M., Kovačević J. Pregled materijalne kulture južnih Slovena. Beograd, 1950. Mano-Zisi Dj., Garašanin M., Ljubinković M. Katalog izložbe «Etnogeneza Južnih Slovena u ranom srednjem veku prema materijalnoj kulturi». Beograd, 1950. Kovačević J. Varvarska kolonizacija južnoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960; Grafenauer B. Kronološka vprašanja selitve Južnih Slovanov ob podatkih spisa Mirakule // Zbornik Fil. Fak. II. Ljubljana, 1955. S. 23—54.

Л.В.Покровская

ЗООМОРФНЫЕ ПРИВЕСКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА (X—XIV вв.)

Зооморфные привески, выполненные в виде птиц и животных — широко распространенная группа металлических изделий не только на территории древней Руси, но и за ее пределами.

Новгородским зооморфным привескам посвящена одна из глав монографии М.В.Седовой «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)» [1]. За прошедшие годы коллекция зооморфных привесок значительно пополнилась, появились принципиально новые типы и в настоящее время в коллекции Новгорода насчитывается около 100 зооморфных привесок.

Наиболее полным сводом зооморфных украшений, найденных на территории Древней Руси, является монография Е.А.Рябинина «Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.» [2]. Зооморфные украшениям финно-угров собраны и систематизированы Л.А.Голубевой [3], полые шумящие коньки-амулеты рассмотрены в статье Л.А.Голубевой и А.Б.Варёнова [4]. Кроме того, зооморфные украшения и вопросы, связанные с их хронологией и этнической интерпретацией рассматривались в ряде работ, связанных с изучением отдельных памятников.

Кроме типологии и хронологии этой категории находок разрабатывались вопросы, связанные с местами производства этих привесок, их этнической принадлежностью и отражением языческих представлений. В целом исследователи не отрицают финно-угорского происхождения этого типа украшений, указывая при этом на наличие нескольких очагов их производства. Среди них одним из крупнейших центров производства признается Новгород. Однако при этом отмечается, что многочисленные привески, связанные с языческими представлениями и вошедшие в состав убора новгородок, уже не несли этнической нагрузки и их изготовление уже не было связано с языческими культами [5]. В данном случае, на наш взгляд, речь идет о достаточно субъективной степени оценки языческих представлений средневекового населения Новгорода, а так же о степени связей Новгорода с финно-угорским населением Новгородской земли. Этот вопрос может быть решен только при детальном хронологическом и типологическом исследовании всех зооморфных привесок, найденных при археологических раскопках в Новгороде.

Традиционно типология зооморфных привесок строилась по конструктивному принципу и все привески разделялись, прежде всего, на пластинчатые и полые, а затем на птицевидные и коньковые. При таком подходе на второй план отходит такой важный в решении постав-

ленной задачи вопрос, как вопрос о языческом значении этих амулетов. Поэтому, учитывая типологию предшественников, представляется логичным в данном случае разделение зооморфных амулетов прежде всего на две группы: птицевидные амулеты и амулеты-коньки. Внутри этих групп сохраняется в основном типология, разработанная Е.А.Рябининым.

Птицевидные привески.

Культ водоплавающей птицы (утки) был широко распространен у финно-угров. В представлениях финно-угорских народов утке была отведена роль прародительницы мира. Свидетельства этому сохранились в мифах, наскальных изображениях и мелкой пластике эпохи неолита и энеолита, а так же в богатом этнографическом материале XVIII—XIX вв., который, несомненно, отражал представления более раннего периода.

В новгородском археологическом материале известно 16 экземпляров амулетов, представляющих собой птицевидные привески-уточки. Среди них выделяются пластинчатые изображения птиц (11 экз.) и полые привески (5 экз.).

1. Пластинчатые привески.

Е.А.Рябинин выделяет 5 типов пластинчатых птицевидных привесок, известных на территории Руси (I группа — одноглавые) [6]. В новгородском археологическом материале представлены все пять типов. Двуглавые пластинчатые птицевидные привески, составляющие по Е.А.Рябинину II группу, в Новгороде пока не обнаружены.

Среди 11 пластинчатых птицевидных привесок четыре прорезные привески получили в литературе название «приладожских» (тип I), поскольку около 81% подобных привесок происходят из Юго-Восточного Приладожья(рис. 1: 1,3) [7].

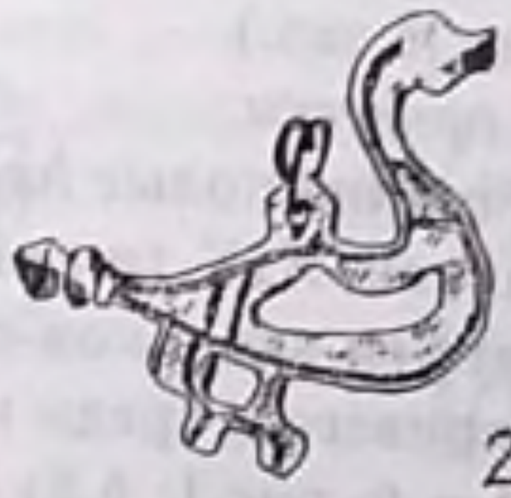
Основной район концентрации так называемых прорезных «рогатых уточек» (III тип), которых в Новгороде найдено три экземпляра, — Северо-Запад Древней Руси(рис. 1: 4) [8]. Вероятно, северо-восточное происхождение имеют две привески, лишенные ажурных прорезей и украшенные рельефным орнаментом (V тип, рис. 1: 7) [9].

Еще одна непрорезная привеска без орнамента (IV тип) могла быть изготовлена в одном из городских центров Северо-Восточной Руси, исследователи отмечают особую концентрацию подобных привесок во Владимирской земле(рис. 1: 5) [10].

Особый интерес представляет прорезная привеска-уточка (II тип, рис. 1: 2), поскольку единственная подобная ей привеска на территории Древней Руси была найдена в курганном могильнике у д.Залахтовье. Основной район распространения таких привесок зафиксирован на территории Латвии и особенно много их на городище Даугмале, которое, возможно, было одним из центров изготовления этих привесок. Е.А.Рябинин отмечает их прибалтийское происхождение [11].

В целом, можно отметить, что пластинчатые птицевидные привес-

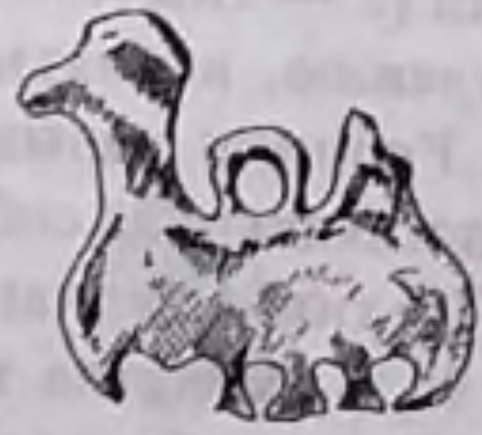
1



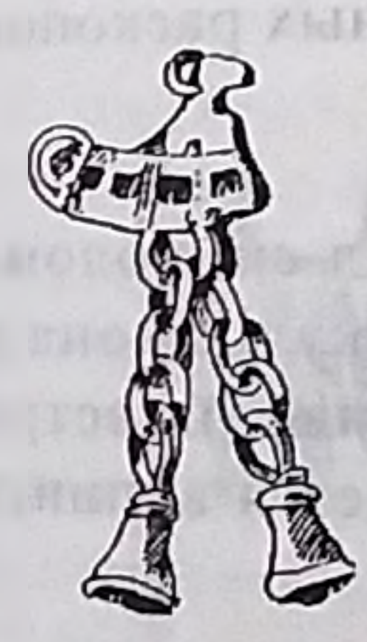
2

3

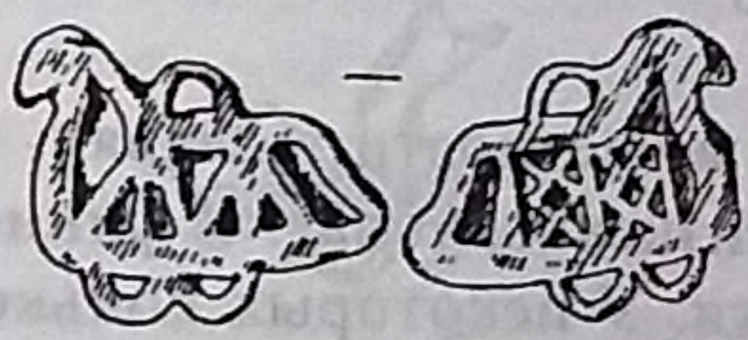
4



5



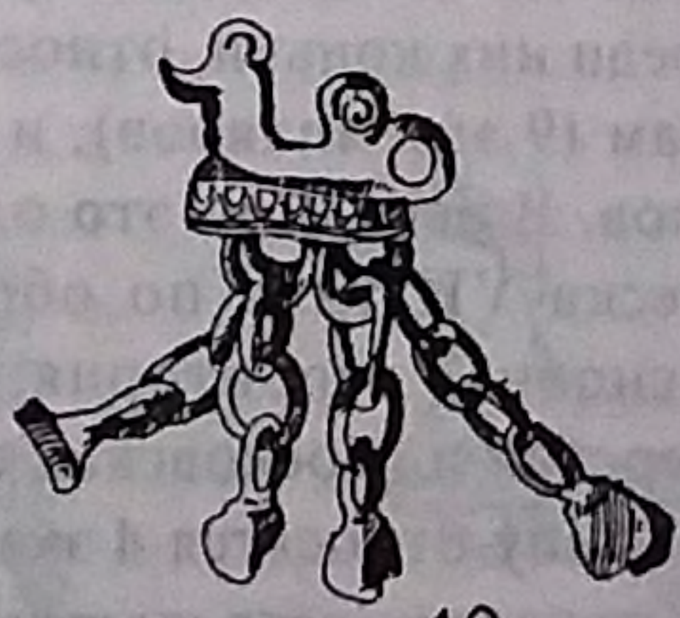
6



7

8

9



10

Рис. 1. Птицевидные привески и привески-коньки. 1, 3 — Неревский раскоп (9-15-214і; 19-21-1571); 2, 4—8, 10 — Троицкий раскоп (15-905; VI-13-445; VI-12-484; V-9-323; VI-16-436; V-12-331; X-3-1173); 9 — Дубошин раскоп (25-30)

ки представляют собой компактную группу амулетов северо-западного происхождения (8 экз.).

2. Полые привески.

У Е.А.Рябинина полые птицевидные привески образуют XVIII тип и шесть вариантов, XIX тип является переходным и известен в литературе под названием «коньков-птиц». В Новгороде известно пять полых птицевидных привесок, среди них три привески относятся к XVIII типу (варианты 1, 5 и 6, рис.1: 6,8) и две — к XIX (рис. 1: 10). Четыре привески (2 — тип XVIII, варианты 5 и 6; и 2 — тип XIX) по своему происхождению, вероятно, восточнофинские, и центром их изготовления Е.А.Рябинин называет Костромское Поволжье [12]. Одна привеска, представляющая собой полую приземистую «как бы плывущую уточку» (XVIII тип, 1 вариант), скорее всего приладожского происхождения, так как 90 % амулетов этого варианта происходит из бассейна р.Оять [13].

Таким образом, можно говорить о том, что группа полых птицевидных привесок не была характерна для Новгорода, и эти привески, скорее всего, привозные.

Птицевидные привески появляются в Новгороде уже в ранних слоях X—XI вв., и в основном бытуют в XII в. Основная часть новгородских птицевидных привесок происходит с наиболее крупных раскопов — Нередицкого и Троицкого.

Привески-коньки.

У многих народов, в частности у славян, конь был символом солнца и подателем всех животных благ. У финно-угров культ коня появился позже культа утки. У некоторых коньковых привесок встречаются подвески в виде утиных лапок и на туловище появляется волнистый орнамент, который является плесненной волы.

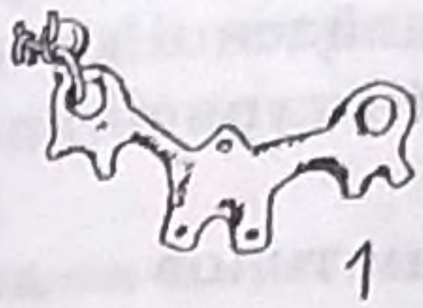
1. Пластинчатые привески.

Пластинчатых коньков-амулетов в Новгороде немного — 13 экземпляров. Среди них конька, относящиеся по Е.А.Рябинину к VII, IX, XIII и XIV типам (9 экземпляров), и 4 подвески-миниатюрных Е.А.Рябининым типов. В основном это однотипные амулеты [14].

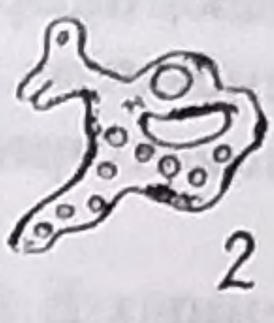
Привески VII типа по обычаю типичны для Костромского Поволжья. Основная территория распространения коньков IX типа (4 экз.) — Тверская и Московская области (рис. 1: 9) [15].

К XIII типу относятся 4 экземпляра новгородских коньков-амулетов. Такие привески встречаются в Приладожье, Новгородской земле, есть они и Костромской и Московской обл., а также и Восточной Прибалтике. В целом исследователи относят их прибалтийской области (рис. 2: 5,3) [16].

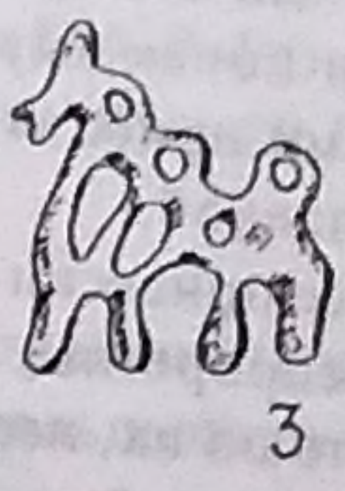
Коньки так называемого смоленского типа (тип XIV) найдены в Новгороде в количестве 4 (рис. 2: 2,6). По мнению Е.А.Рябинина, кроме Смоленщины существовал еще один район их изготовления. Это городище Дауматас в Прибалтике [17]. Происхождение новгородских коньков этого типа предположительно прибалтийское, однако этот во-



1



2



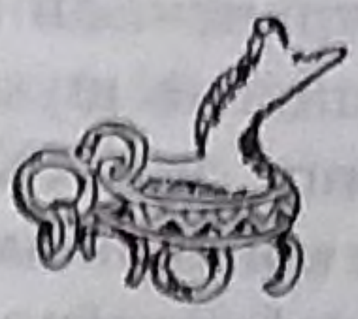
3

4

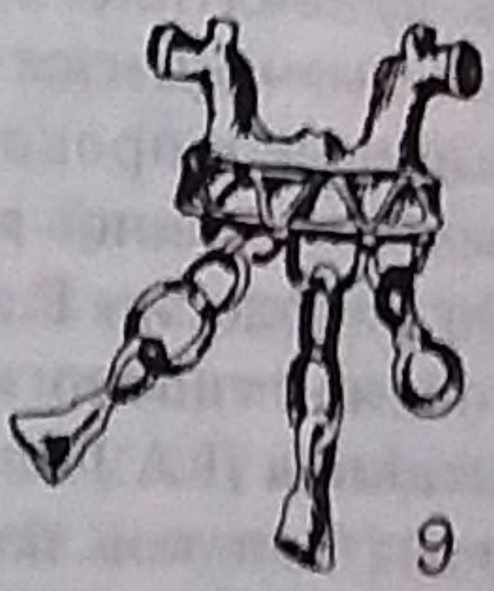
5

6

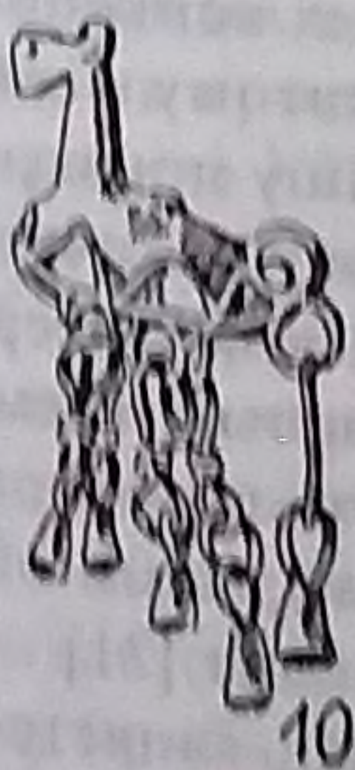
7



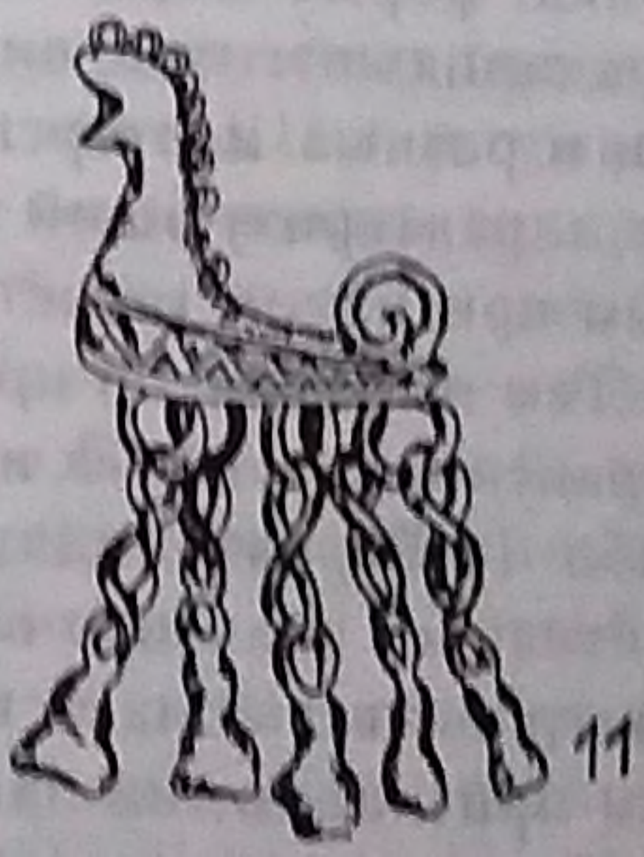
8



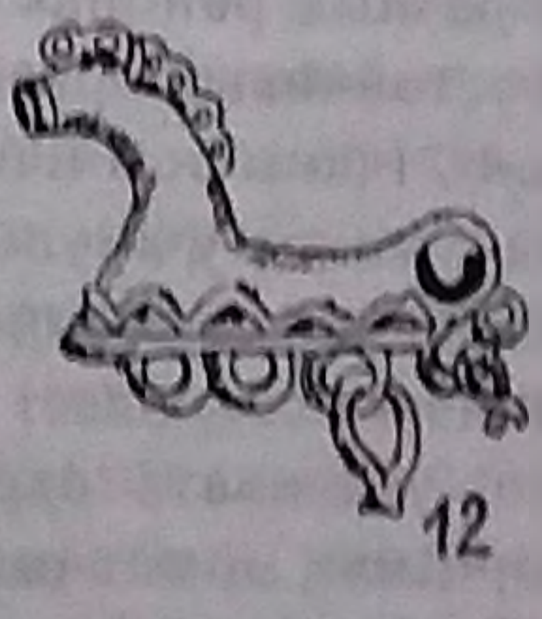
9



10



11



12

Рис. 2. Привески-коньки. 1, 3, 5, 6, 12 — Троицкий раскоп (IV-20-277; IX-2-882; 12-97; IX-6-914; IX-4-829); 2, 4, 9, 11 — Перевский раскоп (15-11-670; 4-9-11386; 10-7-1710; 19-13-2159); 7, 10 — Кирюшский раскоп (25-15, 23-17); 8 — Суворовский раскоп

прос может быть окончательно решен только при изучении комплекса украшений одной усадьбы. Так, например, на усадьбе Д Неревского раскопа конек-амулет «смоленского» типа был найден в комплексе с фибулами прибалтийских типов и прибалтийской ажурной крестовидной булавкой.

Все привески вне выделенных Е.А.Рябининым типов — двухголовые и непрорезные. Учитывая ближайшие аналогии трех из них, можно говорить об их, несомненно, финно-угорском происхождении (рис. 2: 1) [18]. Четвертый амулет представляет собой плоскую двухголовую привеску, у которой внизу вместо шумящих украшений прикреплены инструменты для ювелирного производства. Эта привеска не имеет аналогий и, учитывая тот факт, что вероятно на усадьбе, где она найдена, находилась ювелирная мастерская, можно предположить, что этот амулет был своеобразным оберегом мастера-ювелира [19].

Пластинчатые коньки-амулеты в Новгороде составляют хронологически и типологически довольно разбросанную группу. Тем не менее, в основном, пластинчатые коньки-амулеты характерны для XIII в. Можно отметить также тенденцию в их происхождения: в основном это амулеты прибалтийско-финские.

2. Полые привески.

Наиболее широко распространенной в Новгороде группой зооморфных украшений являются полые шумящие коньки-амулеты (59 экз.). По типологии Е.А. Рябинина, это XX тип (8 серий). Однако наиболее полной типологией полых коньков-амулетов является типология, разработанная Л.А.Голубевой и А.Б.Варёновым, типологией новгородских полых коньков занималась М.В.Седова. Все три типологии основываются на различиях в форме мордочки коньковых привесок и в целом довольно близки [20].

Однако, на наш взгляд, форма мордочки может показать лишь некоторую тенденцию в традициях изготовления полых коньков-амулетов в разных районах или в разных мастерских. Поэтому необходим более устойчивый признак, характеризующий эту группу привесок. Безусловно, таким устойчивым признаком может являться наличие одной или двух голов у амулета. Тем не менее, по новгородским материалам, хронологическое распространение двуглавых и одноглавых экземпляров практически совпадает (табл. 1). Вероятно, двуглавость привесок должна была усиливать охранительное значение оберега и, таким образом, этот признак может рассматриваться только как вариант [21].

Наиболее стабильным признаком, на наш взгляд, является грива полых коньков-амулетов. По этому признаку они разделяются на две группы: 1. Коньки-амулеты с кольчатой гривой (рис. 2: 11,12). 2. Коньки-амулеты со сканой гривой (рис. 2: 7—10).

1. Коньки-амулеты с кольчатой гривой.

В Новгороде таких коньков всего 9 экземпляров (серии 4, 5, 7 и 8), их можно считать нехарактерными для Новгорода. Почти все новгород-

ские амулеты — одноглавые и составляют хронологически компактную группу конца XIII — начала XIV в. Восемь из них встречаются в разных районах Новгородской земли, и лишь для одного Е.А.Рябинин отмечает полную аналогию из грунтового могильника на правом берегу Камы [22].

2. Коньки-амулеты со сканной гривой.

Эта группа коньков является наиболее распространенной в Новгороде — 59 экземпляров (серии 1, 2, 3), время их наибольшего распространения — вторая половина XIII — начало XIV в.

Исследователи отмечают преимущественное распространение таких коньков-амулетов в самом Новгороде и прилегающих к нему районах, в частности, в Водской пятине. Вероятно, коньки со сканной гривой были продукцией новгородского ремесленного производства.

Таким образом, зооморфные привески появляются в Новгороде уже в самых ранних слоях — с конца X — начала XI в. Среди них есть и птицевидные привески (пластинчатые и полые), и привески-коньки (пластинчатые). В ранних новгородских слоях вообще зооморфных амулетов немного — всего 5 экземпляров. Тем не менее, можно отметить некоторую тенденцию происхождения привесок этого времени. Во-первых, это привески северо-западного происхождения (в частности приладожского), во-вторых, птицевидные и коньковые привески прибалтийского происхождения. Е.А.Рябинин отмечает сходство прибалтийских и западнофинских зооморфных форм украшений, которые по его мнению отражают тесные связи, существовавшие между двумя соседними территориями [23]. Начальный период этих связей документируется, в частности, находкой привески II типа в погребении рубежа X—XI вв. у д.Залахтовье, полностью аналогичная привеска найдена в Новгороде в слоях конца X в.

Птицевидные привески различных типов продолжают бытовать в Новгороде на протяжении всего XII в. и практически полностью исчезают к середине XIII в., за исключением единичных экземпляров, вероятно случайно попавших в более поздние слои. В XII в. появляется круг привесок «костромского происхождения», однако, скорее всего, связь Новгорода и Костромского Поволжья не была прямой и происходила через территории непосредственно связанные с Новгородом с одной стороны, и Костромским Поволжьем с другой. Продолжают бытовать формы амулетов, типологически связанные с древностями, распространенными у прибалтийских финно-угров. (например, пластинчатые прорезные коньки-амулеты XIII типа).

Для XIII в. характерно значительное возрастание количества зооморфных амулетов за счет широкого распространения в Новгороде полых шумящих коньков-амулетов.

Ко второй половине XIII в. складывается типично городская группа зооморфных украшений — коньки-амулеты со сканной гривой. Для

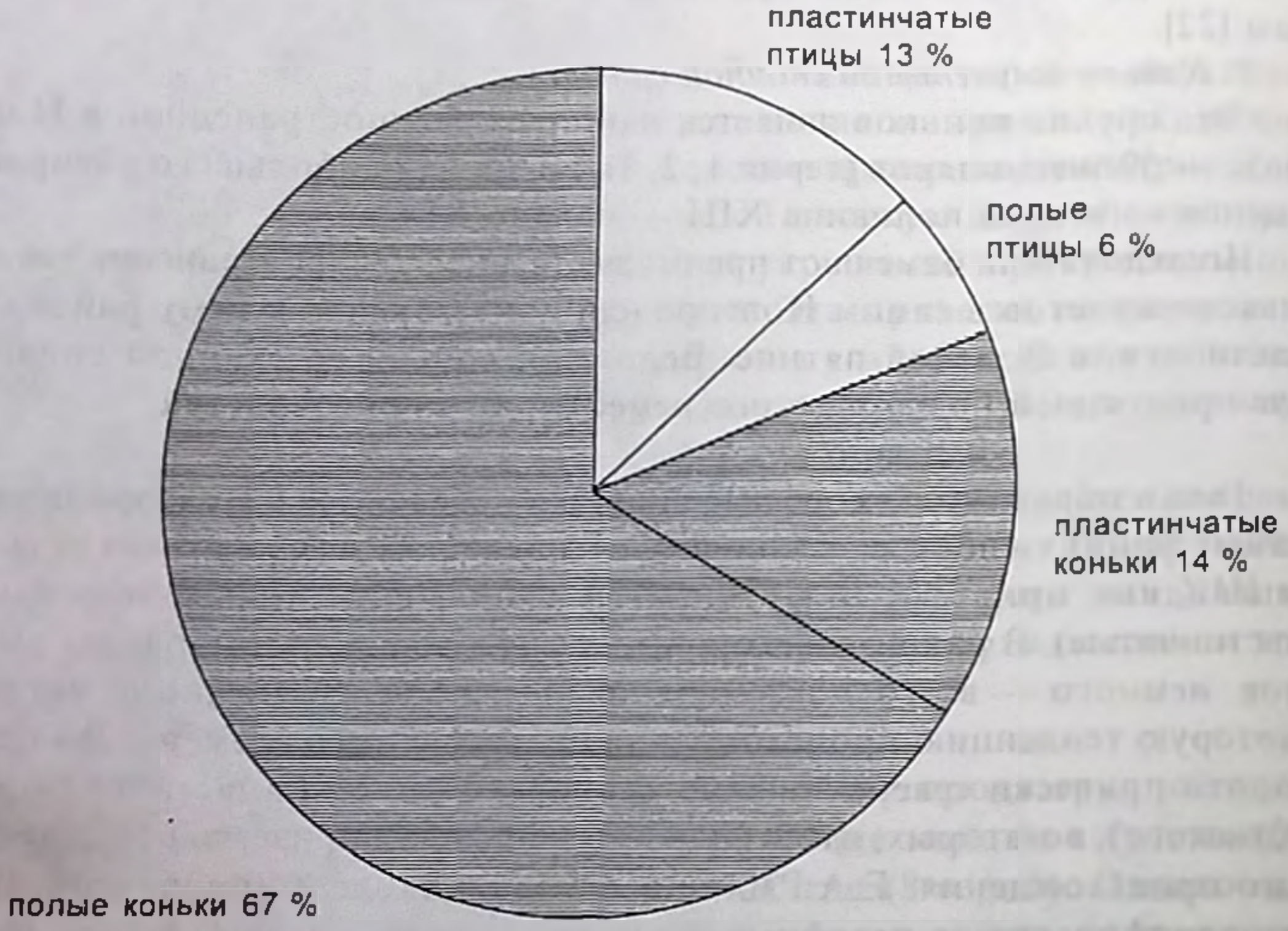


Рис. 3. Соотношение зооморфных привесок древнего Новгорода

этой группы украшений характерна наибольшая стандартизация и упрощение форм, широкое распространение по всему Новгороду и значительный количественный состав.

Таким образом, птицевидные привески не получают распространения в Новгороде (рис. 3), что, вероятно, было связано с тем, что культ водоплавающей птицы был присущ исключительно финно-угорским народам. Культ коня, известный не только по финно-угорской, но и по славянской мифологии, создает своеобразный синтез двух языческих верований среди населения Северо-Запада, что нашло отражение в широком распространении коньков-амулетов по всей Новгородской земле [24]. Поэтому именно коньковые привески органично вписываются в новгородский городской быт и становятся городским украшением.

1. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
2. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. Л., 1978.
3. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. (САИ, вып. Е1-59). М., 1979
4. Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые шумящие коньки-амулеты // СА. 1978. № 2. С. 228—240.
5. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI—XV вв. Ч. II. М., 1990. С. 53.
6. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения... С. 14.
7. Там же.
8. Там же. С. 16—17.
9. Там же. С. 19.
10. Голубева Л.А. Зооморфные украшения... с. 23, Рябинин Е.А. Зооморфные украшения... С. 18.
11. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения... С. 17—18.
12. Там же. С. 36—38.
13. Там же. С. 38.
14. Там же. С. 21—31.
15. Там же. С. 21—23.
16. Там же. С. 28.
17. Там же. С. 31
18. М.В.Седова. Ювелирные изделия... С. 30; Txnisson E. Die Gauja-Liven und Ihre Materielle Kultur (11 Jh. – Anfang 13 Jhs.). Tallinn, 1974. Abb. 29: 4.
19. Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1981, С. 222.
20. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения... С. 39—43, Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые шумящие коньки... С. 228—239; Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 31-34
21. Голубева Л.А., ВарёновА.Б. Полые шумящие коньки... С. 239.
22. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения... С. 41—42.
23. Там же. С. 51.
24. Голубева Л.А., Варёнов А.Б. Полые шумящие коньки... С. 238; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения... С. 56, 57.

И.И.Салівон

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА БЕЛОРУСОВ

Каждый этнос характеризуется как определенным комплексом особенностей материальной и духовной культуры, так и совокупностью антропологических черт его носителей, в частности, физическим типом, т.е. комплексом расовых признаков строения головы, лица и тела.

Исследуя пути формирования физического типа белорусов, мы исходили из концепции историко-экологической детерминированности формирования у локальных популяций структуры генофонда, программирующей пределы изменчивости антропологических особенностей в разные исторические периоды. Учитывая то, что культура и антропологический тип этноса являются результатом длительной адаптации к определенным условиям природной и социальной среды, осуществлявшейся разными темпами и по разным каналам (по социальным — преобразования материальной и духовной культуры, по биологическим — антропологические), правильная этногенетическая интерпретация антропологических материалов возможна лишь при досконалъном знании закономерностей биологической изменчивости населения во времени и пространстве. Поэтому исследования подобного рода включают в себя три основных взаимосвязанных аспекта. Онтогенетический аспект уделяет внимание изменению биологических особенностей на протяжении жизненного цикла, экологический — зависимости изменчивости рассматриваемых признаков на индивидуальном и групповом уровнях от факторов окружающей среды, исторический же — социально-экономическим и политическим условиям формирования особенностей физического типа в разных социальных слоях и локальных популяциях — составных элементах этноса.

Комплексный подход к изучению этногенетических проблем с привлечением данных археологии, истории, этнографии, лингвистики, антропологии и других дисциплин позволяет точнее освещать вопросы внутриэтнического и межэтнического взаимодействия, закономерности биокультурной адаптации этносов. При исследовании изменения антропологического состава популяций в ходе исторических процессов учитывается политическая и экономическая ситуация, от которой зависит относительная стабильность населения или миграционная активность, направление и характер миграций, изменение круга брачных связей и демографической структуры популяций.

Рассматривая антропологические особенности современных белорусов как результат сложного исторического процесса, при интерпре-

гации их истоков мы пытались оценить генетический вклад населения, предшествовавшего расселению славян по территории нашей республики [1]. Как свидетельствуют археологические данные, первоначальное заселение, начавшееся в верхнем палеолите, шло вслед за отступающим ледником в двух направлениях: с юго-запада и юго-востока. Можно предположить, что суровые условия приледниковья способствовали формированию адаптивного типа, аналогичного описанному Т. И. Алексеевой арктическому типу, т.е. коренастого, физически крепкого с массивным скелетом и хорошо развитой мускулатурой, с несколько повышенным жироотложением при небольшой поверхности тела, что обеспечивало организму меньшую теплоотдачу [2].

Единичные наиболее древние находки останков людей, датируемых эпохой бронзы, свидетельствуют о неоднородности антропологического состава населения этого периода. Скелет мужчины с западной территории (д. Красное Село Волковысского р-на Гродненской обл., середина II тыс. до н.э.) представляет население, изготовлявшее шнуровую керамику. Этническая принадлежность другого погребенного с юго-востока республики (Метковский р-н Гомельской обл., первая половина II тыс. до н.э.) не уточнена. Первый из них имеет отчетливо выраженные европеоидные черты, второй отличается большей массивностью, относительной низкорослостью и брахиморфностью, низким уплощенным лицом и слабо выступающим переносьем, брахикранностью, т.е. чертами, присущими монголоидной расе. Первый тип сохраняется на Новогрудчине почти в неизменном виде вплоть до конца XI — начала XII вв. (материалы грунтового могильника г.Новогрудка). Своеобразное сочетание ослабленной горизонтальной профилировки лица в его верхнем отделе с менее выступающим носом наблюдается и на краниологических сериях конца XVIII—XIX вв. из белорусских сельских могильников восточных и центральных районов нашей республики. То есть черты, отмеченные на черепе эпохи бронзы с этой территории, в ослабленном виде фиксируются в длинном ряду поколений [3]. Каковы же истоки этих «псевдомонголоидных» или ослаблено европеоидных черт?

Происхождение различных вариантов ослабленной европеоидности у современного населения Европейской части бывшего СССР трактуется по разному. Литературные источники указывают на то, что с эпохи мезолита и неолита на территории Евразии, в том числе и на территории Украины [4] и Прибалтики [5], были распространены два типа: один с высоким сильно профилированным лицом, другой — с низким уплощенным лицом и широким лбом. Второй вариант встречается также в краниологических коллекциях того же периода из захоронений Южного Оленьего Острова на Онежском озере [6], могильника около с.Попово Каргопольского р-на Архангельской обл. [7] и даже в верхнепалеолитических захоронениях на стоянке Сунгирь Владимирской обл. [8], Шанселяд во Франции [9]. Одни авторы [10] считают наличие ослабленной европеоидности результатом древнего смешения с мигрировав-

Таблица 1

Краниологические серии с территории Белоруссии (мужские черепа)

Признаки		Средневековые могильники				Сельские могильники XVIII—XIX вв. Сборная серия
		Брестская обл. Курганы X—XIII вв.	Гродненская обл			
			Новогрудок		Каменные могильники XIV—XVI вв.	
			Грунтовые могильники XI—XII вв.	Сельские курганы XI—XIII вв.		
Количество черепов		24	29	17	12	141
1.	Продольный диаметр	183,6	188,5	184,9	178,4	175,3
8.	Поперечный диаметр	131,5	140,1	138,7	142,7	143,2
8:1.	Черепной указатель	74,3	74,1	75,1	80,4	81,7
45.	Скуловой диаметр	130,1	132,5	132,7	129,0	131,7
48.	Верхняя высота лица	69,1	70,6	69,0	70,1	67,9
54:55	Носовой указатель	48,9	48,2	48,1	49,2	50,9
DS DC	Дакриальный указатель	59,8	65,2	57,1	58,6	59,1
SS:SC	Симотический указатель	52,7	48,8	44,5	49,8	48,6
75 (1).	Угол выступания носовых костей	28,0	28,3	31,1	26,9	27,9
77.	Назомолярный угол	136,1	137,6	139,0	137,6	138,5
	Зигомаксиллярный угол	121,3	125,5	127,3	122,7	127,1

шими из-за Уральского хребта монголоидными группами. Другие [11] рассматривают данную особенность как «псевдомонголоидность», которая в ряде групп Восточной Европы сформировалась вследствие сохранения в ряду поколений недифференцированных в расовом отношении черт верхнепалеолитического населения. В.В.Бунак сформулировал концепцию трансформирования расовых особенностей во времени и предложил гипотезу о сохранении о первоначальных стадий расообразования протоморфного недифференцированного комплекса признаков в ряде популяций Восточной Европы и Западной Сибири. Независимо от В.В.Бунака аналогичную точку зрения высказала западногерманский антрополог И.Швидецкая [12]. Свою точку зрения на «псевдомонголоидность» как специфическую особенность ранней стадии формирования европеоидной расы высказывал В.П.Якимов, основываясь на широком ареале распространения среди верхнепалеолитического населения Западной Европы умеренного выступания носовых костей в сочетании с некоторой уплощенностью скелета лица. В.П.Алексеев [13] синтезировал обе точки зрения, считая, что в ряде мезолитических популяций могли иметь место как метисационные процессы, так и сохранение «нейтральных» черт в качестве наследия ранних процессов расообразования в районах, изолированных из-за густой сети рек, или топких болот, или непроходимых лесных массивов.

К сожалению, из-за полного отсутствия палеоантропологических

материалов по периоду от эпохи бронзы до рубежа I—II тыс. н.э. невозможна достоверная реконструкция вклада в генофонд расселявшихся славян генетических особенностей их предшественников. Можно учитывать лишь косвенные данные.

Учитывая концепцию В.В.Седова [14] о доминирующей роли в этногенезе белорусов «балтского субстрата», поглощенного расселявшимися в первой половине I тыс. н.э. на данной территории славянами, оценка генетического вклада балтского населения в генофонд славянского в этот период представляет особый интерес.

Судя по характеристике краниологических материалов с территории Прибалтики и находки из Гродненской обл., население культуры шнуровой керамики, на основе которого позднее сформировались балтские этнические группы, принадлежало к довольно массивному типу с выражено европеоидными чертами. Поэтому можно предположить, что истоки «псевдомонголоидности» на нашей территории восходят к предшественникам шнуровиков, а также и то, что удельный вес этого древнего населения, ассимилированного шнуровиками, был достаточно высок, чтобы следы его специфических черт смогли. хотя и в «разбавленном» виде, сохраниться вплоть до современности.

Сборные славянские курганные серии XI—XIV вв. с бывших племенных территорий полоцких кривичей (северный регион республики), дреговичей (центральный регион), радимичей (юго-восточный) не имеют четко выраженных различий. Лишь потомки радимичей несколько грацильнее со слабее выступающими носовыми костями. Но сохранилась внутриплеменная неоднородность антропологического состава. Серии включают два типа: длинноголовый широколицый и длинноголовый узколицый. Первый тип чаще встречается среди населения северной территории. Материалы из могильников XI—XIII вв. с каменными обкладками с бывшей ятвяжской территории показали, что в Понеманье концентрировался ареал грацильных мезокранных форм [15]. При значительной степени сходства сельских курганных групп X—XIII вв. с каменной обкладкой из Брестской и Гродненской обл. последние отличаются меньшим продольным и большим поперечным диаметрами черепа, т.е. более округлой его формой (табл. I). У них немного уже лицо и нос, носовые кости выступают сильнее, но лицо несколько уплощено в верхнем отделе. Значительное сходство восточнославянских серий этого периода с рядом серий с территории Восточной Прибалтики, сходство генетической изменчивости этих этносов во времени свидетельствуют в пользу того, что «балтский субстрат» на данной территории внес существенный вклад в формирование генофонда раннего славянского населения [16].

В плане межэтнического взаимодействия ранних славянских групп интересен установленный Т.И.Алексеевой [17] при исследовании краниологических серий XI—XIV вв. факт большей брахикранности всех групп городского населения по сравнению с территориально близкими

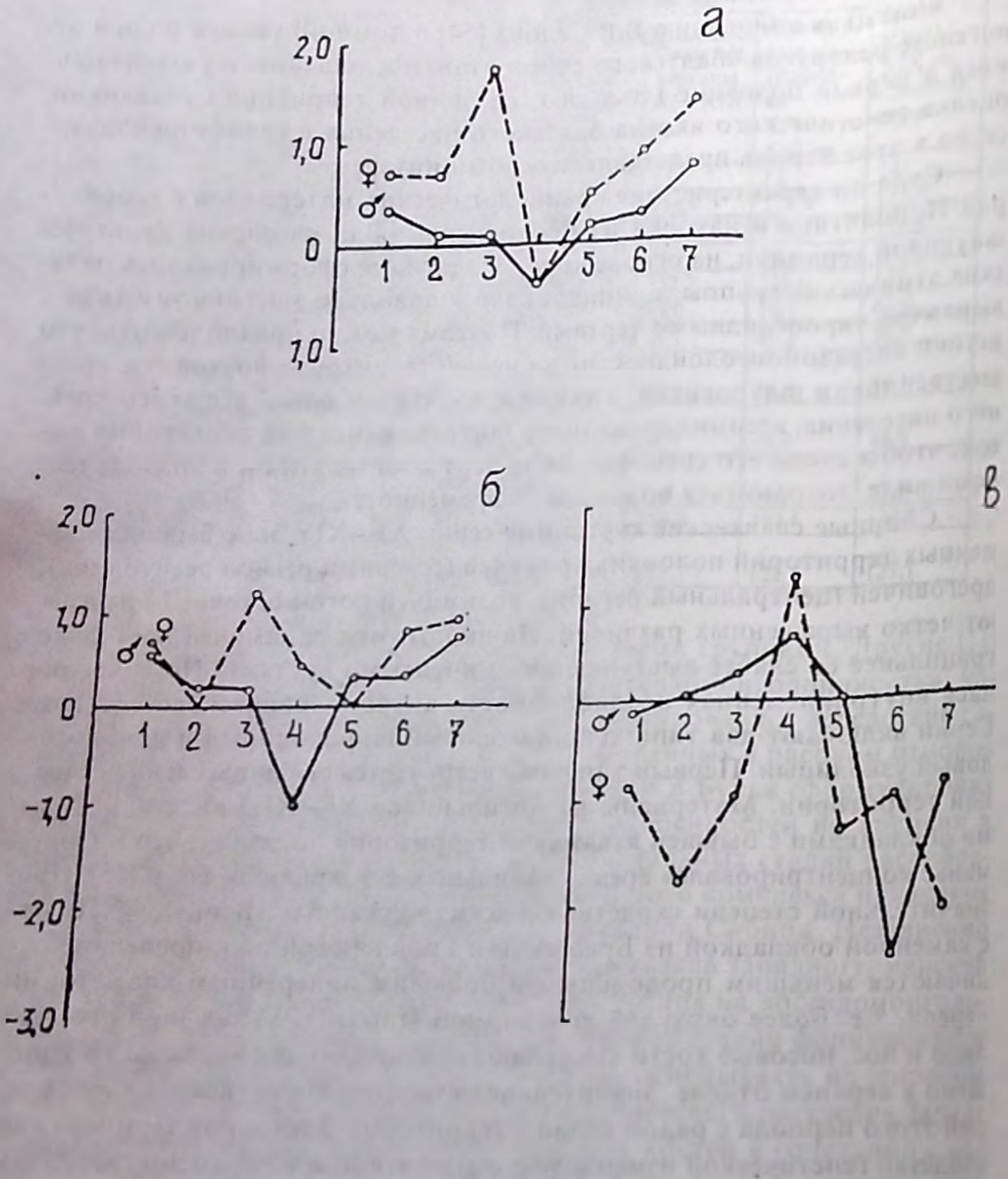


Рис. 1. *Направление и величина изменения головного указателя (а), поперечного (б) и продольного (в) диаметров головы у младшего поколения современных белорусов по сравнению со старшим.*

Территориальные группы: 1 — северо-восточная; 2 — северо-западная; 3 — центральная; 4 — западная; 5 — юго-западная; 6 — юго-восточная; 7 — восточная. Мужчины — ♂, женщины — ♀

Таблица 2

Антропометрические показатели современных белорусов и потомков от межнациональных браков (ПМБ)

Признак	Мужчины		Женщины	
	Белорусы	ПМБ	Белоруски	ПМБ
Количество исследованных	131	71	96	40
Длина тела (см)	169,6	172,4	158,0	159,2
Окружность груди (см)	92,4	90,7	88,7	85,6
Продольный диаметр головы (мм)	190,3	189,0	181,9	179,5
Поперечный диаметр головы (мм)	155,9	157,0	151,1	150,3
Головной указатель	82,7	83,3	83,2	83,8
Скуловой диаметр (мм)	143,7	143,2	136,5	136,2

группами сельского. На территории Белорусси различия между краниологической серией из грунтового могильника г.Новогрудка XI—XII вв. и из территориально близких сельских курганных могильников имеют ту же направленность [18]. Наиболее вероятной причиной такого характера различий представляется разный генофонд горожан и сельского населения, что соответствует высказанной М.И.Артамоновым [19] гипотезе о преимущественном расселении в укрепленных городищах первых военных дружин славянского населения, колонизировавшего балтийские и финно-угорские земли. Сохранение в культуре и языке общеславянских черт при существовании в числено преобладающей иноэтнической среде было возможным лишь при первоначальной концентрации славян в городищах и определенной их обособленности до завершения колонизации. Возможность мирного сосуществования завоевателей и аборигенов, а тем более из смешения на ранних этапах колонизации славян была весьма ограниченной, но уже во второй половине I тыс. н.э. «балтский субстрат» ассимилирован славянами и включен в их генофонд.

В дальнейшем существенное значение в формировании генофонда населения на территории нашей республики имели следующие моменты, определявшие структуру брачных отношений: 1) локальные и региональные интеграционные процессы при зарождении государственности на рубеже I—II тыс. н.э., т.е. в период формирования Полоцкого и Туровского княжеств и Киевской Руси; 2) усиление интеграционных процессов при объединении земель в одну территориальную, политическую и экономическую систему с включением в состав Великого Княжества Литовского; 3) возникновение конфессиональных барьеров при заключении браков между белорусами, принадлежавшими к разным конфессиям в составе Речи Посполитой; 4) современные этнические процессы, связанные с нарастанием панмиксии и проявлением гетерозиса в виде акселерации.

Отсутствие четко выраженных различий между локальными восточнославянскими курганными краниологическими сериями XI—XIII

Таблица 3

Краниологические серии с территории Польши (Мазовия), мужские черепа

Признаки		Средневековые грунтовые могильники			Тэнчицкий повят (Тым, Эмаус) XVIII в.	Белостокский повят (Райск) XVI—XIX вв.
		Старый Брест Куявский		Черск XII—XIII вв.		
		X—XIII вв.	XII—XVI вв.			
Количество черепов		8	24	41	19	14
1.	Продольный диаметр	187,9	181,1	185,7	183,8	183,0
8.	Поперечный диаметр	138,9	143,7	141,3	146,1	144,6
8:1.	Черепной указатель	74,0	79,5	76,2	79,7	79,0
45.	Скуловой диаметр	132,7	132,3	133,9	133,7	131,2
48.	Верхняя высота лица	67,3	67,4	70,3	68,6	69,3
54:55.	Носовой указатель	50,6	50,4	51,4	49,5	49,8
DS:DC.	Дакриальный указатель	65,7	57,5	60,5	63,4	59,6
SS:SC.	Симотический указатель	57,0	47,1	48,7	49,8	50,6
75 (1).	Угол выступания носовых костей	33,0	28,6	30,6	29,9	33,7
77.	Назомолярный угол	139,0	138,3	137,7	136,8	139,8
	Зигомаксиллярный угол	122,7	126,1	129,4	126,9	125,7

вв. с территории Белоруссии является следствием интеграционных процессов, связанных с зарождением государственности.

Сравнение указанных серий начала II тыс. н.э. с близкими к современности сериями из белорусских сельских могильников XVIII—XIX вв. позволило установить высокую степень межпоколенной преемственности основных черт антропологического типа, прежде всего пропорций лица, горизонтальной его профилировки, выступания носовых костей [20]. Характер же трансформации антропологического типа во времени (за последнее тысячелетие) аналогичен таковому на территории многих европейских стран — по направлению к современности мозговой отдел черепа приобретает более округлую форму (явления брахикефализации), уменьшается массивность скелета (явления грацилизации). То же направление различий между старшим и младшим поколениями ныне живущих белорусов, между белорусами и потомками от межнациональных браков свидетельствует о том, что смешение (внутриэтническое и межэтническое) ранее не контактировавших групп, а значит различающихся в той или иной степени по генофонду, было одним из существенных факторов, вызвавших направленный во времени микроэволюционный процесс (табл. 2; рис. 1).

При изучении этногенеза белорусов представляет интерес также историческое взаимодействие славянского населения Белоруссии и Польши. В 1991—1993 гг. нами изучены краниологические коллекции (около 200 черепов) из грунтовых могильников II тыс. н.э. с центральной территории Польши (Мазовия): Черока (XII—XIII вв.), Старого Брест Куявского (X—XIII и XII—XVI вв.), Тума и Эмауса (XVIII в.). Наши данные свидетельствуют о том, что поляки Мазовии XVIII в. (Сочицкий повят) отличаются от белорусов XVIII—XIX вв. более крупными размерами черепа, более узким носом с сильнее выступающими переносьем и носовыми костями, более профилированным лицом, меньшим черепным указателем. Польские серии X—XIII вв. отличаются от одновременных с территории Белоруссии несколько большим продольным диаметром черепа, по остальным показателям сходны с сериями с западной территории — Брестской и Гродненской обл. Особенно велико сходство с новогрудскими сериями, даже по головному указателю и выступанию носовых костей. С X—XII вв. по XVIII в. на территории Белоруссии и Польши наблюдается то же направление структурных изменений черепа: брахикефализация и грацилизация скелета сочетаются с некоторым ослаблением горизонтальной профилировки лица и уменьшением угла выступания носовых костей (табл. 3).

Таким образом, наши данные показывают, что биологическая трансформация поколений, т.е. нарастающие по направлению к современности явления брахикефализации и грацилизации, являются пролонгированным во времени следствием взаимодействия генетически разнородных групп населения в разные исторические периоды.

1. Салівон І.І. Фізічны тып беларусаў (узроставая, тыпалагічная і экалагічная змяліваць). Минск. 1994.
2. Алексеева Т.И. Географическая Среда и биология человека. М., 1977.
3. Салівон И.И., Тегако Л.И., Микулич А.И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976.
4. Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
5. Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.
6. Жиров Е.В. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего сотрова // КСИА. Вып. 6. 1940; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 4. М., 1948.
7. Гохман И.И. Новые палеоантропологические находки эпохи мезолита в Каргополье // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984.
8. Дебец Г.Ф. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке // СА. 1967. № 3.
9. Гохман И.И. Население Украины...
10. Жиров Е.В. Заметки о скелетах...; Дебец Г.Ф. Скелет позднепалеолитического человека...; Алексеев В.П. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей // СЭ. 1961. № 6.
11. Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1.
12. Алексеев В.П. Физические особенности мезолитического и раннеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. М., 1984.
13. Там же.
14. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
15. Салівон І.І., Квяткоўская А.В., Кушнір А.І. Краніялогія насельніцтва Беларускага Панямоння на матэрыялых каменных магільнікаў // Весці АН БССР. Серыя грамадскых навук. 1989. № 3.
16. Мікуліч А.І., Салівон І.І. Месца беларусаў сярод усходніх славян па даных антрапалогіі // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскых навук. Мінск, 1992. № 1; Салівон І.І. Фізічны тып беларусаў...
17. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян (по данным антропологии). М., 1973.
18. Салівон И.И., Тегако Л.И., Микулич А.И. Очерки...
19. Артамонов М.И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья // СА. 1974. № 1.
20. Салівон И.И., Тегако Л.И., Микулич А.И. Очерки...; Салівон І.І. Фізічны тып беларусаў...

А.А.Седин

НИКОДИМОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

Городище расположено в 0,6 км юго-восточнее д.Никодимово Горецкого р-на Могилевской обл. Белоруссии, на левом берегу р.Быстрая (правый приток р.Проня), на мысу между двумя оврагами. Географические координаты памятника — 31°10'47" восточной долготы, 54°15'03" северной широты. Имеет мощную систему оборонительных сооружений. Куполообразная насыпь и оплывший вал разделяют городище на две части: первая 40 х 36 м и вторая 48 х 48 м. Высота площадки над поймой 12—18 м. Она имеет наклон в западном направлении. С напольной стороны городище укреплено валом высотой 4,5 м, шириной 20 м. В мысовой части имеется еще два вала, а между ними и площадкой — западина в виде небольшой площадки диаметром 7 м.

Городище известно с 1903 г., его обследовали в 1936 г. А.Д.Коваленя, в 1978 г. — В.И.Шадыро, в 1986—1992, 1995 гг. исследовал более 1000 кв.м автор. Культурный слой темно-серой окраски достигает 1 м и более.

Северо-восточный край площадки, примыкающий к напольному валу, частично разрушен в результате оползания. Здесь же в светло-сером слое мощностью 0,3—0,5 м найдены отдельные фрагменты лепной керамики. Следов каких-либо построек не выявлено. Вероятно эта площадка выполняла оборонительные функции. Она так же, как и одна из площадок городища Акатово, могла использоваться и в хозяйственных целях [1].

На средней площадке прослеживаются следы длинной замкнутой постройки столбовой конструкции, имеющей внутренний двор. Она вытянута с юго-востока на северо-запад на 43 м, т.е. соответствует ориентации городища, а в поперечнике занимает 18 м. Имеет внутреннюю и наружную стены. Наружная стена удалена от края площадки городища на расстояние от 6 до 24 м. Длина внутреннего двора 36 м, при максимальной ширине 10 м. Контуры длинного дома прослеживаются по округлым и овальным в плане ямам, которые углублены в материк, состоящий из белого суглинка, на глубину до 0,8—1 м. С учетом залегающего над материком культурного слоя можно предположить, что глубина ям достигала 1,3—1,5 м. На уровне материка размеры ям в поперечнике были от 0,6 до 1,2 м.

Ширина внутреннего помещения длинного дома колеблется от 3,4 до 4 м, а в западной части даже достигает 4,6 м. Обычно опорные столбы внутренней и наружной стен расположены попарно. Среднее расстоо-

яние между столбами одной стены находится в пределах 2,5 м. По всей длине дома, на одинаковом расстоянии от попарно расположенных столбовых ям внутренней и наружной стен, также имеются ямы от опорных столбов.

В пределах постройки отмечено множество фрагментов обугленных бревен и жердей, которые являются остатками деревянных конструкций. Наблюдается закономерность расположения большинства из них либо по длине дома, либо перпендикулярно стенам. Опорные столбы также удерживали сооруженную из жердей и перекрытую дерном крышу, которая рухнула вследствие пожара. Здесь же найдены и человеческие кости. Есть основание полагать, что люди погибли во время пожара, либо будучи уже убитыми сгорели в огне. Вдоль стен наблюдались узкие полосы и пятна глины, вероятно это была обмазка от стен.

В северо-западной и восточной частях постройки отмечено 6 скоплений камней. Камни длительное время находились под воздействием огня, что дает основание связывать их с находящимися здесь очагами, которые располагались вблизи одной из стен (в пяти случаях — наружной). Судя по наличию очагов и насыщенному керамикой и вещами культурному слою здесь находились жилые помещения. Однако не исключено, что под жилища могли использоваться и другие места постройки. Разделение постройки на отдельные помещения весьма затруднительно. Исходя из того, что среднее расстояние между расположенными рядом очагами составляло около 5 м, можно предположить, что площадь жилых помещений могла достигать 20 кв.м. Значительная часть длинной постройки была занята хозяйственными помещениями. Культурный слой здесь был более светлым и во многих местах насыщенным зернами различных культурных растений.

В пределах внутреннего двора культурный слой темно-серой, почти черной окраски, еще богаче насыщен вещами и керамическим материалом. Имелись участки, на которых из 1 куб.м слоя получено до 360 фрагментов керамики.

В северной части двора и постройки отмечен горизонт, состоящий из бурой торфянистой массы. Вероятно, здесь содержался скот, а бурая масса образовалась в результате перегорания навоза.

На мысовой площадке уровень материка углублен на 1 м по отношению к материку у ее края. В результате этого дневная поверхность имеет вид западины, на материке отмечено много камней. Камни носили следы огня. Над ними залегает вытянутая с запада на восток глинобитная площадка мощностью до 0,2 м. Ее размеры 2,1 х 6 м. В центральной части отмечен слой обожженной глины, овальный в плане, размерами 0,85 х 1,5 м. Судя по прокаленности находящегося рядом слоя есть основание полагать, что здесь длительное время горел огонь. Прослеживаются прослойки коричневой охры. Встречается большое количество кальцинированных костей. Удалось определить кости крупного рогатого скота и свиньи домашней. Имеются человеческие кости. А в 3 м се-

вернее глинобитной площадки обнаружен человеческий череп обращенный лицевой частью на северо-запад. Из прокаленного слоя получено большое количество фрагментов керамики, различные вещи. Наиболее многочисленны предметы вооружения и конского снаряжения. Здесь на небольшом участке площадью около 30 кв.м получено 11 наконечников копий и сулиц, 5 наконечников стрел и 5 удил.

Есть основание полагать, что площадка, расположенная в мысовой части городища, имела культовое назначение.

Оборонительные сооружения на городище исследовались в двух местах. В мысовой части, вдоль края площадки, отмечено три столбовые ямы. Они округлые в плане, размеры в поперечнике 0,35—0,45 м. Их глубина 0,2; 0,35 и 0,7 м. Расстояние между ними 0,7 м. Две ямы расположены вдоль края площадки. Эти ямы связаны со столбами оборонительной стены. По краю площадки отмечены фрагменты обгорелых бревен.

При прорезке вала, разделяющего две площадки, на расстоянии около 8 м от наружной стены длинного дома прослежены остатки деревянной стены. Они наблюдаются в виде углей и фрагментов обугленных бревен, начиная почти от дневной поверхности и до материка. Здесь на одном уровне встречаются перпендикулярно расположенные один к другому концы бревен.

Небольшой исследованный участок не позволяет сделать детальную реконструкцию оборонительных сооружений. Однако уже из этого можно проследить, что они представляли собой деревянные срубы, внутри засыпанные землей. Кроме срубных углов они также имели внутренние бревенчатые перекрытия. Когда срубы сгорели, засыпанная земля вместе с их остатками стала расползаться. По планировке средней площадки, характеру построек и оборонительных сооружений городище Никодимово ближе всего к Демидовке [2].

Керамическая посуда в основном высоких пропорций, слабопрофилированная, толстостенная, содержит дресву. Поверхность сосудов грубая, либо несет следы лощения. Венчики эсовидные или прямые. На многих эсовидных имеется налепной валик с косой насечкой, иногда без нее. В средней части некоторых гладкостенных сосудов — ребро.

В результате раскопок получены различные материалы, позволяющие судить о развитии земледелия и скотоводства. Это — зерна культурных растений и семена сорняков, кости животных, сельскохозяйственные орудия труда, предметы снаряжения коня и всадника. Зерна культурных растений под воздействием огня (пожара) обуглились. На отдельных участках содержание зерен в культурном слое достигало 15% от общего объема взятого образца. На стенках некоторых сосудов имелись прилипшие обугленные зерна. Зерна и семена различных растений, взятые для определения, получены путем промывки культурного слоя через сито. Определение проведено Н.А.Кирьяновой (Москва) и Д.И.Третьяковым (Минск).

Полученные результаты дают возможность судить о культивировавшихся в окрестностях Никодимова в третьей четверти I тыс. н.э. сельскохозяйственных культурах. Злаковые были представлены следующими — ячмень, просо, пшеница, овес, рожь. Доминирующее место среди них занимает ячмень. Из 6475 определенных зерен различных культурных растений 4874 (75,27%) принадлежит этой культуре. В исследуемом палеоботаническом материале просо занимает второе место по количеству зерен — 1066 экземпляров (16,46%), не считая обугливщихся комьев. Затем следует пшеница — 283 (4,37%), овес — 13 (0,20%) и рожь — 3 (0,05%). Имелись бобовые культуры, это горох — 203 экземпляров (3,14%) и бобы кормовые — 29 (0,45%). К техническим культурам относится конопля — 4 экземпляра (0,06%). Среди палеоботанических материалов присутствуют семена сорняков. Наиболее многочисленными являются следующие: подмаренник, марь белая, пикульник, горец вьюнковый, горец почечуйный и др. Находки в Никодимово плодов и семян вышеназванных культур и сорняков позволяют говорить о высоком уровне развития земледелия у населения этой территории в рассматриваемый период времени.

Земледельческие орудия весьма немногочисленны. Найдены гранитный терочник от зернотерки, два фрагмента лезвий железных топоров. Из трех находок железных серпов две представлены целыми изделиями. У одного ось черешка составляет продолжение оси начальной части клинка. Лезвие другого серпа переходит в плоский черешок, конец которого оттянут и загнут под прямым углом к плоскости в виде выступа.

Из-за слабой увлажненности культурного слоя сохранность костных останков очень плохая. Определение и статистическая обработка остеологического материала проведены В.В.Щегловой (Минск). Было определено 50 особей животных, в т.ч. 48 особей (96%) — домашних и 2 особи (4%) — диких. Дикие животные представлены пушными (лисица и водяная полевка). Соотношение домашних и диких животных в материалах раскопок городища Никодимово позволяет говорит о господствующей роли скотоводства по отношению к охоте в обеспечении обитателей поселения мясной пищей.

Наиболее многочисленным среди домашних животных является крупный рогатый скот — 46,94% по количеству костей и 41,67% по количеству особей (20 особей). На втором месте находится свинья — 25,59% по количеству костей и 29,17% по количеству особей (14 особей). Относительное количество лошади — 12,25% по количеству костей и 18,75% по количеству особей (9 особей). Определенное место занимает мелкий рогатый скот, соответственно, 7,14% и 8,33% (4 особи), а также собака — 2,04% и 2,08% (1 особь). Во время раскопок найдены железные пружинные ножницы, который могли использоваться для стрижки мелкого рогатого скота.

Получены многочисленные глиняные биконические пряслица. По

форме они подразделяются на два типа. К первому следует отнести пряслица, имеющие высокие пропорции. Их в коллекции большинство — 42. Высота изделий (Н) варьирует от 1,5 до 2,7 см, диаметр (Д) — от 2,1 до 3,5 см, а диаметр отверстия ($Д_2$) — от 0,8 до 1,5 см. Соотношение Н и Д находятся в пределах 0,6—0,84, а у одного экземпляра — даже 0,96. Соотношение $Д_2$ к Д — 0,26—0,57. Среди пряслиц I типа можно выделить самостоятельный вид (6 экземпляров). Отверстия у них имеют катушкообразную форму. Два пряслица I типа орнаментированы, одно — тремя точками, второе — насечками.

Ко II типу относятся пряслица дисковидной формы — 4 экземпляра. Они имеют следующие размеры: Н — 1,2—1,7 см, Д — 2,7—4,2 см, $Д_2$ — 1—1,5 см, соотношение Н:Д — 0,4—0,52; $Д_2$:Д — 0,45—0,52. Одно пряслице отличается от всех остальных своими небольшими размерами.

Особое место в хозяйстве обитателей городища занимала лошадь. Многочисленные предметы снаряжения коня и всадника свидетельствуют о том, что лошадь использовалась для верховой езды. К предметам снаряжения принадлежат шпоры с крючкообразными отогнутыми наружу зацепами и коническим шипом — 3 экземпляра. Имеют прямоугольную в сечении дужку. Такие шпоры (по В.Б.Перхавко) относятся к 5 типу, варианту Б. Они появляются в IV—VI вв. н.э. и существуют до VI—VII вв. [3]. Шпоры этого типа известны и на других поселениях третьей четверти I тыс. н.э., находящихся в Верхнем Поднепровье (Демидовка, Шугайлово, Наквасино, Церковище, Кисели, Черкасово, Шатково) [4]. Часты находки удил. Все они двусоставные, без псалий, с неподвижными кольцами на концах. Многочисленны железные сбруйные пряжки. Они представлены изделиями, имеющими различной формы рамку: прямоугольную, прямоугольную с вогнутыми боковыми сторонами, круглую, сегментовидную.

Предметы вооружения представлены 15 наконечниками копий и сулиц, 13 наконечниками стрел. Все оружие изготовлено из железа. Три наконечника, судя по их небольшим размерам, следует отнести к сулицам (рис. 1: 4). Наконечники копий и сулиц по способу насадки на древко являются втульчатыми, а по форме подразделяются на 5 типов: листовидные (рис. 1: 7); с узким пером и массивной втулкой (рис. 1: 1); профилированный (пламевидный) (рис. 1: 2); двушипные (рис. 1: 5,13); ромбовидные (рис. 1: 4). Пять наконечников копий представлены фрагментами (рис. 1: 3,6,13).

Все наконечники стрел по способу насадки на древко относятся к черешковым. По характеру сечения пера они подразделяются на две группы: плоский (1 экз.) и трехлопастные (12). Плоский имеет ромбовидное перо. Трехлопастные наконечники с упором по форме боевой головки согласно классификации А.Ф.Медведева подразделяются на 4 типа: килевидные с плечиками — широкие, иногда ромбовидных очертаний (рис. 1: 8—10); с отверстиями в нижней части лопастей; килевидные с горизонтальными плечиками (рис. 1: 12); с узким пером (рис. 1: 11) [5].

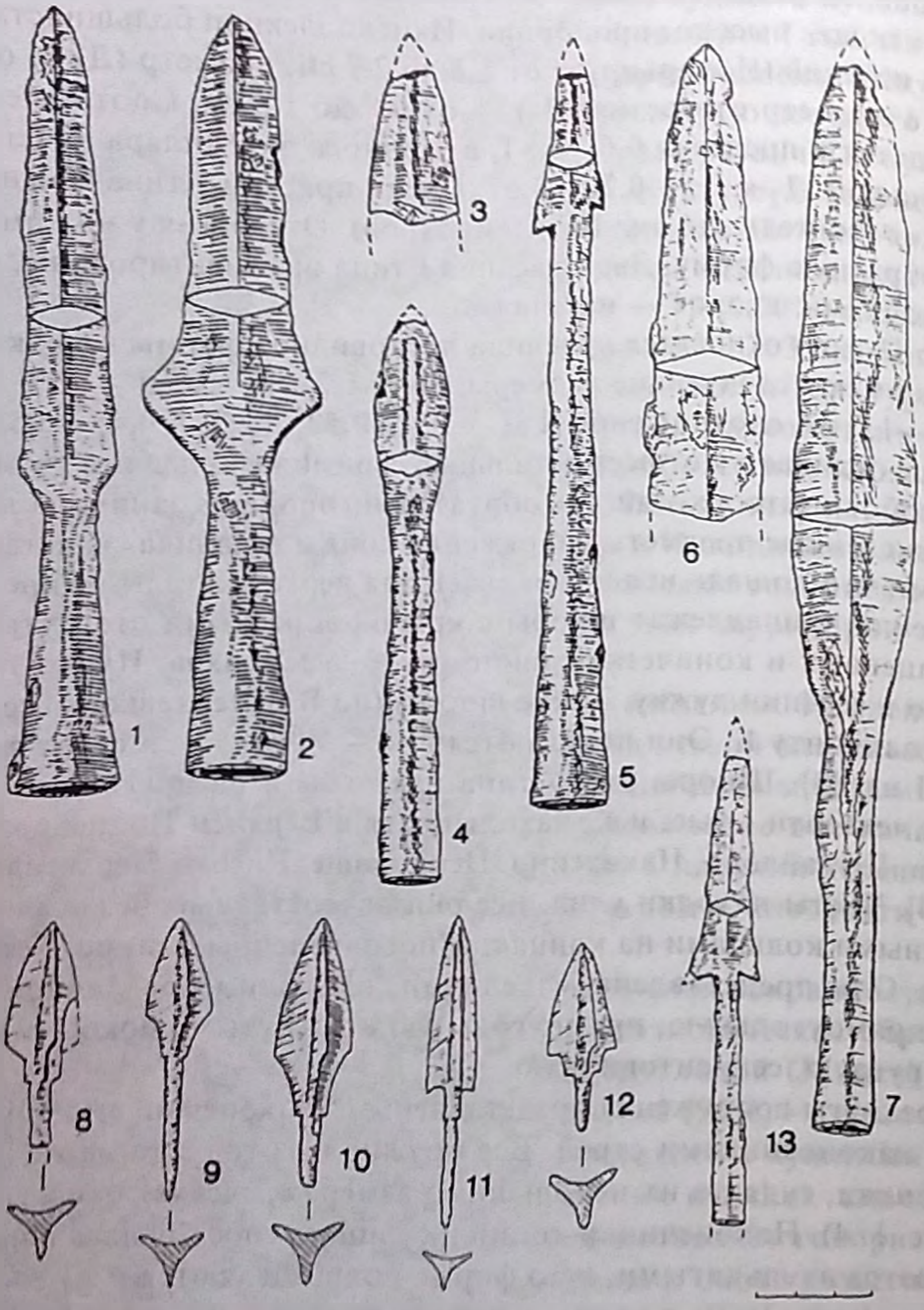


Рис. 1. Городище Никодимово. Наконечники копий и стрел. Железо

Многочисленной категорией вещей являются железные шилья, изготовленные из круглого в поперечном сечении стержня с заостренной рабочей частью и черенком прямоугольного сечения. Некоторые из них по форме представляют равнобедренный вытянутый треугольник с острым концом. Вероятно эти изделия использовались в качестве кресал. Ножи имеют прямую спинку, на некоторых при переходе от спинки лезвия к черенку имеется уступ. Среди других железных изделий: пинцеты, фибулы, долота, фитильные трубочки, рыболовный крючок и др. Многочисленны криицы и металлургические шлаки.

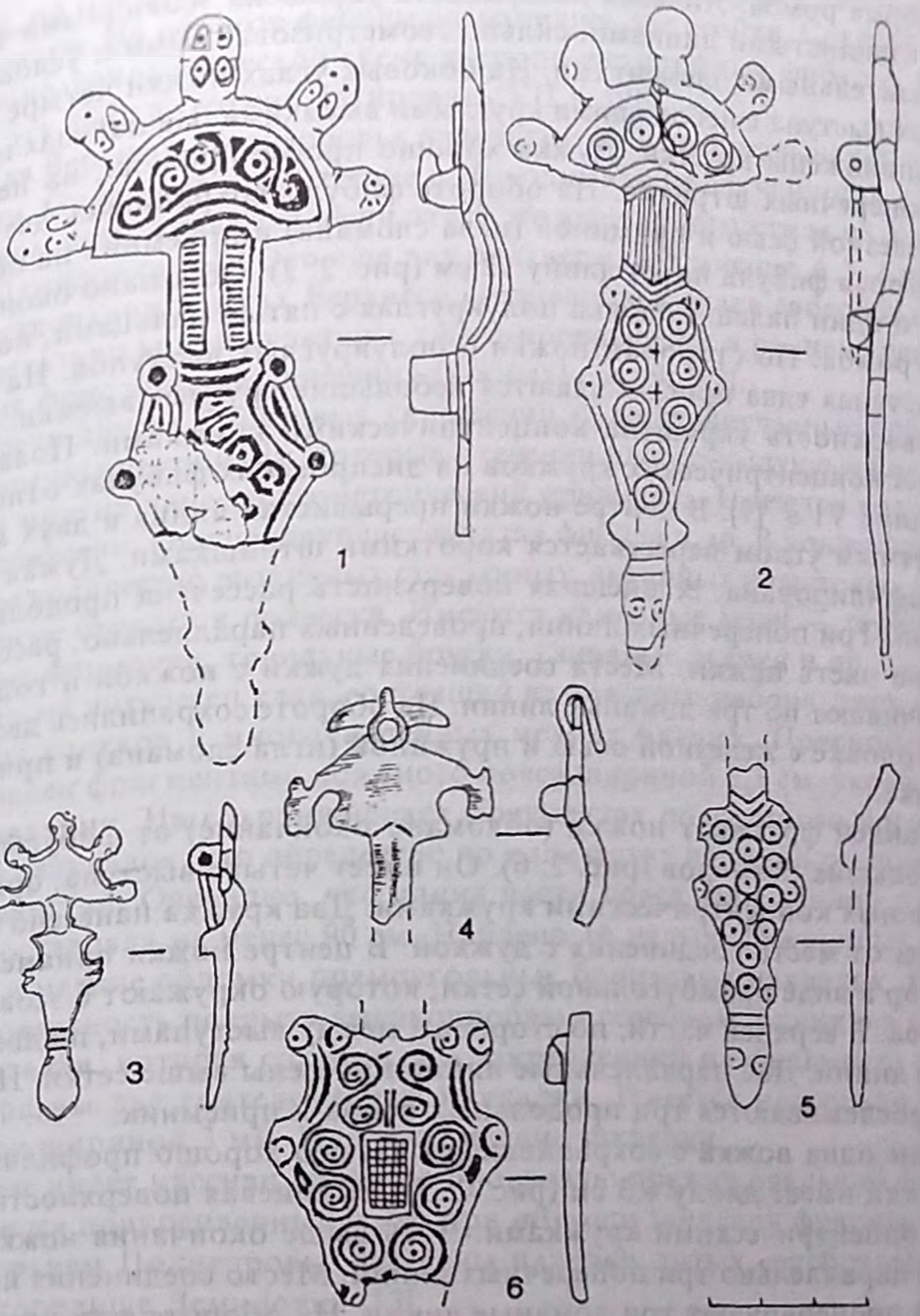


Рис. 2. Городище Никодимово. Фибулы. Бронза

Найдены бронзовые пальчатые фибулы. Они были распространены в Европе в V—VII вв. и относятся к ювелирному стилю эпохи великого переселения народов. Три фибулы сохранились почти полностью (рис. 2: 1—3), две представлены ножками (рис. 2: 5,6), одна — головкой антропо-зооморфной (рис. 2: 4).

Две фибулы по своей форме близки пальчатой фибуле из Мартыновского клада, который датируется VI—VII вв. [6]. Первая длиной 9,5 см (без обломанного окончания ножки) (рис. 2: 1). Целое изделие имело длину около 13,5 см. Головка полукруглая с пятью пальцами, нож-

ка в форме ромба. Лицевая поверхность украшена эсовидными завитками, извилистыми линиями, сильно геометризованными и условными изобразительными элементами. На боковых углах ножки четыре полукруглых выступа с небольшими круглыми выемками. На пальцах попарно расположены кружки. Дужка хорошо профилирована, на ней два ряда поперечных штрихов. На обороте фибулы сохранились две стойки с железной осью и пружиной (игла сломана) и приемник на ножке.

Вторая фибула имеет длину 12 см (рис. 2: 2). Обломано окончание ножки и один палец. Головка полукруглая с пятью пальцами, ножка в форме ромба. По сторонам ножки 6 полукруглых выступов. На четырех выступах едва прослеживаются небольшие круглые выемки. Лицевая поверхность украшена концентрическими кружками. Появление узора из концентрических кружков на днепровских фибулах относится к середине VI в. [7]. В центре ножки прерывистая линия в двух местах под прямым углом пересекается короткими штришками. Дужка хорошо профилирована, ее внешняя поверхность рассечена продольными ребрами. Три поперечных линии, проведенных параллельно, рассекают нижнюю часть ножки. Места соединения дужки с ножкой и головкой прочерчивают по три ломаные линии. На обороте сохранились две стойки на головке с железной осью и пружиной (игла сломана) и приемник на ножке.

Найден фрагмент ножки (обломано окончание) от фибулы довольно больших размеров (рис. 2: 6). Он имеет четыре выступа, орнаментированных концентрическими кружками. Два кружка нанесено по обе стороны от места соединения с дужкой. В центре ножки орнаментальный узор в виде прямоугольной сетки, которую окружают 6 эсовидных завитков. В верхней части, по сторонам между выступами, по две извилистые линии. Две параллельные линии нанесены выше сетки. На обороте прослеживаются три продольных ребра и приемник.

Еще одна ножка с сохранившейся частью хорошо профилированной дужки имеет длину 6,3 см (рис. 2: 5). Ее лицевая поверхность украшена концентрическими кружками. Чуть выше окончания ножки проведены параллельно три поперечных линии. Место соединения ножки с дужкой прочерчивают три ломаные линии. На обороте есть приемник.

Хорошо сохранилась миниатюрная фибула длиной 5,5 см (рис. 2: 3). Она имеет полукруглую головку с пятью пальцами. Лицевая поверхность гладкая. Только в нижней части ножки прослеживаются три поперечных ребра. На ножке два ряда выступов (отростков), причем нижние выступы раздваиваются и направлены к верхним. Дужка хорошо профилирована. На обороте фибулы сохранились две стойки на головке с железной осью, иглой и пружиной и приемник на ножке. Такие фибулы датируются VII в., исключая его начало [8].

На головке антропо-зооморфной фибулы из Никодимово две лошадиные головы. Несмотря на примитивность в выполнении, они выразительны. Точно обрисованы их морды, уши, шеи. Вверху головки

кольцо, по обе стороны от которого есть выступы. Дужка хорошо профилирована. На обороте фибулы сохранились две стойки. Согласно эволюционно-типологической схеме антропо-зооморфных фибул А.К.Амброза, эту фибулу можно датировать VII в. [9].

Для Верхнего Поднепровья пальчатые фибулы чрезвычайно редкие находки. Однако их присутствие в Никодимово не случайность. Свидетельством тому являются вещи этого же ювелирного стиля из Хотища [10] и Демидовки [11]. Это еще раз подтверждает мнение А.К.Амброза о существовании в лесах Верхнего Поднепровья очага своеобразной и художественно яркой культуры, сформировавшейся в раннем средневековье на фоне широких внешних (южных) связей [12].

Среди других бронзовых украшений — многочисленные браслеты с расширенными концами, которые в сечении плоско-выпуклые или круглые (на многих нанесен геометрический орнамент). Имеются колокольчатые привески, кольца, двупластинчатая фибула и др. В коллекции есть большое количество различных стеклянных, янтарных и пастовых бусин, серебряные браслет и подвеска. Имеются каменные вещи — терочники, литейные формочки, точильные бруски, глиняные льячки и др.

Весьма интересен клад, состоящий из поясного набора, двух металлических слитков и многочисленных мелких бляшек. Поясной набор представлен фрагментами кожаного пояса шириной 2,3 см, украшенного накладками. На сохранившихся фрагментах пояса могло крепиться около 45 накладок, что определено по количеству попарно расположенных отверстий. Очевидно, что длина части пояса украшенной пластинами, составляла не менее 90 см. Найдено 16 целых, 15 крупных фрагментов и мелкие обломки прямоугольных бронзовых накладок. Их лицевая поверхность покрыта высокопробным серебром. Единична фигурная накладка, которая сохранилась закрепленной на фрагменте пояса. Своеобразны две гантелевидные накладки. Имеется несколько узких накладок шириной 3 мм. Найдены мелкие заклепки.

Пояс имеет массивную литую бронзовую пряжку овальной формы. Сохранился прикрепленный к ней при помощи заклепок фрагмент пояса. В Верхнем Поднепровье известны находки литых серебряных пряжек на городище Демидовка [13].

В поясной набор также входят частично сохранившиеся лезвия двух железных ножей с фрагментами ножен. Первое лезвие имеет длину 12 см, ширину — 1,8 см, второе соответственно — 8 и 1,7 см. По классификации Р.С.Минасяна оба ножа относятся к группе I. В третьей четверти I тыс. н.э. они становятся ведущей формой на территории Верхнего Поднепровья [14].

Ножны изготовлены из дерева, следы которого прослеживаются на лезвиях. Одни ножны покрыты серебром. При помощи бронзовой цепочки к поясу крепилось железное кресало, помещенное в железный футляр. В двух местах футляр перевязан бронзовый проволокой, на нем сохранился отпечаток ткани. Вероятно, сверху одевался чехол

из ткани, который был закреплен при помощи проволочных колечек.

В клад входит 1098 целых и 68 фрагментов небольших бляшек размерами 0,8х0,5 см с парными выпуклостями и перемычкой между ними. С обратной стороны у них есть выступ с отверстием, предназначенным для крепления. Они отлиты из оловянисто-свинцового сплава. Такие бляшки используются в составе головного убора или других деталей костюма. Найдено несколько более крупных бляшек подобной конструкции. Немногочисленны фрагменты выпуклых умбовидных накладок.

Особенно интересны два оловянисто-свинцовых слитка размерами 16х2,2х0,7 см, их вес 180—190 г. Лицевая поверхность покрыта выступами, которые в сочетании имеют вид елочек. Вероятно, эти слитки были изготовлены для обмена, либо принадлежали литейщику.

Несомненно, что такой поясной набор принадлежал не рядовому обитателю Никодимовского городища. Отношение к поясу как к знаку отличия вообще характерно для этой эпохи [15].

Датировка памятника подтверждается четырьмя радиоуглеродными датами по древесному углю (1390 ± 35; 1495 ± 35; 1495 ± 35; 1615 ± 40 лет тому назад), полученными в лаборатории фирмы «Санаре» (Таллин).

Многочисленные предметы вооружения, а также снаряжения коня и всадника, большие скопления зерен различных культурных растений при сравнительно малом количестве земледельческих орудий труда несомненно говорят об особом месте Никодимовского городища среди других синхронных поселений этой территории. По всей вероятности, Никодимово являлось административно-территориальным центром округи, здесь же находилась усадьба вождя и его дружины. Им принадлежало оружие, а также предметы снаряжения коня и всадника. Большое количество орудий труда, бытовых вещей, украшений, а также материалы свидетельствуют о существовании на городище кузнечного, бронзолитейного и ювелирного ремесел и говорят о том, что все эти вещи изготавливались, вероятно, для нужд не только обитателей городища, но и ближайших окрестностей. По богатству и разнообразию вещественных источников, а прежде всего предметов вооружения, материалы Никодимовского городища сопоставимы с материалами таких синхронных памятников соседних территорий, как Зимно на Волыни [16], Демидовка в Смоленском Поднепровье [17], Хотомель в Полесье [18].

1. Шмидт Е.А. Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972. С. 31.
2. Шмидт Е.А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // МИА. № 176. 1970. С. 64—66.
3. Первавко В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3. С. 118, 122. Рис. 3.
4. Шмидт Е.А. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тысяче-

летия н э в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии Минск, 1966 С 203 Рис 2, 16 Он же О культуре городищ-убежищ С 68 Рис 3, 26 Левко О Н Колосовский Ю В К вопросу о культурной принадлежности городищ 3-й четверти I тыс н э Оршанского Поднепровья // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый Магілеў, 1994 С 138—139 Рис 2, 3—5 Поболь Л Д Поселение железного века около д Щатково Бобруйского района // Белорусские древности Минск, 1967 С 226 Рис 23, 9

5 Медведев А Ф Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв // САИ Вып Е1-36 1966 С 54, 58—60

6 Рыбаков Б А Ремесло Древней Руси М , 1948 С 81

7 Пудовин В К Три боспорские лучевые фибулы // СА 1962 № 2 С 147

8 Гавритухин И О Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья М , 1991 С 130, 131

9 Амброз А К К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА 1993 № 2 С 182 Рис 3

10 Сербаў І А Археалагічныя абследванні ў вадазборах рэк Проні — Ухлясці ў былой Магілёўшчыне // Працы секцыі археалогіі Т 3 Менск, 1932 С 240, Ляўданскі А М Розныя знаходкі // Там же С 244 Табл 1, 4, 5

11 Шмидт Е А О культуре городищ-убежищ С 68—69 Рис 4

12 Амброз А К Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в // Древние славяне и их соседи М , 1970 С 70

13 Шмидт Е А О культуре городищ-убежищ С 68 Рис 4 1, 2

14 Минасян Р С Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ № 21 1980 С 69

15 Плетнева С А Подгорцевский могильник // СА 1962 № 3 С 250

16 Аўліх В В Зімнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст н е в Західній Волині Київ, 1972

17 Шмидт Е А О культуре городищ-убежищ

18 Кухаренко Ю В Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК Вып 68 1957

Д.А.Сташенков

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

К числу самых загадочных и малоизученных археологических культур Урало-Поволжского региона несомненно относится именьковская культура IV—VII вв. н.э., впервые выделенная в 1950-х гг. В.Ф.Генингом [1]. Несмотря на десятилетние исследования и многолетние дискуссии, спорными остаются все вопросы, которые возникли в самом начале ее изучения: об истоках, начальном этапе, периоде сложения, этнических компонентах, о причинах исчезновения и дальнейшей судьбах этой культуры. Самым сложным, пожалуй, является вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего памятники именьковского круга. В разное время именьковцев соотносили и с тюрками [2], и с финно-уграми [3], и с балтами, с угро-мадьярами [4] (П.Д.Степанов), с буртасами. Сейчас наибольшее число сторонников приобрела точка зрения, впервые высказанная А.П.Смирновым [5], затем разработанная Г.И.Матвеевой [6] и активно поддержанная В.В.Седовым [7] об их славянской принадлежности.

Однако, на мой взгляд некорректно ставить вопрос о какой-либо одной этнической доминанте в именьковской культуре. Необходимо учитывать, что сама культура была весьма неоднородной. Еще в 1967 г. П.Н.Старостин писал о наличии двух основных компонентов — основного пришлого тюркского и менее значимого местного финно-угорского, на базе которых сформировалась именьковская культура [8]. Кроме того, видимо, настало время для выделения в составе именьковской культуры локальных вариантов. В настоящее время отчетливо видны отличия материалов соотносимых с именьковцами памятников, расположенных на территории Татарстана, Башкортостана, Пензенской, Самарской и Ульяновской обл. В зависимости от хронологической привязки и соотнесения с данным локальным вариантом культуры на каждом памятнике будет свой набор этномаркирующих признаков. По-видимому, необходимо поставить вопрос об удивительной открытости населения именьковской культуры к контактам на уровне этносов.

Представляется, что в именьковской культуре можно выделить по меньшей мере два этапа развития. Если на раннем этапе сложения этой культуры (IV—V вв. н.э.), безусловно, преобладало западное влияние, что отчетливо видно при ее сопоставлении с памятниками постзарубинецкой, пшеворской, черняховской и киевской культур, то начиная с VI в. прослеживается ощутимая восточная струя.

Вопрос об участии восточного компонента в сложении именьков-

ской культуры Поволжья IV—VII вв. н.э. ставился уже неоднократно [9]. Сам этот факт признается большинством исследователей, особенно после публикации результатов работ Е.П.Казакова на II Коминтерновском могильнике и других памятниках, расположенных на территории Татарстана [10], и речь идет лишь о путях и степени этого участия. Однако до недавнего времени уверенно можно было говорить только о локальных особенностях в именьковской культуре, так как данные в поселенческих материалах Самаро-Симбирского Поволжья, подтверждающие эту точку зрения, были очень немногочисленны.

В последние годы при исследовании памятников именьковского времени на территории Самарской обл. все чаще встречаются материалы, позволяющие говорить о присутствии в этом регионе восточного, в частности, кушнаренковско-караякуповского, населения уже с середины VI в. [11].

Наиболее яркие материалы получены в 1995—1996 гг. при раскопках городища у д.Пролетарий в Челно-Вершинском р-не Самарской обл.

Пролетарское городище, открытое Р.Г.Фахрутдиновым в 1965 г., было включено П.Н.Старостиным в Свод памятников именьковской культуры [12]. Оно находится на правом берегу р. Большой Черемшан в 0,5 км от д.Пролетарий на горе Каменной. Памятник возвышается над окружающей территорией на 30—50 км. Площадь городища составляет 1,5 га. С З на В оно вытянуто на 200 м, с С на Ю — на 50—110 м. По рассказам местных жителей, территория городища и расположенного у его подножия Пролетарского I селища еще в 1920-х гг. была заселена. Леса стали сводить после образования в 1927 г. д.Пролетарий, когда эта площадь стала использоваться под пашню. С севера к городищу примыкает лес, с востока и запада его территория ограничена оврагами. Площадь к Ю, В и З от городища открыта и просматривается на много километров. Территория памятника в настоящее время задернована. На поверхности городища, особенно в его восточной части, прослеживаются многочисленные воронки от кладоискательских шурфов, оставленных в XX в. Местные жители вплоть до 1970-х гг. искали здесь, в том числе и с помощью бульдозера, спрятанный по легенде «башкирский клад». Некоторое время территория городища распахивалась.

Археологической экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.А.Алабина на городище были исследованы три раскопа общей площадью 200 кв. м.

Раскоп 1 площадью 136 кв. м расположен на верхней площадке городища у западного склона горы и захватывал часть склона. Раскоп примыкал к старому частично задернованному карьеру длиной 14 м, шириной 2,6 м. В 6 м к З от раскопа начинается лес.

Сразу после снятия дернового слоя встречены фрагменты костей животных и керамики. Керамика лепная, плоскодонная, с неровной бугристой поверхностью, в основном темно-коричневого цвета, относится к именьковской культуре IV—VII вв. н.э. Кроме того, встречены фраг-

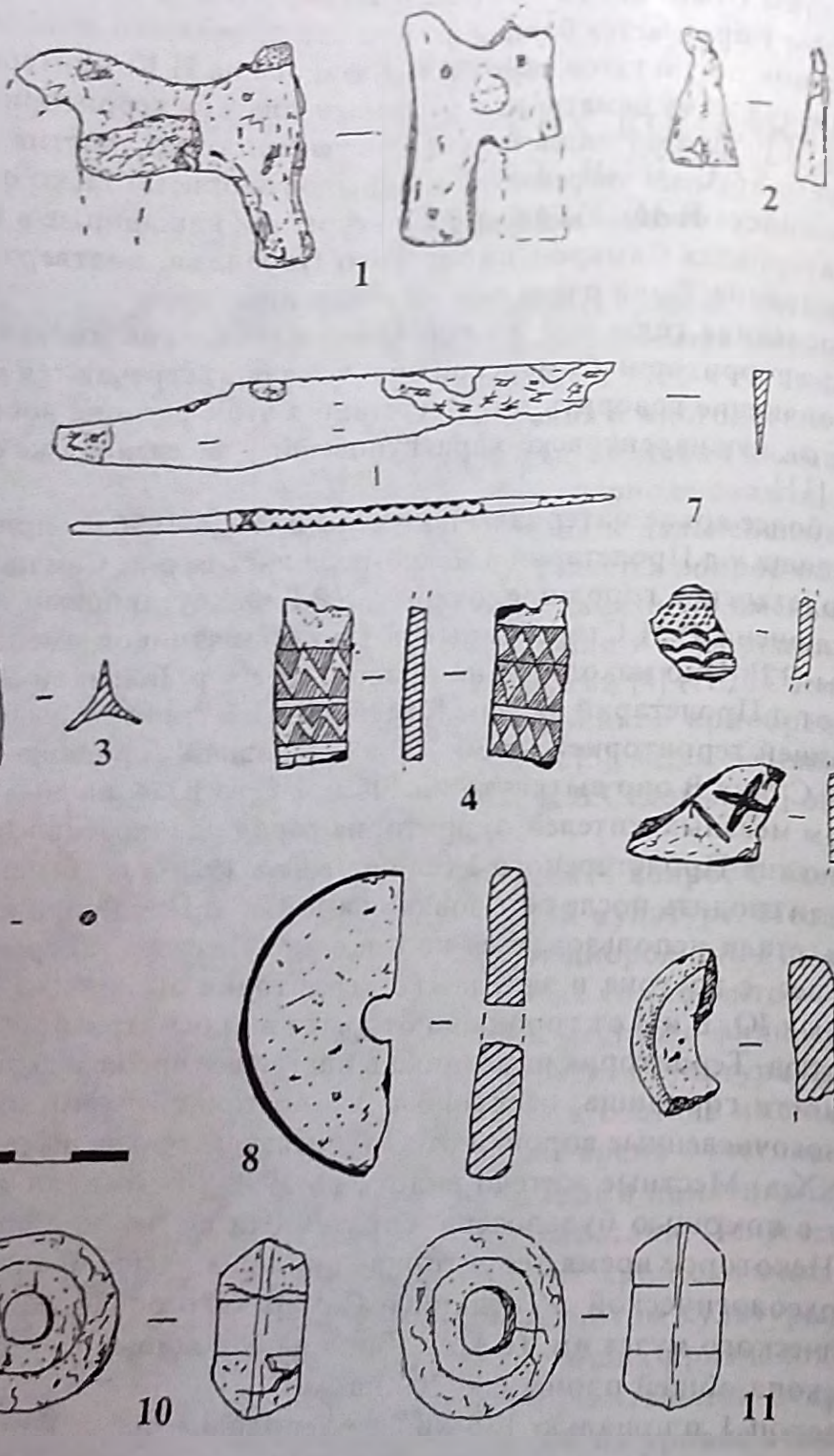


Рис. 1. *Городище у д.Пролетарий. Находки*

менты тонкостенных лепных сосудов черного цвета, орнаментированных косыми насечками по горловине и плечикам и относящихся к кругу кушнаренковско-караякуповских памятников Прикамья VI—VIII вв. н.э. (рис. 1: 5; 2: 2). На раскопе обнаружены также глиняные бикониче-

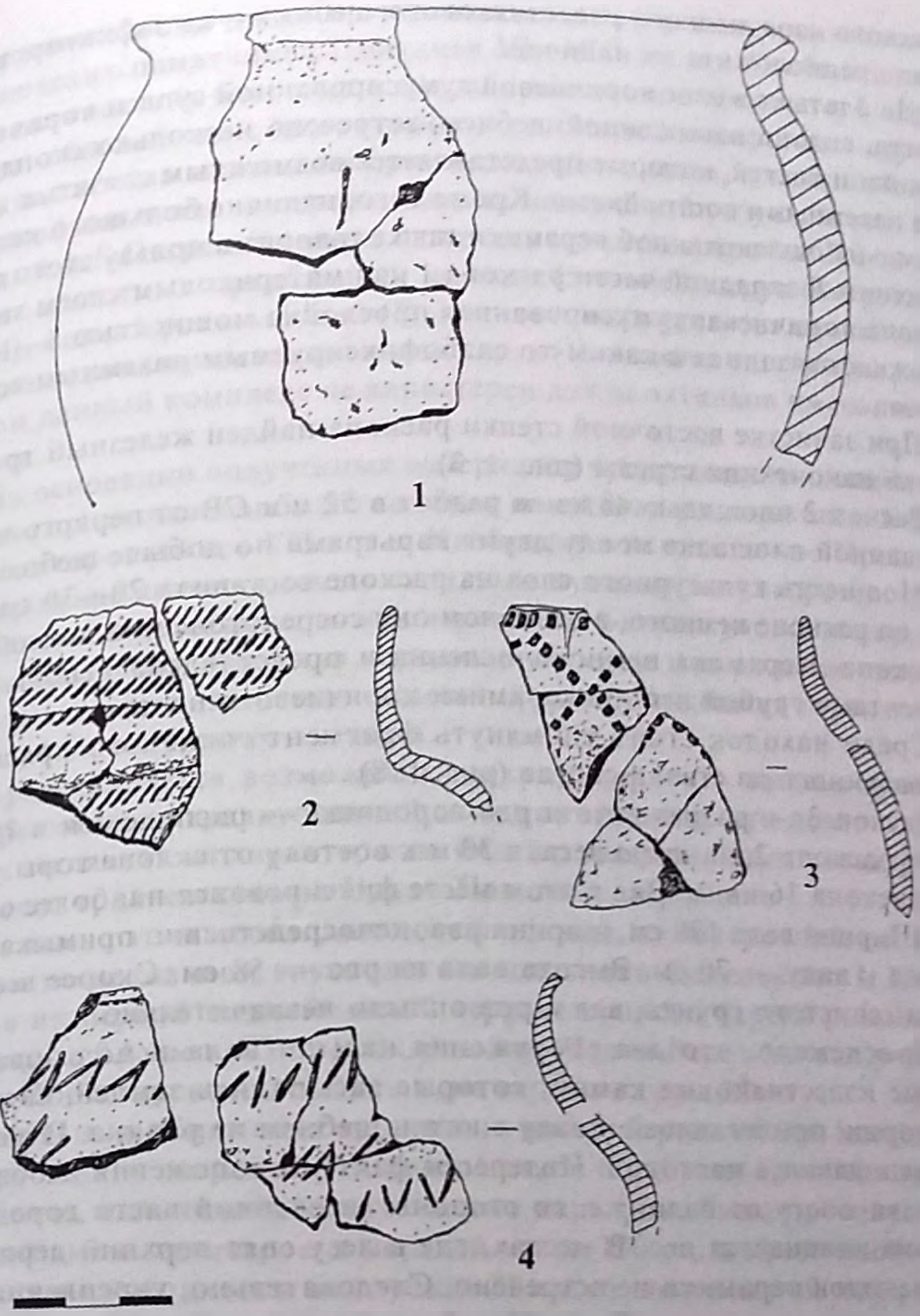


Рис. 2. Городище у д.Пролетарий. Керамика

ские пряслица (рис. 1: 10,11). Особый интерес вызывает костяная орнаментированная с двух сторон пластина, обломанная с двух концов и со следами отверстия в верхней части (рис. 1: 4).

Все находки в основном сосредоточены на первом — начале второго штыка. Хотя после окончательной зачистки следов сооружений на фоне материка — на основной части раскопа — красно-коричневого суглинка, сильно насыщенного щебнем, в восточной части раскопа —

слоистого слоя мелкого известнякового щебня — не зафиксировано, можно предположить их наличие.

На 2 штыке в слое коричневой гумусированной супеси коричневого цвета, сильно насыщенной щебнем, встречено несколько скоплений керамики и костей, которые представляется возможным связать с какими-то наземными постройками. Кроме того, наличие большого количества сильно опракованной керамики также говорит в пользу этого предположения. В западной части раскопа 1 над материковым слоем зафиксирована коричневая гумусированная прослойка мощностью 5—10 см, возможно, связанная с каким-то слабофиксируемым наземным сооружением.

При зачистке восточной стенки раскопа найден железный трехлопастной наконечник стрелы (рис. 1: 3).

Раскоп 2 площадью 48 кв. м разбит в 52 м к СВ от первого на задернованной площадке между двумя карьерами по добыче щебня.

Мощность культурного слоя на раскопе составила 20—30 см. Находок на раскопе немного, в основном они сосредоточены в южной части раскопа. Керамика немногочисленна и представлена небольшими фрагментами грубой лепной керамики коричневого цвета.

Среди находок стоит упомянуть фрагмент глиняного пряслица, изготовленного из стенки сосуда (рис. 1: 8).

Раскоп 3 — разрез вала и рва городища — расположен в 70 м к ССЗ от раскопа 2, на краю леса, в 30 м к востоку от склона горы. Площадь раскопа 16 кв. м. Вал в этом месте фиксировался наиболее отчетливо. Ширина вала 170 см, ширина рва, непосредственно примыкающего с юга к валу — 70 см. Высота вала из рва — 58 см. Скорее всего, в силу каменистого грунта, вал и ров оплыли незначительно.

Прослежено, что для сооружения насыпи вала использовались крупные известняковые камни, которые засыпались землей, снятой с территории, прилегающей к валу с юга и щебнем из ровика. Перед валом располагался частокол. Интересен факт расположения небольшого ровика к югу от вала, т.е. со стороны заселенной части городища. За валом начинается лес. В местах, где в лесу снят верхний дерновый слой, находок керамики не встречено. Следовательно, укрепления возведены для защиты южной заселенной части горы.

Полное отсутствие фрагментов керамики и костей в разрезе оборонительных сооружений свидетельствует о том, что вал был возведен до активного освоения городища или его территория на момент сооружения укреплений не имела хозяйственного назначения.

Среди находок на городище, кроме лепной, с неровной бугристой поверхностью керамики иньковской культуры IV—VII вв. н.э. (которая, кстати, имеет своеобразие и отличие от керамики ранее исследованных иньковских памятников), фрагментов глиняных биконических и одного из стенки сосуда пряслиц. Встречены фрагменты тонкостенных черного цвета лепных сосудов, орнаментированных косыми насечками

по горловине и плечикам и относящихся к кругу кушнаренковско-караякуповских памятников Прикамья VI—VIII вв. н.э. Особый интерес вызывает костяная пластина с выгравированным с обеих сторон орнаментом, обломанная с двух сторон и со следами отверстия в верхней части, находящая аналогии в прикамских материалах, и железный трехлопастной наконечник стрелы. Весьма интересный результат дал проведенный А.Г. Петренко анализ остеологического материала. В стаде домашних животных преобладали лошади (5 особей), крупный рогатый скот (4), мелкий рогатый скот (3), полностью отсутствовали свиньи. Из диких животных представлен только лось (1), имеется одна рыбья кость. В целом данный комплекс не характерен для памятников именьковского круга.

На основании полученных материалов представляется возможным отнести городище к наиболее поздним памятникам именьковской культуры и датировать его VII в. н.э. Необходимо отметить, что Пролетарское городище является самым западным пунктом, на котором встречены поселенческие материалы кушнаренковско-караякуповского круга.

Скорее всего, это было городище-убежище или родовое святилище. Именьковское население, возможно, жило у подножия горы, на территории I Пролетарского селища.

Представляется возможным синхронизировать именьковский и кушнаренковско-караякуповский слои на городище, что позволяет по-новому взглянуть на характер взаимодействия различных культур эпохи раннего средневековья в Урало-Поволжском регионе.

В связи с этим необходимо остановиться на материалах, полученных при исследовании грунтового могильника Сидельки́но I. Он находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Большой Черемшан в 0,8 км к СЗ от с.Сидельки́но Челно-Вершинского р-на и в 4 км от Пролетарского городища, на вершине горы Маяк.

В 1991 г. в обнажении карьера по добыче гравия было исследовано разрушенное погребение 1, совершенное по обряду трупосожжения. Погребение, наполовину уничтоженное карьером, было произведено в округлой яме с диаметром в верхней части 100 см, в придонной — 80 см. Дно ямы находилось на глубине 80 см от современной поверхности. В материк яма была углублена на 50 см. Стенки ямы прямые, в нижней части скругленные. Заполнение сооружения представляло собой отличающуюся по цвету от окружающей почвы супесь черного цвета, в которой изредка попадались небольшие фрагменты именьковской керамики и костей животных. Непосредственно на дне ямы были выявлены остатки погребения — зольная полоса шириной 5—8 см с включением мелких кальцинированных костей. Полоса пересекала всю яму с севера на юг почти по центру. Аналогичная картина захоронения наблюдается в погребальном ритуале племен именьковской культуры на территории Татарстана, где все погребения с трупосожжениями безурновые, а половина из них — безынвентарные [13].

В 1995 г. в связи с экстренной ситуацией, связанной с интенсивным разрушением памятника карьером по добыче гравия, на месте, откуда был сдвинут верхний слой с развалом именьковского сосуда, заложен раскоп площадью 26 кв.м. Исследованы остатки двух разрушенных погребений, совершенных по обряду трупоположения.

Погребение 2 выявлено на глубине 57 см после снятия 2 штыка в слое желтой глины. Очертания могильной ямы не прослеживались. Погребение принадлежало мужчине 35—45 лет (антропологические определения выполнены И.Р.Газимзяновым). Погребение было разрушено, возможно, преднамеренно. От костяка сохранилась часть черепной коробки, нижняя челюсть, часть таза и уложенные между ними в строгом порядке кости ног и рук. Возможно, кости находились в каком-то ограничивающем предмете (мешке?). Погребение было ориентировано на СВ. Возле погребения встречены мелкие фрагменты именьковской керамики.

Погребение 3 выявлено на глубине 76 см в слое желтой материковой глины. Вероятно, погребение принадлежало женщине 20—30 лет. Оно разрушено. Сохранились разрозненные фрагменты черепной крышки (затылочная часть) и кости рук. Какой-либо закономерности в расположении костных остатков выявить не представляется возможным. В непосредственной близости от погребения 3 на глубине 78 см зафиксированы остатки сооружения — ямы округлой формы диаметром 30 см, углубленной в материк на 18 см.

Видимо, к погребениям имел отношение и уже упомянутый лепной сосуд, собранный в отвале карьера. Стоит заметить, что на черняховском могильнике у с.Оселивка на очень небольшой глубине (0,19—0,25 м) обнаружено 3 сосуда, лежавших в ряд и не сопровождавшихся костным материалом [14]. Как и в нашем случае, они могли иметь отношение к обряду тризны. Сидельцинский сосуд высотой 8,5 см имеет баночную форму. Венчик слегка отогнут наружу, край его закруглен. Диаметр венчика 13 см. Стенки сосуда чуть выпуклые, его наибольшее расширение — 14 см — приходится на среднюю часть. Толщина стенок — 0,6—0,8 см. Дно плоское с едва заметными закраинами, диаметр днища 12 см. Поверхность сосуда тщательно заглажена и подлощена. На шейке сохранились следы заглаживания, выполненные щепкой или пучком травы. Цвет сосуда — коричневый, в изломе черепок черного цвета. В тесте прослеживается примесь шамота и, вероятно, органики. Следует отметить высокую плотность черепка и некоторую приземистость пропорций сосуда, что в целом не присуще массовой керамике именьковской культуры.

Остальной керамический материал, встреченный в раскопе, характерен для именьковских памятников.

Тот факт, что на этом единственном пока в Самарской обл. могильнике именьковского времени представлен биритуальный обряд погребения, лишний раз свидетельствует о неоднородности именьковской

культуры. Прослеженный ранее на погребальных памятниках именьковского времени на территории Татарстана обычай совместного совершения погребений по обряду трупосожжения и трупоположения (Коминтерновский II, Маклашеевский V, Ташкирменьский могильники [15]), многочисленные западные параллели и вместе с тем присутствие на именьковских поселениях прикамской керамики [16], а также прослеженные во время раскопок на Пролетарском городище элементы взаимодействия именьковской и кушнаренковско-караякуповской культур, свидетельствует о сложных путях формирования именьковского этноса и в целом о неоднозначности этнокультурной истории Среднего Поволжья.

1. Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1959. С. 157—219.
2. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 43.
3. Генинг В.Ф. Очерки ... С. 208—210.
4. Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1964. С. 144—147.
5. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 165.
6. Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. М., 1988. С. 11—13.
7. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 315.
8. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры (САИ. Вып. Д1—32). М., 1967. С. 31.
9. Там же; Старостин П.Н. Племена именьковской культуры и население Прикамья и Приуралья // XIII Уральское археологическое совещание. Ч. II. Уфа, 1996. С. 115, 116.
10. Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 40—57.
11. Сташенков Д.А. О восточных элементах в именьковской культуре // XIII Уральское археологическое совещание. Ч. II. Уфа, 1996. С. 117, 118.
12. Старостин П.Н. Памятники... С. 41.
13. Там же. С. 15, 16; Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 90—104.
14. Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у с. Оселивка. М., 1995. С. 115.
15. Казаков Е.П. К вопросу... С. 40—57; Старостин П.Н. Ташкирменьский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 123—133.
16. Казаков Е.П. К вопросу... С. 46, 47.

Dan Gh. Teodor

ÉLÉMENTS SLAVES DES VIe—VIIIe SIÈCLES AP. J.C. AU NORD DU BAS DANUBE

Les recherches archéologiques concernant la présence des Slaves sur les territoires carpato-danubiens entre le VIe et le VIIIe siècle ap. J.C. tout comme sur le reste de l'espace de l'Europe d'est et centrale, ont eu lieu surtout dans la dernière moitié de notre siècle et elles ont offert aux spécialistes de nombreux résultats importants. C'est par l'intermède de ces amples investigations qu'on a pu obtenir des données d'une remarquable valeur scientifique qui ont complété, dans la plupart des cas d'une manière considérable, les informations des sources écrites sur les Slaves, tout en apportant des contributions significatives à une meilleure connaissanse de l'époque et des voies utilisées par les Slaves pour pénétrer dans les territoires mentionnés, à la précision du contenu de la culture meterielle et de la vie spirituelle de cette population [1], et aussi à la détermination de leurs contacts avec les autochtones romaniœés au sein desquels ils se sont temporairement ou définitivement établis [2].

C'est aussi par l'intermède de l'archéologie qu'on a pu connaître l'importance, l'intensité et la nature des diverses influences subies par ceux-ci dans le carde des longs et complexes processus d'acculturation. Pourtant, il y a encore beaucoup d'aspects concernant la présence et la culture des Slaves dans les régions du nord du Bas Danube entre les VIe et VIIIe siècles ap. J.C. qui sont encore peu ou même pas du tout élucidés, tout en mettant en évidence la nécessité de continuer ces investigations archéologiques.

En ce qui concerne la présence des Slaves dans l'espace carpato-danubien, nous rappelons que, malgré les informations offertes par les sources écrites byzantines qui mentionnent leur existence sur ce territoire dès les premières décennies du VIe siècle, les recherches archéologiques entreprises jusqu'à présent n'ont pas réussi à découvrir des vestiges qui appartiennent sûrement à cette population et qui soient datés avant le milieu du VIe siècle.

Comme on l'a déjà indiqué les plus anciennes découvertes d'origine slave attestées sur le territoire carpato-danubien apparaissent toujours dans des habitats ou des nécropoles et sont d'habitude accompagnées vestiges autochtones romanes, datés stratigraphiquement ou à l'aide des monnaies byzantines, des fibules romano-byzantines et «digitées», des boucles de ceinture, des boucles d'oreille et des bracelets byzantins etc. appartenant dans la plupart des cas à la période de la seconde moitié du VIe siècle et du début du siècle suivant [3].

Jusqu'à présent ce sont seulement les découvertes de Ciorteşti-Iaşi [4], Hansca-Ialoveni [5] et Kodin II — Černovtzy [6] qui pourraient eventuellement être aussi datées dans la première moitié du VIe siècle, mais pas avant le second quart du siècle.

L'absence des vestiges slaves, en général, dans la première moitié du VIe siècle pourrait être expliquée surtout par le caractère extrêmement mobile des groupes des Slaves pénétres dans l'espace du nord du Bas-Danube. Ces groupes étaient constitués en particulier par les éléments militares, formant des détachements de bataille dont le principal but était les attaques contre les villes de l'Empire, de sorte que leur déplacement rapide vers le sud du Danube n'a pu laisser des témoignages consistents de leur passage à travers l'espace mentionné. C'est seulement à l'occasion de la colonisation de la grande masse des groupes slaves des régions du nord du Bas Danube, probablement autour du milieu et pendant la seconde moitié du VIe siècle, époque pendant laquelle les ecrivains byzantins eux aussi les mentionnent fréquement, que les vestiges slaves deviennent visiblement de plus nombreux, étant attestés par l'interméde des recherches archéologiques dans de nombreux endroits et sur de vastes aires.

Comme on le sait déjà depuis quelque temps, les plus caractéristiques éléments slaves du contenu de la culture matérielle slave ancienne de la période des VIe—VIIIe siècles ap. J.C. sont tout d'abord les éléments céramiques (fig. 1). Ceux-ci ont été groupés par les spécialistes en deux groupes principaux, l'un appartenant à l'aspect culturel du type Korčeak [7], attribué aux Sclavins et l'autre mis à la charge de l'aspect culturel du type Penkovka [8], attribue aux Ants.

L'analyse des découvertes d'origine slave connues jusqu'à présent au nord du Bas Danube montre clairement que la céramique du type Korčeak est la plus répandue, étant surtout rencontrée dans les zones entre les Carpates Orientales et le Dniestr et dans la zone d'est de la Plaine de la Valachie, entre les Carpates de Curbure et le Danube et dans une plus petite proportion dans le reste de la Valachie, de l'Olténie, du Banat et dans le sud-est de la Transylvanie. Sur le reste du territoire carpato-danubien et dans la Dobroudja de tels restes céeramiques ne sont pas attestés archéologiquement.

Les plus importants vestiges du type Korčeak sont illustrés par les découvertes de Kodyn I et II, Raškov II—III, Hansca, Botoşana II, Davideni II, Suceava-Şipot, Sărata Monteoru, Şirna, Dulceanca et du territoire actuel de la ville Bucarest dans les régions extracarpatiques [9] et par les découvertes de Poian, Bezid, Cernat et Sălaşuri dans le sud-est de la Transylvanie [10]. Dans quelques-uns des objectifs étudiés (Raškov, Suceava-Şipot, Sărata Monteoru, Bucarest-Ciurel etc.), ce type céramique est rencontré dans une proportion assez grande, parfois même presque 50%, mais dans la plupart des cas il est attesté dans un pourcentage beaucoup plus petit, d'à peine 10—15 % surtout dans les objectifs de la Valachie de l'Oltenie et du Banat.

Au contraire, l'aspect céramique du type Penkovka est beaucoup plus rare et beaucoup de spécialistes l'ont attribué aux Slaves Ants. En ce qui concerne les Ants, nous conciderons nous aussi, tout comme d'autres chercheurs que ceux-ci représentaient en réalité un conglomérat de populations nomades et semi-nomades (les Kutrigures, les Utrigures, les Bulgares Onogures etc.) qui comprenaient aussi des groupes de Slaves, populations qui se

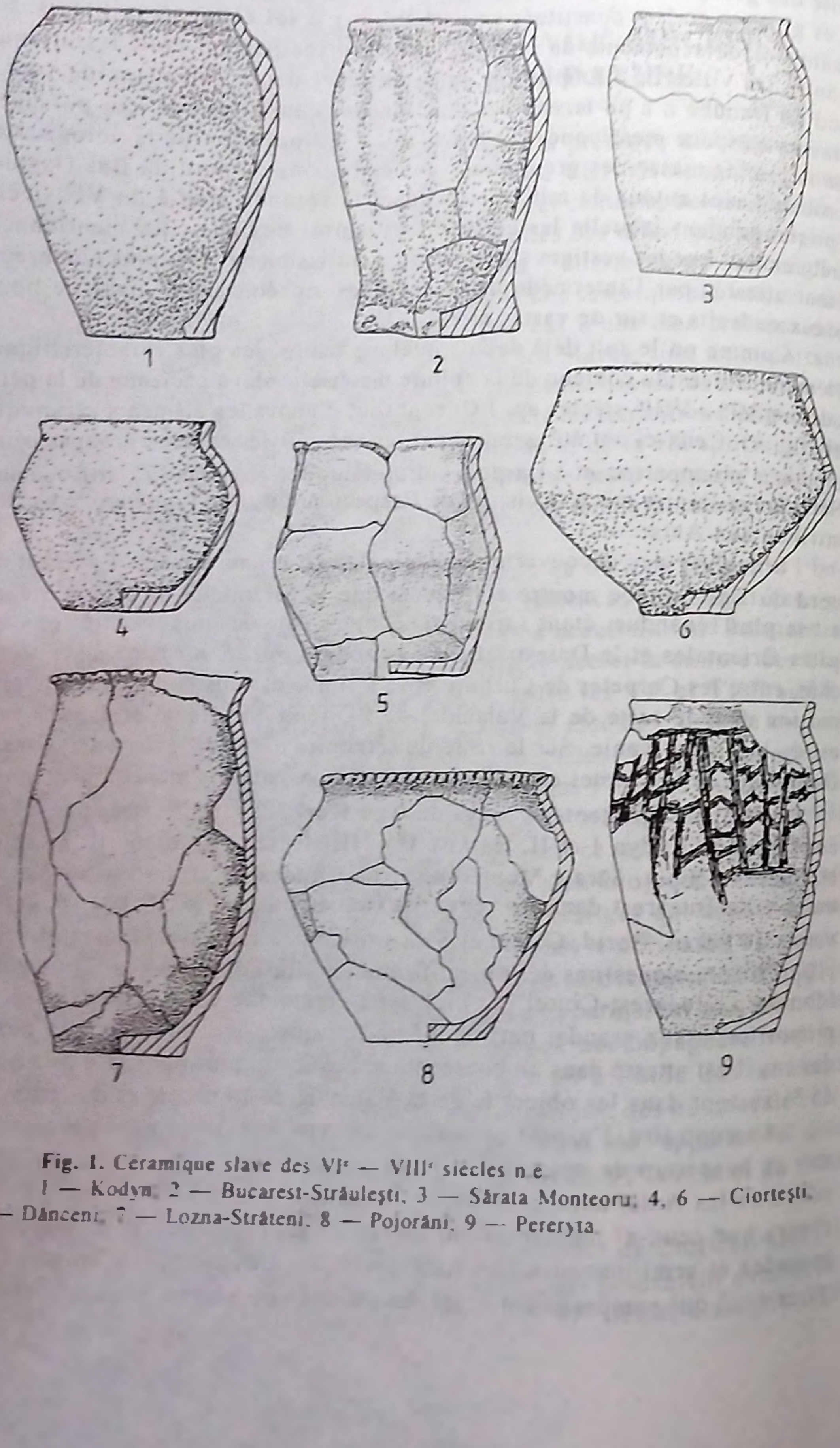


Fig. 1. Céramique slave des VIe — VIIIe siecles n e
1 — Kodyn, 2 — Bucarest-Străuleşti, 3 — Sărata Monteoru, 4, 6 — Ciorteşti, 5 — Dăncen, 7 — Lozna-Stráteni, 8 — Pojorâni, 9 — Pereryta

trouvaient toutes sous la suzeraineté d'une aristocratie militaire alane [11]. C'est pourquoi les restes céramiques du type Penkovka n'indique pas dans tous les cas la présence des groupes de Slaves.

La céramique du type Penkovka est en général, bien moins nombreuse sur le territoire du nord du Bas Danube. Celle-ci est documentée surtout dans les zones de l'est des Carpates, son pourcentage dans les habitats étant pourtant assez bas. La même céramique est aussi attestée assez rarement dans l'est de la Valachie, le sud-est de la Transylvanie et dans les zones de la Dobroudja. Dans quelques-uns des objectifs étudiés dans les zones situées à l'est des Carpates et dans l'est de la Valachie, la céramique du tyoe Penkovka apparait dans des proportions diverses, à côté de la céramique du type Korčeak et celle romaine, du type Costişa-Botoşana-Hansca [12] ou de type Ipoteşti-Cândeşti [13]. Dans les territoires d'Olténie, du Banat et dans la plupart de la Transylvanie la céramique du type Penkovka n'a pas encore été attestée. Dans la plupart des cas, dans les objectifs où ce type céramique a été documenté il s'y trouve d'habitude à côté d'objets vestimentaires et de parure à caractère nomad, dont comme d'origine byzantime, tels les appliques du type Martinovka, les fibules niproviennes du type Pastyrskoe ou anthropomorphisées, les boucles du type Siracuza et Sucidava, les bracellets etc., la plupart de ceux-ci étant produits dans les ateliers gotho-byzantins de la Crimée ou du littoral de nord de la Mer Noire [14].

Le fait que les vestiges céramiques des types Korčeak et Penkovka apparaissent dans les zones de l'est des Carpates et dans l'est de la Plaine de la Valachie à côté de ceux autochtone du type Costişa-Botoşana-Hansca ou du type Ipoteşti-Cândeşti prouve que dans la seconde moitié du VIe siècle les Sclavins et les Ants sont directement entrés en contact avec la population romanisee, beaucoup de groupes de Slaves s'établissant definitivement là bas.

Tout en prenant en considération la répartition géographique des vestiges slaves et surtout les concentrations de certains objectifs de certaines parties de l'espace nord-danubien, on a esssayé de préciser les zones dans lesquelles activaient vers la fin du VIe siècle des chefs militaires slaves comme Ardagast, Musokios, Piragast et Dauritas, mentionnés par les sources écrites de l'époque à propos de l'existence de certains conflits militaires entre les groupes conduits par eux et les armées byzantines. Comme on l'a supposé ces zones étaient situées dans la Plaine du Danube, en Valachie, entre les cours des riviers Dâmboviţa, Ilfov, Ialomita, Buzău et Prut [15]. Dans ces zones pendant la seconde moitié du VIe siècle, quelques «sklavinies» temporaires ont probablement pu se constituer, qui après l'année 602 se sont dispersées, la majorité des Slaves se déplacant dans les régions du sud du Danube où ils se sont définitivement établis [16].

Pourtant des groupes assez nombreux de Slaves ont continué à vivre dans les zones du nord du Bas Danube, en établissant des contacts de plus en plus étroits avec la population autochtone comme le démontrent certains matériaux slaves spécifiques attribués aux VIIe — VIIIe siècles, découverts

Fig. 2. Couteaux à volutes (1—6) et figurines en terre cuite (7—16) des VIe — VIIIe siècles n. è.

1, 9, 16 — Lozna-Străteni; 2 — Alčedar; 3 — Revna, 4 — Trebujeni, 5 — Izvoare-Bahna, 6, 10 — Brăneşti, 7 — Mălăeştii Vechi, 8, 11—12, 14 — Hansca, 13 — Valea Mare, 15 — Dănceni.

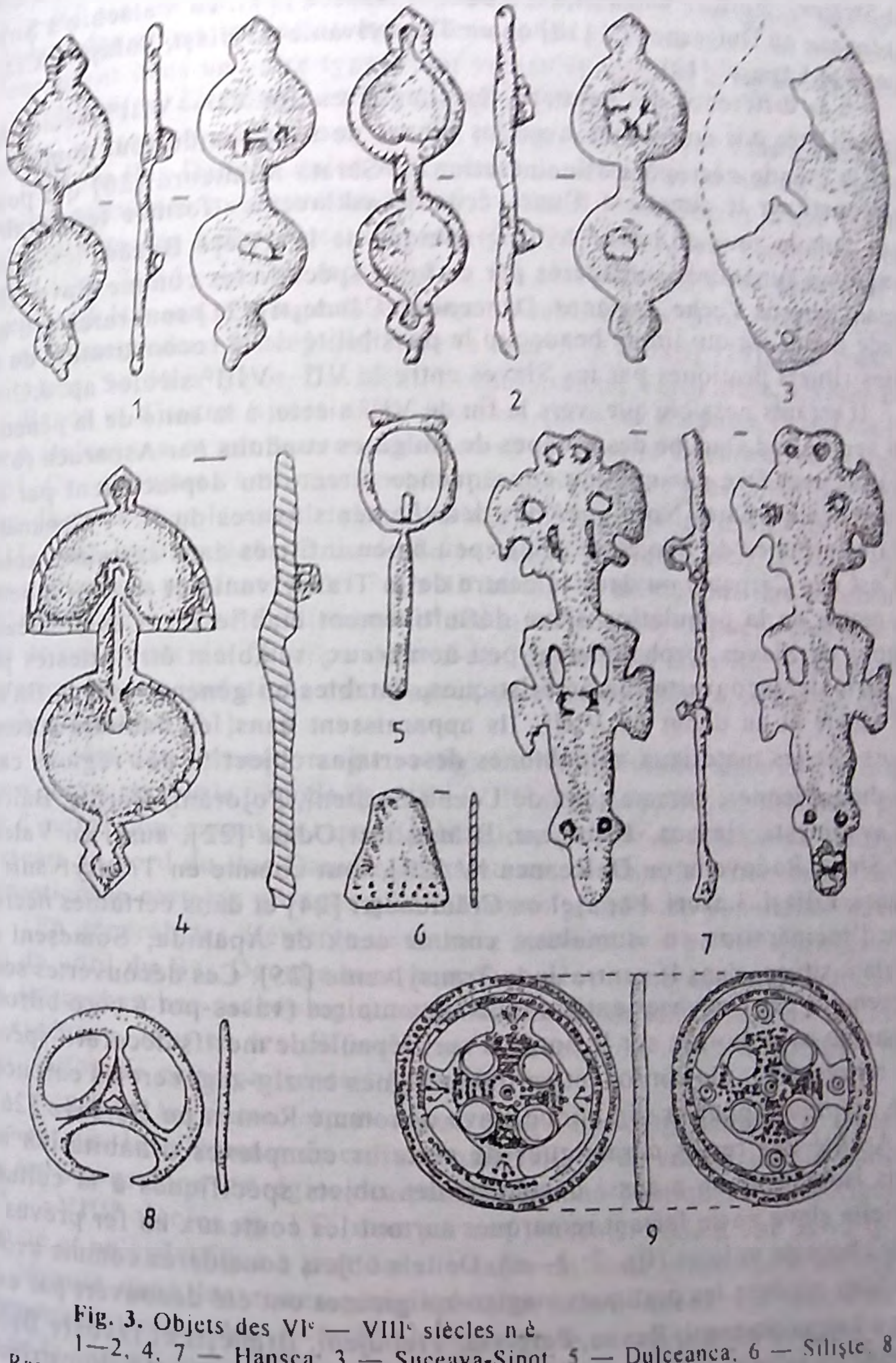


Fig. 3. Objets des VIe — VIIIe siècles n.è.
1—2, 4, 7 — Hansca, 3 — Suceava-Şipot, 5 — Dulceanca, 6 — Siliştea, 8 — Răscov, 9 — Rateşul Cuzei.

aussi bien dans les habitats que dans certains complexes funéraires. De telles découvertes sont connues dans les régions de l'est des Carpates, à Lozna-Străteni, Borniş, Valea Mare, Kodin et Hansca [17], en Valachie à Şirna, Radovanu ou Dulceanca IV [18] ou en Transylvanie à Filiaşi, Sălaşuri, Crăciuneşti et Lăpuşel [19].

À la différence des habitats, les cimetières des VIe—VIIIe siècles qui peuvent être mis en relation avec les Slaves ne sont pas du tout nombreux. Sauf la grande nécropole d'incinération de Sărata Monteoru [20] qui pourrait constituer le cimetière d'une véritable «sklavenie» formée temporairement dans la zone du bassin hydrographique de la rivière Buzău, les autres complexes funéraires considérés par certains spécialistes comme slaves (Sălştea. Cobusca Veche, Cepănos, Dănceni ou Cândeşti) [21] sont rares et d'habitude isolés, ce qui limite beaucoup la possibilité de la reconstitution du rit et des rituels pratiqués par les Slaves entre le VIe—VIIIe siècles ap. J.C.

Il est très possible que, vers la fin du VIIe siècle, à la suite de la pénétration vers le sud Danube des groupes de Bulgares conduits par Asparuch (679/680) ou peut-être comme une conséquence directe du déplacement par les défilés des Carpates Nordiques des détachements avares du IIème Caganath, certains groupes de Slaves se soient peu à peu infiltrés dans certaines zones de l'est des Carpates ou dans le centre de la Transylvanie et se sont ajoutés aux restes de la population slave définitivement établie ici. Ces nouveaux groupes de Slaves, probablement peu nombreux, semblent être attestés par une série de découvertes caractéristiques, datables en général vers la fin du VIIe siècle et au début du VIIIe. Ils apparaissent dans les habitats accompagnés par les matériaux autochtones de certains objectifs des régions carpato-dniestriennes, comme ceux de Lozna-Străteni, Pojorâni, Borniş, Băiceni, Cavadineşti, Hansca, Trebujeni, Braneşti et Odaia [22], aussi en Valachie ŕ Şirna, Radovanu ou Dulceanca IV [23], tout comme en Transylvanie à Sălaşuri, Filiaşi, Lazuri, Lăpuşel ou Crăciuneşti [24] et dans certaines nécropoles d'incinération en «tumulus», comme ceux de Apahida, Someşeni et Nuşfalau, situées dans le centre de la Transylvanie [25]. Ces découvertes sont répresentées par des vases entiers ou fragmentaires (vases-pot à corp bitronconique ou ovale) ornés sur le bord ou sur l'épaule de motifs décoratif spécifique représentant «le cordonnet enroulé», lignes en zig-zag, cercles enfoncées etc., typiques pour la céramique slave dénommé Romen ou Borševo [26].

À côté des restes céramiques de certains complexes d'habitation ou parfois isolement, on a aussi découvert des objets spécifiques à la culture matérielle slave en se faisant remarquer surtout les couteaux en fer prévus à l'un des bout de volutes (fig. 2: 1—6). De tels objets considéres comme avoir été utilisés pendant les pratiques magico-religieuses ont été découvert par exemple à Lozna-Străteni, Revna, Pereryta, Trebujeni, Brăneşti et Izvoare Bahna, localités situées dans la moitié nordique des régions carpato-dniestriennes [27]. La datation de ces couteaux seulement dans la période du VIIIe siècle nous paraît plus proche des réalitées de l'époque respective, parce qu'il ne peut plus ître questio d'une migration slave plus tardive (c'est à-dire les

IXe—Xe siècles ap. J.C.) dans les régions du nord du Bas Danube. Les exemplaires de couteau en fer pourvus de volutes, datés plus tard (dans les IXe—Xe siècles ap. J.C.) comme ceux découverts à Dinogeţia, Bucov ou Madara des zones immédiatement limitrophes au cours inférieur du Danube s'encadrent dans un autre type, étant véhiculés ici dans d'autres circinstances culturelles, économiques et politiques [28].

C'est toujours en liaison avec la présence des Slaves dans les territoire du nord du Bas Danube qu'on doit mettre un série d'éléments de cult. comme les statuettes miniaturales en terre glaise, représentant d'une manière schematique des gens et des animaux (fig. 2: 7—13), tout comme de petits pains (fig. 2: 14—16) en terre glaise. De tels objets ont été découvert par exemple à Hansca, Trebujeni, Mălăeştii Vechi, Odaia, Scoc, Hucea, Dănceni ou Brăneşti dans les régions entre le Prut et le Dniestr [29], tout comme à Botoşana, Suceava-Şipot, Davideni. Lozna Străteni, Valea Mare, Izvoare Bahna, Banca et d'autres situés dans les zones entre les Carpates et le Prut [30] ou à Dulceanca et sur le territoire actuel de la ville Bucarest, en Valachie [31]. Ces statuettes anthropomorphes ou zoomorphes présentent des analogies directes dans le monde slave des régions d'est ou centrales de l'Europe [32], étant utilisés dans le carde de certaines pratiques magico-religieuses. Leur existence pendant les VIIe—VIIIe siècles et même plus tard pendant les IX^eet Xe siècles ap. J.C. attestent d'une manière certe le paganisme des Slaves de ces zones de l'Europe de sud-est, paganisme dont les reminiscences dureront à ces populations même après qu'elles adoptent à une large échelle le christianisme [33].

À côté des éléments magico-religieux ou de culture matérielle d'origine slave, toujours pour la période des VIe—VIIIe siècles ap. J.C. on peut aussi préciser d'autres concernant le type d'habitation, de four et d'annexes ménagères présents au nord du Bas Danube et maintenus pendant le processus de sédentairisation de certains groupes plus ou moins grandes de population slave.

En général, les éléments de culture matérielle et de vie spirituelle slaves du nord du Bas Danube sont beaucoup plus nombreux pour cette période, les recherches archéologiques prochains étant en mesure de les mettre en évidence, tout en les differenciant correctement dans le contexte de la civilisation de cette partie de l'Europe.

Pourtant, les découvertes connues jusqu'à présent démontrent assez clairement que les éléments de culture matérielle et de vie spirituelle véhicules par les Slaves dans les régions carpato-danubiano-pontiques de la période des VIe — VIIIe siècles ap. J.C. sont partout présents, étalant une assez grande variété et un spécifique à part dans le cadre du vaste processus d'acculturation déroulé dans les zones géographiques mentionnées. La précision des éléments slaves des VIe — VIIIe siècles dans le contexte général de l'évolution de la société de ces régions présente sans doute une importance particulière, car c'est par leur intermède qu'on offre la posibilité d'une meilleure connaissance des contributions que les Slaves ont apporté à la définition des traits qui caractérisent la civilisation de cette partie de l'Europe de sud-est.

1 Teodor D Gh Slavii la nordul Dunării de Jos în secolele VI—VII d Hr // Arheologia Moldovei XVII 1994 P 223—251
2 Nestor I Dominația avarilor și așezarea slavilor // Istoria poporului român Bucarest, 1970 P 102—107, Teodor D Gh Autohtoni si slavi în spațiul carpato-dunăreano-pontic în secolele VI—VII d Hr // Din istoria Europei romane Oradea, 1955 P 286—294
3 Teodor D Gh Slavii la nordul Dunării P 230—231
4 Iconomu C Descoperiri arheologice din secolul al VI-lea în comuna Ciortesti, jud Iași // Arheologia Moldovei XIV 1991 P 106—116
5 Postică Gh Românii din Codrii Moldovei în evul mediu timpuriu Chișineu, 1994 P 104—109
6 Русанова И П, Тимощук Б А Колын — славянское поселение V—VIII вв. на р.Прут М., 1988 С 27 46—53 Рис 3 1—3, 7
7 Петров В П Раннеславянские памятники корчакского типа // Археологія XIV Київ, 1962 С 3—14 Русанова И П Славянские древности VI—IX вв между Днепром и Западным Бугом М., 1973 С 8—79, Седов В В Восточные славяне в VI—XIII вв М., 1982 С 10—19
8 Русанова И П Памятники типа Пеньковка // Проблемы археологии Л., 1978 С 114—118, Седов В В Восточные славяне С 19— 28
9 Teodor D Gh Slavii la nordul Dunării P 229—230
10 Székély Z Slavii și populația băstinașă în sud-estul Transilvaniei // Aluta III Sfântu Gheorghe 1971 P 131—134, Idem Așezări din secolele VI—IX în sud-estul Transilvaniei // Aluta VI—VII Sfântu Gheorghe 1974—1975 P 35—46
11 Vernadsky G On the origins of the Antae // Journal of the American Oriental Society 59 1938 P 96—112, Brătianu Gh Neagră Marea De la origini până la cucerirea otomană Vol I București, 1988 P 216—217, Teodor D Gh Unele considerații privind originea anților // Arheologia Moldovei XVI 1993 P 205—213, Corman I Migrațiile din sec V—VII în spațiul carpato-nistrian (Problema anților) // Revista Arheologică I Chișineu, 1993 P 93—99
12 Teodor D Gh Conceptul de cultură «Costișa-Botoșana» Considerații privind continuitatea populației autohtone la est de Carpați în secolele V—VII e n // Studia Antiqua et Archeologica I Iași, 1983 P 215—225, Idem Civilizația romanică la est de Carpați în secolele V—VII e n Așezarea de la Botoșana-Suceava Bucarest, 1984
13 Dolinescu-Ferche S La culture «Ipotești-Cândești-Ciurel» La situation en Valachie // Dacia XXVIII 1984 № 1—2 P 117—147
14 Teodor D Gh Slavii la nordul Dunării P 230—234
15 Nestor I Dominația P 104, Comșa M Unele considerații privind situația de la Dunărea de Jos în secolel VI—VII // Apulum XII Alba Iulia, 1974 P 303—313
16 Teodor D Gh Slavii la nordul Dunării P 227
17 Русанова И П, Тимощук Б А Колын С 10—45, Teodor D Gh Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e n Iași, 1978 P 43—44, 81—82, Postică Gh Românii P 104—109
18 Comșa M Unele date privind așezarea din sec VI—VII de la Radovanu, jud Ilfov // Muzeul National II Bucarest, 1975 P 335—342, Olteanu Șt, Teodorescu V, Neagu N Rezultatele cercetărilor arheologice de la Șirna (jud Prahova) cu privire la secolele III—XI e n // Materiale-Oradea 1979 P 277—279, Idem Rezultatele cercetărilor arheologice de Șirna-Prahova // Materiale-Tulcea 1980 P 417—419, Olteanu Șt, Neagu N Rezultatele cercetărilor de la Șirna-Prahova // Materiale-București 1983 P 384—386, Dolinescu-Ferche S Habitats des VIe et VIIe siècles de notre ère à Dulceanca IV // Dacia XXXVI 1992 P 153—177
19 Székely Z Așezări P 35—46, Popa R, Harhoiu R Mărturii arheologice din Maramureș aparținând mileniului I e n // Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie 40 Bucarest, 1989 3 P 258—261, Stanciu I Așezarea preteudală de la Lăpușel, jud Maramureș // Ephemeris Napocensis IV Cluj-Napoca, 1994 P 302—308
20 Nestor I La nécropole slave d'époque ancienne de Sărata Monteoru // Dacia I 1957 P 289—295
21 Сергеев Г П Раскопки средневекового славянского поселения в Кобуски Вехе (Мол-

давская ССР) // Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 297—307; Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Работы Реутской археологической экспедиции // Археологические исследования в Молдавии. 1972. Кишинев, 1974. С. 136—140; Приходнюк О.М. Раннеславянские поселения в Среднем Поднестровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 226; Teodor D.Gh. Новые данные о славяных в Карпатско-Дунайских областях в VI—VII вв. н.э. // Interaktionen der Mitteleuropäischen Slawen und andere Ethnika im 6.—10. Jahrhundert. Nitra, 1984. С. 261, 262, 264.

22 Teodor D.Gh. Teritoriul... P. 43—44, 81—82. Fig. 47: 2; 51: 8; Рафалович И.А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 169. Рис. 28: 3, 6—7, 29: 5—7.

23 Dolinescu-Ferche S. Habitats... P. 158—177. Fig. 29: 8, 12—13.

24 Székely Z. Aşezări... P. 35—46; Popa R., Harhoiu R. Mărturii... P. 258—261; Stanciu I. Aşezarea... P. 267—322.

25 Macrea M. Славянский могильник в Сотешени // Dacia. II. 1958. P. 351—370; Idem. Necropola slavă de la Someşeni (r. şi reg. Cluj) // Materiale. V. Bucarest, 1959. P. 519—527; Idem. Şantierul arheologic Someşeni-Cluj // Materiale. VI. Bucarest, 1959. P. 515—522; Comşa M. Săpăturile de la Nuşfalău // Materiale. VII. Bucarest, 1961. P. 519—529; Rusu M. Note asupra relaţiilor culturale dintre slavi şi populaţia românească din Transilvania (sec. VI—X) // Apulum. IX. Alba Iulia, 1971. P. 722.

26 Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. М., 1958. С. 32, 42. Рис. 18: 19; 24. 1—5; Седов В.В. Восточные славяне... С. 51, 136. Табл. XVII: 7—8; XXXIII: 13, 16.

27 Mitrea I. Elemente slave în cultura secolelor VIII—X din spaţiul carpato-danubiano-pontic. Cuţitele cu volute şi semnificaţia lor // Din istoria Europei Romane. Oradea, 1995. P. 295—300.

28 Idem. P. 298.

29 Рафалович И.А. Славяне... С. 117—120. Рис. 18: 1—4, 11, 13; Он же. Исследования раннеславянских поселений в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии (1970—1971 гг.) Кишинев, 1973. С. 153. Рис. 10: 10; 11: 7—8; Теплов Н.П., Рабинович Р.А. Результаты работ на поселении Скок // Археологические исследования в Молдавии 1985 г. Кишинев, 1990. С. 206, 210.

30 Teodor D.Gh. Teritoriul... P. 21. Fig. 7: 24. Idem. Civilizaţia... P. 35. Fig. 26: 2 (une grande partie des découvertes sont encore inédites).

31 Dolinescu-Ferche S. Habitats... P. 128, 172—175. Fig. 7: 1—5, 14: 6, 22, 16: 2, 20: 7—8, 10—11, 15; Idem. Ciurel, habitat des VIe — VIIe siècles de notre ére // Dacia. XXIII. 1979. P. 223. Fig. 11: 4—5.

32 Novotny B. Hromadný nález hliněných votivnich symbolu ze Slovanskeho knižeciho hradu u Mikulčic // Památky Archeologické. LVII. 1966. P. 649—685.

33 Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.

Кирил Трайковски

ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ МАКЕДОНИИ

Объектом исследования является восточная часть Республики Македония (рис. 1), которая в материалах исследований болгарских и греческих археологов приобретает контуры одного историко-географического целого.

Macedonia secunda [1], Macedonia salutaris [2], а также и Dacia mediterranea [3] — это римские провинции, которые охватывают территорию в виде географо-исторического сегмента, расположенного между реками Axios (Великая) или Вардар на западе и Strymon (Струма) на востоке. На юге расположен горный массив Беласица, откуда видны Салоникская низменность и Салоники, расположенный в 60 км от этого исторического, а в данном случае и археологического региона.

Ранний византийский период здесь обозначен префектурой Illyricum, имеющий свои административные, церковные и культурные различия, в которую следует включить и наши археологические наблюдения. Заслуживает внимание то, что Восточная Македония, которая может оказаться и эссенциональной, полностью входит в состав греческой и латинской антропологической сферы [4]. С исторической или лингвистической точек зрения до настоящего времени проводились грани между двумя культурами, расположенными севернее или южнее Восточной Македонии [5]. В последние два десятилетия новый археологический материал изменил эти границы, выявив широкую зону переплетения, где центральной линией была долина реки Брегалницы. Она являлась главной транспортной связью, существующей от античных времен до настоящего времени.

Находки V в. полностью подтверждают информацию официальных и церковных документов, написанных как на греческом, так и на латинском языках [6]. Что касается пятого века и, в частности, периода владычества Анастия I, когда у славян серьезно были выражены желание и идея завладеть Балканами, в Восточной Македонии существовала сформировавшаяся материальная и духовная археологическая категория, для которой понятие «Позднеантичная» керамика было неуместным [7]. Достаточно самых общих наблюдений относительно оборонительных систем, схем городских поселений и религиозных мест и объектов, а также всего утилитарного инвентаря, чтобы эту территорию в археологии включить в раннесредневековую. Эту картину и застали славяне, которая в начале не произвела на них особых впечатлений.

Если перелистать историю балканских стран за период проникновения и переселения славян, почти без исключения столкнемся с поло-

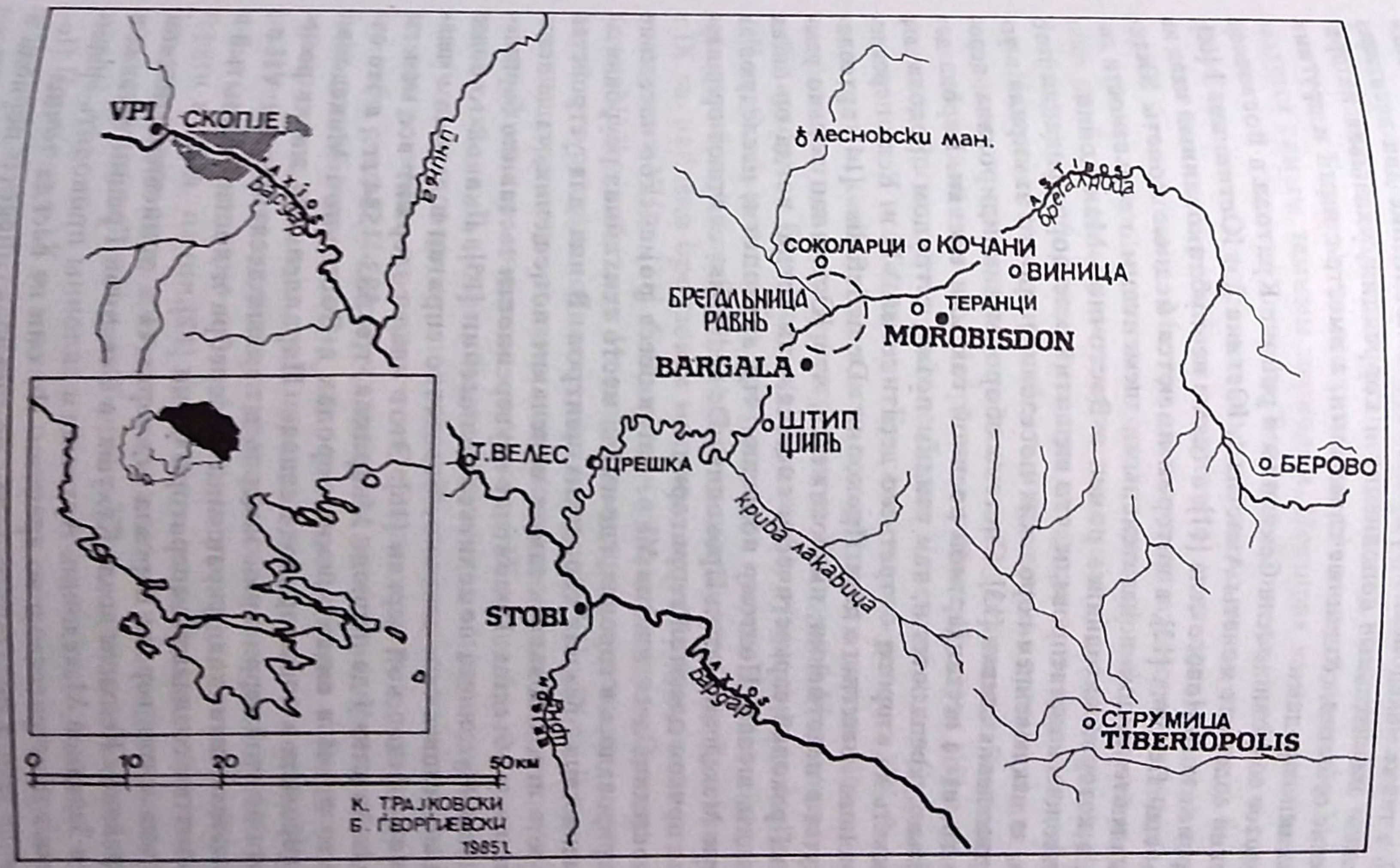


Рис. 1. Карта Восточной Македонии с наиболее важными византийско-славянскими поселениями

бными историческими моментами, схема которых базируется исключительно на данных византийских летописцев. Недовольные этим балканские [8], а также македонские [9] нумизматы в последние два десятилетия сделали значительные дополнения и коррекции, указывая на драматические события, созданные славянами, а вместе с ними и другими варварскими народами.

Золотое сокровище села Секулицы в районе Кратова в Восточной Македонии содержат монеты Анастия I, Юстина I и Юстиниана I [10]; клад струменского Нового села [11], а также неопубликованный клад из окрестностей Петрича [12], в котором имеются медные монеты Юстиниана, являются весьма показательными элементами о серьезности ситуации, в которой находились ромеи в Восточной Македонии.

Археологи констатировали, что византийские фортификации того времени, за исключением городских поселений, просто замирали в условиях расселения славян [13]. Система обороны ликвидирована, вероятнее всего, из-за нестандартной военной тактики славян. Города дополнительно укрепляются и, как увидим позже, с трудом продолжают существовать до второго — третьего десятилетий VII в. Если перелистать страницы известного дела Прокопия «De aedeficiis» [14], археологи окажутся в недоумении, им покажется, что Юстиниан горько улыбается, а Прокопий саркастически смеется, как тогда, когда он писал дело Historia arcana. Поэтому полагаю, что археологи, исследующие Восточную Македонию, труд Прокопия «De aedificiis» считают ординарным панегириком для этой территории.

В последние десятилетия VI в. оставшееся ромейское население сконцентрировалось в городах, где имела место стихийная реурбанизация и смена типа прежних городских центров. В них для устройства жилого уюта использовались самые маленькие помещения, чаще всего в общественных объектах. Положение неуверенности заставило баргальского жителя Мусониоса помолиться о спасении [15], а какой-то более практичный человек свое денежное богатство спрятал в льняном мешке в районе епископской церкви [16]. Этот клад содержит все монеты от периода Анастия I до периода Маврикия, т.е. 583—584 гг., а это означает, что жизнь в византийских городах в Восточной Македонии функционировала и после прихода славян. Параллельная жизнь ромеев и славян на этой территории замерла в первых десятилетиях VII в., о чем свидетельствует клад украшений из серебра и кости, открытый в Баргале вместе с солидами императора Фоки [17].

Картина жизни города Баргала повторяется в ранневизантийском городе в районе с.Колхиды возле Кукуша, в Северной Греции, а также в г.Битола в Западной Македонии. Археологи склонны проводить границы и рамки в пространстве и во времени. Но они не всегда точны. Поэтому в виде тезиса предлагаем конец ранневизантийского периода в Восточной Македонии отнести к первым двум-трем десятилетиям VII в., что совпадает и с началом стабилизации славян в этой части Балкан.

Византийско-славянский период приходится на диапазон между VII и IX вв. Это период стабилизации славянского этноса и, в то же время, период ромейской нелегальности, когда византийское царство находится в тотальной депрессии. Если средние века представляют темные века в истории Европы, то византийско-славянский период в Македонии является самым темным периодом. Невзирая на то, что в пасхальной хронике, а также в записях Теодора Синкела, Теофана и патриарха Никифора имеются драгоценные данные о жизни славян на Балканах и их отношениях с ромейским царством, исследователи этой проблемы крайне беспомощны. Материальные доказательства настолько скромны, что они даже в сочетании с исторической информацией составляют лишь приблизительную схему жизни византийско-славянского периода. Необходимо особое внимание при интерпретации археологических данных. Недостаточность и слабость исследования призывает нас к особой осторожности при вынесении каких-либо заключений. Выявленный славянский жилой дом в с. Дебреште в районе Прилепа [18] и землянки в самуиловой крепости в районе Долно Церево вблизи р.Струма [19] помогают нам в исследовании Брегалничского региона [20]. Зафиксированы урны и сожженные кости в окрестности города Штипа — административного и культурного центра Восточной Македонии, в с. Старый Караорман близ того же города обнаружен горшок периода VII—VIII вв. Особую ценность представляют могилы у крепостных стен ранневизантийской Баргалы, где наряду с керамическими фрагментами VIII и IX вв. найдена бронзовая матрица, которая на основании аналогий относится к VII в. [21]. Славянским украшением из с.Оризари в районе Кочани [22] и монетами Иоанна Цимиския исчерпывается достоверный фонд этого региона, относящийся к периоду VII—IX вв. В долине р.Брегалница зарегистрировано еще несколько археологических объектов, содержащих керамические материалы IX в., но без заметных архитектурных следов. В византийских источниках встречаются живописные и, надеемся, достоверные изображения славянского жилого дома, вероятно, построенного из легкого материала, который редко оставляет какие-либо следы. Поэтому славянские поселения, прежде всего села, не были долговечными и их непрерывность можно наблюдать лишь по горизонтали, т.е. в частой перемене их местоположения [23]. Старые византийские поселения в первое время не вызывали особых восхищений у славян, однако их инфраструктура и экономический потенциал округи в IX в. начинают привлекать их внимание и они заселяют их. Это поселения сельского характера, но из них в процессе реурбанизации, наступившей в X и особенно в XI вв., появятся будущие городские центры.

Переходя к IX в. и желая показать его посредством предметов хранящихся в Музее Македонии под рубрикой «Славяно-македонский период», необходимо напомнить, что эта территория не была охваченной административным устройством по фемам, а все еще находилась в рам-

ках склавиний, о которых Б.Бабич пишет, что они имели признаки независимых культурных и этнических ассоциаций с государственными элементами [24]. Возможно, что историческая реальность находится в промежутке, но в обеих исторических категориях лежит византийская подчиненность в противовес желанию включить эту часть Македонии в христианскую ойкумену. В рамках болгарского государства Бориса-Михаила и Симеона Восточная Македония получает свою общность, был открыт путь к возвращению этой территории в так называемую «первую зону Византии».

Используя «Солунскую легенду», посвященную делу Константина Философа — Святого Кирилла [25], а также произведение великого эрудита архиепископа Теофилакта Охридского о 15-ти тивериопольских мучениках [26], археологам удалось истолковать приемлемое местоположение г.Равена [27], где, согласно легенде, Константин Философ написал славянские буквы. Мы считаем, что город Равен то же самое, что и город и епископия Брегалница [28].

Необходимо заинтересовать славистов-лингвистов множеством надписей в этой части Македонии, чтобы они связали их с контекстом появления славянской письменности или игнорировали этот факт [29].

Религия славян уже реализуется в построенных в то время церквях, которые часто встречаются в брегалницком и струменском краях. Считаем, что их датирование в старой литературе IX и X вв. [30] слишком удревлено, но в данном случае важны их небольшие размеры с крайне ограниченными функциональными возможностями. Это, разумеется, тоже один из показателей неоконченной христианизации славян в этих веках. С целью укрепить позиции церковный аппарат использует «чуда» в разных вариантах, как это описано в произведении упомянутого Теофилакта Охридского о перемещении мощей святых 15-ти тивериопольских мучеников в г.Брегалница. Другой случай, где осуществлена подобная идея — это г.Моробисдон: там в раннехристианской среде захоронены мощи пяти мужчин и все это входит в состав корпуса епископского храма X—XI вв. [31].

Духовное превосходство в XI в. полностью принадлежит Византии, что непосредственно отражается также в искусстве. Нас не должны удивлять большие сходства церкви в Мородвисе с мелнической церковью Св. Николая [32] и епископской церковью в Каламбвке в районе Метеоры в Фесалии [33].

Славянское включение в византийскую государственную систему в рамках тем и архонтий, т.е. славяно-архонтий восточно-македонской территории, подтверждают документы XI и XII вв., где наряду с фемой Струмица упоминаются также архонтии Радовиш и Кампа, но, разумеется, они были не единственными [34].

Средневековая жизнь в селах и городах стабилизируется. Обновляются ранневизантийские укрепления согласно требований новой военной стратегии и тактики. Наряду с традиционными земледелием и

животноводством большой подъем испытывает металлургия, особенно в Осоговских горах [35]. Отмечается прогресс традиционных ремесел VII в., которые через IX переходит в XII в. Торговля перешагнула границы Македонии и нередки были связи даже с малоазийскими фемами. Прежняя часть жизни фиксируется в некрополях, где нередки языческие обычаи.

Последний период в истории материальной и духовной культуры Славянской Македонии отмечен подъемом болгарского и сербского государств, а также постоянными проникновениями крестоносцев. Это период серьезных колонизаций с востока и подъема валашского самосознания. Балканский этнический веер создает униформенный материал от Дуная до Эгейского моря, а уже в VII—XIV вв. появляются также единые фольклорные элементы [36].

Классовое расслоение общества позволяет богатым пользоваться вещами, изготовленными в византийском стиле. Строительство является отражением общего культурного симбиоза Византии и славян. В таком состоянии Македонией и Балканами завладевают новые поработители — турецкие оттоманы.

1 Меловски Х., Проева Н. Македонија во делото De Thematibus на Константин Порфирогенит // Živa antika. God. 37. Sv. 1—2. Скопје, 1987. С. 26.

2. Κωνσταντακοπουλου Α. Η Επαρηια Μακεδονια Σαλυταρις. Δοδωνη10, Ιωανινα, 1981. 85—100.

3 Венедиковъ И. Земите по средния Вардаръ. Скопие, 1943. С. 28.

4 Brato? R. Die fruhchristliche Kirche in Makedonien und ihr Verhaltnis zu Rom // Klassisches Altertum, Spatantike und fruhes Christentum. Wurzburg, 1993. S. 534.

5. Папазоглу Ф. Македонски градови у римско доба. Скопје, 1957. С. 45, 80—86.

6 Димитрова Е. Керамичките рељефи од Виничкото Кале. Скопје, 1993. С. 203—206.

7 Трајковски К. Поглед врз средновековната археологија на Брегалница // МАА. 13. Скопје, 1992. С. 273.

8 Lemerle P. Invasion et migrations dans les Balkans // Revue historique. Paris, 1954. P. 211. Yurukova I. Les invasions Slaves au sud du Danube d'apres les tresors monetaires en Bulgarie // Byzantino-bulgarica. 3. 1969. P. 256—261. Popovic V. La descente des Koutrigours, des Slaves et des Avars vers la mer Egee. le temoignage de l'arheologie // Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1978. P. 607, 610. 614.

9. Кондијанов Ј. Прилог за упадот на Кутригурите на територијата на Илирик во 540 година // Македонскі Нумизматични Гласник. 1. Скопје, 1994. С. 75—81.

10 Ivanišević V., Kondijanov J. Le tresor de Sekulica // Revue historique. VI serie. T. XXXIV. Paris, 1992. S. 77—99.

11 Kondijanov J. The Early Bizantine Hoard from Novo Selo, near Strumica // Maced. Num. Jour. 2. Skopje, 1966. P. 95—104.

12. Информација од Ј.Кондијанов.

13 Трајковски К. Поглед.. С. 273—274.

14 Византиски извори за историју народа Југославије. Т. I. Београд, 1955. С. 59—62.

15 Aleksova B., Mango C. Bargala: A Preliminary report // Dumbarton Oaks Papers. 25. Washington, 1971. P. 271.

16 Там же. С. 274, 275.

17 Алексова Б. Епископијата на Брегалница. Прилеп, 1989. С. 67.

18 Бабик Б. Материјалната култура на Македонските Словени во светлината на архе-

олошките истрадувања во Прилеп // Прилог за историјата на културата на македонскиот народ. Прилеп, 1986.
19 Пляков З. Областа на средна Струма през VI век. Заселване на славянско население // Paleobulgarica. XIX. 3. София, 1995. С. 96.
20 Белдедовски З. Брегалничкиот басен во римскиот и раниот средновековен период // Зборник. VI. 1990. С. 45—66.
21 Там же. С. 45. Рис. 34.
22 Алексова Б. Археолошки ископувања во с. Оризари-Кочанско // Зборник. III. 1964. С. 90.
23 Трајковски К. Поглед. С. 274.
24 Бабик Б. Денешните територии на Република Македонија и Република Албанија во VII и VIII век // Цивилизации на почвата на Македонија. Скопје, 1995. С. 162.
25 Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 283.
26 Теофилакт Охридски. **Мжчениčството на светит'k славни 15 свещ теномжченици** // Сборник Български АН. Кн. XXVII. София, 1931. С. 239—269.
27 Trajkovski K. Srednovekovniot grad Morodvis vo Makedonija // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987. С. 93. Трајковски К. Средновековната археологија на Брегалница // Дело. 74. Кн. 5. Штип, 1985. С. 406—409.
28 Трајковски К. Брегалничката епископија во светлината на најновите археолошки истражувања // Зборник Светите Климент и Наум Охридски. Скопје, 1995. С. 34.
29 Алексова Б. Епископијата... С. 197.
30 Miljkovic P. L'eglise de la Vierge du village Teranci dans les environs de Kočani // Ayonnement Grec. Bruxelles 19. P. 455—457.
31 Трајковски К. Ранохристијанска гробница во Мородвис // Лихнид. 7. Охрид, 1989. С. 90.
32 Stransky A. Les ruines de L'eglise St. Nicolas á Melnik // Atti del V Congresso di studi byzantini. II. Roma, 1940. P. 422—427.
33. Πιπας Ι. Ο Ιππος ναος τις κοιμνεως της θεοτοκου εν Καλαμπακα. Καλαμπακα, 1977. 9—35.
34 Кремановић Б. Податак о словенској архонтији из XI века // Зборник радова Византолошког института. Кн. XXXIV. Београд, 1995. С. 71—76.
35 Керамитчиев А. Старото рударство и металургија на Македонија. Скопје, 1977.
36 Trajkovski K. The medieval necropolis «Crkvište» at Morodvis // Зборник Музеј на Македонија. I. Археологија. Скопје, 1995. С. 207—209.

А.И.Филюшкин

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЛАВЯНСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ У ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Изучение славянского самосознания на основе письменных источников является одним из важнейших направлений исследования славянского этногенеза [1]. По словам В.Д.Королюка, в средневековье вопрос об этническом развитии — это вопрос о том, осознавали ли себя славяне как единую общность, что выражалось через идею о происхождении от общего предка и единство языка [2]. В XII—XVII вв. историками того времени был создан ряд концепций, объясняющих появление славянства на мировой арене. Это были первые попытки осмысления процесса славянского этногенеза, поиска прародины славян, их этнических корней.

Историография нового и новейшего времени относилась к средневековым историческим построениям весьма скептически. И.Первольф заявлял, что эти сказки о славянском этногенезе «не имеют никакой научной цены» [3]. Большинство исследователей разделяли позицию И.К.Кирпичникова, который назвал их «образцом фантастики, то живой и остроумной, то педантически нелепой» и говорил: «Я оставляю в стороне эти измышления книжников» [4]. А.С.Лаппо-Данилевский уже прямо обвинял их авторов в торможении развития науки: они вносили «... ложные приемы исторического повествования, скорее мешавшие, чем способствовавшие развитию научных методов исторического построения» [5]. Следуя данной традиции, ученые, как правило, ограничивались обзором средневековых легенд о славянском этногенезе, не стремясь к их углубленному анализу [6].

Между тем, представляется верной позиция А.Н.Робинсона: негативное отношение ученых к средневековым концепциям — это всего лишь обычная критика поздними историками своих предшественников. Для XII—XVII вв. данные концепции были достаточно зрелыми и отвечали уровню развития науки того времени. А.Н.Робинсон выделял три этапа в их формировании: 1) XII—XIV вв. — балканская теория (Вавилония — Иллирия — Славяне); 2) XV—XVI вв. — сарматская теория (Вавилония — Кавказ — Дон — Сарматия — Славяне); 3) с XVI в. — вандальская теория (Вавилония — Скандинавия — Сарматия — Славяне) [7].

В настоящей работе мы попытаемся внести ряд уточнений и дополнений в предложенную А.Н.Робинсоном схему развития представлений о славянском этногенезе у восточноевропейских средневековых авторов. Изучение данного вопроса, на наш взгляд, представляет интерес не только для анализа становления взглядов исследователей на проблему происхождения славян, для изучения славянского самосознания в период

средневековья. В летописных концепциях в легендарной, сказочной форме, но все же были обозначены основные направления поиска славянской прародины, которые присутствуют и в построениях современных ученых. Поэтому, отдавая себе отчет в условности этнографических легенд летописей и хроник, обусловленной провиденциалистским мироощущением авторов того времени, необходимо признать предвосхищение ими целого ряда гипотез о местонахождении и путях поиска прародины славян.

Первым восточноевропейским автором, выдвинувшим развернутую концепцию происхождения славянства, бал Нестор в «Повести временных лет». По выражению М.Приселкова, «никогда позднее русское летописание в вопросах о том, «откуда пошла Русская земля», не поднималось на такую ступень ученой любознательности, как в начале XII в.» [8]. Версия Нестора хорошо изучена, и нет нужды на ней подробно останавливаться. Но необходимо отметить один момент, оставшийся вне внимания ученых. При определении места славянства среди других народов летописец включил его в число потомков библейского Иафета, сына Ноя, сделав вставку в заимствованный им из византийских хроник перечень этих потомков. По А.А.Шахматову, он взял его из Хроники Амартола, Болгарского Хронографа и Хронографа особого состава, соединяющего в себе Хронику Малалы, Хронику Георгия Синкелла, Еллинский летописец 1-го и 2-го вида и Архивский Хронограф. По В.М.Истрину, он был заимствован из Хроники Амартола и «Хронографа по великому изложению» [9]. В византийских хрониках в составе потомков Иафета славян нет, и Нестор вписал их после иллириков, заимствовав, с точки зрения А.Г.Кузьмина, этот тезис из «Сказания о славянской грамоте». Данные построения представляются верными, но надо заметить, что, вопреки мнению исследователей «Повести временных лет», Нестор был не первым, кто включил славян в число потомков библейских Иафета.

Впервые это сделали арабские историки IX—X вв. Абуль Мундир Гишам ибн-Мухаммед (Аль-Кальби; ум. 819 г.) писал, что потомками Ланты, сына Кашлухима, сына Иафета, были: «Саклаб, Армини, Ифранджи (франки), Юнан (древние греки), Фарс (персы), Рум (византийцы) и др. В книге «История царей» Абу-Джафара Мухаммеда ибн-Джарира ибн-Язида ат-Табари (ум. 922 г.) в группу детей Иафета объединены турки, славяне, яджуджи (грузины) и маджуджи (аджарцы). У Абуль Хасана Али ибн-Хусейна (Аль-Масуди: писал в 950-е гг.) в данном перечне названы: славяне, русы, хазары, персы, мидийцы и др. Сходный состав потомков Иафета содержится в «Книге познаний» Абу-Мухаммеда Абдаллаха ибн-Мусаллима (Ибн-Кутайбы, ум. 889 г.) [10].

Здесь необходимо отметить, что в восточных перечнях потомков Иафета (т.е. народов, исходивших из одного корня) славяне поставлены в один ряд с азиатскими народами: турками, персами, мидийцами и др. Если в случае с Нестором мы можем считать выведение славян из

Вавилонии данью христианской историографической традиции, то тут перед нами свидетельство, определенно указывающее на бытовавшее в раннем средневековье мнение о восточных корнях славян. Такие представления могли сформироваться под влиянием сирийской историографии VI—VIII вв., помещавшей упоминающихся в Коране (18 сура, стихи 82—102) потомков Иафета Гога, Магога и Наваля недалеко от народа hros, в котором Н.В.Пигулевская склонна усматривать наиболее раннее упоминание русов [11].

Версия «Повести временных лет» содержит как бы двойное указание на прародину славян: иллирийскую — в «Сказании о славянской грамоте», помещенном под 898 г.: «... ту бо есть Илюрик, его же дохо-дил апостол Павел, ту бо беша словени первое»; и несколько более конкретизированную — дунайскую. Согласно последней, после разделения земель между детьми Ноя «сели суть словени по Дунаеви, где ныне Угорьска земля и Болгарьска, и от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте» [12]. Здесь, как неоднократно указывалось учеными, имеет место наслоение двух разных концепций предыстории славянства. И та, и другая получили в средневековье свое дальнейшее развитие.

Наибольшую популярность у восточноевропейских авторов в XII—XVII вв. имела иллирийская теория. В.Н.Златарский связал ее появление с творчеством кружка Константина Преславского в 893—894 гг. [13]. В дальнейшем она получила оформление в виде легенды о братьях-хорватах Лехе и Чехе, основателях славянских государств. Отзвуки ее, по указанию А.М.Панченко, содержатся еще в легенде X в. Кристиана о Вячеславе и Людмиле [14]. В «Чешской хронике» Козьмы Пражского (1045—1125 гг.) упоминается основатель первого поселения в Чехии по имени Чех [15]. В начале XIV в. в чешской рифмованной хронике Далимила фигурирует хорват «Лех по имени Чех». В 1374 г. хронист Ян с Пулкавы создал двух братьев — Леха и Чеха (эпоним lechitae встречался ранее у Кадлубека и францисканского хрониста Межвы). В конце XIV в. автор Шленской хроники Петр с Бычины сформулировал, что от Чеха — чехи, а от Леха — лехи, поляки. В рамках «Великой хроники» Польши (XIV в.) была создана легенда о трех братьях: Лехе, Чехе и Русе. Славян эта хроника выводила из Паннонии и считала их потомками внука Иафета Пана, «великого господина» — «maior dominus» [16].

По выражению Б.Н.Флори, «социальная и этническая функции этого предания очевидна. Оно утверждало единство всего данного коллектива соплеменников как лиц, связанных кровным родством и происходивших от общего родоначальника, а также историческое право племени на занимаемую им территорию» [17]. В европейской средневековой историографии известно множество преданий о подобных «отцах народов»: Роман и Влахата у румын, Suâp у швабов, Вандал у вандалов, Saxneat у саксонцев, Westerfalena у вестфальцев, Радим и Вятко у восточных славян и др. [18]. Но для изучения вопроса о средневековых

средневековья. В летописных концепциях в легендарной, сказочной форме, но все же были обозначены основные направления поиска славянской прародины, которые присутствуют и в построениях современных ученых. Поэтому, отдавая себе отчет в условности этнографических легенд летописей и хроник, обусловленной провиденциалистским мироощущением авторов того времени, необходимо признать предвосхищение ими целого ряда гипотез о местонахождении и путях поиска прародины славян.

Первым восточноевропейским автором, выдвинувшим развернутую концепцию происхождения славянства, бал Нестор в «Повести временных лет». По выражению М.Приселкова, «никогда позднее русское летописание в вопросах о том, «откуда пошла Русская земля», не поднималось на такую ступень ученой любознательности, как в начале XII в.» [8]. Версия Нестора хорошо изучена, и нет нужды на ней подробно останавливаться. Но необходимо отметить один момент, оставшийся вне внимания ученых. При определении места славянства среди других народов летописец включил его в число потомков библейского Иафета, сына Ноя, сделав вставку в заимствованный им из византийских хроник перечень этих потомков. По А.А.Шахматову, он взял его из Хроники Амартола, Болгарского Хронографа и Хронографа особого состава, соединяющего в себе Хронику Малалы, Хронику Георгия Синкелла, Еллинский летописец 1-го и 2-го вида и Архивский Хронограф. По В.М.Истрину, он был заимствован из Хроники Амартола и «Хронографа по великому изложению» [9]. В византийских хрониках в составе потомков Иафета славян нет, и Нестор вписал их после иллириков, заимствовав, с точки зрения А.Г.Кузьмина, этот тезис из «Сказания о славянской грамоте». Данные построения представляются верными, но надо заметить, что, вопреки мнению исследователей «Повести временных лет», Нестор был не первым, кто включил славян в число потомков библейских Иафета.

Впервые это сделали арабские историки IX—X вв. Абуль Мундир Гишам ибн-Мухаммед (Аль-Кальби; ум. 819 г.) писал, что потомками Ланты, сына Кашлухима, сына Иафета, были: «Саклаб, Армини, Ифранджи (франки), Юнан (древние греки), Фарс (персы), Рум (византийцы) и др. В книге «История царей» Абу-Джафара Мухаммеда ибн-Джарира ибн-Язида ат-Табари (ум. 922 г.) в группу детей Иафета объединены турки, славяне, яджуджи (грузины) и маджуджи (аджарцы). У Абуль Хасана Али ибн-Хусейна (Аль-Масуди; писал в 950-е гг.) в данном перечне названы: славяне, русы, хазары, персы, мидийцы и др. Сходный состав потомков Иафета содержится в «Книге познаний» Абу-Мухаммеда Абдаллаха ибн-Мусаллима (Ибн-Кутайбы, ум. 889 г.) [10].

Здесь необходимо отметить, что в восточных перечнях потомков Иафета (т.е. народов, исходивших из одного корня) славяне поставлены в один ряд с азиатскими народами: турками, персами, мидийцами и др. Если в случае с Нестором мы можем считать выведение славян из

Вавилонии данью христианской историографической традиции, то тут перед нами свидетельство, определенно указывающее на бытовавшее в раннем средневековье мнение о восточных корнях славян. Такие представления могли сформироваться под влиянием сирийской историографии VI—VIII вв., помещавшей упоминающихся в Коране (18 сура, стихи 82—102) потомков Иафета Гога, Магога и Наваля недалеко от народа hros, в котором Н.В.Пигулевская склонна усматривать наиболее раннее упоминание русов [11].

Версия «Повести временных лет» содержит как бы двойное указание на прародину славян: иллирийскую — в «Сказании о славянской грамоте», помещенном под 898 г.: «... ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словени первое»; и несколько более конкретизированную — дунайскую. Согласно последней, после разделения земель между детьми Ноя «сели суть словени по Дунаеви, где ныне Угорьска земля и Болгарьска, и от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте» [12]. Здесь, как неоднократно указывалось учеными, имеет место наслоение двух разных концепций предыстории славянства. И та, и другая получили в средневековье свое дальнейшее развитие.

Наибольшую популярность у восточноевропейских авторов в XII—XVII вв. имела иллирийская теория. В.Н.Златарский связал ее появление с творчеством кружка Константина Преславского в 893—894 гг. [13]. В дальнейшем она получила оформление в виде легенды о братьях-хорватах Лехе и Чехе, основателях славянских государств. Отзвуки ее, по указанию А.М.Панченко, содержатся еще в легенде X в. Кристиана о Вячеславе и Людмиле [14]. В «Чешской хронике» Козьмы Пражского (1045—1125 гг.) упоминается основатель первого поселения в Чехии по имени Чех [15]. В начале XIV в. в чешской рифмованной хронике Далимила фигурирует хорват «Лех по имени Чех». В 1374 г. хронист Ян с Пулкавы создал двух братьев — Леха и Чеха (эпоним lechitae встречался ранее у Кадлубека и францисканского хрониста Межвы). В конце XIV в. автор Шленской хроники Петр с Бычины сформулировал, что от Чеха — чехи, а от Леха — лехи, поляки. В рамках «Великой хроники» Польши (XIV в.) была создана легенда о трех братьях: Лехе, Чехе и Русе. Славян эта хроника выводила из Паннонии и считала их потомками внука Иафета Пана, «великого господина» — «maior dominus» [16].

По выражению Б.Н.Флори, «социальная и этническая функции этого предания очевидна. Оно утверждало единство всего данного коллектива соплеменников как лиц, связанных кровным родством и происходивших от общего родоначальника, а также историческое право племени на занимаемую им территорию» [17]. В европейской средневековой историографии известно множество преданий о подобных «отцах народов»: Роман и Влахата у румын, Suâp у швабов, Вандал у вандалов, Saxneat у саксонцев, Westerfalena у вестфальцев, Радим и Вятко у восточных славян и др. [18]. Но для изучения вопроса о средневековых

взглядах на славянский этногенез важнее следующее обстоятельство: во всех сообщениях в хрониках о Лехе, Чехе, Русе они выходят из Хорватии (Паннонии, Иллирии, Далмации), идут на северо-восток через территорию современной Чехии, и заканчивают маршрут в Висло-Одерском междуречье. Тем самым обозначены и прародина славян, и путь их миграции.

Польский историк Ян Длугош (1415—1480 гг.) слегка видоизменил данную концепцию. В его трудах Рус стал не братом Леха, а его потомком. Тем самым русские оказывались произошедшими от поляков. Именно поляки, по Длугошу, основали Киев (он их отождествлял с летописными полянами). Последними польскими киевскими князьями, истребленными варягами, он объявил Аскольда и Дира [19]. Версия Длугоша отвечала политическим запросам возвышавшегося Польского государства и носила сугубо идеологический характер.

В XVI в. концепция о происхождении славян из Иллирии и Паннонии попала в Русский Хронограф редакции 1512 г., сочинение «О происхождении и успехах славян» В.Прибоевича (De origine successibisque Slavorum. Venetiis, 1532), «Всемирную хронику» загребского каноника Антона Вранца (Kronika verda znowich zprauliena Kratka Szlouenskim iezikom. Lublane, 1578), трактат М.Меховского «О двух Сарматиях» (Tractatus de duabus sarmatiis, Asiana et Europiana. Krakov, 1517) [20]. Тогда же получает распространение тенденция записывать многих знаменитых людей древности в славян. Например, В.Прибоевич, выводящий этимологию слова «славяне» от «славные», относил к ним бога Марса, Филиппа и Александра Македонских, Аристотеля, Вандала (предка поляков), римских императоров: Клавдия, Диоклетиана, Константина и др. Большое значение имела созданная на рубеже XV и XVI вв. далматинским гуманистом Марко Маруличем и доминиканцем Винко Прибоевичем легенда, что глаголицу создал знаменитый составитель Вульгаты Св.Иероним, славянин, уроженец г.Стридона. Интересно, что в хорватской историографии эта точка зрения считалась истинной вплоть до XIX в. Не ограничившись глаголицей, в XVI в. далматинцы высказали версию, что Кирилл и Мефодий также были уроженцами далматинского г.Солина, потомками императора Диоклетиана и папы Кая [21].

Правда, необходимо отметить, что в XVI в. возникла и критика легенды о Лехе, Чехе и Русе как исторически недостоверной. Впервые она прозвучала у польского историка М.Кромера (De origine et rebus gestis Polonorum, 1555) и у его современника Яна Кохановского.

Некоторой конкретизацией иллирийской концепции была дунайская теория, относящая территорию прародины славян не ко всей Иллирии, а непосредственно к бассейну р.Дунай. Подобная трактовка содержится в Хронографе 1512 г., Хронографе западнорусской редакции, польской «Хронике» М.Стрыйковского конца XVI в., сочинениях хорватского епископа Фауста Вранчича, труде Павла Риттера-Витезовича

«Kronika aliti szpomen vsega szvieta vikov, u dva delarazredyen, koterih pervi dershi od pocsetka szvieta». Zagrebu, 1696. [22].

В средневековой историографии довольно рано появилась точка зрения, выводящая славян от североевропейских племен или из Скандинавии. Еще у Сигильберта Винцентия (1030—1112 гг.) в «Зерцале историческом» говорилось, что славяне — сарматы или Скифы из Скандии (Скандинавии). У Гельмольда в «Славянской хронике» (ок. 1172 г.) сказано, что славяне в древности назывались вандалами. Попав из немецкой историографии в славянскую, наиболее полное развитие эта теория получила в работе М.Орбини: «Il regno degli Slavi». Pesaro, 1601. Творчество Орбини являлось, по выражению Э.Георгиева, примером «барокккового славизма», и поэтому ему была присуща некоторая «этнографическая фантасмагория» (как удачно определил С.А.Никитин). Автор трактата выводил славян от шведов и финнов [23]. Примечательно, что на примере вышеназванных авторов хоть и в научно-фантастической форме, но была высказана мысль о нахождении прародины славян на севере Европы.

В XV—XVII вв., в связи с превращением Московской Руси в самое значительное православное славянское государство, получает большое распространение теория, которую можно условно назвать восточной. Ее характерной чертой является тезис о приходе славян в Европу из Вавилонии через Причерноморье. Ф.Блондом (1388—1463 гг.) была высказана мысль, что славяне пришли в Иллирию с Танаиса через Босфор [24]. Позже восточная версия получила мифологическое оформление: славяне стали считаться потомками библейского Мосоха, 6-го сына Иафета (Бытие 10:2). Поскольку у пророка Иезекиля (38:2—3) упоминается «князь Роша, Мосоха и Фувала», то Мосох христианскими авторами стал отождествляться с легендарным прародителем московитов-русских. Впервые идея «Мосох из Каппадохии» появилась у Я.Длугоша. Из нее и возникла теория «Мосох — Москва», первоначально ставшая звеном сарматской концепции (в «Kronika wszystkigo swiata» М.Бельского в 1550 г., в «Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lithuanorum» Станислава Сарницкого 1587 г.). М.Стрыйковский именовал Мосоха уже «праотцем» всех славянских народов [25].

В XVII в. эта версия присутствует в «Синопсисе» 1632 г., в «Патериконе» Сильвестра Косова 1635 г., в «Книге разных записей или памятных событий» («Liber miscellaneorum alias rerum memorabilium») белорусского просветителя Игнатия Иевлевича 1659—1661 гг. [26]. Наиболее развернутая концепция помещена в Румянцевском Хронографе. Ссылаясь на Ксенофонта (!), его автор утверждал, что племя славян под предводительством Мосоха обитало у берегов Черного моря и оттуда вторглось в Европу. Оно сражалось с греками под Троей под началом вождя Венета, павшего у ее стен. После завоевания Иллирии славяне основали Венецию, назвав ее в честь погибшего героя [27]. Здесь мы видим в перевернутом виде попытку объяснить этноним «венъдицы»

(исчезнувшей), упоминаемый в «Повести временных лет» и рассказе о расселении народов.

В издании в 1670 г. по инициативе Иннокентия Гизеля Киевском Синопсисе указывалось, что росы происходят от сарматского племени роксолан. Эта точка зрения прочно вошла в славянскую историографию на западной Европы. В начале XVI в. она встречается у С.Герберштейна, также фигурирует у Папия Нония (Де Ту и «Истории своего времени» (1591—1617 гг.) писал, что московиты происходят от потомков Мосоха-москов, а русы — от роксолан. Впрочем, в это время особенное происхождение стали приписывать не только русским: Павел Риттер-Виттенский утверждал, что все славяне происходят от Мосоха, кроме поляков, ведущих свою историю от некого Словена Гуннского [28].

Подобные версии о происхождении разных славянских народов от разных предков получили широкое распространение в период становления национальных славянских средневековых государств. Они сыграли важную роль в формировании их национального самосознания и державной идеологии. Еще в третьей четверти XI в. в «Сказании Исайи» (болгарской апокрифической летописи) царем-основателем Болгарского царства назван мифический Слав (а не Аспарух). При этом утверждалось, что болгарам Богом предписано населить «землю Карпунскую», их приход туда будет сродни приходу древних евреев в Ханаан. В XIV в. в Подунавье стали отрицать общность происхождения с католическими славянскими народами, как еретическими [29]. У православных же родство с болгарами долгое время считалось почетным: так, в летописной компиляции конца XVI в. из Перемышля ее автор утверждал, что «русаки» (западнорусский этнос) происходят от болгарского народа («Болгария великая, с которой мы идемо, словаци»). Этот народ возник на Волге, затем жил на Днепре и впоследствии — на Балканах [30].

В XIII в. в Хронике Винцентия Каллубека была развита точка зрения Гельмольда о происхождении поляков от вандалов, которым подчинялись все остальные славянские народы, а также земли от Дании до Греции. В начале XIV в. в Хронике Джезвы Вандал был объявлен сыном Янана (Ивана), внуком Иафета, т.е. прерогатива родства с библейским Ноем стала признаваться только за одними поляками. В XVI—XVII вв. на основе тезиса о национальной исключительности польские авторы (Я.Кохановский, В.Демболецкий) выдвинули идею объединения всех славян под гегемонией Польши [31].

Не остались в стороне от данной тенденции и чехи. Уже в 1273 г. в послании оломоуцкого епископа Бруно папе Григорию X была выдвинута концепция «sancta natio» чехов. В XIV в. придворный хронист Карла V Мариньола сочинил родословие, по которому чешский народ, как потомок детей Иафета Гомера и Янана, состоял в родстве (по происхождению) с французами, греками и итальянцами. На основе этой идеи в 1415 г. Иероним Пражский объявил на Констанцком соборе, что

чехи, как особый народ, происходят непосредственно от древних греков [32].

В XVII в. получает распространение концепция, разделяющая по происхождению славян и русских (московитов). Наиболее пышно эта теория расцвела на Украине, где московитов (великороссов) выводили от Мосоха, а «россов» (украинцев) — непосредственно от Иафета. Последние, тем самым, являясь как бы более «подлинными» славянами («Паннонийская» или «Книга обороны» Захарии Копыстенского 1622 г.) [33].

Наконец, в XVI—XVII вв. возникает версия о русском происхождении всех славян. Зародилась она у югославских народов: дубровчанин Н.Нерва-Губерон (ум. 1527 г.) утверждал, что русский народ является прародителем славянства. Этот тезис был подхвачен Ф.Врančичем, М.Судецким, Ю.Крижаничем. У последнего автора, которого считают одним из первых идеологов панславизма (ок. 1618—1683 гг.), он был развит наиболее обстоятельно. По Крижаничу, около 500 г. н.э. славяне, вышедшие из своей прародины — Великой, Малой и Белой России, перешли Дунай и заняли Иллирию, а оттуда уже начали свое победное шествие по Балканам и Европе. Хотя при этом историк отмечал, что славянский язык возник еще после Вавилонского столпотворения, когда жил «праотец наш» Словен [34].

В заключение необходимо остановиться на возникшей в XVII в. в российском летописании оригинальной легендарной концепции происхождения и ранней истории славянства: т.н. «Сказание о Словене и Русе». Оно отразилось в Хронографе 1679 г., Новгородской Забелинской и Новгородской Погодинской летописях, Мазуринском летописце Исидора Сназина и др. (текстологический и археографический обзоры см. в работах Ф.Гилярова и С.Н.Азбелева) [35].

В нем говорится, что в 3264 до н.э. Ной передал земли Иафету. Его внуки Скиф и Зардан (по Мазуринскому летописцу, правнуки Скиф и Казардан) поселились у берегов Черного моря. Так образовалась Великая Скифия, «и бысть межу ими распря и междуусобие и крамола многа тесноты ради места». Ссорились пять братьев: Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер. Словен и Рус выдвинули план миграции к северу, на новые земли.

В 1409 г. до н.э. Словен и Рус двинулись в поход. Они «хождаху по странам вселенныя, яко острокрилатии орли прелетаху сквозь пустыни многи». Через 14 лет они достигли оз. Моиска, переименованного ими в Илмер (Ильмень), по имени их сестры. Здесь в 1395 г. до н.э. был основан г.Словенск Великий. По жене Словена (по Мазуринскому летописцу — по сыну) ближайшая река была названа Шелонь, а р.Мутная переименована в р.Волхов (по имени старшего сына). Рус же основал г.Русу, назвал реки по имени жены Поруссии и дочери Полисты. Старший же сын Словена Волхов был «бесоугодник и чародей», «преобразуяся во образ лютаго зверя коркодила, и залягаше в той реце Волхове путь водный, непокаряющихся ему овых пожирая, овых изверзая

потопляше». Его назвали Перуном, и для него устроили г.Перынь с идолом Перуна.

После получения славянскими князьями Великосаном, Асаном и Аенхасаном грамоты от Александра Македонского на владение землями Восточной Европы, победоносных походов вождей Халоха и Нахерна на Византию, изобретения бортничества Диолесом и Дилалахом потомство Словена и Руса пришло в упадок. Словенск запустел, население частью ушло на Белоозеро, частью — на Темное озеро (последние провалились весью). Некоторые вернулись на Дунай, «на старожитные страны». После этого началась вторая волна колонизации северно-русских земель, идущая с Дуная. Недалеко от бывшего Словенска был основан Новгород, в котором старейшиной стал Гостомысл. Далее в источниках излагается версия об основании Киева, призвании варягов и т.д., сходная с «Повестью временных лет».

Несмотря на очевидный легендарный характер этого повествования, в нем заслуживают внимания два известия. Первое — о двух волнах славянской колонизации в регионе. Второе — о г.Славянске как предшественнике Новгорода. Известно, что такой город зафиксирован у арабских раннесредневековых авторов: Салау у Ибн-Хаукаля, Слав или Силак у ал-Идриси, и его существование считается учеными весьма вероятным [36].

Таким образом, в развитии у восточноевропейских авторов XII—XVII вв. представлений о славянском этногенезе можно выделить следующие концепции, этапы и направления: 1) иллирийская (и как ее конкретизация — дунайская) в XI—XVI вв.; 2) североевропейская (XII — начало XVII в.); 3) восточная (XVI—XVII вв.); 4) автохтонные теории (болгарская, польская, чешская, западнорусская, российская), появившиеся с XI—XIV вв. и получившие значительное развитие в XVI—XVII вв. В этих первых, зачастую наивных попытках осмысления славянского этногенеза получили отражение как особенности становления национального самосознания, исторической мысли (в основном в виде легенд и мифов), так и были зафиксированы (в иносказательной форме) некоторые реалии сложного процесса становления славянских народов.

1. Королюк В.Д., Наумов Е.П. Перемещение славян в Центральной и юго-восточной Европе и формирование народностей (итоги и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 10.
2. Королюк В.Д. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VI международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 99.
3. Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2. Варшава, 1888 С. 446.
4. Кирпичников И.К. К литературной истории русских летописных сказаний // ИОРЯС. Т. 2. СПб., 1897. С. 55.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. № 6. Пг., 1920. С. 17.

6. Наиболее полные обзоры см.: Первольф И. Славяне ... Т. 2. Варшава, 1888. Неелы З. К истории славяноведения до XVIII века // Исторический журнал. 1941. №. 2. С. 81—94; Робинсон А.Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963; Гольдберг А.Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // ТОДРЛ. Т. 19. М.; Л., 1963. С. 373—390.
7. Робинсон А.Н. Историография ... С. 9, 101.
8. Предисловие к изданию: Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1936. С. 10.
9. Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. Т. 26. Пг., 1923. С. 68—70; Он же. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920. С. 58—59; Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники ... С. 42—45; Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 205, 209, 212; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 299, 314, 322; Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978. С. 70—79; Творогов О.В. Византийские хроники в Древней Руси // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 87.
10. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 15, 74, 125, 135, 257.
11. Пигулевская Н.В. Сирийская легенда об Александре Македонском // Палестинский сборник. Вып. 3 (66). М.; Л., 1958. С. 84, 87; Она же. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д.Грекову ко дню 70-летия. Сборник статей. М., 1952. С. 42—48; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994. С. 281, 282.
12. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 23, 11.
13. Кузьмин А.Г. Начальные этапы ... С. 312.
14. Панченко А.М. «История вкратце о Бохеме» // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 240.
15. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 33—34.
16. Флоровский А.М. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских учений // Sbornik praci i sjezdu slowanskich filogú v Prage 1929. Sv. II. Praha, 1932. S. 53; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 29; Щавелева Н.И. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 55; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987. С. 24, 25, 52; Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 208; Исаевич Я.Д. Этническое самосознание польской народности в XII—XIV вв. // Там же. С. 274.
17. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 123.
18. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. 1. Ч. 2. М., 1837. С. 97; Яцимирский А.И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906. С. XIII.
19. Флоря Б.Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 22—23; Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. С. 12.
20. ПСРЛ. Т. 22. Ч. 2. Пг., 1914. С. 248—249; Первольф И. Отчет о научных занятиях за границей в летнее вакационное время 1888 г. Варшава, 1889. С. 2, 5; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 72, 77.
21. Акимова О.А. Развитие этнического самосознания хорватов в XII—XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 138; Толстой Н.И. Этническое и культурное самосознание хорватов в связи с развитием идеи письменности (литературы) и литературного языка // Там же. С. 161—162.
22. Повесть временных лет. Ч. 1. С. 11; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 345; Ч. 2. С. 156; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 46; Первольф И. Отчет... С. 8.

23 Меховский М. Трактат ... С. 229; Гельмольд. Славянские хроники. М., 1963. С. 36; Гольденберг А.Л. «Идея славянского единства» ... С. 379; Георгиев Э. Об основных этапах развития славистики в славянских странах // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 93; Никитин С.А. Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 6.

24 Меховский М. Трактат ... С. 77, 230. Сочинение Ф. Блонда называется: «Historiarum a declinatione Romanorum».

25 Робинсон А.Н. Историография ... С. 103, 106.

26 Голенченко Г.Я. Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII вв. Минск, 1989. С. 130, 131.

27 Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 438—441.

28 Иннокентий (Гизель). Киевский Синопсис или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев, 1823. С. 1—10; Лимонов Ю.А. Культурные связи ... С. 205; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 57; Первольф И. Отчет ... С. 8.

29 Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 268; Литаврин Г.Г. Этническое самосознание южных славян в VII—X вв. (к проблеме формирования раннефеодальных народностей) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 254; Он же. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X — до конца XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 66; Иванов С.А. «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Там же. С. 72—73; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 73.

30 Щапов Я.Н., Лимонов Ю.А. История Руси в западноукраинской хронографической компиляции XVI в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 200.

31 Исаевич Я.Д. Этническое самосознание ... С. 260, 273; Гольденберг А.Л. «Идея славянского единства» ... С. 386.

32 Флоря Б.Н. Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII — начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 187; Мельников Г.П. Этническое самосознание ... С. 206.

33 Робинсон А.Н. Историография ... С. 107.

34 Робинсон А.Н. Историография ... С. 123; Гольденберг А.Л. «Идея славянского единства» ... С. 380; Граматично изказание об руском езику попа Юрки Крижанича. М., 1848. С. 1; Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 623, 627.

35 Изборник ... С. 442—447; Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. Приложения. М., 1878. С. 15—22; Шамбинаго С.К. Иоакимовская летопись // Исторические записки. Т. 21. М., 1927. С. 261; Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 48—50, 157, 247, 257; ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 11—28; Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 60—64.

36 Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 412, 413, 414, 416; Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 372.

А.А.Хреков

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ

(вопросы хронологии и культурной принадлежности)

В середине второй четверти I в. н.э. зарубинецкая культура переживает период распада, который сопровождается массовыми миграциями, охватившими лесостепь от Прикарпатья до Оскола, а также, вероятно, южную часть лесной зоны. В результате возникает серия новых — постзарубинецких или позднезарубинецких памятников (типа Рахны–Лютеж–Почеп, Картамышево 2 – Терновка 2, Гриней), в той или иной степени связанных с зарубинецкой культурой по общему набору составляющих их элементов, но представляющих собой особую археологическую структуру [1]. Новые тенденции (появление лощеных и сильнопрофилированных сосудов, распространение «варварских» эмалей, вероятно, связанных с влиянием позднезарубинецкого населения) фиксируются в культурах штрихованной керамики, дьяковской, верхнеокской, мощинской, городецкой и других. Видимо, западный импульс достигает Среднего и северной части Нижнего Поволжья. По мнению Г.И.Матвеевой, что на рубеже II—III вв. н.э. на среднюю Волгу, нижнюю Каму и далее на восток до р.Белая продвинулась значительная масса зарубинецкого населения, принявшая активное участие в формировании именьковской культуры [2]. На рубеже I—II вв. н.э. претерпевает коренные изменения местная (юго-восточный локальный вариант по В.Г.Миронову) городецкая культура — исчезает характерная рогожная керамика и на смену ей приходит неорнаментированная посуда с насечками и защипами по венчику. Формы некоторых сосудов (горшки, миски) близки к зарубинецким прототипам. Наряду с толстостенными грубыми горшками встречаются тонкостенные чернолощеные [3]. Зарубинецкое влияние весьма ощутимо в недавно выделенной культуре поселений славкинского и лбищенского типа в Самарском и Саратовском Поволжье.

Оценивая этнокультурную ситуацию в первые века нашей эры для лесостепного Прихоперья (междуречье Волги и Дона), большинство исследователей придерживалось мнения о финно-угорской (городецкой) и ираноязычной (сарматской) принадлежности населения этого района. Во второй половине 80-х гг. в пределах Тамбовской и Саратовской обл. автором открыты и исследуются памятники постзарубинецкого облика [4]. Все выявленные памятники пока локализованы в лесостепной зоне бассейна Хопра и на его притоках — реках Карай и Ворона. Стационарными раскопками изучено шесть поселений и грунтовой могильник (рис. 1). Топографические условия их расположения характеризуются

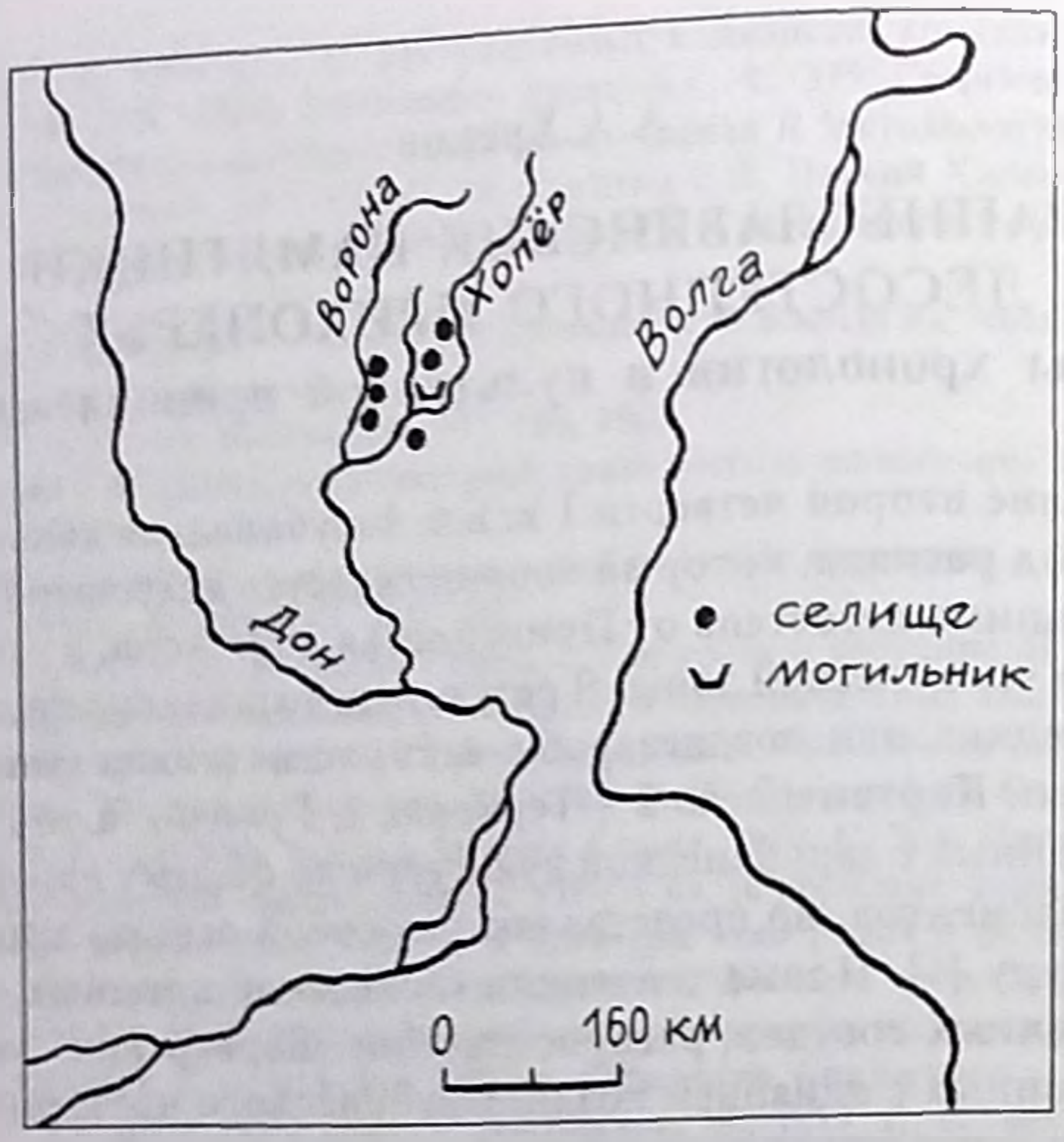


Рис. 1. Распространение памятников инясевского типа

максимальным приближением к водному источнику. Как правило, памятники занимают песчаные всхолмления, останцы или пониженные участки надпойменных террас.

Для определения этнического и хронологического статуса выявленных древностей большое значение имеет грунтовой могильник с сожжениями, открытый в 1986 г. у с.Инясево Романовского р-на Саратовской обл. [5]. Он находится на высокой песчаной дюне в широкой пойме правого берега р.Хопер. В центре дюны, на развеянной поверхности обнаружены скопления мелких кальцинированных костей. Диаметр скоплений не превышал 1,5 м. Среди костей находились побывавшие в огне фрагменты грубой лепной керамики, бронзовые О-образные пластинчатые «привески» (рис. 2: 23,24), миниатюрная круглорамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 2: 13), разрозненные части котла, четырехугольный в сечении гвоздик (рис. 2: 25), трубчатые гофрированные пронизи (рис. 2: 19,20) и стеклянные бусы (рис. 2: 18,21). Стационарные исследования (вскрыто около 500 кв. м) позволили выявить семь хорошо сохранившихся погребений. Все выявленные погребения ямные и безурновые. Сожжение умерших происходило на стороне. Для захоронения остатков кремации устраивались неглубокие округлые, овальные и подпрямоугольные ямки. Размеры ям незначительно варьируют: наиболее крупная 0,9 х 0,55 м, самая маленькая 0,55 х 0,38 м. Глубина колеблется от 0,1 до 0,2 м. Дно ямок плоское или линзовидное. Как правило, в могилах присутствуют остатки погребального костра —

угли, зола. Концентрация костей в погребениях довольно плотная, особенно ближе ко дну. Среди косточек четко вычленяются фрагменты черепа, позвонки, ребра, фаланги пальцев. Некоторые кости и отдельные предметы находились на краю ямок, или даже на значительном удалении от них. Видимо устройство могилы предполагало еще входную яму-площадку для совершения тризны. В двух случаях, какой-то поминальный обряд был совершен непосредственно над погребениями (стратифицированные погребения). Это были небольшие ямки, заполненные золой, угольками, редкими кальцинированными косточками и фрагментами керамики. Одна из тризн содержала обугленное зерно пшеницы.

Все погребения содержали небогатый, со следами огня, инвентарь: погребение 1 — бронзовые трапециевидные подвески (рис. 2: 5—8), пряжку (рис. 2: 11), обойму (рис. 2: 15); погребение 2 — бронзовую спиралевидную подвеску (рис. 2: 17), височное кольцо с заходящими концами (рис. 2: 16), фрагмент кольчатой железной кольчуги; погребение 3 — железную круглорамчатую пряжку (рис. 2: 10); погребение 4 — фрагмент крупной бронзовой пряжки (рис. 2: 9) и сплеск; погребение 5 — глиняное, изготовленное из стенки сосуда, пряслице; погребение 6 — часть фибулы? (рис. 2: 26); погребение 7 — фрагмент подвески (рис. 2: 14) и железную круглорамчатую пряжку (рис. 2: 12). Керамика, обнаруженная в погребениях представлена немногочисленными фрагментами (от 2—3 до 10) лепных округлобоких и ребристых сосудов с бугристой и лощеной поверхностью, часто со следами повторного обжига. Исключением являются остроребериые, темного цвета, сосуды с шероховатой (рис. 2: 17) и лощеной (рис. 2: 16) поверхностью, находившиеся вблизи погребений 5 и 6.

Отмеченный выше способ устройства погребений в основном совпадает с погребальным обрядом киевской культуры, распространенной на территории Верхнего и Среднего Поднепровья, Подесенья и Днепровского лесостепного левобережья с конца II по V вв. н.э., особенно с самыми ранними памятниками этой культурной общности (Казаровичи, Шмырево, Шишино 5 и др.). Отличительной особенностью погребального обряда киевской культуры от инясевского является немногочисленность кальцинированных костей в большинстве погребений (в среднем 20—25), или полное отсутствие их. Этот факт, очевидно, свидетельствует о том, что в могильные ямы часто опускали лишь горсть пепла с погребального костра. Такие памятники М.Б.Щукин, А.М.Обломский, Р.В.Терпиловский предлагают считать не могильниками, а «поминальниками», т.е. особого назначения культовыми объектами, связанными с обычаем почитания умерших предков.

Определенная близость погребального обряда Инясевского могильника прослеживается с погребениями поздней фазы зарубинецкой культуры Южной Белоруссии. На зарубинецких могильниках Велимичи I—II, Отвержичи имеются ямные трупосожжения, содержавшие остатки погребального костра, отдельные фрагменты керамики и небогатый,

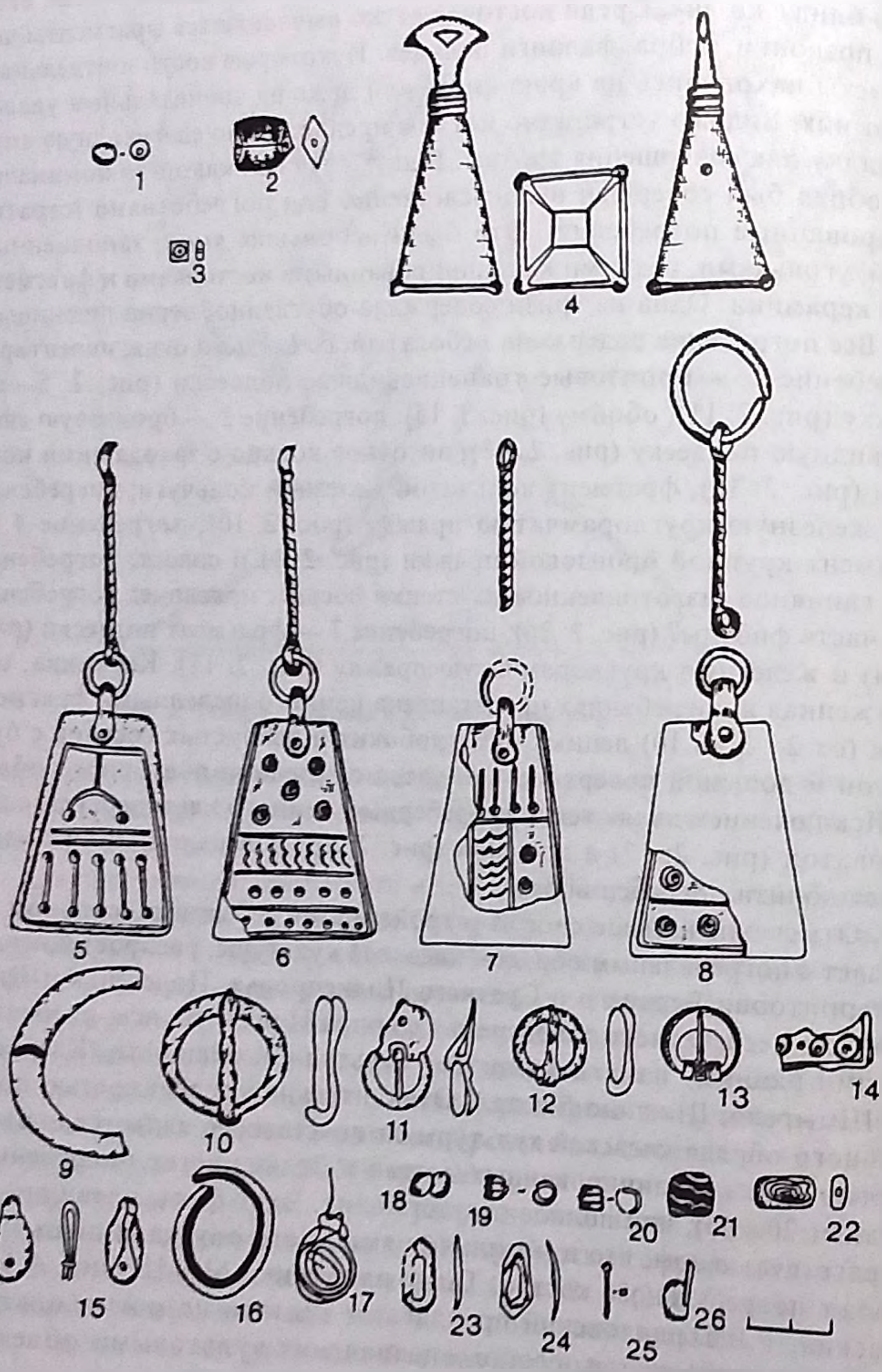


Рис. 2. Хронологические индикаторы памятников инясевского типа: 1 — Рассказань III, 2—4 — Шапкино II, 5—26 — Инясево (1—3, 18, 21—22 — стекло; 4—9, 11, 13—17, 19—20, 23—26 — бронза)

иногда со следами огня, инвентарь [6]. Кроме того, зарубинецкие погребения содержат довольно большое количество кальцинированных костей (в отличие от киевских), что характерно и для могильника у с.Инясево. Нельзя не отметить ряд общих черт погребального обряда с пшеворской культурой, где ямные сожжения в первые века н.э. составляют значительную часть [7].

Таким образом, погребения инясевского могильника отражают погребальные традиции позднезарубинецкой культуры, при некотором участии пшеворских элементов, а также характерные черты обряда киевской культуры.

Анализ погребального инвентаря позволяет уточнить дату существования могильника. Наиболее интересными в этом плане являются бронзовые трапециевидные подвески круга «варварских» эмалей (рис. 2: 5—8) и круглорамчатая, на овальной обойме, с прогнутым язычком пряжка (рис. 2: 11). Обе категории находок обнаружены в одном комплексе — погребение 1. Бронзовые пряжки такого типа имеют большое количество аналогий в памятниках II—IV вв. н.э. Довольно широко они были распространены в Прикамье: в раннем варианте бахмутинской культуры (II—IV вв. н.э.); в азелинской культуре (III—V вв. н.э.); аналогичные пряжки обнаружены в Тураевском могильнике (III—IV вв. н.э.). Известны они в погребениях первых веков н.э. некрополя Танаиса, на Северном Кавказе, Подкумском могильнике, на селищах III—IV вв. киевской культуры и т.д. Отличительной особенностью рассматриваемых пряжек является прогнутый в середине язычок, почти не выступающий вперед за рамку. Язычки пряжек гуннского времени — в большинстве случаев (так называемые хоботковые) прямые в середине и далеко выступающие за край рамки. Более ранним временем датируются железные круглорамчатые, с прогнутым язычком, безщитковые пряжки, обнаруженные в погребениях 3 и 7 (рис. 2: 10, 12). Пряжки этого типа входят в употребление с рубежа нашей эры и существуют до середины III в. н.э. Надежную дату безщитковых круглорамчатых пряжек дают погребальные комплексы II и III хронологических групп «Золотого кладбища» в Прикубанье. Это вторая половина I — начало III в. н.э. [8].

Трапециевидные пластинчатые подвески из Инясево датируются сравнительно узким промежутком времени. Их поверхность покрыта сложным чеканным узором в виде концентрических окружностей, шишечек, бегущей волны, рельефных дужек и валиков. Единичные находки трапециевидных подвесок, несколько отличающихся приемами орнаментации, происходят из зарубинецких могильников Припятского Полесья (Отвержичи, Велимичи), ряда позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья (Бортничи, Коржи 2), Подесенья (Почеп), Днепровского левобережья (Гочево 1). Есть они и в комплексах киевской (Абидня), колочинской (Лебяжий) и пеньковской (Хацки) культур раннего средневековья. Аналогичный набор украшений входит в состав Мощинского и Межигорского кладов, хронология которых до сих пор

является дискуссионной. Последние данные свидетельствуют о том, что «варварские» эмали и сопровождающие их пластинчатые изделия появляются на постзарубинецких памятниках во второй половине II в. н.э. и преимущественно употребляются в лесостепи носителями киевской культуры до конца III в. н.э. [9]. Своеобразным хронологическим индикатором инясевских подвесок является орнамент концентрическими окружностями, шишечками, рельефными валиками, распространенными в лесостепи в конце II начале III в. н.э. Орнамент на пеньковских и колочинских украшениях носит иной характер. Времени функционирования могильника не противоречат и другие предметы: стеклянные бусы (рис. 2: 18,21); бронзовые гофрированные пронизи (рис. 2: 19—20); фрагмент кольчуги, известные в материалах римской эпохи.

Помимо могильника у с.Инясево, отдельные погребения обнаружены на поселениях Подгорное, Рассказань III и Шапкино II. Одно из них (Подгорное) урновое, представляло собой небольшую площадку (0,9—0,5 м), выложенную мелкими камнями. На вымостке находился развал грубого лепного сосуда и отдельные ошлакованные фрагменты от другого, угольки и несколько мелких кальцинированных косточек. Сосуд имел округлые приподнятые бока и небольшой отогнутый наружу венчик, верхний срез которого был украшен насечками. Не исключено, что это погребение является своего рода жертвоприношением при закладке селища. Судя по обряду и керамике позднезарубинецкого облика, погребение датируется концом II — началом III в. н.э. К погребениям «мемориального» характера, видимо, следует отнести объекты в виде неглубоких (0,08—0,1 м), округлой формы (0,5 х 0,75 м) ямок, заполненных спекшейся углистой супесью, отдельными фрагментами грубой и лощеной керамики и единичными кальцинированными косточками (Рассказань III, Шапкино II), что является характерной особенностью погребального обряда киевской культуры.

Кроме погребальных комплексов на Хопре, Карае и Вороне открыты поселенческие памятники. Культурная принадлежность поселений, в основном, определяется на базе набора посуды. Об устройстве жилищ имеется очень скудная информация. В настоящее время исследованы три постройки. Одна из них обнаружена на поселении Шапкино II. В плане она подквадратной формы, размерами 4,6 х 4 м, глубиной в материке 0,1—0,16 м. Стенки котлована плавно опускаются к ровному, замет-но утрамбованному дну. По периметру, вдоль стенок, прослежены столбовые ямки. Южную часть занимал очаг, в заполнении которого находились зола, угли, отдельные фрагменты и развалы сосудов. В верхней части заполнения постройки обнаружены куски шлака и бронзовый пирамидальный колокольчик с каплевидными выступами на концах (рис. 2: 4). Высота пирамидки 6,8 см. Прорезную головку, выполненную в стиле «варварских» эмалей, от тулова отделяет гофрированный ободок. Основание украшения заканчивает валик. Внутри пирамидки имеется полость, где были найдены две бусины зеленоватого стекла (рис.

2: 3). Еще одно сооружение находилось в раскопе 2 того же поселения. Подпрямоугольной формы, размерами 3,6 х 2,75 м, углубленное в материк на 0,08—0,12 м. Следы очага и столбовых ямок не отмечены. К постройке вплотную примыкали две хозяйственные ямы. В одной из ям находились обугленные зерна пшеницы. Овальную, ближе к грушевидной форме, имело сооружение на стоянке Шапкино I (дюна 5, раскоп 2). Его размеры 3,3 х 1,8 м, глубина в материке 0,4—0,45 м. На дне, ближе к южной стенке, обнаружены остатки очага открытого типа, кости животных, неполные развалы грубых лепных сосудов позднезарубинецкого облика.

По размерам, конструкции и ряду деталей интерьера постройки лесостепного Прихоперья в основном не отличаются от жилищ первых веков — середины I тыс. н.э. Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона. Другие сооружения представлены многочисленными хозяйственными ямами, что является характерной особенностью позднезарубинецких и раннекиевских поселений.

Основную массу находок на поселениях постзарубинецкого горизонта составляют фрагменты лепной керамики. Технологически и функционально она делится на груболепную (тарную и кухонную) и лощеную (столовую). При изготовлении кухонной посуды в глину примешивался песок и шамот, реже дресва. Зерна шамота довольно крупные, отчего поверхность сосудов очень неровная, бугристая, со следами небрежного сглаживания рукой или щепой. Немного реже она гладкая. Толщина стенок 0,6—1,5—2 см. Поверхность коричневато-серых тонов, иногда с красноватым оттенком. Орнамент сравнительно редок. Обычно встречаются редкие косые насечки и вдавления по верхнему срезу венчика. В целом преобладает посуда с гладким верхом. Днища плоские, с закраиной и без нее. Практически вся груболепная посуда представлена горшкообразными сосудами различных размеров, которые составляют основу керамического комплекса. Столовая посуда состоит преимущественно из мисок. Она отличается тщательно залощеной поверхностью черного или серого цвета, плотным, с мелкими примесями теста и равномерным обжигом. Единичными экземплярами представлены сосуды, на стенках которых по сырой глине нанесены разнообразные знаки: свастики, ромбы, треугольники и другие символы (Шапкино II, рис. 3: 19). Нередко встречаются фрагменты лощеной керамики, украшенные тонким оттянутым валиком.

При классификации керамического комплекса лесостепного Прихоперья мы использовали схему А.М.Обломского, Р.В.Терпиловского и Н.С.Абашиной, разработанную для Среднего Поднепровья, Полесья и водораздела Днепра и Дона.

Груболепные горшковидные сосуды можно разделить на два класса по признаку ребристой или плавной профилировки корпуса. Судя по сохранившимся фрагментам на поселениях преобладала округлобокая посуда с плавным профилем (класс I). В свою очередь, округлобокие

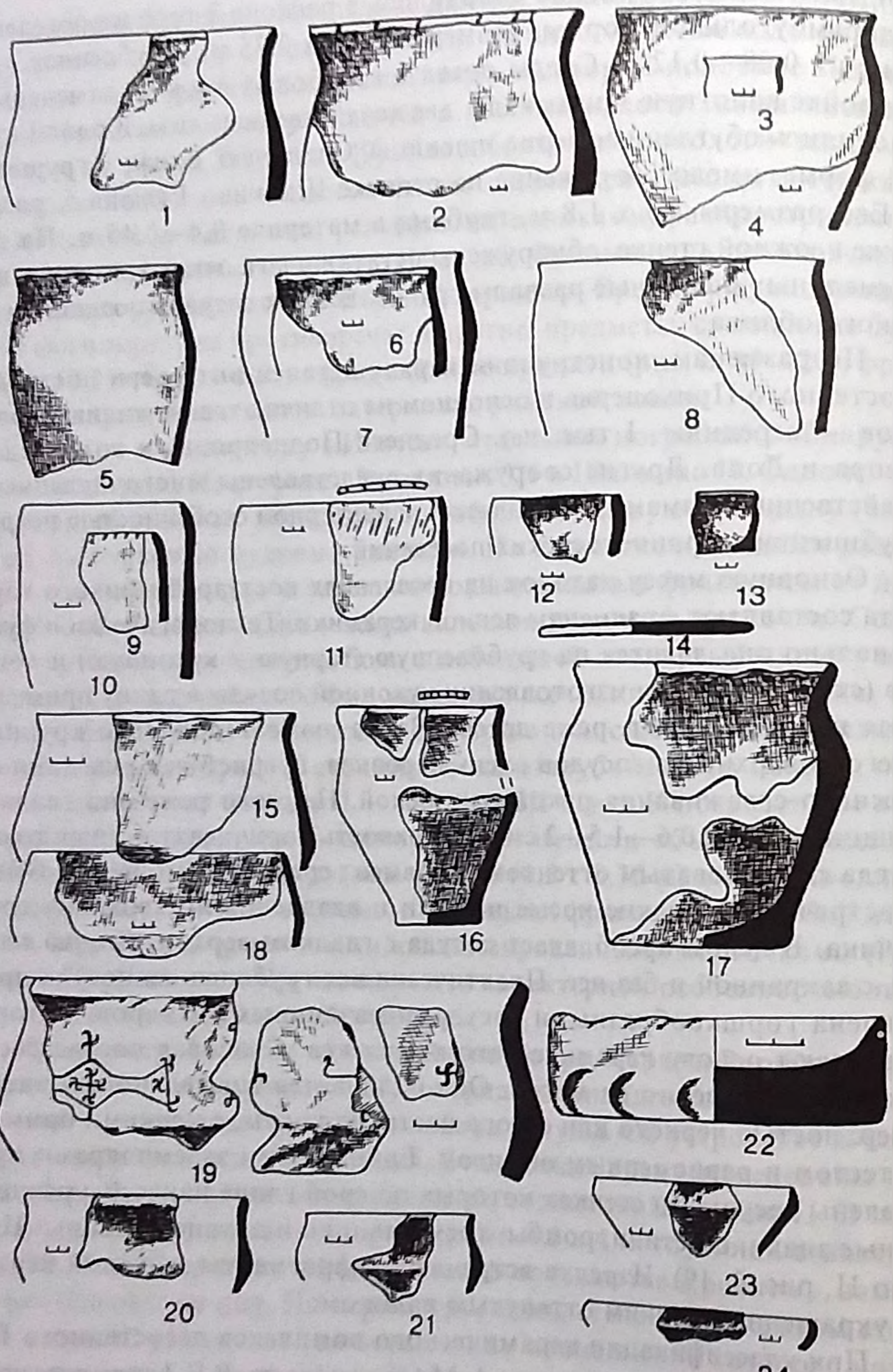


Рис. 3. Керамический комплекс памятников инясевского типа. 1—2, 4, 5, 15, 29, 22 — Шапкино II; 6—8, 12—14, 18, 21 — Рассказань III; 9—11, 15, 20, 23—24 — Шапкино I; 16—17 — Инясево.

сосуды делятся на 5 типов. 1-й тип — сосуды средних размеров с расширением корпуса в верхней части и невысокой отогнутой наружу шейкой (рис. 3: 3,4). Среди сосудов этого типа встречаются и лощеные. 2-й тип — широкогорлые сосуды с максимальным расширением корпуса в верхней или средней части и сравнительно высокой, отогнутой наружу шейкой (рис. 3: 1,2). Вероятно эта форма является наиболее архаичной и своими корнями уходит к позднезарубинецким прототипам типа Лютежа и Почепа. 3-й тип — слабопрофилированные сосуды с короткой шейкой и незначительным расширением корпуса в верхней части (рис. 3: 5—7). 4-й тип — банковидные сосуды со слабо выделенной шейкой и незначительным расширением корпуса в верхней или средней части (рис. 3: 8,13). 5-й тип — банковидные сосуды с невыделенным загнутым внутрь краем (рис. 3: 9—12).

Класс II включает сосуды с ребристым перегибом корпуса и делится на три основных типа. 1-й тип — горшки с прогнутой линией профиля верхней части, широкой горловиной и узким дном. Ребро расположено в верхней или средней части корпуса (рис. 3: 16). 2-й тип — биконические сосуды с едва выделенной шейкой и коротким, более или менее отогнутым наружу венчиком (рис. 3: 15). Ребро расположено в верхней или средней части корпуса. У некоторых горшков изгиб стенок подчеркнут выраженным уступчиком. 3-й тип — биконические горшки без выделенной шейки и загнутым внутрь краем (рис. 3: 18). Ребро расположено в верхней трети корпуса.

Особую группу груболепной посуды составляют диски, служившие, вероятно, крышками или лепешницами. Диски изготовлены из керамической массы, обычной для кухонной посуды, с примесью шамота и песка. Обычно заглажена только одна сторона. У плоских дисков (рис. 3: 14) край плавно закруглен, реже — срезан.

Лощеная и подлощеная посуда, класс III, на прихоперских памятниках встречается гораздо реже, чем груболепная. В среднем удельный вес ее составляет 0,2—3%. Подавляющее большинство лощеной керамики представлено мисками. Условно они делятся на два типа. Для типа 1 характерны довольно высокие ребристые, мискообразные формы с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 3: 19—21). Ребро расположено в верхней части тулова. Тип 2 — глубокие ребристые миски (цилиндро-конические), с невыделенной шейкой и прямой линией профиля в верхней части (рис. 3: 23). Подобные формы наиболее типичны для памятников типа Почепа I—II вв. н.э. Другие типы мисок представлены единичными экземплярами. Это прямостенная груболепная миска-сковорода, с низким бортиком и приостренным верхом (рис. 3: 22). Вторая миска имеет лощеную поверхность, округлые бока и загнутый внутрь верх (рис. 3: 24).

Сразу следует оговориться, что предложенная типология достаточно приблизительна, так как основана на визуальном сопоставлении форм, а многие сосуды отличаются пропорциями или имеют признаки

различных типов. Целых сосудов на исследованных поселениях мало. Основная масса керамики, пригодная для анализа, представлена формами, реконструируемыми ниже места расширения тулова, поэтому определение процентного соотношения, расчета и пропорций и границ конечных типологических разрядов пока невозможны. Тем не менее, сравнительный анализ прихоперской посуды позволяет ее частично синхронизировать с позднезарубинецкими (Почеп, Картамышево 2, Терновка 2, Головино, Гочево 1) и раннекиевскими (Абидня, Казаровичи, Шишино 5, Шмырево) памятниками. Характерной чертой многих селищ этого круга является сочетание разнообразных груболепных округлобоких и ребристых горшков в наборе кухонной посуды и лощеных мисок в столовой. Это наблюдается в Верхнем и Среднем Поднепровье, Подесенье и на водоразделе Днепра и Дона. По всей видимости, возникновение поселенческих памятников лесостепного Прихоперья (Шапкино I, Шапкино II, Подгорное) относится ко времени формирования киевской культуры (конец II — начало III в. н.э.) и сохраняет в силу этого позднезарубинецкие черты — насечки и вдавления по верхнему срезу венчика, профилировка и пропорции сосудов, лощение. Косвенным свидетельством этого является совместное нахождение в пяти хозяйственных ямах (Шапкино II) груболепной, лощеной (постзарубинецкой) и рогожной (городецкой) керамики. Вряд ли последняя попала туда случайно из культурного слоя. Это наталкивает на мысль о каких-то контактах между двумя массивами населения. Этническую и хронологическую позицию поселенческих памятников лесостепного Прихоперья надежно определяет серолощеная ребристая миска (Шапкино II) с пиктограммой из свастик, треугольников, ромбов и крестов (рис. 3: 19). В бассейне Днепра и Северского Донца подобная посуда типична для позднезарубинецкого (Картамышево 2, Терновка 2) и раннекиевского (Шишино 5) керамического комплекса, впитавшего традиции пшеворской культуры первых вв. н.э. Начертания знакового характера в виде ромба с крючками известны на сосудах деснинских памятников (Почеп, Синьково). Процарапанные знаки имеются на лощеной кружке из зарубинецкого могильника Отвержичи. Все эти геометрические изображения не образуют свойственного орнаменту ритмичного повторения одних и тех же элементов. Скорее всего, они относятся к разновидностям пиктографии и имеют определенную смысловую нагрузку. А.К.Амброз рассматривал эти изображения как символические, связанные с магией плодородия [10].

Хронологические рамки выделенных древностей подтверждают и другие изделия с поселенческих памятников лесостепного Прихоперья: бронзовый пирамидальный колокольчик из заполнения постройки поселения Шапкино II (рис. 2: 4); параллелепипедная красная пастовая бусина из заполнения хозяйственной ямы поселения Шапкино I (рис. 2: 22); округлая бусина с внутренней позолотой из культурного слоя поселения Рассказань III (рис. 2: 1).

Пирамидальные колокольчики были широко распространены в среде финно-угорских и балтских племен. Они известны на Каме, в области Волго-Окского междуречья и на Днепре. В Мощинском кладе такой колокольчик был найден вместе с асимметричной цепью и двурогой лунницей-держателем. С цепью Межигорского клада сохранилось четыре колокольчика. По мнению И.Г.Розенфельдт, подобные украшения датируются VI—VII вв. н.э. [11]. В своих последних работах Е.Н.Гороховский и А.М.Обломский предлагают удревнить дату Мощинского и Межигорского кладов, а вместе с тем и время возникновения вещей с эмалью до позднезарубинецкого периода. Среди древностей римского времени (на территории Римской империи, Египта, Северного Причерноморья) пирамидальные колокольчики датируются не ранее I и не позднее III вв. н.э. [12].

Довольно широкое распространение в позднезарубинецких и раннекиевских комплексах имели красные пастовые бусы в форме параллелепипеда. Из всех бус Мощинского клада, к подобному типу относится около половины. Е.М.Алексеева датирует их II—III вв. н.э. Вероятно, к этому же времени относится бусина с внутренней позолотой.

Итак, из всего сказанного следует, что на территории лесостепного Прихоперья с конца II до середины III вв. н.э. существуют раннесредневековые памятники, обладающие рядом своеобразных черт. В этом плане особенно показательны коллекции керамики. Совпадают, в основном, форма сосудов и их орнаментация, состав примесей, обработка поверхностей, характер обжига и способ формовки. Яркой чертой является присутствие чернолощеной и серолощеной керамики. Она обнаружена на всех известных памятниках. На трех из них — Инясево, Шапкино I, Шапкино II керамику сопровождают изделия круга «варварских» эмалей. При комплексном анализе раннесредневековых древностей лесостепного Прихоперья, Подесенья, Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона нетрудно убедиться в совпадении основных черт материальной культуры: погребального обряда, деталей домостроительства, ассортимента и оформления лепной посуды, довольно частой встречаемости изделий круга выемчатых эмалей. Естественно, сохраняются и территориальные различия, но принципиального значения они не имеют. Это явилось известным основанием для отнесения позднезарубинецких памятников бассейна Хопра к новой культуре (типу) — инясевской, близкой не только раннекиевской, но и предшествующим ей памятникам горизонта Рахны-Почеп. Вероятнее всего, большая часть инясевских древностей будет занимать лесостепную зону Волго-Донского междуречья. Это предположение в некоторой степени подтверждается случайной находкой в верховьях Хопра (Дуровка) бронзовой подковообразной фибулы с красной и зеленой эмалью. Керамика, близкая позднезарубинецкой, обнаружена у с.Куриловка Вольского р-на Саратовской обл. [13], а также у основания мыса I Чардымского городища севернее Саратова [14].

Судя по всему, проникновение рассматриваемых древностей на восток происходило по южной кромке леса с территории Верхнего и Среднего Поднепровья в конце I — II в. н.э., минуя степное и лесостепное Подонье, где по IV в. н.э. доминировали сарматы. По мнению А.М Обломского, инясевские памятники свидетельствуют о присутствии в Прихоперье только каких-то мелких групп позднезарубинецкого или раннекиевского населения. С этим можно было бы согласиться, если бы процесс инфильтрации поздних зарубинцев не охватил Волго-Окское междуречье, Верхнее Примокшанье и Среднее Поволжье. Причины этого движения пока не ясны.

Разумеется, предложенные в статье выводы не окончательны, а представляют собой лишь попытку обобщения сведений определенного этапа изучения памятников инясевского типа.

1. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991. С. 3.
2. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние культуры Среднего Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 58, 71.
3. Она же. К вопросу о позднегородецкой культуре // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 7—8.
4. Хреков А.А. К вопросу о характере раннесредневековых памятников лесостепного Прихоперья // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991. С. 84—86.
5. Он же. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. С. 116—126.
6. Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. М., 1964. С. 45, 57; Каспарова К.В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА. № 160, 1969. С. 135, 163.
7. Никитина Г.А. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М., 1974. С. 81, 82.
8. Гушина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 51.
9. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. С. 62.
10. Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА, 1965, № 3. С. 14—27.
11. Розенфельд И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. н.э. М., 1982. С. 25.
12. Мороховская Т.В. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья. Киев, 1985. С. 75. Рис. 1: 1, 2, 16, 17.
13. Изотова М.А. Исследования в Вольском районе Саратовской области // АО 1995 г. М., 1996. С. 263.
14. Миронов В.Г. Работы в Воскресенском районе Саратовской области // АО 1986 г. М., 1988. С. 186.

М.В.Цыбин

ЮГО-ВОСТОК РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — XIV в.
(к изучению этнокультурных процессов)

В настоящей работе рассматривается территория, включающая верховья Северского Донца, восточную часть Курского Посеймья, Верхнее и Среднее Подонье (рис. 1). В первой трети XIII в. здесь проходила юго-восточная граница Руси, очерчиваемая древнерусскими городищами (Донецкое, Хорошевское, Гайдары, Мохнач, Крапивенское, Холки, Семилукское, Животинное). Восточная граница Черниговской земли доходила до р.Дон, южная граница Рязанской земли — до низовий р.Воронеж. Северная граница Половецкой земли проходила от р.Оскол к р.Дон несколько южнее Тихой Сосны. На левобережье Дона по остепненным участкам между реками Битюг и Савала половцы проникали в воронежско-цнинское междуречье. Ими были освоены степные районы Прихоперья.

Монгольское нашествие приводит к изменению исторической ситуации на рассматриваемой территории. В бассейне Северского Донца, по данным А.Г.Дьяченко, слабая жизнь продолжалась на Донецком городище, непродолжительное время после монгольского нашествия функционировало городище Гайдары [1]. Особый интерес представляют материалы с городища Холки на р.Оскол. На нем исследована постройка, получена выразительная серия древнерусской керамики второй половины XIII—XIV вв. Есть находки золотоордынской керамики и фрагментов чугунных котлов [2]. Отмечу гипотезу В.П.Загоровского, связывавшего этот памятник с городом Оскол, упомянутым в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея. Ярлык был выдан польскому королю и великому литовскому князю Сигизмунду I в 1507 г. [3]. Таким образом, верховья Северского Донца, верхнее течение Оскола после монгольского нашествия не вышли из состава древнерусской этнической территории.

В последние годы исследователи проявляют пристальный интерес к материалам второй половины XIII—XIV вв. в Курском Посемье. Это обстоятельство связано с дискуссией о локализации населенных пунктов, упомянутых в летописях в связи с событиями в Курском княжении в конце XIII в. — Ахматовы слободы, города Воргол, Липовец (Липовица, Липовцы, Липовическ, Липецк) [4]. Как считают исследователи, жизнь в Курске продолжалась до конца XIII в. В округе Курска выявлены памятники второй половины XIII—XIV вв. Среди них следует выделить Бесединский археологический комплекс у д.Городище на р.Рать. Наряду с материалами домонгольского времени здесь получены выразительные свидетельства последующего периода (древнерусская

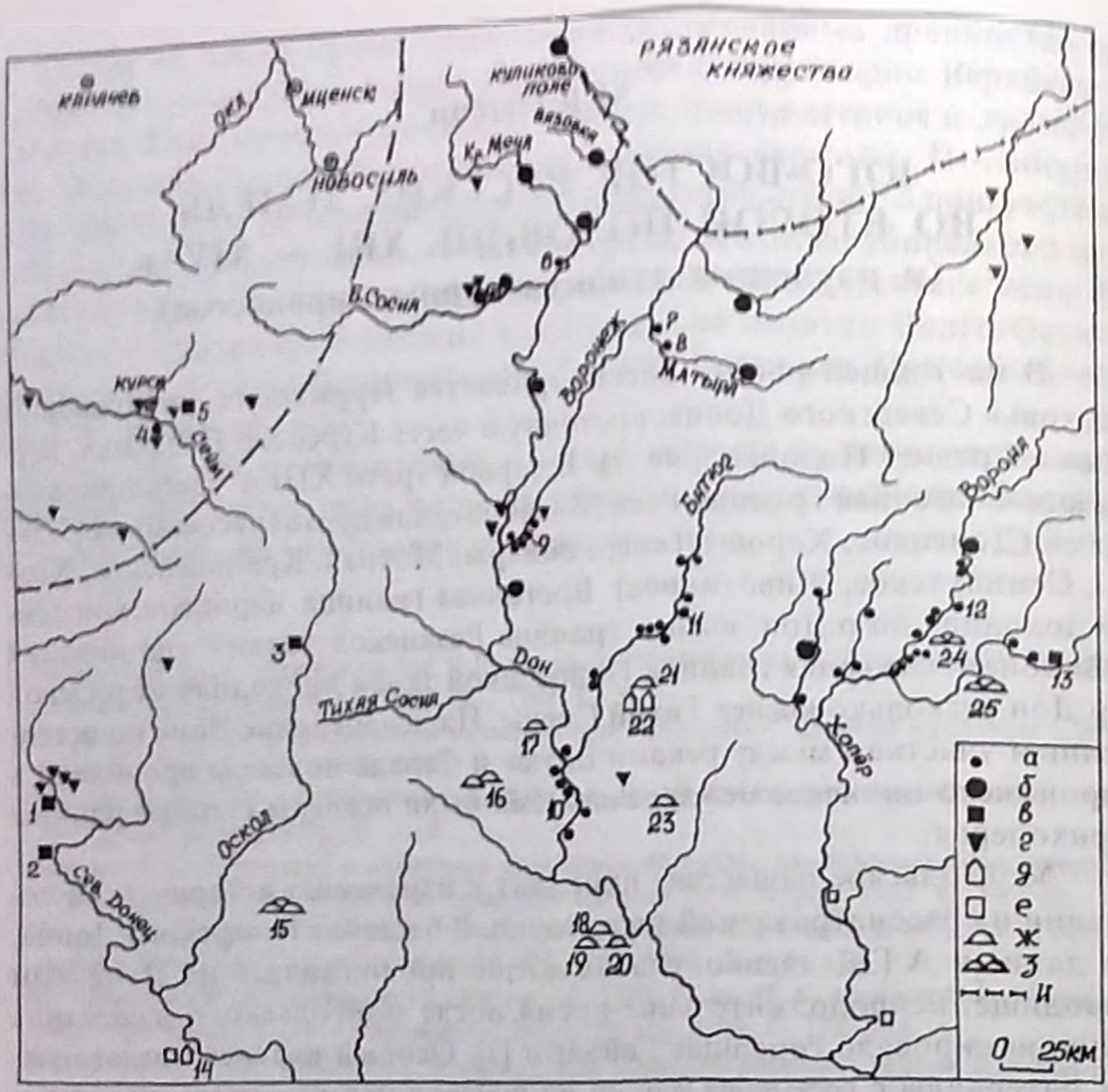


Рис. 1. Юго-восток русских земель во второй половине XIII—XIV вв.

а — в — древнерусские памятники: а — селище; б — группа селищ; в — городище; г — е — золотоордынские памятники: г — клад монет, д — мечеть (мавзолей), е — поселение; ж, з — памятники кочевников: ж — погребение, з — могильник; и — граница Руси с Золотой Ордой по В.Л.Егорову.

1 — Донецкое; 2 — Гайдары; 3 — Холки; 4 — Лебяжье; 5 — Городище (Бесединский комплекс); 6 — Яблоново; 7 — Казинка; 8 — Каменное; 9 — Шиловское. 10 — Верхнекарабутское 1; 11 — Дрониха; 12 — Шапкино 2; 13 — Никольевка; 14 — Райгородок; 15 — Нижняя Дуванка; 16 — Караяшник; 17 — Марки; 18 — Вервековка; 19 — Лофицкое; 20 — Дьяченково; 21 — Новый Буравль (Сафоновка); 22 — Красный; 23 — Новая Меловатка; 24 — Власовка; 25 — Третьяки

керамика, фрагменты чугунных котлов, золотоордынская керамика). На памятнике найдены золотоордынские монеты 40—50-х гг. XIV в. [5]. Поселение с древнерусской и золотоордынской керамикой зафиксировано около с.Лебяжье (правый берег р.Сейм). В этой местности известны находки золотоордынских монет середины XIV в. [6]. Эти археологические материалы позволяют говорить о том, что монгольское нашествие не приводит к запустению восточной части Курского Посемья. По мнению В.Л.Егорова, Курское княжество в этот период являлось свое-

образной буферной зоной между Русью и Золотой Ордой [7]. Однако основным этническим компонентом на этой территории является древнерусский. В находках золотоордынской керамики (например, на Бесединском комплексе) следует видеть, скорее всего, отражение торговых связей.

В Верхнем Подонье по степени изученности выделяется район Куликова поля. По данным М.И.Гоняного, накануне монгольского нашествия здесь существовало более двухсот селищ, пять городищ. В результате монгольского нашествия уровень заселенности уменьшается почти в три раза: жизнь продолжается на 46 селищах, вновь возникают около 40 селищ. Запустение Куликова поля происходит во второй половине XIV в. [8].

К югу от Куликова поля динамика освоения территории Подонья древнерусским населением, на мой взгляд, была иной. Здесь в конце XIII — первой половине XIV вв. ореал и плотность заселения в сравнении с домонгольским временем увеличиваются. Непосредственно вдоль берегов Дона древнерусские селища редки. Но в тоже время осваиваются притоки Дона, например, реки Вязовка и Красивая Меча. В этом плане особенно интересен район Ельца на Быстрой Сосне. Материалы XII — первой половины XIII вв. наиболее выразительно представлены здесь лишь на Лавском комплексе (левый берег р. Быстрая Сосна). Одним из важнейших результатов проведенных в районе Ельца археологических исследований следует считать выявление округи летописного города конца XIII—XIV вв. Причем, опираясь на полученные материалы, можно уверенно говорить о том, что сельская округа Ельца структурно оформилась в первой половине XIV в. В округе Ельца в настоящее время известно около 50 древнерусских селищ второй половины XIII—XIV вв. Они расположены преимущественно в левобережье р. Быстрая Сосна (в междуречье Воргола и Пальны) [9]. Прослеживается неравномерность заселенности этой территории. Выделяются группы концентрации древнерусских поселений на реках Пальна, Ельчик, Быстрая Сосна и Воргол. Перспективно дальнейшее изучение отчетливо очерченной территориально группы памятников на р.Пальна, включающей более десяти селищ, одно из которых исследовалось раскопками [10].

В отличие от района Куликова поля в округе Ельца во второй половине XIV в. жизнь не прекращается. Об этом свидетельствуют и данные письменных источников под 1389, 1395, 1414/1415 гг. Как считает В.Л.Егоров, Елец являлся русским анклавом на золотоордынской территории и, возможно, представлял собой административный центр одной из буферных зон [11]. А.А.Шенников предполагал формирование в районе Елецкого княжества тюрко-славянского образования [12]. Не затрагивая в данной работе вопроса о государственной принадлежности Ельца, как и в целом Верхнего Подонья, отмечу, что проведенные в бассейне Быстрой Сосны археологические исследования пока не зафиксировали сколько-нибудь выраженного присутствия в археологических

материалах древнерусских памятников иноэтнических компонентов. В Верхнем Подонье не выявлены и памятники кочевников.

Во второй половине XIII—XIV вв. древнерусское население продолжает заселять бассейн р.Воронеж. Особенно информативны материалы, полученные на памятниках по р.Матыра. Широкомасштабные исследования проведены на поселениях у сел Казинка и Каменное, датируемых XII—XIV вв. [13]. Планировка поселений, характер домостроительства и хозяйственной деятельности, наличие грунтовых могильников свидетельствуют о долговременном характере этих поселений. Материальная культура жителей этих поселков типично древнерусская.

Судя по данным археологии и письменных источников, после монгольского нашествия не было длительного перерыва в заселении и хозяйственном освоении древнерусским населением лесостепного Среднего Подонья. На этой территории выявлено около 50 поселений с древнерусскими материалами второй половины XIII—XIV вв. Их общая характеристика приводилась в литературе [14], поэтому остановимся на аспектах, связанных с рассматриваемой темой.

Древнерусские поселения концентрируются в четырех районах: в нижнем течении р.Воронеж и в Костенковско-Боршевском Подонье; на павловском участке в Донском Белогорье; в Прибитюжье; в Прихоперье. Видны изменения в характере расселения, произошедшие во второй половине XIII—XIV вв. Если в домонгольский период районом концентрации древнерусских поселений было нижнее течение р.Воронеж и семилукский отрезок долины Дона, а южнее известны лишь несколько поселений по рекам Дон и Битюг, то во второй половине XIII—XIV вв. наряду с увеличением числа поселений по этим рекам происходит освоение большого района Прихоперья. Древнерусские поселения этого периода составляли только долинный (приречный) тип заселения и были приурочены к облесенным участкам пойм, надпойменных террас и коренных берегов рек. Все поселения неукрепленные (время сооружения оборонительных укреплений на городище у с.Никольевка на р.Хопер не ясно). Судя по имеющимся сейчас данным, площадь поселений не превышала 0,4 га. Некоторые поселения могли иметь кратковременный характер.

Наиболее информативные материалы были получены в результате раскопок Шиловского поселения в низовьях р.Воронеж [15], поселений Верхнекарабутское I в Донском Белогорье [16], Дрониха на р.Битюг [17], Шапкино 2 на р.Ворона и городища Никольевка на р.Хопер (исследования А.А.Хрекова). Хотя в конце XIII—XIV вв. в материальной культуре древнерусского населения лесостепного Подонья появляются некоторые новые элементы, имеющие в основном привнесенный характер (золотоордынская керамика, чугунные котлы), в целом прослеживается преемственность с предшествующим периодом.

Благоприятным временем для освоения древнерусским населением лесостепного Подонья была первая половина XIV в. Именно тогда воз-

никает длительная тяжба между Сарайской и Рязанской епархиями из-за Червленого Яра — «передела по Великую Ворону». Материалы, полученные в результате полевых исследований в Прихоперье представляют собой археологический комментарий к грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о Червленом Яре.

Отражением изменения ситуации во второй половине XIV в. в рассматриваемом районе являются клады золотоордынских монет, большая часть которых была сокрыта в 1357—1380 гг. [18]. Уменьшение степени заселенности древнерусским населением Верхнего и Среднего Подонья к концу XIV в. нашло отражение в «Хожении Пименовом в Царьград». Однако нельзя абсолютизировать данные этого источника. Полного запустения рассматриваемой территории не произошло. В начале XV в. еще существовал город Елец, при раскопках Шиловского поселения в низовьях р.Воронеж были найдены золотоордынские монеты конца XIV — начала XV вв., что может свидетельствовать о функционировании поселения в это время.

В Среднем Подонье в непосредственной близости от древнерусских поселений выявлены погребения кочевников, оставленные, видимо, в основном половцами. Но при преобладании половецкого этнического компонента можно предполагать присутствие групп кочевников, переместившихся в этот район в период монгольского нашествия с востока [19].

Кочевники осваивали остепненные водоразделы рек, а также лишенные лесной растительности участки речных долин. В этом отношении показательны районы Прихоперья и Донского Белогорья. В первом кочевнические погребения исследованы во Власовском могильнике, расположенном на водораздельном участке рек Ворона и Баклуша [20]. Здесь же зафиксированы и древнерусские поселения на р.Ворона и Богана. Еще один могильник находится на склоне мыса второй надпойменной террасы левого берега р.Хопер у с.Гречьяки [21].

В Донском Белогорье по берегам Дона выявлены древнерусские поселения (Верхнекарабутское 1 и 2 и др. [22]), а кочевнические погребения зафиксированы на степном высоком плато донского правобережья, где протекают небольшие реки (погребения у с.Марки, Караяшник, Лофицкое, Вервековка (второй Богучарский могильник), Дьяченково (могильник Высокая Гора).

Разнопланова направленность хозяйственного освоения Среднего Подонья древнерусским населением и кочевниками, а также существование стабильных путей нападения последних на русские земли, проходивших, как правило, по водоразделам рек, позволяли этим группам населения сосуществовать в одном районе. Этому способствовал и сам характер сезонных перемещений кочевников, которые по данным письменных источников (сведения Рубрука, «Хожение» Пимена) в основном лишь в летние месяцы поднимались вверх по течению рек в лесостепную зону [23].

Нельзя отрицать возможности контактов между кочевниками и

древнерусским населением, в том числе и в хозяйственной сфере. Но сейчас нет необходимых данных, чтобы жестко увязывать хозяйственную деятельность этих групп населения, определенно говорить о «хозяйственном симбиозе» между ними, а на его основе — и «симбиозе военном и политическом», обусловившим даже начало образования единого этноса в Среднем Подонье [24].

Наряду с древнерусскими и кочевническими памятниками в рассматриваемом районе были и собственно золотоордынские. Наиболее северный из них находится у пос. Красный на р.Мечеть (левый приток р.Битюг). В.П.Левашевой здесь были исследованы мавзолей-мечеть XIV в. и горн для обжига кирпича [25]. В 1989 г. нами был изучен участок фундамента второй мечети. Но следов торгово-ремесленного поселения вокруг мечетей выявить не удалось. Скорее всего, в нижнем течении р.Битюг существовал центр периферийного кочевого улуса. На рассматриваемой в работе территории это не единственный золотоордынский памятник. В начале XX в. В.Ф.Спесивцев обнаружил золотоордынское поселение у с. Райгородок на р. Северский Донец. В информации об этих исследованиях упоминаются остатки мечети, построек из кирпича. На памятнике были найдены золотоордынские монеты 1356—1384 гг. [26]. В этом районе исследовались и погребения кочевников.

1. Дьяченко А.Г. Славянские памятники VIII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 22.
2. Винников А.З. Городище Холки — крепость на юго-востоке Древней Руси // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Чернигов, 1990.
3. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 18, 19.
4. Липецк: начало истории. Липецк, 1996.
5. Енуков В.В. Летописные сведения 1283—1284 гг. и география округи Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994.
6. Там же. С. 121.
7. Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 75.
8. Горячий М.И. К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII—XIV вв. // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж, 1993; Он же. Древнерусские археологические памятники XII—XIV вв. в бассейне Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996.
9. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Елец и его округа — уникальная историческая территория России (археологические памятники эпохи железа) // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996. Рис. 7.
10. Тропин Н.А. Древнерусское поселение XIII—XIV вв. у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.
11. Егоров В.Л. Владения Золотой Орды... С. 78.
12. Шешников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Л., 1987. С. 40, 41, 120, 121.
13. Матвеева В.И. Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное // КСИА. Вып. 171. 1982; Тропин Н.А. О характере домостроительства на южном рязанском порубежье в XII—XIV вв. (по материалам селищ Казинка и Каменное) // РА. 1996. № 1.
14. Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII—XIV вв. в Среднем

Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987; Он же. Юго-восточная окраина Руси во второй половине XIII—XIV вв. (район Среднего Подонья) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987.
15. Прихин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р.Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
16. Цыбин М.В. Древнерусские поселения второй половины XIII—XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
17. Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В. Средневековые материалы с поселения «Дрониха» // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960.
19. Березуцкий В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.
20. Там же.
21. Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.
22. Цыбин М.В. Древнерусские поселения...
23. Он же. Древнерусские памятники... С. 48.
24. Шенников А.А. Червленый Яр... С. 96, 97, 119, 120.
25. Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды ГИМ. Вып. 37. 1960.
26. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Харьков, 1902. С. 356, 372—379, 437, 438.

Е.А.Шмидт

ПЛЕМЕНА ВЕРХОВЬЕВ ДНЕПРА В IV—VII вв. н.э.

До середины 1950-х гг. археологические источники о населении верховьев Днепра и смежных территорий Западной Двины были весьма незначительны, т.к. специального изучения этого периода не производилось. Некоторые материалы о IV—VII вв. были получены в результате разведок памятников либо раннего железного века, либо древнерусских [1]. Целенаправленное изучение древностей IV—VII вв. началось с 1954 г. Верхнеднепровским отрядом Славянской экспедиции ИИМК под руководством П.Н.Третьякова. В течение 1954—1960 гг. велись работы на левобережье смоленского течения Днепра и в верховьях р.Сож [2]. Результатом было выделение древностей типа «Тушемля», названных по первому полно изученному памятнику — городищу Тушемля. С конца 1950-х гг. изучение древностей IV—VII вв. продолжил автор настоящей статьи. Некоторое количество материала было также получено В.В.Седовым, А.М.Микляевым, Ф.Э.Модестовым и другими исследователями во время разведок и раскопок памятников других эпох. В настоящее время на основе совокупности всех имеющихся материалов можно рассматривать древности IV—VII вв. на территории верховьев Днепра как самостоятельную тушемлинскую археологическую культуру.

Территория расселения племен тушемлинской культуры охватывает пространства верховьев Днепра от устья р.Вопь в пределах Смоленской обл. до района Могилева в Белоруссии, а также верхнее течение р.Сож и часть верхнего течения Западной Двины. На западе и юго-западе границы в настоящее время определить трудно, т.к. там обитали племена банцеровской культуры, весьма близкие по своей культуре тушемлинским племенам. Не совсем определима граница на юге с племенами колочинской культуры в Посожье. На востоке в бассейне р.Угра, а также на Днепре выше устья р.Вопь обитали мощинские племена.

В пределах очерченной территории тушемлинская культура представлена разного типа памятниками. Основными из них являются открытые поселения — селища. Они располагаются преимущественно на пологих склонах озерных котловин и берегов рек с супесчаными и песчаными почвами, где поблизости имеются значительные расширенные участки поймы, удобные для выпаса скота и пойменного земледелия, при наличии вокруг слегка пересеченной местности, наиболее пригодной для подсечно-огневого земледелия. Площади поселений колеблются от 0,3 га (Заборье, Дуброво на оз. Пениснарь и др.) до 2—3 га (Шугайлово у оз. Демьян, Заозерье на оз. Б.Рутавечь и др.). На селищах были наземные жилые и хозяйственные постройки столбовой конструк-

ции, в плане прямоугольные. Жилые помещения имели овальные в плане очаги, слегка углубленные в земляном полу, заполненные золой. В производственных постройках иногда были большие округлые или овальные в плане ямы, на дне которых прослеживалась глиняная вымостка или остатки глиняных круглых горнов (Кислая, Заозерье и др.). В пределах поселения между постройками располагались хозяйственные ямы различной формы и размеров.

IV—VII вв. — время великого переселения народов. Этот процесс охватил не только южные области Поднепровья (степные и лесостепные), но вовлек и большие группы населения лесной зоны Верхнего Поднепровья и Подвинья. Одни племена расширяли свою территорию, переселяясь на новые пространства, другие принимали участие в военных набегах на ближних, на земли своих соседей, так и дальних — за пределы Поднепровья. Постоянная военная угроза побуждала население тушемлинской культуры устраивать особые убежища, чаще всего используя для этого сохранившиеся земляные укрепления городищ днепро-двинских племен раннего железного века, проводя на них дополнительные земляные работы и возводя деревянные оборонительные сооружения. На площадке внутри укреплений сооружалась круглая деревянная постройка столбовой конструкции, поделенная на отдельные помещения, служившая укрытием для населения и имущества во время опасности (Слобода-Глушица, Демидовка, Близнаки, Акатово и др.). Эти городища-убежища являются другим типом поселений. На некоторых из них, как правило, в мысовой части площадки устраивалось специальное круглое святилище, в центре которого устанавливался массивный столб с изображением божества, по периметру святилища устанавливались многочисленные столбики, образуя как бы ограду, но не исключено, что они имели ритуальное значение. Убежища, включавшие культовые круглые капища, выделены в особые памятники, названные «городищами-святилищами» [3]. Детально изучены городища-святилища Тушемля, Городок, Прудки в верховьях р.Сож [4]. Устраивались убежища и в труднодоступной местности, среди болот. Они были защищены рвами и кольцевыми валами с деревянными укреплениями (Петрово, Шапырево, Красногорье и др.).

Погребальные памятники представлены грунтовыми могильниками с остатками кремации умерших. Располагались могильники либо неподалеку от места поселения (Акатово), либо же прямо на краю поселения (Заозерье, Щугайлово). Остатки от трупосожжений, проведенных вне пределов могильника, помещались или прямо в округлую грунтовую яму диаметром 0,3—0,6 м и глубиной до 0,6 м, или первоначально эти остатки ссыпались в глиняный сосуд-урну, которая помещалась в нормальном положении в грунтовую яму. В единичных случаях урна сверху перекрывалась другим более крупным сосудом [5]. Только в небольшой части погребений найден сопровождающий инвентарь. Это бронзовые круглопроволочные со слегка утолщенными

концами височные кольца и фрагменты других бронзовых украшений.

В результате раскопок селищ, городищ-убежищ, городищ-святилищ и могильников получен достаточно обширный вещевой материал, включающий изделия из металла (железо, бронза, серебро), керамику (массу фрагментов лепных глиняных сосудов) и другие изделия из глины, стеклянные бусы и отдельные предметы из камня и кости. Наличие на селищах обломков криц и массы шлаков (Кислая, Аносинки, Шугайлово и др.) подтверждает местное производство железа, а остатки горнов и предметов, неоконченных обработкой, говорят о кузнечном производстве. Основные изделия из железа: ножи с прямой спинкой и плоским черенком; серпы, как прикрепляемые к рукояти прямым черенком, так и при помощи крючка; узколезвийные топоры, шилья, острия, кресала, наконечники копий и стрел, удила, шпоры, пряжки, пинцеты, бритвы и пр. Из бронзы изготавливались: фибулы, пряжки, височные кольца, браслеты, перстни, подвески и пр., а из серебра — височные кольца, поясные пряжки и поясные наборы бляшек [6]. Керамика тушемлинской культуры весьма своеобразна [7]. Вся она лепная без использования гончарного круга. Основной отощающей добавкой к глине была дресва. Сосуды изготавливались способом ленточного горизонтального кольцевого налепа. Основная масса посуды имеет размеры: высота 15—40 см, диаметр горла 12—35 см. По своему характеру ее можно разделить на две группы: I — с грубой поверхностью, II — с лощеной и подлощенной поверхностью. К первой группе преимущественно горшки, хотя встречаются и мисковидные сосуды. Ко второй группе относятся миски, а горшковидные сосуды встречаются очень редко. На городищах-убежищах грубая посуда составляет до 70%, а на селищах — до 95%, соответственно лощеная и подлощеная — до 30% и 5%. Весь керамический комплекс можно подразделить на 10 типов глиняных сосудов [8], из которых типы I и II (лепная посуда) и тип V (лощеная ребристая) составляют до 90% от всей учтенной на городищах-убежищах керамики. Преобладают горшки типа I, у которых диаметр венчика превышает диаметр наибольшего расширения тулова, т.е. они по форме приближаются к тюльпановидным. Венчик у них всегда отогнут наружу. Наибольшее расширение тулова несколько выше середины высоты, диаметр дна всегда меньше диаметра горла, диаметр венчика меньше общей высоты сосуда, а в общем, это — сравнительно высокие сосуды. Тип II по своим пропорциям близок типу I, но у него венчик либо прямой, либо слегка вогнут во внутрь. Сосуды типа II встречаются в меньшем количестве. Среди лощеной посуды преобладают миски усеченнобиконических форм с ярко выраженным ребром, по которому иногда идет налепной валик (тип V). Цилиндро-коническая форма мисок (тип IV) встречена только на городище-убежище Демидовка в единичных экземплярах, остальные типы мисок представлены в небольшом количестве и не являются характерными для тушемлинской культуры. Основной комплекс глиняной посуды (типы I, II, V) выделяет тушемлин-

скую культуру среди других синхронных культур Поднепровья. Вся глиняная посуда тушемлинской культуры отличается еще одним характерным признаком — в течение всего периода IV—VII вв. она не украшалась орнаментом. Однако, в самом начале периода на открытых поселениях — селищах небольшое количество сосудов типа I имели своеобразные украшения, которые, видимо, можно назвать орнаментацией. Она представляла собой прочерчивания гребенчатым штампом или гребенкой, условно называемые «расчесами». Такие прочерчивания-расчесы наносились в верхней части сосуда по необожженной глине и составляли вертикальные или наклонные перекрещивающиеся полосы. Иногда «расчесы» наносились по краю венчика. Очень редко в это же время на отдельных сосудах по необожженной глине делались простые нарезки ножом или другим острым предметом. В слоях пожарищ на городищах-убежищах керамика с «расчесами» не обнаружена, т.е. в V—VII вв., видимо, такой способ украшения сосудов не практиковался.

Весьма характерными предметами, сделанными из глины, для тушемлинской культуры можно считать глиняные пряслица. Они найдены на всех исследованных памятниках и, как правило, имеют усеченно-биконическую форму. Тесто, из которого изготовлены пряслица, отличается включением небольшого количества сравнительно мелкозернистой отощающей добавки — дресвы. Делались они вручную, поверхность их или тщательно приглаживалась, или лощилась. Обжиг хороший, цвет — от серо-палевого до черного. Основная масса пряслиц не орнаментировалась, единичные экземпляры украшены либо нарезками, либо кружочками.

Время обитания племен — носителей тушемлинской культуры в верховьях Днепра определяется исследователями не совсем одинаково. П.Н.Третьяков, исходя из материалов городищ-убежищ, датировал тушемлинскую культуру сначала VI—VII вв. [9], в последующем он расширяет временные границы, определяя их VI—VIII вв. и даже IX в. [10], или округляя говорит о третьей четверти I тыс. н.э. [11]. Автор настоящей статьи определял время бытования городищ-убежищ V—VII вв. [12], а открытых поселений — селищ IV—VII вв. [13]. Рассмотрим кратко обоснование таких датировок. Наиболее поздние материалы, свидетельствующие об обитании населения днепро-двинской культуры на городищах, датируется III в. н.э., но возможно, и началом IV в. [14]. Этот последний период характеризуется профилированной керамикой и грузиками дьякова типа, наземными постройками с овальными очагами и прочими особенностями. На древнейших селищах тушемлинской культуры обнаружены и профилированная керамика, и грузики дьякова типа, и наземные постройки столбовой конструкции с овальными очагами и пр., что, с одной стороны, свидетельствует о времени смены мест поселения, а с другой стороны, говорит о сохранении местного населения и некоторых черт его культуры в пределах верховьев Днепра и на смежных территориях. Вещевой материал, обнаруженный на селищах,

также подтверждает такую датировку начала существования открытых поселений и формирования тушемлинской культуры. На селищах найдены: бронзовая подвязная прогнутая фибула с пластинчатым корпусом, украшенная выемками по бокам и крестиками на полях, датируемая IV в. н.э. [15]; фрагмент бронзовой гривны с ложковидным концом [16], датируемый II—IV вв. — обе вещи из селища Щугайлово; такая же фибула обнаружена на селище Заозерье, откуда происходит обломок бронзового пластинчатого браслета II в. [17]. Такие датировки подтверждают находки керамики, украшенной «расчесами», бытовавшей в Поднепровье в IV в., и некоторые формы шпор с пуговицами конца II — IV в. [18]. Таким образом, возникновение поселений и начало формирования тушемлинской культуры восходит к рубежу III—IV вв. или к самому началу IV в. н.э.

Разрушение городищ-убежищ и затухание жизни на селищах относится к VI—VII вв. н.э. Это подтверждается находками кладов и отдельных вещей как в слоях пожарищ на убежищах, так и в культурном слое открытых поселений. Таковы: пальчатые фибулы VI в. на городище-убежище Никодимово; височные кольца со слегка утолщенными концами VI—VII вв. [19]. О прекращении существования тушемлинской культуры в конце VII или начале VIII в. н.э. говорит использование культурного слоя селищ для насыпания длинных курганов непосредственно на поселениях. В длинных курганах наиболее ранние вещи датируются VIII в. На некоторых селищах тушемлинской культуры появляется профилированная и орнаментированная ложногребенчатым орнаментом глиняная посуда культуры длинных курганов VIII—IX вв., т.е. вместе с ее появлением исчезает тушемлинская культура, а распространяется культура длинных курганов. Вышеприведенное позволяет считать, что время существования тушемлинской культуры определяется IV—VII вв. Судьба тушемлинских племен в связи с распространением племен культуры длинных курганов пока в деталях не выяснена.

Вопросы этнокультурной принадлежности племен тушемлинской культуры специальной детальной разработке до сего времени не подвергались. Исследователи, изучавшие археологические культуры I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и на смежных территориях, придерживаются разных точек зрения. П.Н.Третьяков [20], В.В.Седов [21], А.Г.Митрофанов [22], И.И.Ляпушкин [23] и автор настоящей статьи считают с теми или иными оговорками, что племена тушемлинской культуры связаны с восточнобалтской языковой и культурной общностью. Л.Д.Поболь [24], Э.А.Сымонович [25] включают их в славянскую общность. Сторонники балтской этнопринадлежности исходят из положения, что в своей основе тушемлинские племена сложились за счет местного балтского населения последнего этапа существования днепро-двинских племен первых веков н.э. Сторонники славянской принадлежности тушемлинского населения считают, что основой этой общности были распростра-

ившиеся вверх по Днепру или зарубинецкие, или позднезарубинецкие (киевские, колочинские) племена.

Проанализируем некоторые материалы, связанные с этнопринадлежностью тушемлинских племен. Взаимоотношения зарубинецких и днепро-двинских племен в верховьях Днепра нами специально рассмотрены [26]. Установлено, что не исключается проникновение отдельных групп зарубинецкого населения в южные районы территории днепро-двинских племен и их некоторое влияние на местную культуру, но это пришлое население здесь не смогло закрепиться и было ассимилировано. Эти процессы происходили в период обитания населения на городищах в первых веках н.э.

Переселение с городищ на селища в конце III—IV вв. связано с изменением природных (экологических) условий и изменением характера хозяйственной деятельности, а не с миграционными процессами. Основателями открытых поселений-селищ были жители днепро-двинских городищ с их керамикой и грузиками дьякова типа и другим инвентарем, не характерным для славянских племен. В новых условиях началось формирование отдельных элементов материальной и духовной культуры. Вырабатываются новые формы глиняной посуды и складывается тушемлинский керамический комплекс, при этом население вернулось к традиции производства слабопрофилированной и неорнаментированной керамики при сохранении некоторых элементов технологии, усвоенных от южных соседей (возможно, зарубинецких) — лощение или тщательное заглаживание поверхности сосудов, использование новых форм посуды (ребристые миски). В IV в. тушемлинские племена, видимо, испытывали некоторое влияние со стороны племен более южных районов Поднепровья, например, нанесение на слабопрофилированные сосуды «расчесов» гребенчатым штампом, но такая орнаментация не восходит к зарубинецким традициям, а проникла в Поднепровье извне. Этот прием обработки поверхности сосудов не закрепляется и уже в V—VI вв. на городищах-убежищах не встречается. В отличие от южных районов Верхнего Поднепровья для верховьев Днепра не характерны цилиндро-конические лощеные миски и некоторые другие формы сосудов. Широко распространяются усеченнобиконические пряслица, тогда как изготовление грузиков дьякова типа прекращается, но это имело место не только в верховьях Днепра, но и на значительных пространствах Восточной Европы, включая бассейн верхней Волги. Весь вещевой комплекс, особенно предметы вооружения и снаряжения воина-всадника, имеют прямые параллели в древностях Прибалтики (территории Литвы и Латвии). В вооружении преобладают наконечники копий с листовидным и пламевидным пером и втулкой, типа I—IV по В.Казакявичюсу [27], а в снаряжении — железные шпоры с зацепами наружу, что также характерно для балтских племен [28]. Есть бесспорно твердые аналогии и для других вещей в древностях Прибалтики [29], тогда как аналогии в славянских древностях (праж-

ско-корчакская культура) весьма ограничены или вообще отсутствуют.

В процессе формирования тушемлинской культуры произошло изменение погребального обряда. Если о погребальных памятниках днепро-двинской культуры начала I тыс. н.э. пока нет сведений, хотя можно предполагать, что погребальный обряд был связан с трупосожжением, то начиная с IV в. тушемлинские племена остатки кремированных сородичей хоронили в грунтовых могильниках. Переход к такому погребальному обряду характерен не только для населения верховьев Днепра, но он имел место и на территории соседних балтских племен — потомков носителей культуры штрихованной керамики. Эти перемены были закономерным следствием внутреннего развития и тех изменений, которые произошли в жизни населения в бурную эпоху великого переселения народов.

Археологические материалы дают основание видеть в тушемлинских племенах балтское население — потомков днепро-двинских племен. Такой вывод вполне согласуется с данными других наук. Готский историк Иордан в середине VI в. сообщает: «...на больших пространствах от Балтийского моря и до акациров находились эстии» (айсты), т.е. восточнобалтские племена. Славяне же в это время занимали другие территории: «... склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север до Висклы ... Анты же ... распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину» [30]. Из этого следует, что славяне жили вне пределов верховьев Днепра.

О языке носителей древних культур дают однозначные сведения лингвисты, изучающие топонимику (гидронимику) Верхнего Поднепровья. Так, В.Н.Топоров и О.Н.Трубачев утверждают: «...территория Верхнего Поднепровья в I тыс. — первых веках II тыс. н.э. была заселена племенами балтийского происхождения..., балтийское население Верхнего Поднепровья в основной своей массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории, а было постепенно ассимилировано последними» [31]. О том, что эти процессы ассимиляции происходили после эпохи переселения народов, подтверждается исследованиями в другой области языкознания. На основе изучения русского языка делается вывод, что выделение восточных славян из славянской общности происходило в VIII и последующих веках, в это время и произошло образование языка восточного славянства [32]. Видимо, начиная с VIII в. и началось заселение верховьев Днепра славянами.

В свете данных, имеющихся к настоящему времени, можно считать, что племена верховьев Днепра — носители тушемлинской культуры IV—VII вв. н.э. сложились на основе местного населения предшествующего времени. Их основными отраслями хозяйства были земледелие и скотоводство при сравнительно развитых домашних ремеслах. Целый ряд признаков выделяет тушемлинскую культуру среди синхронных

культур Поднепровья и смежных территорий. В этническом отношении они были частью восточнобалтской языковой и культурной общности. Но это не значит, что они не имеют отношения к славянскому миру. Их потомки в последней четверти I тыс. н.э. постепенно в процессе ассимиляции славянским населением вошли в состав древнерусского народа.

1. Ляўданскі А.І. Археалагічныя даследы ў вадасборах рр. Сажа, Дняпра і Каспля ў Смаленскай губерні // Працы археалагічнай камісіі. Т. II. Мінск, 1930. С. 278, 317.
2. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 3—140.
3. Третьяков П.Н. Городища-святилища левобережной Смоленщины // СА. 1958. № 4. С. 170—196.
4. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища... С. 42—47, 93—102.
5. Шмидт Е.А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н.э. // МИА. № 108. М., 1963. С. 56—61.
6. Шмидт Е.А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М., 1970. Рис. 3. 4.
7. Там же. С. 66, 67. Рис. 2.
8. Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976. С. 34.
9. Третьяков П.Н. Городища-святилища... С. 183.
10. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища... С. 11.
11. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 274.
12. Шмидт Е.А. О культуре городищ-убежищ... С. 69.
13. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992. С. 120.
14. Там же.
15. Шмидт Е.А. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра // Археалогія і старажытная гісторыя Магілеўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў. 1994. С. 108. Рис. 9.
16. Там же. Рис. 2.
17. Там же. С. 109. Рис. 7.
18. Шмидт Е.А. Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 6. Минск, 1995. С. 111. Рис. 1: 14.
19. Шмидт Е.А. Археологические памятники... С. 33. Рис. 13: 19, 20.
20. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты... С. 273 и след.
21. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 42 и след.
22. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. I. Минск, 1970. С. 254.
23. Лапушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 89.
24. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973. С. 105.
25. Сымонович Э.А. Опыт сопоставления керамики Белоруссии и балтийских племен I тыс. н.э. // Беларускія старажытнасці. Минск, 1972. С. 95.
26. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра... С. 131—140.
27. Казакявичюс В.К. Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс, 1988. С. 22—48.
28. Перхавко В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1973. № 3. С. 122.
29. Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. № 4. С. 40—55.
30. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 72.
31. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 236.
32. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 291.

Tatiana Štefanovičová

SLAVIC SETTLEMENT OF GREECE IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES

In spite of the fact that the Slavic settlement in Greece has not yet been completely elaborated, a sufficient attention has been paid to it in research of various scientific branches. Archaeological research is slowly and gradually completing the picture already longer known from written and linguistic sources. There exist relatively few archaeological sources and with their character they cannot complete with the more attractive findings and monuments of the Byzantine culture, that's why little attention is paid to them in the territory of Greece. In the last decades findings have, however, appeared enabling to reconsider the problems of Slav settlement in that country.

Up to now, the question of Slavic settlement has most thoroughly been examined by M.W.Weithmann [1] in his monography from 1978, where he collected in detail the older historical, linguistical and archaeological literature. In the archaeological part of the work he paid the greatest attention to the time of the arrival of the Slavs to the Greek peninsula. V.Popovič treated this period several times too, lately in detail in his study (1980) [2] on the origin of the Slavs in the Balkans. As to the monuments of material culture, first of all he worked with findings of coins and also with those of other groups of objects e.g. fibulas of ray shape.

Slavic ceramics from the excavations of the French archaeological school in Argos was described and analysed by P.Aupert [3]. Yannopoulos [4] linked up with him when elaborating historical connections. The Slavic findings from the near-by excavations of the German school in the castle of Tyrins were published by K.Kilian [5]. A new feature in these findings was the fact too that in both cases settlement findings were concerned whose bearers had used older settlement formations in distinction from the informationally published grave findings known up to then and originating from Olympia on the Peloponnese which could undoubtedly be considered as the Slavic ones [6]. The data on these last discoveries, partially published in the 60-ies, were reported in the study Sp.Vryonis from 1992 [7]. The author brought here the description of the whole set of approx. 40 vessels found in Olympia during the construction of the new museum. The author states that he had photographs at his disposal which he could identify with the vessels, he, however, had very brief notes only regarding the circumstances of those findings. It is rather difficult to follow the description of the findings on the photographs, especially the quality of the ceramics and its decoration.

The publication of several localities with characteristic Slavic ceramics shifted the discussion on the Slavic colonization of Greece to a new position. In the past apart from written information and language documents, not

quite unambiguous finds of material culture such as belt buckles and fibulae were as an evidence to the Slavic settlement. Burials with weapons or with Byzantine vessels were considered to be an intervention of a foreign population, because the then burial ritual had not known such customs in the Byzantine empire. Testimonies to the raids were the destroyed Byzantine towns as well, where destruction layers were found, the hiding of hoards consisting of coins and the so-called documents ex silentio such as the settlement of the Byzantine population on islands desert till then [8]. The discussion on the origin of the fibulae finished unambiguously by proving their Byzantine origin [9]. Even when with certain reservations, the ray shape fibulae always are considered an evidence of the presence of the Slavic ethnics and their findings are gradually increasing. The researchers are not of a uniform opinion as to their origin, some of them consider them Slavic, others see the origin in German environment and take them for an expression of the fashion of that period which the Slavs too used in original make or in derived imitations.

The authors mostly hold to the original elaboration and classification of these fibulae by J.Werner [10], who divided them into two large groups (fig. 1). The group I dominates on the Balkan territory and in the Danube basin and J.Werner supposes its origin in this space. The provenience of the group II is without dispute in the Ukraine, but I shall not discuss it, because these types occur only quite sporadically on the Balkan territory. The opinion on the Balkan origin of the fibulae belonging to the Werner group I A—C was lately presented by A.Charalambieva [11] with the comment that its documentation required a deeper analysis still. A new view of the question as to the origin of these fibulae has been brought by the finding of a workshop for their casting in the middle Dniester basin [12]. Which casts doubt on the theory of their Danube-Balkan origin. Further types of the group I, smaller shapes and their derivates were probably made in the Danube basin and Balkans. This is attested by several new findings from the territories of Serbia, Bulgaria and Roumania [13]. Very probable is the spread of all types of the group I through the intermediary of the Slavs. This is testified to by grave wholes especially of burnt-burials where fibulae are found together with Slavic outfit, first of all ceramics [14].

The mapping of the group I findings according to V.Popovič, which I tried to complete by new findings from Bulgaria and Greece (fig. 1), shows the largest concentration especially of the types A, B and C on the Lower Danube, from where according to the author of the map they penetrate to the south to Macedonia, Albania and Greece and to the south-east, to Bulgaria and Asia Minor. A new interesting finding comes from the Greek territory, from the locality Dion, district Kateriny under the Olympus, published by G.Gounaris in 1984 [15], that can be classed with the group I C. As to the dating of ray shape fibulae, with most researchers the 7th century prevails, only in some cases on the basis of finding circumstances the end of the 6th and the 7th centuries are taken into consideration. From the Greek findings,

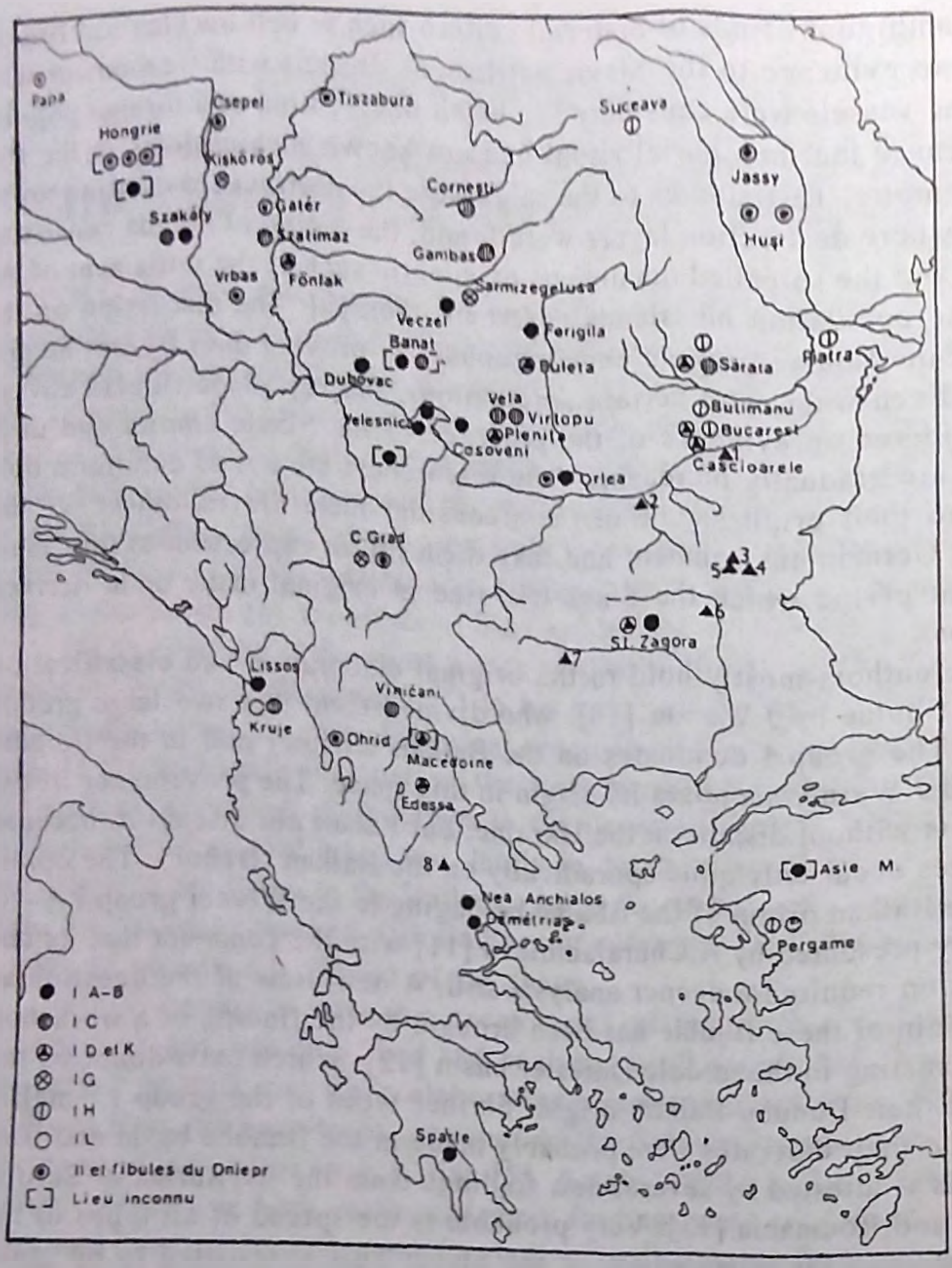


Fig. 1. Fibulae on the Balcan Penninsula
After V. Popović with supplement 1 — Krivina; 2 — Nova Černa, 3, 5 — Riš; 4 — Ljuljakovo, 6 — Kabile, 7 — Plovdiv; 8 — Dion

Werner dates the older ones to the 7th century. According to Gounaris even the fibulae from Edesa by Joanina originate from the 1st half of the 7th century, the finding circumstances for the fibula from Dion are not known in detail, it is possible to date it to the 7th century as well.

A quite convincing evidence of the Slavic settlement of Greece in the time of Slavic expansions are the present findings of ceramics stemming from several localities (fig. 2). The Slavic ceramics is quite unusual in the Greek environment and can be very well singled out from the home, Byzantine products. Although middle-Helladic, a more coarse ceramics was found on the

ancient locality Argos reminding of Slavic findings by its material mixed with siliceous sand, its shapes are, however, altogether different. P.Aupert [16] discovered Slavic findings when examining the Byzantine thermae A which according to the findings from the destruction layer and in harmony with the overall situation according to historical sources were destroyed during the Avarian and Slavic inroad of 584—586. Other authors too, e.g. V.Popovic and Yannopoulos consider the Avarian-Slavic invasions in this year as the beginning of the settlement process in this part of the Balkans by the Slavs. Slavic ceramics of settlement character was found according to the author in the destruction layer, that's why he dates it to the year 585. In his study he describes 59 findings, among which one vessel is complete, four can be reconstructed and the rest are potsherds. He locates their station on the ground plan of the thermae, the stratigraphic situation is not documented. The ceramics is mostly handmade, some pieces were turned. The material used is mostly mixed with coarse sand, the surface is rough, much porous, the colour is brown-red, on some spots dark grey. Some sherds were made of a finer clay. Nearly one half of the findings were not adorned, the rest has a decoration of engraved lines in various patterns. On some the whole surface is covered with dense horizontal lines, elsewhere, on the whole surface of the vessel there are pairs of horizontal lines and elsewhere again the horizontal lines are combined with a simple or multiple wavy line or with a cassette ornament. In some cases the inner part of the brim is decorated as well. The shapes are potlike, with the brim turned out, non-profiled mouth, the largest bulge is mostly in the middle of the vessel height, however a shape was also found with the bulge near the bottom. It can be said that the characteristic shape and overall habitus of the Prague type did not occur among the pieces. The whole set has rather features near to the later group Popina Garvan in North-East Bulgaria [17]. This, however, would be at variance with the dating of the Argos findings, because the group Popina Garvan is dated as late as the middle of the 7th century. The question is whether it is possible to connect the destruction of the Byzantine locality — which we can suppose according to written sources as well as Byzantine findings from the destruction layer for the years 584—586 — directly with the Slavic settlement. Several cases show that the reflection of the raids dated by written sources cannot be immediately found in the findings of material culture as well. The settlement process lasted one generation at least and the documents of material culture can be of a later date than the arrival or the invasion of a new ethnics recorded in writing. The invasions of the Slavic tribes to the Bulgarian territory are e.g. recorded in written sources several times in the 6th century; in material culture they made themselves felt by destructions of several fortifications of the Danube limes and in its hinterland, the evidence of a more coherent settlement on this territory however appeared only at the break of the 6th — 7th centuries and in the 7th century and so I am leaving this question opened for a further discussion.

A similar situation is in the castle of Tyrins (only a few kilometres dis-

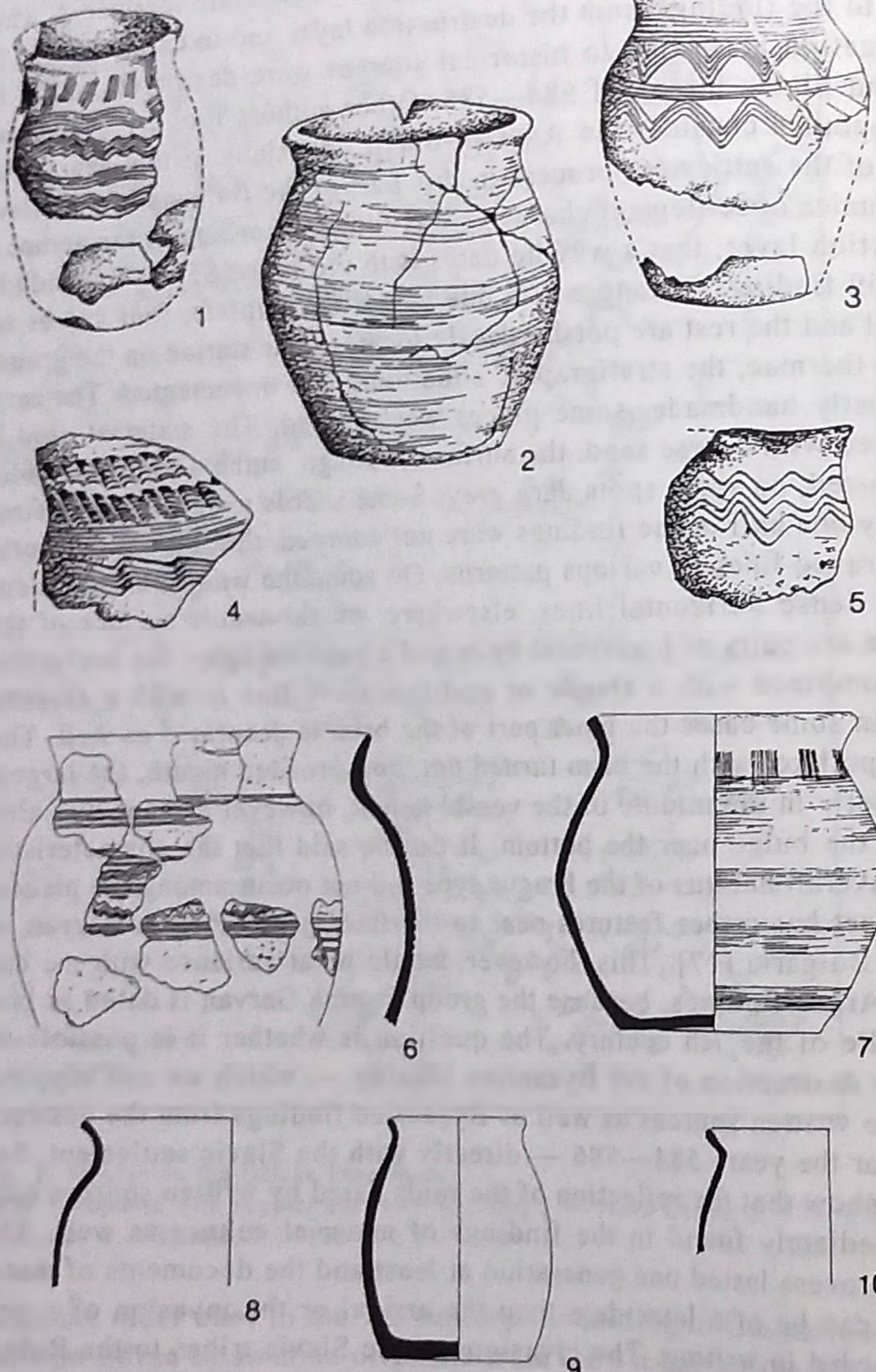


Fig. 2. Ceramic. 1—5 — Argos; 6 — Tyrins; 7—10 — Argos

tant from Argos), although we have less findings from the oldest horizon there. The rests of a vessel from the settlement round the castle are very akin to the findings from Argos and this by their coarse material containing much sand and a very porous surface. According to K.Kilian [18] the handmade vessel decorated with an engraved ornament ranges with the second Early Slavic horizon of the ceramics of the South and West Balkans, i.e. to the end of the 6th and to the following 7th centuries. Further rests of ceramic findings from the settlement round the castle can be dated similarly. Apart from these settlement findings Kilian mentions two small shrine graves from the settlement round the castle; although they did not contain any datable findings, the way how the graves were arranged allows to adjoin them to early mediaeval graves on the territory of the Balkans which sometimes contain burnt-burials. To this horizon iron objects belong too, especially arrow points and lances, one of them with the opening for the ignition material has analogies in Avarian inventory of the 7th century. It is interesting that the site was settled in 10th cent. too; this is documented by the findings of a female grave with a torded bracelet and of a further tape bracelet with engraved and stamped decoration.

Slavic graves were found in other places too. The skeleton grave with a vessel stems from Corinth [19]. From the Early Middle Ages further four skeleton graves with weapons and parts of habits of warriors were found in Acrocorinth as well as three graves on the Agora in Corinth. The burnt-burial ground in Olympia is of great importance for the knowledge of the Slavic settlement; its ceramic material was published by Vryonis in 1992 [20] — it is a set of approx. 40 vessels, but in view of the unsufficient documentation the total number of graves could not be established. It was possible to identify 16 graves, containing mostly one vessel (urn), only in the grave 11/63 two vessels were deposited and in the grave 8/63 three vessels. 40 ceramic wholes were distinguished, entire vessels, parts of vessels and groups of sherds. Some graves contained beads made of glass paste with a fused in bronze pipe, knife, sharpening steel. The ceramics is not quite equivalent, the greater part is made of coarse sand material with uneven surface. The handmade pieces are often a little asymmetrical. Vessels made of a finer clay have been found too. The author compared it especially with Bulgarian findings. He divided it into 6 types keeping to the work by Dontcheva-Petkova [21]. First two types agree with her classification, but the other ones have no analogy in her publication. This rather large burial ground could have existed for a longer time and possibly its users too had not represented one population group only. For the time being this is the largest corpus of ceramics from the territory of Greece. Even when some vessels approach the ceramics of Argos with their material and rough working, their surface is not so much porous and quite often vessels are made from a finer material, some of them turned on the potter's wheel. The set differs in shapes too; the potlike vessel with a bulge in the upper part of the body is represented nearly as often as the vessel with the bulge in the middle of the vessel height, eventually in its

lower part. Therefore it is perhaps possible to take various groups of inhabitants into consideration; without a direct study of the findings this can however be said only with difficulty. The author dates the set to the end of the 6th and the 7th centuries what can essentially be agreed to. As far as the settlement of the Peloponnese is concerned, in my opinion a more coherent settlement took place in the 1st quarter of the 7th century when invasions to Crete and other Greek islands were undertaken from here in 623 [22].

Whilst a rather large attention was paid to the oldest settlement of Greece by the Slavs, its further development remained somehow in the background. We however know from historical sources that the Slavs lived on the Peloponnese more or less without any control by the Byzantine empire till the year 805 when it defeated them in the battle of Patras. In no way could this fact mean their decline, because we know from the sources that they survived on this peninsula till the 13th — 14th centuries. Archaeological findings of the younger Slavic settlement are sporadic or a sufficient attention was not paid to them. Already M.Čorovic-Ljubinkovičova [23] pointed to the possibility of archaeological evidence of the Slavic settlement of the Peloponese in the High Middle Ages (9th — 11th centuries on this territory) in connection with the findings of the systematic archaeological research in Corinth. The transition between the 7th — 9th centuries is possibly represented by the graves from Meróni Pagonion near Joanina where coarse handmade ceramics and rings with shields were found [24]. K.Kilian [25] brings a more detailed list of findings in his article on Tyrins where he published the already mentioned female grave with a torded bracelet dated to the 10th century. As for later findings, five graves from Naupaktos can be mentioned [26]. In two of them gold and silver earrings and rings adorned with granulation and filigree stemming from the 8th — 9th centuries were found. Further graves were found in Thebes, deposited in stone shrines with an east — west orientation. They contained pearls and earrings from the 9th — 10th centuries. The graves from Myradato originate from the 10th century; they contained tabret earrings and a necklace [27].

It is not possible to analyze all findings here, I only would like to mention some connections. First of all graves equipped with jewels are strange in the Byzantine environment already in the foregoing time. They testify to a certain barbarization of the society connected with the arrival of the Slavs, we therefore can consider them as an evidence of the appurtenance to the Slavic ethnics even in the 9th century and later. The jewel found in them has its origin in Byzantine models, its forms however are evident rusticalized derivates that found a broad application on the territory of the South Slavs on the Balkan peninsula. Typical is the silver tabret earring with 4 tabrets consisting of two hollow hemispheres and a low arch adorned with filigree, stemming from the grave № 1821 on the Corinth Agora; it was accompanied by lunar shape earrings, with open-work and filigree and granulation adornment as well as by two rings with a gem and a plate ring with a pentogram [28]. A similar one was found in a grave in Magula in central Thessaly [29],

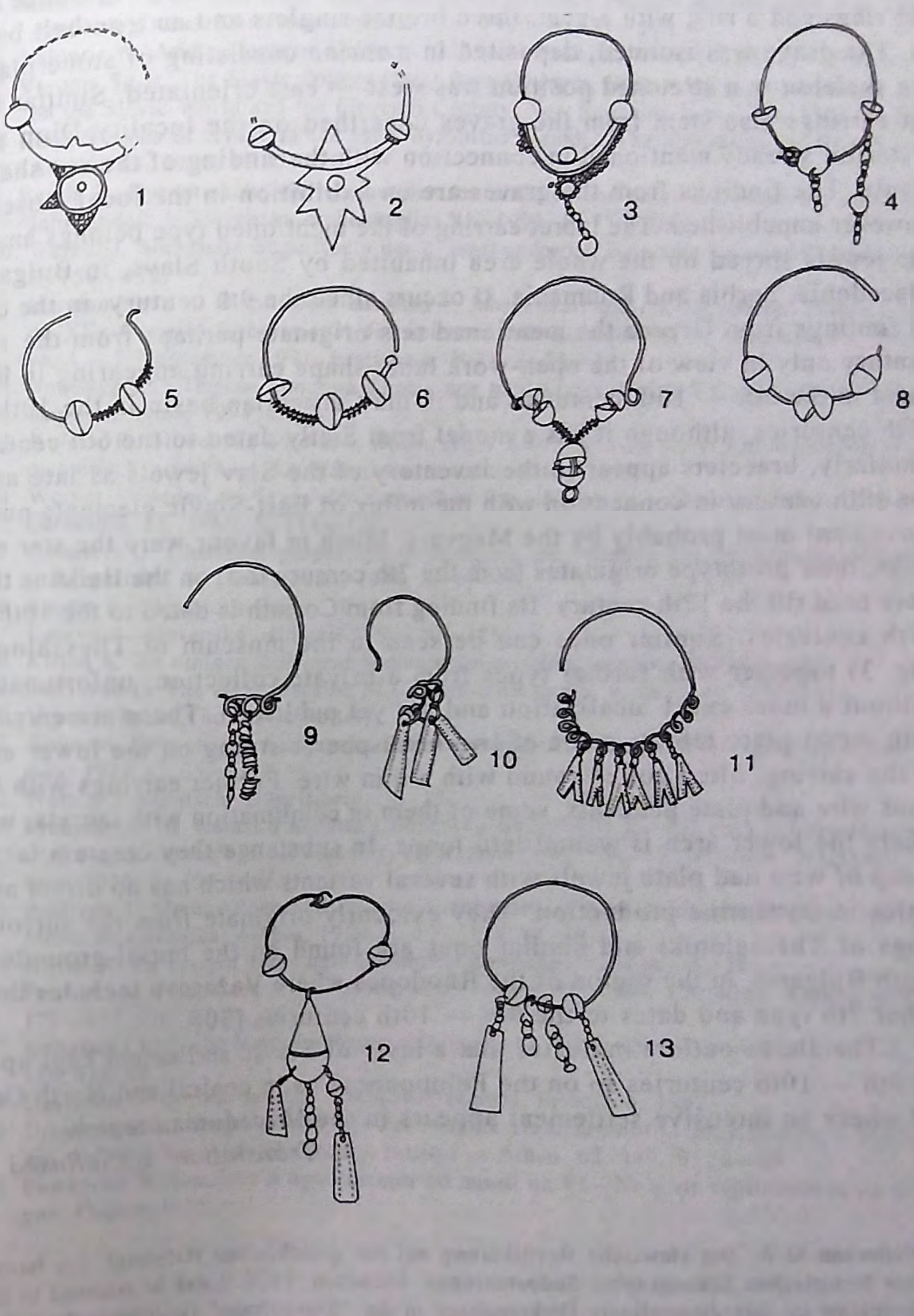


Fig. 3. Earrings from the Museum of Thessaloniki

accompanied by a fragment of a similar earring, silver pendant, bronze bracelet made of simple stick with wrought end and a hooklet, two bronze shield rings and a ring with a gem, three bronze ringlets and an iron belt buckle. The grave was isolated, deposited in a shrine consisting of stone plates, the skeleton in a stretched position was west — east orientated. Similar tabret earrings also stem from the graves unearthed on the locality Dion near Katerini, already mentioned in connection with the finding of the ray shaped fibula. The findings from the graves are on exhibition in the local museum, however unpublished. The tabret earring of the mentioned type belongs among the jewels spread on the whole area inhabited by South Slavs, in Bulgaria, Macedonia, Serbia and Roumania. It occurs since the 9th century, in the case of findings from Greece the mentioned sets originate perhaps from the 10th century only in view of the open-work lunar shape earring appearing in Bulgaria in the 9th — 10th centuries and in the Carpathian basin in the 10th — 11th centuries, although it has a model from Sicily dated to the 6th century. Similarly, bracelets appear in the inventory of the Slav jewels as late as in the 10th century in connection with the influx of East-Slavic elements put to movement most probably by the Magyars. Much in favour were the star earrings, their prototype originates from the 7th century too, on the Balkans they were used till the 12th century. Its finding from Corinth is dated to the 10th — 11th centuries. Similar ones can be seen in the museum of Thessaloniki (fig. 3) together with further types from a private collection, unfortunately without a more exact localization and not yet published. These are earrings with metal-plate tabrets made of two hemispheres strung on the lower arch of the earring, often coiled round with a thin wire. Further earrings with various wire and plate pendants, some of them in combination with tabrets, with others the lower arch is wound into loops. In substance they create a larger group of wire nad plate jewels with several variants which has no direct analogies in Byzantine production. They evidently originate from the surroundings of Thessaloniki and similar ones are found on the burial-grounds of South Bulgaria, in the region of the Rhodopes where Važarova includes them in her 7th type and dates to the 9th — 10th centuries [30].

The above outline indicates that a layer of Slavic settlement kept up in the 9th — 10th centuries so on the Peloponnese as in central and North Greece where an intensive settlement appears in the Macedonian region.

Translation: L.Cidlinská

1. Weitmann M.W. Die slawische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. Ein Beitrag zur historischen Ethnographie Südosteuropas. München, 1978. Later he returned to that problems in: Interdiscriplinäre Diskrepanzen in der "Slavenfrage" Griechenlanda // Zeitschrift für Balkanologie. 30/1. 1994. S. 85—111.
2. Popović V. Aux origines de la slavisation des Balkans // La constitution des premières Sklavinies Macédoniennes vers la fin du VIe siècle (Acad. des Inscr. et Belles Lettres. Comptes rendues Januar-März). 1980. P. 230—257.
3. Aupert P. Céramique Slave à Argos (585 ap. J.C.) // Bulletin de Correspondance Hellénique. Supplément VI. 1980. P. 373—394.

4. Yannopoulos P.A. La pénétration Slave en Argolide // Bullet. de Correspond. Hellénique. Supplement VI. 1980. P. 323—371.
5. Kilian K. Zu einigen früh- und hochmittelalterlichen Funden aus der Burg von Tyrins // Archäologisches Korrespondenzblatt. 10. 1980. S. 281—290.
6. Yalouris N. Archaiologikon Deltion. 17. 1961—1962. S. 107. Pl. 117; 21. 1966. S. 170.
7. Vryonis Sp.Jr. The Slavic Pottery (Jars) from Olympia, Greece // Byzantine Studies. Essays on the Slavic World and the Eleventh Century. New Rochelle; New York, 1992. P. 21—40.
8. Hood S. Isles of refuge in the early byzantine period // The Annual of the Brit. School at Athens. 65. 1970. P. 37—45.
9. Varsik B. Byzantinsche Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donauraum im 6. und 7. Jahrhundert // Slovenska archeologija. XL. 1992. S. 77—108.
10. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150—172.
11. Haralambieva A. Bügelfibeln aus dem 7. Jahrhundert südlich der unteren Donau // Actes du XIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Bratislava, 1—7. September 1991. Bratislava, 1993. S. 25—32.
12. Винокур І.С. Перша ливарна форма для пальчатых фибул // Старожитності Русі — України. Київ, 1994. С. 23.
13. Koleva R. Slovenské osidlenie Bulharska v 6.—7. storočí vo svetle archeologickych a písomných prameňov. Kandidatska dizertácia. Nitra, 1991.
14. Werner J. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäisher Ländern // Germania. 38. 1960. S. 114—120.
15. Gounaris G. Chalkines porpes apo to oktagono ton Filippon kai ten kentrike Makedonia // Byzantiaka. 4. Thessaloniki, 1984. S. 49—59.
16. Aupert P. Ceramique Slave... P. 392.
17. Koleva R. Slovenské osidlenie... S. 120—125.
18. Kilian K. Zu einigen früh- und hochmittelalterlichen Funden... S. 281—283.
19. Davidson G. The Avar invasion of Corinth // Hesperia. 6. 1937. P. 227—241.
20. Vryonis Sp.Jr. The Slavic Pottery...
21. Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие. София, 1977. С. 35—51.
22. Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 171.
23. Ljubinković M. Nalazi u Korintu i slovenska arheologija X—XII veka // I międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej (Warszawa 1965). Vol. 5. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 454—467.
24. Andreou I. Meróni Pogoniou (Nomos ioanninon) // Archaiologikon Deltion. 29. 1984; Meros B. Chronika. Athens, 1989. S. 177, 178. Pl. 69.
25. Kilian K. Zu einigen früh- und hochmittelalterlichen Funden... S. 286.
26. Petritaki M. Naupaktos // Archaiologikon Deltion. 42. 1984; Chronika. Athens, 1992. S. 173—175. Fig. 10. Pl. 86.
27. Korlakou Ch. Theba // Archaiologikon Deltion. 42. 1984; Chronika. Athens, 1992. S. 118, 119. Fig. 69.
28. Davidson G. Corinth results. The Minor objects. Princeton, 1952.
29. Grundmann K. Ausgrabungen auf der Magula Hadzimissiotiki im Karlasee // Mitteilungen d. Deutschen Archäologischen Institut in Athen. 62. 137. S. 56—69.
30. Въжарова Ж. Славяни и прабългари по данні на VI—XI в. от територията на България. София, 1976.

Ђорђе Јанковић

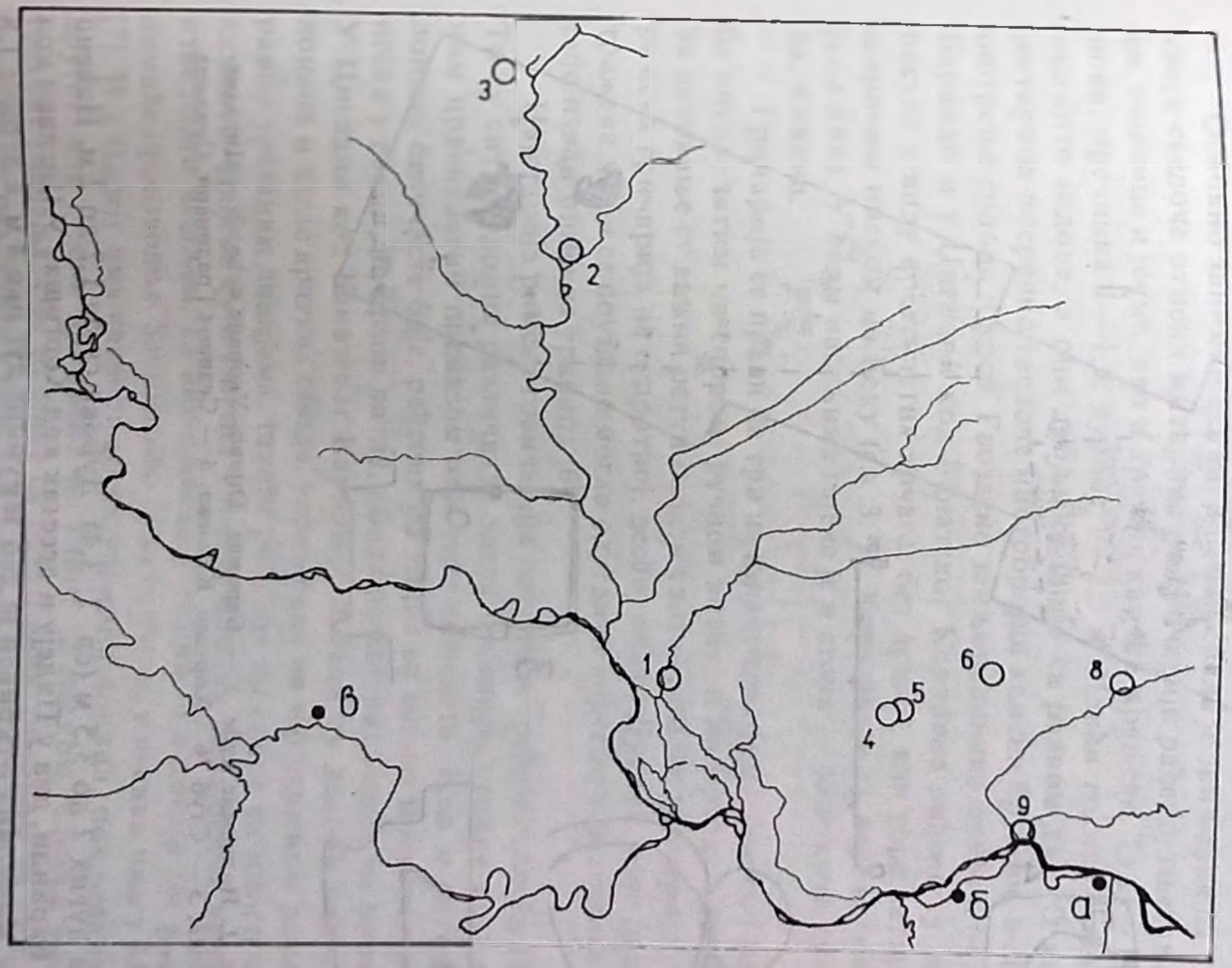
СЛОВЕНСКЕ ОСОБИНЕ НАСЕЉА ПОЗНОРИМСКОГ ДОБА НА ЈУГОИСТОКУ ПАНОНИЈЕ

Југоисточни део Панонске низије има особену културу у каснорим-ско доба. Обухватала је Банат и Бачку, односно међуречја Дунава и Нере, Караша, Тамиша и Тисе, на север до Мориша (сл. 1). На примерима са нових необјављених ископавања у Баранди код Опова, код Хоргоша («Стуб 76»), и заштитних ископавања у циглапама у Падеју близу Аде и Банатском Карловцу код Алибунара, као и оних раније објављених налазишта (Црвенка код Вршца, Селиште — Банатски Карловац. Сапаја код Беле Цркве, Селиште у Градинарију код Оравице) [1], показаће особине те културе. Најважнија археолошка питања су њено датовање, порекло и етничка припадност из којих произилазе и запимљива питања друштвених и етничких односа на римској граници IV столећа. За сада се поуздано може говорити само о насељима ове културе. Гробља овог доба, која се обично приписују Сарматима, нису систематски истраживана, па се зато овде не разматрају [2].

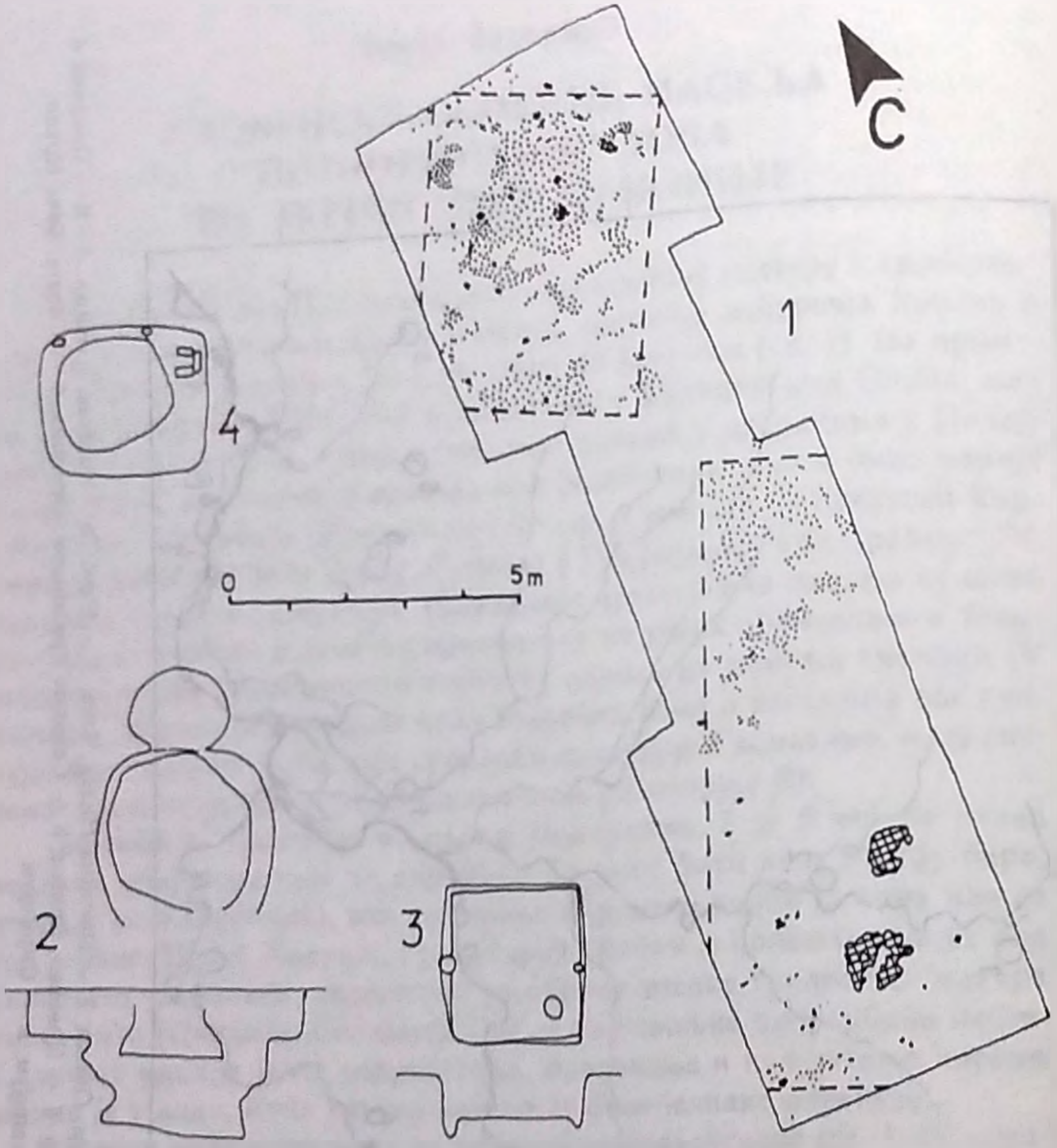
Насеља су смештена на малим узвисинама, 2 до 6 метара изнад водених површина које их окружују. То могу бити косе између бара, језера и реке (Баранда), или узвишења окружена водом са свих или са три стране (Падеј, Хоргош, Градинари). Особен је положај насеља код Банатског Карловца, смештених уз обрпве високе тридесетак метара изнад рита (Циглана, Селиште). Све су то повољна одбрамбена места. У случају напада јачег непријатеља, повлачење и напуштање насеља водило је у воду. Куће унутар насеља су биле једнако окренуте.

Основе надземних кућа по правилу су правоугаоне (сл. 2: 1), страна дугих око 5 и више метара (Баранда, Хоргош, Градинари). Биле су брвнаре или дашчаре, сапрађене од положено слаганог дрвета. Основа надземне зграде са отисцима стубова нађена је само у Градинарију. Подови кућа су били од набијене земље. На оси куће могло се налазити земљано огњиште. Кров је морао бити на две воде Неке куће су имале таваницу облепљену лепом. У изгорелом слоју насеља у Баранди на лепу су отисци прућа и облица. У изгорелој кући из Хоргоша на лепу нема таквих отисака, што значи да је леп био на тавану од дасака. Ако куће које су изгореле нису имале леп на таваници или зидовима, њихови остаци се врло тешко могу уочити. Зато треба претпоставити да је надземних кућа било много више него што се то чини по сачуваним остацима.

Укопана станишта су чешћа од надземних кућа, јер се лакше сачувају и открију. Мања су, најчешће квадратне, али и правоугаоне осно-



Сл. 1. Насеља IV—V ст. 1 — Баранда, Опово; 2 — Циглана-Падеј, Чока; 3 — Стуб 76 – Хоргош, Кањижа; 4—5 — Циглана и Селиште — Банатски Карловац, Алибунар; 6 — Црвенка, Вршац; 8 — Селиште Градинари, Оравица; 9 — Сапаја, Бела Црква. Римски градови: а — Пинкум, б — Виминацијум, в — Сирмијум



Сл. 2. Надземне куће. 1 — Баранда, Оново. Укопане куће. 2 — Циглана-Падеј, Чока; 3 — Стуб 76 - Хоргош, Кањижа; 4 — Селиште Градинари, Оравица (по О.Бозу)

ве, страна дугих 2 до 3,5 м (сл. 2: 3,4). Дубока су од 1,2 до 2 м. Нађено је једно у Баранди, два у Падеју и десетак код Хоргоша. У Циглани код Банатског Карловца откривен је део земунице дуг око 4 м, а дубине 1,8 м. У Старој Торини код Палића близу Суботице, нађена је замуница са две одаје укупне величине око 6 х 3 м, дубине око 2 м, на које се надовезивао трап [3]. Слична земуница од две одаје, величине 5,6 х 2,2 м, са банком дуж зидова и приступним рововима — улазима, дубине до 1,75 м, нађена је у Његошеву код Бачке Тополе [4]. Зато претпостављам да су и надземне куће могле бити подељене на две просторије. У укопаним

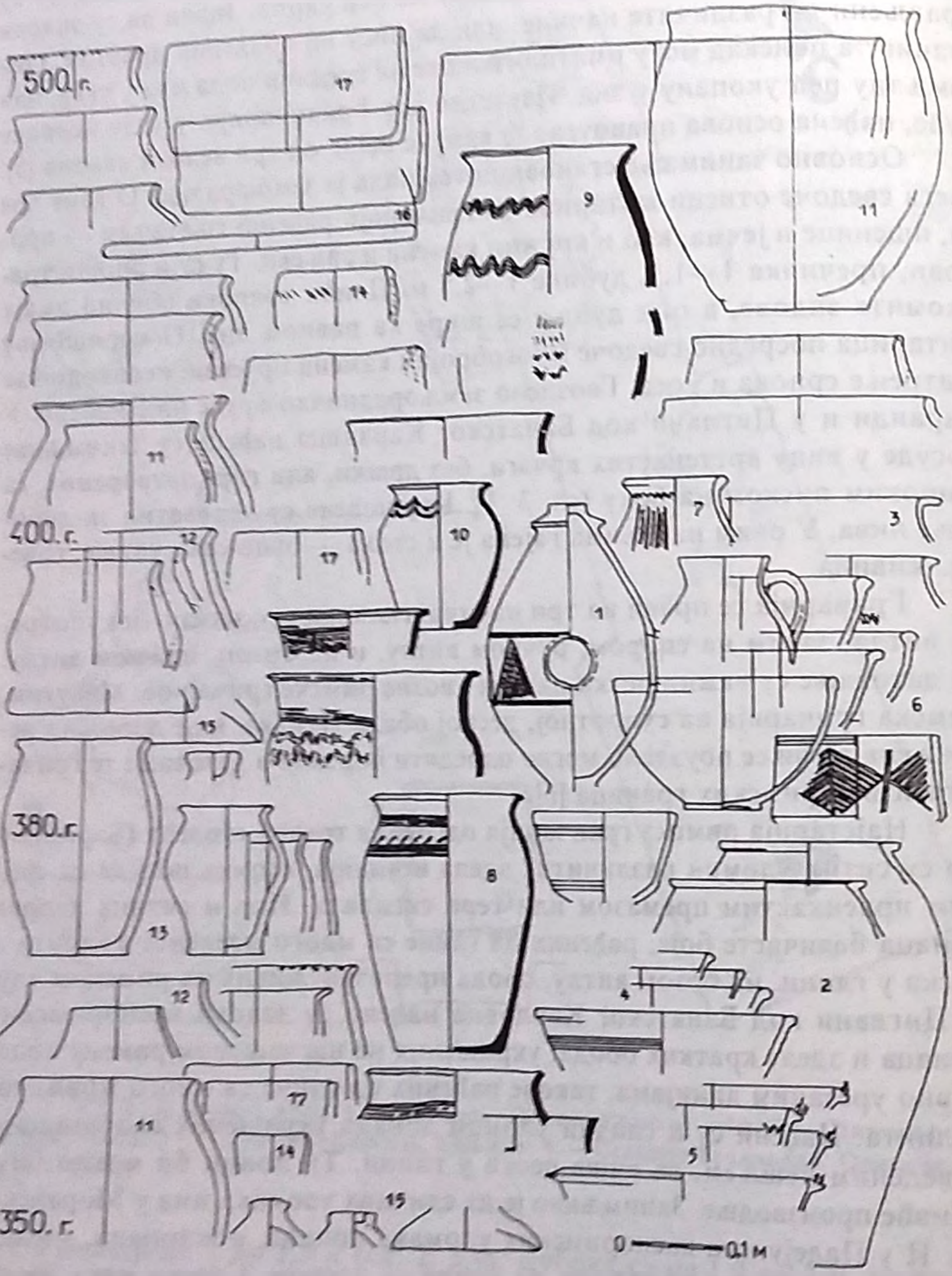
стаништима ретко се наилази на трагове стубова. У Градинарију су налажени поред зидова, а у Хоргошу на оси укопа. Значи да су зидови прављени на различите начине, или да нису ни облагани дрветом. Ова станишта понекад могу имати огњиште на средини пода или у углу, или земљану пећ укопану у зид. Изузетно је у Градинарију, у углу укопане куће, нађена основа правоугаоне камене пећи, од три велика камена [5].

Основно занимање становништва била је земљоradња. О томе пре свега сведоче отисци житарица на грнчарији рађеној гњетањем — проса, пшенице и јечма, као и кружни камени жрвњеви. Ту су и бројни трапови, пречника 1—1.5, дубине 1—2,5 м. Плићи трапови обично имају окомите зидове, а они дубљи се шире ка равном дну. О коришћењу житарица посредно сведоче многобројни камени брусеви, неопходни за оштрење српова и коса. Гвоздено земљорадничко оруђе није нађено. У Баранди и у Циглани код Банатског Карловца нађене су занимљиве посуде у виду вретенастих крчага, без дршки, али горе затворених, са широким писком на боку (сл. 3: 1). Коришћене су вероватно за добијање пива. У овим насељима гајена је и стока — овце/козе, свиње, говеда, живина.

Грнчарија се прави на три начина: гњетањем, односно без употребе витла, затим на спором, ручном витлу, и на брзом, ножном витлу. За датовање су важни ретки налази увозне римске грнчарије. Међутим, римска грнчарија на супротној, десној обали Дунава, није довољно истражена да би се поуздано могло одредити порекло и датовање те грнчарије изван римских граница [6].

Најстарија римска грнчарија одговара трећем столећу (Баранда). То су ситни уломци различитих здела и чинија, стоних посуда са сјајним црвенкастим премазом или тера сигилата. Има и ситних делова лонаца беличасте боје, рађених од глине са много млевеног калцита и песка у глини, на брзом витлу, обода препознатљивих на римском тлу. У Циглани код Банатског Карловца нађени су делови касноримских лонаца и зделе кратких обода, украшених на наглашеном рамену водоравно урезаним линијама, такође рађених од глине са много мрвљеног калцита. Нађени су и слични уломци лонаца украшених валовницама изведеним чешљем, са више песка у глини. Ти лонци би могли бити домаће производње. Занимљиво је да сличних уломака има у Моравској [7]. И у Падеју има касноримских уломака лонаца, поклопаца, здела и другог, али су они прављени од глине са песком. Споља могу имати трагове глачања. Ове разлике су разумљиве, обзиром да су посуде набављане из различитих римских провинција. Уломака римског посуђа има и у најмлађем насељу код Хоргоша, али за њих нису познате аналогије. На свим овим налазиштима има и делова великих амфора IV—V столећа, али оне не омогућавају уже датовање.

Најразноврснија је домаћа грнчарија рађена на брзом витлу. Прави се од чисте глине сиво печене. Често је у прелому светлија. Нађене су грнчарске пећи са оваквим посуђем, са ложиштем из два дела, испод



Сл. 3. Грнчарија IV—V ст. рађена на брзом витлу (десно), на спором витлу (црног пресека) и гњетањем (лево), из Баранде (доле), Цигланк-Падеј и Банатски Карловац (средина) и Хоргоша (горе)

решетке (Градинари, Црвенка). Запажа се да ова грнчарија подражава римске облике, али са извесним закашњењем. Најчешће посуде су различите зделе, а затим издужени велики лонци (сл. 3: 2). Потом има и различитих бокала, крчага, тањира, чинија, лонаца, и т.д. Украшене су глачањем и утискивањем — правим линијама и валовницама, а понекад и површинама испуњеним мрежом или косим линијама.

Налазишта се могу раздвојити на старија и млађа управо по разликама у сивој грнчарији. Старијем слоју припадају налазишта у Баранди, Банатски Карловац — Селиште, грнчарске пећи у Градинарију и Црвенки, Сапаја. Другом слоју припадају налази из Падеја, Банатског Карловца — Циглана, насеље у Градинарију. Грнчарија се најлакше разликује по ободима. На старијим великим лонцима су ободи дебљи а краћи; стањују се одоздо а одозго су равни, или се стањују са обе стране. Глачани су само са стране. Ободи млађих великих лонаца су често дуги и танки, нагнути на доњу страну (сл. 3: 3). Заглачани су са свих страна, па донекле и изнутра. Старије зделе најчешће имају неправилно кружно задебљан обод, или једва наглашен заобљеним задебљањем са унутрашње стране (сл. 3: 4). Особене су зделе широког, нагнутог обода, одозго украшеног валовницама (сл. 3: 5). Таквих здела касније нема. Млађе зделе најчешће имају јаке ободе, споља заобљене а изнутра мање или више наглашеног прелома, затим сличне али мање наглашене и нагнуте на спољну страну, или су то затупасти ободи (сл. 3: 6). Ово грнчарство показује опште сличности са сивом грнчаријом изван римских граница. Сличност неких крчага (сл. 3: 7) са примерцима из Моравске, можда није случајна, обзиром на друге везе које постоје са северозападном Панонијом [8].

Највећа особеност ове културе је грнчарија рађена на спором витлу, украшена чешљем. Најчешће посуде су лонци, али се у млађим насељима изузетно појави котао са дршкама над ободом, здела вршник (сл. 3: 8). Праве се од глине са додатком врсте — дробљеног калцита, песка и зрна лискуна. То указује на источни Банат, где има таквих стена. Најчешће су украшавани чешљем са 4—8 зуба, на горњем делу рамена, али није реткост да се украси цео горњи део лонца, па и обод одозго. Обично је горе водоравни сноп, а испод су валовнице или коси убоди. Валовнице и наизменично окренуте косе убоде могу уоквиравати водоравне линије. Ретко се појављује употреба шиљка за украшавање (Баранда, Градинари, Хоргош). Код Хоргоша је нађен лонац начињен од другачије глине, украшен само валовницама (сл. 3: 9). Лонци су по правилу 50% виши но шири. Изузетак је низак лонац из Циглане у Банатском Карловцу (сл. 3: 10). Старији ободи најчешће су одозго равни (Баранда), а они млађи су нагнути на спољну страну и мало извучени (Падеј, Циглана у Банатском Карловцу).

Насеља са оваквом грнчаријом истраживане су у Словачкој, а има је и у суседним областима [9]. Датују се у III столеће и касније, а њихово порекло се види у келтско-дачким традицијама. Слично украшених

лонаца има у области Бердана у I столећу, где се обично приписују Јачанима [10]. Такав украс се јавља и на истовременом посуђу у Доњој Панонији и даље дуж римске обале Дунава, где се обично приписује доморонима [11]. Сличи уломци лонаца нађени су у гробљу спаљених и сахрањених покојника код Сирмијума, датованом у III—IV столеће [12]. Према антрополошким анализама, то гробље су користили Словени [13].

Грнчарија рађена гњетањем нађена је на свим налазиштима. Најчешћи су лонци различитих облика, затим поклопци. Ретко се налазе шоље, чиније окомитих зидова, зделе, преслице или кружне плоче. Праве се од глине са додатком пробљене грнчарије — шамота. Површина је сива или прљаво браон боје, а у прелому тамно сива или црне боје. Споља на лонцима понекад има отисака житарица, који се ретко виђу и у прелому посуда.

Лонци су различитих облика, по правилу разгрнутих обода, кратких и дужих. Током свог трајања ове културе праве се лонци заобљеног тела које се сужава ка дну (Бараћа, Палеј и Хоргош где су најчешћи — сл. 3: 11). Имају су по односима висине и ширине блиски лонци наглашеног правог или чак угнутог рамена (Бараћа, Палеј — сл. 3: 12). Код њих је обод мање разгрнут или усправан. Следећа врста су лонци ваљкастог тела, који могу имати најчешће пречник на средини висине, или наглашено раме (сл. 3: 13). Једини украс оних лонаца могу бити јамице на ободу. Изузетно се појави и наслонница на горњем делу лонца. Само у најмлађем Хоргошу има лонаца без врата, са једва наглашеним или ненаглашеним ободом. Редак налаз су мањи лонци без врата, ненаглашеног обода благо повијеног на унутрашњустрану (Бараћа, Хоргош — сл. 3: 14). И мале посудице за пиће, висине 0,05—0,1 м, могу бити таквог изгледа, или су са вратом и разгнутог обода, или су у виду ваљка (Бараћа).

Поклопци су у виду ниске купе са дугметастом или претепастом дршком (Бараћа, Палеј — сл. 3: 15). Таквих дршки нема код Хоргоша. Тамо се велики поклопци пречника око 0,3 метра, са полукружном дршком, користе као црепиви. Код Хоргоша су нађене и кружне плоче, намене сличне преслици (сл. 3: 16). Ситних уломака таквих плоча има и у Бараћи и Палеју, али су они суниште мали да би се поуздано определили као делови кружних плоча. Код Хоргоша, где су била највећа ископавања, нађено је више делова тава или питуличарки. За спремање сличне хране могле су служити посуде окомитих зидова, величине од 0,05 x 0,15 до 0,1 x 0,35 м. У Бараћи и Палеју нађене су само оне мање, а код Хоргоша и оне велике (сл. 3: 17).

Грнчарија рађена гњетањем служила је за спремање хране. Замењује ону боље израде, тј. ону тек у време сеобе народа, када су занатске радионице биле уништене. Слична грнчарија користи се још и раније римских

граница на простору од Црног мора до Лабе, укључујући черњаховску и пшеворску културу. Таква грнчарија може се наћи и на десној обали Дунава, на пример у поменутом гробљу код Сирмијума [14].

Датовање ових насеља изводи се из наслојавања, међусобног поређења грнчарије, налаза новца и налаза римске грнчарије. Опште историјске околности и археолошки подаци, показују да насеља са занатски рађеном грнчаријом морају бити старија, а она где преовлађује гњетана грнчарија млађа, из доба Велике сеобе народа, када су привреда и занатство били уништени. На поделе у старијој фази, указује новац и увоз римске грнчарије, који се могао одвијати само у условима мира и сарадње овог становништва са оним у подунавским областима Римског царства. Као да новца више има око прелаза из трећег у четврто столеће, и средином друге половине четвртог столећа [15].

Наслојавање у старијој фази, установљено је само у Баранди и Палеју. Насеље у Палеју делимично је насело на старије гробље, датовано новцем цара Трајана (98—117) и цара Констанција II (337—361). То датује насеље у Палеју у последњу четвртину четвртог столећа, када се за гробље више није знало, до досељавања Германа и Хуна, када су грнчарске радионице уништене. Истовремена са насељем код Палеја су насеља из Гардиларија и Шиглана из Банатског Карловца.

Грнчарија у Баранди разликује се од оне у Палеју. То је пре свега уочљиво по глачаној грнчарији, али се разлике запажају и на грнчарији рађеној на спором витлу. У гњетаној грнчарији скоро да нема прелома. У Баранди су нађена два новца, цара Аурелијана (270—275) и други цара Константина I (305—307), на поду изгорелих кућа. Међутим, слој насеља са изгорелим кућама несумњиво је знатно млађи. То произилази из поређења са сличном грнчаријом из грнчарских пећи у Гардиларију и Црвенки, из Селишта код Банатског Карловца и римске тврђаве на Сапаји. За датовање ових налазишта, која су сва страдала у једном истом рату, како се то може закључити по затвореним целинама са грнчаријом, најважнији су налази из тврђаве на острву Сапаји, поред леве обале Дунава. Наиме, велика количина ове грнчарије у римској тврђави, око 50%, где поред сиве има и оне рађене на спором витлу, показује да је тврђава била у поседу оног истог становништва које живи у Банату и Бачкој. То се могло десити једино када Римљани нису могли да бране тај мостобран, или када су им суседни варвари били потребни као савезници. До почетка сеобе народа 375. године, нема ни помена о неким условима да се варварима препусти римска тврђава, макар и на левој обали Дунава. Као што су Готи пуштени на римско тло 375. године, тако се и на римској граници у Горњој Мезији могла указати потреба да се варвари прихвате као савезници. Ова насеља и тврђава на Сапаји су кбрзо после тога, када је талас сеобе народа захватио средње Подунавље. О томе сведочи грушисање остава новца друге половине четвртог столећа око Вршца [16]. О томе нема изричитих писаних података, али се може претпоставити да је неко

новопридошло германско пламе опљачкало јужне пределе Баната.

Подизање кућа у Баранди, које су том приликом изгореле, може се датовати после рата цара Констанција II против Лимиганата 358. године. Из старијег слоја у Баранди за сада нема довољно налаза, да би се о њему могло нешто одређено говорити. Може се претпоставити да је старије насеље основано не пре краја III столећа, а да је страдало у рату 358. године.

Следи да се поуздано могу раздвојити најмање три слоја старијег доба ове културе, обележеног сивом глачаном грнчаријом рађеном на брзом витлу, и грнчаријом украшаваном чешљем а рађеном на ручном витлу. Први изразити «слој» — недовољно изражен, припада првој половини четвртог столећа; њему одговарају новци и римска грнчарија трећег — почетка четртог столећа. Новац указује на почетак тог слоја у време цара Константина I. Други слој припада напретку ове културе током треће четвртине четвртог столећа. Трећи слој, који је уследио после неких разарања крајем седамдесетих година, вероватно је трајао само до осамдесетих или деведесетих година четвртог столећа, када се у југоисточну Панонију досељавају Гепиди и друга племена Хунског савеза.

Једино обимније истражено насеље млађег доба је оно код Хоргоша. Тамо су установљена три слоја са стаништима. Најстарији слој несумњиво се надовезује на претходно доба, односно на крај четвртог столећа, како то показује грнчарија рађена на ручном витлу украшавана чешљем. Може се претпоставити да је насеље угашено у време слома хунске власти 454. године, када је дошло до великих покрета народа у Панонији, дакле почетком треће четвртине петог столећа. Вероватно се сва три слоја насеља код Хоргоша, могу датовати у границама од 50—60 година. После тога, особине млађег слоја ове културе, можемо пратити у словенским насељима шестог-седмог столећа у Подунављу.

Ко су носиоци ове културе, показују подаци писаних извора. Према Амијану Марцелину [17], у југоисточној Панонији су живели Лимиганти (Limigantes), звани и Сармати робови, јер су некад били подчињени Аргарагантима (Argaragantes, Arcaragantes, Ardaragantes), слободним Сарматима. Када су владајуће Сармате напали Тервинги и Таифали 332. године, они наоружају себи подчињене Лимиганте, да би се заједно одбранили. Пошто су германска племена одбијена, Лимиганти, много бројнији од својих господара, протерају их. Зато се 300.000 Сармата преда Римљанима, а други део се потчини Виктохалима. Овај догађај, нечувен за дотле уобичајене прилике насрам римских граница, јер се први пут десило да се неки подчињен народ побуни и протера своје господаре, забележен је и у Цариградском летопису [18]. Четврт столећа после тога, 357. године, крену германски Свеби и Квади заједно са Сарматима Аргарагантима у пљачку римске земље. Цар Констанције II предузме поход у међуречје Дунава и Тисе и победи их. Вазални однос је поново утврђен, а Германи и Сармати дали су таоце. Као повод за свој напад, Сармати су навели то да су их Лимиганти протерали. Так-

во оправдавање може значити да нису имали хране, да су доспели у оскудицу, јер им некад подчињени земљорадници више нису обезбеђивали намирнице. Зато Римљани прво нападну западно племе Лимиганата, Амикенсе, настањене око ушћа Тисе и на Тамишу, и на превару их победе. Потом Римљани у савезу са Сарматима и Германима нападну Лимиганте на истоку, у Банату, Пикенсе, «који су се тако звали према суседним областима». Лимиганти су дили принуђени да се покоре, а цар Констанције их кажњава протеривањем. Ова необична казна је тим необичнија што су Сармати, Свеби и Квади, који су напали Царство морали само да дају таоце. То показује да Лимиганти, «они који су слободу извојевали оружјем», нису били римски клијенти. Међутим, Лимиганти се на зиму врате са намером да се освете цару Констанцију, али су одбијени. После тога се више не спомињу.

Етнолошки подаци Амијана Марцелина врло су значајни. Сармати Аргараганти су описани као добри коњаници, који са собом приликом похода, воде још по једног па и по два коња, да би се брже кретали. Наоружани су дугим копљима а заштићени оклопима од рожнатовине, сложених слично перју, Када су Сармати били војно побеђени, спремно се покоре, а подједнако жале што морају да врате заробљенике и да дају таоце. Слично описује Сармате Страбон: они живе од сточарења, станују у колибама подигнутим на колима [19]. Тацит, пишући о Венедима, добрим пешацима, убраја их у Германе зато што живе у кућама, а разликује их од Сармата, који проводе живот на коњима и колима [20].

Амијан Марцелин сасвим другачије описује Лимиганте. Они су пешаци, наоружани су мачевима, дугим и кратким копљима, а за одбрану користе штитове. Живе у земуницама и дрвеним кућама у саставу насеља, користе лађе и чамце. Они су поносни, не предају се и не моле за милост; колико могу бране своју слободу. Одлуке се доносе на савету стараца. Особине Лимигината по опису Амијана Марцелина, неодољиво подсећају на описе Словена шестог столећа у делима Прокопија и Псеудо-Маврикија [21]. Занимљиво је да су приликом преговора са Лимигантима неопходни преводиоци, који се не спомињу приликом преговора са Сарматима Аргарагантима и њиховим савезницима Германима. Ипак, Амијан Марцелин назива Лимиганте Сарматима.

Постоји још један опис становништва Потисја, често навођен, који је оставио ретор Приск [22]. Он је 448. године био члан посланства упућеног Атили у Потисје. Он описује месно становништво чији језик није ни хунски ни готски, као ни грчки па ни латински. Живе у селима дуж река, праве чамце издубљене у деблу, пију медовину и комон (пиће од јечма), једу просо. Дуго се већ доказује да је реч о Словенима. Овај опис сасвим одговара археолошким подацима о становништву четвртог столећа у области југоисточне Панониje. Подудара се природа насеља смештених уз воду, житарице које се гаје, чак су нађене и посуде за прављење пива (односно за комљење). Несумњиво је реч о истом станов-

ништву које пре тога описује Амијан Марцелин на истом простору, о Лимигантима.

Обично се тумачења ове културе и писаних података о месном становништву своде на два, оба погрешна. У Југославији се ова култура лакомислено тумачи као сарматска [23], а у Румунији тумачи се као доморадачка, односно романизованих Дачана [24]. Ни једно ни друго гледиште се не уклапа у главне чињенице које произилазе из археолошких и историјских података.

Нема никаквог разлога да се наводно романизовано дачко становништво, групише у југоисточној Панонији а не у Дакији, или да не користи римско производе у далеко већој мери. Да не може бити реч о романизованим Дачанима, показују и писани подаци. По сведочењима Амијана Марцелина и ретора Приска, Лимиганти не говоре латински језик.

Слично се мора одбацити сарматска фасцинација, јер сви етнолошки подаци који произилазе из археолошких и писаних извора, сведоче другачије. У прилог сарматског одређења ове културе, могу говорити само римски писани извори, који Лимиганте називају Сарматима. Међутим, цео простор између Црног и Балтичког мора, где су најбројнији били Словени, називан је Сарматијом. Неки гробови из југоисточне Панониje заиста показују одређене сарматске особине (четвороугаоне посудице, ретко огледала), али немају многих сарматских одлика препознатљивих са других простора (поткопавање гробова у зид раке, оружје, и т.д.). Јаки разлози говоре да култура лимиганских насеља не може бити сарматска. Пре свега, реч је о сеоском становништву, а е антично доба нема истовремених, а још мање старијих насеља Сармата. Лимиганти не могут бити Сармати раније насељени у Панонији, јер културе таквих особина, нема у међуречју Дунава и Тисе у I—III столећу, а ни другде где су могли живети Сармати. Код Сармата није позната примена ни спорог ни брзог витла, што је сасвим разумљиво за номадски народ.

Много више података показује да је реч управо о Словенима. Кроз облике станишта насеља, привреде, гњетане грнчарије, може се пратити континуитет до несумњиво словенских насеља VI—VII столећа у Подунављу, као и усклађеност са развојем и судбином Словена других подручја. У првој половини V столећа запажа се појава нових словенских особина, што сведочи о досељавању са тла изван Панонске низије. Они се брзо мешају са домороцима, што не би било могуће да није реч о становништву истог порекла и језика. Сви забележени описи Лимигината, о начину живота, привреди, друштву, наравима, у потпуности се подударају са описима Словена из VI—VII столећа.

Уочљиве су археолошке везе Лимигината са северном Панонијом, са данашњом Словачком. Сличност је упадљива у грнчарији рађеној гњетањем, па и у оној рађеној на ручном витлу, нарочито са налазима из Баранде. Те везе тек треба истраживати. Ипак, нешто се може наслутити. Чини се да су такви налази у северној Панонији у просеку нешто

старији од оних у југоисточној Панонији, као и да се континуитет развоја те грнчарије од II—III столећа до VI столећа, не може баш у потпуности пратити (при томе не мислим на последице гуиске најезде). Зато нагађам да су Лимиганти некада живели на северу Паноније, можда негде у или око горњег слива Тисе. Они су по римском напуштању Дакије могли сићи у југоисточну Панонију. Вероватно су тек ту, крајем прве четвртине IV столећа, доспели под власт Сармата, у још нејасним околностима.

За порекло Лимиганата од посебног значаја су називи њихова два племена. Амикенси су живели око ушћа Тисе. Пикенси су живели источно од њих, између Тамиша и Нере, а тако су названи «према суседним областима». Река Пинкус и град Пинкум, једнаки су реци Пек и месту Велико Градиште [25]. Невероватно је да се неко варварско племе изван римских граница тако прозове према том градићу, и то тек у касноримско доба. Римски град Пинкум налазио се пред улазом у Ђердапску клисуру и био је сасвим безначајна географска одредница у поређењу са градом Виминацијумом и другим мањим градовима. Северно од Дунава, наспрам Пинкума, простиру се планине, које су могле бити само ретко насељено пограничко модручје Лимиганата. Зато се чини да је Амијан Марцелин, погрешно тумачећи да су Лимиганти накнадно добили име, знајући за римски Пинкум на Дунаву, открио суштину, да је устварн реч о племену по коме је град добио име. Поред тога, грнчарија рађена на спором витлу може имати корене управо у области предримског племена Пикенса.

Сличан случај могао је да буде и са Амикенсима. Њихово име подсећа на предримске Амантине, који су живели у Срему, односно у Доњој Панонији. А тамо у римско време има грнчарије рађене на спором витлу и украшене чешљем, као и гњетане грнчарије. У Доњој Панонији има и узора за сиву лимигантску грнчарију. И антрополошки подаци указују на Словене. Зато се као могуће старије земље порекла Лимиганата, указују области поред Дунава из предримског доба.

Од суштинског значаја за разрешавање ових питања су гробља, јер је за Словене особено спаљивање, а не сахрањивање. У том погледу је веома занимљиво гробље из Братеи, датовано у крај IV — прву половину V столећа [26]. Оно садржи гробове спаљених покојника са издуженим јамама, познатих и код Словена, а међу њима су неки гробови типа Мала Копашница — Сасе, особени за Поморавље [27]. Гробља сахрањених покојника у областима Лимиганата, као и она словенских антрополошких особина у римској Панонији, можемо тумачити подацима из «Повести времењих љет», у недостатку старијих писаних података. Тамо се наглашава да је апостол Павле долазио у Мораву у Илирику и проповедао хришћанство [28]. Ако је апостол Павле заиста проповедао у Поморављу хришћанство, што није искључено, онда је сасвим размљиво да део становништва касније пређе са спаљивања покојника на обично сахрањивање.

Околности које произилазе из археолошких података и писаних извора, показују да је у међуречјима Дунава, Нере, Караша, Тамиша и Тисе, живело у IV—V солећу неко словенско племе, забележено под именом «Лимиганти». Претвостављам да би филолошко проучавање података Амијана Марцелина о рату са Лимигантима, могло открити драгоцене податке. Чини се да су Лимиганти дошли са горњег слива Тисе, али да воде порекло од домородачког, предримског становништва десне обале Дунава. То можда показује да су римска освајања била праћена својевољним исељавањима побеђеног становништва, као и да «романизација» никада није успела до краја. Праву археолошку везу између предримског и раноримског становништва са Лимигантима, која се за сада назире, тек треба успоставити.

1. Рашајски Р. Сарматска лончарска радионица из Црвенке код Вршца // Рад војвођанских музеја. 6. Нови Сад, 1957. S. 39—55; Симоновић Н. Сарматски стратум на Црвенки крај Вршца // Рад војвођанских музеја. 6. 1957. S. 57—66; Трифуновић С. Археолошка ископавања локалитета Селиште код Алибунара // Рад музеја Војводине. 36. Нови Сад. 1994. S. 63—70; Димитријевић Д. Сапаја, римско и средњовековно утврђење на острву код Старе Паланке // Старинар. XXXIII—XXXIV. 1982—1983. Београд. 1984. S. 29—59; Bozu O. Aşezarea daco-romană de la Gradinari — «Sălişte» // Banatica. 10. Reşiţa, 1990. S. 147—186.
2. Преглед истраживања: Даутова-Рушевљан В. Досадашњи резултати истраживања и проблеми при проучавању сарматске културе у Војводини // Рад војвођанских музеја. 32. 1990. S. 81—94.
3. Обавештење В.Лековића. Покрајински завод за заштиту споменика културе у Новом Саду.
4. Обавештење Д.Анђелића. Покрајински завод за заштиту споменика културе у Новом Саду.
5. Bozu O. Aşezarea daco-romană. С. 149. №. 3:5.
6. Упркос дуготрајним ископавањима Виминацијума, Сингидунума и римских тврђава у Ђердапу, располаже се само књигом. Брукнер О. Римска керамика у југословенском делу провинције Доње Паноније. Београд. 1981.
7. Такве примере наводи: Tejral J. Morava na sklonku antiky. Praha, 1982. С. 172—174.
8. Исто. 138. Сл. 58:1. Т. XXXII:3; XLVII:3.
9. Budinsky-Krička V. Sídlisko z doby rímskej a zo začiatkov strahovania národov v Prošove // Slovenská archeologia. XI—1. Bratislava, 1963. S. 5—58; N. VIII/12, X/16, XII/10, XV/9.
10. Такав примерак објавио је М.Васић. Чезава — Castrum Novae // Старинар. XXXIII—XXXIV. 1982—1983 (1984). S. 112. Сл. 17/3.
11. Брукнер О. Римска керамика... 42. Т. III:4, 6, 7; Т. 111.
12. Милошевић П. Римска некропола на излазници митровачке петље // Археолошка истраживања дуж аутопута кроз Срем. Нови Сад, 1995. С. 200. Т. II:4 (гроб спаљеног покојника датован новцем у прву половину II столећа).
13. Живановић С. Остаци скелета из некрополе у подручју јужног дела митровачке петље на ауто-путу Београд-Загреб // Грађа за проучавање споменика културе Војводине. XV. Нови Сад. 1988. С. 112—115; упоредити мишљење П.Милошевића «Римска некропола...» С. 198, 199.
14. Милошевић П. Римска некропола... С. 200—204.
15. Даутова-Рушевљанин В. Оставе варварског, римског и византијског новца из Војводине // Нумизматичар. 4. Београд. 1981. С. 63—71.
16. Исто. С. 68—70.
17. Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt. Recensuit rhythmiceque distinx-

it C.U. Clark J. Berolini, 1910. XVII. P. 12, 13; XIX. P. 11; превод према Вулић Н. Ратовање цара Констанције у Данашњој Бачкој // Гласник историјског друштва у Новом Саду. 1—4. 1928. С. 23—36.
18. Consularia Constantinopolitana ad anno 334. Издање: M.G.H. AA. IX. 1. Berolini, 1891. P. 234; Извори за българската история. II. София. 1958. С. 296; и опширнији опис код Евсевија Хијеронима (Hronicon. VI. 31—32). См.: Die Chronik des Hieronymus. Berlin, 1956.
19. Strabonis. Geographica. Lipsae. 1877. T. VII: III. S. 57.
20. Тацит. Германија. 46. Београд.
21. Прокопије. Bellum Gothicum. III. 14. Procopii opera. Lipsae, 1906; Византијски извори за историју народа Југославији. Београд, 1955. С. 25—30; Псеудо-Маврикије. Strategicon. XIII. 5 (Arriani tactica et Mauricii ars militaris libri duodecim. Upsaliae, 1664); Византиски извори за историју народа Југославије. Т. I. Београд. 1955. S. 130—136.
22. Prisci Fragmenta. 8. P. 291—305; Historici graeci minores. I. Lipsiae. 1870; Баришић Ф. Приск као извор за најстарију историју Јужних Словена // Зборник радова византолошког института. I. 1952. С. 52—61.
23. Димитријевић Д. О етничким проблемима Војводине у време досељавањуа Словена // Пособна издања ANUBIH. 1969. С. 89—92; Иста. Сармати и Римљани // Шајкашка I. Нови Сад. 1975. С. 77—80.
24. Bozu O. Aşezarea daco-romană... S. 155—159.
25. Мирковић М. Римски градови на Дунаву у Горњој Мезији. Београд, 1968. S. 101.
26. Bazu L. Continuitatea populaţiei autohtone în Transilvania în secolele IV—V (cimitirul I de la Bratei) Bucureşti, 1973.
27. Исто. 25; Јовановић А. Римске некрополе на територији Југославије. Београд, 1984.
28. Повесть временных лет. I. М., Л., 1950. С. 21, 217.

Дискусија

В. Иванишевић

Тешко је коментарисати овде изнете закључке колеге Ђ.Јанковића, којее у највећем броју случајева почивају на тезамабез озбиљнијег научног утемељења. Задржаћемо се стога само на две његове кључне поставке које се не могу никако прихватити — негирање података Амијана Марцелина о Лимигантима као Сарматима и отбацивање сармацке материјалне културе. Противно његовим закључцима на простору југоисточне Панониje постоје бројни налази које можемо приписати управо Сарматима, али и другим етничким заједницама, чији су трагови забележени на бројним локалитетима. Као пример можемо навести Сапају (Lederata), коју колега Ђ.Јанковић ставља у контекст својих теза, а где је супротно његовом тумачењу као «словенске» насеобине, забележен значајан хоризонт културе Черњахов – Синтана де Муреш, чији су главни носиоци, поред других етничких заједница, били Источни Германи.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ»

Председатель: Н.А.Макаров
Секретарь: А.А.Селин

Г.В.Штыхов

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ: РЕАЛИИ И МИФ

В советской историографии в 50-е гг. сложился стереотип древнерусской народности, который стал хрестоматийным. Согласно ему, в раннефеодальный период существовала единая древнерусская народность — этническая общность, которую образовали восточные славяне. Критериями народности обычно указывались общность территории, хозяйственной жизни, языка, материльной и духовной культуры. Обстоятельный очерк советской историографии древнерусской народности опубликовал И.Я.Фроянов [1].

Допускалась дилемма: а) древнерусская народность не представляла собой вполне сложившейся устойчивой этнической общности и ее разложение определялось государственным распадом Киевской Руси; б) древнерусская народность была устойчивой этнической общностью и значительно пережила Киевскую Русь [2]. Она явилась единым корнем будущих родственных народностей — русской, украинской, белорусской [3]. В последние годы высказано мнение, что древнерусская народность вообще не существовала [4].

Намного ранее виднейший русский историк В.О.Ключевский писал: «Везде Русская земля, и нигде ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ...». И другое его заключение: «Русское государство (в IX—XI вв.) не было государством русского народа, потому, что не существовало этого народа» [5].

М.Н.Тихомиров заключил, что в X в. «под Русью и Русской землей, как и в более позднее время, понималась Киевская земля» [6]. В капитальном исследовании А.Н.Насонов отмечал, что полянское княжение в Среднем Приднепровье стало ядром раннефеодального Киевского государства. В последний раз имя полян встречается в летописях под 944 годом. Затем его сменило название Русь. Оно постепенно закрепилось за той частью восточных славян, которые жили вокруг городов

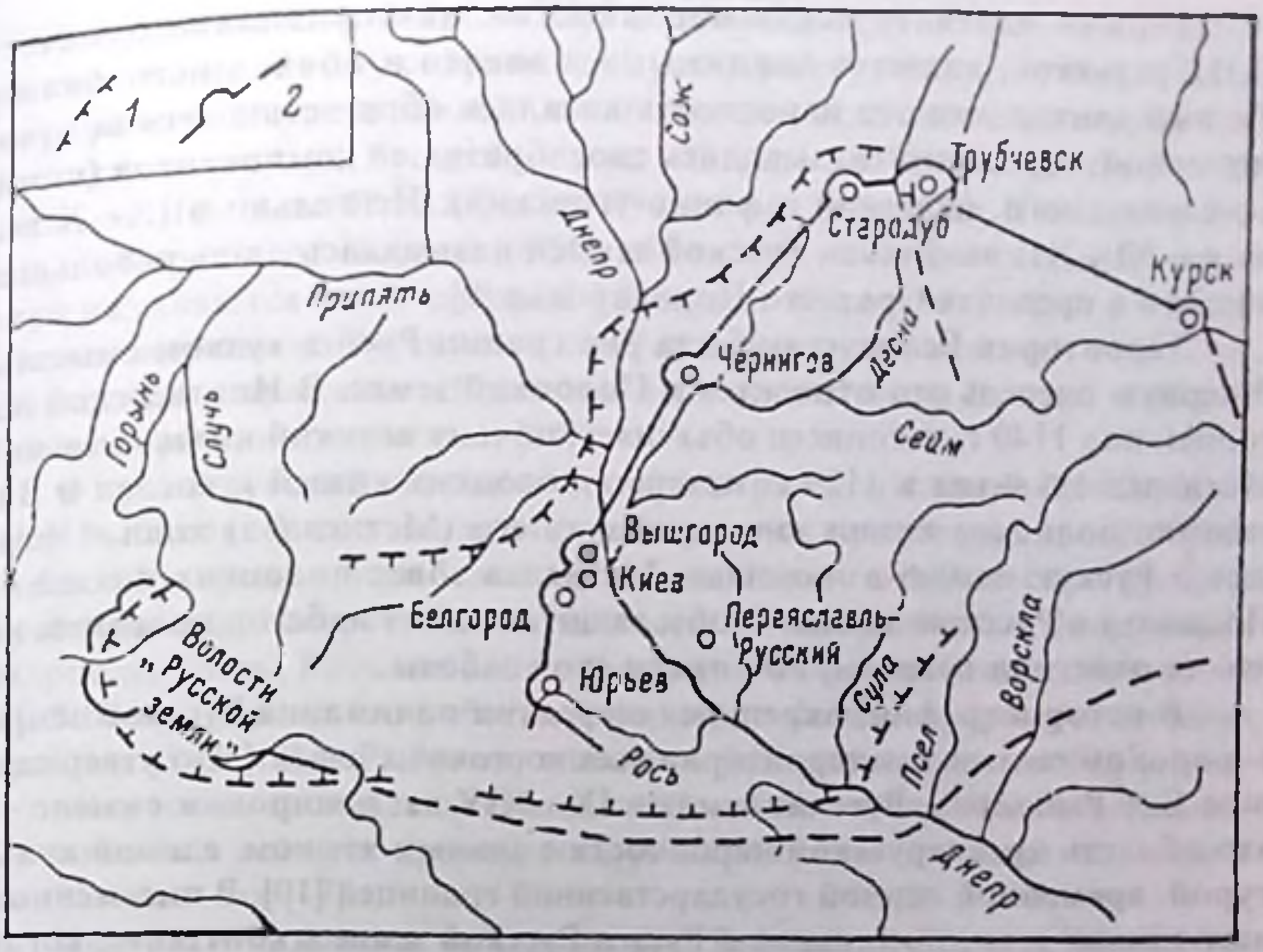


Рис. 1. Границы древнейшей Руси
1 — по А Н.Насонову; 2 — по Б А Рыбакову

Киева, Переяславля, Чернигова. Первоначально только данная территория называлась «Русской землей», вошедшей в состав Киевского государства в качестве территориального и политически господствующего ядра [7].

Б.А.Рыбаков, пользуясь методом исключения, называет области и города, не входившие в понятие «Русь» в узком смысле: Новгород Великий, Владимир на Клязьме, Ростов, Суздаль, Рязань, область Вятичей, Смоленск, Полоцк, Галич-на-Днестре, Владимир-Волынский, Вручий, Берлад. В состав собственно Руси, по наблюдениям Б.А.Рыбакова, не входили племена: древляне, радимичи, вятичи, словене, кривичи, тиверцы. Исследователь заключает: «Таким образом, для Руси остается Среднее Приднепровье с Киевом, Черниговом, Переяславлем и Северская земля, ни разу не противопоставленная Руси». В географическое понятие Русской земли или «всей Русской земли» Б.А.Рыбаков по летописным данным включает следующие города: Киев, Чернигов, Переяславль Русский, Вышгород, Белгород, Васильев, Треполь. Города Поросья: Корсунь, Богуславль, Канев, Дверен, Торцький. Города «Черниговской стороны»: Стародуб, Трубечь, Глухов, Курск, Новгород-Северский, Остерский Городец. «Русской земли волости» (города Погорынья): Бужск, Шумск, Тихомель, Выгошев, Гнойница. Нанесенные на карту, эти пункты определяют «область собственно Руси» [8] (рис. 1).

Термин «древнерусская народность», как правильно отмечает П.Н.Третьяков, является «книжным» и введен в обиход историками. Ученый считал, что эта народность являлась общностью весьма относительной: еще долго сказывались своеобразия ее компонентов (помимо славянского, балтский и финно-угорский). Не только в IX—X вв., но и в XI—XII вв. Русью, Русской землей называлась лишь небольшая область в пределах Среднего Поднепровья [9].

Территория Белоруссии была вне границ Руси в «узком смысле». В первую очередь это относится к Полоцкой земле. В Ипатьевской летописи под 1140 г. летописец объясняет, почему великий князь киевский Мстислав захватил в 1129 г. пятерых полоцких князей и сослал в Византию: полоцкие князья «не слушахуть его (Мстислава) коли е зовяшет в Рускую землю в помощь». Мстислав зовет полоцких князей из Подвинья в Русскую землю, чтобы защитить ее от набегов половцев, на что те ответили отказом, ибо имели свои заботы.

В историографии закрепился стереотип понимания Русской земли в широком смысле как территории всех восточных славян. По утверждению Б.А.Рыбакова, Русская земля в IX—XIV вв. в широком смысле — это область древнерусской народности с единым языком, единой культурой, временной единой государственной границей [10]. В письменных источниках есть упоминание о Руси и Русской земле в контексте, когда трудно установить, о чем идет речь: о Русской земле в целом или об отдельной ее части.

Для подтверждения понятия Руси в широком смысле приводят высказывание митрополита Илариона, который около середины XI в. говорил о своей родине как стране, которая известна и славна во всех концах земли («ведома и слышима есть всеми концы земля») [11]. Но о территории Руси здесь речь не идет. Ссылаются на «Хождение Игумена Даниила» (1106—1108 гг.), где среди русских князей названы Глеб Минский и еще двое сыновей полоцкого князя Всеслава: Борис и Давид. Нужно иметь в виду, что «сочинение Даниила переписывалось и даже переделывалось книжниками в течение нескольких столетий, и восстановить его первоначальный вид невозможно» [12].

Часто обращаются к «Слову о полку Игореве». В нем термин «Русская земля» использовался 21 раз, притом почти всегда в первоначальном смысле, как это делали летописцы: «А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разлияся по Руской земли»; «По Руской земли прострошася половцы». Воины из Черниговского и Новгород-Северского княжеств названы русичами: «с вами, русици, хощу главу свою приложити», а жители Полоцка и Полоцкой земли —полочанами («Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ»). Автор «Слова» обращается от имени великого князя киевского к 14 князьям разных восточнославянских областей с призывом помочь Игорю, Русской земле в борьбе против половцев. Таким образом, автор «Слова о полку Игореве» понимает под Русской землей именно Южную Русь [13].

К художественной прозе XIII в. принадлежит «Слово о погибели русской земли». Этому сохранившемуся отрывку присущ «гиперболизм географических перечислений», не вполне осмысленных его автором. Он перечисляет соседей Русской земли: «Отселе до Угор и до Ляхов, до Чехов, от Чехов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець от Немець до Корелы, от Корелы до Устьюга...». В качестве соседей Русской земли называются чехи, которые таковыми не являлись. Автор отрывка понимает «землю Русскую» в конфессиональном значении, о чем свидетельствует выражение «Всего еси испольнена земля Руская, о правоверьная вера християньская» [14].

О древнерусской народности неоднократно писали В.В.Мавродин и Б.А.Рыбаков. В их выводах прослеживается противоречивость. Вначале В.В.Мавродин был более последователен и отмечал, что процесс образования древнерусской народности не завершился, а феодальная раздробленность, Батыево нашествие и другие факторы остановили его [15]. В более поздних его работах говорится о вполне сформировавшейся народности [16]. Б.А.Рыбаков, оценивая факты при изучении прикладного искусства, засвидетельствовал: «Слияние земель бывших племенных союзов в единую древнерусскую народность не было полным и окончательным» [17].

Летописи называют на территории Восточной Европы 14—15 этнических группировок, которые существовали длительное время. Так, древляне фигурируют до 1136 г., кривичи до 1162 г., дреговичи до 1149 г., радимичи до 1169 г. и т.д. С этими сведениями хорошо согласуются данные археологических исследований. По материалам раскопок курганов прослеживаются этнографические различия между отдельными группировками восточных славян. В археологической науке известно, что каждая из них имела свой характерный набор женских украшений в XI—XII вв., в первую очередь своеобразные височные кольца [18].

А.В.Арциховский писал 50 лет тому назад: «Москва во времена Кучки была городом вятичей, об этом свидетельствуют женские украшения XII в., оказавшиеся в самом сердце нашей столицы, в Московском Кремле» [19]. Древности вятичей из курганов исследователь распределил на три хронологические стадии, датировав первую XII в., вторую — XIII, третью — XIV в. [20]. Т.В.Равдина датирует курганы первой стадии XI—XII вв., второй стадии — XII в., третьей — XIII в. [21]. Самые поздние курганы вятичей, относящиеся к XIII в., может быть, отчасти к XIV в., известны по всему вятичскому ареалу, хотя распространены неравномерно [22].

Рядом примеров А.В.Арциховский доказывал, что вятичи в XII в. продолжали оставаться «самостоятельным племенем», которое не подчинялось князьям Рюриковичам. Археологические данные подтверждают, что в то время материальная культура вятичей, особенно женский наряд, была своеобразной. Исключение составляла керамика.

Тщательно изучив имеющиеся материалы из раскопок курганов

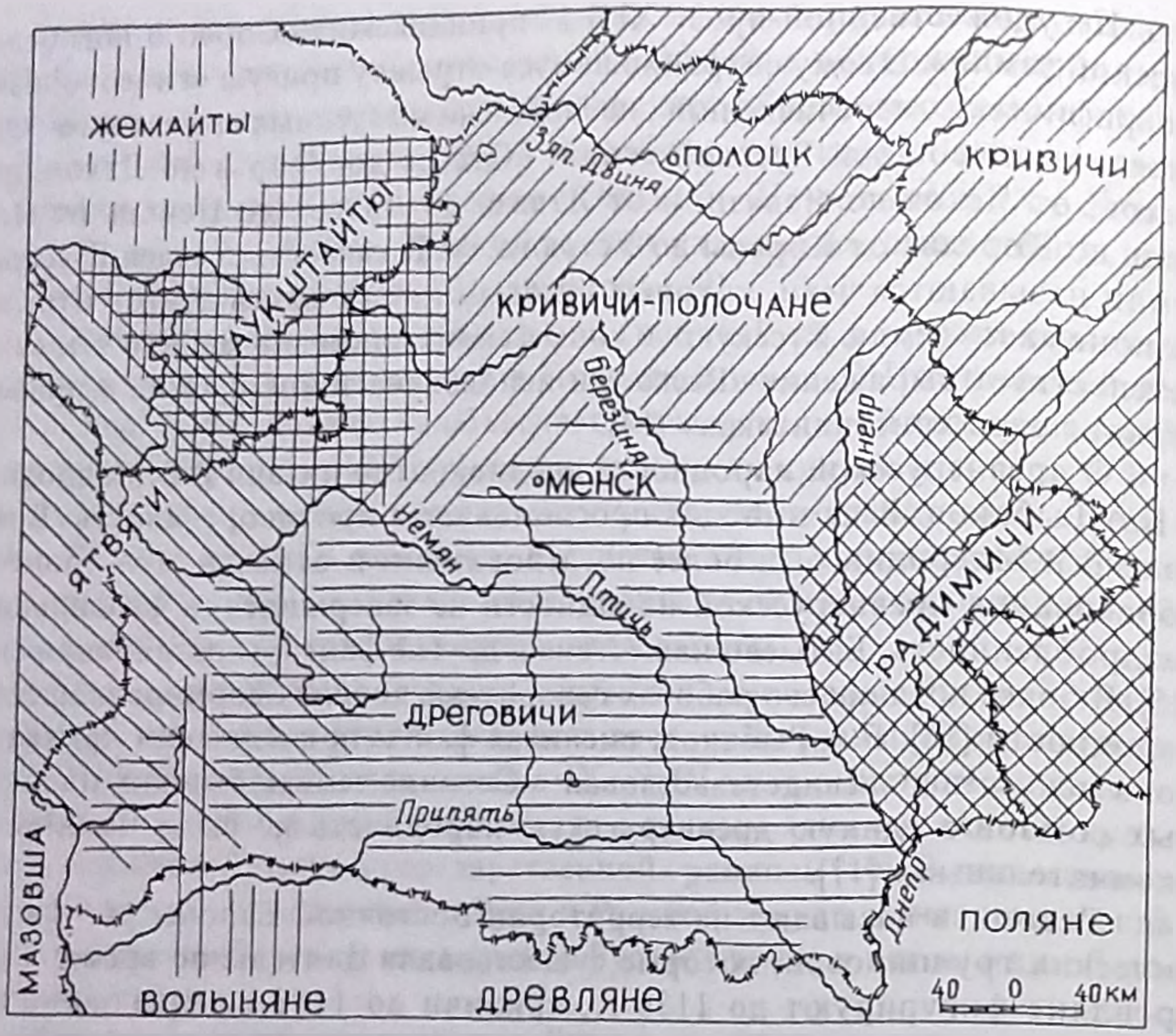


Рис. 2. Расселение восточных славян на территории Белоруссии (IX—XII вв.)

радимичей, В.В.Богомольников констатировал датировку их древностей: «стадия А — вторая половина X в. — начало XI в., стадия Б — большая часть XI в., стадия В — конец XI — 1/3 XII в.» Очень характерным у радимичских женщин был убор, где в разных вариантах сочетались семилучевые и перстнеобразные височные кольца, мелкий бисер, круглые подвески. Для радимичей, кроме височных колец, этноопределяющими являются пластинчатые шейные гривны. Этнографические особенности женского костюма объясняются влиянием балтского субстрата на культуру радимичей [23]. Радимичи сохраняли отличительные черты своей материальной культуры, несмотря на то, что с XI в. территория радимичей была в составе Черниговского княжества, а с начала XII в. ее северная часть находилась под властью Смоленска.

У дреговичей (рис. 2) датировка курганных древностей напоминает хронологию радимичей. Курганы с кремацией составляют незначительную часть общего количества исследованных насыпей, и их датировка IX в. условная. Основная масса курганов датируется XI—XII вв. и содержит трупоположения [24].

Для изучения материальной культуры восточных славян представляет особый интерес костюм, который включает одежду, головные убо-

ры, украшения, обувь. К таким уборам — венкам у девушек или чепцам у замужних женщин — пришивались или прикреплялись височные кольца — существенный признак этноса. У дреговичей среди женских украшений XI—XII вв. были распространены крупные металлические бусины, покрытые зернью. В пограничных дреговичско-радимичских и дреговичско-кривичских районах погребальные курганы с зерненными бусами образуют даже особые группы. Дреговичи в меньшей степени пользовались металлическими украшениями, чем кривичи и радимичи. Однако в погребениях дреговичей значительно больше металлических браслетов, чем у южных соседей: полян, древлян, волынян [25].

Кривичи — одна из самых больших племенных группировок в бассейне верхнего Днепра, Западной Двины, Волги, на юге Чудского озера. Процесс формирования кривичей происходил во второй половине I — начале II тыс. н.э. в итоге ассимиляции славянами местных балтских и финно-угорских племен, что убедительно подтверждают археологические данные. В конце I тыс. н.э. племенное объединение кривичей распалось на три группы — полоцкую, смоленскую, псковскую (согласно названию их главных городов). Для полоцких кривичей или полочан, как они именуются в летописи, характерны погребения в «длинных курганах», в которых ощущается сильное влияние культуры балтов [26]. Смоленские кривичи очень близки к полоцким и поэтому в этнографическом отношении обычно рассматриваются вместе с ними как смоленско-полоцкая группа племен. В конце X в. на территории расселения полоцких кривичей сложилось Полоцкое княжество, население которого в летописи неоднократно названо кривичами (1127, 1129, 1140, 1162 гг.) [27].

Для полоцких и смоленских кривичей в XI—XII вв. был характерен определенный тип женских украшений — височные браслетообразные кольца с завязанными концами. Их костюму присуще многообразие украшений: подковообразные фибулы, зооморфные браслеты, витые шейные гривны с петлеобразными концами, пластинчатые подвески в виде конька. Л.В.Дучиц выделяет три комплекса костюма кривичанок: 1) с браслетообразными кольцами; 2) с перстнеобразными кольцами; 3) без височных колец. По ее наблюдениям, первый комплекс украшений более близок к славянскому костюму, второй — имеет значительное количество металлических украшений, что характерно для балтов, третий — вообще с многими типично балтскими украшениями. В Белорусском Поозерье при раскопках курганов в погребениях выявлены балтские головные венчики — вайнаги, которые составлялись из спиральных пронизок при помощи бляшек, иногда с тисненым орнаментом. Подобные венчики найдены в Браславском, Миорском, Толочинском, Шкловском р-нах. К некоторым вайнагам подвешены височные кольца, которые характерны для славян. Исследовательница заключает, что «такие факты убедительно свидетельствуют о балто-славянской гибридности костюма» [28]. Своеобразием отличается также костюм кривичей-

мужчин (подковообразные фибулы, лировидные пряжки, перстни, украшение одежды и головных уборов металлическими пронизками). Сравнительное изучение археологических и этнографических материалов, особенно из латгало-белорусского порубежья, позволяет сделать вывод о том, что в этнографическом костюме Витебщины еще в XIX в. прослеживались латгальские реликты [29]. Кривичей труднее, чем какое-либо другое племенное объединение, вписать в единую древнерусскую народность. Некоторые исследователи склонны считать их скорее восточными балтами, чем славянами [30].

Какие племена расселились в междуречье Немана и Буга и в западной части Верхнего Понеманья (теперь Брестская и Гродненская обл.), в письменных источниках не сообщается. В Побужье распространены так называемые каменные курганы, которые подобны памятникам ятвягов. Рядом с каменными курганами встречаются насыпи из песка и суглинка без каменных конструкций. Вещевой инвентарь погребений во всех курганах одинаковый — восточнославянский. Возможно, каменные курганы Брестчины принадлежали потомкам славянизированных ятвягов.

В Верхнем Понеманье изучение каменных курганов подтверждает процесс славянизации балтских племен. Там, где наблюдается концентрация каменных курганов, вероятно, долго сохранялось ятвяжское население или его славянизированные потомки. Возможно, население пополнялось за счет беженцев от нашествия немецких рыцарей. Ятвяги были одним из компонентов в формировании белорусской народности [31].

Восточные славяне рано основали свои города в Верхнем Понеманье: Новогрудок, Гродно, Волковыск, Слоним, Турийск. Первоначальные славянские поселения в Новогрудке, Волковыске возникли в конце X в. [32].

Взаимоотношения пришедших славян с местными балтами в основном были мирными, что подтверждает повсеместно сохранившаяся гидронимия, широко распространенные смешанные браки. Балтские элементы в погребальном обряде курганов в окрестностях Новогрудка свидетельствуют о наличии среди восточнославянского населения этого района особых небольших групп балтских племен, которые, испытав на себе сильное воздействие славянского окружения, со своей стороны, внесли в эту среду элементы духовной и материальной культуры балтов [33].

Таким образом, трудно говорить об общности территории древнерусской народности, которая совпадала бы с политической общностью и границах Древнерусского государства, просуществовавшего до начала 30-х гг. XII в. и распавшегося на отдельные самостоятельные княжества.

Обобщив большой материал археологических раскопок, данные антропологической, лингвистической, этнологической наук, В.В.Седов предложил теорию субстратного происхождения белорусов [34]. Новые археологические исследования подтвердили вывод о славяно-балтском

синтезе на территории Белоруссии в раннем средневековье [35]. Наличие неславянского элемента несомненно также в составе русской и украинской народностей [36]. Вполне логично говорить о славянизации финно-угорских группировок и вкладе финно-угров в формирование русского (великорусского) народа [37].

Проблема этнического развития Киевской Руси, истоков белорусской, украинской, русской народностей до конца не выяснены, особенно это касается лингвистического аспекта. После официального крещения Руси в Киеве и других центрах восточных славян начал распространяться и закрепляться старославянский язык в качестве языка богослужения и церковной литературы. Он был понятен всем славянам, однако отличался от народного языка. Многие филологи считали, что на Руси существовало два литературных языка — старославянский (церковнославянский) и древнерусский. Научные дискуссии по этой проблеме продолжаются в наши дни [38]. Для нас сейчас весьма существенно отметить, что на литературном языке простое население не разговаривало. Таким языком владели немногие образованные люди, а в отношении ко всему населению — это очень незначительный процент. У каждой этнической общности (союза племен) существовали свои особенности языка, диалекты, свой разговорный язык.

П.Бузук доказывал происхождение белорусского языка непосредственно из праславянского. С.Смаль-Стоцкий утверждал, что русский, украинский и белорусский языки возникли не из древнерусского, а непосредственно из праславянского [39].

На территории Киевской Руси сохранялась значительная часть старых диалектов восточных славян. Р.И.Аванесов писал: «Уже в домонгольскую эпоху достаточно четко выделяются говоры новгородский, галицко-волынский, смоленско-полоцкий; менее четко — киевский, ростово-суздальский [40]. Таким образом, несмотря на все диалектное многообразие к началу XIII в. уже довольно четко намечаются языковые особенности, которые в дальнейшем станут характерными признаками украинского, русского и белорусского языков [41].

В итоге тщательного анализа языка древненовгородских берестяных грамот А.А.Зализняк сделал заключение, что «в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходит к праславянской эпохе» [42].

По моему мнению, ильменские словене представляли собой складывающуюся народность. Она имела город-государство Новгород.

С.Л.Николаев установил, что некоторые диалекты, сохранившиеся в современных великорусских и белорусских говорах, «видимо, были свойственны племенному диалекту кривичей» [43]. Ознакомившись с материалами диалектологического атласа белорусского языка, он уточнил историческую классификацию смоленского, полоцкого, «западного», древненовгородского, верхневолжского, псковского диалектов.

Ученый пришел к выводу: «Восточнославянские племена, зачастую имевшие слабые контакты между собой, несомненно, говорили на собственных племенных диалектах, отличительные черты которых сформировались еще до переселения их носителей на новые территории» [44].

Современные белорусские исследователи пишут о праславянском компоненте белорусского языка. Особо значительное место праславянский компонент занимает в белорусском словообразовании [45]. И.Ласков сделал категорический вывод: «Древнерусского языка никогда не существовало, ни письменного, ни разговорного. Были говоры полян, древлян, кривичей, дреговичей и т.д. А то, что нам досталось от Киевской Руси на пергаменте, написано на церковнославянском языке Библии» [46].

В сфере социально-экономической условия для возникновения древнерусской народности были минимальными, если они вообще существовали. В основе экономики Киевской Руси, как известно, лежало натуральное хозяйство. Деревня и город были разобщены. Деревня обслуживалась своими ремесленниками. Экономическая раздробленность препятствовала формированию единой народности.

Версия о том, что древнерусская народность не сформировалась окончательно и распалась в связи с распадом древнерусского государства, имеет больше реалий и правдоподобия, чем альтернатива, основанная на мифическом представлении бытия единой народности, поскольку условий для этого явно не хватало. Процесс возникновения родственных восточно-славянских народов — белорусского, украинского и русского (великорусского) — можно последовательно излагать без употребления этого спорного понятия.

Название «Русь» первоначально означало ядро Киевского государства. В XII в. Русская земля — это наименование четко не обозначенной территории Среднего Поднепровья. В XIII—XIV вв. термин «Русь» используется уже как собирательное название всех земель восточных славян, население которых исповедовало православную веру безотносительно их расположения. В тот период происходило формирование трех восточнославянских народностей.

1. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 6—29.
2. Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 185.
3. Гринблат М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968. С. 36, 42.
4. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя у Рэспубліцы Беларусь. Ч.1. Гісторыя Беларусі. Минск, 1994. С. 13.
5. Ключевский В.О. Сочинения. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М., 1956. С. 163, 205.
6. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. VI—VII. 1947. С. 66.
7. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 25, 26, 220.

8. Рыбаков Б.А. Древние Русы // СА. Т. 17. 1953. С. 33, 37.
9. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 5, 9.
10. Рыбаков Б.А. Древние Русы... С. 40.
11. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1962. С. 32.
12. Данилов В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // ТОДРЛ. Т. X. 1954. С. 98.
13. Штыхаў Г.В. Пагляды аўтара «Слова пра паход Ігаравы» на гісторыю Полацкай зямлі // Вечна жывое «Слова». Мінск, 1989. С. 104, 105.
14. Хрестоматия по древней русской литературе. С. 155.
15. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 401.
16. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971.
17. Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 27.
18. Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1955. С. 217.
19. Арциховский А.В. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. № 7. 1947. С. 18.
20. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 129—149.
21. Равдина Т.В. О датировке вятических курганов // СА. 1965. № 1. С. 122—128.
22. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 151.
23. Богомольников В.В. Курганы радимичей // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4. Сярэдневечча. Мінск, 1994. С. 32, 33.
24. Лысенко П.Ф. Дреговичи. Минск, 1991. С. 21, 46.
25. Дучыц Л. Касцюм на тэрыторыі Беларусі ў XI—XII стст. (па археалагічных дадзеных) як паказчык станаўлення этнасу // Беларусіка. Кн. 2. Мінск, 1992. С. 94.
26. Штыхаў Г.В. Крывічы (па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі). Мінск, 1992. С. 96, 106.
27. ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. С. 292, 294, 304, 521.
28. Дучыц Л. Касцюм... С. 94.
29. Там же. С. 95, 96.
30. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977. С. 212.
31. Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Минск, 1994. С. 67.
32. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Минск, 1989. С. 63—67.
33. Павлова К.В. Балтские элементы в погребальном обряде курганов окрестностей древнего Новогрудка // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981. С. 40.
34. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 186.
35. Штыхаў Г.В. Крывічы... С. 105—107.
36. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 28.
37. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
38. Кожин А.Н. Литературный язык Киевской Руси. М., 1981. С. 26—43.
39. Пузіноўскі М. Наша мова самастойная // Наша слова. 1994. № 24.
40. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 36.
41. Аванесов Р.И. Вопросы развития языка и диалектов. М., 1951. С. 15.
42. Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 51.
43. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 116.
44. Николаев С.Л. Следы особенностей... 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187.
45. Супрун А. Праславянскі кампанент беларускай мовы // Беларусіка. 1. Мінск, 1993. С. 159, 160.
46. Ласкоў І. Адкуль пайшла беларуская мова // З гісторыяй на «Вы». Вып. 2. Мінск, 1994. С. 304.

Дискуссии

И.А.Мариалюк

Мне хотелось бы отметить следующее. Я не согласен, что можно говорить об отсутствии единой территориально-политической системы Киевской Руси. Однако на мой взгляд, сам термин «древнерусская народность» научно некорректен.

Во-первых, действительно, нельзя говорить с полной уверенностью об едином, живом, разговорном языке. Этому противоречат данные диалектологии. В свое время и Л.В.Алексеев, и В.В.Седов отмечали тот факт, что современные диалекты белорусского языка накладываются на территориальные границы культур раннего железного века, что явно свидетельствует о сложении системы белорусского языка как раз во время ассимиляции балтского населения славянами, т.е. в период с VIII по XIII вв. (в это время, согласно В.В.Седову, и происходил процесс формирования белорусской народности).

Абсолютно несерьезно, на мой взгляд, считать городскую культуру индикатором смены этноса, ибо как этнографические единицы летописные племенные образования продолжают существовать в XI—XII вв., что подтверждается материалами раскопок сельских курганов.

Особо необходимо остановиться на этническом самосознании восточных славян в тот период. Доказать существование единого этнического самосознания ссылками на летописи невозможно, так как действительно существовало четкое противопоставление Руси в узком смысле всем остальным землям. Термин «Русская земля» в широком смысле везде употребляется не иначе как политоним и конфессионим. Вместе с тем, существовало определенное, четко выраженное, династическое самосознание и представление о Русской земле как о политически целом, коллективном владении рода Рюриковичей.

На мой взгляд, куда более обоснованно было бы определять Киевскую Русь как метаэтнополитическую общность.

А.И.Филюшкин

В докладе Г.В.Штыхова основное внимание было уделено следующим сущностным характеристикам этноса: единство территории, единство материальной культуры, единство языка. Между тем, этнос имеет еще два важнейших признака: этническое самосознание (иначе говоря, этнос начинается тогда, когда его представители осознают свою принадлежность именно к данному этносу) и определение другими народами данной общности как этноса (в системе: «свой — чужой»).

Если обратить внимание на две последних характеристики, то мы вынуждены констатировать: фактически вплоть до XV в. в письменных источниках «Русь» — не этноним, а политоним. Об этом свидетельствует и само происхождение этого слова. Сейчас наиболее доказанной счита-

ется версия о финно-угорских корнях этнонима «Русь» (А.А.Шахматов, Г.Ф.Ковалев). Согласно ей, «русы» выделились в финно-угорской среде как обозначение социальной категории, господствовавшей над всем остальным населением.

Обратимся к летописному объяснению этимологии слова «Русь». Здесь мы вновь видим приход «варягов-Руси» как правящей верхушки, политически подчиняющей себе славянские племена. То же объяснение содержится и в арабских источниках IX—X вв. Они отличают русов от славян как социальную категорию: русы живут на острове, часть их — рыцарство, у некоторых авторов имеются указания на эксплуатацию ими славян. С этих позиций объяснимо и приложение термина «Русская земля» преимущественно к Киеву: это политический центр государства (известно, что данное значение номинально сохранялось за Киевом вплоть до XIII в.).

В период феодальной раздробленности нет географической территории, которую можно назвать «Русью». Но понятие «Русской земли» есть — это идеологема, несущая в себе лозунг объединения всех русских княжеств в единое государство вокруг какого-либо политического центра.

И когда в XIV—XVI вв. в Восточной Европе складываются такие центры, претендующие на роль исторического наследника Киевской Руси — Литва и Москва, — они начинают борьбу за право называться «Русь». И та, и другая державы считали «Русью» именно себя. Они не желали признавать включение «русских» титулатур в официальные наименования правителей соседних государств.

Лишь с XIV—XVI вв. в письменных источниках (особенно неофициальных — актах, публицистике и т.д.) появляются признаки региональной дифференциации по этническим признакам. Ранее их выделить крайне затруднительно — мы имеем политическую, конфессиональную, социальную дифференциацию; но принцип принадлежности к этносу приобретает значение для населения Восточной Европы только с XIV—XVI вв. Следовательно, к этому времени и надо относить складывание самосознания как важнейшего признака русского этноса.

Поэтому в споре о древнерусской народности представляется правильной следующая трактовка: на базе Киевской Руси могла бы сложиться особая этническая общность — древнерусская народность. Она не состоялась. Ее не было, наметилась лишь потенциальная возможность, тенденция ее возникновения. Ее развитие оборвала не раздробленность: собственно говоря, феодальная раздробленность — закономерный этап, через который прошли все европейские нации, и это не помешало их этногенезу. Древнерусская народность не смогла состояться из-за двух экспансий — монголо-татарской в XIII в. и литовской в XIII—XIV вв. Именно эти явления обусловили распад Восточной Европы на два качественно различных образования — Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское. Формирование новых

этносов, которые состоялись и существуют до сих пор, шло с XIV—XV вв. уже в рамках этих государств.

Что же касается более раннего периода, то мне представляется удачным определение, предложенное Н.А.Марзалюком: метаэтнополитичесая общность. Оно, на мой взгляд, является наиболее научным и грамотным.

О.Н.Трусов

Древнерусская народность — более книжный термин, чем археологический, особенно в XII — начале XIII в. Корни современных восточнославянских этносов, как и некоторых других славянских народов, уходят в VIII—IX вв. и тесно связаны с принятием христианства. Только в конце XV — первой половине XVI в. окончательно сформировались три восточнославянских этноса, со своей материальной культурой, особенно архитектурой. В это время погибло Новгородское государство, которое, как и Бургундия, имело тенденцию к созданию в Новое время своего этноса. Летописная литва XII—XIII вв., возможно, была балто-славянским племенем, где восточнославянский язык и культура постепенно стали господствующими, при сохранении языческого мировосприятия до XV в. Австрийский ученый XVI в. Герберштейн относил литовцев к славянскому племени со славянским языком.

В.В.Седов

Организаторы Конгресса, замысливая проведение круглого стола «Становление славянских народностей», предполагали участие в нем более широкой аудитории. Пожелания об участии в этом диспуте высказывали польские и украинские коллеги. К сожалению, не смог участовать в настоящем заседании П.П.Толочко.

Одной из важнейших целей настоящего заседания было широкое привлечение археологических материалов для изучения проблемы формирования славянских народностей раннего средневековья. До сих пор проблема древнерусской народности решалась преимущественно на основе исторических и лингвистических данных, приводились в подкрепление тезиса о формировании этого этноса лишь отдельные археологические примеры. Вступительный доклад Г.В.Штыхова, к сожалению, не расширил источниковую базу изысканий по этой тематике. Докладчик оперировал преимущественно данными исторических источников.

Важнейшим элементом этноса является язык. Существование восточнославянского языка, то есть языка, на котором говорило основное население Древнерусского государства, представляется несомненным. И если памятники древнерусской письменности еще дают некоторые основания для сомнений в существовании единого языка восточных славян, то остается бесспорным, что все нынешние восточнославянские языки, то есть русский, белорусский и украинский, в древности пережили общий этап, когда развитие языковых явлений восточноевропейских

славян было единым, эволюционировало в едином направлении. Эти языки сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и лексике ряд общих черт, свидетельствующих о том, что после распада общеславянского языка они какое-то время составляли единое языковое образование. А это безусловно означает, что восточное славянство в какое-то время составляло этническое единство. И этот процесс может быть отнесен только к эпохе Древней Руси. Можно полагать, что в Древнерусском государстве, охватившем широкие пространства Восточноевропейской равнины, начался процесс становления единой славянской народности. Древнерусское государство объединило всех восточных славян в единый организм, связало их общностью политической жизни. Государственная власть, распространение княжеской и вотчинной администрации, расширение сбора даней и судебной власти, организация военных походов, строительство городов с переселением в них жителей разных областей безусловно способствовали тесным связям между бывшими племенными ареалами и отдельными русскими волостями.

Положение о становлении в эпоху Древней Руси единой восточнославянской народности находит надежное подтверждение в археологических материалах. Сложение древнерусской государственности сопровождалось бурным развитием экономики и культуры. Строительство городов, активный подъем ремесленной деятельности, развитие торговых связей благоприятствовали консолидации славянского населения, заселившего Восточневропейские земли, в единую народность. В итоге, как отчетливо свидетельствует археология, формируется единая материальная и духовная культура, что проявляется почти во всем — от женских украшений до гражданской и фортификационной архитектуры. Это единство наблюдается не только в городах и городской жизни Древней Руси, но и довольно отчетливо проявляется в деревенской культуре и экономике. Так, на всей восточнославянской территории выявляется однозначная эволюция курганной погребальной обрядности, в курганных захоронениях все более и более широкое распространение получают вещи общевосточнославянских типов, постепенно вытесняя племенные украшения. Конечно, в древнерусских волостях-землях в археологических материалах можно обнаружить кое-какую специфику, но эти местные особенности нигде не играли ведущей, определяющей роли.

Интегрирующая функция Древнерусского государства была довольно мощной. Еще в конце XIV в., когда восточное славянство было политически разобщено, осознавалось единство былой древнерусской народности: в «Список русских городов» были включены около 300 городов, находящихся на территории Древнерусского государства, расчлененной к тому времени разными государственными образованиями.

Не подлежит сомнению, что древнерусский язык членился на ряд диалектов, образование которых восходит не к политическому дроблению Древней Руси, а к племенной структуре славянства, расселившегося на просторах Восточноевропейской равнины. Таков, в частности,

древненовгородский диалект, описанный в последнее время А.А.Зализняком. Однако у нас нет никаких данных полагать, что этот диалект эволюционировал в самостоятельный славянский язык. Еще А.И.Соболевский на основе анализа памятников письменности допускал выделение в составе древнерусского языка смоленско-полоцкого диалекта, С.Л.Николаев устанавливает особенности кривичского говора и т.д. Однако каких-либо, даже косвенных, данных о формировании в домонгольское время украинского, белорусского или русского языка в распоряжении исследователей просто нет.

Выделение летописями в Среднем Поднепровье «Русской земли» в узком смысле не может быть использовано для предположения об этноязыковом своеобразии этого региона. Археологические материалы IX—XII вв. не выделяют его в особую этнографическую область. Невхождение будущих белорусских земель в среднеднепровскую Русь никак не является аргументом для отрицания древнерусской народности.

В научной литературе нередко встречается мнение о том, что определяющим маркером этноса в большей степени чем язык является этническое самосознание. Это спорно. Но, кажется, что «Повесть временных лет» дает основание полагать, что все славянское население, вошедшее в состав Древнерусского государства, осознавало свою общность — не только политическую, но и этническую.

Г.В.Штыхов

Вопрос о самосознании, затронутый здесь, конечно, важен. В 1132 г. (со смертью киевского великого князя Мстислава) резко оборвались все феодальные связи Киева, Киевская Русь раскололась навсегда. Наиболее распространенным термином во второй половине XII — XIII в., а также в XIV — XV веках у населения Полоцкой земли был «полочане». Для периода феодальной раздробленности актуальными являются подобные региональные названия, образовавшиеся от названий городов. Вслед за древнейшим названием «полочане» известны «туровцы», «менянс», «дрючане», позже «логожаны», «изяславцы» (жители Изяславля на Свислочи) и т.д. Распространение региональных названий свидетельствует об укреплении здесь локально-территориального самосознания населения в XII—XIII веках, что было предвестником формирования трех крупных восточнославянских народностей.

По поводу замечания В.В.Седова. Ильменских словен, как и другие восточнославянские группировки, исследователи еще ранее относили к числу «народцев» (небольшие формирующиеся народности), что, на наш взгляд, в известной мере подтверждает выделение А.А.Зализняком древненовгородского диалекта.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕТОДИКА ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Председатель С.Табачинский
Секретарь И.О.Гаврилухин

Обсуждение проблемы Круглого стола началось с доклада *С.Табачинского* «Интерпретация и надинтерпретация материальной культуры», прочитанном на пленарном заседании этногенетических секций. К сожалению, текст этого выступления не поступил в редакцию.

*Открывая дискуссию, **С.Табачинский*** указал на важность вопросов методологии в изучении такой сложной проблемы, как этногенез, и призвал участников круглого стола обратить внимание на особенности конкретных, не во всех случаях идентичных, этногенетических механизмов.*

***Л.Д.Поболь** отметил успехи в работе археологов, продемонстрированные в докладах, прочитанных на конгрессе. Но существует и ряд трудностей, в отношении Белоруссии они отмечены в секционном докладе Л.Д.Поболя. Он еще раз призвал отказаться от этническо-племенной интерпретации археологических культур. Изучаемые археологами памятники отражают хозяйственно-бытовой и культово-мифологический уклад родо-общинных коллективов, образовавшихся после расселения животноводов-индоевропейцев при переходе их потомков к оседлости. Эти коллективы были относительно замкнутыми и в целом стабильными.*

***Б.Бабич** говорил о необходимости рассматривать древнюю историю и культуру славян в контексте общности индоевропейских народов.*

***В.А.Булкин** высказал мнение о существовании четырех школ этногенеза славян и обратил внимание на сложности поисков общего языка между ними. В изучении этногенеза важнейшая роль принадлежит лингвистике и историческим источникам, археология находится лишь на третьем месте. Идет ли в цепочке культур этногенез? — Вероятно, нет.*

А.С.Матвеев

Я бы хотел продолжить разговор о тех проблемах, которые поднял в своем выступлении В.А.Булкин. Действительно, вопрос о том, в какой степени археология, **в принципе**, способна обнаруживать этниче-

---

* Часть выступлений печатается в изложении по протоколу И.О.Гаврилухина, они выделены курсивом. Остальные тексты представлены выступавшими после заседания.

ские различия, является одним из ключевых, поскольку археологические данные могут указать лишь на **культурную** принадлежность носителей археологической культуры, которая вовсе не обязательно соответствует этнической. Таким образом, прежде чем заниматься вопросами этногенеза и этнической принадлежности носителей археологических культур, необходимо решить проблемы методологические.

Я бы хотел обратить внимание еще на одну базовую проблему: насколько сам «этнический признак», этническая принадлежность, был существенным для носителей изучаемых нами культур. Само подчеркивание этнической проблематики, ощущение важности «этнической принадлежности» индивида и соответствующей социальной общности — это вопросы, которые являются существенными в наше время, это стереотипы нашего собственного восприятия действительности, которые неизбежно влияют на наше восприятие истории. Однако вовсе не обязательно, что «этническая принадлежность» играла столь же существенную роль в изучаемом нами обществе.

В связи с этим важно рассмотреть всю совокупность признаков, по которым проходило деление населения на изучаемой нами территории и соответствующие периоды времени. В результате станет возможным определить иерархию ценностей и установить, какой из этих признаков был более существенным, и какой менее.

Вовсе не отрицая значимость деления по этническому признаку, следует отметить, что для средневекового — и тем более поздневарварского — общества этнический признак играл второстепенную, подчиненную роль, и гораздо большее значение имело деление по иным признакам. Социальная, конфессиональная, культурная и, позднее, «государственная» принадлежность, как представляется, и были определяющими в разграничении элементов интересующих нас обществ.

Вообще, о «национальной принадлежности» можно говорить не ранее периода становления национальных государств, когда появляются предпосылки для формирования национального самосознания (хотя даже и появление подобного самосознания вовсе не обязательно говорит о том, что это разграничение было **главным** для рассматриваемого общества).

Более того, сами возможность появления этносознания может возникнуть лишь при условии существования противостояния какой-то иной общности. При отсутствии подобной дихотомии вопрос об этносознании и этнической принадлежности просто не может появиться. Так, например, очень сложно говорить об «этнической принадлежности» носителей культуры «длинных курганов»: это была достаточно аморфная масса населения, занимавшего широкую полосу лесной зоны и имевшего сходную погребальную культуру. Этнически это население, судя по всему, было весьма неоднородным, однако этот признак не играл никакой роли вплоть до появления словен («словен новгородских»), когда военно-культурное противостояние привело к появлению самого

разграничения по этническому признаку (словене / «местные», не-словене). Собственно, и само формирование славян как этнической общности завершилось лишь в процессе движения на Дунай в условиях острого противостояния окружающим общностям и, особенно, Византии.

Следует отметить, что нередко то, что нам представляется «этнической принадлежностью», оказывается на поверку принадлежностью социальной. Так, например, представления о народах Северной и Восточной Европы, сложившиеся в мусульманской средневековой культуре, в значительной степени носят социальную, а не только — и не столько — этническую окраску. Термины, использующиеся для обозначения славян («сакалиба») и скандинавов («рус»), имеют в своей основе деление не столько по этническому, сколько по социальному признаку.

Термин «сакалиба» (из среднегреческого) имеет ту же природу, что и в греческом, и в латинском (и, соответственно, в новых европейских языках, как, например, английское slave [«раб»] — производное от Slav [«славянин»]). Поступление на территорию Арабского халифата большого количества рабов из числа славян привело к переносу самоназвания славян на белых рабов вообще. В результате слово, которое изначально имело этническое наполнение, очень быстро приобрело значение «белый раб» вообще (в отличие от черных рабов) и стало применяться для обозначения любого «белого», обычно светловолосого, раба, приведенного с «севера» (кроме тюрок, которые выделялись в особую группу). Отсюда «землей славян» были те земли, откуда привозили этих рабов, и в расширительном смысле славянами за пределами халифата называли всех, живших к северу от южнорусских степей, нередко включая даже булгар и буртасов; иногда к славянам относили и германцев — «намджин» (от славянского «немчин»).

«Русами» обычно называли (хотя ошибки и контаминация различных групп сведений были вовсе не исключены) тех викингов, которые появлялись на Волге и в Каспийской зоне в качестве купцов (как, напр., те русы, которых видел Ибн Фадлан в 922 г. в Булгаре на Волге) или пиратов. То, что в их составе со временем значительную роль стал играть нескандинавский элемент (славяне и иные представители автохтонного населения Северо-Запада), осталось абсолютно незамеченным арабами, т.к. термин «рус», опять-таки, относился именно к их социальному статусу — купца или воина (единственное упоминание о славянах в составе дружин «русов» относится лишь к находящимся в услужении у «русов» толмачам, имевшим абсолютно иной социальный статус). Однако как только «рус» попадал в плен (а такое случалось, можно привести убедительные примеры) и продавался на рынке, он автоматически переходил в разряд «сакалиба». Мы не встретим в арабских источниках ни одного упоминания раба-руса, хотя они, несомненно, существовали под именем «сакалиба». То есть, этнические отличия разных групп рабов играли весьма незначительную роль для данного общества, полностью перекрываясь различием социальным.

Аналогичную ситуацию превалирования роли социального разграничения мы встречаем и на славянской территории. Так, например, нередко ставящийся во главу угла вопрос об «этнической принадлежности» социальной верхушки в период возникновения древнерусского государства представляется малосущественным в принципе — если не сказать неправомерным. Если мы зададимся вопросом о том, что имело принципиальное значение для людей того времени, то обнаружим, что вопрос об «этнической принадлежности», например, княжеской верхушки просто не ставился: важным была принадлежность к «Рюриковичам», сам **княжеский статус**, а вовсе не то, что их предки происходят из Скандинавии.

Это же относится и к княжеской дружине, включавшей в себя и пришлые, скандинавские, и местные, славянские (и не только славянские), элементы. Существенным был лишь их социальный статус, их положение в социальной иерархии, а вовсе не их этническое происхождение. В этой среде, естественно, формируется своя собственная, «дружинная», культура, включавшая в себя и скандинавские, и местные элементы. Поэтому, в принципе, нельзя говорить о том, что если в «дружинном» кургане найдены скандинавские вещи, то здесь лежит скандинав, — так же как, например, некорректно рассуждать о проценте «скандинавского элемента» в княжеской дружине или о «степени ассимиляции» норманнов. Находка подобных вещей говорит лишь о высоком социальном статусе их хозяина и о престижности подобного рода вещей в сложившейся «дружинной культуре».

В дальнейшем, в процессе христианизации, все большую роль приобретает религиозное деление (христианин / не-христианин, неверный), постепенно перекрывающее все прочие различия. Далее, в процессе сложения национальных государств, большое значение приобретает «государственная принадлежность» индивида, причем принадлежность к определенному государству может быть более значимой, чем принадлежность к какой-то этнической общности.

Таким образом, не отрицая значение этнического признака, следует обратиться к более тщательному изучению его реальной роли в изучаемых общностях. Мы должны уделить больше внимания проблемам исторической психологии, поднятым, например, «школой Анналов» или, на русском языке, в работах Гуревича, и исходить в своих построениях не из наших собственных стереотипов, а из представлений людей исследуемого времени.

Кроме того, следует отметить, что в задачу историка входит также и вычленение из всей совокупности изучаемых культурных феноменов и процессов тех, которые являются основными как для изучаемого общества, так для исторического процесса в целом. И вовсе не обязательно, что этнический признак будет относиться к числу исторически значимых во все рассматриваемые периоды времени.

Ю.М.Лесман

В.А.Булкин выступал от имени ленинградской школы и отрекомендовался как представитель СССР. Я тешу себя надеждой, что представляю Россию и Санкт-Петербург. Думаю, что эти различия отражают не только терминологические разночтения, но и некоторые принципиальные изменения, произошедшие в последнее десятилетие в подходе к изучению этногенеза славян.

Прежде всего необходимо определить, на какой вопрос мы ищем ответ, то есть определиться с пониманием этноса. Исходя из исследований этнографов (а решать здесь им), этносом является большая (т.е. выходящая за рамки межличностного общения) устойчивая межпоколенная, способная к автономному хозяйственному существованию совокупность людей, обладающих общими сравнительно стабильными чертами в культуре, в первую очередь самосознанием. Объем общих черт может редуцироваться до самосознания, последнее же включает в себя самоназвание, сознание своего единства и отличия от лиц и коллективов, не входящих в этнос, а также сознание своей общей исторической судьбы. В первую очередь из этого следует, что в условиях лесной зоны с островной системой расселения этносы вплоть до эпохи предгосударственных потестарных образований вообще не могли существовать устойчиво, так как территория не была достаточно проницаема информационно, чтобы коллективы, живущие внутри некоторой культурной общности, знали о представителях иных общностей. Таким образом, собственно лесная зона исключается из перспективных с точки зрения поиска прародины славян. Устойчивых этносов здесь не существовало ни в неолите, ни в эпоху бронзы, ни, скорее всего, на протяжении большей части раннего железного века, а во многих местах и вплоть до рубежа средневековья.

С другой стороны, этногенез — это не перманентный процесс, а именно рождение этнической общности, причем этногенез может не совпадать ни с глоттогенезом, ни с культурогенезом (точно так же как этническая история не совпадает с историей политической, с историей языка или культуры). Соответственно, этногенез напрямую не выводится ни из языковых процессов, ни из культурных, и уж тем более из археологических культур. Но это не означает, что реконструкция этногенеза невозможна. Просто бесперспективными представляются как попытки прямой проекции глоттогенеза на этногенез, что предлагалось В.А.Булкиным, так и ретроспективный метод, широко применяемый, в частности, В.В.Седовым. Необходима разработка моделей этнических процессов, в частности, моделей этногенеза. О модели этногенеза для лесной зоны на примерах этногенеза славян и русских мне несколько раз приходилось писать (1989, 1993). Поэтому сейчас не буду говорить о ней подробно. Отмечу лишь, что как условия этногенеза, так и сам его процесс как правило находят свое отражение и в материальной, и в духовной культуре, и в языке, и в изменениях антропологического облика, что

позволяет вывить те периоды в истории, когда этногенез был не возможен или даже весьма вероятен. Причем этногенез — это тот этап этнической истории, который у нас больше всего шансов уловить в материале, в частности, в археологическом материале. Остальные этапы этнической истории улавливаются намного труднее. Так, трудно, а подчас и невозможно опознать в археологическом материале древнюю этническую общность, если у нас нет прямых письменных свидетельств.

А.М.Обломский

В ответ на выступление коллеги Ю.М.Лесмана хочется подчеркнуть, что по некоторым признакам археологи могут делать выводы о наличии этнического самосознания у населения археологической общности. Один из таких признаков — форма контактов соседних культурно-типологических групп памятников (локальных вариантов, археологических культур и т.п.). Некоторые из них имеют довольно жесткие границы, другие — размытые очертания; различна также степень взаимного влияния. Все это свидетельствует о разных формах отношений оставившего группу памятников населения с соседями: от обособления до отсутствия барьеров для смешивания. Изучение форм контактов археологических общностей определенного региона во времени дает возможность воссоздания картины этнических процессов. Разумеется, эти наблюдения будут построены на косвенных признаках, но большая часть информации, используемой в трудах по этногенезу не только археологами, но и лингвистами, и антропологами, и этнографами — также косвенная. Вряд ли кто-нибудь из информаторов (особенно из представителей первобытных племен) сумеет дать развернутые ответы о происхождении своего народа, его языка и о его истории, которые удовлетворили бы этнографа сразу, без соответствующей обработки.

Е.А.Шмидт *высказался против крайностей, прозвучавших в некоторых выступлениях. Этнический фактор играл большую роль в древности. Этническая идентификация является важным моментом изучения древних культур, а потому такие изыскания необходимы. В отношении исследовательской стратегии и последовательности процедур: именно наличный материал должен диктовать модели его интерпретации. Этнические процессы очень сложны и имеют много аспектов изучения, это необходимо помнить и при решении конкретных вопросов, и при рассмотрении методологии исследования.*

Н.В.Лопатин

На сегодняшнем круглом столе, а также на заседаниях секций по этногенезу обозначилось несколько проблем, к которым докладчики и выступавшие в прениях обращались неоднократно, что свидетельствует об их актуальности.

Одна из них — многокомпонентность культур и оценка роли от-

дельных субстратных компонентов в культуре. В частности, сделаны попытки выявить в культуре позднских длинных курганов элементы мощинской (И.В.Исаенкова) и днепро-двинской (Н.В.Лопатин) культур, что встретило заинтересованное обсуждение. Представляется, что нельзя недооценивать такие субстратные элементы, выявляемые первоначально на материалах одного-двух памятников. Следует иметь в виду, что памятники переходного характера вообще гораздо сложнее выявить и изучить, чем памятники времени стабильности культуры. Памятники переходного времени не только относительно малочисленны, но и могут не составлять серий, а отличаться друг от друга: одна разновидность переходной культуры набирает силу, другая угасает. Не может быть и прямой зависимости между количеством носителей того или иного культурного элемента и жизнеспособностью этого элемента в перспективе культурогенеза. Иными словами, значительные массы населения могут подвергаться культурной ассимиляции со стороны малочисленных, и результате чего археологическое наследие не отражает адекватно вклад того или иного этнического компонента в новую этно-социальную общность. В этом случае даже единичные археологические факты, представляющие наследие ассимилированных групп, должны быть для нас очень и очень ценными.

Другая актуальная проблема — соотношение этногенетических и историко-культурных исследований. Мне близки воззрения целого ряда выступавших, которые считают, что более важны не этнические определения археологических культур и небольших культурных групп, а изучение их взаимосвязей и роли в культурогенезе. Это не значит, что следует вообще отказаться от этнических исследований в археологии, однако в очень многих случаях выводы этнического характера оказываются необоснованными, поскольку опережают достаточно детальное изучение собственно культурогенеза. В этом плане весьма показательны выводы, прозвучавшие в сегодняшнем докладе Ю.В.Колосовского, который выделяет в северо-восточной Белоруссии группу памятников «типа Кисели-Вежки», соотносимую с колочинской культурой. К сходному выводу о распространении колочинской культуры далеко на север приходил и я при сравнении материалов городищ Демидовка и Колочин (см. статью в КСИА, вып. 195). Тем не менее, данная территория традиционно включается большинством исследователей в ареал «тушемлинской культуры», и на основании этих представлений уже выстросно немало этногенетических концепций.

Необходимо обратить внимание на одно исследовательское направление, которое незаслуженно остается мало задействованным исследователями этногенеза. Это технология древних производств, и в частности, гончарства. Прозвучавшие на конгрессе доклады Н.П.Салугиной и Н.Дубицкой показывают, что до сих пор глубокие исследования технологии гончарства славян и их соседей представлены лишь отдельными точками на карте Восточной Европы. Ситуация осложняется тем, что

представители разных школ изучения технологии не могут, а зачастую и не хотят находить «общий язык» для включения своих данных в единую систему. Только после того, как будут собраны представительные сопоставимые сведения о технологии керамического производства на больших территориях, они смогут стать полноценным, независимым источником по этногенезу славян. Нужно иметь в виду, однако, что изучение технологии гончарства не имеет ничего общего с «дежурными» фразами (о «добавках дресвы и песка», использовании «кольцевого налепа» и т.д.), присутствующими во многих археологических работах.

С.Л.Кузьмин

Хочется поделиться с коллегами следующими соображениями. При сопоставлении археологических материалов с другими источниками, прежде всего с письменными, важно учитывать соотношение явлений статичных и динамичных. Сопоставление данных античных и средневековых географических сочинений с выделяемыми археологическими культурами и культурными группами затруднено в силу традиционности, рутинности представлений их авторов об окружающем мире. По мере удаления от мест, хорошо известных древним авторам, ценность информации, ее достоверность снижается, стереотипы подменяют современную произведению реальность. Напротив, сочинения, содержащие описания политической истории, могут не находить соответствия в археологических источниках, так как войны и миграции ведут к резкой деформации культуры, порой к ее археологической неуловимости. Миграции и начальные фазы формирования новых общностей иногда трудно порой почти невозможно проследить по данным археологии. Иногда выявляемые хронологические хиатусы и разрывы в генетических цепочках культур пытаются искусственно «затянуть», произвольно оперируя нижними и верхними датами культур, памятников, комплексов. Поэтому, на мой взгляд, правильнее говорить о своеобразной нулевой фазе в формировании культур. В этот момент, когда происходит кардинальная трансформация культуры, возможно резкое сокращение археологической информации, следы древней жизни становятся слабо уловимы и могут выступать лишь в виде кладов, отдельных погребений, случайных находок и т.д. Объяснение этому видится в специфике жизни варварского общества, где огромную роль играла война, и миграции носили чаще всего характер военных походов. В этих условиях происходит резкое изменение характера культуры: горшки сменяются походными котлами, предметы мирного быта — оружием, исчезают стационарные поселения. Происходит деформация демографической структуры общества, соответственно, мужской и женской субкультур, утрата ряда трудовых навыков. Формы контактов аборигенов и мигрантов, физических носителей культурных традиций могут оказаться весьма многообразны, а становление новых целостных культурных явлений может занимать определенный период времени.

В.В.Седов

Этногенетические изыскания требуют прежде всего глубокого познания конкретных материалов. К сожалению, в археологической литературе все чаще и чаще встречаются построения и рассуждения по раннему этногенезу славян, являющиеся результатом не научного анализа огромнейшего археологического источникового фонда, а умозрений, оторванных от фактологических данных, или покоящихся на отдельных, порой случайно выхваченных материалах. При этом основная часть научных фактов, нередко противоречащих построениям, остается вне поля зрения авторов публикаций. Это замечание относится и к рассмотрению методологических вопросов славянского этногенеза. Разработка методики этногенетических исследований не может быть оторвана от конкретных данных археологии, лингвистики, этнологии и других наук. Умозренческие рассуждения, покоящиеся не на всей сумме данных, которыми располагает современная наука, на мой взгляд, очень мешают продвижению вперед, как в разработке методических вопросов, так и в решении важнейших вопросов ранней этнической истории славян. Плодотворные результаты могут быть достигнуты только в том случае, если теоретические построения будут следовать за конкретными материалами, вытекать из них. Проблема этногенеза славян, как и других европейских этносов, может успешно решаться только комплексно при использовании всей суммы данных археологии, языкознания, этнологии, антропологии и других наук.

К числу умозренческих, не считающихся с конкретными данными науки, принадлежат рассуждения по славянскому этногенезу Ю.М.Лесмана, прозвучавшие в его сегодняшнем выступлении и содержащиеся в некоторых его публикациях. Непонятно, как можно говорить о позднем возникновении славянского этноса (относя этот процесс к периоду великого переселения народов или началу средневековья), если анализ праславянского языка — одного из важнейших элементов каждого этноса — уводит исследователей в весьма отдаленную древность. Праславянский язык, как свидетельствуют новейшие лингвистические изыскания, прошел многовековой путь развития. Ныне можно считать доказанным, что славяне контактировали с германцами еще до распада общегерманского языкового единства (то есть до середины I тыс. до н.э.). К I тыс. до н.э. относятся и славяно-кельтские языковые взаимосвязи. Несомненны древние контакты славян и со скифским миром.

В настоящее время невозможно определить, к какому времени относится становление этнического самосознания славян. Этот процесс ошибочно отождествлять с первым упоминанием славян в исторических источниках. Науке известен ряд примеров серьезного расхождения во времени возникновения этнического самосознания и выхода на историческую арену того или иного этноса.

В.А.Булкин в своем выступлении говорил о необходимости на археологических материалах поискать вслед за О.Н.Трубачевым славян-

скую прародину в Среднем Подунавье. Однако это сделано было в докладе Б.Хроповского, прочитанном на первом пленарном заседании Конгресса, где получены отрицательные результаты. Но главное — другое: почему нужно выбирать работы О.Н.Трубачева, а не, например, труды А.Поповской-Таборской? Методика этногенетических исследований не должна допускать неоправданного выбора результатов изысканий одного исследователя. Археолог, работающий в области этногенеза, должен знать все, что накоплено в настоящее время лингвистикой.

В археологической литературе нередки публикации с построениями о раннем этногенезе славян, носящие узко региональный характер. Предпринимаются попытки определить этнос какой-либо одной археологической культуры, не считаясь с соседними древностями. Я бы не отнес такие изыскания к числу серьезных. Для адекватной реконструкции процессов этнической истории необходимо рассмотрение серии археологических культур в каждую хронологическую эпоху, что является залогом полноты информации и надежности научных выводов.

Славянский этногенез на ранних стадиях был весьма сложным процессом, не изолированным от развития соседних этносов. Природных рубежей между ареалами славян и других европейских этносов не было, на протяжении веков имели место неоднократные вторжения или инфильтрации представителей одних этносов на территории других. Этническую историю славян поэтому невозможно познать без анализа этногенеза кельтов, германцев, скифо-сарматов, балтов и других европейских этноязыковых общностей.

Лингвистике, археологии, антропологии, этнологии и другим наукам, разрабатывающим проблемы этногенеза, свойственны собственные методы исследования. Этногенез — сложная комплексная проблематика, требующая участия многих наук, каждая из которых важна и играет определенную роль, необходимую для достижения цели. В археологии ведущее место должно принадлежать ретроспективному методу исследования. Существенно и то, чтобы этногенетические выводы археологов не были зависимы от данных других наук или навеяны ими. Следующий этап изучения этногенеза славян принадлежит уже особой науке — этногенезологии.

В.И.Козлов *напомнил, что каждая методика по-своему ограничена, а изучаемые археологами признаки способны отражать лишь какую-то из характеристик явлений древности. Он привел примеры характерных признаков морфологии керамики, обусловленных не этнической традицией, а технологическими требованиями.*

С.Табачинский *призвал обратить внимание на то, что в изучении этногенеза важную роль играет понятие археологической культуры. Возможны и иные подходы. Методологические изыскания в этой области должны опираться на лучшие достижения мировой науки.*

Дж.Янкович

Славяне в VI—VII вв. проживали на просторах между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Значит их было много и раньше, в V—VI вв. Необходимо выделить этот массив в кругу народов и археологических культур IV—V вв.

Особые славянские народы существовали уже в VI—VII вв. Об этом можно говорить на примере сербов. Город Гордосерба упоминается с конца VII в., а Серблия, город, называемый по имени сербов со времени Ираклия (610—641), по Константину Багрянородному находился около Солуни. Значит, были и другие славянские народы: чехи, моравы, хорваты, карантийцы и т.д. Масуди упоминает славянские народы VII—VIII вв.: валина, которые когда-то были сильнейшими среди славян, кроме того, дулебов, сербов, моравов, хорват и др.

Устойчивость традиций у славянских народов (например, у сербов и сейчас есть керамика, изготовленная как тысячелетие назад) должна иметь глубокие корни. Об этом свидетельствуют и культы предков у славян. Между тем, в эпоху военных катастроф материальная культура может меняться, например, во время гуннских или кельтских завоеваний. Но сохраняется преемственность необходимой практики в жилищах, способах приготовления пищи, погребальных обычаях. Задача археологов в том, чтобы изучить это в предстоящих исследованиях.

Е.А.Шмидт *подчеркнул важность изучения миграций и сложности их исследования на археологическом материале.*

С.Табачинский *остановился на том, что проблема смены культур не исчерпывается изучением миграций, их форм, последствий и еще раз призвал обратить внимание на необходимость теоретических разработок при изучении тех или других явлений.*

Дж. Янкович

Сложение славянского населения на Балканском полуострове показывают некоторые примеры на материалах Подунавья. Около византийских укреплений и городов есть славянские погребения по христианскому обряду, выделяемые по фибулам (Берое – Добрица, Корбово и, вероятно, Прахово у Неготина, Эдеса у Солуни в Греции, Круйе в Албании). На византийских крепостях вдоль Дуная есть и немного славянских керамических изделий (Хайдучка Воденица, Доньи Вилановец – Талиата, Донье Буторке, Гамзиград). Крещеное славянское население в византийских крепостях и городах трудно выделить археологически потому, что оно приняло византийскую культуру. По В.Бешевлиеву, среди крепостей, которые перечислены Прокопием для середины VI в., три имеют славянские названия (например, Миларека). Существовали села славян на территории Византии, на правом берегу Дуная, около византийских городов. Их жители сотрудничали с византийцами, хотя

покорились превосходству обров-авар. О славянских поселениях на территории Византии пишет и Феофилакт Симоката. В тоже самое время славяне насильно занимают византийские области Балкан. Эти примеры показывают, сколь сложен был процесс заселения Балкан.

Л.Д.Поболь *утверждал, что когда говорят о миграциях, археологи часто теряют простой здравый смысл. По его мнению, населению, которое было приспособлено к жизни в условиях Белоруссии, не было нужды куда-либо уходить.*

М.Парчевский *обратил внимание на примеры существования различных систем взаимосвязи групп населения. Один из примеров тому — т.н. «коммуникационные сообщества», в которые могли входить представители разных этносов Ограничивались такие сообщества искусственно или естественно; внутри них происходило постепенное возобладание одного компонента.*

С.Табачинский *высказался о большом значении реконструкции таких сообществ, их взаимосоотношении, возможных эквивалентах в области материальной культуры.*

Подводя итог работе «круглого стола», его председатель остановился на аспектах изучения славянского этногенеза, которые почти не прозвучали в выступлениях. Необходимо систематическое обращение к вопросам методологии, совместному теретическому осмыслению процесса этногенеза. Важным является обеспечение комплексности, полипрофессиональности решения проблемы. Особенно ощущается нехватка исследований в различных областях лингвистики, ведь язык — один из основных выразителей этнического единства. К вопросам славянского этногенеза следует подходить в контексте всей полноты проблематики и достижений в области этногенеза и древней истории индоевропейских народов. Наблюдения и идеи, прозвучавшие в выступлениях, показывают ряд перспектив и будут способствовать изучению процесса славянского этногенеза.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение культуры
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ»
№ 20 г.

Список сокращений

АН — Академия наук.
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ГАСО — Государственный архив Саратовской области.
ГИМ — Государственный Исторический музей. М.
Зборник — Зборник на Штипскиот Народен Музеј. Штип.
ИА — Институт археологии Российской Академии наук. М.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР.
КЗВМ — Книга записи вещей музея.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НИС — Новгородский исторический сборник.
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии (при Казанском университете).
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СОМК — Саратовский областной музей краеведения.
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия.
СЭ — Советская этнография. М.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
AJFA — American Journal of Physical Anthropology.
AF — Ausgrabungen und Funde. Berlin.
ANUBIH — Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo.
AR — Archeologické rozhledy. Praha.
AS — Archaeoslavica. Kraków.
EAZ — Etnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin.
MAA — Macedoniae acta archaeologica. Ckonje.
MGH — Monumenta Germania Historica.
Materiale — Materiale şi cercetări archeologice. Bucureşti.
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti.

Коротко об авторах

Бабик Бошко. Доктор — Babic Boško. Dr. Македонија. 97550. Прилеп, ул. Брака Бешироски, 4

Башенькин Александр Николаевич. Кандидат исторических наук. Вологодский государственный педагогический институт. Россия. 160600. Вологда, ул. Орлова, 6

Вергей Валентина Сергеевна. Кандидат исторических наук. Институт истории АН Белоруссии. Белоруссия. 220072. Минск, ул. Академическая, 1.

Гавритухин Игорь Олегович. Институт археологии РАН. Россия. 117036. Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Гончарова Наталья Николаевна. Кандидат исторических наук. Институт археологии РАН. Россия. 117036. Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Горгиевска Анница. Завод, музеј и галерија - Битола. Македонија. Битола.

Егорейченко Александр Андреевич. Кандидат исторических наук. Доцент. Белорусский государственный университет. Белоруссия. 220024. Минск, ул. Кижеватова, 80/2, кв. 134.

Исланова Инна Васильевна. Кандидат исторических наук. Институт археологии РАН. Россия. 117036. Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Кергополлев Сергей Юрьевич. Кандидат исторических наук. Российский институт культурного и природного наследия. Санкт-Петербургский филиал. Россия. 195220. Санкт-Петербург, п/я 115.

Козлов Владимир Иванович. Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры РАН. Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

Костючук Лариса Яковлевна. Профессор, доктор филологических наук. Псковский государственный педагогический институт. Россия. 180024. Псков, ул. Западная, 12, кв. 77.

Кравцевич Александр Константинович (Кравцевич А.К.). Кандидат исторических наук. Гродненский государственный университет. Белоруссия. 230023. Гродно, ул. М.Василька, 40, кв. 405.

Кузьмин Сергей Леонидович. Российский институт культурного и природного наследия. Санкт-Петербургский филиал. Россия. 195220. Санкт-Петербург, п/я 115.

Левко Ольга Николаевна. Кандидат исторических наук. Институт истории АН Белоруссии. Белоруссия. 220072. Минск, ул. Академическая, 1.

Лопатин Николай Владимирович. Институт археологии РАН. Россия. 117036. Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Лошенков Михаил Иванович (Лашанкоў М.І.). Кандидат исторических наук. Институт истории АН Белоруссии. Белоруссия. 220072. Минск, ул. Акалемическая, 1.

Макаров Николай Андреевич. Доктор исторических наук. Институт археологии РАН. Россия. 117026. Москва, ул. Дм.Ульянова, 19.

Матисева Галина Ивановна. Кандидат исторических наук. Доцент. Самарский государственный университет. Россия. 443011. Самара, ул. академика Павлова, 1.

Михайлова Елена Робертовна. Российский институт культурного и природного наследия. Санкт-Петербургский филиал. Россия. 195220. Санкт-Петербург, а/я 115.

Нелашковский Леонид Федорович. Казанский государственный университет. Россия. 420008. Казань, ул. Ленина, 18.

Пап Линија (Pap Livija) Музеј града Бачка Паланка. Југославија. 21400. Бачка Паланка, Жарка Зрењанина, 54, п.ф.

Покровская Любовь Владимировна. Московский государственный университет. Россия. 117234. Ленинские горы. Здание гуманитарных факультетов МГУ № 1.

Саливон Инесса Ивановна. Доктор биологических наук. Институт искусствознания, этнографии и фольклора АН Белоруссии. Белоруссия. 220015. Минск, ул. Я.Мавра, 56, кв. 54.

Седин Анатолий Алексеевич. Могилевский областной краеведческий музей. Белоруссия. 212030. Могилев, Советская площадь, 1.

Сташенков Дмитрий Алексеевич. Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В.Алабина Россия. 443041. Самара, ул. Ленинская, 142.

Трајковски Кирил. Музеј на Македонија археолошки, этнолошки и историски. Македонија. 91000. Скопје, Курчиска, бб.

Филюшкин Александр Ильич. Кандидат исторических наук. Воронежский государственный университет. Россия. 394036. Воронеж, ул. К.Маркса, 76, кв. 48.

Хреков Анатолий Анатольевич. Балашовский краеведческий музей. Россия. 412340. Балашов, Саратовской обл., парк имени Куйбышева, музей.

Цыбин Михаил Владимирович. Кандидат исторических наук. Воронежский государственный университет. Россия. 394000. Воронеж, Университетская площадь, 1.

Шмидт Евгений Альфредович. Профессор. Доктор исторических наук. Смоленский государственный педагогический институт. Россия. 214000. Смоленск, ул. Докучаева, 8, кв. 25.

Штыхов Георгий Васильевич. Профессор. Доктор исторических наук. Институт истории АН Белоруссии. Белоруссия. 220072. Минск, ул. Академическая, 1.

Јанковић Ђорђе. Доктор, Доцент. Београдски университет. Југославија. Београд, ул. Чика Лоубина, 18/24.

Koutil Pavel. Ph.Dr. Archeologický ústav v Brne Akademie věd Ceske republiky. Ceska republika. CZ 61200. Brno, Královopolská, 147.

Lübke Christian. Doz. Dr. Geisteswissenschaftliches Zentrum. Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas. Deutschland. D 04177. Leipzig, Luppenstr. 1b.

Mańczak Witold. Prof. Dr.Habil. Polska. 30076. Kraków, Zakątek, 13/59.

Müller-Wille Michael. Prof. Dr. Institut für Ur- und Frühgeschichte. Christian-Albrechts-Universität. Deutschland. D-24098. Kiel.

Pantelić Stjepan. «Croatja Antiqua». Altkroatischer Verein. Deutschland. D-55116. Mainz, Kaiserstrasse, 18.

Štefanovičova Tatiana. Prof. Dr. Univerzity Komenskeho. Filozoficka Fakulta. Slovakija. 81801. Bratislava, Gondova ul., 2, P.O.Box 1.

Tabaczyński Stanisław. Prof. Dr. Institut archeologii i etnologii PAN. Polska. 00-140. Warszawa, al. Solidarności, 105.

Teodor Dan Gh. Prof. Dr. Institutul de Arheologie Academia Romana - Filiala Iaşi. Romania. 6600. Iaşi, str. Lascăr Catargi, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Boško Babić. Sloveni severno i zapadno od Dunava — njihova penetracija i naseobinska stabilizacija na Balkanskim prostorima u svetlosti arheoloških i pisanih istorijskih izvora u periodu VI—IX veka 7
А.Н.Башенькин. Славяне на востоке Новгородской земли. V—IX вв. 21
В.С.Вергей. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья 28
И.О.Гавритухин. Хронология пражской культуры 39
Н.Н.Гончарова. Население Новгородской земли по данным антропологии 53
Аница Ѓоргиевска. Аваро-словенски моменти во Heraclea Lyncestis 64
А.А.Егорейченко. Поздний этап культуры штрихованной керамики 73
И.В.Исланова. Древности V—VIII вв. бассейна верхней Мсты 77
С.Ю.Каргопольцев. Северо-Запад Восточной Европы III—VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи) 88
Дискуссия 98
В.И.Козлов. Славяно-болгарская колонизация степного междуречья Дуная и Днестра в раннем средневековье 99
Л.Я.Костючук. Архаические явления в современной народной речи как свидетельства прошлого (на материале псковских говоров) 116
Павел Коуржил. Славянское заселение Чешской Силезии и Северной Моравии 122
А.К.Краўцэвіч. Балта-славянскія кантакты на Панямонні і ўтварэнне вялікага княства Літоўскага 129
Дискуссия 137
С.Л.Кузьмин, Е.Р.Михайлова. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси 138
М.І.Лашанкоў. Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі 147
О.Н.Левко. Население Днепро-Двинского междуречья в VI—XI вв. (этнический состав, социальная и территориальная структура) 156
Н.В.Лопатин. Днепро-двинская культура как компонент культуры длинных курганов 166
Christian Lübke. Zur Rolle von Fremden in den frühmittelalterlichen slavischen Gesellschaften 177
Н.А.Макаров. Округа средневекового Белоозера и некоторые общие проблемы происхождения и функций городов на севере Руси 185
Witold Mańczak. Przedhistoryczne migracje Słowian 198
Г.И.Матвеева. Некоторые итоги изучения именьковской культуры 206
Michael Müller-Wille. Untersuchungen zu slawischen Siedlungen in Ostholstein und Westmecklenburg 218

Л.Ф.Недашковский. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи 227
Stjepan Pantelić. Die neue Version der Migration der Kroaten, Duleben und Wolinjanen 242
Livija Pap. A contribution to the solution of some Slavic migrations in the early middle ages according to the miracles of Demetrius of Thessalonica 251
Л.В.Покровская. Зооморфные привески древнего Новгорода (X—XIV вв.) 261
И.И.Саливон. Этноисторические аспекты формирования физического типа белорусов 270
А.А.Седин. Никодимовское городище раннего средневековья в восточной Белоруссии 279
Д.А.Сташенков. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья 290
Dan Gh. Teodor. Éléments slaves des VIe—VIIIe siècles ap. J.C. au nord du bas Danube 298
Кирил Трайковски. Византийско-славянские отношения в Восточной Македонии 308
А.И.Филюшкин. Представление о славянском этногенезе у восточноевропейских средневековых авторов 315
А.А.Хреков. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) 325
М.В.Цыбин. Юго-Восток русских земель во второй половине XIII — XIV в. (к изучению этнокультурных процессов) 337
Е.А.Шмидт. Племена верховьев Днепра в IV—VII вв. н.э. 344
Tatiana Štefanovičová. Slavic settlement of Greece in the light of archaeological sources 352
Ђорђе Јанковић. Словенске особине насеља позноримског доба на југоистоку Панониje 362
Дискусија 375

Круглый стол «Становление славянских народностей» 376
Г.В.Штыхов. Древнерусская народность: реалии и миф 376
Дискуссия 386

Круглый стол «Методика этногенетических исследований» 391

Список сокращений 403
Коротко об авторах 404
Содержание 406

На обложке — Селище Ермошино I (Невельский район Псковской области).
Постройка 1 (к статье Н.В.Лопатина)

❋

Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 3

Научное издание

Ответственный редактор В.В.Седов
Набор: Т.Н.Бурмистрова, К.И.Игнатенко
Верстка: Н.В.Лопатин
Художники:
А.В.Голикова, Н.С.Сафронова, Е.И.Телишев
Оригинал-макет выполнен в ИА РАН
в программе Aldus PageMaker 5.0

Подписано к печати 13.05.1997
Формат 70S100 1/16. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 33,2. Уч.-изд.л. 32,1. Бум.л. 13,0.
Тираж 700 экз. Зак.

Издательство НПБО «Фонд археологии»
ЛР № 062652 от 26.05.1993

Типография «Христианского издательства»
117192, Москва, Мичуринский пр-т, 1

«Труды VI Международного конгресса славянской археологии»
издаются Институтом археологии РАН в пяти томах. В 1997 году вышли из печати:

Том 1. Проблемы славянской археологии
Том 2. Славянский средневековый город
Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян

Готовятся к печати:

Том 4. Общество, экономика, культура и искусство славян
Том 5. Археология и культура славян